

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

8

ЭНДРЮ НОРТОН

Поиск во времени

ЭНДРЮ НОРТОН

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ
ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК **8**

ЭНДРЮ НОРТОН

Операция "Поиск во времени"
Вторжение к далеким предкам
Пуна трех колес

РОМАНЫ
Перевод с английского

МОСКВА
РЕТЕКС LTD.
1993

Издание осуществлено по заказу
компании " Octo Group Inc"

Нортон Э.

Операция "Поиск во времени"; Вторжение к далеким предкам; Луна Трех Колец. Фантастические романы: Пер. с англ. Рис. М. РЕТЕКС LTD, 1992.- 465 стр.,ил. Клуб "Золотое перо": Любителям фантастики; Вып. 8

Очередной том серии "Золотое перо" представлен произведениями американской писательницы-фантаста Алисы Марии Нортон, пишущей под псевдонимами Эндрю (Андре) Нортон.

Творчество этой талантливой писательницы только в последнее время стало широко известно нашему читателю. В различных издательствах вышли замечательные книги А. Нортон: серия романов о Дейле Торсоне и дружном экипаже космического корабля "Королева Солнца"; первые две части многотомного сериала "Колдовской мир"; другие повести написанные как в жанре научной фантастики, так и "фэнтези".

Мы предлагаем вашему вниманию три до этого не издававшихся романа Нортон, созданных в жанре научной фантастики, и, тем не менее, близко примыкающих к "фэнтези". Во всех этих произведениях тоже присутствуют магия и волшебство, что создает необычайную гамму, сочетающую в себе как элементы науки, так и сказки.

ISBN 5-87486-003-7

© В.М. Мартов. Составление. Перевод с английского.
1992

© В. Катин. Оформление серии. 1992

© В.О. Романков. Рисунки. 1992

Операция "Поиск во времени"

Перевод с английского
Владимира Мартова

Редактор
В.И. Кузнецов

ГЛАВА 1

— Атлантида? Миф! — Человек у окна обернулся. — Не можете же вы всерьез... — уверенно начал он, но тут же осекся, потому что лицо собеседника осталось невозмутимым.

— Вы видели пленки первых трех заходов? Разве они похожи на плод чьего-то воображения? Вы же сами приняли все меры против подтасовок. А говорит — миф. — Спокойный седой мужчина откинулся в кресле. — Хотел бы я знать, что лежит в основе некоторых традиционных легенд. Ведь, к примеру, существование скандинавских саг, поначалу считавшихся фикцией, давно доказано материалами научных открытий. Хотя многое в нашем фольклоре искажено родовыми кланами, национальными разногласиями... Скажем, драконы. На нашей планете были времена, когда по ней ходили бронированные драконы...

— Но человечество их не помнит! — Харгрейв отошел от окна, положил руки на бедра и выставил вперед подбородок, как бы готовясь к сражению, пусть даже словесному.

— А вы никогда не задумывались, почему некоторые легенды упорно живут веками, рассказываются снова и снова? Дракон, пожирающий людей...

Харгрейв улыбнулся.

— Я часто слышал, что настоящему дракону больше нравилась диета из нежных девушек, пока какой-нибудь доблестный рыцарь копьем и мечем не заставлял его изменить своему пристрастию. Фордхейм засмеялся.

— Но драконы, несмотря на свои диетические привычки, твердо удерживались в фольклоре всего мира. И значит, их подобию некогда странствовали по Земле.

— Во времена, повторяю, предшествующие появлению нашего самого примитивного предка.

— В этом мы не можем быть уверены, — поправил Форд-хейм. — Я говорю о том, что определенные типы сказок очень устойчивы. Когда мы разрабатывали свой проект — и вы знаете тому причины — нам нужна была отправная точка. Атлантида? — одна из самых прочных наших легенд, которую мы так основательно унаследовали, что, думаю, вообще стали принимать за реальность...

— И все опирается на несколько фактов, которые использовал Платон, чтобы обосновать кое-какие аргументы...

— Но допустим, что Атлантида когда-то существовала, только не в этом мире...

— Где же? Взорвалась и оставила кратеры в пустыне?

— Как ни странно, действительно, по легенде атланты случайно взорвали себя... или что-то в этом роде. Только здесь, на этой планете. Вы слышали о теории альтернативной истории, по которой всякое научное заключение ведет к признанию двух альтернативных миров?

— Фантастика! — прервал Харгрейв.

— Думаете? Но все же допустим, что это факт и что на одной из этих альтернативных временных линий существует Атлантида, а на другой — драконы, которые по времени ненадолго застали возникшую человеческую расу.

— Даже если все было именно так, откуда нам знать об этом?

— Резонно. Возможно, нам недоступно проникновение в эти миры, потому что мы пребываем в плену авторитетных научных выводов. Однако предположим, что мы все-таки соприкасались с ними, и в этот период происходила своего рода утечка людей, возможно, возникали даже индивидуальные коридоры. Существуют вполне достоверные рассказы и о странных, необъяснимых исчезновениях людей из нашего мира, и о появлениях здесь при весьма загадочных обстоятельствах необычных индивидуумов. А легенда об Атлантиде настолько правдоподобна и так увлекла целые поколения, что мы решили использовать ее в качестве контрольного пункта.

— Каким образом?

— Мы вложили в Ибби все мало-мальски известное об этом явлении от сообщений геологов, исследующих глубины океана в поисках возможных гор затонувшего архипелага, до, так сказать, откровений служителей культа. А Ибби взамен выдал нам уравнение.

— Вы хотите сказать, что установили на Это поисковый луч?

— Именно так. И видели результаты на пленках, которые исходили из расчетов Ибби. Согласитесь, что они не имеют ничего общего с нашими временными и пространственными характеристиками.

— Пожалуй, да. И где это снималось?

— Отсюда прямо, по ландшафту, который вы видели. А сегодня мы пойдем на риск и попробуем провести десятиминутный эксперимент. Исходным пунктом будет курган.

— С ним все еще есть проблемы?

Фордхейм нахмурился.

— Появилась газетная статья о том, что мы хотим скрыть курган и построить дополнительную лабораторию. Этот Уилсон, поднявший шум, — извечный противник государственных программ, организовал крестовый поход под девизом “Спасите наш исторический холм”. Ему это нужно для того, чтобы постоянно публиковаться в городских газетах и опровергать проект. Еще в прошлом году он начал распространять слухи, будто мы заняты неким жутким экспериментом, который сотрет в порошок округ. Потом стал предупреждать еще о каких-то неприятностях, хотя прекрасно знал, что курган не таит в себе никаких опасностей. А все дело в том, что его “Спасите наш исторический холм” не столь остро возбуждает общественный интерес, как более привычное “Эти очкарики нас скоро угробят”. Но сейчас его компания уже идет на убыль. Тем не менее курган является удобной отправной точкой, потому что как ориентир он древнее, нежели что-либо другое, созданное человеком в этих краях.

— А что если вместо атлантов вы наткнетесь на строителей курганов?

— Ну что ж, тогда мы получим еще более ценный набор пленок для пропаганды проекта, хотя для реализации нашей идеи все же лучше те, что уже есть.

— Да, — согласился Харгрейв. — А если эта работа... если мы сможем пробиться Туда сами?

— О! Тогда мы завладеем такими природными богатствами, какие до сих пор никому не снились. Мы нырнем туда и захватим львиную долю этих сокровищ точно так же, как сейчас грабим любое другое место. Ну, пойдем посмотреть Атлантиду?

— Харгрейв засмеялся.

— Увидим — тогда и поверим. Это все же лучше, чем сто раз услышать. Кстати, дайте мне хорошую пленку, Я покажу ее в Вашингтоне и думаю, смогу приумножить приток ваших денежных средств. Ладно уж, показывайте вашу Атлантиду.

* * *

Стояла удивительно мягкая для начала декабря погода. Было раннее воскресное утро. Рей Осборн расстегнул ворот кожаной куртки.

В этот момент его накрыла тень индейского кургана. Уилсон был прав, когда советовал именно это время суток. Как он и обещал, в заборе оказался пролом, в который была видна только башенная часть секретного здания. Значит, если кто-то и стоит на посту, он не сможет увидеть Рея с этой стороны кургана.

Что они собираются строить, когда снесут курган бульдозерами? Что вообще будут делать люди, когда на земле не останется свободного места? Рей повернулся к кургану и начал готовить камеру для снимков, которые ему поручили сделать. Потом он нажал пальцем и...

Казалось, весь мир перевернулся, как будто Рей нажал на кнопку не камеры, а мощной ядерной установки. Его отшвырнуло назад, глаза ослепили яркие фиолетовые вспышки, голову пронзила нестерпимая боль.

Этот кошмар длился несколько мгновений — и вдруг все успокоилось. Рей протер слезящиеся глаза и, покачиваясь как пьяный, стал недоверчиво озираться кругом.

Неровная полоса расчистки почвы, стоящая поодаль землеройная машина, даже сам курган — все исчезло! Рей снова был в тени, но не кургана, как прежде, а какого-то гигантского дерева, и вокруг стояли такие же деревья.

Он протянул дрожащую руку и ощупал грубую кору — она была настоящей. Ему почему-то стало страшно. Не разбирая дороги, Рей побежал по этому чудовищному лесу. “Назад! — вдруг мелькнуло в затуманенном мозгу. — А куда — назад!”

Через какое-то время он вырвался из сумрака этого жуткого леса на поросшую травой равнину. Вдруг он споткнулся о торчащие из земли корни, упал и лежа стал мучительно втягивать воздух. Вскоре он почувствовал, что ему жарко, слишком жарко для зимы. Рей привстал на колени и осмотрелся.

Впереди была равнина, позади — лес. Ничего этого здесь прежде не было. Где... где он? Рей сел и заставил себя успокоиться. Значит, так. Он Рей Осборн. Он собирался воскресным утром оказать любезность Лео Уилсон — сделать несколько снимков кургана для статьи, которую тот писал. Снимки... В руках у него ничего не было. Где камера? Видимо, он уронил ее, когда это случилось. А что случилось?

Взяв голову в ладони, Рей попытался без паники, логично все обдумать. Но как можно логично думать о таком? Ведь только что он был в обычной, знакомой ему среде, а теперь — здесь. И где это — ЗДЕСЬ?

Рей медленно поднялся и сунул дрожащие руки в карманы. Идти назад? Он посмотрел на мрачную дремучесть леса, и сердце его забило в тревоге. Рей понял, что не может идти

туда снова, по крайней мере сейчас. По какой-то причине эта открытая местность показалась ему менее враждебной, поэтому он пошел вперед.

Вскоре равнина оборвалась. Внизу Рей увидел узкую лошину, по которой бежал ручей, а вокруг него рос высокий кустарник, тянувшийся почти вертикально склону. Рей нашел тропу и уже начал спускаться вниз, как вдруг в зарослях раздался треск, и на тропу выскочило какое-то животное с оленьими рогами. Оно явно спасалось от погони и пыталось забраться наверх, его острые копыта яростно били по стенке оврага, швыряя вниз землю и камни. Но подняться было почти невозможно — очевидно, поняв это, животное вскинуло голову и повернулось к своим преследователям.

Чтобы не сорваться, Рей вцепился в траву у края обрыва. Теперь животное находилось прямо под ним. Оно стояло, опустив голову и тяжело дыша. Своим огромным ростом и могучими шестифутовыми рогами животное было под стать деревьям в лесу. Подобного Рею видеть не доводилось. Он призадумался. Может быть, это лось? Но лоси не обитали в естественных условиях в Южном Огайо.

Вдруг из кустарника выскочили косматые звери, похожие на волков или собак. Первый из них, избежав встречи с рогами, вцепился в переднюю ногу лося, явно не ожидавшего такого коварства. Остальные стремительно нападали и тут же отскакивали, прежде чем лось успевал защититься.

От созерцания этого боя Рея оторвал крик. Один из зверей мгновенно прекратил атаку и ответил резким лаем. Тут же появились двуногие существа, по виду мужчины. Рей не заметил у них ничего, похожего на оружие, только у одного был короткий металлический стержень. Он нацелил его на горло лося, и из конца стержня брызнул красный луч. Лось с мычанием встал на дыбы и грохнулся оземь, подмяв под себя одну из собак. Остальные кинулись рвать еще вздрагивающее тело, но мужчины, по-видимому охотники отогнали их.

Мужчин было трое. Один из них вытащил из ножен кинжал и начал разделывать тушу лося, другой занялся креплением поводков к металлическим ошейникам собак, а третий стал приводить в порядок свое оружие.

Все трое были среднего роста, но широкие плечи и массивные руки делали их приземистыми и похожими на карликов. Грубые черные волосы, смазанные жиром, свисали до плеч и были перехвачены ремешками. Цвет их кожи можно было назвать оливковым, если бы он не отливал медью. Довершали внешность темные глаза, толстогубые рты, крепкие желтые зубы и крючковатые носы.

Одежда этих мужчин отличалась большой затейливостью. Их сероватые туники из кожи, выдубленной до гибкости ткани, доходили почти до колен, поверх них были натянуты жилсты, отделанные металлом, на широких поясах висели кинжалы в ножнах. На ногах они носили высокие сапоги на толстой подошве, а голые руки украшали браслеты, усеянные тусклыми камнями.

Рей тоскливо сжался, не пытаясь более осмыслить увиденное. Может это сон? Ну конечно же, сон. Вот сейчас он проснется...

Вдруг одна из собак обнаружила Рея. Очевидно, непонятный запах достиг ее ноздрей, и теперь она уставилась на него своими красными глазами. В следующее мгновение она с рычанием натянула поводок, но плетенный ремешок сдержал ее порыв. Она тут же повторила рывок, ремешок не выдержал и лопнул. Растерявшийся Рей оказался беззащитен, однако эта тварь, как и прежде лось, не могла взбсжать по стенке оврага. Один из охотников с криком указал на него. Другой — похоже, главный среди них, — выхватил свое непонятное оружие и навел на Рея. Рей повернулся и хотел бсжать, но неожиданно для него это оказалось бесполезной затеей. У Рея возникло ощущение, что его заморозили. Ноги отказали напрочь.

Обессиленный, неспособный шевельнуть даже пальцем, он покорно ждал приближения врагов. Те же с помощью своего удивительного стержня выжгли ступени в стенке оврага и взобрались на верх.

Они подошли вплотную к Рею. Их лица были странно неподвижны, с застывшим выражением угрозы. “Маски, — отметил про себя Рей, — довольно злые маски”. С леденящим до тошноты ужасом он понял что перед ним не люди, а нечто другое, выходящее за рамки его представлений о мире.

Тем временем они обступили Рея и стали его разглядывать. Затянувшееся молчание нарушил главный, спросив Рея о чем-то на непонятном гортанном языке. Тот не ответил, и тогда грубая челюсть мужчины угрожающе выступила вперед. Все же он снова задал вопрос, на этот раз звучание его речи было мурлыкающим, почти певучим. — Другой язык, — догадался Рей, но ничего не сказал. Его долгое немотство, похоже, стало озадачивать охотников.

Наконец, главный что-то резко приказал. Один из его спутников снял с пояса кожаный ремешок, шагнул к Рею, взял его за ослабевшие запястья и крепко связал их. От прикосновения рук охотника Рея передернуло, но он безропотно подчинился, поскольку все еще пребывал под воздействием странного “выстрела”.

Когда Рея связали, главный поднял свой стержень. Никакого луча из него не появилось, однако Рей сразу почувствовал, что его разморозили. Не оборачиваясь, владелец этого оружия пошел вперед. Охотник, связавший Рея, слегка хлопнул своего пленника по плечам, как бы призывая идти следом. Отвержение Рея перешло в ярость, причем не только по отношению к этому охотнику, но и вообще ко всей этой истории, в которую он влип. Он не знал, где он и что с ним, но в нем закипало сильное желание все выяснить и, если понадобится, воздать за это сторицей. Ярость вернула ему силу, а с ней надежду на спасение.

Они продвинулись по краю лощины примерно на полмили и оказались около других ступенек в стене. Связанному Рею было трудно спускаться стоя, но сползать он посчитал для себя унижительным. Охотник нанес ему легкий удар плоскостью кинжала, поощряя к движению, но на четвертой ступеньке Рей все же потерял свое шаткое равновесие. Он упал, съехав вниз в облаке пыли и мелких камешкови завершил свой путь, врезавшись в ствол молодого деревца, при этом его ободранное лицо оказалось ниже длинных ног.

— Конечно, — угрюмо подумал Рей, — если все это был сон, такой удар наверняка разбудил бы меня. — Теперь у него появилась тупая боль в черепе. Вконец обессиленный, он лежал, ожидая своих “обидчиков”.

Они спустились не спеша. Один подошел к Рею и дал ему хорошего пинка. Поскольку этот знак внимания не произвел должного эффекта, охотники силой поставили Рея на ноги. Резким толчком, от которого он снова чуть не свалился, его послали вперед.

Рей измучился. Его ободранное при падении лицо кровоточило, притягивая насекомых. Не в силах отогнать их он часто дергал головой, от чего его тошнило.

Наконец, вся группа дошла до мертвого лося. Здесь, привязав Рея к дереву, охотники продолжили работу. Они разрубили мясо и, дав немного собакам, завернули его в зеленую кожу. Затем один из них зацепив внутренности лося, поволок их по земле, оставляя кровавый след. Отойдя на небольшое расстояние, он нашел в склоне черное отверстие. Взяв в руки прутик, он сунул его в дыру, повертел там и резко отскочил — из дыры хлынуло целое море крупных муравьев. Тем временем другие охотники отвязали Рея и, взяв мясо, пошли вниз по ручью. Рей оглянулся. Останки лося были напрочь похоронены под черным муравьиным одеялом.

Позднее Рей прикинул, что шли они приблизительно час, прежде чем лощина расширилась до размеров настоящей доли-

ны. Кустарник, остро царапавший незащищенные места на теле Рея и руках охотников, сменился лесной чащей, в которой изредка встречались полянки с высокой, по пояс, травой.

Страдания Рея возрастали с каждым шагом. Его исцарапанное, искусанное лицо распухло так, что глаз почти не было видно. От черепа боль распространилась по плечам и спине. Связанные руки онемели. Но как ни удивительно, его даже радовали эти муки: они отвлекали от раздумий и страха. Рей окончательно убедился, что все происшедшее с ним — не сон.

Неожиданно долина распахнулась, а ручей образовал довольно широкую дельту. Они очутились на берегу моря. Моря?

Острый соленый воздух вновь спутал мысли Рея. Море? Посреди континента? Он с тупым ужасом смотрел на бледный песчаный полукруг побережья. Здесь никак не может быть моря! Выходит, это не его родной мир! Кошмар увиденного своим масштабом смял сознание Рея.

Окрик с берега заставил охотников ускорить шаг. Подталкивая Рея с двух сторон, они приблизились к краю воды. У самого моря горел костер, в его тонкой дымке виднелись силуэты сидящих фигур. Некоторые из них поднялись и приветствовали охотников.

* * *

— Все еще продолжаете настаивать на мифе? — спросил Фордхейм, не отрывая лица от экрана.

Не получив ответа, он обернулся и заметил, что лицо Харгрейва изменилось. Угрюмо сдвинутые брови, решительный, даже злой взгляд говорили за то, что его сомнения были изрядно поколеблены увиденным.

— Все верно. Я уже видел нечто подобное на других пленках, например, деревья.

— Деревья? — быстро подхватил Фордхейм. — Вы когда-нибудь встречали такие деревья наяву?

— Нет, — нехотя признался Харгрейв.

Фордхейм не ослаблял нажима.

— Таких деревьев в этой части планеты, вероятно, нет уже несколько веков. Сохранились сведения о том, что первые поселенцы испытывали немалые трудности при расчистке почвы. Порой они тратили годы на то, чтобы уничтожить лишь небольшой участок девственного леса.

— Ладно, согласен, кое-чем вы располагаете. Тот кусок местности, который мы увидели через луч, вряд ли сейчас где-нибудь найдешь. Но чтобы считать это перемещением во

времена Атлантиды?.. Мне нужны более веские доказательства, прежде я что-либо предприму.

— С вами будут пленки. До сих пор я говорил об Атлантиде как о вероятности — я не обещал поднести ее на блюдечке. Будем считать, что просто вы видели доисторический или доколумбовский Огайо. У нас нет еще способа подтвердить или опровергнуть уравнение Ибби. Но признайте, что начало впечатляющее.

— Я хочу посмотреть фильм о том, за чем мы только что наблюдали, — задумчиво произнес Харгрейв. — Интересно, замечу ли я при прохождении луча точку перемены?

— Подождите немного, сейчас зарядим.

Харгрейв снова нахмурился.

— Ради этого? — сколько угодно. Мне надо знать, что я с собой везу. Наверняка придется отвечать на кучу вопросов.

— Вот. — Фордхейм сел у экрана. — Здесь — мы. Здесь — срез...

На экране мелькнула сырая земля под неласковым зимним солнцем, тень от бульдозера слева, подъем на склон кургана...

— Я-то видел перемену. Надеюсь, что в фильме это зафиксировано.

Фордхейм рассмеялся.

— Не думаете ли вы, что я занимаюсь гипнозом? Зачем мне это? А может, вы считаете меня психом, одержимым идеей фикс? Знаете, уж коли мы первыми так долго держали луч, то я вправе рассчитывать на более доверительные отношения.

Харгрейв уставился на экран.

— Когда вы сможете... — Он замаялся.

— Пройти линию сами? — догадался Фордхейм. — Но мы ничего не знаем о передвижении. Понадобится куда большая мощность...

— Это — увеличение лесных ресурсов, Харгрейв изучал ту часть гигантского леса, которую зафиксировал фильм. — Возможно, удастся добраться и до других природных богатств.

— Да, практически так и будет. Возникнет предположение, что мы знаем ключ ко входу в любое место, откуда можно перекачивать ресурсы сюда. А какой, вы думаете, будет реакция комиссии, когда вы сделаете на этом акцент в своем докладе?

— Они захотят удостовериться, что шансы составляют пятьдесят на пятьдесят. Как по-вашему, скоро вы сможете поставить реальный эксперимент?

— То есть послать кого-то? Не знаю. Мы работали целых два года, чтобы получить то, что вы сейчас видите.

Харгрейв улыбнулся.

— Давайте пленки. Я покажу их. Может, удастся выбить для вас хотя бы половину того, что вы просили.

— Щедро. Ну, хоть так. — Впрочем в реплике Фордхейма было больше удовлетворения, чем разочарования.

Они следили за движением ленты. Харгрейв напряженно смотрел на экран. Вот рубец среза, курган. Затем мерцание... деревья. Вдруг резкое восклицание Фордхейма перекрыло гудение аппарата.

— Стоун! — позвал он оператора. — Верните назад! Видите, как раз перед изменением.

— В чем... — Харгрейв оборвал возникшее было возражение как только взглянул на Фордхейма. Недавнее удовлетворение на лице партнера как рукой сняло.

В кадре снова показался срез земли у кургана.

— Слева от кургана... Вот здесь — смотрите!

То, что было мерцанием при обычной скорости прокрутки фильма, теперь превратилось в яркую вспышку. Затем появились деревья, а среди них — неясная, но явно человеческая фигура.

— Пошли! — Фордхейм бросился к двери с поразительной для его возраста и положения скоростью. Они буквально промчались через холл и небольшую лужайку перед домом. Фордхейм рванул дверцу стоявшего кара и втиснулся за руль. Харгрейв едва успел сесть рядом и захлопнуть дверцу, как они уже мчались по бетонной дорожке к выездным воротам.

Охранник еще издали увидел их и, видимо, что-то сообразив, заранее включил автоматику. Харгрейв с облегчением перевел дух: слава Богу, Фордхейм все-таки не врезался в ворота, а, пожалуй, мог бы.

К счастью, дорога за ограждением была пуста, поэтому они выскочили на нее не снижая скорости. Но тут, словно вспомнив что-то, Фордхейм замедлил ход кара и сразу свернул на вырубку, где, то буксуя, то подсакивая, они продолжили поездку.

Вскоре машина остановилась, Фордхейм первым выскочил из нее и побежал к кургану. Ответственность или возбуждение заставили его опередить Харгрейва поэтому, когда тот обогнул курган, то наткнулся на уже стоящего Фордхейма. Директор лаборатории растерянно держал фотокамеру. Но фигуры, которую они видели в фильме, не было и в помине.

— Он исчез, — констатировал Харгрейв очевидное.

Фордхейм поднял побледневшее лицо.

— Он исчез... да — вот отсюда... — Он оглянулся через плечо на то место, где в фильме были деревья. И Харгрейв вздрогнул, поняв вдруг, каким образом тот человек исчез в никуда.

— Где он? — Харгрейв с трудом сосредоточился.

— Возможно, в Атлантиде, — еле слышно ответил Фордхейм.

— Но... но вы же сказали, что тот лес принадлежит нашей планете, только он из древних эпох, — возразил Харгрейв.

— Ну, может, да, а может, нет. Вы видели лес в фильме, а вместо него теперь это, — Фордхейм потряс камерой. — Этот бедолага брел куда-то сам по себе и нечаянно попал в зону действия луча — получается, что мы его отправили Туда.

— Вы можете его вернуть? — спросил Харгрейв тоном, не терпящем возражений.

— Понадобится по крайней мере дня четыре, чтобы накопить энергию для пуска нового луча, потребуются сложные расчеты. Как вы думаете, почему для своего эксперимента мы выбрали именно этот день и час? Ведь это не кнопка дверного звонка. Здесь необходимо тщательно отработать код. Четыре дня...

— Фордхейм задумался. — А мы даже не знаем, как там идет время. К тому же этот человек не будет сидеть на месте, и пока мы готовимся, уйдет на много миль...

Харгрейв посмотрел на расчищенную почву.

— Но это надо сделать. И чем скорее мы начнем...

— Разумеется. — Но по тону Фордхейма было ясно, что эта задача почти невыполнима.

Харгрейв еще раз взглянул на лесную вырубку.

— Нет, это не Атлантида! — решительно сказал он.

* * *

Рей споткнулся и упал лицом в песок недалеко от костра, обложенного грубыми камнями. Он совершенно выбился из сил и был рад уже тому, что лежит. Рею не хотелось ни на кого обращать внимание, но его не оставили в покое.

Около его лица появились чьи-то кривые ноги в сапогах из жесткой кожи с клочками шерсти. Носок сапога подцепил Рея и перевернул его лицом вверх. Рей увидел человека в такой же кожанной, как у охотников, тунике и юбке из металлических пластин, лязгающих при движении. Его грудь, плечи и спина были защищены не металлическим жилетом, а сплошным панцирем. Левая рука от запястья до локтя была укрыта подобием металлического манжета, на правой сверкали два драгоценных браслета. Голова человека была непокрыта, и длинные пряди черных волос трепал ветер. На его локте висел щит с изображением крыльев летучей мыши, к поясу был при-

вязан меч. Он был заметно выше охотников и не такой смуглый, что выдавало его принадлежность к другой расе. Однако застывшее лицо казалось той же маской.

Видимо, он был командиром. Довольно долго он изучал Рея и вдруг лающим отрывистым звуком что-то приказал. Один из охотников развязал Рея и помог подняться. Теперь командир задавал вопросы, охотник же где словами, где жестами на них отвечал. Затем командир приступил к допросу пленника — он сделал широкий взмах рукой в сторону запада и произнес одно слово:

— Му?

Рей покачал головой. Командир, похоже, был встревожен таким ответом. Он нахмурился и указал на восток, произнеся другое слово, которое Рей плохо расслышал. Внезапно Рей понял: они хотят знать, откуда он. Он указал назад, где должен был возвышаться угрюмый утес. Реакция, которая последовала на его ответ, была неожиданной.

Командир сощурился, как кот, раздвинул в усмешке толстые губы, оголив при этом красноватые десна и желтые зубы, и разразился презрительным смехом. Он совершенно очевидно не доверял Рею.

Подумав, он заставил другого охотника повторить историю о пленении Рея. Рассказывая, тот указал на короткие волосы пленника и дернул грязной рукой его кожаную куртку.

Командир сделал знак Рею снять куртку. Охотник вывернул ее карманы и извлек оттуда носовой платок, записную книжку и запасную пленку. Вслед за курткой на песок полетела остальная одежда Рея, и вскоре он, совершенно голый, дрожал на ветру. Охотники продолжали обыскивать карманы, словно были уверены, что найдут какой-то важный предмет. Один из них вытащил перочинный нож, другой вертел в руках наручные часы, но после резкого окрика командира положил их назад. Командир встряхнул носовой платок Рея, сложил на него содержимое карманов и связал его в узелок.

Рей повернулся к своей одежде, но в этот момент командир сбил его с ног хлестким ударом тыльной стороны ладони. Охотники бросили ему кусок кожи, оказавшимся подобием юбки. Скрипя зубами от злости, Рей напялил ее на себя, хотя она никак не могла защитить его от холода и ветра. Интересно, — подумал он, — что случится, если я попытаюсь прыгнуть на командира?

Однако воображение не успело унести его далеко — командир вдруг вцепился стальными пальцами в его правую руку и оттянул ее назад. У Рея на бледной коже предплечья виднелся маленький синеватый кружок с расходящимися лучами — па-

мать о юношеской попытке сделать татуировку. Командир оскалился, осмотрел татуировку и презрительно плюнул.

— Му, — решительно сказал он.

Вскоре в этот мир пришла ночь. Очевидно, в дальнейшем Рея собирались как-то использовать, потому что сейчас дали порцию жареного лосиного мяса. Потом его руки и ноги снова связали, а когда он попытался от холода зарыться в песок, набросили на него кожаное покрывало.

Где он? Почему-то сейчас этот вопрос занимал его больше, чем раздумья о том, как он сюда попал. Исторический курган... деревья... Индейцы? Но даже если путешествие во времени возможно не только в фантастических романах, это не индейцы. И моря в Огайо нет, и... Рея снова охватила паника, вынуждая тихо стонать.

Ну, ладно, он не знает, где он и как сюда попал. Но важнее другое — эти охотники и что они собираются делать с ним. Усталый мозг Рея не выдерживал напряжения, и вскоре он в измождении уснул.

На заре Рея разбудил резкий крик птицы.

Он услышал, как в наспех сооруженной палатке фыркал и ворочался командир. Рей попытался сесть, но ремни жестко впились в тело. Ерзая пятками по песку, он немного откатился и уперся плечом в большой камень. Рей осторожно повернулся, и ему, наконец, удалось сесть.

Свет на востоке стал плотнее. Серая птица ныряла в волнах в поисках пищи. Часовой поднял голову, зевнул и шумно сплюнул в огонь, затем встал и со злой усмешкой взглянул на Рея. Чтобы проверить прочность ремней, которыми был связан Рей, он ударом сапога в бок заставил Рея скорчиться, а потом снова пихнул его к камню. Исполнив эту обязанность, он снова отошел к костру и расшевелил огонь.

Рей помотал головой. Засохшая кровь пополам с пылью коркой облепила лицо. В горле и в висках тяжело бился пульс.

Страшно хотелось освободить руки.

Командир вывалился из своей палатки и расстегнул пояс, державший его тунику. Сбросив одежды, он побежал в воду. Он шумно плескался в море, но вдруг закричал. Охотники вскочили на ноги и стали дружно показывать пальцами в открытое море, там, на сине-зеленом фоне возникла черная тень.

Командир быстро вернулся на берег, вытер тело, оделся и отдал несколько распоряжений. Все засуетились. Один из охотников развязал ноги Рея и помог ему встать. Вскоре подошел корабль. Он остановился в полумиле от берега, на его узких бортах появились весла — и вот он уже стремительно, как водяной жук, несясь по волнам. Подобных судов Рей никогда не

видел. У этого было отдаленное сходство с римскими галерами, но только вместо мачт и парусов на баке и корме возвышались крытые надстройки, служившие одновременно верхней палубой. Шкафут располагался ниже, в нем в открытых углублениях сидели гребцы. Острый нос судна был увенчан ярко расписанной головой какого-то зверя. На высоком шесте трепетал кроваво-красный флаг.

От корабля исходили мощь и угроза. Похоже, люди, захватившие Рея в плен, тщательно охраняли себя от любых неожиданных опасностей.

Судно встало на якорь. Тут же в воду был спущен длинный бот. Под ритмичные взмахи весел он приближался к берегу, где его ожидал, с узлами наготове, отряд охотников.

Командир разрезал ремень на запястьях Рея и многозначительно положил руку на рукоять меча, как бы давая понять, что для удобства пленник не должен быть связанным, но будет дураком, если попытается бежать.

Команду бота составляли шестеро матросов во главе с офицером. Подводя бот к берегу они громко переговаривались с охотниками. Командир вытолкнул Рея для всеобщего обозрения. Видимо, по здешним понятиям такой пленник был большой достопримечательностью — офицер с бота откровенно завидовал. Затем командир, указав рукой в сторону земли, о чем-то спросил, на что офицер ответил кивком. Взяв собак, трое охотников отправились в путь, а остальные пошли к боту. Рей неуклюже влез — тело еще болело от ремней — и его втолкнули между сиденьями. Бот пошел назад.

С борта корабля им спустили веревочную лестницу. Сначала поднялись двое охотников, затем лестницу дали Рею. Он осторожно взобрался, стараясь не раскачиваться и холодея при мысли, что может упасть в воду. Командир лез позади Рея, нетерпеливо его подталкивая.

Пленник свалился на шкафут, а командир вскинул руку, приветствуя высокого, худощавого мужчину в плаще. Собственно, на нем был не плащ, а длинная мантия цвета свежей крови, укрывавшая тело от шеи до пят.

Внешность этого человека напугала Рея. Округлый, почти лысый череп, клювообразный нос, выдающийся вперед подбородок — все это дополнялось тусклым, но в то же время испытующим взглядом черных глаз. Под этим взглядом Рей почувствовал себя так, словно по его телу проползло омерзительное, скользкое чудовище. Да, охотники и их командир отвратительны, — думал Рей, — но этот еще и совершенно не понятен. Он ощутил ужас и безотчетную необходимость встать перед этой красной мантией, а заодно и всем, что она олицетворяла.

— Итак... Муриец...

Рей вздрогнул. Он не мог знать этих слов, однако понял их смысл. Что это? Прямое "обращение" к его мозгу?

— Итак, муриец, ты, как и все ваши, восстаешь против Темного? Ничтожный адепт вымирающего племени, ты думаешь, что мы не сможем подчинить твою волю своей? Запомни: Бык может выскочить из пламени. Кто осмелится противиться его воле?

Рей замотал головой — но не в знак протеста, а чтобы избавиться от наваждения, таящегося в этих словах, и осмыслить то, что он уловил. Кто такой Темный? Кто такой муриец?

По лицу человека в красной мантии скользнула тень живого чувства.

— Не пытайся увильнуть от ответа своими маленькими хитростями. Ты прекрасно понимаешь, что тебе говорят. Отправляйся вниз к своему соплеменнику и научись там уважению.

Что это? Чтение мыслей? А может, все это продолжение какого-то дикого сна? Рей уже не сопротивлялся, когда три воина подхватили его и потащили вдоль судна. В дальнем углу палубы они распластали его по борту и прикрутили к нему железными скобами, вбитыми в обшивку.

Когда они ушли, Рей повернул голову и увидел, что в своем несчастье он не одинок. Еще один пленник тоже был прикован к борту, причем так близко от Рея, что их пальцы почти соприкасались. Этот человек бессильно висел в скобах, его голова упала на грудь так, что длинные волосы закрывали лицо. Но по своему облику он резко отличался от остальных членов экипажа: роста был выссокого, кожа не темнее, чем у Рея, а волосы имели рыжеватый оттенок. Его желтая туника свисала содного плеча длинными лохмотьями, которые придерживались на талии широким поясом, украшенным драгоценными камнями. На поясе висели пустые ножны — свидетельство того, что человек когда-то был вооружен мечом. Ноги были обуты в сапоги, такие же высокие, как у охотников, но значительно лучшей выделки.

Рею показалось, что пленник без сознания. Но поскольку у них была одна беда, Рей все-же попробовал привлечь его внимание. Он тихо свистнул, и ему ответил слабый, как вздох, тон. Рей повторил свист — и тогда незнакомец с огромным трудом повернул голову.

Лицо этого человека совершенством своих черт напоминало, как показалось Рею, греческую статую. Разве что у потомков аргонавтов скулы были не так широки, а веки не столь тяжслы. Пленник ошеломленно посмотрел на Рея, затем его

разбитые губы разжались. Он заговорил на мягком наречии, на котором однажды изъяснялись охотники. Когда Рей отрицательно покачал головой, человек явно испугался.

— Кто ты, не знающий языка матери-страны?

Опять "обращение" к мозгу! Но на этот раз Рей внутренне не противился такому контакту, потому что не ощутил насилия над своей волей.

— Рей. Рей Осборн... Пленник... — мысленно ответил он по-английски, но человек, казалось, понял его.

— Откуда ты? Вспоминай и думай медленно, чтобы я мог читать твою память, видеть твоими глазами.

Рей послушно вспомнил все свое приключение, от кургана до необыкновенного леса и встречи с охотниками. И снова его охватила паника. Что произошло? Где он? В какой мир попал?

— Значит, существует способ пройти насквозь. Но я не узнаю твоего времени.

— Моего времени? — переспросил Рей.

— Да, ты из далекого будущего... или из далекого прошлого. Накалям известно, что человек может так путешествовать, хотя те, кто пытался — не вернулись. С тобой это произошло случайно, и это очень странно, потому что только большие ученые занимаются такими вещами и делают это крайне осторожно, сотни раз все перепроверя.

Рей сглотнул. Незнакомец, похоже, совершенно спокойно принимает все это безумие за очевидность, поскольку знает, что так когда-то делалось. Пройти насквозь... Насквозь чего? Куда? Если бы он знал, куда — это была бы зацепка за поиск смысла. Рей задал первый попавшийся вопрос:

— Кто эти люди — на корабле?

Незнакомец охотно ответил:

— Мы пленники атлантов, детей Темного. Видишь их знак? — и он подбородком указал на красный флаг.

В Рее все запротестовало. Этого не может быть. Атлантида — всего лишь легенда об архипелаге, исчезнувшем в результате какой-то катастрофы задолго до цивилизации. А сам миф дал название океану, там, в родном мире Рея. Вот и все.

— Ты думаешь, что плен помутит мой разум? — спокойно спросил незнакомец. — Я говорю правду. Мы пленники сыновей Ваала, Темного Существа из Великого Мрака. И через пять дней наш корабль увидит утесы самой Красной Земли...

— Это не может быть правдой! — резко возразил Рей. — Атлантида — миф, греческий миф.

— Насчет греческого ничего не знаю, но Атлантида, уверяю тебя, реальна. Ты сам увидишь ее, когда мы войдем в док Пятистенного Города. Она так же реальна, как эти скобы,

выкованные ее кузнецами и теперь держащие нас, как ненависть этого сына Ваала, который командует капитаном судна, как удары, которые они наносят нашим телам. Красные Существа теперь правят ветром и волной Западного моря. Это позор для нас, детей Пламени. Атлантида взбесилась. Она считает себя такой сильной, что выступает теперь против всего мира.

— Бред какой-то...

— Почему ты отводишь свой мозг от истины? Ты бодрствуешь, ты живешь. Ведь ты чувствуешь, дышишь, видишь, как и я. Смирись с очевидностью — ты пришел из своего времени и мира в наш. Ученые говорят, что человек без подготовки не может совершить такое путешествие, вот поэтому, наверное, ты сейчас не можешь поверить правде.

— Я не смею, — прошептал Рей. Его губы пересохли, он дрожал, но отнюдь не от холодного ветра.

— Значит, ты из тех шестерок, которые не могут управлять ни своими мыслями, ни своими страхами? — с презрением спросил незнакомец.

— Безумие... это безумие... — однако презрение собеседника слегка разозлило Рея.

— Нет. Это случилось и с другими. Я же говорил тебе, что ученые сделали это...

— И никто не вернулся, — заметил Рей.

— Правильно. Однако, возможно, что они погибли случайно. Скажи, разве не правда, что ты еще жив? А пока человек жив, все возможно. Если бы мы добрались, до города Солнца, там тебе показали бы истинные пути времени. Разве люди твоего века настолько невежественны и не знают, что время — великая змея, она поворачивается и свивается кольцами так, что одно время почти касается другого? Тогда человек может, при случае, пройти сквозь временной виток. Хотя ушедшие на такие поиски и не вернулись, они все же увидели другие времена, пространства: например поля Гипербореи, которая отстоит от нас на тысячи лет назад и теперь стала только легендой. Не бойся, что это прошлое: смотри в будущее, потому что вокруг нас эти черные собаки Великого Мрака. А эта опасность хуже, чем любая, какой ты когда-нибудь подвергался.

— Теперь его слова в мозгу Рея были холодны и тверды. — Клянусь тебе в этом Пламенем!

Если Рей действительно прошел в другое время, тогда он совершенно одинок и полностью затерян. И Рей снова боролся с паникой.

— Они называли тебя мурийцем. Для тебя это лучше. Если

они поймут, что ты иной, тебя передадут жрецам Великого Мрака...

— Что такое муриец? — спросил Рей.

— Сын великой матери-страны, как я. Мое имя - Че. Люди моего двора — меченосцы самого Ре Му.

— Мать-страна? — Всему учиться и все запомнить. Исходить из того, что все это правда, и всякая новая информация, которую он, Рей, усвоит, может сослужить ему добрую службу.

— Страна далеко на западе, где, как говорят легенды, после гибели Гипербореи жизнь возникла снова из немногих семян. Му вернул землю к жизни, и с ее берегов пришли четыре человека по одному от разных народов: Му, майякс, уйгуров и атлантов. Ре Му правил миром до тех пор, пока эти типы из Атлантиды не полезли в запретные знания и не попали под Тень — или, может, пошли туда по своей воле! Их первый вождь Посейдон — был из Дома Солнца в матери-стране. Но впоследствии род его почти вымер, и народ выбрал себе правителя. Он был силен волей и желанием власти и свернул с тропы жизни, чтобы атаковать стену между Тенью и нашей Землей. Эта стена была создана Пламенем для защиты человека от всего того, что ползает в темноте по ту сторону. Он упивался властью, как пастухи в холмах упиваются странными грезами.

И он не пожелал снова встать, в Зале Ста Королей, чтобы получить слово Ре Му, а пошел своим путем...

Слушая, Рей забыл свой страх. Он цеплялся за возможность получить сведения о новом мире.

— Так началось правление Ваала, отца зла, ненависти, вожделения, всех тех мыслей и желаний, которые вредят человеку. Это началось тайно, под землей в пещерах, а затем более открыто. Это стало коррозией в рядах воинов, в народе, у моряков. Но в конце концов он был низложен, а Атлантида осталась одна.

— Здесь идет война?

Человек покачал головой.

— Пока нет. Мать-страна потеряла былую силу, щедро раздавая ее своим детям и теперь стала почти пустой раковиной. Своих лучших людей она направила на службу в колонии. Но теперь Посейдон, внук того первого дьяволопоклонника, готов разорвать покрывало мира. Он ведет себя вызывающе — и это причина, почему я здесь...

— Ты был захвачен в бою?

— Нет, я не имел такого удовольствия. Я был послан сюда, в Бесплодные Земли, найти какие-либо тайные форты или укрепления атлантов, где их корабли могут скрываться в промежутках между набегами. Мы были в разведке на берегу и

попали в засаду, устроенную пиратами. Узнав мой ранг, они не стали убивать меня, а продали Красной Мантии за три меча, выкованные челебийцем, и четыре изумруда. Это вероятно, больше, чем за меня дали бы на открытом рынке Сенпара проклятого, где Королева-Ведьма правит накипью всех наций. Это случилось сегодня на заре.

— Что они хотят сделать с тобой?

— Если я избежну алтаря Ваала, то буду гнить в их башне — так они рассчитывают. В течение одного месяца исчезло три наших корабля, и никто из их экипажа не спасся. Но если Пламя будет милостиво ко мне... — Он вдруг замолчал.

ГЛАВА 3

Кто-то спускался по трапу в гребной отсек. Рей услышал лязг брони и стук сапог. Два охотника несли блестящий, гладко вычищенный череп с рогами — лосиный, наверное. Они положили свой груз на палубу и ушли обратно. Но командир, шедший за ними, остался, чтобы покрыть череп материей. До Рея дошло поспешное мысленное сообщение мурийца:

— Будь наготове, друг! Если ты станешь свободен от пут, беги в угол палубы, в тень лестницы. Если я не смогу присоединиться к тебе, бросайся в море. Это будет куда лучше, чем всякие другие варианты на этом корабле.

Взгляд мурийца уставился на командира, и хотя атлант не поднимал глаз и вроде бы не знал, что на него так смотрят, он стал менее уверенным в движениях. Он споткнулся, а затем взглянул на пленников. Встретившись глазами с Че, атлант медленно выпрямился, действуя явно под принуждением.

Глаза мурийца держали его, и он шел к пленникам, медленно переставляя ноги. Остановившись перед Реем, он дернул железное кольцо, державшее его правое запястье. Освободив руки Рея, атлант опустил его на колено и снял ножные кольца. Все это он делал наощупь, не сводя глаз с Че. Рей был свободен. Он колебался не более секунды, прежде чем броситься в тень, как велел муриец. Там он оглянулся — атлант освобождал Че.

Вдруг командир резко выпрямился. Он помотал головой и неуверенно поднес руки ко лбу. Держась за поручни, Рей в смятении переминался с ноги на ногу. Было ясно, что сила, державшая атланта ослабела. Сумеет ли муриец снова сконцентрировать свою энергию и вернуть власть над атлантом? Кто знает...

Командир покачнулся, но тут же, обретя равновесие, уда-

рил кулаком по лицу мурийца. Вторым сильным ударом он рассек губы Че. Рей прыгнул, но не в море...

- Уходи! Стража...

Но Рей не слушал слов Че. Согнув руку в локте он сжал горло командира, оттащил его назад и резко ударил по шее. Когда атлант упал, Рей выхватил у него из-за пояса меч и опустил на голову врага.

— Уходи! — снова приказал Че.

Рей не ответил. Он оттянул кольца, державшие мурийца, и, пользуясь лезвием меча, как рычагом, открыл их.

— Быстро уходим!

Они побежали в угол палубы. Че дернул дверцу.

— Это помещение для огнемета!. Будем надеяться, что оно достаточно широко для нас. Полежай! Ты умеешь плавать?

— Нашел время спрашивать! Умею.

— Тогда давай. И постарайся как можно дольше оставаться под водой.

Рей прополз в узкий лаз, ободрав голые плечи, и оказался в воде. Руки и ноги его машинально задвигались.

Кровь стучала в голове Рея, он должен вздохнуть, должен! Резкая боль охватила ребра. И в тот момент, когда он решил, что уже не выплывет, его вытолкнуло на поверхность. Перед собой он сразу увидел мурийца и поплыл за ним. У Рея болели мышцы спины, морская соль обжигала исцарапанные плечи, он наглотался воды, его тошнило. Но он плыл, хотя гребки становились неровными. Где берег? Он ничего не видел, кроме плывущего в отдалении Че.

Рей упрямо продвигался вперед, держа голову над водой. Хорошо бы передохнуть! Под ребрами кололо, руки отяжелели.

Его колено больно ударилось о грубый предмет — камень. Под собой он увидел песок. Из последних сил Рей рванулся вперед, его подхватил прибой и вытащил на берег. Рей распластался на песке, мучительно кашляя и отплеываясь.

Вскоре он пришел в себя. Соль въевшаяся в многочисленные раны и царапины, вызывала зуд во всем теле. Рей кое-как приподнялся и осмотрелся.

Неподалеку лежал Че, положив голову на руки. Рей, слегка отряхнув налипший на тело песок, подполз к мурийцу и попытался его приподнять.

— Пойдем... нужно уйти отсюда, — прохрипел Рей. — Сейчас они направят сюда бот и снова хватят нас. — Он с трудом верил в удачу.

— Нет надобности. — Че поддался настойчивости Рея и сел, глядя на море. — Сыновья Ваала уходят.

Рей из-под руки посмотрел на ярко блестящую поверхность

воды. Судно удалялось. Казалось невероятным, что атланты не сделали попытки догнать сбежавших пленников.

— Почему?

— Потому что идет охотник.

Рей проследил за направлением пальца мурийца: далеко на горизонте показался силуэт другого корабля.

— Он из боевой эскадры. А эти стервятники избегают прямой схватки с таким. Видишь, они сменили курс.

Корабль атлантов резко свернул на восток. Если другое судно не изменит курса, пространство между ними будет увеличиваться.

— Мурийцы погонятся за ним?

— Нет. Начинать атаку запрещено. Мы можем защищаться, если они нападут первыми, но и только. Но атланты не могут быть уверены в этом и удирают от равного им по силе, как крысы при виде огня. — Че довольно засмеялся.

— Но почему здесь мурийский корабль?

— Он идет за нами.

— И как же они узнали о нас

Че развел руками.

— Как тебе объяснить? Разве в твоём времени люди не знают про элементарные силы воздействия? Как вы живете такими калекками?.. Я мысленно позвал своих людей, как только меня схватили. Они услышали и теперь идут.

— Мысленно позвал?

— Так же, как я говорю с тобой без слов. Кстати, тебе нужно выучить наш язык, потому что человек быстро устает, если все время пользуется внутренней силой для обычного разговора. А таким способом мы можем звать, тех, кто знает нас и ждет нашего возвращения. — Он вздохнул и спросил: — Почему ты не сделал, как я тебе велел, а остался, когда мой контроль над атлантом ослабел?

Рей вспыхнул:

— А что, по-твоему, я должен был сделать? Бросить тебя и бежать?

Че внимательно посмотрел на Рея, но ничего не сказал.

Вскоре он снова заговорил, но уже о другом:

— Видишь, жители Тени бегут со всех ног. Они не думают, что их будут преследовать, но все-равно удирают, как скотина от волков.

Хотя теперь судно атлантов шло не под веслами, оно тем не менее исчезало с поразительной быстротой. Мурийский корабль решил не мешать врагу и курса не изменил. Он шел к берегу — уже был виден его оранжевый флаг.

— Сейчас они сядут за весла, — пробормотал Че.

Из бортов показались алые лопасти весел — они упали в воду, и скорость судна замедлилась. Серебристый корабль величаво резал волны, хотя без мачты он показался Рею как бы недостроенным. На месте бывшей якорной стоянки атлантов с корабля спустили бот, который быстро понесся к берегу.

Последний мощный взмах весел — и вот уже два матроса оказались по пояс в воде и подтащили бот к берегу. Рей с любопытством смотрел на прибывших. Ясно, что эти высокие молодые люди не принадлежали к расе атлантов. У них была белая кожа, покрытая золотистым загаром, цвет длинных волос — от соломенного до огненно-рыжего.

На них были кожаные туники, у каждого висел меч. В браслетах сверкали драгоценные камни. Двигались они с такой легкостью и грацией, что Рей мысленно сравнил их с борцами дзюдо из своего мира.

Они восторженно, забыв про свою внешность, бросились к Че — их радости не было предела.

Поприветствовав всех, Че, глядя Рею прямо в глаза, протянул в сторону ладонь и что-то потребовал. Командир этой группы быстро вытащил свой меч и вложил в руку Че. Муриец вонзил острие меча в песок между собой и Реем, взял его правую руку в свою и, сжав ее, положил на рукоять.

Все еще пристально глядя на Рея, он запел, и люди, стоявшие позади него, подхватили песню. Затем офицер шагнул вперед с коротким кинжалом в руке. Он уколол запястья обоих мужчин, и тонкие струйки крови смешались на рукояти меча.

— Этим я удостоверяю, что ты отныне мой брат по мечу и товарищ по щиту, новый сын двора моей матери, одной крови с моим домом...

Слова клятвы ясно горели в мозгу Рея. Он познал минуту колебания, ибо ощутил, что принимая такое родство, он попадает в новое измерение. Но другая часть его мозга отрицала это сомнение и жадно льнула к тому, что могло обеспечить его безопасность в чужом мире. Ждали ли от него какой-либо благодарности? Он видел, что это был какой-то официальный ритуал, который обязывает к большей ответственности, чем Рей мог себе представить. Но он громко ответил: — Да. — и он знал, что Че все понял.

Рей снова оказался на корабельном боте. Но сейчас рядом с ним был Че. И он был не пленником... или был? В сущности, имел ли он выбор? С этими вопросами боролось чувство надежды, и оно не покидало Рея, пока они поднимались по веревочной лестнице на палубу, полную людей, приветствовавших мурийцев, и спускались вниз, в большую каюту. Лишь в каюте,

необычность которой сразу приковывала внимание, Рей отвлекся от своих мыслей.

По понятиям своего времени Рей мог бы назвать ее убранство варварским из-за слишком ярких тонов и чрезмерного использования дорогих украшений. Но этот стиль — а Рей как фотограф кое-что понимал в искусстве — не был восточным или каким-нибудь “туземным”.

Стены каюты были обшиты панелями из черного дерева, инкрустированными драгоценными камнями. В сочетании с эмалью эти камни изображали замысловатые рисунки, а между ними висели длинные портьеры из блестящих тканей. В дальнем углу каюты находился стол, тоже из черного дерева, с трех его сторон стояли длинные скамьи, а с четвертой — кресло с высокой спинкой. Каюту освещали два розовых шара в филигранной оправе, цепочки, на которых они висели, раскачивались от движения судна, так что свет, казалось, то убывал, то вновь усиливался.

Пока Рей осматривался, Че подошел к столу и плеснул из графина какой-то жидкости в бокал на высокой ножке. Одновременно он слушал молодого офицера, которого представил Рею как Хейна. Неожиданно мурiec уронил графин, и тот протестующе звякнул. Че обернулся к Рею.

— Нам сообщают, что Северное и Восточное моря закрыты. Это означает...

— Войну? — предположил Рей, про себя подумав, что в каком мире и в какое время ни живи, а войны, похоже, всегда неизбежны.

Че кивнул.

— Если того пожелает Ре Му. Но сейчас мы идем домой. — Он повернулся к Хейну и, видимо, задал еще какой-то вопрос.

Внезапно Рей ощутил сильную вибрацию каюты. Потеряв устойчивость, он оперся рукой о панель и стал прикидывать, как бы добраться до скамьи. В этот момент офицер сделал резкое движение: он взмахнул рукой, как бы отражая удар — при этом его рот скривился от боли. Затем, поклонившись Че, он вышел из каюты. Тот проводил его печальным взглядом.

— Ленор был его братом по мечу, и Ленор упал рядом со мной с кинжалом пирата в шее. С этого дня Хейна гложет печаль. Но этот долг не останется неоплаченным. Мы вспомним о нем, когда встанем рать против рати с последователями Ваала, и тогда посчитаемся. А теперь давай пить и есть, а потом спать, ибо человеку негоже быть уставшим и с пустым желудком.

Они выпили вина из тонких бокалов и поели из искусно сделанной посуды, хотя Рей больше интересовался ее содержанием. Насытившись, он поднял глаза на стену и увидел, что на

одной из панелей вместо декоративного узора была географическая карта. Рей напрягся. Его дыхание участилось, когда глаза пробежали по береговым линиям морей и океанов. Кое-что — очень, правда, немного — ему было знакомо. Но в основном расположение морей и континентов не соответствовало географии его времени. Миссисипи, Огайо, большая часть, северо-восточных и южных районов Северной Америки оказались, на карте под водой, в то время, как Аляска вплотную подходила к Сибири. Центральная часть Бразилии была окружена океаном. Взамен знакомых ему затонувших стран здесь значились два новых континента — на востоке и западе — так что карта, условно говоря, напоминала ромб с массивами суши в каждом углу. Однако ее изучение дало Рею более наглядный урок перемен, которые произошли с ним, чем что-либо другое за минувшие два дня.

— В чем дело? — Че поставил бокал и протянул руку. Рей не знал, что прочел мурiec на его лице, но шок на нем должно быть, отразился.

Да вот, карта!

Че оглянулся через плечо.

— Боюсь, она больше для украшения, чем практической пользы, — заметил он.

— Тогда... выходит, это не ваш мир? — Рей почувствовал некоторое облегчение.

— Наш, только на этой карте не обозначены пути кораблей. Но вообще-то она довольно точная. Смотри, — Че подошел к стене, — вот Бесплодные Земли. — Кончиком пальца он провел по оставшейся части Северной Долины Огайо. — Там можно встретить охотников или преступников, но настоящих поселений нет. Страна слишком сурова по физическим условиям, чтобы жить в ней, но удобна для тех, кто нуждается в диких местах для укрытия или научных исследований. Мы сейчас примерно здесь, в море. — Его палец опустилcя ниже. Мы идем на юг, чтобы пересечь Внутреннее море. — Палец быстро переместился к Бразилии. — Это Майякс, союзник матери-страны, сильный и богатый. Затем мы пойдем каналами в Западный океан, а оттуда в Му. — Он показал на большой участок суши на западе.

— А Атлантида на востоке, — сказал Рей скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Правильно. Значит, это сильно отличается от расположения земель в твоём времени, раз ты испугался, увидев карту? Почему испугался?

— Потому что, — Рей с трудом, подбирая слова, — трудно

поверить, чтобы человек, идущий по знакомой ему земле, вдруг оказался в совершенно чужом месте.

Все, что здесь обозначено как море, — он в свою очередь подошел к карте, — для меня земля. Густонаселенная, со многими процветающими городами. И вот здесь тоже суша. А здесь нет ни Атлантиды, ни Му — только океан и разбросанные острова.

Он услышал вздох Че.

— Какое долгое, какое громадное время разделяет наши миры, брат! Планета крайне редко и трудно меняет свой облик. Ты говорил, что в вашем мире Атлантида — легенда. Значит, ей придет конец? Или это говорится, о Му, матери-стране? — Есть рассказы об Атлантиде, предположительно легенды, не подтвержденные фактами. Говорят, она исчезла под водой по воле прилива и землетрясений, происшедших от злых дел ее народа. Этот океан у нас называется Атлантическим из-за устойчивой давней веры, что где-то под ним лежит Атлантида. А о Му я никогда не слышал.

— Что ты делал в своей северной стране? Ты был воином? Когда ты повалил атланта, ты воспользовался удивительным приемом, какого я никогда не видел.

— Какое-то время я был воином, потом случились семейные неприятности, и я нужен был дома...

— Нужен был дома... а теперь, когда ты не можешь вернуться домой?

Рей покачал головой.

— Эта нужда отпала. — Ему не хотелось думать об этом. — Я собирался вернуться в армию, когда это со мной случилось. По правительственному проекту были построены новые здания. — Он не знал, многое ли из этого поймет Че, но почувствовал необходимость высказать все это в словах. — Когда там начали расчищать местность, вышел спор из-за древнего индейского кургана. Люди возмущались, что его сравнивают с землей до того, как он будет по-настоящему исследован. Лео Уилсон, мой знакомый, пытался заставить строителей подождать. Он писал статьи насчет этого и хотел иметь несколько хороших фотографий кургана. Я обещал ему сделать их и как раз собирался снимать, когда вдруг оказался в лесу с такими огромными деревьями, каких я отроду не видел. Вот и все. И я так и не знаю, что случилось и почему.

Че выглядел растерянно.

— Фотографию индейского кургана, — медленно повторил он, как бы окончательно запутавшись.

— В нашем мире есть такая машина — камера, фотоаппарат, — объяснил Рей. — Им пользуются, чтобы сделать рисун-

ки предметов, это очень популярный способ для сохранения визуальных сведений. А индейцы — они были местными жителями того северного континента... Мой народ обнаружил их и завладел их землями, когда четыреста лет назад пришел с востока колонизировать континент. Какие-то ранние племена, исчезнувшие еще до появления первых поселений моих предков, построили большие земляные курганы. Эти курганы есть и сейчас, и мы их изучаем, чтобы побольше узнать о народе, который построил их.

— Если мир твоего времени такой старый, — медленно сказал Че, — там должны сохраняться следы многих, очень многих исчезнувших народов, о которых вы можете узнать.

— Да, во многих местах есть развалины и древние могилы давно забытых рас. О некоторых расах мы знаем только по отдельным камням, которые говорят нам, что когда-то человек что-то здесь строил. Но и только...

— Тебе нравились поиски давно ушедших?

Рей пожал плечами.

— Я не археолог, но такие исследования — нечто вроде охоты за сокровищами. Я много читал об этом. У меня была куча времени для этого, когда я вернулся домой.

Он снова отогнал болезненные воспоминания.

— Брат, я мог бы сказать тебе много слов, — сказал мურიец, печально глядя на него, — но слова не могут прогнать мысли, как бы хорошо они не произносились. Ты сейчас сражаешься на поле, где никто не сможет встать с тобой плечом к плечу, потому что эта битва только твоя. Но у каждого есть свое зло. — Он указал на карту. — Забудь об этом, если сможешь. И давай спать.

Рей последовал за ним в маленькую комнатку, где стояли две койки. Че стащил с себя рваную промокшую тунику.

— Отдыхай, пока можно. Никто не знает, что принесет с собой утро.

Рей без большого желания забрался в теплое ложе из мягких покрывал. Он закрыл глаза, но больше сна его одолевали мысли.

* * *

— Ну, что нового? — Харгрейв тяжело опустился на стул. Он медленно моргал, словно силился держать глаза открытыми, сфокусировав их на очень удаленном предмете.

— Теперь мы знаем, кто этот человек. Его зовут Рей Осборн. Уилсон послал его сделать несколько снимков кургана. Он знакомый Уилсона и работает фотографом в местной газете.

— Газета! — взорвался Харгрейв. — Не хватало нам только, чтобы в это дело впуталась газета! Нам это нужно, как атомная

бомба! — Он вытащил сигаретную пачку и зло отшвырнул ее, обнаружив, что она пуста. — Полагаю, что исчезновение Осборна уже раскалило весь телеграф с востока до запада.

— Нет еще. Нам чуточку повезло. Осборн должен был принести фото только утром. Я сообщил Уилсону, что мы их конфисковали, а Осборн находится под арестом за нарушение наших территориальных прав, — ответил Фордхейм.

— О, господи, зачем? Это принесет нам кучу неприятностей, поднимется вопль насчет дискриминации прессы.

Директор покачал головой.

— Нет, все смирились с мыслью, что это секретная зона. Мы скажем, что Уилсон послал сюда Осборна, зная, что это закрытая территория — что он пытался подсматривать. Это даст нам время, так как Уилсон предупреждался раньше насчет подрыва безопасности. К счастью, Осборн одинок.

— Подумаешь — одинок! Уилсон примется за его родню, расшевелит ее, и какой-нибудь юрист явится с гнусными претензиями.

— Нет, он совсем одинокий. — Фордхейм взял со стола лист бумаги и начал читать:

“Рей Осборн, сын Ленгли и Джанет Осборн, из старинной семьи жившей здесь, в долине, но теперь нет никаких родственников, кроме дальних кузенов. Родился в 1960 году. Год учился в колледже, затем завербовался в армию. Служил шесть месяцев. Специалист по рукопашному бою и разведке, интересовался фотографией. Десять месяцев назад родители попали в автомобильную катастрофу. Отец погиб, мать тяжело пострадала. Красный Крест выхлопотал ему увольнение, так как за матерью здесь некому было присматривать. Он вернулся, взял работу на неполный рабочий день и ухаживал за матерью-инвалидом. Месяц назад она умерла. Он говорил издателю газеты, что намерен вернуться в армию. Близких друзей не имел, армейская служба и болезнь матери прервали большую часть его прежних знакомств. Парень спокойный, много читал, бродил по окрестностям, делал снимки, кое-какие из них продавал. Ни с кем не ссорился, относились к нему хорошо, но сильной привязанности, равно как и неприязни к нему в городке не питали.

Харгрейв выпрямился.

— Ну, если уж мы послали человека невесть куда, нам повезло, что им оказался Осборн. Ни семьи, ни друзей, чтобы поднять шум. Я вот думаю... — Он уставился на стену, явно ее не замечая.

— Да? — поторопил его Фордхейм после долгой паузы.

— Вы сказали, что он говорил людям о намерении снова

вернуться в армию. Я думаю, можно устроить так, как будто он уже сделал это. Документы подберем и значит сможем всю эту историю положить под сукно, пока не вытащим его обратно. Он нам чертовски нужен. С тем, что он расскажет, Осборн представляет собой ценность большую, нежели двенадцать космических платформ и одна лунная станция. Мы вытащим его и выжмем до последней капли все, что он вынесет оттуда.

— Если сможем. ..

— Должны. Это приказ. Не огорчайтесь: нам пришлют любого человека, любой материал, какой понадобится для этой работы. Мы должны его вернуть. Понимаете ли вы, что мы теперь на подступах к неизведанному? И это будет принадлежать только нам!

— А если он умер?

— Тогда нужно любым способом вернуть его тело.

— Мы, вероятно, скоро сможем снова направить луч. Но он охватит очень ограниченный район. Что, если Осборн ушел за многие мили? Нет никакой возможности выследить его...

Харгрейв ослабил узел галстука, так что тот повис петлей на его мятой рубашке.

— Кое-кто работает теперь в этом направлении, но другим методом. Вы открываете дверь в другое измерение, а они, может быть, сообразят, как найти человека в том времени. Но тут очень пригодилась бы помощь Госпожи Удачи!

ГЛАВА 4

Снились деревья, бег по заросшей мхом земле между их громадными стволами... Его преследовали, но он не разобрал кто... Рей проснулся. За узким иллюминатором стояла ночь. Вторая койка была пуста, его товарищ ушел. На этот раз, проснувшись, он уже не спросил себя, где он, словно в этом тревожном сне заключался факт признания Реем новых окружающих его реалий. Теперь все это было для него таким же настоящим, как, например, койка, на которой он спал.

Рей потянулся к юбке, которую сбросил с себя вечером, но обнаружил другую одежду. Путаясь в непонятных пряжках и застежках, он оделся, обул на ноги легкие сандалии и неумело застегнул ремешки. Затем Рей вошел в большую каюту.

С наступлением темноты шары в ней светились ярче. Никого не было. Выйти на палубу или подождать? Раздумывая, он случайно взглянул на себя в зеркало.

На него смотрел какой-то человек, тощий, с покрасневшей от солнца кожей и жесткими черными волосами. Светло-серая

туника облегла тело, которое, несмотря на худобу, казалось крепким. На плечах блестели серебряные пряжки, густо усыпанные зелеными камешками, талию перехватывал пояс с узором из таких же камешков. Рей вдруг оробел, потому что в зеркале отражался не он, Рей Осборн. Состояние спокойной уверенности, с которым он проснулся, стало быстро улетучиваться. Рей отвернулся от зеркала, и в этот момент в каюту кто-то вошел.

Рей вытаращил глаза. Конечно, это был Че, но только уже не прежний пленник в лохмотьях. Его тело облегла красная с золотом туника, дорогие браслеты обрамляли руки на запястьях и выше локтей. Пояс и ножны для меча сверкали ледяным блеском.

Длинные волосы были откинuty назад и удерживались металлическим обручем. Своей экстравагантной расцветкой и орнаментом наряд Че напоминал убранство каюты. Общее впечатление портили лишь оставшиеся на его лице синяки.

Муриец засмеялся.

— Ты потрясен, брат? Неужели одежда так меняет человека? Эта положена мне по рангу. Да и твой наряд неплох. Когда твои волосы отрастут, ты будешь выглядеть настоящим мурийцем. Это — одежда для свободнорожденного воина. Ну, давай за еду!

Че хлопнул в ладоши, и в каюту вошел человек с подносом, одетый в просторную тунику. Муриец позвал Рея к столу, который уже был заставлен накрытыми горшочками и фужерами. Рей с трудом определил содержание блюд. В прошлый раз он ел, чтобы только наесться, но сейчас отнесся к предложенным яствам более внимательно. А были здесь тушеное мясо и жаркое, уже нарезанное на порции, лепешки с джемом, торт и вино.

Они дружно уничтожили все, что было на столе, и муриец вздохнул.

— У нас не хватает только свежих фруктов. Но они не могут храниться на борту много дней. Ты хорошо спал?

— Я видел во сне... — Рей и сам не знал, зачем он сказал это, и испугался, услышав:

— Что ты видел, брат? — В вопросе звучала нотка приказа, поэтому Рей поспешно ответил:

— Деревья, тот лес, в каком я очутился, когда вошел в ваше время. Я бежал между ними, а позади...

— Что позади? — настаивал муриец. — Что позади? — повторил он, поскольку Рей не сразу ответил.

Тот пожал плечами.

— Не знаю, только я бежал от него. Да какая важность? Это

же только сон. — Он удивился тому, что Че, казалось, принимал все всерьез.

— Только сон... почему ты так говоришь, брат? Сны — это духовные гиды любого человека. Они предупреждают, они освобождают ощущения, которых не знает наш бодрствующий мозг. Разве люди в твоём времени не думают о значении снов?

— Не совсем так. Во всяком случае, для меня естественнее увидеть, как во сне я бегу от какой-то таинственной опасности в лесу, чем пытаться узнать, каким образом все это могло бы со мной случиться.

— Может быть, ты и прав, — сказал Че, но Рею показалось, что он в этом не убежден. — Пойдем на палубу?

Он протянул Рею плащ, а сам одел другой. Они вышли. Полная луна висела над кораблем. Ее чистый свет время от времени пересекали облака.

Их корабль быстро плыл, хотя весла были убраны, а парусов не было вообще. Рей сообразил, что постоянная вибрация на судне исходила от какого-то работающего механизма. Че подошел к рулю, Рей остановился рядом.

— Что приводит корабль в движение, когда весла убраны?

— Вот это, — охотно ответил Че, направляясь вниз, на шкафут. В проходе между скамьями был полуоткрытый люк, и Рей заглянул в маленькую кабинку с металлическими стенками. Апо, помощник Че, налаживал рычаги на боксе, который гудел и жужжал, как живой, распространяя вибрацию.

— Наш энергетический приемник. Волны энергии передаются от станций на суше и улавливаются кораблем. Близко от берега или в гавани ими пользоваться нельзя — там помогают весла.

Каждому судну приписана определенная волна, от которой оно черпает энергию, и свое время.

К ним подошел Хейн с сообщением, еще раз Рей подсадовал на незнание языка, когда Че переводил ему:

— На западе появился корабль. Явно не наш, потому что на условный сигнал давно уже не отвечает. Это либо пират, либо атлант. Мы не будем пытаться связаться с ним, дабы не навлечь на себя нападение.

Его перебил крик Хейна. С поверхности воды, извиваясь, поднимался широкий столб оранжевого света. Че быстро что-то приказал — и тут же с носа их корабля вылетел зеленый луч. Свет на море размылся, но затем вспыхнул красным.

Че продолжал отдавать команды. Рей попятился, чтобы уступить дорогу бежавшим в разные стороны людям. Теперь зеленый луч их корабля стал перламутрово-белым, превратив

ночь перед судом в день, но оставив его самого в темноте. Свет на волнах тоже стал белым.

Напряжение Че несколько ослабело.

— Это один из наших. Корабли атлантов не могут подделывать этот сигнал. Мы должны узнать его миссию, а также, почему он задержался с ответом на наш вызов.

Их луч превратился в серию вспышек. Когда незнакомый корабль ответил тем же сигналом, Че перевел Рею:

— “Корабль ”Огненная Змея” пострадал от шторма. Может идти только на веслах. Кто вы?”

— Сигнал им поможет, — теперь Че обратился к Хейну, и Рей, к своему удивлению, понял эти слова.

Снова вспыхнул далекий свет.

— “Корабль сильно поврежден. Мы не можем пройти Внутреннее море. Солнцорожденная Айна передает слова прощания...”

— Мы возьмем команду на борт, а судно придется затопить, — сказал Че. — Нельзя смертельно раненного отдавать на растерзание волкам Красной Страны! Не повезло нашей леди Айне — такая потеря в первом же капитанском плавании...

— Женщина командует кораблем? — спросил Рей.

— Ну, конечно. Все Солнцорожденные служат Ре Му. Возможно, леди в один прекрасный день будет послана как его наместник в одну из колоний, как же она, будет руководить там флотом, если до этого не командовала кораблем? — удивился Че. — А у твоего народа разве не так, брат?

— Нет, по крайней мере, у моей нации.

— Меж нами очень много различий. Когда-нибудь мы их сопоставим. С этой леди Айной из Дома Солнца в Уйгуре я никогда не встречался, но слышал о ее щедрости и храбрости. И она уничтожит свой корабль своими же руками, если это необходимо.

Судно ускорило ход по ведущему его яркому свету. Хейн все еще посылал вперед вспышки света, временами получая ответ.

Вдруг Че приказал Апо заняться приемником, а Рею сказал:

— Их заметил рейдер. Он тоже идет к ним. Главное теперь — кто кого опередит.

Волны кипели под острым носом судна и разбегались белой пеной. Люди стояли на палубе на своих боевых местах, держа в руках большие щиты и обнаженные мечи. Механики копошились у машин.

Теперь они видели “Огненную Змею”, окутанную светом своего же луча. Она сильно осела, нижняя палуба была залита водой.

А где-то из темноты к ней подкрадывался убийца-рейдер.

Команды Че передавались от офицеров к матросам. Рей уже различал фигуры на раскачивающемся судне, тени, пробегавшие по его накренившейся палубе. Небольшие лодки были спущены на воду и все, кроме одной, оттолкнувшись, направились к кораблю Че. Че показал на оставшуюся.

— Эта ждет леди Айну. Леди, должна сейчас уничтожить свой корабль.

По палубе метнулась светлая фигурка и прыгнула в ожидавшую ее лодку. Сильными ударами весел она погнала ее прочь от тонущего корабля. На несколько секунд воцарилась тишина, и вдруг вверх взлетел столб ярко красного огня, заливший небо и море пурпурным ядовитым светом. Под грохот взрыва "Огненная Змея" затонула.

Вскоре на борт корабля Че уже взбирались первые спасенные, и Че приветствовал их. Они громко выкрикивали какой-то клич и вскидывали вверх руки. Затем офицер перегнулся через борт, чтобы помочь оставшейся внизу — и вот уже Солнцерженная леди Айна шагнула на палубу.

Она была худощава, не очень красива, но, по мнению Рея, держалась, как императрица.

Жемчужная полоска на лбу, концы которой были вплетены в косы, указывала на ее ранг. На ней была туника до колен и латы на груди и спине.

— Приветствую тебя, лорд Че! — четко сказала она. Голос у нее был низкий, но приятный. — Поскольку "Огненной Змеи" больше нет, я прошу твоей милости для моих людей.

И снова, как это ни поразительно, речь была понятна Рею, хотя он был уверен, что леди Айна не посылала ему менто-луча.

Че поднес пальцы ко лбу.

— Леди Айна, Солнцерженная Уйгур, тебе стоит только высказать свои желания. Этот корабль и его люди к твоим услугам.

Девушка засмеялась, утратив часть своего величия.

— Тогда давай уйдем, лорд Че, пока не случилось худшего.

Красные создания унюхали нас, привлеченные нашим сигналом.

Че кивнул и отдал приказ. Леди Айна указала на своих офицеров.

— Это — Хик, это — Рамон.

Че в свою очередь представил своих людей. Потом рука мурийца легла на плечо Рея.

— Мой брат по мечу, Рей.

Леди Айна улыбнулась.

— Счастлива приветствовать вас, милорды, хотя очень хотела

бы встретиться с вами в более удачное время и по лучшим причинам. Атлантида, похоже, идет на открытую войну.

— Да, наверное, потому нас и отзывают обратно. Ты окажешь честь нашей команде?

Твердым шагом моряка она спустилась в большую каюту. Че подвел ее к креслу и предложил вина.

— Неужели правда, что они осмелились напасть на “Белую Птицу”? — спросила она, отпив глоток.

— Я думаю, это та самая причина по которой мы возвращаемся. Если так, они примут на себя весь гнев Ре Му.

Она нахмурилась, вертя в пальцах бокал.

— Жители Тени узнают, что, хотя Мать и терпелива, терпению ее приходит конец. Они не скоро забудут — те, кто выживет — последующее наказание. Значит, правда, лорд Че, что ты был в плену у Красных? Мы получили такое известие. Муриец в ответ вытянул руки. На запястьях еще были видны следы оков.

— Десять дней пираты держали меня, а затем продали атлантам.

Она чуть не задохнулась.

— Значит, это правда! Они посмели заковать в цепи Солнцорожденного, как будто он какой-нибудь преступник или бродяга!

Как же ты сумел освободиться?

— С помощью Пламени, работая над их темными мозгами...

Ее глаза блеснули

— Да! На это у них нет ответа, как бы они ни старались. Против этого бессилён сам Ваал. Значит, ты убежал...

— С помощью моего брата. — Он снова коснулся плеча Рея. — Потому что я был истощен лишениями и не смог держать власть до конца. Но брат освободил меня.

— После того, как ты первый освободил меня, — поправил Рей.

При словах Рея леди Айна переключила все внимание на него.

— Кто ты, что говоришь на чужом для нас языке? С какого корабля ты пришел, лорд Рей?

— Не с корабля...

— Откуда же? Я не знаю ни одной колонии в Бесплодных Землях...

— Сквозь время, из далекого будущего. Я понимаю, что это звучит немыслимо, но, похоже, это правда. Другого объяснения нет. Я был в своем собственном времени и вдруг очутился

в лесу, а затем был захвачен атлантскими охотниками. Они взяли меня на свой корабль, где уже был Че.

Она пристально рассматривала его, как бы читая его мозг и взвешивая каждую его мысль.

— Это правда. Наакали говорят в храмовых школах о таких путешествиях. Но никто из тех, кто рискнул на это, не вернулся.

А ты не похож на нас... ты прошел долгий путь, но выбрал неудачное время... или случай выбрал его для тебя.

Рей удивился, что она так спокойно приняла его невероятное объяснение. Какой прием оказали бы мурийцу, подвергнувшемуся такой же участи, в родном мире Рея? Ему не хотелось об этом думать. Может, ему, Рею, еще повезло.

Леди Айна встала.

— Спасибо тебе за помощь в эту ночь, лорд Че. Теперь я должна послать рапорт матери-стране. У тебя найдется каюта для отдыха моему телу?

Че раздвинул стальные занавеси и показал на ожидавшую ее койку. Она вошла и на секунду остановилась, прежде чем задернуть занавес за собой.

— Удачи вам всем, начиная с этого часа. — И занавес упал на место.

Через час Рей сидел плечом к плечу с Че на носу "Властелина Ветра". Их широкие плащи отсырели от брызг. Луна спряталась за облака. И они знали, хотя и не видели, что где-то в темноте рейдер пытается пересечь им путь.

— Наш флот вооружен до зубов. Напади мы на Атлантиду, и их корабли улепетывали бы от нас, как трусливые пожиратели падали на равнинах. Но ввязываться в бой с этим рейдером нам, в одиночку, совершенно ни к чему. Судя по всему, это разведчик их флота, и тогда они тут все соберутся, как Кондоры Майякса, чтобы убить пуму.

— А если разведчик нападет?

— Пусть попробует. — криво усмехнулся муриец.

Никто из команды не покинул своих ответственных постов, машины по-прежнему были наготове. Раздался приказ — и вдоль бортов до уровня верхней палубы поднялись металлические экраны. Неподалеку от Рея, из бокса, выдвинулось длинное метательное дуло, около него хлопотали три матроса. Один из офицеров леди Айны подошел с рапортом к Че.

— Да, все готово, — повернулся тот к Рею. — Люди леди Айны пришли к нам не с пустыми руками, а со своими огнеметами и установили их рядом с нашими. Стоит нам только направить боевой сигнал, как рейдеру наступит крышка!

Че тщательно проверил готовность судна к бою. Муриец явно нервничал. Он вышагивал взад-вперед и теребил край своего плаща до тех пор, пока тот не порвался. Рей вглядывался в темноту.

— Хоть бы они появились, — пробормотал он. Когда-то давным-давно и очень далеко отсюда — а Рей теперь вспоминал свой мир как нечто весьма отдаленное — его учили воевать. Не так, как здесь, но все войны — Рей вдруг понял это — очень похожи: их объединяет одно очень древнее оружие — ожидание.

— Это как раз то, чего они так не хотят делать, — продолжил его слова Че. — Они прекрасно понимают цену вынужденного ожидания — ожидания до тех пор пока не притупится первоначальная бдительность. Вот тогда-то они пойдут в наступление. Мы должны быть очень внимательны и не имеем права на усталость. Если я когда-нибудь проникну через пять стен, которыми эти сыны Ваала пользуются как оборонительными щитами, и встречу с ними лицом к лицу, развернув к стенам спиной, — вот тогда они заплатят мне за каждую минуту ожидания сегодняшней ночи.

Только вот облака скрыли луну — Солнце хочет, чтобы у нас утром был туман!

Рей взглянул на низкие облака.

— Это предвещает плохую погоду?

— Возможно. Пойдем-ка, осмотрим корабль еще раз.

Через скамьи на шкафуте был сооружен настил, который образовывал новую палубу. Здесь несли вахту дозорные. На носовой палубе было организовано дежурство у метательного дула и машин. Все освещалось мягким светом.

— Пока ничего не видно, — повторил Че как бы про себя. — Туман на заре будет, как ты думаешь?

Хейн, высоко подняв голову и как бы приюхиваясь к ветру, изучал облака.

— Туман точно будет, Солнцeroжденный, а возможно и дождь. Боюсь, что мы должны идти только в одном направлении.

Че ударил кулаком по поручням.

— Под этим прикрытием рейдер подкрадется незаметно!

— Да, Солнцeroжденный. Но и для нас это тоже прикрытие — если удача будет благосклонной к нам.

Че резко повернулся.

— Именно так и должно быть. Они вытянут свою сеть и обнаружат, что она пуста. Но мы ни в коем случае не должны недооценивать их и думать, что удача целиком на нашей стороне. И я уверен, никто из нас не вздохнет свободно до тех пор, пока берега Внутреннего моря не сомкнутся вокруг нас.

— Истинны твои слова, Солнцeroжденный. Атланты знают все хитрости отца всего Мрака, а зло расплодилось от него.

— Пусть так, — твердо и холодно сказал Че. — Даже если удача отвернется от нас и мы будем захвачены, в наших руках все же останется последняя, самая великая хитрость, которой можно пользоваться только по нашему приказу. Солнцeroжденная Айна указала нам путь сегодня ночью.

— Ты имеешь в виду — взорвать корабль? — спросил Рей.

— В этом случае мы пойдем к Солнцу с полным почетом, взяв с собой многих врагов на последний суд. Ни один корабль матери-страны не должен попасть, к ним в руки, пока жив хоть один человек истинной крови. Согласись, такой путь быстрее приведет нас в иной мир, нежели варианты, которые могут предлагаться атлантами.

К ним подошла леди Айна.

— Ты на боевом посту, лорд Че?

— Ждем рейдер. Он придет, — сказал муриец уверенно, кивнув на море. — Ты послала свой рапорт?

— Я сообщила о гибели “Огненной Змеи”, и Великий одобрил мои действия. Ре Му шлет тебе благодарность и приказывает поспешить, потому что, если на нас нападут, помощь придет слишком поздно... Но затем в нашей связи что-то случилось, лорд Че, и это напугало меня. — Она говорила тихо, и Рей видел, как она вцепилась в свой плащ с такой силой, что побелели суставы ее пальцев. — Все прервалось.

Че в изумлении дернул головой.

— Что ты хочешь сказать?

— Мой контакт с матерью-страной был прерван не по воле Ре Му. Такого никогда еще не случалось.

— Как прерван?

Она вздрогнула, словно плащ перестал ее греть, и ветер пронизал до костей.

— Как будто опустился черный занавес. Я мысленно отправила вопрос — ответа не было. Я подождала два круга на хранителе времени и попыталась снова. Ответа не было даже от берегового наблюдателя в храме Майякс!

Че молчал, и она добавила почти жалобно:

— Что это может значить?

Лицо мурийца застыло, как будто он так глубоко задумался, что не видел ни ее, ни окружающих. Она слегка коснулась его руки, и он вздрогнул.

— Что... что это? — снова спросила она.

— Это может означать, что атланты полезли в Проклятые Материи, чтобы открыть секрет Солнцeroжденных, — сказал он.

Она отшатнулась, словно он сказал что-то чудовищное. Хейн громко вскрикнул. Но глаза Че блеснули.

— Они скоро будут жить по ту сторону мрака и холода! Как они рискнули? Но Ре Му должен быть предупрежден об этом. Это означает, что дверь внутренней власти закрыта для нас. Если нам придется сражаться, мы можем рассчитывать лишь на свои силы и оружие.

Леди Айна в какой-то мере обрела свою прежнюю уверенность.

— Может ли человек спорить судьбой? Но мы должны быть достойными того, что возложено на нас. И никто не должен говорить о поражении до начала битвы. — Она улыбнулась Че, как бы для того, чтоб он не счел ее слова упреком. — Попробую еще раз, но если рейдер придет, прошу тебя вызвать меня. — И она ушла.

Че посмотрел на Рея.

— Похоже, ты и впрямь попал в переplet. Наша вражда ничего не значит для тебя. И для тебя куда безопаснее были бы голые равнины Бесплодных Земель, чем эти воды, когда из них выйдут Красные Волки!

Пожалуй, он был прав: эта вражда не касалась Рея. Она происходила за множество эр до него, до его рождения. Но что-то беспокоило Рея... Тогда это были только слова, вовлечение в обряд другой расы... И вдруг все отчетливо всплыло в его памяти.

— Когда наша кровь смешалась на рукояти меча, ты сказал, что мы братья...

— Так и есть!

— А разве отсюда не следует: что мы должны разделить тяготы и радость битвы! Конечно, я появился здесь не по своей воле, но теперь я обязан сделать выбор, и я его сделал. У меня больше нет родины, но есть друзья. Надеюсь, что есть.

— В этом не сомневайся, — ответил Че.

— А также у меня есть враги — он показал на море, — там. Вот таков мой выбор.

Че кивнул.

— Быть может, ты не пожалеешь об этом, брат.

“Аминь”, — подумал Рей, но вслух этого не сказал.

ГЛАВА 5

— Итак, они отключили вашу радиосвязь, — сказал Рей, по-своему интерпретируя услышанное от леди Айны.

— Отключили... радиосвязь? — спросил Че.

— Ну да, вашу коммуникационную систему.

— Ты думаешь, это машина? — Че улыбнулся. — Я забыл, что ты очень мало знаешь о нас. Для общения с Ре Му Солнце-рожденным не нужна машина. Сейчас даже некоторые из его высших офицеров обучаются у Наакалей умению принимать мысли. Именно так леди Айна рапортовала о потере “Огненной Змеи”: Так могут делать лишь те, кто рожден с такой силой, или те, кто обучен.

— Тогда каким образом атланты смогли помешать телепатическому сеансу? — спросил Рей. Он верил теперь в телепатию по собственному опыту.

— Это мы и должны выяснить. Никто, кроме обученных мыслепосылу, не может это сделать, а всех их мы знаем. По крайней мере, мы так считали, до сегодняшнего дня. Мы знали, что у Красных Мантий есть что-то в этом роде, но мы не думали, что они могут вмешаться в истинный посыл. Оказывается, могут!

Ре Му и мать-страна ничего не узнают о нашей судьбе здесь, на севере, если мы не сможем пробиться в Майякс. За всю нашу историю такого никогда не случалось, и нам в голову не приходило, что это может произойти!

Небо на востоке медленно посветлело, но только до серого тона, а от холодного ветра не спасали даже теплые плащи.

— Туман и дождь, как предсказывал Хейн, — заметил Че. — Будем надеяться, что сынам Ваала так же трудно увидеть нас, как и нам их. Пойдем завтракать.

Внизу, в каюте они нашли леди Айну, сидящую в конце стола. Ее лицо в розовом свете казалось осунувшимся. Она заставила себя улыбнуться, а затем покачала головой в ответ на беззвучный вопрос Че.

— Стены остаются, милорд. Если будем сражаться, то в одиночку.

Че тяжело опустился на скамью.

— Вполне, возможно. Но, может быть, этого не будет, по воле Пламени. Давайте есть. — Он хлопнул в ладони, вызывая слугу, и леди Айна выпрямилась в кресле.

— Корабли матери-страны славятся своими запасами. В Уйгуре нет таких лакомств, как в Му. Так, по крайней мере, говорили наши офицеры, которые бывали в Му по делам, — прокомментировала леди Айна.

— А где Уйгур? — спросил Рей.

Она повернула к нему голову и широко раскрыла глаза. Че подошел к карте и повел своим пальцем вправо, обходя часть Атлантиды. Налево осталась часть Му в Тихом океане, а за ней береговая линия азиатского материка, сильно отличающаяся

от той, что знал Рей. Океан основательно накрыл то место, где должен был быть Китай, а часть пустыни Гоби и высокогорье будущего Тибета образовали новый берег. На это место и указал Че.

— Уйгур.

Леди Айна не сводила глаз с Рея.

— Как случилось, что ты не знаешь Уйгура?

— По тем же причинам, по каким я два дня назад не знал Му.

Я же из другого времени. Мы там ничего не помним об Уйгуре.

— Но помните об Атлантиде, — медленно сказал Че. — Почему Красная Страна вошла в будущее, хотя бы, как легенда, а все остальные — нет? Что они сделали, эти поклонники Тени, какой великий огонь зажгли они в своем времени, что тепло и дым его прошли через неисчислимые столетия?

Глаза леди Аины стали мрачными.

— Видимо, какое-то бедствие. Что знает твой народ о Красной Стране, лорд Рей?

— Что это был материк в океане, этот океан в наше время имеет лишь небольшие острова на востоке и западе, что материк погрузился в океан из-за одновременного воздействия на него землетрясений и гигантского прилива, которые явились результатом каких-то злых дел его обитателей.

— Потерянная земля. А ее искали в вашем времени, старались найти ее остатки?

— Да, очень тщательно, после чего было научно доказано, что Атлантиды никогда не существовало. Принято считать, что это легенда.

Вошел слуга с подносом, и они принялись за трапезу. Рей частенько поглядывал на карту и не мог взять в толк, почему эта цивилизация не оставила следов, которые легенду сделали бы подлинным фактом. География мира, который он видел на карте, сильно отличалась от привычной ему. Но все полностью не могло исчезнуть.

— Рейдер на горизонте! — в дверях стоял Хейн.

Рей уронил ложку в чашу, разбрызгав еду. Че мгновенно высочил на палубу.

— Вон там! — Хейн указал на темное пятно в тумане.

— По местам! — скомандовал Че.

Кто-то подошел к Рею, стоявшему у поручней. Леди Айна. Она должна была остаться внизу, подумал Рей, но вспомнил, что эта женщина командовала боевым кораблем, и значит, больше него понимала в таких делах.

Но рейдер, видимо, не заметил их, потому что не изменил

курса, уходя в туман. Однако напряжение на “Властелине Ветра” не спало.

— Он вернется, — обещал Че. — Сейчас он пытается вынюхать нас, как пантера нюхает след. Видите — возвращается!

Он был прав. В тумане показался острый нос корабля, который сделал круг и приближался к “Властелину Ветра”. Рею трудно было представить, что на этой темной посудине находятся такие же люди, как и те, что его окружали. Не было слышно ни звука — только пена шумела под носом “Властелина Ветра”.

Похоже, рейдер играл с ними в кошки-мышки. Он вдруг изменил курс и пошел прямо на мурийское судно. Че спокойно скомандовал:

— Ало! Держи прямо, что бы они ни предприняли. — Нам нужно избежать боя. Хейн! Пользоваться огнеметами только тогда, когда мы будем достаточно близко. Держи все наготове до моего приказа.

Офицеры рассыпались по своим местам. Хик и Рамон из экипажа леди Айны заняли свои места на шкафуте. Матрос-слуга вышел из каюты, неся три щита из красноватого металла и длинные нарукавники. Че надел нарукавник на левую руку Рея и показал, как крепить на нем щит.

— Это защита против огнеметов, — пояснил муриец. — Если у них есть такие же метательные дула, как у нас, и они приведут их в действие, прикройся щитом. Хотя я не уверен, что у них есть смерть-дыхание — рейдеры редко этим пользуются. — Взяв щит, Че пошел к рулю. — Еще сутки, и мы будем во Внутреннем море, свободные от всякого преследования.

Леди Айна повела плечами, как бы сбрасывая тяжелую ношу.

— Тогда, — сказала она почти весело, — чего нам бояться! Мы, люди истинной крови, за это время наверняка не подпустим к себе этих приверженцев Тени. Смотрите, даже сейчас они трусливо отстают от нас, хотя уже приготовились к бою...

И в самом деле, темный корабль как-то нерешительно маневрировал, хотя в зыбком тумане это впечатление могло быть обманчивым. Однако Рею показалось, что нос рейдера отвернул в сторону, в то время как “Властелин Ветра” продолжал идти своим курсом. Леди Айна, похоже, оказалась права: вскоре враг почти совсем скрылся в тумане.

— Они боятся нас! Они не смеют отведать мощи матери-страны в открытом бою, — воскликнула она.

Че покачал головой, явно недовольный.

— Странно. По всем признакам они должны напасть на нас, и вдруг свернули.

— На что может рассчитывать какой-то рейдер против ко-

рабля флота, готового в битве к желающего ее? — возразила она. — Капитан просто имеет здравый смысл. Они могут прятаться тут, высматривая, не пошлет ли им Ваал какую-нибудь работу, но не рискнут противиться нашей силе.

Довольно долго казалось, что леди Айна вернее всех оценила ситуацию. Рейдер, хоть и оставался на виду, но как будто боялся открыто напасть на мурийское судно.

Внезапно полуденное солнце пробилось сквозь облака. Че приказал подать людям еду на палубу, сам он ел стоя, напряженно всматриваясь вдаль.

— Может, они ждут ночи в надежде, что темнота им будет благоприятствовать? — Че стряхнул крошки с пальцев.

— Давайте и мы ждать ее, Солнцeroжденный, — сказал Хейн. — Хорошая ночь — и для нас удача. Попробуем скрыться...

— Нет! — Че сбросил плащ. — Нет! Они идут!

Рейдер шел к ним на большой скорости. Рей вытащил свой меч и с интересом на него посмотрел. Нет, это оружие не для него. Он неумело держал его, потом медленно поводил пальцем по острым краям и вложил обратно в ножны. Мои голова, руки и умение драться — решил Рей — пригодятся больше. Однако несмотря на большой опыт военных учений в своем прежнем временном мире, он впервые участвовал в настоящей войне.

Команда судна спокойно и деловито готовилась к бою. Рей позавидовал умению и ловкости, с какими люди обращались с оружием.

— Не забывай, что щит для обороны, — вспомнил Че.

Рей кивнул.

Атака была неожиданной, как тропический ливень. С носа рейдера вылетел зеленый луч, яркий даже на солнце, и ударил в борт "Властелина Ветра". Рей почувствовал запах горелого.

— Слишком низко! — закричала леди Айна.

Дюйм за дюймом этот зеленый свет полз выше, туда, где его ждали мурийцы. Пальцы женщины схватили руку Рея.

— Поднимите щит против этого!

Рей взмахнул щитом и слегка пригнулся за этим барьером, который вдруг показался ему слишком легким и бесполезным. Луч заскользил по палубе, где они стояли.

Один из людей, обслуживающих смерть-дыхание, страшно закричал и конвульсивно отдернул правую руку. На голой коже по-змеиному извивалось ярко-зеленое пятно. Матрос опять закричал, отскочил от своей машины, и упал на палубу. Рей шагнул вперед, протягивая руку для помощи, но Че схватил его за плечо и дернул назад.

— Нет! Мы ничем не можем ему помочь. Он уже мертв, а ЭТО будет атаковать другую живую плоть.

Человек взвыл в последний раз и затих, и все отступили от его скорчившегося тела.

— Смотри! Сожрав одного, оно ищет другую жертву! — прохрипел Че.

Это зеленое пятно больше ничем не напоминало луч света: став более материальным, с собственной злой волей, оно сползло с руки мертвеца на настил, вытянулось змеей и двинулось вперед. Хейн наклонился над рулем, в его руке был кристалл грушевидной формы. Из кристалла вылетела искра и ударила прямо в змею. Раздался оглушительный визг, и зеленая тварь исчезла, оставив на палубе черное пятно, от которого поднималась тоненькая струйка дыма.

— Это... Оно было живое! — выдохнул Рей.

— Не той жизнью, какую мы знаем. — ответил Че. — Это их любимое оружие. Сейчас они пошлют его снова...

С рейдера вылетел такой же луч, нацеленный уже выше. Он ударил в щит Хейна, и вцепился в него, как бы ища способа проникнуть через эту металлическую преграду. Затем луч отскочил, но только для того, чтобы поразить, остальных, одного за другим.

Наконец, луч достиг Рея и плотно охватил его щит. Рей удивленно отступил на шаг, прежде чем понял, что, в сущности, большой силы давления не было. За щитом что-то вертелось и извивалось, пытаясь найти щелочку в металле и добраться до тела. Затем это прекратилось. Луч пополз по металлическому экрану, защищающему шкафут, но второй жертвы так и не нашел.

Однако "Властелин Ветра" не предпринял контратаки, и это удивило Рея. Судно не отклонялось от курса и не снижало скорости. Рейдер поотстал, как будто установка луча замедляла его ход. Тем не менее он произвел второй удар, который сопровождался шумом, подобным ливню.

Рей осмотрелся. У его ног, из палубы торчали две металлических стрелы, еще дрожащие от удара. Хейн закричал: такая же стрела впиалась в его плечо. Че бросился к рулю.

— Выпустить смерть-дыхание! — приказал он.

Один из матросов установил дуло на боксе, в то время как его напарник вставил в него шар ядовитого желтого цвета.

Шар молниеносно взлетел в воздух, покружился над рейдером и упал на носовую палубу. Поднялось облако ярко-желтого дыма. Рейдер быстро повернул, но дым уже стелился по всей палубе, и скоро плотное облако полностью окутало корабль.

Че передал руль одному из матросов.

— Это было сделано вопреки всем приказам, исключительно по необходимости, — сказал он. — Как у тебя дела, Хейн?

Офицер бессильно склонился к Рею, который поддерживал его. Лицо его под морским загаром приобрело зеленоватый оттенок. Металлическая стрела, видимо, несла какой-то смертельный яд.

— Пусть другой выполняет мои обязанности, Солнцeroжденный. Я...

Он всем телом навалился на Рея, и тот отбросил щит, чтобы положить Хейна на палубу. Че обнял Хейна за плечи, поддерживая его голову.

— Не скорби обо мне — я иду к Солнцу. Зажги свечу от пламени... за... — его голова упала на грудь Че, и муриец нежно коснулся его лба. Затем он взглянул на рейдер, который беспомощно нырял на волнах.

— Вы заплатите, приверженцы Тени, но плата будет большой и долгой. Клянусь в этом Пламенем! Клянусь, что последняя цена крови Хейна будет взыскана в самом Пятистенном Городе! Пусть не в этом году — но будет!

Рей помог ему завернуть мертвого офицера в плащ. Матросы в это время проворно вытаскивали из палубы металлические стрелы, стараясь не касаться их наконечников. А для матроса, умершего от зеленого огня, и для Хейна этот бой, увы, был последним.

— Солнцeroжденный! Посмотри на рейдер!

Они отошли от неприятеля, оставив его мотаться по волнам без какого-либо управления. Но вдруг корабль, повинаясь чьей-то опытной руке, снова выровнял курс и пошел вперед, хотя и не с прежней скоростью.

— Как это могло случиться? — воскликнула леди Айна. — Смерть-дыхание должно было убить всех на борту!

— Видимо, есть защита о которой мы не знаем. — ответил Че. — Но похоже, у них большие поломки. Дайте мне шанс до завтра, и мы будем свободны. Нс если они вызовут сигналом другой свой корабль...

— Да, — откликнулась леди Айна — это возможно. Видите, они еле тащатся, но не оставляют нас.

“Властелин Ветра” далеко оторвался от рейдера, но тот все-таки шел прежним курсом. Покалеченная собака явно не бросила охоту. И в этом упрямстве было что-то устрашающее.

Под затянутым облаками небом ночь наступила рано. Судно атлантов все еще беззвучно преследовало их, хотя, судя по всему, не имело ни сил, ни желания подойти вплотную к “Властелину Ветра”. Мурийцы включили белый сигнал, но ответа не получили. Впрочем, свет их корабля разливался далеко по

морю, придавая уверенность в том, что к ним нельзя подобраться незамеченными.

Рей протёр глаза, уставшие от постоянного напряжения. Как и все, он не снял щит, хотя тот все сильнее давил на мышцы. Ничего, завтра они, как говорил Че, войдут во Внутреннее море и получат помощь, если понадобится, из прибрежных фортов.

У руля лежали теле Хейна и матроса, готовые к погребению на заре. А темный молчаливый враг все еще тянулся за ними в кильватере.

Леди Айна ушла вниз, а Че встал у руля. Рей решил подождать, пока тот освободится. Он еще никогда, ему казалось, так не уставал. И еще он нехотя признался себе в том, что никогда так не боялся. Этот ползучий материализованный зеленый луч, этот дождь отравленных стрел — они не шли ни в какое сравнение с его давними военными учениями. Его пальцы машинально согнулись — он представил себе как держит винтовку или гранату. Рей мысленно составил список того, что хотел бы сейчас иметь вместо бесполезного меча.

Наконец, Че передал свое дежурство и сказал:

— Идем отдыхать.

В каюте никого не было. Рей снял с себя щит и промокший плащ.

Че сел на скамью и бессильно уронил голову на стол.

Рей откинулся к стене и прикрыл глаза. Еще секунду назад он ничего не желал, кроме как уснуть и забыть обо всем. Но теперь... вдруг он увидел деревья. Ряды деревьев, поднимавшихся к небу. Между ними равномерно колыхались волны теней. Внутри Рея устало шевельнулось слабое беспокойство. Он ощутил гаснущее желание пройти под кронами деревьев, углубившись в чашу леса.

Где-то там были ворота — прорыв в ткани времени, и если он их найдет, то вернется...

Стало темнеть, и наконец стволы, ветви и беспокойные тени слились в одно целое. Желание Рея достичь ворот исчезло. Он уснул.

* * *

В кабинете директора было теперь пять человек вместо двух. Один из пяти привлек внимание остальных.

— Я ничего не могу обещать вам, джентльмены. Психо-физика — такая же экспериментальная программа, как и ваша "Операция "Атлантида".

— Я знаю, — сказал Фордхейм, — что существуют сотни разных экспериментальных программ...

— Скажите — тысячи, и вы будете близки к истине, — перебил его первый.

— Ладно, пусть тысяча, доктор Бартон. Но скажите мне вот что: кто-нибудь знает, что надо делать — во всем объеме?

— У них есть рапорты...

Фордхейм устало улыбнулся.

— А кто их читает? Возможно, только некоторые комитетчики. Но кто-нибудь составил полную картину?

— Вероятно, нет, потому что, с тех пор не случалось экстраординарных событий, вроде этого — сказал Бартон.

— Итак, правильно ли я Вас понял, доктор Бартон? Вы считаете, что можете найти способ повлиять на нашего человека и вернуть его к отправной точке? Своего рода ментальный процесс? — нетерпеливо спросил человек в генеральском мундире.

— Уберите слово “можете”, генерал Колфикс, — ответил Бартон. — У нас есть кое-какие интересные результаты. Но все зависит от испытуемого и от обстоятельств. В нашу пользу то, что этот Осборн внезапно оказался в ситуации, к которой он совершенно не подготовлен и которая поставит его на грань риска. Согласно сведениям о ней, — он поднял бумаги, но не взглянул на них, а обвел глазами присутствующих, — он совершенно не имеет представления, с чем ему придется встретиться. Однако он, как говорят, был “одиночкой”, а это предполагает в нем большую самостоятельность при принятии решения. Что он сделал или хочет сделать со своим перемещением — никто не может угадать. Мы можем лишь проецировать на его поступки действия контрольных животных, которых изучали.

Может быть, он мечтает о возвращении? Если так, наша задача относительно легка. Но если он так испугался, что бежал, подгоняемый страхом — тогда мы попробуем воздействовать на него через клетки мозга. Я надеюсь, в той временной эпохе он — единственный из разумных существ. Во всяком случае, предположив, что он не ушел слишком далеко, мы можем надеяться подобрать образец призыва, настолько созвучный его типу, что он вернется обратно.

— Я бы сказал, во всем этом куча “если”, — прокомментировал генерал Колфикс. — А не надежнее ли послать отряд!

— Допустим, — прервал его Фордхейм, — вы провели свой отряд в дикую местность, какой, вероятно, был североамериканский континент четыре тысячи лет назад. Нелегко будет охотиться там за одним человеком. Если доктор Бартон может вызвать его обратно...

— Опять “если”! Почему вы думаете, что местность должна быть совсем другой?

— Вы видели фильм, — просто ответил Фордхейм. — А вы видели что-либо подобное в Огайо! Такие деревья...

— ... росли столетиями, я полагаю, — ответил Колфикс. — А если машинка доктора не сработает?

— Будьте готовы к этому! — Харгрейв моргал покрасневшими глазами. — Возможно, мы никогда не увидим Осборна снова, он вполне мог умереть сразу после того, как был снят фильм. мы не уверены, что кто-нибудь может пережить такое путешествие, хотя рано или поздно пошлем исследователей. Даже если неожиданный эксперимент с Осборном провалится, мысле-луч доктора, возможно, даст результат при следующей попытке.

— Когда вы будете готовы? — спросил Фордхейм у Бартонна.

— Мы не получили ничего меньше по размеру, чем переносная рация, так что нам придется все делать заново. Ничего точно сказать вам не могу. Мы будем работать круглые сутки, предельно упрощая конструкцию, но и это займет, по крайней мере, несколько недель.

— Несколько недель! — повторил генерал Колфикс. — Что случится за это время с Осборном? Если он вообще еще жив!

ГЛАВА 6

Рей проснулся и некоторое время лежал, пытаясь удержать в памяти то важное, что было во сне. Но оно уже забылось. Над ним стоял Че, едва различимый в сером свете пасмурного утра.

— Восход, — сказал муриец, так если бы это утверждение имело какой-то внутренний и важный смысл.

Рей встал, морщась от судороги в мышцах, и пошел за Че на верхнюю палубу. Туман и облака исчезли. Океан вокруг был гладким, насколько это ему позволяло вечное движение волн. Небо на востоке было розово-золотистым. На палубе лежало два трупа, зашитых в плащи.

Че помедлил. — Хейн, мой друг... — И пошел к поручням. Матросы подняли доски, на которых лежали мертвые. Весь экипаж, включая Рея, стоял здесь, по стойке "смирно", как на параде. Флаг был приспущен.

— Море, — заговорил Че, и голос его крепнул с каждым словом, — наше древнее наследие! Раскройся теперь для своих сыновей. Они честно выполнили свой долг и теперь отдыхают. Укрой их тела, в то время как их души будут в безопасности в залах Солнца...

Доски наклонились. Реи услышал вздох леди Айны. Вскоре

взошедшее солнце позолотило волны, и “Властелин Ветра” поплыл дальше.

Ночью и в предрассветном мраке их сопровождала черная тень рейдера. Рей почему-то надеялся, что она исчезнет с наступлением утра и даже удивился тому, что она все еще здесь. Это тревожило. Рейдер не подходил ближе, может быть, не мог. Но команда мурийского судна продолжала стоять наготове и внимательно наблюдала за атлантами.

— Все неправильно! — Че оперся на поручни, вглядываясь в преследователя. — Они мертвые, должны быть мертвыми. Корабль управляется мертвецами!

Леди Айна прикусила губу, как бы сдерживаясь. Но Рей ответил:

— Ты, вероятно, прав, ты знаешь силы, которыми управляешь. Но пока рейдер не подходит ближе... — Но он тоже чувствовал, как треплет нервы эта постоянная тень на море, которая не приближалась и не отступала, но оставалась страшной угрозой.

— Да, пока рейдер не подходит ближе, — как эхо повторила леди Айна. — А мы, вероятно уже вблизи морских ворот Маякса. Ты знаешь, лорд Че, я никогда не видела матери-страны. Как и лорд Рей, я окажусь в чужой местности, когда мы войдем в гавань Города Солнца. Он похож на Уйгур? — болтала она, пытаясь словами скрыть свои мысли.

Че галантно вторил ей, намеренно отвернувшись от моря.

— Нет, он совсем другой. Уйгур расположен в горах и узких долинах, а в матери-стране широкие поля по берегам рек. Город лежит в устье одной такой реки. Иногда его жители делают маленькие кораблики и пускают их по воде. Люди поют, арфы играют...

Леди Айна вздохнула.

— Это в мирное время. Да, она сильно отличается от нашей обдуваемой ветрами страны, где табуны диких лошадей бегают у ее границ, за которыми преступники сражаются с людьми-зверями и дьяволами, чтобы сохранить жизнь в своих телах...

— Значит, дьяволы Тьмы все еще существуют? — спросил Че.

— Шкура и длинные клыки одного были доставлены вместе с данью за месяц до отплытия “Огненной Змеи”. Иногда наши юноши охотятся на них. У меня есть кинжал с рукояткой из зуба дьявола. Но этот дьявол был убит моим отцом в молодости. Они живут в горах, поодиночке, и спускаются только в тяжелые годы, когда голод вынуждает их охотиться в нашей стране.

— Так. А в Му говорили, что все дьяволы давно убиты и остались только в сказках, которыми пугают детей. Дьяволы, Рей, в какой-то мере похожи на человека, только они волоса-

тые и с большой головой. Ходят на двух ногах. У них длинные изогнутые клыки. Они всегда живут в высоких диких местах. Охотятся по ночам. И на снежных горах оставляют громадные странные следы...

— Снежный человек, — вспомнил Рей.

— Они есть и в твоём времени? — спросила леди Айна.

— Тоже легенда. В стране, которую вы называете Уйгур, в моём времени находятся высочайшие горы мира. Ваших дьяволов замечали, видели их следы, но ни одного не убили и не поймали.

— Очень странно, — медленно сказала леди Айна. — Дьяволы в вашем времени известны, а такая страна, как Му — забыта. А ещё что осталось?

— Скажи, — вмешался Че, — почему одно остаётся, а другое забывается? Дьяволы и Атлантида — почему они остались?

День был безоблачный и яркий. Стало теплее, и они сняли плащи. Над ними появились птицы, в основном сине-зелёные. На поверхности моря плавали клочья тёмной травы, а один раз из воды высунулась рыба голова и вполне осмысленно оглядела проходивший корабль.

— Дельфины! — Рей изумлённо смотрел за борт.

Леди Айна проследила за направлением его пальца.

— Морской танцор, — поправила она. — значит, их ты тоже знаешь, лорд Рей?

— В моём времени они приобрели популярность. Мы узнали, что у них высокий интеллект, и изыскиваем способы общения с ними.

Она переводила взгляд с дельфина на Рея и обратно.

— Известно, что морские танцоры дружелюбны и что они помогают пловцам в трудную минуту. Они находятся под защитой Солнца. Ни один человек не смеет поднять на них руку, причинить им зло. Но они живут в море, а мы лишь на поверхности, в кораблях, или немного плаваем в воде. Этот мир закрыт для нас.

— Да, у вас нет субмарин, нет масок для подводного плавания или искусственных жабр...

Че внимательно слушал.

— Значит, твой народ нашёл средство, чтобы морские глупины открылись человеку? Какое?

Рей, как умел, описал принцип работы субмарины, рассказал, как люди его эры не только опускаются в глубины, но и с помощью специальных аппаратов могут бродить там.

— Как удивительно! — вскричала леди Айна. — Путешествовать под водой! Поистине, ты живёшь во времена чудес, во

времена, когда человеку открыт весь мир! Нас учили, что как только война останется позади, у нас тоже так будет.

— Война до сих пор с нами, — ответил Рей. — Очень многому мы научились только потому, что надо было либо защищаться, либо нападать. Нет, мой век далек от золотого...

— Какого золотого? — спросила леди Айна.

— Человеческий род оглядывается назад, на золотой век, когда не было войн и все было мирно и счастливо...

Че хмуро улыбнулся.

— Когда был такой век, брат? В наше время, которое для вас легенда? Нет, ты сам видишь, много ли мира у нас. В дни Гипербореи? У нас есть свои легенды они говорят только о смерти и бедствиях, возникших от человеческой алчности и вожделения. Если и был золотой век — где можно найти его? В прошлом — нет! Нас учили смотреть в будущее.

— Которое в моем времени темное, — ответил Рей.

— Лорд! Сигнал!

Они повернулись на оклик дозорного. На юго-западе поднимался белый след, прочерчивая линию на голубом послеполюденном небе.

— Сигнал башни внешних ворот, — сказал Че.

— Похоже, что мы в конце концов выиграли забег, — сказала леди Айна.

Рей посмотрел за корму, рейдер был едва заметен, словно он остановился.

“Вот что, — подумал Рей, — держало всех в напряжении: ожидание последней атаки со стороны этого зловещего черного пятна”.

Леди Айна глубоко вздохнула.

— Воздух стал чище, потому что они уходят. Теперь будем смотреть вперед, а не назад. Будущее ждет нас.

Началась суматоха. Металлические стены, загораживающие шкафут, упали. Военные машины были укрыты материей. Впереди, на узком мысу, вдававшемся в море и увенчанным острыми зубьями скал, стояла высокая башня.

Че отдал распоряжения и ушел на бак.

— Пойдем прямо, — сказал он, возвращаясь. — Я не буду останавливаться в Мануа, а пойду прямо в канал. Смотрите, они узнали нас и салютуют флагом.

Белые облачка залпов взлетели с вершины башни, спустился и снова поднялся флаг. Ветер развернул его, и Рей увидел его эмблему — восходящие лучи солнца на зеленой фоне.

Они обошли рифы и взяли курс на запад, ненадолго увидев

другой мыс на юге. На нем стояло приземистое строение, обложенное землей.

Че улыбнулся. Напряжение сошло с его лица.

— Теперь мы внутри. Давай поедим и выпьем с комфортом.

Был еще день, когда они вернулись на верхнюю палубу. Че без усталости ходил взад-вперед, мало обращая внимания на других.

— Теперь мы здесь не одни, — указала на море леди Айна.

— Вон идет торговое судно с зерном из матери-страны, а за ним корабль северного флота. Одни суда будут стоять здесь, пока Северное море не станет вновь безопасным, а другие работают в этих водах. Внутреннее море всегда безопасно — штормы севера и капризы южных бурь здесь неизвестны.

— Почему они свернули? — спросил Рей.

Два корабля впереди изменили курс и освободили проход для “Властелина Ветра”.

— Потому что мы вывесили это, — подошедший к ним Че указал на свой флаг, на изображение полного солнца на малиновом фоне. — На башне знают, что мы несем важные известия, и отдали приказ дать нам открытую воду.

Когда стемнело, свет был направлен на этот флаг, продолжавший заявлять о необходимости быстрого прохода. То же условие действовало и на следующий день, хотя они уже шли по переполненной судами гавани Мануа. Хотя Рей видел эту провинциальную столицу только с моря, тем не менее вид ее высоких башен и пирамид производил впечатление развитой цивилизации.

Еще Рей отметил, как здесь все отличается от берегового рельефа в его времени. Хребты Южной Америки должны в будущем стать острыми гребнями Анд, а сейчас с палубы “Властелина Ветра” виднелись лишь небольшие округлые холмы за портовым каналом.

Между тем Рей обнаружил, что язык матери-страны стал ему близок. Во всяком случае он легко понимал его и только при ответах чуть запинаясь на шелкающих согласных и размытых гласных. Рей практиковался как мог, а Че попутно обучал его еще и атлантскому языку.

Первая заминка с их кораблем случилась у каналов Западного моря. На борту появлялись и исчезали какие-то чиновники. Началась толчея. Но в конце концов их пропустили, и “Властелин Ветра” плавно скользнул в воды другого моря.

— Благодарение Солнцу, наконец-то, мы свободны! — сопровождал Че отплытие последнего портового чиновника. — После всего случившегося мне не нравятся задержки, и я не собирался подчиняться портовым крысам.

— Ре Му... — начала леди Айна.

— Да, ему-то мы должны сказать правду, ничего не скрывая. А правда неприятная. Ре Му, возможно, найдет, что мы могли бы поступить лучше. Но у нас нет его мудрости. И это было мое первое командование...

— Да, но ты хоть вернулся со своим кораблем, — вставила леди Айна.

— В твоей неудаче нет бесчестия, ты сделала все, на что способна.

— Какое синее море, — сказала она вдруг, как бы решив сменить тему. — У берегов Уйгура оно серое, и очень темное на севере, где омывает Бесплодные земли.

— Почему вы зовете их бесплодными? — спросил Рей. — Места дикие, это верно, но они не бесплодные. Там леса... он остановился, подумав о высоких и темных, но живых деревьях.

— Вероятно, из-за того, что там не организовали колоний, — ответил Че. — Для нас, жителей матери-страны, они, похоже, запретны — будто хранящиеся там секреты не для глаз человека.

— А в твоём времени это ведь не так? — спросила леди Айна. — Расскажи нам об этих землях.

Он рассказал о множестве крупных городов, о перенаселении земли, о больших магистралях, аэропортах, о полетах в космос...

— Вы хотите управлять луной, посылать корабли на другие планеты! — восторгался Че. — Человек может сделать так много... Однако ты говоришь, что все это ненадежно.

— Да. Чем больше приборов делает человек, тем больше от них смерти. Машины поднимаются в небеса, падают, и люди в них гибнут или сеют смерть, и тогда женщины и дети умирают в своих домах. Люди повсюду говорят о мире на планете, но нарушают все законы, которые сами же создали. Одни имеют больше богатства, чем могут сосчитать, а другие умирают, не имея ни куска хлеба. Вот так...

— Так было всегда, — задумчиво сказала леди Айна. — Однако все мы люди — одни добрые, другие злые. А ты когда-нибудь поднимался в небо?

— Да.

— На что это похоже?

— Вроде плавания. Можно видеть мир внизу или попасть в облака...

— Мне бы понравилось, — сказала Айна. — Как было бы хорошо, если бы ты принес такую птицу с собой...

Рей засмеялся.

— Есть много вещей, которые я мог бы принести, и они были бы очень полезны, но я никогда не вспомнил бы о самолете.

— Наакали могли бы сделать такую птицу, — заметила леди Айна. — Надо посоветовать им найти такие знания.

Че испугался.

— Никто не может советовать Наакалям. Они решают, какие тропы мудрости будут открыты нашим ногам.

— Когда они услышат слова лорда Рея, они должны пойти по этой тропе, — настаивала она.

Ее настойчивость, видимо, раздражала Че.

— Рей скажет Наакалям, да. Они пожелают услышать его, когда узнают о его появлении. Но советовать мы не можем.

— Кто такие Наакали? — быстро спросил Рей, когда стало ясно, что леди Айна готовится возражать.

— Жрецы Пламени, стражи древней мудрости, искатели новых знаний, учителя человечества. Они путешествуют по колониям, распространяют знание, увеличивая, насколько возможно, запасы его в нас. О многом они говорят только Ре Му и, может быть, немногим Солнцорожденным, кто не болтлив и эти знания хранит. Такую честь оказали моей матери когда она после смерти отца стала дочерью храма.

— Я войду в храм, когда моя служба на море будет кончена, — сказала леди Айна.

Че улыбнулся.

— Это ты сейчас говоришь, миледи. Но я готов поспорить, что через год ты позовешь какого-нибудь воина к своей правой руке. И тогда мы больше не услышим о храме.

Ее глаза вспыхнули и губы искривились.

— Уж не имеешь ли ты власти читать будущее, как Наакали и те, кто прошел Девять Таинств? — Она отвернулась и ушла во внутреннюю каюту.

Рей вопросительно посмотрел на Че. Тот все еще улыбался.

— Все женщины время от времени говорят так — что мы для них ничто, и они предпочитают силы храма. Но все это быстро забывается, когда приходит время для свадебных браслетов.

— Мы еще далеко от Му?

— Мы войдем в гавань перед наступлением ночи и будем спать в доме моей матери. Я не думаю, что нас вызовут на аудиенцию до завтра, но леди Айна, наверное, пойдет ночью.

— “Земля!” — раздался вскоре возглас дозорного. Тотчас были приготовлены весла, и гребцы заняли свои места. Под мерный ритм маленького барабана они погребли легко и дружно.

— Полиция гавани. — Че указал на подплывающий к ним легкий бот.

— Что за корабль? — окликнули с бота.

— “Властелин Ветра” Северного Флота под командой Солнцержожденного Че, с важным известием для Ре Му.

— Проходите. — Полицейский бот направился встречать тяжело двигающегося “торговца”.

Овальная гавань была переполнена. Тяжело груженные торговые и величавые пассажирские суда, корабли флота, баржи и рыбацкие шхуны качались на якорях. В доках копошились грузчики.

За гаванью террасами поднимался город, не город — мечта, белый блестящий металл, радужные тона стен и башен, поднимающихся выше и выше. Дома и дворцы, которые Рей видел в Мануе, казались, по сравнению с этими, грубыми хижинами какой-нибудь захолустной деревни.

— Это — сердце нашего мира. Что ты о нем думаешь, брат? — спросил Че. — Он сравним с городами твоего мира?

— Не думаю. По размерам — да, но не по красоте.

Они вошли в док, и Че передал командование своему помощнику. Почетная стража отсалютовала им мечами, когда они высаживались. Офицер стражи сказал Че:

— Ты быстро прошел, Солнцержожденный.

— Три дня от Внутреннего Моря, — с некоторой гордостью ответил Че.

— Хорошее время, милорд. Леди Айну ждут носилки. А вы, милорды, в дом леди Эйе?

— Да, — нетерпеливо ответил Че.

Леди Айна шагнула к ним.

— Похоже, наши пути расходятся, милорды. Другим и соратникам не обязательно церемониальное прощание. До новой встречи, и да хранит вас Пламя. — Она приветственно подняла руку и исчезла со своим эскортом, затерявшись в толпе. Офицер остался.

— Какие будут приказания, Солнцержожденный?

— Помогите нам побыстрее пройти.

Офицер пошел впереди прокладывая им дорогу в многолюдной толпе. Рею не хотелось спешить, но Че торопил его. Два или три поворота с одной шумной улицы на другую — и они попали в более тихое место. Здесь тоже были повозки, лошади, ломовые телеги, но много и пешеходов. Яркие цвета, многообразие фасонов одежды, лица различных рас мелькали перед глазами Рея, и ему казалось, что город вобрал в себя большую часть мира, причудливо ее смешав. И он мечтал разобраться в том, что видел, слышал и ощущал, оставшись наедине с собой.

Они свернули в тихий узкий переулок и остановились перед

дверью богатого дома. Че резко толкнул дверь и уже с порога сказал офицеру:

— Большое спасибо за компанию и помощь, милорд, — сказал он в то время, как дверь уже открывалась от его резкого толчка.

Рей мгновение поколебался, а офицер улыбнулся.

— Все мы знаем лорда Че. Он хороший сын леди Эйе. Отдыхайте в свете Пламени, милорд.

— Он отсалютовал и ушел.

Рей вошел в большой сад и закрыл за собой дверь, которую Че оставил открытой. Здесь были пальмы, цветы, бассейн, выложенный мрамором. Возле него росли папоротники, отражаясь в спокойной воде. Че остановился и взглянул на Рея.

— Она идет.

Лужайку пересекала довольно высокая женщина. Она не поднимала глаз и казалась погруженной в мысли. Ее кожа имела перламутровый оттенок, в тон жемчугам на шее и платье; белые волосы обвитые жемчугом, толстой косой опускались до пояса. Но ничего этого Рей пока не замечал пораженный спокойной красотой ее лица.

В нем шевельнулось смутное воспоминание, и он не мог удержаться от того, что сделал затем: повернулся и пошел обратно к красной двери в белой стене.

— Сынок... Это было даже не слово а только оттиск у него к мозгу, как тогда, при первой встрече с Че. И непонятно — как — хлынуло исцеление, отогнавшее воспоминание. Но он не повернулся... не решился. Его кулак в последний раз ударил упрямую панель двери. Он не хотел, он не мог повернуться и увидеть...

— Рей.

Его собственное имя, но сказанное не тем голосом, который он боялся услышать, а другим. Его рука упала.

— Рей...

Этот зов требовал повиновения, и Рей не смог отвергнуть его. Он неохотно — ох, как неохотно — повернулся и увидел глаза, полные сострадания и заботы. Они смотрели в него, не на то, что он делал сейчас, а на то, что он пережил последние месяцы. Эти глаза проникли через барьер между этим миром и его собственным. Он был уверен, что они знали...

— Рей, — послышалось в третий раз, но это был не призыв к вниманию, а только приветствие. И рука на его руке — он сознавал это — как и эти всезнающие, всевидящие глаза, тянули его назад, в сад, и каким-то образом одновременно притягивали к другой двери, невидимой, но существующей. Рей ощутил, что от мира своего рождения он освободился.

— Проснись!

Рей открыл глаза. Он дрожал от холода, от какого-то внутреннего озноба. Почему-то Рей не лежал на том ложе, на котором уснул.

Он стоял на холодном полу в луче яркого лунного света и держался за дверной засов. Как он здесь оказался? Рей ощутил сильное замешательство.

— Проснись! — снова приказал негромкий голос позади Рея.

Он повернулся и увидел фигуру в мантии с капюшоном, стоявшую наполовину в тени, наполовину в лунном свете. Рука поднялась и отбросила капюшон. Перед Реем была леди Эйе. Она протянула к нему руку, на ее раскрытой ладони лежал шарик, горевший чистым белым светом, на секунду ослепившим Рея.

— Пойдем... — голос был близким к шепоту. Она повернулась, как бы зная, что он подчинится, и бесшумно направилась через зал к полуоткрытой двери.

Они вошли в комнату, женщина положила свой светящийся шарик на маленький треножник, и свет тут же разгорелся, осветив комнату с ее стульями, кушеткой и столом, заваленным полотняными свитками.

— Сюда! — Она указала ему на стул у стола; и Рей сел. Он все еще дрожал от холода.

Леди Эйе налила вина в белую чашу в форме цветка и добавила туда несколько капель жидкости из маленького, длинной в палец, флакона.

— Выпей! — Она вложила чашу в руку Рея.

И снова Рей повиновался. Жидкость во рту была теплой и становилась все теплее, пока он глотал ее. Когда он поставил опустевшую чашу на стол, леди Эйе положила руки на его плечи, заставляя Рея встретиться с ней глазами.

Это было... это было, но как будто все унесено силой власти, какую нельзя ни понять, ни ощутить. Слабое инстинктивное сопротивление Рея тут же ушло. Он не знал, чего она хотела от него, но она явно ждала какого-то ответа.

Наконец, она прекратила сеанс этого странного контакта, ее пальцы перестали давить на его плечи. И только тогда Рей осознал, как сильно это его держало.

— Что? — Он впервые рискнул задать вопрос, даже не зная твердо, о чем он хочет спросить. Как он попал в этот зал? Чего она хочет от него?

— Ты шел спящий, — сказала она. — ведомый силой. не из

твоего бодрствующего мозга. Я изучила природу этой силы, откуда бы она не исходила.

— Ходил во сне? Но...

— Ты хочешь сказать, что раньше этого не делал. Это правда, насколько я знаю. Послушай, сын мой. Ты знаешь, что я из храма, и поэтому я обучена. Твое время во многом полагается на материальные вещи, на знание объясняющее то, что человек может видеть, слышать, осязать или ощущать. У нас другое учение, которое не так легко проявляется. Оно имсет дело с невидимым и неслышимым, с тем, что только косвенно ощущается, но не задерживается в чистом свете дня. Но ты не нашей крови и не из этого мира, и многое, таящееся в тебе, ново для нас. Возможно, у вас есть силы, каких мы не знаем, хотя мы и опытни в таких делах. Силы, которых мы не понимаем, могут согнуть твою волю. Когда кто-то из моего народа ходит во сне, это значит, что он под контролем. Это может быть злом, и жертва должна подвергнуться очищению в храме...

— Как под контролем?

— Движимый чужой волей. И это проделывают сыны Тени. Рей покачал головой.

— Я не атлант. Я сказал Че и тебе полную правду.

Леди Эйе кивнула.

— Это я знаю. Для человека из храма прикосновение Тени, как сажа на лице. И если бы тобой завладели против твоей воли, я бы узнала это, когда минуту назад "читала" тебя. Но что-то заставило тебя идти, в то время как другая часть твоего мозга спокойна. И это важно узнать. Может быть, твое собственное время все еще держит твой дух и требует тебя. А может быть...

— Что? — Вопрос был задан скорее машинально, потому что предмет их разговора был Рею совершенно не знаком.

— Что-то еще стремится воспользоваться тобой. Когда тебя пленили атланты, один из их Красных Мантий смотрел на тебя, так? И те, кто взяли тебя, отдали ему то, что было на тебе? Таким образом, у него есть мысленное изображение тебя, и вещи, которые ты носил на теле. Сильный враг может сделать с этим очень многое. Но если это так, ты на некоторое время в безопасности. Точно сделанное твое изображение послужит тому, чтобы ты не был больше мишенью для их исследования и вторжения в тебя. Люди нашего храма поработают для тебя!

— Но... Ведь это колдовство! Оно же нереально! Вроде того, что втыкать в куклу иголки и воображать, что страдает враг.

Она так шумно и резко вздохнула, что Рей поднял глаза.

— Что ты знаешь о куклах, иглах и желании зла?

Теплота в ее глазах пропала, сменившись отчуждением и недружелюбием.

— В моем времени это сказки, в которые разумные люди не верят.

— Вот как? Ну, так, значит, они дураки, а не разумные. Древняя власть, вероятно, почти забыта, но некоторые силы приходят на зов делающих зло. Не презирай старые сказки, человек из другого времени, потому что в них заложено зерно факта. В мире существуют свет и тьма, и люди предрасположены к тому или к другому. Если они хотят платить, — а каждое требование имеет свою цену — к ним приходят знание и возможность им пользоваться. Те, кто не имеет знаний, видят несколько материальных предметов и думают, что все дело в них. Не понимая, они боятся и бегут в страхе от того, что лежит за этими игрушками. Прислушайся и поверь. Насмешка может стоить тебе жизни.

Помимо воли Рея, на него ее слова произвели впечатление. Она безоговорочно верила в то, о чем говорила, и он должен был принять это как часть их жизни.

— Значит, ты думаешь, что жрец атлантов пытался направить меня на некий путь. А зачем?

— По тем причинам, которые ты и сам перечислишь, если подумаешь. Ты вовсе не глуп. Во-первых, ты — есть новое, случайно заброшенное в наш мир в период усиления старых распрй. С таким всегда следует обращаться осторожно.

— Но я человек без особых способностей.

Она несколько утратила свою отчужденность.

— Один человек, нарушивший равновесие нашей жизни, может направить течение истории по новому руслу. То, что ты несешь в мозгу, может оказаться полезным тем людям, с которыми ты решишь быть. Это одна причина, чтобы наложить на тебя контроль, хотя попытка сделать это в истинной цитадели Солнца говорит об их невероятной дерзости. Во-вторых, ты среди нас, мы тебя приняли, и ты можешь стать для них глазами и ушами. Нет, — видимо, она правильно прочла его чувства, — не надо сердиться. Для них было бы выгоднее иметь тебя с твоим сознательным знанием. Возможно, — она снова нахмурилась, — я поступила неверно. Может быть, лучше было бы следить и ждать...

— Увидеть, куда я пойду? — Он понял ее мысль. — Если я сделаю это снова...

Леди Эйе покачала головой.

— Сейчас ты не пойдешь, по крайней мере, в течение нескольких дней. Разве я не сказала тебе, что сделано твое изображение, дабы освободить тебя от влияния атлантов? Но жре-

цы храма узнают больше, чем я. А сейчас, — ее руки снова легли на его плечи, — ты вернешься в постель, будешь хорошо спать и проснешься утром свежим и спокойным...

Может, он видел эту встречу во сне, думал Рей, поворачиваясь на кровати и чувствуя горячие лучи солнца на голове и плечах. Нет, она отложились в его мозгу во всех деталях, в сновидениях так не бывает. Он расценил это как предостережение.

— Эй! — сказал, входя Че. — Вставай, брат. Нас ждет не только пища, но и прекрасное утро!

Они выкупались в бассейне, на дне которого серебрился песок, а по бокам были вырезаны грозные чудовища. Потом оделись в шелковые туники.

— Волосы у тебя отрастают, — заметил Че. — Это хорошо. Свободнорожденный воин не стрижется, как слуга. — Он расчесал свои длинные волосы и закрепил их сзади заколками с драгоценными камнями.

Леди Эйе уже сидела за столом на террасе, возвышавшейся над садом. Она ломала лепешку, а крошки бросала на каменный пол ярким птицам, смеясь над их жадностью. Она протянула руку для поцелуя поочередно Че и Рею, Рей старательно повторил за мурийцем порядок церемонии.

— Прекрасное утро, дети мои. Жаль, что его нельзя провести так...

— Вызов? — быстро спросил Че.

— Именно. Во дворец. Может быть, позднее мы сможем показать Рею город.

Рею показалось, что при этом она взглянула на него слишком серьезно. Может быть, она продолжает думать, что он, хоть и против своей воли, но атлантский шпион, представляющий для них угрозу? К нему на миг вернулся вчерашний озноб.

Че начал торопливо обучать Рея азам придворного этикета, и Рей заставил себя сосредоточиться. Попутно Че рассказал о том, что император мурийцев не любил роскоши, что встреча, на которую их позвали, будет нелегким испытанием, но избежать ее никак нельзя.

Через минуту леди Эйе прервала сына:

— Рей, Ре Му не похож ни на одного человека из нашего мира, и я думаю, из вашего тоже. Он в самом деле особенный, избранный Солнцeroжденный: во время своего обучения он подвергался таким испытаниям, которые обычный человек не может вынести. Наше правление переходит не от отца к сыну, как это иногда бывает в меньших королевствах, а к лучшему человеку из следующего поколения, после строгого отбора среди всех Солнцeroжденных. Тот, кто сидит на троне Солнца,

действительно один из нас, он доказал свое право держать в руках всю власть. Не смущайся перед ним: он видит правду и фальшь много глубже, чем всякий другой, и честный человек с добрым сердцем не имеет страха в его присутствии.

Она его успокаивала или предупреждала? Кто знает. Но отступать некуда, а он, Рей, насколько ему известно, честен.

Их понесли в зашторенных носилках. Дворцовый эскорт освобождал перед ними дорогу и предупреждал малейшую задержку в пути. Вскоре носилки поставили — они были во дворце. Леди Эйе назвала пароль, и стражник пропустил их в зал.

Они вошли в большую комнату, которая удивила Рея отсутствием привычных ему излишеств. Пол и стены из слоновой кости были совершенно гладкими. В центре сводчатого потолка находилось отверстие, а прямо под ним внизу сидели четверо. На троих были белые мантии с откинутыми капюшонами. Люди эти были стары и сгорблены, их волосы были белы, как цвет мантий.

Четвертый сидел чуть поодаль. На нем была желтая туника, схваченная поясом из того же красноватого металла, что и щиты у матросов на корабле мурийцев. Его голову венчала корона, исполненная в виде солнечного Диска, обрамленного девятиглавой змеей.

Леди Эйе опустилась перед ним на одно колено. Че и менее проворный Рей последовали ее примеру.

— Приветствую тебя, Эйе. И тебя, Че. — Темно-голубые глаза правителя большей части мира повернулись к Рею. — И тебя тоже, иноземец, совершивший такое далекое путешествие. Идите сюда. — Он поднялся со стула и повел их в другой конец комнаты, где стояли скамьи из слоновой кости с шелковыми подушками, и велел им сесть против себя.

— Леди Эйе много рассказывала нам... — начал он.

Рей не мог удержаться, чтобы не взглянуть на императора. Эти синие глаза — такие-же, как у леди Эйе — казалось, видели не то, что было перед ними, а то, что пряталось за внешней оболочкой вещей. Он казался старым, очень старым и мудрым такой мудростью, какой Рей никогда не встречал в своем времени и месте. Однако императору вряд ли было больше пятидесяти.

Император посмотрел на Че.

— Ты почувствовал, что тот рейдер был странным судном?

— После того, как двое из моего экипажа были убиты, мы выпустили смерть-дыхание. Оно окутало весь корабль, но он все равно шел за нами, как будто люди на его борту не умерли.

Один из Наакалей подвинулся ближе и сказал:

— По нашей науке, от этого оружия нет защиты. Значит, они обладают мудростью, которой у нас нет.

— Если так, боюсь, что они заплатили за нее такую цену, которая в дальнейшем ляжет тяжестью на них, — ответил Ре Му. — Они еще пожалеют... — Он сделал паузу и чуть заметно улыбнулся. — Ты поступил правильно, Че. А теперь... — Его глаза обратились к Рею. — Я думаю, ты нам уже оказал некоторую услугу, человек из будущего, когда освободил Че из рук атлантов. Может быть, твои силы вне пределов нашего знания, чужды нам. — Но почему ты связал свою судьбу с Му?

— Мой собственный мир исчез. Что касается того, что я помог Че — так он первый помог мне. А насчет другого — не знаю. — Он помолчал. — Смогу ли я вернуться в свое время?

Ре Му повернулся к жрецу, и Наакаль ответил высоким тонким голосом: — Как юность приходит к нам во сне, так и мы сами посещаем другие времена духом — так могло бы быть. Но идти в теле — это другое дело. Никто из наших, кто отважился это сделать, не вернулся.

— Я думаю, что эту истину ты должен принять, — сказал Ре Му, но его глаза проникали в Рея все глубже и глубже, и через некоторое время добавил: — Твое имя — Рей — похоже на наше слово, означающее власть Солнца, это могущественный знак. Скажи, что ты думаешь о корабле атлантов, который должен был быть уничтожен, а, однако, шел за вами?

— Что это было зло.

— В этом все с тобой согласны. Я тоже считаю, что он содержал зло. А встретив новое зло, о нем следует хорошенько подумать. — Он замолчал, и когда заговорил снова, голос его звучал официально. — Пусть этот юноша числится Солнце-рожденным, как сын нашего дома. Пусть имеет обязанности соответствующие его положению, потому что, скажу тебе, мой сын, наши обязанности сильно перевешивают наши права. И, может быть, наш мир покажется грубым. Изучай его, как можешь, так же как и он будет изучать тебя.

Аудиенция была окончена, и их отпустили. Они вышли в другой зал, и здесь Рей попытался понять, какими силами воздействовал на него Ре Му. Не величественными манерами, не великой мудростью своих речей — нет, от императора исходил некий колышущийся свет, который заставлял благоговеть перед ним и чтить его.

Они вернулись к носилкам и ожидавшему их эскорту. Леди Эйе улыбнулась.

— Поскольку мы теперь свободны, я бы предложила отправиться на рыночную площадь, чтобы Рей увидел деловой центр города.

Теперь уже можно было откинуть шторы носилок, и Че сделал это, дав возможность Рею смотреть на город. Его улицы были широкие, хорошо вымощенные, обрамленные цветниками с каменными оградами и небольшими деревьями. У площади они остановились, и леди Эйе с благодарностью отпустила носилки и эскорт.

Рей видел людей, одетых проще них, но никого не было в лохмотьях.

— Продавцы цветов, — леди Эйе указала на море бушующих красок.

Че подошел к одному лотку и вскоре вернулся с букетиком, источающим сильный, сладкий аромат. Он преподнес его матери, та понюхала цветы.

— Почему дыхание весны не растет в нашем саду? Пламя знает, сколько раз мы пытались его вырастить, ухаживали за ним, холили, но оно всегда погибало. Тайна, которую не разрешат и Наакали. А сейчас, — она дотронулась до руки Че, — вам причитаются подарки по случаю возвращения. Самое время их выбирать.

— Нас все еще поздравляют? — засмеялся Че. — Ну что ж, воспользуемся этим. Куда пойдем, миледи?

— К Крафити, я думаю.

Они миновали переулок цветочников и вышли на улицу, вдоль которой шли открытые лавки. Солнце играло на товарах, разложенных на подносах. Рей никогда не видел такой выставки драгоценностей и теперь глазел в изумлении. Некоторые камни были оправлены в незнакомый ему красный металл, и он спросил Че, что это такое.

— Орихалк. Он состоит из золота, меди и серебра, но в какой пропорции — это секрет кузнецов.

Один из торговцев приподнялся, чтобы поприветствовать леди Эйе.

— Воистину Пламя милостливо сегодня ко мне, если Солнцeroжденная леди и ее лорд пожелали посетить мою бедную лавочку.

— Да, Крафити, если ты хочешь показать шедевры, то лучше не испытывай наше терпение. Я слышала о некоем головном украшении...

— Пусть Солнцeroжденная соблаговолит сесть, и ей принесут его для осмотра. Ахейм, — обратился он к помощнику, — принеси корону ста десяти.

— Сейчас мы увидим настоящую красоту, — сказал Че шепотом Рею. — Крафити — большой мастер, и его агенты привозят ему лучшие камни во всем мире.

Появился помощник с подносом из эбенового дерева. На его

черной поверхности стоял бюст женщины в натуральную величину, сделанный из того же дерева. На голове бюста была корона в виде сетки из розового жемчуга. Сетку обвивала девятиглавая змея из таких же розовых, но более крупных жемчужин.

Леди Эйе коснулась змеиной головки и сказала:

— Ты умеешь искушать. Теперь, когда я увидела это, я не успокоюсь, пока корона не будет моею.

— Конечно. Разве я, делая ее, не думал о Солнцержожденной? Я еще никому не предлагал эту вещь. Если бы ты пожелала ее, я бы ею всю разобрал и использовал жемчуг по-другому.

— Она моя. Вели принести ее в мой дом. А сейчас покажи мне браслеты, потому что я должна сделать подарки по случаю возвращения воинов, несших службу в далеких краях. — Она улыбнулась Рею. — Такой у нас обычай — дарить небольшие драгоценности тем, кто вернулся из трудных путешествий. Выбери один из этих браслетов и носи на счастье.

Рей в замешательстве посмотрел на гору драгоценностей.

— Выбери сама для меня, это же твой подарок.

Она снова улыбнулась, и он понял, что сделал ей приятное.

— Тогда этот. — Она показала на браслет, вырезанный из черного янтаря в форме девятиглавой змеи с бриллиантовыми глазами. — Змеи — знак мудрости, в которой нуждаются все люди. А этот браслет отличен от всех других.

— Кроме этого, — ответил Крафити, держа в руках браслет из молочно-белого нефрита, сделанного по тому же рисунку, только с рубиновыми глазами.

— Тогда этот для тебя, Че, если он тебе нравится!

— Как он изумительно сделан! — воскликнул Че.

— На внутренней стороне напиши имена, — приказала торговцу леди Эйе. — На черном — “Рей”, на белом — “Че”, и пришли их вместе с короной.

— Будет сделано, Солнцержожденная.

Рей посмотрел на лежавшие рядом браслеты — создавая контраст друг другу, они казались еще ярче. Змей, как видно, здесь почитают, подумал он, и не предубеждены против них, как в его времени.

Его браслет был прекрасен, настоящее произведение искусства, и, к тому же, подарок друзей. Но почему-то... Он и сам не знал почему, ему хотелось бы оставить браслет там, где он был. Словно бы эта черная полоска обещала в будущем зло.

Он быстро вскочил, почувствовав, что его ждут. Леди Эйе внимательно наблюдала за ним.

— В чем дело? — спросила она чуть-чуть резко.

— Да так. Контраст черного и белого еще больше привлекает взгляд.

Она взглянула на браслеты.

— Да, ты прав. И это все?

— Все, — твердо ответил он. Он не хотел больше думать о предчувствиях — в этом мире они возникали слишком уж легко.

ГЛАВА 8

Хотя жизнь обитателей дома леди Эйе внешне казалась роскошной, она отнюдь не была праздной. В обязанности Рея входило изучение мурийской грамоты, что помогало ему при чтении рукописей в свитках. А это было нелегким, но полезным занятием. Рей стал замечать, что книги, в которые он погружался, открывают ему многие стороны мурийской жизни.

Леди Эйе надолго исчезала по храмовым обязанностям. Храм был единственным большим зданием в городе, куда Рея не приглашали. Но почему? Ведь, как считал Рей, храм — сердце страны.

— Может, просто упущение? — подумал он однажды утром, глядя в окно на зелень лужайки. Но вскоре он случайно подслушал разговор Че с матерью, из которого, понял, что Че собирается в храм на особую церемонию, посвященную погибшим в море. Рею же об этом ничего не сказали.

Не ходил ли он снова ночью, говоря то, что леди Эйе считала наукой чужой воли? Если да, то он об этом не знал. Не держат ли его под некоторым подозрением и поэтому не берут в святилище, которое почитают?

Солнце было символом их верховного божества. Это Рей легко понял, так как это была древнейшая из всех религий. Но было еще и Пламя, о котором они время от времени упоминали — знак религиозного обряда и силы.

Итак, думал он, его держат в определенных рамках, приглашают только на прогулки по городу, на рынок, в доки. Однажды позвали в увеселительную поездку по реке вместе с гостями леди Эйе.

Рей запомнил все, что видел, и потом долго размышлял об этом. Но его постоянно преследовало неприятное чувство скрытности окружающих: ему показывали лишь внешнюю сторону жизни, не доверяя ее сути. Несмотря на дружелюбное обхождение, он оставался здесь чужаком.

— Милорд...

Он так погрузился в свои мысли, что вздрогнул, услышав

это слово. В нем тут же возникло подозрение: может это слежка и он теперь никогда не останется один? Он оглянулся на слугу.

— Да, Темпро?

— Милорд, посланец от Великого.

— Леди Эйе и лорд Че ушли...

— Посланец хочет говорить с тобой, милорд. Он пришел по срочному делу.

К нему?

— Впусти его.

Но Темпро уже исчез, а на его месте стоял человек в форме дворцового стража.

Солнцержожденному привет! Великий просит твоего присутствия в Зале Неба.

Рей кивнул. Мысли его спутались, и он забыл, как полагается отвечать официально. Он пошел за стражем к носилкам. Как только он сел, шторы были опущены, так что Рей ничего не видел, но и сам оставался невидимым. Почему его пригласили? Он перебрал массу ответов, каждый из которых был более диким, чем предыдущий. Слуги с носилками бежали изо всех сил, широкими шагами, что говорило о важности дела.

Он услышал окрик часового и тихий ответ сопровождающего. Затем они повернули на сравнительно тихую улицу и остановились.

Рей вышел. На этот раз он оказался не в том дворике с фонтанами, а в узком проходе между двумя высокими стенами.

Прямо перед собой, в башне, Рей увидел дверь. Она не была такой гладкой, как белые стены. Приглядевшись, Рей увидел на ней золотые символы. Но, несмотря на свои новые познания, он не мог понять их.

В дверях уже стоял посланец офицер и торопил Рея.

— Великий ждет! — сказал он с нетерпением. — Наверху. — Он посторонился, пропуская Рея на лестницу, которая висла по внутренней стене башни. Рей поднимался один — офицер остался внизу.

Внутренняя часть башни была на удивление проста, как будто ее строители специально подражали архитектурной манере древних времен, когда человек все делал из грубого камня, а опыт и мастерство приходило к нему в процессе работы. Лестница прошла через отверстие в стене прямо в пустую комнату, оттуда, снова через отверстие, дальше вверх во вторую комнату, потом в третью.

Наконец, Рей оказался в верхней части башни. Здесь его ожидал Ре Му, но не один — с ним были двое Наакалей. За их спинами круглая форма стены видоизменялась: Рей увидел в ней овальные прорезы. Но окнами их назвать было нельзя,

потому что в помещении не проникал солнечный свет — оно освещалось шарами, установленными на треножниках возле каждого из трех кресел. В остальном эта комната была так же пуста, как и нижние.

Следуя дворцовому ритуалу, Рей преклонил колено, чувствуя себя при этом неуклюжим болваном. Но почему-то на его приветствие не ответили: он оказался объектом их испытующих взглядов. Все это Рею не нравилось. Казалось: что он стоял перед судом инквизиции, хотя никаких грехов за собой не знал.

— Это правда. Мы вызвали тебя не для какого-то отчета, — заговорил Ре Му. — Ты вызван сюда не за что-либо, совершенное в прошлом, а ради грядущих действий.

Рей растерялся.

— Ты думаешь, что я замышляю, навредить вам каким-нибудь образом?

— Да, на тебе подозрение леди Эйе. Не зря она предчувствовала недоброе. Но ты можешь сделать нам благо, а не зло! Расскажи ему, Уча.

— Дело в том, — начал Наакаль, — что люди Атлантиды и в самом деле закрыли проходы мысли, чего не бывало с тех пор, как мать-страна и ее живые существа, вышли из ила морского дна после гибели Гипербореи. У матери-страны всегда имелись способы мысленного общения с людьми колоний. Таким путем Ре Му отдавал распоряжения своим вице-королям в других землях. Теперь же мы можем так общаться только с пограничными постами Майякса, но не дальше. Те, кто добровольно ушел от нас в Тень, воздвигли барьер, и никто из нас не может его пробить. И мы, ради спасения матери-страны, должны знать, какие мерзкие планы замышляются за этим барьером.

Ре Му чуть наклонился вперед, и снова всеобъемлющая аура, окружающая его, захлестнула Рея. Но он не понял, происходило то по воле императора или нет.

— Итак, мы не можем разрушить этот барьер. Но есть очень небольшой шанс, что это можешь сделать ты. Ты пришел из времени, где у народа совсем другие мысли и силы. То, что является преградой для нас, для тебя, возможно, не помеха. Захочешь ли ты помочь нам и постараться увидеть, что делают наши враги?

— Ты имеешь в виду... послать, меня в Атлантиду? — медленно спросил Рей.

— Не телом, нет, только мозгом, — ответил Наакаль Уча.

— Для такого путешествия, — добавил Ре Му, — у нас есть много мер предосторожности. Ах, — он остановился, глаза его держали глаза Рея, — я вижу, ты очень мало знаешь о мозге и его силе. В твоём времени сила основана на других значениях,

так что ты не можешь дать из себя выход тому, чего не понимаешь и не контролируешь. Многого ты и не подозреваешь. Но ведь ты уже разговаривал мозгом с мозгом. Когда-нибудь ты научишься и будешь пользоваться внутренней силой, как все Солнцорожденные. Но я уважаю твое колебание, поскольку для тебя это нехоженные дикие места без проложенных троп.

Я нужен им, подумал Рей, они будут бережно обращаться с необходимым инструментом. И это правда, что он общался с Че и с другими, и вреда от этого не было. Однако...

Леди Эйе предупредила его — может быть, он уже был проверен как инструмент... С другой стороны...

— Нет! — Ре Му снова прочел его мысли. — Подумай, разве мы рискнули бы использовать тебя, если бы сомневались? Доказательство этого ты сейчас увидишь.

Второй Наакаль достал из-под своей мантии кристалл, точно такой же держала в руке леди Эйе в ту ночь, когда Рей ходил во сне.

— Возьми его в руки и приложи сначала к сердцу, а потом ко лбу.

Жрец не протянул кристалл, а бросил, Рей поймал его в послушно сложенные ладони. Кристалл был не холодным, как ожидал Рей, а тепловатым. Рей прижал его к груди, а затем, по жесту Наакаля, ко лбу.

— Теперь верни его.

Наакаль протянул руку, и Рей тем же способом, каким получил, бросил шарик обратно. Кристалл слабо блестел, но во всем остальном не изменился. Все трое, взглянув на шарик, кивнули.

— Никто, запятнанный Тенью, не смог бы этого сделать, — сказал Ре Му. — Ну, что ты решил? Это дело должно быть добровольным.

— Как я узнаю, на что глядеть, если пойду? — спросил Рей.

— Тебя пошлют в точные места, — ответил император.

— Когда?

— Сейчас. Отсрочка опасна.

Рей облизнул губы. Да или нет? Он не сомневался, что они твердо верят в успех задуманного. Но для него это был вопрос. Ну, что ж — поверю им, раз это так важно.

— Идет, — коротко ответил он, вдруг забеспокоившись, что его нежелание возьмет верх.

Наакали поднялись. От прикосновения Ре Му к стене плита повернулась и открыла бассейн. По его предложению Рей вошел в искрящуюся воду, приятно покалывающую кожу. Затем на него одели мантию, такую же белую, как у них

и посадили в кресло, на котором раньше сидел Ре Му. Теперь император стоял позади Рея, плотно закрыв ладонями его глаза.

— Смотри на черный занавес, висящий перед тобой, — повелел мурийский правитель Рею.

Внезапно возник занавес, черный и плотный, ниспадающий тяжелыми складками.

— Иди сквозь него! Вперед! — приказал Ре Му.

Рей повиновался. Он пошел сквозь занавес, мимолетно ощутив руками тяжесть его гладкой ткани. Внезапно вокруг него заплескали языки пламени, и он судорожно вцепился в занавес.

— Назад! — донесся до Рея далекий голос.

Но он уже качнулся вперед, проход был открыт — и это обещало избавление от огня. В следующее мгновение Рей нырнул в проход и очнулся.

Он стоял в конце длинного зала с колоннами. Его красные стены были затенены. В полумраке Рей рассмотрел фрески, изображение на которых в своей тщательной детализации пошлости и смрада, выдавало в авторах демонов из преисподней. Рею было тошно смотреть, и он попытался отвернуться, но воля, контролирующая его действия, приказывала ему внимать этому ужасу, как бы оценивать всю непристойность и жестокость изображений.

Находясь в тени колонн, Рей обнаружил, что он здесь не один. За черным каменным алтарем стояли четверо людей, поглощенных каким-то действием. Они монотонно пели. Рей не понимал слов, но спрятался, догадываясь, что тут есть нечто такое, чему следует быть свидетелем.

На алтаре стояла золотая статуя в пригнувшейся позе. У нее была бычья голова с широкими рогами, что казалось нелепым в сочетании с человеческим телом, вокруг статуи парило мрачное черное облако. Без большого усилия Рей в этом изображении признал Зло, присущее мыслям его создателя.

Двое из стоявших своими красными мантиями и лысыми головами напомнили Рею того атлантского жреца, которого он видел на корабле, — они явно были служителями этого мерзкого бога. Третий носил воинские доспехи, а четвертый — богатую мантию со множеством украшений. У него был маленький круглый рот, похожий на присоску осьминога, и крохотные глазки, глубоко сидевшие в складках жирной кожи. Рей почувствовал к нему такое отвращение, словно его эмоции кто-то усилил в несколько раз.

Но был еще пятый. Раздетый и связанный — беспомощный пленник — он лежал на нижней ступеньке алтаря. Но от него как бы исходило сияние, природа которого заключалась во

внутренней силе и отчаянной решимости. По волосам и цвету кожи Рей определил, что это муриец.

Пение кончилось. Один из жрецов двинулся к мурийцу, мрачные блики играли на лезвии его кинжала.

— Негодяй! — Пленник плюнул в Красную Мантию. — Му встанет против вас и вашего дьявольского бога! Над ним блеснул кинжал. Тело пленника вздрогнуло и застыло. Второй жрец собрал хлынувшую кровь в чашу. Чаша передавалась из рук в руки, и они пили из нее.

Рея мутило. Он боролся с волей, державшей его здесь, пока, наконец, ужасный зал не исчез. Теперь Рей стоял на высокой стене над гаванью, забитой кораблями. Он оставался тут некоторое время, словно все внизу тщательно изучалось через его глаза, хотя для него это были всего лишь корабли разных форм и размеров.

В свою очередь и гавань исчезла, Рей очутился в другом зале, но на этот раз во дворце, а не в храме... Хотя стены здесь тоже были из красного камня, но зал был выдержан в других тонах, а стены украшали гобелены с фантастическим рисунком.

Человек в богатой мантии, которого Рей видел у алтаря бога-быка, сидел на троне в окружении придворных. Над всем собранием парило мрачное облако. Рей знал, что это парение духа, и не удивился своей способности видеть это. Перед Посейдоном — потому что этот человек не мог быть, никем другим — стояла группа крепко связанных пленников-мурийцев.

Слабо и как бы издалека Рей услышал слова правителя.

— Вы остались одни. Ваша мать-страна оставила вас нам. В эту ночь кровь вашего капитана утолила жажду Ваала. Му теперь — щепотка пыли на подоле нашей мантии, и мы стряхнем ее, чтобы она развеялась по ветру. Вы еще увидите это...

Один из пленников тряхнул головой и откинул с лица спутанные волосы.

— Творящий зло, Му будет жить, вечно! Его руки всегда над нами. Если по его воле мы должны умереть ради блага других, то мы умрем. Ты, отродье мрака, думаешь, что хоть один сын Му станет делать зло по твоему приказу?

Посейдон жестко улыбнулся.

— Так, — его голос стал еще тише, Рей едва различал слова, — ты все еще говоришь, выпрямив шею, с высокомерием на губах и с вызовом на языке. Ладно, я не убью тебя сейчас. Я приберегу тебя, чтобы твои ноги горели, когда тебя заставят бежать по углям, оставшимся от Му.

— Мать-страна падет не так легко и не в то время, когда хоть один из твоей расы еще будет дышать. Если ты веришь тому, что сказал, то ты круглый дурак! — быстро ответил пленник.

Жирные щеки Посейдона потемнели и раздулись от злости.

— Увести их в ямы

Воля снова вызвала Рея, когда он бросил последний взгляд на уволакиваемых пленников. На этот раз он оказался в лавке торговца, вроде тех, какие посещал на рынке мурийского города.

Рей ненадолго стал свидетелем полупьяной беседы.

Доколе нам плестись в хвосте у торговцев Му? — спросил хозяин лавки. Он поднял кружку, отпил и деликатно прикоснулся к губам квадратиком льняного платка.

— У матери-страны великие силы, — с сомнением ответил один из его компаньонов.

— Да? — Торговец выпил снова и облизнул губы. — Разве жрецы Ваала знают меньше?

Вскоре Рей переместился в какую-то очень высоко расположенную комнату, так как из ее окна огни домов и фонарей виднелись далеко внизу. Впервые с начала своего странствия во времени он оказался среди знакомых ему предметов. Здесь явно размещалась лаборатория. За столом в углу беседовали два атланта в красных мантиях.

— Нам для опытов нужен человек, — сказал один, и хотя Рей находился близко от них, он опять слышал очень плохо.

— Есть у меня на примете... Мурийский пленник. Пусть встретит объятия Преданного, как и весь его род в будущем! — жрец даже затрясся от нетерпения, а облако зла над его головой стало еще темнее. Но напарник смотрел на свои руки, лежавшие на столе, и его вытянутое лицо выражало сомнение.

— А что, если мы откроем ворота, а закрыть не сможем? Иной раз я боюсь, что мы зашли слишком далеко.

— Разве лорд Тени не станет защищать свое добро? День Пламени теперь на закате.

Какое зло они тогда творили, Рей не запомнил. Воля, контролирующая действия Рея, проявила к нему сострадание и стерла из его памяти многие подробности этой сцены.

Рей снова оказался у черного занавеса и еще раз прошел через неистовый огонь. Наконец, больной и измученный он оказался в комнате башни Му.

Перед ним стоял император. Его лицо потеряло свое величественное спокойствие, Наакали тоже казались людьми, не имевшими защиты от неминуемой гибели.

— Итак, вот что они делают... открывают врата Мрака; до

которых ни один человек не смеет права касаться... — прошептал Ре Му. Разве они не знают, что вызванное ими, в конце концов обернется бедой против них же? Вызвать это можно, а вот загнать обратно... Мир тем, кого они послали к Солнцу! А тебе, — сказал он Рею, запахнув при этом мантию вокруг его плеч, — тебе мы обязаны безмерно, потому что, если бы мы не узнали их дел, они бы нас погубили.

— Что делалось в той лаборатории?

— Скажи спасибо, что ты не помнишь. Теперь мы должны уйти — нужно обобщить информацию. Новые сведения тяжким грузом лягут на наш мозг, и успокоит его только гробница. Они совершили грех, которому нет прощения, и кара будет нещадной.

Старший Наакаль протянул Рею чашу с искрящейся водой. Мурийский правитель поддерживал его за плечи, пока он не выпил все. С каждым глотком Рей чувствовал прилив жизни и энергии.

— Ты должен отдохнуть. мы последуем, чтобы ты спал без сновидений, а потом отправим домой. Сон уже тяжело давил на веки Рея. Он едва сознавал, что Наакали принесли подстилку и положили ее на пол, что сам Ре Му помогал им уложить его. Однако несмотря на желание уснуть, Рей вздрогнул, когда непрошенные воспоминания об увиденном снова всплыли в его мозгу. Но тут чья-то рука коснулась лба Рея, прозвучали слова на непонятном ему языке, и воспоминания исчезли — остался только сон.

* * *

Когда он проснулся, над ним сиял мягкий свет, исходивший из овальных проемов в стене. Услышав вдруг шорох, Рей медленно повернул голову. Даже это слабое движение потребовало от него большого усилия. Возле него стояла леди Эйе и улыбалась.

— Мне рассказали о том, что ты совершил, и я пришла, чтобы о тебе заботился кто-то из твоего собственного дома.

Глаза Рея закрылись помимо его желания. “Из твоего дома...”

Но зачем ему мурийский дом? Это не его мир, и он здесь чужой...

Деревья, высокие, как башни Му, окружали его. Между ними лежали тени, образуя на земле причудливый узор. Где-то там... дальше, дальше... Он должен идти дальше...

— Рей! Рей!

Этот зов донесся до него слабо, как голоса атлантов в его странном путешествии, но он был повелительным, он требовал, чтобы Рей его услышал... Услышал и остановился бы между деревьями в неведомой дали.

— Рей!

Его схватили за руки. Он пытался вырвать их, но не мог. Вернись!

И этот зов донесся до него с такой силой, что Рей съежился, как под ударом грома.

— Вернись! — снова раздалась, требовательная команда, исключаяющая неповиновение.

Рей приоткрыл глаза. Рядом с ним по-прежнему была леди Эйе.

Она держала его, стоя на коленях, а за ней Рей увидел старого Наакаля, который положил пальцы на ее плечи, словно связав их троих в одну цепь.

ГЛАВА 9

Длинноногая птица зигзагами бегала по песку, намытому приливом, в поисках пищи. Ей уже попался маленький скат, и теперь она, похоже, надеялась на более существенные находки. Но обогнув скалу, она заверещала и поспешила обратно.

Рей, встревоженный ее испуганным криком, поднял голову и оглядел маленькую бухту. Она была пустынна, и Рей успокоился. В известном смысле и он ощущал вокруг себя пустоту, потому что, несмотря на оказанный ему теплый прием, между ним и мурийцами оставался непреодолимый барьер, создавая ощущение нереальности происходящего.

Что же все-таки произошло с этой страной и ее народом впоследствии? Куда бежали последние мурийцы? А может, они погибли на островах, ставших позднее, в результате мощных землетрясений, вершинами гор? Вообще, какая всемирная катастрофа изменила весь облик планеты, переиначив ее поверхность? Скорее всего, в таком хаосе цивилизация быстро погибла — исчезло все, остались лишь легенды, а короли Му превратились в полузабытых богов вырождающихся рас.

Бесплодные Земли были его Землей — если что-нибудь здесь вообще могло быть связано с ним. Когда-нибудь... когда-нибудь он, может быть, вернется туда.

Жадная птица, обманутая неподвижностью Рея, подошла к нему совсем близко. Понаблюдав за ним некоторое время, она заторопилась к другой скале, на противоположной стороне бухточки.

Она метнулась обратно, быстро плещась по мелководью. Рей был раздосадован: он надеялся, что ему не будут мешать. Впрочем действительно, сюда никто не шел, но благодаря ка-

кой-то своеобразной акустической игре скал, он явственно услышал голоса. Разговор привлек внимание Рея.

— Храм Ваала празднует ночь, середины года. Рисковать шеей ради Му? Если они верят в это, они дураки. Я полагаю, надо освободиться самим, как это сделала Атлантида. Выгнать Солнцорожденных. А не захотят ходить — что ж, пусть встретятся с Ваалом. Похоже, он знает, как нужно пользоваться такими, — говоривший захохотал.

— Значит, ты поплывешь на восток? — спросил его спутник.

— На третий день, считая от сегодняшнего, а может, и раньше, если успеем. Это мурийское дурачье не интересуется моими морскими полномочиями — зачем им? Я всего лишь торговец зерном из Уйгура, направляющийся к окраинам Майякса и проделавший этот же путь два года назад. Они знают меня по одежде. Одно только плохо: в этом городе живет некая Солнцорожденная — леди Эйе, она знает меня в лицо. Я бывал в ее доме еще до дела тайных кораблей, за которые получил пять лет. Теперь этот город закрыт для меня, и если я наткнулся на нее, она донесет Солнцорожденным.

— Как же ты пройдешь мимо восточной страны, чтобы добраться до своих друзей?

— Это мой секрет. Дай мне те сведения, которые ты добыл, и я спокойно унесу их, не бойся. Мне не впервой делать такое. И твои братья из Тени будут рады мне.

— Я не рискнул шпионить слишком долго — в храме работает секретная служба. К тому же это опекаемые Пламенем жрецы знают способы читать самые потаенные мысли. Хорошо еще, что меня вообще приняли в храм, пусть даже учеником.

— Ты узнаешь то, что нам надо, — с угрозой сказал первый. — Нам стало известно, что недавно они каким-то образом проникли сквозь занавес Тьмы. И они обнаружили Преданного. Ты должен узнать, как им это удалось и какую защиту они пытаются создать — это очень важно. А теперь уходи, пока никто не спросил, почему тот, кто пошел к постели больного отца, очутился на взморье с торговым капитаном из Уйгура.

— Как?! — в этом возгласе послышался неподдельный страх. — Ты же сказал, что это безопасное место!

— Полностью безопасных мест не бывает, олух! В наших делах всегда есть элемент риска. Если ты этого не допускаешь, то ты хуже дурака. Никогда не забывай, что ты ходишь по краю пропасти, несмотря на свою охранную грамоту. А теперь исчезни!

Рей подполз по песку к скале и выглянул из-за нее, но ему удалось увидеть этих людей только со спины. Один был в белой мантии Наакаля, другой — в выцветшей от соли тунике. В

общем, он ничем не отличался от самого обычного капитана маленького торгового судна.

Они скрылись за утесом. Рей встал, стряхнул с себя песок и попытался вспомнить, где находился ближайший сторожевой пост — он наверняка миновал его, когда сюда шел.

Когда он выбрался на дорогу, те двое были уже далеко. Пара слонов уносила их, подняв облако пыли. Лишь всадник с рогом королевского курьера торопился обогнать тяжело нагруженных животных.

Все путешественники в этих местах должны были останавливаться у внешних ворот города, чтобы стража могла их проверить. Древний обычай, давно забытый, но недавно восстановленный, был теперь причиной недовольства и роптания со стороны тех, кто не видел в нем никакого смысла.

— Имя и ранг? — спросил Рея солдат хриплым голосом человека, задавшего за последние полчаса этот вопрос уже раз сто.

— Солнцeroжденный Рей из дома леди Эйе.

— Проходи. — Но при этом солдат уставился на него с неприкрытым удивлением: видеть Солнцeroжденного пешим и одного, без сопровождения, было несколько необычно.

Рей спешил по улицам. Цитадель... Вот где он должен быть как можно скорее. Он назвал себя другому часовому, у внешних ворот дворца.

— Солнцeroжденный Рей с важным сообщением для Ре Му!

Он вошел во внутренний двор и, после некоторого ожидания, был препровожден к императору в зал аудиенций. Здесь были не только Наакали, но и воины, которые с удивлением посмотрели на Рея. Но Ре Му сделал ему знак подойти.

— Тот, кто пришел в такой спешке, должен нести что-то важное.

Рей искоса взглянул на офицеров, мурийский правитель понял его и жестом приказал им уйти.

— Можешь говорить.

Рей быстро изложил все, что услышал на берегу, и лицо императора приняло выражение суровой власти.

— Ты хорошо сделал, что сразу пришел к нам с этим. Ты можешь описать этих людей и их лица?

— Нет, Великий. Могу сказать только, что один был в мантии Наакаля, а другой, судя по их разговору — морской офицер из Уйгура. Думаю что узнал бы их голоса, если бы слышал снова.

— По твоим словам, леди Эйе знает моряка. Это очень кстати. А вот ученик...

Один из Наакалей шевельнулся и сказал с холодной яростью:

— Будь уверен, Великий, мы найдем изменника и узнаем хитрость, которую он применил, чтобы стражи Пламени не раскрыли его. То, что расскажут его уста, будет сразу передано тебе, лорд Пламени.

— И моряка тоже возьмите на себя. Будь наготове, Солнцержожденный, чтобы помочь нам его опознать. А пока можешь оставить нас.

Рей вернулся в дом леди Эйе, хотя его так и подмывало пойти в порт и разыскать там уйгурского моряка. Но уже наступили сумерки, и здравый смысл подсказал Рею, что силы закона, приведенные в действие, будут куда эффективней его любительских потуг.

— Рей! Где ты был? — Че шел по садовой дорожке. — Мы искали тебя.

— Я ходил на взморье... — Рей замялся. Рассказать Че? А почему бы и нет? С него никто не брал обещания молчать. Он поднялся на террасу, там, за столом, уже сидела хозяйка дома.

— Извините, — сказал он поспешно, — я не думал, что уже так поздно...

— А вот я думаю, — выражение ее лица изменилось, — что кроме извинений, у тебя есть что сообщить нам. Не так ли?

— Что ж, слушайте... — и он вторично рассказал всю историю, добавив к ней аудиенцию у Ре Му.

— О, Пламя! Изменники в городе! — воскликнул Че.

— В самом храме! Но как зло могло так хорошо замаскироваться, что вошло туда незамеченным? — В голосе леди Эйе было столько смутения и неуверенности, неожиданных для Рея, что он попытался успокоить ее.

— Наакаль сказал, что они найдут его.

— Тем, кто перейдет дорогу Наакалям, — заметил Че, — жизнь перестанет казаться приятной. Их можно почти пожалеть.

— Нет! — резко сказала его мать. — Не будет пощады тем, кто служит Мраку, затмевая Свет, кто добровольно предпочел Зло Добру!

— Я думаю, их вылазка сильно приближает тот день, когда наш флот выступит и двинется на восток, — сказал Че с заметным удовлетворением.

Рей вспомнил — сон это был или явь? — о своем пребывании у атлантов. Да, у Че все просто: будущее сражение должно решиться победой добра над злом. Но он-то видел лабораторию в башне атлантов, и там было что-то еще, что стерлось из его памяти. Теперь ему очень хотелось действительно вспомнить это — те события не должны искажаться его фантазиями.

— У них, кажется, появилось новое оружие, — сказал он.
— Странное оружие.

Че искоса взглянул на него.

— Не хочу задавать вопросы, но ты говоришь так, будто что-то знаешь.

Хотя Рею не приказывали держать свой сон в секрете, интуиция подсказывала ему поменьше об этом распространяться. Но Че, сам того не ожидая, эту тему затронул.

— Я не уверен в том, что знаю, если вообще что-нибудь знаю, — сказал Рей. Он не лгал, но был уверен, что Че расценит его слова как уклончивый ответ.

И действительно, тот пожал плечами.

— Да ладно. Я тоже знаю, что такое приказ.

Рей заколебался. Ему почти не на кого было опереться в этом мире — только Че да леди Эйе... Что, если он утратит и их доверие? То малое, что еще имеет? Но прежде, чем он успел раскрыть рот, слуги принесли ужин, и разговор перешел на разные мелочи. Рей ел то, что перед ним поставили, не слишком вникая в содержимое блюд — просто он был голоден. Тем не менее он заметил, что леди Эйе едва дотронулась до еды. Она встала и подошла к краю террасы, вглядываясь в освещенный город.

— Долго ли это продлится? — спросила она тихо, но отчетливо. Мы переживем эту войну — так объявили храмовые предсказатели.

Но рано или поздно, все равно наступит конец. Может быть, не при нашей жизни и даже не при жизни наших внуков, но мрак будущего поглотит нас. И ты говорил, Рей, что в твоём времени о нас не знают. Атлантида исчезнет, но человечество хоть и смутно, да вспомнит о ней. А Му уйдет — и даже легенды после нее не останутся. Море укроет обе страны, появятся новые земли и другие народы, не знающие великих законов жизни. И все начнется сначала. Возникнут новые нации, будут построены новые города, созданы новые учения... Но навсегда останутся войны, несчастья и зло. Ведь так?

— Так, — кивнул Рей.

— Ты говорил, что в твоём времени люди достигли Луны, стремятся на другие планеты. Но они не могут победить войну, а переносят ее все дальше и дальше — так они скоро доберутся до звезд. И что в этом хорошего?

— Ничего хорошего, — согласился Рей, — но...

— Но, — подхватила она его мысль, — уж так устроен человек, что не может без борьбы и крови. И пока мы не победим самих себя, зло будет постоянно сопровождать нас. Тень внушает нам, что с Атлантидой бесполезно бороться, но

мы боремся, чтобы в этом времени и пространстве Тень не покрыла землю — нашу землю. Но мы уже состарились, Майякс и Уйгур старятся, Атлантида гниет от зла. А что такое Бесплодные Земли, Рей?

— Великие равнины и лес... Рей замолчал, вспомнив этот лес. Деревья.

— Деревья? — переспросил Че, и Рей понял, что произнес это вслух.

— Такие деревья, каких в моем времени нет, — объяснил он. — Эта местность, мне кажется, не благоприятна для жизни людей. — Он вдруг понял, что нащупал разгадку какой-то тайны. Действительно, тот лес не любит человека, сопротивляется ему, старается изгнать из себя чужого.

— Однако это твоя страна, — сказала леди Эйе.

— Она будет ею после. Пока же эта земля не пригодна для жизни.

Вошла Лисса, горничная леди Эйе.

— Посланец из цитадели. Солнцeroжденные лорды должны явиться немедленно.

— Идите с миром, — леди Эйе протянула им руки. — Хотя, я думаю, у нас его осталось очень мало. А жаль, ведь это самое драгоценное из того, что мы имеем.

Носилок на этот раз не было, только взвод охраны. Звон мечей о доспехи показался резким в тишине переулков, но в шуме главной дороги почти не был слышен.

Ре Му сидел на троне в аудиенц-зале. Его окружали стражники и два Наакаля. Перед троном стоял какой-то человек.

Рей и Че преклонили колени.

— Скамью для Солнцeroжденных, — распорядился император. Два стражника выставили узкое двухместное сидение. Мурийский правитель обратился к стоящему перед ним человеку: — В твоём документе говорится, что ты плывешь с зерном на западные окраины Майякса.

— Так, Великий.

Рей удивленно взгляделся в человека. Это был тот самый изменник из Уйгура — Рей мог поклясться в этом.

— Твой родной порт — Чен-Чель?

— Так, Великий.

Он был моложе, чем казалось Рею. И держал себя с какой-то нагловатой уверенностью — то ли прикрывал ею страх перед опасностью, то ли это была безрассудная решимость человека, бросающего вызов своим врагам.

— Сколько лет ты служил во флоте?

— Пять, как обычно, Великий. Я не Солнцeroжденный, чтобы гулять по палубам только три...

Нет, это не прикрытие, решил Рей. Этот человек знает, что он обречен, но решил умереть, сражаясь.

— Ты слышал о некоем Сидике?

— Ну. Он был офицером флота, осужден за кражу общественного имущества.

— И приговорен к пяти годам. Однако он теперь разгуливает здесь по улицам. Ты не встречал его?

— Зачем загадки, Великий? Один из стражников шевельнулся, как бы собираясь умерить нахальство пленника, но легкий жест императора удержал его. Глаза Ре Му блеснули под маской спокойствия.

— Никаких загадок. Ты был опознан Солнцерженной леди Эйе как Сидик. А у нее есть причины хорошо знать тебя.

— Она права. Кто я такой, чтобы спорить с Солнцерженной?

Рей удивился: почему человек из Уйгура ведет себя так дерзко? Может, он думает, что его обвиняют только в победе от наказания? Но тогда разве стал бы сам Ре Му заниматься такими пустяками? Неужели Сидик не понимает, почему он здесь?

— Лорд Рей!

Рей вздрогнул и тут же встал по жесту императора.

— Ты слышал когда-нибудь голос этого человека?

— Да, Великий. Это тот самый о котором я тебе говорил.

— Можешь поклясться?

— Да, Великий.

Ре Му велел Рею сесть. Если Сидик и заподозрил самое худшее, он был достаточно тверд или достаточно опытен, чтобы не показывать этого.

— Предатель!

Гнев, с каким было произнесено это слово, на сей раз пробил броню самоуверенности Сидика. Он побледнел, и этого не скрыл даже морской загар.

— Твой соучастник выдал нам все ваши планы. И теперь он получает достойную награду от тех служителей Пламени, которых пытался замарать одним своим присутствием в храме. Мы знаем, зачем ты явился сюда. Ну, жалкий дурак, пришел тебе Ваал на помощь? Поднимется ли хоть один меч в твою защиту? Говори свободно, и может быть, сострадание умерит правосудие..

Если минутой ранее Сидик и выглядел растерянным, то теперь к нему снова вернулось самообладание.

— Уж коли я должен умереть, я умру. Но от меня мало что узнают...

— Да? — Ре Му чуть заметно улыбнулся.

Рей вздрогнул от этой улыбки. Не хотел бы он, чтобы ему так улыбались...

— Ты пойдешь с Наакалями.

По лицу человека из Уйгура прошла, но тут же исчезла тень.

— Ладно, я пойду с ними, но пока смогу, не раскрою рта.

— Ты — зло и добровольный слуга зла. И мужество твое только для зла. И это сейчас, когда многие люди страдают ради блага своих ближних. Солнце Му решает, — голос императора стал торжественным, — да будет так!

Сидика повели. Проходя мимо Рея, человек из Уйгура пристально взглянул на него.

— Настанет день, и ты вспомнишь меня, Солнцержожденный, — титул Рея он произнес с презрением. — Ваал знает тех, кто помогает умереть его верным слугам. И его храм увидит тебя. Я знаю это, потому что у некоторых из нас перед смертью наступает прозрение. — Он скрипуче засмеялся, и солдаты повели его дальше.

Че вскочил, глядя ему вслед.

— Он видел... он видел тебя в Красном Храме. Человек перед ликом смерти иногда говорит правду о будущем. Но, может статься, ты войдешь туда воином-завоевателем, а не пленником!

— Мы были слишком благодушны многие годы, — прервал его голос Ре Му. — Еще день, и эти изменники ушли бы от нас. Что ж, попробуем узнать побольше от Сидика, потому что ученик храма лишь недавно завербован ими и мало что может сообщить.

Он, казалось, погрузился в свои мысли и забыл об окружающих.

Рей надеялся, что теперь его отпустят, поскольку он выполнил свою миссию, но этого не произошло. Томительно текли минуты, в зале стояла тишина, нарушаемая изредка слабым позвякиванием доспехов, когда какой-нибудь воин менял позу. Чего они ждут?

Рей засуетился, пытаясь привлечь к себе внимание, но все напрасно. Ему становилось не по себе — казалось, что даже в этом белостенном зале собирались тени, они сгушались и ползли к трону, как будто ночь сегодня подступала с угрозой.

Портьера раздвинулась: вошел стражник, отдал честь императору и протянул исписанную табличку. Ре Му прочел ее и поднял глаза.

— Оказывается, Сидик лично неизвестен тем, кому он служил. Во избежание риска ему было запрещено общаться с ними. Лорд Рей, что он сказал тебе, когда его уводили?

— О своем предвидении, по которому я буду в храме Ваала.

— Что будешь... но не как попадешь туда. Благодарю всех известных тебе богов, что он видел не все.

Че шагнул вперед.

— Великий, этот Сидик неизвестен своим хозяевам на востоке, и они не скоро начнут искать его. Так может, кто-нибудь из нас возьмет его имя и войдет в сердце вражеской страны?

— Те, кто засылает шпионов, должны уметь и ловить их... Что ты думаешь об этом, Уча? Это возможно?

— Да, так записано на звездах.

— Тогда... — Че почти не дышал, — позволь мне предложить свои услуги для этого задания.

Ре Му медленно покачал головой.

— Не будем спешить с решением. Посмотрим, посмотрим...

— Великий, — обратился к императору старший Наакаль, и голос его тотчас стих почти до беззвучия, слышимый лишь Ре Му.

— Лорд Че, наша воля такова, чтобы ты поискал на картах Бесплодных Земель подходящие гавани для укрытия кораблей-разведчиков.

— Слушаюсь, Великий.

— А ты, лорд Рей, пойдешь с А-Камо, чтобы записать все то, что ты слышал от Сидика.

Младший Наакаль отошел от трона и подождал Рея. Они вышли в коридор через другую дверь — очевидно, личный выход императора, подумалось Рею. Он внимательно посмотрел на своего спутника и увидел в его руке сияющий кристалл. Внезапно из кристалла вырвался яркий луч, ослепивший Рея.

ГЛАВА 10

Сидик из Уйгура, из дома леди Ма-Лин, сын ее маршала, некоего У-Вала. В день своего пятинадцатилетия ты был отправлен на флот для обучения, служил под...

Имена, множество имен путались в голове Рея. Голос монотонно бубнил, передавая подробности жизни какого-то Сидика. Рей пытался заткнуть уши, как бы поставить барьер между своим мозгом и этим голосом, но тот цепко держал его в плену, заставляя запоминать любую мелочь из биографии Сидика. Рей не мог открыть глаза, но чувствовал прикосновение к своему телу чего-то мокрого и холодного, а вокруг себя ощущал странные запахи.

— Тебя взяла мурийская стража, но ты сумел освободиться: взвалив ответственность за измену на ученика Ра-Чина, ты сказал, что тот подходил к тебе и просил вывезти его из Му, но ты отказался. Слушай приказ: через два часа после

того, как твой корабль бросит якорь у пограничного поста У-Ма-Чель, ты должен один тайно сойти на берег и продвигаться вдоль изгиба бухты к северу до тех пор, пока не упруешься в две островерхие скалы с отверстиями. Около них ты дождешься небольшого бота.

— Зачем все это? — Рей чувствовал, что попал в сети, из которых не так просто вырваться.

— Месяц ты будешь наблюдать и делать то, что вложено в тебя. Затем, в течении трех дней корабль флота, замаскированный под южное судно, груженное фруктами, будет стоять вдали от гавани Пятистенного Города. На нем будет флаг чумы, чтобы никто не подходил к его борту. Ты должен, если сможешь, добраться до него не позднее четвертого дня Ты понял?

Рей не понял, но его голова кивнула сама по себе.

— Ты Сидик из Уйгура!

Рей открыл глаза и посмотрел в зеркало, оказавшееся перед ним. Он не узнал себя, в зеркале отражался какой-то человек с желто-коричневой кожей и черными волосами, жирными прядями падающими на лицо — само же лицо каким-то образом стало много старше и грубее.

Рей оглядел себя. Под ногтями чернела глубокая грязь. На запястье была выколота маленькая татуировка, прикрытая широким медным браслетом. На ногах — сапоги из шкур с остатками шерсти.

— Вот твоя одежда.

Из-за зеркала протянулась рука и указала из сверток. В нем Рей нашел кожаную куртку и юбку, когда-то бывших синими, но теперь выцветших, в пятнах соли — от них пахло морем и потом.

— Сделали, что могли, — Рей услышал голос позади себя, но в зеркале при этом никто не отразился. — Не забывай сутулиться, когда идешь, ты с дальних границ, хорошим манерам тебя не учили. Что ты делаешь? — голос стал резким и встревоженным.

Рей ощупал поочередно свои запястья, но не сразу мог вспомнить, что ищет. Черное... да, это было черное! И он носил это здесь, и это было важно для него!

Он снова попытался бороться с туманом, охватившем его мозг.

— Черное... — В зеркале он видел, как его губы выговаривают это слово. — Черный браслет,.. мой!

Внезапно он представил его совершенно отчетливо. Черный браслет принадлежал ему. Он не двинется с места, пока ему не отдадут его! И он заклинился на этом странном желании, словно оно как-то защищало его.

За его спиной послышался шорох, но в зеркале опять ничто не отразилось. Однако теперь, хотя тело Рея по-прежнему плохо ему повиновалось, он сумел обернуться.

За ним стояли трое. Первый, судя по форме, был офицером; второй носил тунику слуги — он колдовал над горшочками и бутылочками, через его плечо было перекинута полотенце с пятнами бурого цвета; третий — Наакаль, державший то, чего так желал Рей: черный браслет в виде змеи с бриллиантовыми глазами.

— Этим он выдаст себя у атлантов, как только браслет заметят. Ни один торговец не носит таких сокровищ. — офицер направился к Рею, но его остановил голос Наакаля.

— Не знаю. Он так сильно желает этого, что отказать ему будет нелегко. зачем тебе это, сын мой?

Для Рея эта черная полоска была, как теплое живое существо.

Она нужна ему, он должен получить ее!

— Мое! — почти взвыл Рей, и его рука потянулась к кинжалу. Казалось, весь мир сосредоточился в этом браслете.

Но сражаться за него Рею не пришлось — Наакаль, пронзительно глядя на Рея, сам протянул ему браслет, другой рукой сделав офицеру знак отойти.

— Этому есть причина, хотя никто пока не знает ее. Только прошу тебя, сын мой, не носи его открыто.

Рей ощутил тяжесть браслета, Да, носить его опасно. Его надо надежно спрятать... Очень надежно. И он убрал браслет за пазуху.

— Теперь слушай, — в голосе Жреца была такая власть, что Рей невольно взглянул ему в глаза. — Возможно, ты подумаешь, что в эту ночь мы сделали тебе зло. Но время и судьба не оставили нам выбора в час нужды. В матери-стране нет человека, которому можно было бы придать сходство с Сидиком и этим открыть ворота, закрытые для наших глаз. Когда ты прошел в их тайное место, мы выяснили, что тень не является барьером для тебя. Следовательно, мы снова вынуждены положить руку на то оружие, которое ты дал нам. И вот еще что: под властью Пламени мы прочли предсказания звезд. Хотя смерть будет висеть над тобой, как облако, как плащ на твоих плечах, она не потребует тебя. И это так и будет, потому что ты несешь в голых руках больше силы, чем любой меч. Мы пользуемся теперь тобой без твоего согласия, потому что мы принуждены к таким мерам. Ты, вероятно, ненавидишь нас за это. Но все-таки... — Он сделал паузу. — Иди с миром и благословением, девятикратным

благословением Пламени. — Его руки поднялись, он как бы вытянул что-то из воздуха, собрал в ладони и поднял над Реєм.

Офицер шагнул вперед.

— Твой корабль отплывает на рассвете. Через десять дней ты, вероятно, будешь на месте встречи. При проходе судна через канал, оставайся под палубой — скажешь, что тебя лихорадит. Командовать в это время будет твой помощник. Ну, пошли.

Вероятно, уже приближалось утро, когда Рей вышел из дворца в сопровождении офицера и двух стражников. Он понимал, что ему не сбежать. Какое-то принуждение, наложенное на него в цитадели, заставляло его идти и, кажется, будет и дальше двигать им, как шахматной фигурой, пока он не выполнит то, что от него ждут. Постепенно его разум цепенел и тупел, он погружался в туман.

Они пришли в док, к судну с зерном. С затененной палубы их окликнули. Рей заморгал в свете фонаря.

— Капитан, — приветствовал его моряк, — все готово...

Это его помощник, Ра-Пан, подсказало что-то Рею.

— Отходим на заре, — ответил он.

— Есть, сэр.

Офицер и стражники не стали задерживаться и ушли. Рей встал у поручней. За гаванью лежал спящий город. Только кое-где горел свет. Вернуться... Рей нахмурился. Даже подумать об этом тяжело. Он — Сидик из Уйгура. Ни о чем, кроме этого, он не должен, не смеет думать.

Наступил рассвет. Ра-Пан прошел по палубе. Рей остановил его приготовленной фразой.

— Я плохо себя чувствую. Командуй за меня.

Помощник не нашел в этом ничего удивительного. Рей спустился в маленькую темную каюту и лег на койку, принадлежащую Сидику. Он старался заснуть, но в его мозгу крутились мысли и воспоминания Сидика, и это делало Рея и в самом деле больным.

Он встал и попил затхлой воды из кувшина, а потом все-таки уснул и спал без снов.

Рей проснулся от холода. На столике каюты его уже ждали скромные яства: две кукурузных лепешки и кусок мяса. Он с трудом проглотил хлеб, а запах мяса вызвал в нем тошноту. Рей вышел на палубу. Дул сильный ветер. Они были в открытом море. Ра-Пан стоял за рулем. В сознании Рея отпечаталось то, что знал Сидик о корабле и его матросах, и он убедился, что команда была каким-то образом подготовлена к его появлению на корабле и считает его настоящим капитаном. Но Рей мог легко сделать какую-нибудь ошибку и Вызвать подозрение. Он посмотрел на восток. Где-то там, вдали, лежала Атлантида. А

он даже не знал, что будет в ней делать, — если, конечно, доберется до нее. Однако Рей знал, что не сделает ни шага, который бы препятствовал его продвижению вперед.

При проходе через канал им пришлось долго ждать своей очереди, и Рей три дня провел в плохо пахнувшей каюте. Затем они вышли во Внутреннее море.

— Мы остановимся в Мануа, — как-то заметил Ра-Пан тоном, исключающим возражения. Рей насторожился, в нем сработал некий сигнал предупреждения, потому что такая остановка не планировалась. Рей еще раз убедился в том, что ради собственной безопасности должен следовать заложенной в него программе.

— Нет. Пойдем в У-Ма-Чель.

Ра-Пан нахмурился.

— Так никогда не делалось.

Может, контроль Наакалей над командой дал трещину? Если так, весь корабельный экипаж мог восстать.

— Мало ли что не случилось. — Рей попытался смотреть на уйгура тем же подчиняющий волю взглядом, каким смотрели на него жрецы. Он хотел убедить Ра-Пана, что так надо, иначе он боялся, что с ним разделаются.

— Ты отказываешься подчиняться моим приказам? — резко спросил он.

Помощник, похоже, пытался отвести глаза, но не мог, и только провел языком по губам.

— Мы всегда останавливались в Мануа.

Кажется, в его голосе появилась нотка неуверенности. Но тревога не покидала Рея. Теперь его беспокоило, как бы Ра-Пан или кто другой не начали задавать вопросы.

— А нынче остановимся в У-Ма-Чель! — твердо сказал он.

На этот раз Ра-Пан согласно кивнул.

Рей следил за командой. Он ел только то, что пробовал помощник, спал, не снимая меча, да и спать старался как можно меньше.

Через семь дней они были у восточного входа в океан. Погода портилась, к вечеру небо заволокли облака. Рей стоял у поручней, пытаясь увидеть свет маяка. Внезапно что-то резко надавило ему на грудь, под туникой. Он сжал пальцами браслет. Во всем мире был только один, похожий на этот.

Кто сказал это? И когда? Белый браслет, принадлежавший кому-то, кого Рей когда-то знал. Он достал браслет и вертел его в руках, силясь вернуть память. Бриллиантовые глаза горели искрами.

— Ах...

Рей сжал браслет в руке. Рядом с ним стоял Ра-Пан. Его

взгляд был заинтересованным. Он смотрел на сомкнутые пальцы Рея, как будто мог видеть сквозь человеческую плоть.

— Чего тебе? — спросил Рей. — Ты должен стоять у руля.

— Я подошел спросить, войдем ли мы в порт сегодня ночью, — сказал Ра-Пан, не сводя глаз с руки Рея.

— Разве я не говорил уже? Иди на свой пост!

Помощник поплелся назад. Рей опять вздрогнул. Опасность становилась роковой, но о последствиях думать не хотелось.

— Сигнал с форта, капитан! — Дозорный указал на вспышки с берега. — Они желают знать наши намерения!

— Ра-Пан, — Рей увидел в этом шанс, — иди объясни им.

Он думал, что помощник будет возражать, но уйгур повиновался и сел в лодку с двумя матросами. Тут же Рей поспешил начать реализацию своего плана. Он спустил за борт маленькую шлюпку и погреб вдоль береговой линии.

Звуки голосов на берегу испугали его.

— Цена шестимесячного жалования, и он носит это под туникой, Кто узнает? Убить его или обобрать и отдать жрецам Ваала. Они, может, даже заплатят за него.

Тихий ответ, а затем резкое возражение:

— Сидик? Нет, они сделали какое-то свое проклятое вмешательство. Это не Сидик, верно говорю. Они поставили на его место кого-то своего. Ого! За такое сообщение на востоке можно сорвать жирный куш!

Рей перестал грести. Итак, его влияние на Ра-Пана перестало действовать. А держать этого человека возле себя — нет! Теперь Рей видел их — тени на белом песке, Под скалой. Один мощный гребок... а этих всего двое...

Он сделал этот последний гребок, вложив в него всю свою силу. Бросив весла, он выпрыгнул на омытый волнами песок. Люди быстро обернулись, один пригнулся, а в руке второго блеснул меч.

— Думаю, вам не придется торговаться с Ваалом ночью! — Крикнул Рей.

Остановившись, он схватил горсть песка и бросил в лицо человеку с мечом. Затем кинулся на другого, ударил его ребром ладони и провел болевой прием в той манере боя, который его враги не знали. тот коротко вздохнул и упал.

Рей тут же рванулся и набросился на человека с мечом. Оба упали. Послышался звук треснувшего о скалу черепа, и Рей почувствовал тошноту — его враг был мертв. Он встал тяжело дыша, но совершенно невредимый.

Рей вернулся к моряку, который лежал, вытянувшись на песке.

Его пульс не прощупывался. Рей оттащил беспомощное тело к труп у скалы и засыпал обоих песком. Неизвестно, есть ли у них сообщники, но какое-то время он выиграл.

Теперь нужно было предпринять некоторые меры предосторожности. Рей перевернул свою лодку вверх дном и пустил дрейфовать по бухте. Он давно изучил трюки, применяемые в аналогичных войнах, хотя своими руками убивал впервые. Рей брел по песку, чтобы найти признаки нужного ему места. Его сильно знобило, но он был спокоен, потому что не свернул с намеченного пути, оставшись, несмотря на опасность, Сидиком из Уйгура.

Холод усиливался, а Рей оставил свой плащ в лодке, запутанным вокруг сидения — безмолвный ответ на вопрос, что случилось с капитаном Сидиком.

Он обогнул мыс, и перед ним возникли две остроконечные скалы. Рей облегченно вздохнул. Это наверняка и было место встречи. Но если так, то он пришел рано: его никто еще не ждал.

Рей сидел у скалы и смотрел на море. Итак, сегодня он убил, убил своими руками. Конечно, и они убили бы его, только куда менее милосердным способом — выдали бы атлантам. Рей смутно вспомнил о человеке, лежавшем на алтаре в храме и ожидавшем смертельного удара. Это, если не худшее, могло стать и его уделом.

Он вздрогнул и отодвинулся от скалы. На воде послышались звуки, вроде слабого скрипа весел в уключинах. Рей подошел к морю. Через полосу прибоя шла лодка, в ней темнели две фигуры.

— Восток поднимается, — послышался приглушенный голос.

— Запад падает, — полушепотом ответил Рей.

— Надо уходить. Крысы Му следят, а мы слишком близко от форта.

Рей забрался в шлюпку.

— Хорошо, что ты поторопился, — сказал атлант. — Их патруль часто здесь шляется, и нам не хотелось бы долго ждать.

Может быть, они что-нибудь подозревали? Но Наакали не предупреждали его...

— Меня выдали...

— Кто?.. И... за тобой следили!

— Ра-Пан. Мой помощник. Мурийцы купили его, — симпатизировал Рей. — Но он мертв.

— Вот как? Хорошенькое дельце.

Гребец работал быстро и уверенно. Они уже оставили мыс далеко позади. На море было еще холоднее. Рей, как ни старался, не мог унять дрожь. Перед ними из темноты возникло остроносое судно, в руки Рея была брошена веревоч-

ная лестница. Он вскарабкался на палубу. Света не было, даже палубный фонарь не горел. Видимо, тут и в самом деле боялись быть замеченными. Затем один из людей со шлюпки схватил Рея за руку.

Они спустились по трапу и сквозь кожаный занавес вошли в главную каюту. Она имела неопрятный вид, хотя ее красные стены были увешаны редчайшим оружием. Пол, выложенный черно-белыми квадратами, был выщербленным и грязным. Пахло пролитым вином, давно не мытыми телами. На столе стояла посуда — металлическая и грубая глиняная. Сам стол был вещь дорогой — из черного дерева с инкрустацией из серебра и слоновой кости — но весь изрезанный и поцарапанный. Вдоль стола стояли скамьи, на которых валялись смятые и испачканные шелковые занавески. Вообще, в каюте скопилось, можно сказать, целая гора разной пиратской добычи — корабль, похоже, был рейдерский.

Провожатый Рея бросил плащ на скамью и налил вина из резного графина в щербатый стакан.

— Опрокинь. Ночь холодна. Мужчине нужно немного огня, пусть пробежит по жилам.

— Неужели его дрожь была так заметна? — подумал Рей. Оставалось только надеяться, что ее спишут на холодный ветер. Он выпил и задохнулся в кашле.

Отдышавшись, он принялся незаметно изучать своего нового хозяина. Атлант был на дюйм — два ниже его ростом, с широкими плечами и толстыми руками, объем которых, впрочем, соответствовал размерам жирного живота. Руки заканчивались огромными волосатыми лапами-кистями.

В отличие от гладколицых мурийцев, у атлантов всегда была черная борода. У этого она начиналась прямо от скул. Обильное применение разных жиров придавало этой растительности форму клина, доходящего до груди. Губы были очень толстые и красные, такие яркие, что казались накрашенными.

Хоть он и сумел щегольнуть бородой, но с волосами на голове обстояло хуже — сняв шлем, атлант оголил почти лысый череп, лишь на макушке осталась единственная и тоже жирная прядь волос.

Он усмехнулся, показав желтые зубы, и погладил себя по шелковой тунике, заляпанной следами пищи. Его позолоченный пояс, как подумал Рей, явно не предназначался для такого брюха: он застегивался на цепочки, удлинявшими его еще на несколько дюймов.

— Добро пожаловать на борт “Черного Ястреба”, брат. Я капитан Тейт. Люди Му не имеют причин уноситься ко мне

благосклонно, хотя пожива сейчас тощая, потому что все торговцы торчат под защитой во Внутреннем море.

Рей поставил стакан и сделал знак, чтобы его наполнили снова.

— Я Сидик из Уйгура.

— Ну-ну. Но ведь ты моряк. Разжалованный офицер флота. Они переходят к нам время от времени. Как поживает мать-страна в эти дни?

Рей вынужденно засмеялся.

— А ты, похоже, был раньше рейдером, капитан. Мы, наконец, начинаем просыпаться. Я вовремя удрал.

Капитан Тейт кивнул.

— Да, я всегда говорил, что мурийцы слишком уж доверчивы, но не могут же они быть совершенно слепыми? А теперь Сидик: снимай-ка ты эти мокрые лохмотья. — Он подошел к сундуку и вернулся с новой одеждой.

— Хорошее барахло. Мы взяли его с корабля, который захватили в Северном море. Принадлежало какому-то офицеру. Он встретился с Ваалом, как я слышал.

Неохотно, но стараясь не высказывать неудовольствия, Рей облачился в одежду мертвого и украдкой перенес драгоценный браслет в новый тайник.

— Ложись, если хочешь. — Тейт указал на койку. — Мы увидим землю только завтра.

Он вышел, оставив Рея одного. Выбрав наименее вонючую койку, Рей устало вытянулся на ней. Он уже далеко зашел — но что ждет его в следующий час, на следующий день?

ГЛАВА 11

В эту ночь Рею не снились деревья, зато во сне происходило много событий, которые удивительным образом накладывались одно на другое. В них он одновременно был и участником, и наблюдателем. То Рей становился Сидиком из Уйгура и как бы вновь проживал его прошлую жизнь, то наблюдал за этим Сидиком и запоминал все, что тот делал.

Крик "Земля!", наконец, разбудил Рея. С минуту он лежал, чувствуя, что не отдохнул. На палубе послышался топот ног, приглушенные морские команды. Рей вспомнил слова Тейта о том, что они высадутся завтра — значит, он проспал довольно долго.

Рей медленно поднялся. На стуле лежала одежда Сидика, теперь сморщившаяся и еще более выцветшая от вчерашнего купания.

Но все-таки он охотнее носил бы ее, чем награбленные вещи, предложенные Тейтом. Рей нехотя оделся в них и вышел на палубу, на ходу застегивая пояс с мечом.

— Хулла! — капитан Тейт был за рулем. — Ты, видно, здорово устал, друг, раз спал так крепко много часов. Ну, желаешь увидеть Красную Страну? Ваал был милостив к нам: с нами попутный ветер. Ставлю пять монет, что мы войдем в гавань еще до наступления ночи. Я и на этот раз с удовольствием брошу якорь там. Крысы Му стали глядеть зорче, а зубы у них острые... — Он ухмыльнулся, подошел к поручням и сплюнул за борт. — Добыча скудна, когда торговцы не идут в Северное море. Но служба у Посейдона обещает больше, чем только козни судьбы при минимальном наваре. Поскорее бы исполнились его сладкие обещания. Надеюсь, друг, ты не повторишь моих слов перед безобразным ликом Хроноса-Посейдона. Мы, северные волки, не присягаем ему на верность, разве что иной раз соглашаемся объединиться с ним. Кстати, — вдруг отвлекся он, — что ты скажешь о каравае хлеба и других приятных наполнениях брюха? Уверяю тебя, это будет лучше того дерьма, воняющего пылью и тараканами, которым тебя пичкают на кораблях Хроноса.

Он повел Рея назад в каюту, Пища, действительно, была намного качественнее той, какую ел Рей после отъезда из Му. Похоже, хороший стол был слабостью капитана Тейта.

— Я думал, — насытившийся Рей отодвинул в сторону очередное предложенное ему блюдо, — что ты служишь в атлантском флоте.

— Во флоте? Я — Тейт?! Ну, нет, я — свободный капитан. Нас, таких, с десятков в гавани Пятистенного Города. Сейчас мы здесь, потому что у Посейдона большие задумки. Но мы не терпим над собой хозяев — и мурийцев не выносим тоже, потому что они опекают толстопузых торговцев, которых мы жаждем обобрать. Однако мурийцы, как и Посейдон, усиленно тянут нас на свою сторону. Конечно, они умеют держать слово, и с ними можно бы иметь дело. Только Му все равно не заполучит никого из наших. Теперь, когда мы должны сделать выбор, мы идем в гавань Атлантиды — здесь у нас есть свободный порт Сенпар. Хронос засылал к нам своих эмиссаров для откровенного разговора — насколько он вообще способен на откровенность. Уж кто-кто, а мы-то хорошо знаем, что когда идешь по Красной Стране — держи ухо востро. А у Хроноса семь пятниц на неделе. Мы не любим его, но он нуждается в нас, и мы решили поднять его флаг на своем корабле, при этом, правда, помня об осторожности. — Он вытер масляный рот и продолжал. — Знаешь, мы похожи на тех странных волков, что

встречаются в лесах Бесплодных Земель: они рычат, принимают, показывают клыки, но не нападают, дабы не накликать собственную гибель — ведь страх и отвага могут равно повлиять на судьбу. Вот так же и мы ждем, наблюдаем и точим зубы на тот случай, когда Хронос вдруг вообразит, что он сильнее всех.

— У вас десять кораблей?

— Десять, и на каждом найдется койка для тебя, друг, если пожелаешь. Мы нанимаем моряков, которые не клялись в верности Красной Стране. Скажу, Сидик, что такой человек, как ты, поначалу найдет в Хроносе щедрого хозяина, но когда с тебя станет довольно запаха страха в его прекрасном дворце, приходи к морским волкам. Предупреждаю тебя: ты хоть кровью потей, честно ему служа, но настанет день, и он вышвырнет тебя, как собаку, не дав и монетки в награду, а то и пошлет к Ваалу. Когда ему нужен корабль, он приглашает меня, потому что я имею некоторый вес среди моряков, но если меня схватят мурийцы, он только улыбнется и не ударит палец о палец, чтобы вызволить меня из беды. Теперь, раз мы возвращаемся, значит, он в чем-то просчитался. Но известия, которые ты везешь, должны вернуть ему веру в удачу. Только помни: понадобится убежище — приходи

— Почему ты мне это предлагаешь? — удивился Рей. — Ты же ничего не знаешь обо мне.

Тяжелые плечи капитана медленно поднялись.

— Почему? Да я и сам не знаю. Наверное, потому, что ты молод и ты такой же моряк, как и мы. Я не люблю ни Ваала, ни этих вогон в красных мантиях, которые каркают в его храмах. А может, потому, что хотя бы такой малостью я могу спутать Хроносу его карты. Слышишь? — они услышали движение на палубе. Иди наверх. Похоже, я выиграл свой заклад — мы входим в гавань.

Рей жадно вглядывался в главный порт Атлантиды. Город лежал на берегу широкой бухты. Он был темен, не в пример мурийской столице, кое-где просматривались мрачные стены.

— Владения Хроноса. Говорят, что их нельзя захватить из-за пяти стен и трех каналов. Однако, — Тейт снова усмехнулся, — это еще никто не проверил. Дайте мне сотню хороших ребят и пару улыбок судьбы, и... тогда я доказал бы ложность этого утверждения.

Рей внимательно посмотрел на “морских волков”, собравшихся на палубе. Ему показалось, что в их глазах, устремленных на город, горит голодный огонь.

— Я уверен в этом, — ответил он.

Тейт захохотал.

— А вот Хронос не уверен. Не забудь, приходи к нам, если понадобится.

Рейдер миновал большую группу кораблей и встал на якорь подальше от доков, в которых находились торговые суда. Маленькая шлюпка была спущена на воду, в нее село два матроса. Рей кивнул капитану.

— Пусть Солнце... — он резко умолк, поняв, что проговорился и тем, наверное, выдал себя. Его рука потянулась к мечу, хотя шансов на успех Рей явно не имел.

Но капитан рейдера только остро на него взглянул.

— Попридержи язык, Сидик. Ты слишком долго пробыл в мурийских землях. Если здесь услышат такое пожелание, тебя сначала убьют, а потом будут задавать вопросы. Проваливай! Но на всякий случай помни, что мы здесь.

Рей растерянно сидел в шлюпке, глядя на приближающийся док, но мысли его были заняты капитаном Тейтом. Его необычная настойчивость, с какой он приглашал к себе Рея — откуда она? Казалось, капитан должен бы был продать его, как только появился намек на то, что Сидик не совсем тот, за кого себя выдает. Рей, как за щит, прятался за свою подозрительность, но на то у него имелись веские причины — реальность была слишком непредсказуема, чтобы за нее держаться...

У входа в док стоял человек, в броне.

— Откуда ты, чужеземец? — спросил он несколько вызывающе.

— Уйгур, — кратко ответил Рей.

— Твое имя не Сидик?

— Возможно.

— Если ты Сидик, ты пойдешь со мной, — сказал солдат, — если же нет, то узнаешь, что не безопасно шутить шутки с теми, кто его ждет.

Атлант пошел сквозь толпу, и Рей поспешил за ним. Неподалеку высилась стена из красного камня. Они прошли вдоль нее до ворот. Солдат что-то сказал стражнику, перед ними поднялась решетка с острыми зубцами, и их пропустили на узкий мост через канал, в котором бурлила вода. Мост упирался в другую стену, на этот раз белую. Через вход в ворота они попали на следующий мост, кончавшийся у черной стены, а за ней оказался третий канал. Атлант обернулся к Рею.

— Видишь защиту Атлантиды? Она хорошо продумана. Если какой-нибудь враг захочет сюда пройти, ворота закроются, и все мосты исчезнут. Нет такой армии, что могла бы преодолеть такую оборону!

Рей вспомнил хвастливые заверения Тейта о том, что с

хорошо подобранной сотней ребят он не имел бы проблем с захватом города. Ему показалось, что основательность этой защиты слишком солидна для врагов, вооруженных подобно людям капитана.

После третьего канала они миновали еще двое ворот и, наконец, очутились в городе. Он по-своему впечатлял. Дома в нем были трех цветов: красного, черного и грязно-белого — и тоже имели вид крепостных укреплений. Люди на улицах были совсем не похожи на мурийцев: низкорослые и с темной кожей. Среди них попадалось много вооруженных. Разговор между людьми велся тихо, словно все боялись быть подслушанными. Столица атлантов, что поразило Рея, имела свой особенный запах, какого он не встречал ни в одном городе — это был запах страха. Рей и сам не понимал, почему он так решил, но был уверен, что не ошибся.

Атлант привел его на большую площадь. Рей увидел останки когда-то величественного храма из белого мрамора. Теперь он, казалось, был намеренно изуродован и обезличен. Рей заметил, что атланты избегают подходить к храму близко. Его внимание привлекли также два столба перед широкими ступенями, укрытые рваной, пыльной материей.

Солдат засмеялся и указал пальцем.

— Видишь храм Пламени, построенный теми, из Му? Наши служители Ваала обращались с ним несколько небрежно после того, как Темный вошел в свой собственный храм.

— А почему столбы обернуты? — спросил Рей.

— Об этом говорить запрещено. — Атлант быстро оглянулся по сторонам. — Пошли.

Он ускорил шаг. Но, пересекая площадь, они должны были пройти совсем близко от храма, и тогда солдат снова указал — на сей раз на изломанную и зазубренную линию, тянущуюся по стене на высоте человеческой груди. Камни здесь были запачканы коричневыми пятнами.

— На этом месте мы казнили Солнцорожденных и тех, кто служил им. Они не кричали, даже когда смерть брала их. Они страшно упрямые, эти Солнцорожденные. Их детей отдали Ваалу, и говорят, даже младенцы не плакали. Мужество у них есть, да что толку? Ведь оно не послужило им ни щитом, ни плащом против воли Ваала. Теперь их почти не осталось, кроме нескольких в яме, да тех, кто отдан жрецам для опытов...

— А что будет с теми, кто в яме? — Рей старался не смотреть на стену, отгоняя картину, нарисованную его воображением — Иногда их вытаскивают и допрашивают. Посейдон держит их для какой-то цели... пошли, уже поздно. — Помолчав, он спро-

сил. — Ты был в Му, человек из Уйгура, скажи-ка, эта мать-страна и в самом деле так богата, как о ней рассказывают?

По-моемому, да.

— А Солнцeroжденных там много?

Рей подумал, что у него есть шанс заронить в солдате зерно сомнения.

— Очень много. И у них там есть сильная власть. Это их древняя родина.

— Хронос обещал нам их женщин, когда мужчин пошлют к алтарю Ваала. Мы нападeм на Му, и никакая власть и сила не помогут им. Все их богатства будут нашими, а те, кто не из Солнцeroжденных, будут нашими рабами. Так обещал Ваал! — в голосе солдата слышались уверенность и довольство.

Пальцы Рея согнулись, как бы собираясь схватить атланта. Воспоминания прояснились. Сквозь оболочку мозга Сидика пробилось сознание Рея. Подумать только, что леди Эйе и леди Айна подвергнутся...

— Вряд ли это будет так легко. Я видел мурийцев, они хорошие воины, а не мальчики, для битвы

— Ха, но у них нет Преданного, — заметил солдат и показал вдаль. — Вон внизу храм Ваала.

В конце широкой улицы стояло громадное здание из красного камня. Но Рей лишь мельком взглянул на него. Они свернули на другую улицу и подошли к дворцу Посейдона. Здесь атлант передал Рея офицеру стражи и ушел.

Они двинулись по длинным темным коридорам, где окна-щели располагались слишком высоко, потом поднялись по узким винтовым лестницам. Было сыро и холодно. Этот дворец походил на угрюмую крепость и не имел никакого сходства с дворцом Му. Наконец, они добрались до невысокой арки, выведшей их в открытый двор.

— Сидик из Уйгура! — возвестил офицер.

Рей выступил вперед, твердо зная, что для него наступает реальное испытание, и малейшая ошибка, вроде той, которую он допустил перед Тейтом, будет стоить ему жизни. Он — Сидик и должен быть только Сидиком. Других вариантов спасения для него не существовало.

— Ну, где он, где он? — спросил кто-то раздраженно. — Вели ему показаться, Мегос.

— Подойди, человек из Уйгура, — донесся приказ.

Рей сделал еще шаг и попал в лучи заходящего солнца.

— Ты опоздал, — сказал первый.

— Вышла задсржка, Грозный Лорд, — осторожно ответил Рей.

— Иди! Иди сюда!

Рей подошел к золотому ложу, быстро встал на колени и

склонил голову, надеясь, что принял достаточно униженный и испуганный вид.

— Подними глаза! Дай мне посмотреть, что ты за человек, Сидик из Уйгура!

Это был Хронос, Посейдон Атлантиды, каким Рей видел его однажды во сне... Нет, сейчас, в этом обществе, о том вспоминать опасно.

Перед ним был человек с маленькими глазами на жирном обрюзгшем лице, скрывавшимися под густой бахромой тщательно завитых и надушенных волос, его пухлые руки двигались в заученных жестах, время от времени поднося к надутым губам какое-нибудь лакомство с серебряного блюда, стоящего на столике справа от него. Рядом с ложей находился жрец, одетый в красную мантию — у него был голый череп и очень яркие глаза. Рей подумал, что жрец, хоть он и слуга Посейдона, выглядит страшнее своего хозяина.

— Пожелает ли Грозный выслушать слова своего раба? — спросил Рей по установленной форме, которая была в него заложена.

— Он обязательно должен говорить, Мегос? — спросил Хронос жреца.

— Наверное, это было бы неплохо с точки зрения экономии времени, Грозный. А затем, если ты найдешь нужным, он повторит свой рапорт перед советом.

— Тогда говори, человек из Уйгура.

— Следуя указаниям, данным твоему рабу, я путешествовал в Му, — начал Рей. Слова лились так легко, что, видимо, тоже были частью программы, заложенной в Рея на случай такого допроса.

Посейдон повертелся на подушках.

— Да, да, — нетерпеливо сказал он, — а какова их защита? Заданные слова снова пришли к Рею.

— Все прибрежные формы укреплены и резервы вызваны. Флоту было предложено нанять больше людей и крейсировать в западных морях...

— Все это нам известно, дурак! У тебя нет ничего поважнее для наших ушей? Как насчет того дела, о котором тебе велено особо разнюхать? !

— Твой раб подкупил молодого ученика храма. Он кое-что знал...

— Ну, и что? Они знают о Преданном?

— Да. Наакали пробили занавес Тьмы и видели Преданного... — Речь продолжала быть гладкой, но это не были мысли Рея, и он не понимал смысла своих разоблачений.

Хронос поднял жирный кулак и ударил им по подушке.

— Так... — Он с обидой взглянул на жреца. — Ты говорил, что занавес непроницаем, а оказывается, это вовсе не так. Значит, у Наакалей больше власти, чем...

— Грозный! — Рука Красной Мантии сделала предостерегающий жест, указывая на Рея. Но если жрец не желал обсуждать эти дела сейчас, то его венценосный хозяин не был настроен молчать.

— Значит, у этих Наакалей больше власти? — повторил он визгливо и резко.

— Как я уже говорил тебе, Грозный, — ответил жрец спокойно и рассудительно, — ни один мозг, рожденный от Му, не мог бы добраться до нас. Но мы кое-что поняли. Если они проникли в храм...

— Если! — перебил его Хронос. — Они явно сделали это. А ты... — он обратился к Рею, — ты узнал, какую защиту они планируют против Преданного? Что говорил об этом тот щенок жрецов?

— У них там серьезная секретная служба, Грозный Лорд. И он смог выяснить только то, что это луч черного света. — Откуда пришли эти слова? Рею захотелось закрыть руками рот, заглушить свой голос. Но.. слово не воробей. А этот голос больше ему не принадлежал — им пользовался чей-то чужой мозг. — Ученик был раскрыт и арестован раньше, чем узнал больше. Твое го раба вовремя предупредили, и он сбежал.

— Луч черного света, — задумчиво произнес Мегос.

— Ты слышал о таком? Что это? — спросил Хронос.

— Надо посмотреть в записях, — уклончиво ответил жрец. — Что ты еще можешь сообщить нам? — Он явно желал отвлечь внимание Хроноса от важнейшей темы в разговоре.

— Уйгур волнуется, Грозный, — продолжал Рей. — Эта страна не законная дочь, чтобы бросаться на защиту матери-страны, как та рассчитывает...

— Хорошо, хорошо! — Хронос удовлетворенно хмыкнул. — Вот видишь, — снова обратился он к жрецу, — семя, так заботливо посеянное нашими агентами, уже начало прорастать и скоро даст плоды. В роковой день Му станет созывать союзников, но никто не откликнется. Страна останется одна, созревшая для нашего захвата.

— Скажи-ка, — снова задал вопрос жрец, — слышал ли ты разговоры об иноземце, вошедшем в милость к Ре Му? О человеке не из Му, а откуда-то издалека, и имеющего какие-то странные силы?

— Разговоры такие есть, — Рей по-прежнему был орудием воли, пославшей его сюда, — но за их достоверность твой раб

не может ручаться. Люди говорят, что Ре Му и Наакали вызвали для своих нужд силу извне.

Хронос резко приподнялся, и подушки покатались на пол.

— Неужели правда? Такое возможно? — он снова повернулся за ответом к жрецу.

— Кто знает, Грозный? Слухов предостаточно, но очень немногие из них имеют хоть каплю истины. Однако это логично: у нас есть помощь, и она исходит от неизвестного нам мира — так, может, Наакали тоже призвали какую-то потустороннюю силу, которая проникла сквозь занавес?

— А может такой вызванный оказаться сильнее нас? — допытывался Хронос.

— Мы вызвали своего из Тьмы: они — из других сил, если такое в самом деле произошло. Как можно сказать, кто сильнее, пока они не встретятся в открытом бою? Пусть кто угодно встает под знамена Му, но у нас есть Преданный, и его род твердо стоит за Атлантиду. Ты ничего больше не знаешь про это? — спросил он Рея.

— Нет, сын Ваала. В городе шепчутся, но, как ты сам сказал, такие слухи, может, не имеют и тени правды.

— Но и их достаточно, чтобы насторожить нас. Человек из Уйгура, ты хорошо поработал для нашего дела. Не так ли, Грозный?

Он, казалось, оторвал властителя от глубокого раздумья.

— А-а-а, да, да. Ты можешь идти. Офицер наружной службы покажет приготовленную для тебя квартиру.

Рей на коленях отполз от ложа и поднялся только у двери. Он быстро оглянулся. Посейдон и жрец о чем-то шептались. Рею подумалось, что Мегос успокаивает своего царственного хозяина.

ГЛАВА 12

Рей перегнулся через подоконник. Здесь, в верхнем этаже дворца, окна были не такими узкими, как в нижних помещениях. Хотя была ночь, гавань сияла огнями, и Рею удалось увидеть доки за стенами города.

Где-то там, внизу, стоял рейдер, привезший его сюда. Рей снова задумался над настойчивостью капитана Тейта, предлагавшего ему убежище на борту. Почему он говорил это, да еще не один раз?

Комната у Рея была почти пустая, очень бедно обставленная. Посейдон, похоже, не слишком жаловал своих верных слуг из провинций. Красные стены, пыльный пол, поломанная кушетка и скамейка — вот, собственно, и весь интерьер. Одеж-

ду у Рея забрали, выдав взамен кожаную, покрытую броней, форму младшего офицера атлантов. Однако его не заперли, чего Рей опасался. Надев черный плоский шлем, он вышел в коридор. Рей с удовлетворением отметил, что, кажется, эта часть дворца посещалась не слишком часто.

Он спустился в нижний коридор, более освещенный и оживленный. В дальнем его конце, на скамьях, праздно сидели офицеры и рядовая стража. Рей слышал их голоса, короткий смех, но желания войти в их компанию не ощутил. Впрочем, несколько слов привлекли его внимание.

— Мурийцы? Да, вечером. Редкое зрелище в аудиенц-зале в течение часа.

Мурийские пленники! Рей должен увидеть их — так вновь повелел сигнал чужой воли, который уже одолел его при встрече с Хроносом.

Гулко ударил гонг. Атланты быстро вскочили и куда-то направились. Рей поспешно пристроился к хвосту отряда.

Они вошли в красный зал, который Рей уже видел в своем путешествии-сне. Хронос снова сидел на золотом троне. Рей вытянулся у одной из колонн, приняв неподвижную позу стражника и надеясь, что его не заметят. Посейдон поднял скипетр, сделанный в форме бронзового трезубца — символ власти, дарованной Му первому атлантскому лорду, правящему на востоке. Гул голосов сразу затих.

— Пусть выступят вперед Двенадцать, Дающих Закон!

Голос Хроноса в огромном зале звучал слабо и надтреснуто: ему не хватало достоинства, к которому Посейдон, бесспорно, стремился. Двенадцать мужчин заняли свои места — по шесть с каждой стороны трона.

— Слушайте, люди Атлантиды, волю Посейдона, любимца Ваала. На третий день месяца Конца Ветров, через двенадцать дней от сегодняшнего флот Атлантиды пойдет к так называемой матери-стране. Му, угнетатель, будет открыт нашему огню и мечу. Так сказано, и пусть так будет записано...

Двенадцать человек подняли руки.

— Это так же и ваша воля, глашатаи провинций? — спросил Хронос.

— Да, Грозный, — ответили все, как один.

— Да будет так. И слово закона не может быть изменено.

Они пропели в ответ.

— Это будет законом, а слово закона не может быть изменено.

Хронос чуть наклонился вперед и облизнулся, как будто готовился попробовать новое лакомство.

— Приведите пойманных мурийских крыс!

В зал с противоположной стороны вошел отряд стражников. Между ними брели, с трудом держась на ногах, десять пленников, связанных цепями. Их лица были вымазаны липкой зеленой слизью. Пленников поставили перед Хроносом, но они не склонились перед ним в позе униженных рабов, а напротив, выпрямились.

— Похоже, вы еще не утратили духа. Видимо, наше гостеприимство чересчур щедрое! — хихикул Хронос.

Один из пленников ответил хрипло, как будто лишения высушили его голос:

— Что ты хочешь от нас, фальшивый король?

— Может, ты оговорился и хотел сказать, что король не фальшивый, а истинный, и проявить верность...

Муриец покачал головой.

— Мы предлагаем свободу и честь любому, кто присоединится к нам. — Хронос продолжал улыбаться.

— Честь! — Ответ мурийца хлестнул, как кнут.

Одутловатые щеки Посейдона побелели.

— Так, — с явной злобой сказал он и замолчал. Мегос дернул его за рукав. Хронос кивнул ему.

— Ах, Мегос. Да, да, я вспомнил. Тебе, кажется, нужны люди для твоей лаборатории?

Рей услышал сдавленный вздох одного из пленников. Остальные не издали ни звука.

— Мегосу и Ваалу нужны люди, сильные люди. Можешь взять этих, Мегос. Они, похоже, сильные, если у них хватает воли стоять так дерзко перед нами. Возможно, я приду посмотреть, что ты делаешь с ними. Я бы сказал, это очень увлекательно.

Теперь Рей начал догадываться, зачем он послан сюда мурийцами. Но что он может сейчас сделать один? Наблюдать и выжидать, пока не представится подходящий случай? Но надеяться только на удачу — большой риск. Так! Они идут этой дорогой. Рей неподвижно стоял в тени колонны и смотрел на проходивших мимо атлантов и пленников. Улучив момент, он выбрался из своего укрытия и крадучись пошел за ними. Вряд ли на него обратят внимание, подумал Рей, дело стражников следить за пленниками.

Вверх по лестнице — ну да, это путь в то крыло здания, где было жилище Рея. Он быстро поднялся, вошел в комнату и притаился за полуоткрытой дверью. Отсюда ему хорошо был виден отряд, который теперь находился в конце коридора. Ага... Они втолкнули пленников в комнату, поставили у двери часового...

Рей стащил с кушетки покрывало и прислушался. Вскоре

мимо него простучали шаги уходящих солдат. Выждав, Рей прошел из комнаты в коридорную нашу, достал из-за пояса две квадратные металлические монеты и бросил их на каменный пол. Они громко зазвенели, и часовой пошел посмотреть, что это было.

Рей ударил его ребром ладони по шее — в то место, которое не защищали ни шлем, ни броня. Он подхватил падавшего атланта и бесшумно уложил на пол. Сняв с пояса часового ключи, Рей завернул неподвижное тело в покрывало, осторожно перенес в свою комнату и запер.

Он быстро открыл уже не охраняемую дверь. Муриец, тот самый, что говорил с Хроносом, изумленно уставился на него.

— Кто ты? Что тебе нужно?

— Тихо! — С помощью ключа, снятого с пояса часового, Рей попытался снять с него цепи. Но муриец отшатнулся.

— Фальшивая надежда как новая пытка. Не поддавайтесь на их уловки, друзья!

— Я пришел освободить вас, — разозлился Рей. — Времени на споры нет, надо действовать быстро!

— Мы не знаем, кто ты.

— Из Му.

— А чем докажешь?

— У вас есть шанс проверить меня. Или вы будете ждать милостей Мегоса?

— Он прав, — сказал один из пленников. — Выйдя отсюда со свободными руками, мы, по крайней мере, будем уверены, что снова нас возьмут только мертвыми. Лично для меня и такая надежда хороша!

— А что дальше? — возразил другой. — Даже если мы доберемся до гавани — корабля у нас нет. А бежать вглубь страны — совсем уж глупо.

Рей вспомнил о Тейте — это была хоть и хлипкая, но все-таки надежда.

— Может, корабль и будет. Пошли!

Они вышли в коридор. Лидер мурийцев остановился и поднял лежавший меч часового.

— Кто-нибудь знает расположение внутренних переходов в этом дворце? — спросил Рей. — Я прибыл сюда только сегодня...

Один из мурийцев вышел вперед. — Меня приводили сюда раньше, но Мегос не воспользовался мной. — От жутких воспоминаний он не мог сдержать дрожь. — Я знаю дорогу до внешних ворот.

— Веди!

Они шли крадучись, вслушиваясь в каждый звук. Муриец-проводник повел их незнакомым путем: не по лестнице, а бо-

ковым коридором и дальше вниз, по узкому пролету, неожиданно оперевшемся в какую-то дверь.

— Это комната охраны Мегоса, — прошептал проводник. — Там, наверное, солдаты...

Рей оттеснил мурийца. Он был в форме офицера дворцовой стражи, так что имел какое-то преимущество.

Открыв дверь, Рей увидел трех стражников. Они с удивлением посмотрели на него.

— Эй, вы! — тоном начальника крикнул Рей. — Пошли! Мурийские пленники сбежали!

Двое разинули рты. Третий спросил, как это произошло.

— Откуда я знаю?! — о нетерпении ответил Рей. — Приказано их поймать.

Недоверчивый стражник прищурился.

— Но гонга тревоги не было...

— Прошло слишком мало времени. Да и зачем гонгом предупреждать беглецов? Чтобы быстрее бежали? Ну, пошли!

Двое послушно встали и направились к двери. Третий же обернулся и потянулся к гонгу. Рей ударил его — так же резко и точно, как недавно часового. Он не стал смотреть, как падает его жертва, а быстро повернулся и двинул ногой ближайшего стражника, свалив его на пол. В это время третий стражник выскочил в дверь, но там его встретил муриец с мечом. Через мгновение все мурийцы уже были в комнате и торопливо раздевали солдат. Здесь оказалось еще много доспехов, видимо, принадлежавших солдатам другой смены, так что вскоре добрая половина мурийцев облачилась в униформу атлантов.

У Рея созрел план.

— Теперь слушайте внимательно. Мы изображаем отряд. Я — датор, ваш командир. Мы идем в гавань сдать рабов на корабль. — Он кивнул в сторону тех, кому не достались доспехи. — У нас есть еще одно задание — арестовать капитана Тейта с рейдера Северного моря, заподозренного в измене. Ну что, рискнем?

— Да, лорд! — решительно ответили мурийцы.

Они крепко связали двух потерявших сознание стражников, а убитого положили за дверью как, чтобы его можно было не сразу заметить.

Отряд вышел в коридор, и Рей слегка опешил. Форма атлантов на мурийцах вовсе не казалась чужой, их длинные волосы были тщательно забраны под шлемы, а двигались они, как заправские солдаты.

К Рею вернулась уверенность, и он отдал приказ идти. Между воинами, пошатываясь, шли четыре пленника с как бы связанными за спиной руками.

Вскоре отряд, как советовал муриец-проводник, вышел во внутренний двор. Рей направил его к portalу, который являлся не главным входом во дворец, а боковым. Здесь мурийцев ждало новое испытание: встреча с часовым. Рей внутренне собрался.

— Кто идет? — спросил часовой.

— Датор Сидик, по слову Посейдона, — ответил Рей. У него пересохло во рту, поэтому слова прозвучали тихо и грубо, что, впрочем, было естественным для атланта. Рей в этот момент боялся одного — как бы стражник не услышал гулкие удары его сердца.

— И куда?

— Есть дело в гавани. Не должен ли я кричать о нем во всю глотку? — Рей позволил себе: эту дерзость, почти уверенный в том, что им придется прорываться с боем. Но стражник махнул им, чтобы они проходили.

Они ускорили шаг. Рею хотелось пуститься бегом, он каждую секунду ждал позади криков погони или звуков гонга.

Была ночь, и городские улицы казались пустыми. Но это было не совсем так: впереди их ожидали пять стен и три канала. Надеяться на то, что удача никогда от них не отвернется, было явной глупостью, и Рей поделился этим соображением с мурийцами.

— Дело в том, — ответил их лидер, — что атланты ждут зла снаружи, а не изнутри, и пока нет сигнала тревоги из дворца... А, ладно, — пожал он плечами, — будь что будет.

Они миновали разоренный храм Пламени и пришли, наконец, к воротам первой стены. Рей приблизился к часовому.

— Кто идет? — окликнул тот.

Рей был уверен, что часовые не слишком удивились, увидев отряд.

— Датор Сидик по приказу Посейдона.

— С какой целью, Датор? — Никаких признаков тревоги в его голосе не ощущалось.

— Сдать рабов на галеры в гавань. А также арестовать капитана рейдера.

— Есть табличка разрешения, Датор?

— Да, вот она. — Рей сделал еще шаг.

— Позвольте взглянуть, датор.

Рей подошел еще ближе, как бы к свету, и протянул руку. Когда часовой оказался рядом с ним, он нанес молниеносный удар. Подхватив падавшее тело, Рей быстро повернул его и приставил кинжал к горлу атланта.

— Давай! — тихо, но решительно прозвучал приказ лидера мурийцев, и отряд бросился на стражников этих ворот. Те

рухнули, едва успев вскрикнуть. Атлантов оттащили в сторону, и муриец вернулся к Рею.

— Ты думаешь использовать этого типа?

— Он может стать нашим ключом или паролем.

Муриец откинул назад беспомощно повисшую голову атланта.

— Он же без сознания.

— Ничего, скоро в себя придет, — ответил Рей, — а теперь поторопимся дальше.

Они прошли через ворота и закрыли их за собой, при этом плотно заклинив. Рей похлопывал своего пленника по лицу, один из мурийцев брызгал на него водой. Наконец, тот глубоко вздохнул и открыл глаза. Рей быстро зажал ему ладонью рот и снова приставил к горлу кинжал.

— Ты пойдешь, — Рей говорил медленно, так, чтобы каждое слово дошло до атланта, — и будешь делать то, что мы прикажем. В этом случае у тебя есть шанс остаться в живых. Поступишь иначе — и для тебя будет уже не важно, что с нами произойдет, потому что ты этого никогда не увидишь. Понятно?

Атлант охотно кивнул.

— Ладно. — Рей убрал кинжал. Решили, что атлант пойдет рядом с ним, но позади постоянно будет держаться лидер мурийцев с кинжалом, приставленным к спине пленника.

— Вперед! — скомандовал Рей.

Они направились ко вторым воротам, а по дороге Рей полупшепотом втолковывал пленнику его задачу. Захочет ли тот повиноваться — это они узнают со временем. Хотя атлант, кажется, понял, что имеет дело с людьми, не бросающими слов на ветер.

— Кто идет? — окликнули из вторых ворот.

Пленник откашлялся и ответил:

— Датор Во-Хан. Есть приказ провести этого датора и его отряд в гавань.

Если у часового и были какие-то сомнения, то он их не выразил. Возможно, Во-Хан как раз и был “ключом”. Но все равно Рей знал, что вздохнет свободно только тогда, когда они будут в доках.

Мост. Третьи ворота. Во-Хан исправно исполнял свою роль. Второй мост, четвертые ворота, слишком уж все хорошо складывается... Рея начали одолевать неприятные предчувствия — а стоит ли надеяться?

Вот и третий мост, а вдали — последние ворота. Ничего не менялось, Во-Хан аккуратно проводил их через посты...

И все же Рей сомневался не зря: вдруг, на самой середине узкого моста атлант неожиданно завопил и всем телом нава-

лился на Рея. Времени размышлять не было — Рей рванулся вперед и резко присел на колено, атлант перелетел через него и, сломав невысокое ограждение, с криком упал в воду. Часть мурийцев, перескочив через Рея, кинулась к воротам. Позади себя Рей слышал тревожный шум голосов, и вдруг мост под ним начал вибрировать — видимо, часовые четвертых ворот стали его поднимать, чтобы размазать беглецов между ним и стеной.

Половина отряда уже сражалась у ворот, тесня часовых. Это помогло остальным мурийцам — им удалось прыгнуть с поднимавшегося конца моста на широкий выступ-площадку перед воротами.

Они пробились через них и только тогда слышали глухие удары гонга тревоги. Выскочив на дорогу, ведущую к докам, они остановились, чтобы перевести дух.

— Теперь куда? — спросил старший муриец.

— Все умеете плавать?

— Мы что — не с флота?

Вскоре отряд уже бежал по пристани между каких-то ящиков и тюков. Один раз Рей приостановился, чтобы сориентироваться и определить кратчайший путь по воде до корабля Тейта. Сзади, уже недалеко, слышались топот и крики стражников.

— В воду!

Они мигом скинули доспехи и бросились в холодное море. Рей на секунду задохнулся, затем поплыл, зная, что мурийцы следуют за ним. Добравшись до болтающейся лестницы рейдера и выждав, не появится ли сигнал от вахтенного, Рей взобрался наверх и через поручни перелез на палубу.

— Стой спокойно, красавчик! — В свете фонаря Рей увидел черную тень и блеснувшее лезвие меча, но голос был знакомый.

— Капитан Тейт?

— Клянусь глубоководной змеей, что это так называемый Сидик из Уйгура! — последовал ответ, но меч остался на виду.

— Пришел по твоему приглашению, капитан...

— И привел добрую свору собак, — фыркнул Тейт. — А еще что?

Несмотря на расстояние, они хорошо слышали крики тревоги, доносившиеся из доков.

— Какие змеиные яйца ты высиживал, человек из Уйгура, и почему это должно касаться меня?

— Почему, я не знаю, — решительно ответил Рей, — но ты предлагал мне убежище. Ты можешь послать нас — или кого-то из нас — обратно, в лапы стражей Хроноса, но предупреждаю, это будет нелегко сделать. Или же, — он выдержал паузу

перед эффектной концовкой, — ты можешь жить дальше в надежде провести своих людей с обнаженной сталью в руках во дворец Посейдона.

— Ага, стало быть, ты замыслил такой коварный план, в котором и моему рейдеру уготовлена скверная участь... Эй, кто вы такие, что лезете на мой корабль без приглашения? — заворчал он на мурийцев, перепрыгивавших через поручни и встающих позади Рея. Каждый держал меч — они не бросили их вместе с доспехами.

— Ты правильно предупреждал меня, и первый этап моих отношений с Хроносом позади. Окажи мне услугу и будешь иметь мощную поддержку.

— А что... — неуверенно начал капитан. — А что Му предложит мне в награду за то, что я потащусь чуть ли не на другой конец света?

— Включение в состав их военного флота, прощение прошлых грехов, шанс на добычу в Атлантиде...

— Ты имеешь такое влияние — усомнился Тейт.

Рей достал браслет.

— Возьми это, увези моих людей в Майякс и ты получишь то, что я обещал.

— Ты очень уверен в себе...

— И в тебе, — смело сказал Рей. Для него настало время ловить самые рискованные шансы, потому что других уже могло и не быть.

Тейт убрал меч в ножны и расхохотался.

— Клянись железными когтями Ваала, если ты вывел из города десять мурийцев, то я постараюсь вывести их из гавани. И может, по воле морского бога, твои люди замолвят за меня слово в Майяксе до того, как бывшие недруги успеют меня утопить.

— Не сомневайся, они попросят за тебя.

— А ты?

Рей положил руку на лоб и потер его. То, что он чувствовал внутри, не было болью — была навязчивая и напряженная мысль, что ему нужно покинуть корабль. Чужая воля, приведшая его на дороги Атлантиды, продолжала руководить им.

— Я не завершил того, за чем приехал, — сказал он медленно, зная, что говорит правду.

— Но вернуться — это значит встретить явную смерть, — запротестовал лидер мурийцев.

— У меня нет выбора, — тихо оказал Рей. — Когда вы вернетесь — если вернетесь — в мать-отрану, скажите там, что атланты и в самом деле придумали оружие, которое служит им.

— Раз уж ты должен остаться, — прервал его Тейт, —

найди в кабаке, в конце третьей пристани, парусного мастера. Назовешь ему мое имя, возможно, это даст тебе лишний шанс.

— Мы вернемся за тобой... — начал один из мурийцев.

Рей покачал головой.

— Нет. Сейчас Му нуждается в ваших мечях и сведениях, которые вы здесь собрали о городе и его укреплениях.

— Ты прав, как это ни тяжело признать, — согласился старший муриец. — Но помни: когда ты снова вернешься под Солнце, у тебя будет десять преданных воинов, готовых по первому зову встать под твоё знамя, милорд. И пусть свет Пламени освещает каждую тропу, по которой ты поймешь!

Рей повернулся к веревочной лестнице и заторопился обратно на берег.

ГЛАВА 13

Рей вцепился в сваю под пристанью и взобрался на узкую балку, соединявшую столбы. Из предосторожности он решил выбираться на сушу не в районе главной набережной, где его наверняка сразу бы схватили, а в более отдаленном месте.

Теперь он сидел под пирсом и слушал приглушенные голоса над собой. Жаль, но с этого потайного места нельзя было видеть рейдер. Сумел ли Тейт выйти в море? И пытался ли вообще? Быстрый переход капитана на сторону мурийцев внушал Рею подозрения. А может, Тейт только и ждал его ухода, чтобы тут же сигнализировать людям Посейдона о беглецах. Но если так, то зачем же он отпустил Рея, за которого мог бы получить приличное вознаграждение? Или Тейт считает, что Рей может навести атлантов на другие мурийские связи в городе? Нет, ведь он первый пошел на рискованный контакт с ним.

Движение наверху прекратилось. Рей думал, куда же ему идти теперь. Возвращаться в город было бы так же остроумно, как подойти с поднятыми руками к первому встречному патрулю. А он так устал, что не хотел ничего, кроме укромного угла, где можно было бы чуточку вздремнуть.

Теперьешнее его пристанище было во всех отношениях неудобным. Рей даже вряд ли сумел бы отсюда сбежать, напади на него врасплох. Лучше вылезти наружу — будет хоть слабый, но шанс. Он неуклюже двигался по балке, перемещаясь от одной сваи к другой и иногда вслушиваясь в шум наверху и плеск весел в гавани.

После некоторого колебания Рей все же решился: подтянувшись на руках, он вскарабкался на пирс. Кругом были навалены какие-то тюки, и Рей поспешно забился в щель между

ними. Здесь он хотя бы был защищен от ветра, но все равно дрожал. Потом Рей, видимо, задремал, потому что, когда очнулся, в щель пробивался свет, и был слышен топот шагов. Что это — утро? Пришли докеры?

Рей подполз поближе к краю причала, готовый в любой момент нырнуть в маслянистую воду. На всякий случай он внимательно себя оглядел, пытаясь представить, как он будет смотреться, когда себя рассекретит.

Куртку, шлем и латы офицера атлантов он еще тогда бросил на набережной. На нем осталась лишь нижняя туника, но от долгого общения с портовой водой она имела такой, мягко говоря, неаккуратный вид, что скорее напоминала рабочую робу. Сапоги... нет, Рей не мог отказаться от них. В конце концов, не только офицеры носят сапоги. С оружием тоже обстояло неважно — были лишь кинжал и пара рук. Рей посмотрел на них: что ж, в этих местах, где ничего не известно о боевых приемах, популярных в его мире, руки становились оружием более опасным, чем сталь.

— Шевелись, медуза! Или ты думаешь, что груз можно двигать одним взглядом!? — Крик сопровождался резким щелчком кнута.

Рей вздрогнул, готовый соскользнуть в воду, но быстро передумал, опять отполз за тюки и выглянул из-за них.

По пристани, под свист кнута надсмотрщика, шла группа людей. Рабы, подумал Рей. Если не считать веревочных сандалий, во всем остальном они выглядели, как он. Попробовать присоединиться к ним? А вдруг надсмотрщики быстро заметят лишнего — ведь рабов и так немного? Нет, лучше не рисковать.

Рей перебежал в конец пристани и нашел место, откуда удобно было выбраться на набережную. Он решил ждать подходящего случая.

Неподалеку от него разгружалась повозка. Вскоре Рей заметил очень худого человека в рваной тунике, который тоже старался никому не попадаться на глаза, но при этом бросал острые взгляды по сторонам. Внезапно он пристроился к шеренге грузчиков, взял с повозки ящик, но не пошел за ними, а бросился наутек. Рея осенило.

— Держи вора!

Он, правда, не знал, насколько уместным был этот крик в данной ситуации, но надзиратель его подхватил. Несколько грузчиков побросали свои ящики и кинулись за бегущим. Рей устремился за ними, как бы участвуя в охоте на человека. Вор, лавируя между ящиками и повозками выскочил на набережную — и Рей, в этой бегущей толпе, тоже оказался на ней.

Улучив момент, он юркнул в дверь какого-то дома, которая, на его счастье, оказалась не заперта.

Здесь было темнее, чем снаружи. В воздухе стояла густая смесь разнообразных, но скверных запахов, откуда-то доносились скрипы и храп — в доме явно обитали. Рей дошел до конца коридора, но никого не встретил. Он уперся в другую дверь, закрытую на щеколду, и осторожно ее открыл.

Рей очутился в узком переулке, вымощенном булыжником. Он оглянулся — увы, человеческий род мало изменился за тысячелетия! Дом, где он только что был, оказался самой обыкновенной трущобой, разве что запахи в ней были чуть экзотичнее, чем в его времени.

В этот переулок выходили окна многих домов. Но смотрели в них кто-нибудь и мог ли заинтересоваться им... Вряд ли, в таких районах люди обычно занимаются только своими делами и стараются не замечать того, что их не касается.

Рей пробирался через кучи мусора и щебенки, но вдруг услышал... Стон? Конечно, стон, а доносился он из-за полуогнившей корзины, доверху набитой мусором. Рей подошел ближе и пнул корзину ногой.

Уже через секунду он пожалел о содеянном. Из-за корзины выскочила какая-то дикая фигура с ножом и кинулась на него. Рей, хорошо знающий приемы рукопашного боя, отразил эту самонадеянную атаку. Он схватил нападавшего за запястье и отшвырнул к стене... но все же чуть опоздал.

Рей прижал руку к боку. Ему еще повезло — удар был скольльзящим. Рана не болела, хотя кровь под туникой текла сильно. Рей толкнул носком сапога неподвижное тело. Голова незнакомца как-то уж очень легко качнулась в сторону. Так и есть, подумал Рей, сломана шея. Он внимательно посмотрел на мертвого атланта.

Тот был молод, почти мальчишка, и очень худ. На нем была туника с поясом, украшенным серебряными бляшками, с пояса свисал кошелек. На пальцах сверкали кольца, в одном ухе виднелась серьга. Вор и, видимо, удачливый, подумал Рей. Он понял, что трюк со стоном был рассчитан на то, чтобы привлечь внимание случайного ротозея, а потом обобрать его и уйти с добычей.

Между тем рану начало жечь. Прислонившись к стене, Рей осмотрел порез. Тот сильно кровоточил, и широкое пятно на тунике становилось все заметней. Выбора у Рея не было — только другая одежда могла его хоть как-то обезопасить...

Из переулка он выходил уже в одежде убитого им вора. Правда, мокасины были ему чуть великоваты, но этот досад-

ный факт уравнивался кошельком с монетами. Теперь от Сидика из Уйгура внешне не осталось ничего.

Везение и нюх привели Рея в какую-то дешевую таверну. Здесь пахло вином и кислой стряпней. Ему захотелось есть. Но удача, похоже, отвернулась эт Рея — внезапно у входа в таверну остановился отряд стражников с явным намерением устроить проверку посетителей. Рей огляделся.

В помещении было три стола оо скамьями. В глубине находилась другая дверь, откуда пахло сдой. Кроме Рея, в таверне сидели еще двое.

Один выглядел так, словно обирался пробыть здесь очень долго: он сопел и похрапывал, навалившись на стол — очевидно, последствия обильных возлияний. Его пальцы вяло сжимали очередную кружку.

За другим столом сидел человек, одетый в такую же просоленную морем куртку, в какой Рей играл роль Сидика. Он сосредоточенно ел, набивая рот хлсбом после каждой ложки. Однако по быстрому взгляду, брошенному им на солдат, Рей понял, что еда интересует этого моряка не так сильно, как казалось на первый взгляд.

Из внутренней двери вышла женщина, которая тоже привлекла внимание Рея. На ней было линялое — а когда-то ярко-оранжевое — мешковатое, неровно обрезанное платье; на руках, от самых плеч до запястий болтались медные браслеты, в ноздре блестела позолоченная кнопка. Ее волосы, забранные наверх и сплетенные кожаными ремешками, являли собой гротескный вариант прически придворной дамы, а одутловатое и жирное лицо создавало удивительно безобразный контраст с тощей фигурой.

Она оперлась руками о столик Рея, наклонилась к нему и выжидательно взглянула в глаза.

— Что будете есть?

Голос у нее был жалобный, звуки смазаны, так что Рей скорее догадался, чем понял, о чем она спрашивает.

— Еды... вина. — Он затруднялся, не зная какие блюда можно заказать в заведении такого типа, затем указал на обедающего моряка. — Что-нибудь вроде этого, если уже готово.

Женщина что-то пробормотала, и это можно было принять как за согласие, так и за недовольство. Тем не менее она направилась к внутренней двери но дойти до нее не успела. У входа в таверну раздался шум и все повернулись. Там, с двумя солдатами, стоял датор стражи. Весь его надменный облик свидетельствовал о самоуверенности человека, который не привык встречать сопротивления. Он ударил мечом по столу, требуя внимания.

Ну, все, подумал Рей. Он прикинул расстояние до внутренней двери, но тут же усомнился, есть ли там запасной выход — так можно было самого себя загнать в ловушку.

Но в этот момент женщина улыбнулась датору.

— Вина лордам?

— Не нуждаемся в твоём дерьме, — ответил датор и подошел к моряку. — Эй, ты! Кто ты и откуда!?

Человек проглотил то, что было у него во рту.

— Риссак, матрос с “Морской Лошади”. А в чем дело? Я бывал в этом порту много раз и уже тогда, когда ты еще под стол пешком ходил...

— Такие острые языки укорачиваются кинжалом, — ответил датор, но, впрочем, не стал развивать тему, а повернулся к Рею. — А ты?

— Ран-Син, — соврал Рей, — с севера.

— Встать! — приказал датор.

Рей встал. Может, перемахнуть через стол и бежать на улицу? Но там остались солдаты отряда, и его сразу схватят. Он почувствовал себя в западне.

Однако, к удивлению Рея, датор не собирался его задерживать, а лишь внимательно оглядел с головы до ног. Рей догадался, что он выискивает приметы, данные в описании преступника. Ну что ж, если ловят его, Рея, то одно преимущество перед представителями правопорядка он уже имеет — другую одежду.

— А этого? — спросил один из солдат, указывая на спящего.

— Ничего похожего... — Датор недовольно махнул рукой.

Но почему они ищут его, подумал Рей, когда стражники ушли. Коли капитан Тейт выполнил обещание, значит, бежали все и он как бы с ними. А может, капитан обманул его и выдал пленников атлантам? Но могло случиться и так: корабль захватили, и по допросам было установлено, что Рей в городе, в районе набережной.

А что он должен делать теперь? Сигналы чужой воли больше не поступали в мозг Рея. Но если эта сила вернула его обратно на берег, то уж, наверное, не для того, чтобы он играл в кошки-мышки с людьми Посейдона...

Женщина сходила на кухню и вернулась с подносом. На нем стояла миска с тушеным мясом, ломоть хлеба и кружка с прокисшим вином.

Рей достал из кошелька монету и заметил, что глаза женщины слегка расширились. Он не положил монету на стол, как собирался сделать сначала, а держал ее в пальцах так, что был виден только краешек.

Женщина заискивающе улыбнулась, как только что улыбалась датору. — Желаете еще что-нибудь, милорд?

— Комнату, где человек может побыть в одиночестве.

— Побывать в одиночестве, — повторила она. — Ну что ж, мы можем предложить вам такую.

Она медленно перевела взгляд с его лица на край монеты, потом кивком подбородка указала на заднюю дверь.

— Пойдете туда и наверх по лестнице. Ваша комната будет за синей портьерой.

Рей бросил монету. Женщина мигом ее подхватила и спрятала где-то в складках одежды. Он взял поднос и не спеша вышел в дверь. По пути наверх он заметил, что из кухни за ним внимательно наблюдали: какая-то женщина, видимо, официантка с лицом страшным, как у ведьмы, и горбатый мужчина, резавший овощи и при этом так низко наклонявшийся над ними, что, казалось, вот-вот отхватит ножом собственный подбородок.

За синей портьерой Рей обнаружил комнату, похожую на мрачную клетку. Стол и стулья в ней отсутствовали — на грязном полу стоял только соломенный тюфяк на ножках, а на стене висела полка, на которой одиноко пылился кувшин. Окно было закрыто ставнями. Рей поставил поднос на полку и попытался открыть окно. Оно поддалось ему не сразу, но с помощью ножа Рей все же своего добился.

В нескольких футах от окна высилась глухая каменная стена — видимо, соседнего дома. Рей посмотрел вниз: между стенами шел узкий проход, заваленный мусором, — неплохая ловушка для того, кто вздумал бы отсюда удирать.

Он сел на край грязного, вонючего тюфяка и стал есть. Еда была странная, горячая и излишне наперченная — видимо, для того, чтобы под нее брали больше выпивки. Но голод Рея она утолила, и он съел все, даже вытер миску корочкой хлеба.

Рей откинулся к стене и попробовал собраться с мыслями. Значит, так. Во время беседы с Хроносом сигналы чужой воли диктовали ему все, что он там наговорил. Далее — спасение мурийцев тоже направлялось извне, даже если кое-какие детали бегства придумал он сам. Следовательно, оба эти события стали частью причин, по которым он находится здесь. Но что ему делать теперь? И долго ли еще ждать, пока его не подтолкнут к выполнению новых заданий? Рей злился, хотя и знал, что время для ответов на его вопросы еще не наступило.

Рей уставился в окно.

— Ладно, — сказал он воображаемым собеседникам, — я подожду. Но если я буду ждать слишком долго, меня могут схватить и уничтожить — и я не сделаю того, что вы от меня требуете. Дайте же мне знать, что вы от меня хотите?!

Так он думал и мысленно кричал, словно надеялся быть

услышанным там, за тридцать земель, людьми, пославшими его сюда.

Рею вдруг показалось, что на стены противоположного дома упала тень. Деревья! Он закрыл глаза и снова медленно открыл их. Ряды деревьев, все крошечные, как будто он смотрел на них в перевернутый бинокль...

Нет! Это не выход! Рей крепко зажмурился. Деревья здесь ни при чем. Он не должен о них думать, не должен их видеть...

— Приди: — Он думал о той воле так, словно она была радиопередачей на прерывающейся частоте, которую можно ловить только изредка. Он опустил голову на сжатые кулаки. — Приди, — умолял он — дай мне знать, что я должен делать! Дай мне знать, пока не поздно!

* * *

Фордхейм держал в руке полоску перфорированной бумаги. Значит, Бартон поверил, что это ответ?

Не вытягивайте, не сгибайте, не рвите, — процитировал Харгрейв. — Полагаю, что нам теперь следует призвать на помощь все виды черной, белой, красной, зеленой и голубой магии, но я отказываюсь согласиться с тем, что человек может быть уменьшен до такого! Откровенно говоря, я не хочу этому верить. Это... это просто непристойно!

— Не человек, нет, — поправил Бартон. — Мы добивались уравнения, пригодного для определенного типа мозга, чтобы установить, каким должен быть призывный прибор. Это уравнение дал нам ваш собственный компьютер, который снабдил вас уравнением для Атлантиды.

— А оно вообще не могло быть правильным! — вспыхнул Харгрейв. — Мы видели и засняли только лес, помните? А я поверю в Атлантиду, когда увижу весомое доказательство.

— Ну, ладно, никто не настаивает, что это обязательно Атлантида, — примирительно сказал Фордхейм. — Но доктор Бартон прав. Мы заложили сведения и получили уравнение: мы воспользовались им и в результате имеем то, что вы увидели сами. И там мы потеряли человека. Логично предположить, что он не остался до сих пор на том месте, где вышел. И если это сработает...

— Вот именно, если сработает, — подчеркнул Харгрейв.

Фордхейм потер руками лицо. Он устал, так устал, что ему трудно было сделать лишнее движение. А в сущности, когда он последний раз спал?

— Но это не все, что нам необходимо, — оказал Бартон. — Вы должны это понять. У нас есть факты его армейской биографии, рассказы знавших его лично, справки о здоровье и тому

подобное. А для больших шансов нам надо бы еще иметь диаграмму его поведения в разных ситуациях, дополнительные сведения, охватывавшие хотя бы последние два года...

— Поскольку ничего этого у нас нет, — Фордхейм растянул фразу в усталой зевоте, — мы попытаемся воспользоваться тем, что есть. Чудеса иной раз случаются...

Харгрейв пожал плечами.

— Я начинаю думать, что генерал Колфикс прав. Послать поисковый отряд...

— И потерять его тоже? — спросил Фордхейм. — Нет! До тех пор, пока у нас нет уверенности.

Он снова взглянул на полоску бумаги, выданной компьютером. Она содержала данные живого человека. Содержала ли? Они не будут в этом уверены до тех пор, пока их длительная попытка не увенчается успехом, и Рей Осборн не вернется в свой собственный мир.

ГЛАВА 14

Опасность?... Рей поднял голову и внимательно прислушался. Из коридора не доносилось ни звука. Он встал и бесшумно подошел к окну. Никого не было. Тем не менее в нем возникло тревожное ощущение, будто он находится под пристальным взглядом.

Рею становилось жутко — казалось, стены комнаты вот-вот сомкнутся вокруг него и лишат воздуха. Над всем висела атмосфера угрозы, как в кошмарном сне. Рей вдруг осознал, что не может больше оставаться в этом убежище, что его как бы вытряхивают отсюда, словно мышь из корзины. И это впечатление не было родственным тому ощущению принуждения, которое держало его в атлантском порту — оно, Рей был уверен, исходило от врага. Но с ним он не мог бороться.

Ладно, он уйдет отсюда. Это был единственный выход — в противном случае Рей просто закричал бы о себе этим стенам и ждал появления своих врагов.

Однако, повинуясь новому приказу, Рей все-таки сохранил остатки собственной воли. Да, он будет драться, хитрить, убеждать! А если бы еще знать, для чего он оставлен здесь, появилась бы цель, а с ней и силы на более решительные поступки.

Не пойти ли ему к парусному мастеру, о котором упоминал капитан Тейт? Конечно, нет особых причин верить в добрую волю этого человека, но тень надежды все-таки возникла, а кроме нее не было ничего.

Рей повернулся и дотронулся до бока. Рана была достаточно

чувствительной, но уже покрылась коркой — значит, если в нее не попала грязь, заживание началось.

Рей снова подошел к окну и, высунувшись из него как можно дальше, внимательно осмотрел двор. Он заметил, что налево, к фасаду таверны, прохода нет — его перегородил высокий забор, с противоположной же стороны выход на улицу, возможно, и был. Рей одернул с постели единственную простыню и привязал ее конец к ножке тюфяка. Жгут получился не слишком длинным, но достаточным для того, чтобы спрыгнуть, не рискуя сломать ноги. Рей вылез в окно и по простыне спустился как можно ближе к земле, потом спрыгнул прямо на кучу мусора.

Под верхним, мягким слоем в этой куче оказался какой-то довольно твердый хлам. Рей сильно ударился об него и некоторое время приходил в себя, держась за больной бок.

Наконец, он выбрался из кучи и стал тихо и осторожно продвигаться вдоль стены. Впрочем, его предосторожность казалась излишней — если шум от падения и встревожил кого-нибудь из жильцов дома, то не настолько, чтобы возбудить их любопытство.

Рей добрался до конца здания но и там оказался забор. Однако свобода так сильно манила его, что, не долго думая, он вырвал несколько гнилых досок и вылез в пролом.

Рей очутился в каком-то переулке. Чувство ориентации подсказывало ему, что к парусной матерской следует идти налево.

Неподалеку работал какой-то человек, он рылся в мусоре, вороша грязные кучи длинной палкой с крючком, время от времени вытаскивая из них что-то и складывая в мешок. Рей увидел сначала только его руки, тонкие, как жерди, и такие старые и грязные, что их кожа потеряла всякий цвет. Когда Рей приблизился к нему на расстояние длины его рабочей палки, мусорщик с неожиданным для такого дохляка проворством, взмахнул своим орудием труда с намерением зацепить и сбить с ног Рея, при этом он высунул из своих лохмотьев голову и визгливо хихикнул.

Тренированность Рея еще раз выручила его: он увернулся, а мусорщик, потеряв равновесие, покачнулся и отступил на два шага.

— Яахх! — Неудача не остановила его, и он сделал новую попытку.

Но Рей решил больше не искушать судьбу. К тому же этот тип столь мало походил на человека, что внушал сильнейшее отвращение. Рей пнул его мешок, еще раз увернулся от удара и убежал, оставив мусорщика выть от злости.

Вскоре Рей выбрался на широкую, оживленную улицу. По ней в доки шли тяжело груженные подводы, оттуда они возвращались пустые. Правили ими люди в униформе, шедшие рядом с лошадьми, на подводах же сидели стражники. Рей вжался в стену и принялся наблюдать за ними, сначала без особого интереса, но потом с возрастающим вниманием.

По его догадкам, на корабли флота грузили боеприпасы. Очевидно, готовились к решительному наступлению на Майякс или на Му. Конечно, рассуждал Рей, сначала они должны бы разобраться с Майяксом, прежде чем идти на Му. Но как же Хронос надеялся втянуть в войну весь остальной мир, продвигаясь только на запад? Рей ни разу не видел полной карты этого мира. А Африка? И если она сейчас существует, кто правит ею! Жаль, что он знает так мало действительно нужного.

Но вскоре географические изыски перестали беспокоить Рея. Да, он ушел из таверны, ускользнул от нападения мусорщика, однако ощущение наблюдения за собой осталось. Оно продолжало действовать, заставляло принимать решения.

Любые подозрительные действия здесь наверняка встревожат стражников. Рей осторожно шел по направлению к гавани. Ну, что ж... Если силе чужой воли угодно держать его в городе, то, может, и эти телеги входят в программу помощи Рею. Стараясь не выказывать излишнего любопытства, он цепко наблюдал за подводами и искал способ укрыться в какой-нибудь из них.

Но, похоже, на это рассчитывать не стоило. Рей дошел до перекрестка и очутился на широкой улице, уходящей прямо в доки. Он шел мимо повозок, стараясь держаться ровно и не тусеваться под взглядами стражников и возниц.

Это путешествие привело Рея к западному концу гавани, где он и начал высматривать парусную мастерскую или винную лавку, что, впрочем, по рассказу Тейта, было одно и то же.

— Стой!

Рей не сразу сообразил, что воспринял эту команду не ушами, а мозгом. Он вынужденно повиновался.

Да, ему приказали остановиться. От удивления Рей встал так внезапно, что на него налетел какой-то прохожий и, обернувшись, прорычал что-то на своем жаргоне.

— Иди! — Приказ вновь прозвучал уверенно, так, будто у Рея не должно быть другого выхода, кроме подчинения.

Помощи не было. А этот сигнал шел не от воли, пославшей сюда Рея, а от другого источника — и он чувствовал, что та,

первая сила как бы сжимается и уменьшается, не в состоянии препятствовать этому давлению.

— Иди!

Куда идти? Сознание Рея молчало, но контролируемое кем-то тело, кажется, знало это хорошо. Он шел на восток, так же неспешно и размеренно, как шел раньше, не в силах разжать тиски чужой воли...

Теперь он был в доках. Море ярких красок бушевало в них, но Рей неожиданно для себя выделил один огненно-красный предмет. И этот предмет ждал его... Рей был безвольным пленником, влекомым огненно-красной силой, он двигался по ее командам... Но нет, это был не просто предмет, а мантия глубокого кровавого тона, а носящий ее — больше, чем просто человек.

...Страх живет во всех людях от их рождения до смерти. Есть много мелких страхов, но бывают и такие, которые вынуждают человека зарываться в песок или с воплями убежать. Рею казалось, что он знаком со страхом, но такого, как сейчас, он не испытывал никогда!

— Иди!

И он шел. Выбора уже не было: ни одна, известная ему в прежнем мире хитрость, здесь не могла помочь ему. Это был гипноз страха, тянущего его к...

Их разделяло всего несколько футов — его и Красную Мантию с замкнутым лицом, на котором не было ни торжества, ни жажды сражения. Воля жреца была сосредоточена только на нем: заставить Рея целиком подчиниться ему.

Рей уставился в худое лицо с крючковатым носом и острым подбородком, и оно показалось ему знакомым. Но вот жрец поднял руку, и на его запястье блеснула полоска, сразу приковавшая внимание Рея. Браслет для часов — сработала какая-то частичка его мозга. Часы? Здесь? Его часы! Часы, которые у него отняли атланты в самом начале этого невероятного приключения. Значит... значит, это Красная Мантия с того корабля?

Жрец сделал какой-то знак рукой с часами. Боль внезапно взорвалась в голове Рея, и он упал от удара, нанесенного ему воином, который подошел сзади.

* * *

Рей лежал в темноте на твердой и такой холодной поверхности, что ныли кости. Он хотел поднять руку к пульсирующей болью голове, но ему помешали цепи, надетые на запястья.

— Проснулся, наконец, друг! — раздался в темноте голос. Но прошло много времени, прежде чем их смысл дошел до Рея.

— Кто... кто ты? — Рей взглянул в том направлении, откуда доносился голос, но ничего не увидел в кромешной тьме.

— Такой же, как ты, пленник, ожидающий развлечения Хроноса! Пусть его кости сгниют раньше плоти, и душа его, навеки бездомная, вост в ветрах!

— Ты муриец? — Рей попытался приподняться, но снова упал, схваченный болью в голове.

Человек издал звук, похожий на смех, хотя казалось, что попавшим сюда должно быть не до смеха.

— Нет, я атлант по рождению, но не друг Хроносу и его приближенным. А ты?

Рей замаялся. Кто он? Шпион, можно сказать.

— Я приехал из Му.

Что он мог ответить, не выдав больше того, что о нем уже знали?

— Что ты имеешь в виду? Это десант? Война?

— Пока еще нет.

— Но, возможно, скоро будет? Это приятно услышать тому, кто здесь уже пять лет.

— Здесь? — Рей не поверил. Как мог человек в этой норе не только сохранить разум, да еще и определять время?

— Нет. В этой камере я недавно. Когда всегда ночь, не считаешь дней. Но еду приносили восемь раз. Перед тем, как меня притащили сюда, я был наверху, где в камерах есть день и даже иногда в них проникает солнце. Но вот что происходит за этими стенами, я не знаю.

— Атлантида выступает против Му.

— Это у них давно назревало! В течение ста лет жрецы Ваала бьются над созданием такой магии, которая могла бы дать им безграничную силу. Пять лет назад они нащупали какой-то страшный путь. Люди шептались...

— Но как случилось, что ты еще жив?

Снова послышался тот же, напоминавший смех, звук.

— Храбрый Хронос, видимо, боится за себя — он не смеет идти против древних пророчеств. Есть такая кровь, которую он не может пролить, пока он не настоящий властелин мира — а это будет нескоро. И он не убьет истинного держателя Трезубца, поскольку давно предсказано, что это наведет на страну ярость моря.

— Что ты имеешь в виду?

— Официально объявлено, что линия истинных Посейдонов оборвалась сто лет назад. Но это неправда, потому что дочь последнего Посейдона, не желая принять в мужья человека, выбранного жрецами Ваала, бежала в горы, распустив про себя слух, что умерла. Там она обменялась браслетами с капитаном

своей стражи, тоже Солнцeroжденным. Я прямой потомок этого союза, и Хроносу это известно. Он убил всех Солнцeroжденных, кого сумел схватить, разрушил храм Пламени, но уничтожить меня не смеет. На звездах записано — и даже жрецы Тени это читали — что Атлантида будет существовать только до тех пор, пока в ней есть истинная кровь. Он держит в заточении, но убить не может.

— Но ты верен Му?

— А как же иначе, — просто ответил он. — Я из дома Солнца в Атлантиде, а сын не может идти против матери. Хронос не Солнцeroжденный, это одна из причин, почему он ненавидит их лютой ненавистью. Но теперь я скажу, друг, пусть Солнце подгоняет корабли Му, ибо я не могу поверить, что они будут ждать, пока псы тени нападут первыми...

— Надеюсь, что Му придет сюда, — ответил Рей и задумался: а, собственно, зачем он участвует в этих чуждых ему распрях и раздорах? Теперь же оставалось надеяться лишь на чудо, которое, может быть, спасет его от участи, уготованной для него Атлантидой.

— Расскажи о себе, друг. Ты сказал, что ты из Му, однако при свете факелов стражи я разглядел, что ты не похож на жителей матери-страны.

— Меня зовут Рей, и я из Бесплодных Земель.

— Разве там организовали колонию?

— Я не из народа Му, но Ре Му даровал мне титул Солнцeroжденного, — медленно сказал Рей. Даровал ли? Нет, усыпил бдительность Рея и сделал его своим оружием или чем-то еще, чтобы своей волей управлять им здесь. Воля... Рей внезапно осознал, что воли Му больше нет в нем. Либо ее отогнала сила Красной Мантии, либо она ушла сама, потому что он, Рей, больше не нужен.

— Бесплодные Земли, — задунчиво повторил его собеседник, — и вдруг вздрогнул. — Молчи, идет стража!

Послышался щелчок замка, и на стене появился овальный луч света. В камеру вошли два стражника с факелами.

— Привет, собаки Хроноса! — крикнул сокамерник Рея. — Как дела? Уже напали на вас люди Му или вы все еще варите свою грязную черную магию в надежде, что она воздвигнет для вас новые стены против стали мурийцев?

Рей повернул голову. Почти рядом с ним к стене был прикован молодой человек. Рей успел заметить его красиво очерченный рот, который портили глубокие складки, и длинные черные волосы с серебристыми ниточками седины.

Один из стражников, ворча, опустил на пол флягу с водой и бросил несколько кусков темного хлеба, а его напарник тем

временем закрепил факел в железном кольце на стене. После этого оба стражника ушли.

— Хотел бы я знать, к чему это. — Атлантский пленник указал на факел. — Замышляют какую-нибудь пакость. В этой тюрьме допрашивают даже камни стен. Хронос многому научился у Мегоса, и ничего не делает без цели. — Он дотянулся до куска хлеба и передал его Рею — Ешь, пока можешь, друг. Хронос обожает эксперименты: вдруг он захочет посмотреть, как долго мы протянем, не имея ни крошки. Ты назвал себя, позволь и мне сделать то же: я — Уранос... Ешь только половину, — посоветовал он, когда Рей стал жевать безвкусный хлеб, — лучше иметь мало сегодня, чем ничего — завтра. Хронос вынашивает в своем бесформенном черепе какой-то план, не обещающий нам ничего, кроме зла. Он боится меня, но и ты чем-то напугал его — иначе он не держал бы нас вместе.

— Я встретил одного человека, капитана рейдера, который клялся, что мог бы взять этот город несмотря на все его стены и канаты, — тихо сказал Рей, не зная, почему он это вспомнил.

— Да, это так. Дворец Хроноса имеет такие тайны, о которых не знает даже сам хозяин.

— Что ты имеешь в виду?

— Подземные комнаты и переходы, где нога человека не тревожила пыль уже целые столетия. Я слышал легенды об этом, их, наверное, слышал и твой капитан, а, может, он знает и нечто большее, чем легенды. Если он найдет нужный путь, ему откроется сердце города. Этот капитан предан Теням или нет?

— Надеюсь, что теперь нет. Он отплыл с бежавшими муррийскими пленниками на борту.

— Тогда, — улыбнулся Уранос — возможно, у Хроноса появятся незваные гости. Хотел бы я видеть его лицо, когда это случится. Впрочем, я думаю, что и эта ночь будет для него неприятной.

— Почему?

— Я подозреваю, что нас подслушивают, и наши слова скоро будут переданы Хроносу.

— Подслушивают? — Рей уставился на стены.

— Годы его гостеприимства развили мой слух. Это случается не впервые. Сейчас начнется суматоха, проверка подземных ходов — ведь у страха глаза велики. Но здесь сотни переходов, в основном, давно заделанных, так что он никогда их все не обнаружит.

— А что, если он найдет правильный ход и поставит там засаду? — Рею подумалось, что Уранос чересчур оптимистичен.

— Это уж как распорядится судьба, но я почему-то думаю, что этого не случится. Разве может человек изменить линии,

начертанные на его лбу еще при рождении, или препятствовать будущему, предсказанному звездами? Я верю, что буду жить и править здесь...

Рей с сочувствием его слушал;. Неужели и впрямь эти люди знают о будущем или хотя бы видят его частичку? Однажды леди Айна говорила, что они видят будущее ВООБЩЕ, но что их решения могут его изменить.

— Почему ты так уверен?

Уранос посмотрел на него, и взгляд его стал твердым и пристальным.

— Если ты прошел Первые Мистерии, положенные твоему возрасту, как ты можешь спрашивать! Что ты за человек? Ты сказал — из Бесплодных Земель, муриец по милости Ре Му, но не колонист. Кто же ты?

— Человек не из этого времени.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я родился в мире далекого будущего. Я прошел сюда сквозь время. Как и почему — не знаю.

Уранос некоторое время молчал. Рей подумал: а поверил бы он сам, услышь от кого-нибудь такую историю?

— Так! Значит, Наакали тоже послали зов, а ты ответил на него и пришел?

— Нет, я пришел случайно. — И он в нескольких словах рассказал Ураносу о своих приключениях.

— Но ты же можешь никогда не вернуться?

— Этого я не знаю. Я даже не представляю, что может случиться со мной через час, через день. Но судя по нынешним обстоятельствам, будущего лучше не ждать.

Уранос покачал головой.

— Быть готовым к беде — это правильно, но ты пока не отталкивай будущее, друг. Давай отвлечемся немного и дадим кое-что послушать тем, кто подслушивает. Расскажи мне о своем мире... Нет, дай сначала я открою тебе мой... — И он заговорил о своей юности, проведенной в горных долинах, о том, как ловил и объезжал диких лошадей на равнинах. — Друг, в мире нет ничего прекрасней скачущей лошади, когда ее длинная грива развеивается на ветру, а копыта бьют, как военные барабаны. Моряки говорят о кораблях, охотники о лосях, а мое сердце отдано лошадям. Не я ли вел Огнедышащего к победе!

Расскажи... — произнес он после долгой паузы, но тут же резко кивнул в сторону двери. — Опять идут.

И Рею показалось, что сначала вошла какая-то злая тень — она притушила огонь факела и повисла над ними.

На этот раз в сопровождении стражников появился жрец.

— Приветствую тебя, брат Тени, — обратился к нему Уранос, в то время как стражники начали снимать их цепи со стальных колец. — Чего ради слуга Ваала вздумал беспокоить нас?

Жрец пристально взгляделся в Ураноса. Рей подумал, что никогда еще не встречал столь холодного и оценивающего взгляда. Жрец, не отвечая Ураносу, сказал стражникам:

— Выводите их.

Им было трудно держаться на ногах. Короткие цепи так стягивали тело, что сводило мышцы спины и бедер. Однако стражники толчками подгоняли их.

— Они считают нас всесильными богатырями, — насмешливо заметил Уранос. — Видишь, брат, за нами послали восемь воинов и жреца!

Но атланты никак не реагировали на его уколы, лишь ускорили шаг и еще плотнее сомкнулись вокруг пленников, заставляя их идти быстрее.

Они долго шли — то вверх, то вниз по темным переходам — и Рей подумал, что конструкция здания напоминает гигантскую паутину, а в центре ее — Хронос. Наконец, вся группа вошла в более освещенный коридор и остановилась перед металлическим занавесом.

Солдаты стали проявлять какую-то неуверенность, они не сводили глаз с занавеса. Похоже, решил Рей, что это задание им не по душе. Но вот жрец приложил пальцы к занавесу, тот распахнулся — и атлант вошел внутрь. Стражники с явным облегчением втолкнули следом за ним Рея и Ураноса.

Это была прихожая какого-то помещения. Здесь находились другие жрецы — они тут же схватили их цепи словкостью, свидетельствующей о богатой практике. Рей не успел и опомниться, как их руки были крепко замкнуты за спиной.

— Вперед! — скомандовал жрец, приведший их сюда.

Они попали в комнату со стенами цвета запекшейся крови.

Помещение было почти пустым, лишь в центре его стояло широкое кресло, сделанное из цельного куска черного камня. На вид оно казалось не слишком удобным, но сидящий в нем, судя по всему, чувствовал себя так же комфортно, как Хронос на своих подушках. Здесь восседал Мегос.

Он улыбался, если только слабый изгиб его тонких губ можно было назвать улыбкой, и слушал то, что шептал ему на ухо жрец. Но когда глаза Мегоса остановились на пленниках, улыбка превратилась в злобную ухмылку.

— Итак, Солнцорожденный милорд, ты все-таки пришел ко

мне, — обратился он к Ураносу. — Помнишь ли ты нашу прошлую встречу, когда я говорил тебе о воле Темного Лорда, а ты отказался меня слушать. В тот день ты сам отрезал себя от будущего, Уранос. Ты жалеешь об этом?

Уранос высоко поднял голову.

— Мегос, ты считаешь себя сыном Ваала на Земле. Интересно, согласна ли с этим Тень? Я убежден, что ты лишь старательно играешь эту роль, потому что такое зло не может войти в здоровый мозг человека, рожденного от плоти и крови. Если ты намерен снова умолять меня...

Умолять — ТЕБЯ? — Верховный жрец холодно засмеялся. — Мегос не просит дважды! Впрочем, теперь это не имеет значения. На этот раз ты послужишь для другой цели.

— Это уж как решит Солнце. Будущее лежит в храме...

— В гробнице Ваала...

— Не думаю. В этом городе есть и другой храм.

Улыбка Мегоса исчезла, глаза вспыхнули.

— Пламя давно погасло. Ты платишь долг...

— А я скажу тебе, Мегос, что в конце концов платить придется тебе. И это будет такая плата, какой еще не видел мир! — Лицо Ураноса исказилось, и можно было поверить, что сейчас он смотрел в будущее, и то, что ему там открылось, заставляло его не угрожать Мегосу, а пророчествовать.

— А тебе не кажется, что ты — насекомое, на которое слуга Ваала может наступить сандалией и даже не заметить, как его раздавил? Имеешь ли право говорить так со мной — властелином мира под Тенью?

— А что если Хронос услышит твои слова, Мегос? Он ведь считает властелином мира себя?

Улыбка вернулась на хищное лицо жреца.

— Хронос? Собственно, что такое Хронос?.. Каждый человек в любом деле пользуется каким-то орудием. Но когда дело сделано, орудие можно выбросить или сломать. Когда я найду нужным, я разотру Хроноса в пыль, в ничто.

Теперь засмеялся Уранос.

— И опять я скажу тебе, Мегос: Хронос может не согласиться с твоими словами. Я думаю, ему сообщат о них — и тогда в твоей спальне может появиться незванный гость, знающий как без лишнего шума пустить в ход кинжал.

Но Мегос продолжал улыбаться.

— Это все неважно и уж, конечно, не касается тебя.

— Тогда зачем ты послал за нами, сын ямы?

— Как всякий человек, я иногда развлекаюсь. И мне нравятся азартные игры. Мой друг Конт, — он кивнул на стоящего рядом жреца, — заключил со мной пари на любопытное кольцо

из Уйгура, которос, по слухам, даст его владельцу какие-то странные силы: из-за их вмшательства я не смогу в течение семи дней сохранить живым человека, который сейчас подвергается в лаборатории некоторым изменениям. Я горжусь ловкостью моих подчиненных и желаю выиграть это кольцо. Вот я и подумал о пленниках этого храма и выбрал тебя...

Хотя Уранос был и твердым человеком, но и его так потрясло услышанное, что он только выдохнул:

— Дьявол!

— Так меня называли и другие до того, как пройти вон в ту дверь. — Мегос указал на проем в дальнем конце комнаты. — Но позднее, когда я даровал им смерть, они благословляли меня. Ты силен, Уранос, и этот человек выглядит не слабым. Я думаю, что выиграю пари.

Он встал, и ледяные когти жреца, стоявшего за Ресм, впились в его плечи и подтолкнули вперед. Но Мегос, сделав два шага, вернулся.

— Теперь я — истинный сын Тени. Мне пришло в голову, что, может быть, Ваал захочет сказать свое слово. Вы оба сделаете выбор между черным и белым камнями. Тот, кому мой господин пошлет черный, выиграет мой заклад, а тот, кому достанется белый, подождет некоторое время. Да, так будет правильно.

Он засмеялся, и жрецы подобострастно вторили ему. Конт взял чашу и демонстративно положил в нее два камня, черный и белый. Мегос поднял руку.

— Положи два белых. Если выйдут они, я буду знать, что Ваал желает этих людей для себя. Воля Тени — для нас закон. Конт будет тянуть за Ураноса, а Пат-Чень — за чужеземца. Тяни, Конт.

Мегос взял чашу и поднял ее выше уровня глаз жреца. Рука Конта нырнула в чашу и раскрылась, показав белый камень.

Пат-Чень бросил свой камень на пол, и он покатился к ногам Рея. Камень тоже был белым.

Мегос прервал молчание.

— Наш господин сделал выбор. Пусть все будет по его воле. Жрецы хором повторили его слова. Рей задумался — не иначе, какой-то трюк. Почему Мегос сначала угрожал, а потом отступился? Может, и в самом деле выбор камней случаен, а Мегос достаточно суеверен, чтобы не пренебречь им, поскольку уверен, что сам Ваал вел пальцы жрецов?

— Уранос, — верховный жрец подошел ближе, — что ты предпочитаешь: алтарь и нож или... — Он сделал паузу, — объятия Преданного?

— Не имеет значения, как именно Солнцорожденный воин

встретит смерть, раз он сделает это под Пламенем. Умирает тело, а не то, что составляет суть истинного человека. И в смерти я побждаю тех, кто выбрал тропу Тени. Алтарь этого дьявола, ты сказал о Преданном...

— Разве я говорил о дьяволе? — оборвал его жрец. — Ты употребляешь неподходящие слова, Уранос, говоря о малоизвестных тебе вещах. Когда Преданный появится, ты будешь призывать свое Пламя, но оно не придет на твой зов. Тогда ты начнешь умолять о смерти, но она придет в свое время и по своей воле. И ты — тоже! — Мегос в первый раз взглянул прямо на Рея. — Уведите их в храм, чтобы они были близко, когда пробьет час!

Их снова повели по темным переходам, затем вверх по лестнице. Наконец, они оказались в красном коридоре, освещенном фонарями, и по нему прошли в зал, расписанный фресками. Их Рей уже видел в своем путешествии-сне и теперь лишь мельком взглянул на непристойные изображения.

— Мы в храме Ваала, — уточнил Уранос. — Видишь, брат, как лорд Тени демонстрирует свои грязные пристрастия.

— Молчать! — Один из их провожатых сильно ударил Ураноса по губам. — Время для болтовни, воплей и молитвенных призывов давно угасшего Пламени еще впереди. Говорят, Солнцорожденные не умеют просить пощады. Но это потому, что Солнцорожденные еще не встречались с Преданным — ручаюсь, что вы заорете так же громко, как те мурийцы, которые уже побывали в объятиях Преданного. Того, Кто Ползет!

Их втолкнули в маленькую боковую комнату. Стражники снова прикрепили цепи к кольцам в стене.

— Какая же цель у Мегоса? — спросил Рей, когда они остались одни. — Разыграл он нас с этими камнями или действительно верит, что их выбрал Ваал?

— Кто знает? Если разыграл, то мне кажется, это рассчитано не только на нас. Хотел бы я знать, что же такое этот Преданный?

Рей решил, что он бы этого не хотел. Он прислонил голову к стене, и все его проблемы вернулись к нему с прежней силой. Чьей воле он теперь подчинен здесь, в самом центре вражеской страны? Действительно ли в нем нет теперь воли Му? Зачем он здесь?

За спиной Рея были холодные равнодушные камни. Он затерян в этом чуждом ему мире — но на этот раз не в гигантском лесу, а в месте, которого он не мог даже толком описать. Потому что теперь нет его самого, а есть как бы бессмысленно дрейфующая часть его тела, не подчиненная его собственной воле. Да, он затерян, как не могло бы затеряться ничто другое.

Но что это? То, чем он стал — дрейфующая щепка в морской стихии — вдруг что-то схватило... удержало... направило... волей!

Рей снова обрел свое тело. Его плоть покалывало, под кожей распространялось тепло — так было однажды от искрящейся воды в бассейне мурийской цитадели. В нем снова твердо укрепились воля, она ждала... но Рей не знал, чего именно.

— Брат! Что с тобой?!

Рей повернул голову. Уранос подкатился к нему, на сколько позволяли цепи, и попытался коснуться вытянутой рукой. На его лице было выражение сильнейшего изумления.

— Теперь все в порядке, — Ответил Рей и почувствовал, что говорит правду. Вместе с волей пришла уверенность в себе, однако пренебрегать осторожностью не стоило.

— Ты... ты словно бы выходил из тела, — прошептал Уранос.

— Но я вернулся. И так же... — Он замялся.

— Да?

— Я думаю... Слышишь?! — Голова Рея была по-прежнему прижата к стене, и ему показалось, что сквозь камень проходит звук, очень глухой и далекий.

Уранос повернул голову и приложил ухо к стене.

— Похоже на морской прибой, — сказал он после паузы.

— Что это?

Но им не дали долго размышлять: вернулись жрецы. Они сняли со стенных колец цепи и повели пленников в большой зал храма. Здесь этот звук был слышен еще яснее, резче — и вдруг он превратился в рев. Уранос в смятении вертел головой.

— Это... Это битва! — выкрикнул он внезапно.

Рей задумался. Если это Му, то каким образом? У матери-страны явно не могло хватить времени на то, чтобы собрать армию и бросить ее прямо в центр вражеской страны.

— Хорошенько смотри теперь за крыльями своей Тени, брат ямы. — Уранос взглянул на жреца, державшего его цепи. — Когда танцует Пламя, все тени исчезают, а когда мать-страна идет очищать землю от скверны, не останется никого, чтобы прикрыть вашего Темного бога...

Жрец ударил Ураноса.

— Ваал не взлетит, как перо на ветру. Преданный заставит тебя забыть обо всем, кроме тебя самого, и скоро!

Уранос сплюнул кровью.

— Лучше подумай о себе. Теперь собираются души убитых. Ты думаешь, они не ведут своих мстителей, не кричат на ваших улицах о конце правления Ваала. Говорю тебе! Пятистенный Город исчезнет с лица Земли, и даже имя его не сохранится в памяти людей. Ваал снова должен будет искать яму, из кото-

рой он выполз, — и те, кто служил ему, будут ослеплены светом, которого они боятся больше, чем меча. Тот, кого вы вызвали, станет не слугой вашим, а хозяином, пока ему не укажут на его место!

Он говорил без угрозы, но с убежденностью пророка, видящего скорое будущее. Жрец снова замахнулся, но не ударил: уличный рев несколько утих, и теперь все слышали топот, словно кто-то бежал по коридорам. Жрец в бронзовых латах поверх мантии и со щитом на сгибе локтя поспешно вошел в зал.

— Мурийцы! ... — выпалил он.. Они потопили корабли у входа в гавань, пустив две горящие галеры клином на нашу флотилию. На севере они высадили еще одну армию, и к ней присоединились пастухи с равнин. Мегос велел отвести тебе эту пададь к пирамиде и он покажет мурийцам, что сила, которой мы владеем, пожрет их.

Так вот зачем он сюда послан, понял Рей. Ему суждено стать оружием в грядущей битве.

Жрецы погнали его и Ураноса и выходу. Люди, одетые наполовину в жреческое, наполовину в воинское, сомкнулись вокруг них и выволокли из храма.

Они слышали грохот, видели огонь пожаров позади стен и каналов — он распространялся из доков. В городе чувствовалось напряжение, улицы были наполнены солдатами. Атланты не ожидали такого удара: передвижение мурийских войск осуществилось в столь глубокой тайне, что явно застало их врасплох — они оказались как бы запертыми в собственной столице.

Похоже, уже рассвело, но небо было мрачным от темных туч. Один из жрецов обратил на это внимание пленников.

— Видите, ваше Солнце закрыто. Ваал натянул на нас защитное покрывало!

Рей взглянул на Ураноса и заметил, что тот с жадностью втягивает в себя загрязненный городской воздух. Он вспомнил, что его собрат по камере слишком долго находился в тюрьме, и теперь даже этот воздух казался ему свежим — этим воздухом он дышал на свободе.

— Нас ведут к западной стене, — заметил Уранос. — Вон пирамида.

Им открылось красно-черное сооружение, очень мрачное на фоне низких туч. У самой вершины пирамиды была выстроена платформа, на которой стояло несколько столбов. Небольшая группа людей наверху ожидала пленников.

Лестница была очень крута. Рей дважды оступался, но стражники подхватывали его и волокли дальше.

Рядом с Мегосом на платформе стоял Хронос в золотой

императорской мантии, но без доспехов. Хронос даже не взглянул на пленников, он грыз ногти и смотрел вдаль — но не на пожар над гаванью, а на рваные и низко ползущие тучи.

По ступенькам пирамиды стремительно взбегал офицер.

— Грозный, — отрапортовал он, — те, кто вошли в город из разрушенного храма, снова оттеснены назад.

Но Рей замстил, что лицо офицера искажено и измучено так, словно он сообщал о тяжелом поражении, а не пусть маленькой, но победе.

Хронос повернул голову. В уголках его жирного рта скопились белые слюни. Глаза были обезумевшими, казалось, император ничего не видит вокруг. Рею стало ясно, что этот кандидат во властелины мира теперь полон самого примитивного страха.

— Убить! Убить! — визжал он. — Пусть будет кровь и пожар, чтобы никто не ушел! Не возвращайтесь, пока не добудете их голов — всех до единой!

Хронос опять посмотрел на тучи и море, откуда слышались рокот грома и прибоя. Что это? Предвестие большого сражения?

Мегос отдал приказ:

— Поставьте их к столбам и привяжите покрепче. — Он подошел проверить, как привязаны пленники и обратился к Хроносу. — Все готово, Грозный. Прикажешь начать?

Хронос неохотно покинул свой наблюдательный пункт. Его пальцы были прижаты к колышущемуся животу, словно правителя мучила боль. Но все-таки он нашел в себе силы поиздеваться над пленниками. !

— Ха! Истинная кровь умрет, и Атлантида падет — не так ли говорили предсказатели во все времена. Но те, кто это утверждал, не знал Преданного! — Он посмотрел на Рея. — Сидик из Уйгура тоже что-то может, как мне сказал Мегос. Если ты тот, кого Наакали вызвали из другого мира, то мы сейчас узнаем, чей зов призвал большее могущество. и я думаю, что ты — меньшее, поскольку Федур сумел подчинить тебя себе, творя магию с вещью, бывшей когда-то на твоём теле. Такая магия воздействует на обыкновенных людей, и раз ты отреагировал на нее, то ты не из Страшных Потусторонних Существ, с которыми имеем дело мы. Так что смирись, стань пищей для более сильного и помоги ему этим привести сюда своих родственников.

Кое-что из сказанного им имело смысл, хотя и далеко не все. Похоже, атланты знали или догадывались, кто он, и думали, что он является средоточием неведомой им силы — но разве это так? Рей старался прислушаться к сигналам воли внутри себя, но ничего не ощутил.

— А те, вдали, — Хронос махнул рукой, — ясно это увидят?

— Да. У них есть стекла для дальновидения, и они наведены на нас.

— Тогда начинай. Чего ты ждешь? Или это опасно для нас? — Посейдон отступил к лестнице.

— Нисколько, Грозный. Преданный не повернет против своих хозяев. Приготовить пленников для его объятий!

Стражники подошли к Рею и грубо сорвали с него тунику, оставив голым до пояса. Один из них вытащил кинжал и сделал крест-накрест два надреза на груди Рея. Точно так же поступили и с Ураносом. Рей как ни догадался, не смог додуматься до смысла этой процедуры.

— Уходите! — разрешил Мегос, и стражники-жрецы проворно удалились с этого зловещего шеста. Хронос отодвинулся к самому краю платформы. Было видно, что несмотря на заверения Мегоса он не хочет находиться близко от своего главного оружия.

У Мегоса в руках оказалась коричневая чаша, сделанная так грубо, что казалось, ее только-только вылепили из глины. Он кинул в нее слабо тлеющие угольки, взятые в жаровне. Закрепив чашу, жрец раздул угли и бросил на них щепотку черного порошка.

Заклубился коричневый дым, такой зловонный и едкий, что Рей закашлялся. Ему казалось, что все смрадное и нечистое в этом городе сосредоточилось теперь в костерке, разведенном жрецом. Дым рассеялся, но тошнотворный запах остался. Хронос спустился на одну ступеньку. Мегос улыбался.

— Твое зло не торопится отвечать на твой зов? — спросил Уранос. — Ты произвел дым и страшную вонь. Что дальше, Мегос?

— Смотри перед собой, Уранос. Как раз сейчас Тот, Кто Ползет, идет требовать наших жертвоприношений. А это может возбудить его настолько, что он откроет дверь всей своей родне!

Рей посмотрел туда, куда указал жрец. Там возникла какая-то странная тень. И она росла! Она на глазах обретала форму, увеличивалась в объеме, становилась плотной... Вскоре это была уже не тень.

ГЛАВА 16

Итак, тень обрела плоть. Ее жирные бока раздувались все больше и больше, голова без признаков глаз раскачивалась взад и вперед, словно пытаясь уловить какой-то звук. Начали расти черно-зеленые рога, ломая червеобразный контур голо-

вы. Ног не было, но под брюхом зияла широкая пасть, которая ритмично сжималась в складки и вновь растягивалась, выпускающая два тонких щупальца с язвами присосок. Туловище было черное, испещренное ядовито-зелеными пятнами — от него шла непереносимая вонь. Гигантская улитка, только без раковины, слизняк — таким показалось Рею это чудовище.

Мегос вышел вперед.

— Ищи свою жертву, житель Потустороннего Мрака. Кровь капает, чтобы указать тебе путь. Ищи свою добычу!

Голова чудовища повернулась: либо на звук шагов, либо на голос жреца. Длинная шея вытянулась, рога закачались. Рей хотел закрыть глаза и не смог. Еще немного, и эта тварь учует запах крови, капающей из их нарезов.

Рога продолжали широко раскачиваться, как бы нюхая воздух. затем это существо опустило голову и плавно, словно поток грязной воды, заскользило к пленникам.

Оно выбрало. .. Рея парализовал ужас: он увидел, что выбран он, Рей. Теперь рогатая голова была повернута в его сторону. Она неслышно втягивала воздух, стояла жуткая вонь. Рей уже молил, чтобы чудовище поторопилось — скорей бы конец. Но оно не спешило, как бы наслаждаясь страхом своей жертвы.

Наконец, это существо продвинулось вперед. Скрыться от него прикованный цепями Рей физически не мог. Значит, скрыться нельзя... А что можно? То ли об этом подумал он, Рей Осборн, то ли ему вновь сигнализировала чужая воля. А если... Что "если", он не знал, но отчаянно ухватился за что-то такое в себе, что, кажется, могло помочь ему сопротивляться.

Черное... ползучее существо Мрака... Чернота. Чем бороться с черным? А если... светом! Белые стены храма в Му, белые мантии Наакалей, белое... Пламя! Но ведь огонь красно-желтый... Нет! Белое пламя слепящей чистоты. Белое! Воля в Рее, все в нем, чему грозила смерть, напряглось в защите. Белое Пламя!

А это существо из бездны боялось Пламени — Рей чувствовал, что теперь оно растерянно и недовольно. Его продвижение замедлилось, голова задергалась из стороны в сторону. И молчать оно перестало — Рей вдруг услышал тихий, жалобный звук. Да было ли это вообще звуком?

Пламя... Вспыхивающее Пламя, оно движется и создает преграду перед этим чудовищем. Оно здесь — Рей реально видел его теперь — белое пламя, которое могло бы опалить ему глаза своей силой, но не опалило. Рей вдруг ощутил в себе присутствие воли, и она крепла в нем. Так вот почему, осенило Рея, он вновь почувствовал ее в себе — она была силой, а он

как бы инструментом этой силы... Впрочем, сейчас это было несважно — Рей готовился к решительному сражению.

Существо снова поникло, а его жалобное подвывание перешло в визг. Страх... страх чудовища увеличивался! У Рея появился шанс предупредить атаку этой твари, главное, понял он, поддерживать и усиливать в нем страх. Рей резко приказал:

— Назад, безымянное зло, назад в мир, где тебе положено жить! А в этот мир не возвращайся! Назад, в грязь, принадлежащую тебе!

Но существо не отступало, оно лежало, бросая голову из стороны в сторону, словно билось о стену. Рей понял, что Мегос удерживает его, используя свою силу, и этой же силой толкает вперед. Вдруг он вздрогнул. Преданный сторбился, двинулся. Пламя... Пламя было здесь...

И снова движение твари приостановилось. Раздался злобный вой. Принужденное волей Мегоса, существо раскачивалось взад и вперед, крик его стал громче... Рей едва выдерживал все это. Надолго ли его хватит?

Они сошлись в решительной схватке. Мегос и создание Мрака попробовали найти слабые места Рея, перекрыть источник сигналов чужой воли — сопротивляясь, Рей отдавал последние силы. А чудовище снова двинулось в его сторону.

— Брат, отдай ему мое тело услышал Рей слабый, далекий голос. — Отдай ему мое тело и выиграешь время...

— Нет! — Рей собрался с духом. Он трясся, как в лихорадке, и держался на ногах лишь благодаря цепям, приковывающим его к столбу. А Преданный полз...!

— Вперед! — скомандовал Мегос.

— Назад! — приказал Рей.

Сосредоточенность Рея стала терять силу. Когда Преданный прыгнул, он попытался поставить мозговой барьер, но опоздал.

Щупальца мазнули его по телу, присоски жадно вцепились в кровавые порезы. Рей сжался, но не смог сбросить с себя эти мерзостные объятия.

Пламя, Пламя... Но теперь не было Пламени, могущего коснуться обезумевшего от жажды крови существа. Однако Рей не сдался. Теперь он подумал, что воля, пославшая его сюда, не может ему помочь. Когда-то она сделала его своим слугой и орудием, но сейчас, на краю гибели, Рей восстал против нее всей силой своего упрямства и оттолкнул от себя. И сразу почувствовал, как в него стала вливаться сила, какой он никогда прежде не испытывал.

Отвратительная плоть, давящая на него, дрогнула. Медленно, даже еще больше усиливая физические страдания Рея,

щупальца отцепились от тела, и чудовище, нехотя сопротивляясь, отползло назад. Давление Мегоса ослабело — он слишком поздно увидел, что случилось.

— Пламя! — Рею показалось, что он выкрикнул это вслух. Это был его собственный приказ, идущий от воли, которая теперь была в нем. — Пламя!.

И оно снова появилось. Пляшущее, ослепительное Пламя.

— Держись! Люди Му лезут по лестнице!

Ничего не значащие слова. Во всем мире существовало только Пламя, сотворенное из мысли, его нужно держать, держать, не дать ему уйти...

Преданный крутился, шипел, но отступал от Пламени. С лестницы слышался шум.

— Держись! — снова крикнул Уранос. — Продержись еще немного, брат!

Мегос был в отчаянии. Рей чувствовал, что он теряет свою мощь. Жрец был силен, может быть, очень силен, но если он и победит, ему сначала придется пойти на бой, настоящий бой...

Мегос метался по платформе; его мысли, резкие и быстрые, как удары молнии, били по чудовищу. Преданный отступал, корчился, извивался, полз вперед...

Пламя уменьшилось. Не дух Рея, нет, но тело его устало. И снова щупальца сомкнулись вокруг него.

— Рей! Рей! — кричал кто-то.

Рей попытался призвать волю, но ее больше не было...

Белый огонь... Опять Пламя? Откуда? Рей поднял голову. Нет, только луч, коснувшийся рогов Преданного. Тот скорчился, его щупальца отвалились от Рея, кусками оторвав кожу. В его голове гудело, глаза видели мутно, как сквозь туман...

Заскрежетала сталь. Рей зашатался, освобожденный от оков. Кто-то подхватил его и бережно опустил на пол. Рей увидел неясные черты лица. Че... издалека и из очень далекого прошлого... Че...

— Пре... Преданный... — Рей хотел предупредить его, но подумал, что говорит еле слышно. Но те голубые глаза поняли, губы сложились в улыбку, холодную, как зимний шторм.

— Смотри, брат. — Муриец поднял руку. На его ладони лежал кристалл, вспыхивающий радужным светом. Из него вырвался белый луч. Че снова направил его на рога Преданного.

Мегос стоял позади, лицо его исказилось в нечеловеческой гримасе. Вся его сила — Рей чувствовал это — была направлена на них, на Преданного. Но чудовище ему больше не повиновалось.

— Дьявол! — взвизгнул Мегос.

— Пьющий кровь, — продолжил Че. — Слушай теперь

этого зверя. Я думаю, он голоден. А когда вы его вызываете, сго, наверное, нужно кормить? Смотри — приближается расплата!

Преданный, как бы потеряв терпение, бросился — но не на мурийца, а на жреца. Его щупальца обвилились вокруг Мегоса. Жрец вырвал одну руку и стал отпихивать омерзительное туловище. Он вонзил в него кинжал, но когда вытащил оружие, на коже не было и намека на рану. А тем временем Преданный питался.

Голова Рея упала на руку Че. Он сам был слишком близок к такому концу, чтобы смотреть на это теперь. Но муриец не отвел взгляда, и когда чудовище развернулось в их сторону, Че еще раз направил на него смертоносный луч.

— С Мегосом покончено, — сказал он. — Займемся его убийцей.

Рей заставил себя смотреть Чудовище распростерлось на камне и тихо, довольно пело. Че направил на него свет, который теперь стал радиоактивным красным лучом. Внезапно луч застрял, словно начал питаться энергией высокочастотного источника. Даже Рей ощутил ритм этой ряби.

Преданный переменялся. Теперь он корчился, извивался и рыдал. Его визг, наконец, достиг такой высоты частот, что уже не воспринимался человеческим слухом. Затем это чудовище стало медленно таять, контуры его туловища расплылись.

Че продолжал держать луч на остатках этой груды. Но Преданный сделал еще одну отчаянную попытку уцелеть: груды угрожающе зашевелилась, и над ней приподнялось подобие головы — чудовище явно собиралось бросится на мурийца.

Че не отвел своего луча. Туловище Преданного на глазах превратилось в зловонную черную лужу. Впрочем, и лужа, в свою очередь, была истреблена лучом...

На платформе раздались ликующие крики, их подхватили на улицах.

— Город пал, — сказал Че. — жители побросали мечи и просят пощады... Давай-ка осмотрим твои раны, брат.

Еще один муриец опустился на колени возле Рея. Знакомое лицо... Ну да, это был предводитель пленников!

— Ты? Значит, Тейт выполнил обещание?

— Конечно, лорд, больше того... — начал он, но Че прервал его.

— Потом расскажешь. — Он смазал мазью раны Рея. — Теперь завернем тебя в плащ и поскорее отнесем к Наакалям.

— Лорд, — заговорил один из мурийцев, держа руку на плече Ураноса. — Что будем делать с этим атлантом?

— Че, — Рей собрал оставшиеся силы, — это настоящий Посейдон Уранос. Тоже их пленник. Выслушай меня...

— Мы освободим его.

Рей завернули в плащ. Ворвавшийся сюда отряд был невелик — восемь мурийцев и четверо каких-то грубых людей, наверное, с корабля Тейта. Уранос опустился перед Реем на колени.

— Высший воинский салют тебе, друг. И спасибо, что ты вспомнил обо мне. Вон там взяли атланта, — он указал на лестницу, — не думаю, что найдется хоть один, кто вступится за него.

Рей посмотрел туда: два мурийца связывали руки Хроноса за его жирной спиной.

Он пленник?..

— Да. Он не уходил отсюда из-за ненависти и трусости. Хотел быть свидетелем нашего конца и боялся битвы внизу. Теперь его игра проиграна, и я думаю, он не обрадуется тому, что с ним скоро произойдет.

Рей отрешенно слушал. Мазь, наложенная на его раны, уняла боль, и он чувствовал себя странно легким и опустошенным. Все вокруг было неясным, словно город и люди, все, кроме него самого, потеряло реальные очертания. Он остался жив, Преданный — кем бы он ни был — исчез, взяв с собой Мегоса. А Хронос сам стал пленником.

— Похоже, нам придется немного задержаться, отдельные группы отчаянных продолжают сопротивляться, — Че вернулся и, сняв с себя черный браслет, надел его на беспомощную руку Рея. — Эта вещь в каком-то смысле помогла нам захватить город.

— Как?

Прикосновение браслета произвело удивительный эффект. Все, окружающее Рея, как бы собралось в фокус и обрело конкретность.

— Его привез капитан Тейт, продолжал Че, — и мурийцы за него хлопотали. А Тейт хорошо знал внутренний план и схему ходов в городе — он и привел туда наши отряды.

— А я что говорил, — прокомментировал Уранос. — Здесь есть такие секреты, о которых ничего не знали ни Хронос, ни Мегос.

— Но... — Рей погладил браслет пальцами, — каким образом Му смогла оказаться здесь так быстро?

— Спроси Ре Му, спроси Наакалей, спроси тех, кто считал, что мы слепы к опасностям и не подготовлены к ним. Легионы Уйгура вышли с востока, а наш флот — из Майякса. А я, воспользовавшись своим правом, шел с Тейтом в авангарде.

— Каким правом?

Че удивился.

— Как это, каким? Разве ты мне не брат по мечу? Ре Му сказал однажды, что ты уже в Красной Стране, — значит, и я должен быть там. Мы летели сюда, словно на крыльях. Смотри, — он показал волдыри на ладонях, — даже офицеры садились на весла, когда возникала нужда. Командовал кораблем Тейт, он — мастер своего дела. Но нам помог случай: как-то за нами погналось сторожевое судно атлантов, Тейт ловко проскочил в какую-то узкую щель в утесах, и мы оказались в незнакомой бухточке. На берегу, в скале, мы обнаружили туннель, прорубленный, видимо, в незапамятные времена — этот туннель-то и вывел нас прямехонько к нижним помещениям храма Пламени. — Он перевел дыхание и продолжал. — Мы пришли туда ночью, оставив на берегу только один отряд для встречи флота. Тейт клялся, что сыны Тени так уверены в своей неуязвимости, что, внезапно появившись в самом центре города, мы возьмем их чуть ли не голыми руками. На заре мы схватили Красную Мантию, и он, кажется, принял нас за души убитых Солнцорожденных, потому что откровенно рассказал нам, что Мегос собирается вызвать Преданного и хорошенько накормить его. Природа этого чудовища такова, что он может в этом случае привести из своего мира других чудовищ той же породы, а перед таким оружием мы бессильны... Мы думали, что это произойдет в храме Ваала, в стали пробиваться туда. Только позднее мы увидели, что главные события происходят здесь, и поняли свою ошибку. В храме действовали легионы Уйгура и с ними те атланты, которым никогда не нравилось правление жрецов Ваала. Сопротивлявшихся выбивали буквально из каждого угла...

— А это? — Рей указал на кристалл.

— Изобретение Наакалей, но их всего несколько. Этот был послан мне перед атакой на город. Нас предупредили, что следует очень близко подойти к чудовищу, и только тогда пользоваться кристаллом. Но, Рей, мы же видели дважды, как это создание зла отступало перед тобой, а ведь ты был прикован и безоружен!

— Я поклялся, что никто не сможет сделать такого, а он сделал! — вмешался Уранос. — Он отогнал этот ужас своей волей и не подпускал его.

— Нет, — сказал Рей, все еще поглаживая браслет: прикосновение возвращало его в это время и место, — я сделал то, что было в меня заложено силой чужой воли: я вызвал Пламя...

— Пламя? — спросил Че.

— Белос Пламя, — повторил Рей, снова впадая в странное состояние отрешенности.

— Неумирающее Пламя, — сказал Че. — Но... но это же выше человеческих возможностей, потому что человек не в состоянии даже смотреть на него! Истинно, щит матери-страны поднялся над тобой в этот день!

— Когда-то Пламя горело в святилище алтаря в этом городе, — сказал Уранос.

— Но его никогда не будет снова, — ответил Че.

— Что ты хочешь этим сказать — спросил атлант.

— Ре Му приказал: после того, как город будет взят, полностью разрушить его, чтобы даже имя его не сохранилось в людской памяти. Потому что здесь были открыты ворота между двумя мирами, сюда впустили Преданного и его род — но эти два мира никогда не будут родственными.

ДВА МИРА... НИКОГДА НЕ БУДУТ РОДСТВЕННЫМИ — эти слова задержались в сознании Рея.

— А народ? — быстро спросил Уранос. — Что будет с жителями этого города?

— Тот, кто посеял зло, должен пожать его плоды. Одни будут уничтожены, другие — высланы в глубь страны. А флот Атлантиды исчезнет.

— Равнины внутри страны богаты, там царят спокойствие и мир, — заметил Уранос. — Может быть, величие и слава снова придут к нам.

— Говорят, что так предопределено, — печально согласился Че. — Потому что со временем мать-страна падет, а Атлантида будет править сушей и морем. Нэ это случится в далеком будущем.

— И это время тоже пройдет...

— Да, пройдет, — кивнул Че.

— Поднимутся новые страны, и среди них твоя, Рей.

— Долгое время, очень долгое, — сказал Рей. — Много стран, много правителей. И в моем времени мир не един — он поделен на множество государств с различными интересами. И они воюют...

— Война против Ваала и Тени кончена навсегда. — Че встал и снова пошел к лестнице, но вскоре вернулся. — Теперь, пожалуй, можно идти в храм.

Рей попытался сесть, но у него ничего не получилось — его подняли на руки и понесли вниз. Он снова почувствовал острую боль, она отдавалась в его груди с каждым шагом людей, несущих его. Наконец, они вошли в разрушенный храм. Рея опустили на мягкие циновки, один из мурийских жрецов осмотрел его.

— Ну, как он? — нетерпеливо спросил Че.

— Поправится. Иди по своим делам, сын мой. Твой брат по мечу в безопасности.

Рей натужно вздохнул.

— Да, это больно, — кивнул жрец. — Такие раны должны быть хорошо очищены...

— Я знаю тебя, — тихо сказал Рей. — Ты ждал меня в коридоре до того... до того...

— Как ты отправился в это путешествие, — закончил за него жрец. — Да, это так.

— Воля...

— Не моя, — ответил жрец. — Теперь отдыхай в мире. В нужное время ты поймешь. Спи... — Это был приказ, и палец коснулся лба Рея, как бы ставя на приказе печать. И Рей уснул.

* * *

Все установлено. — Бартон посмотрел на покрытый снегом слой кургана. — Но это лоскутная работа. Мы не можем ничего обещать, надеюсь, вы понимаете.

— Вы повторяете это так часто, что нам больше ничего не остается, — проворчал Харгрейв, — Что делаем дальше?

— Теперь мы увеличим энергию и будем держать ее в этом режиме семь дней. Если поисковый луч сможет найти и привести Осборна к кургану, он найдет проход в наше время, который будет открыт ежедневно на пять минут. Но через неделю нам придется перезарядиться, хотя неизвестно, сколько времени уйдет на это. Тут уж как повезет.

— Игра, да и только, — недовольно процедил Харгрейв.

— Да, игра, но отнюдь не простая. Игра в сложнейшие эксперименты. А ваши игры... запуски на Луну, например, — школьные упражнения по сравнению с ней, — грубо возразил Бартон.

— Когда вы сделаете первую попытку? — спросил молчавший до сих пор генерал Колфикс.

— В 14.05 мы откроем ворота. Бартон активизирует работу "искателя" в соответствии с уравнением.

— А затем — просто ждем, — сказал генерал как бы про себя.

— Да, ждем, — откликнулся Фордхейм.

— И, может быть, — добавил Харгрейв, — будем ждать вечно.

ГЛАВА 17

Рей приподнялся на локте и оглядел главный зал разрушенного храма. В его потолке зияли дыры, сквозь которые виднелось

ночное небо, в стенные скобы были вставлены зажженные факелы, освещавшие каменные плиты.

— Как ты себя чувствуешь?

Рей взглянул на подошедшего Наакаля.

— Лучше.

Жрец улыбнулся.

— Ты, наверно, устал от нашей опеки и хотел бы уйти. — Его пальцы коснулись запястья Рея, проверяя пульс. — Вероятно, если я не разрешу тебе такой глупости, ты все равно сделаешь по-своему.

Он хлопнул в ладоши, и человек в белой тунике храмового слуги принес одежду. С его помощью Рей осторожно, чтобы не сбить лечебные повязки, облачился в мягкую кожаную туннику, а поверх ее надел куртку с металлическими галунами, но без нагрудной защитной пластины.

— Она тебе не понадобится, а вес ее слишком велик для твоих ран.

— Где Че? — спросил Рей.

— Сейчас он на посту у западных ворот.

— Город сдался, сопротивляются только во внутренней башне дворца. Большая часть стражи, увидев, что Хроноса взяли, бросила оружие. Остались лишь жрецы Ваала и те, у кого достаточно причин не надеяться на пощаду.

— Рей! — Че быстро пересек зал и остановился. Он оглядел Рея с головы до ног. — Отлично, готовый воин. Только не хватает меча, может, этот — я недавно отнял его у капитана атлантов. — Он протянул Рею меч, на его рукояти сиял рубиновый узор.

— Ну, вот, уже лучше. Ты должен быть готов.

— К чему? Наакаль сказал, что сражение окончено.

— Не для битвы, нет. Весь город практически наш. На заре в него войдет Ре Му — император желает видеть тебя.

Рей подумал, что и он хочет того же. У него накопилось много вопросов к правителю, связанных с его жизнью здесь.

Ощущение нереальности происходящего вокруг возникало у Рея все чаще и чаще. Он был похож на театрального зрителя: все видел и все слышал, но как бы со стороны. Даже браслет потерял свою чудодейственную силу и ни к чему не вызывал у Рея интереса. Все это беспокоило его и вызывало желание просить аудиенции у императора.

Рей и Че стояли на обочине главной дороги, когда большая колесница Ре Му, запряженная фыркающими конями, въехала в Пятистенный Город. Че исполнил подобающий случаю приветственный ритуал, и Рей, как мог, копировал его действия. Правитель поманил их к себе.

— Я вижу вас, милорды, — официально обратился он к ним, когда они преклонили колена.

Че ответил как полагалось по этикету:

— Мы твои, Великий, со всей нашей силой и преданностью.

Рей пристально взглянул в глубокие синие глаза императора. Ре Му прочел его мысли и понял, что Рей не повторит этого приветствия и что, вообще весь его уважительный облик не более, чем видимость.

— Я думаю, никто и никогда не послужил так хорошо Солнцу, — сказал император. — Прошу быть у меня через час.

— Слушаем и повинуемся, — ответил Че.

Они встали, а колесница покатила дальше.

Слушать и повиноваться... Да, он, Рей, слушает и должен повиноваться. Но он еще должен получить ответы на свои вопросы.

Они пошли за королевской процессией к центру города. Как ни старались мурийские отряды навести хоть какой-нибудь порядок, толку не было. Шумные толпы людей, запрудив все улицы, двигались по направлению к главной площади.

Че обратился к изрядно обессилевшему офицеру стражи:

— Мы вызваны к Великому. Как нам лучше пройти к храму?

Офицер развел руками.

— Только не здесь, Солнцорожденные. Идите по отдаленным переулкам, даже по крышам...

Они последовали его совету и в конце концов добрались до храма.

— Ты не знаешь, где Уранос? — спросил Рей, от усталости прислонившись к стене.

— Не знаю. Он был вызван к Ре Му ночью. Если он тот, за кого себя выдает... — Че замолчал, потому что сгрудившиеся здесь солдаты стали поспешно сооружать из храмовых каменных блоков трон для императора.

На него-то и сел Ре Му, чтобы судить город. Вокруг трона стояли воины в украшенных драгоценными камнями доспехах, между ними виднелись простые белые мантии Наакалей. По правую руку императора, чуть пониже, сидел Наакаль Уча — он слегка наклонился вперед, словно был близорук и плохо видел все происходящее.

Но вот раздалась резкая дробь четырех военных барабанов. Шум толпы сразу стих.

Лицо Ре Му было бесстрастно, но почему-то казалось, что он видит не просто множество сбравшихся здесь людей, но каждого в отдельности, как личность, которую он собирается судить. Рей наблюдал, как люди в ближних рядах опускали головы, смотрели в сторону, но в конце концов поднимали на

императора глаза, как бы следуя приказу, которому они не могли не подчиниться.

Наконец, рука Ре Му чуть поднялась, пальцы сомкнулись на рукояти обнаженного меча, воткнутого острием в треснувший камень. При этом движении один из воинов, стоявший слева от правителя, отошел на шаг. Рей узнал его: это был Уранос.

— Люди Атлантиды, — голос Ре Му звучал повелительно, — жившие под плащом Тени...

Волнение прокатилось по переполненной площади. Люди падали на колени, вздымали руки — одни смиренно, другие, скорее, для видимости.

— Прости... — послышалось что-то вроде дружного рыдания.

— Некоторые из вас перешли границы дозволенного. Смотрите, выбравшие Мрак, на пятна, оставшиеся на этих стенах, и подумайте, каким образом они появились, чтобы нести столь кровавое обвинение против вас. — Император поднял свой меч, и лучи восходящего солнца пробежали по его лезвию. Концом меча Ре Му указал на стены, где Солницерожденные нашли свой конец.

— Мы делали, как нам приказывали, Великий. Прости нас!

— А я скажу вам: люди, имеющие сердце, не должны были повиноваться тем, кто отдавал такие распоряжения. Это не люди, кто в день суда оправдывает свое зло тем, что выполнял приказы. В каждом человеке от рождения заложено понятие о добре и зле, и он каждый день, каждый час должен выбирать то или это. Пусть он выбрал зло из страха или по слабости — все равно и для этого человека должен настать судный день. Когда ваши предки пришли в Атлантиду, им был дан этот храм как символ справедливости и правосудия. Но что сделали вы?! — Снова блеснул меч, и Ре Му указал на колонны, все еще обмотанные рваным тряпьем. — Смотрите, они теперь скрыты от глаз позора, ненависти и страха, потому что вы не смеете смотреть на то, что так открыто предали, выбрав символы Тени. Итак, этот город должен быть стерт с лица земли — пусть кровь покроет кровь. Не такой ли род справедливости вы понимаете лучше всего, люди Атлантиды?

— Пощады... пощады... — Рей подумал, что это плачут женщины и дети, потому что мужчины в толпе не разжимали рта.

— А какую пощаду вы проявили к поверженным пленникам, люди Атлантиды! Подумайте об этом! Нет, этот город будет уничтожен — как если бы его не было вовсе — с наступлением ночи! А вы, сделавшие его местом нечистот? Что ждет вас?

Настала тишина, только кое-где вскрикивали женщина или ребенок.

— Да, вы превратили свой город в постоянное место для нечистых дел. Видите, этот храм лежит в руинах, а храм Ваала гордо возвышается. Объясните же мне, люди Атлантиды, почему вы не должны подвергнуться участи вашего города?

— Пощади, Великий! Не ради нас, а ради детей в наших домах, — с мольбой донесся один голос.

— Слушайте мои слова! Есть разное правосудие и разные суды. Вы слабы и глупы, но зло было воспитано в вас — по крайней мере, в большинстве. Поэтому я говорю вам: уходите из этого города, ничего не беря с собой, кроме того, что вы можете нести в руках. И будьте за воротами до захода солнца — иначе высшая кара настигнет вас.

Уранос встал на колени перед императором.

— Великий, это мой народ. Позволь мне уйти с ним и вести его, пока он не сможет снова начать жить...

— Уранос, когда-то они отвернулись от твоего дома, отказались иметь своими правителями людей твоей крови, чтобы взять себе вождя по своему выбору — опять-таки выбору между добром и злом — и сделали это свободно. В матери-стране тебя ждут почет и хорошая служба. Тебе не место здесь, где кровь твоих близких все еще пятнает стены перед твоими глазами. И ты желаешь вести этот народ?

— Великий, ты много говорил, о выборе и о его результатах. Хотя я Солнцорожденный, но я из этой страны и хочу делить ее беды с этим народом. Так что мой выбор — идти с ним. И это свободный выбор.

Ре Му поднял свой меч, торжественно коснулся им плеч Ураноса и дал ему поцеловать оружие.

— Слушайте внимательно, люди Атлантиды! — продолжал император. — Я даю вам такого вождя, какого у вас не было с тех времен, когда здесь была прекрасная чистая страна. Он из Солнцорожденных, но так же и из Атлантиды, атлант из атлантов, а не иноземный завоеватель. И я говорю вам: дорожите им, повинуйтесь ему и будьте такому выбору... А ты, Уранос Посейдон Атлантиды, клянись ли ты создать еще раз жилище Пламени, вести свой народ к свету, воюя с Тенью и всеми ее легионами, держать закон и справедливость под Солнцем, быть мечом и щитом для матери-страны в час ее невзгод?

— Клянусь в этом на Пламени за себя и за свой народ, Великий!

Во второй раз он поцеловал меч Ре Му, встал и повернулся лицом к своему народу.

Люди молчали, но когда он спустился по ступенькам храма,

стали проталкиваться вперед. Одни падали на колени, целовали его руки, край плаща. Окруженный людьми, Уранос еще раз повернулся к трону

— Мы повинемся приказам, данным нам, и к заходу солнца мы уйдем, — сказал он.

По площади еще раз прокатилось волнение, и Рей подумал, что люди готовы разойтись. Но опять загрели барабаны, и это остановило их. В наступившей тишине Ре Му заговорил снова:

— Люди Атлантиды, вы пришли на суд. Теперь вы тоже будете судить. Что вы хотите сделать с этим человеком?

Мурийцы у трона расступились, и мимо них прошел отряд стражников. В середине его Хронос, бледный и дрожащий от страха.

Раздался такой рев, что Рей попятился. Конечно, он знал о том, что толпа в своей ярости бывает ужасна, но ему еще не доводилось этого наблюдать. Теперь же, глядя на ее неистовство, он с брезгливым чувством находил в ней сходство с Преданным.

— Отдай его нам, Великий! — стоял вопль тысяч глоток.

— Что ты скажешь, Хронос? это справедливо? Ты желаешь этого?

К удивлению Рея, свергнутый Посейдон смиренно опустил трясущуюся голову.

— Да, — ответил он. И было непонятно: то ли Хронос еще надеялся на побег, то ли уже сошел с ума.

Ре Му кивнул.

— Ты выбрал. Да будет так.

По его знаку стража расступилась, и уже через миг Хроноса поглотила толпа. Он бесследно исчез — без крика, без звука, без памяти о себе.

Толпа рассеялась, и вскоре площадь опустела. Ре Му встал со своего трона и ушел в храм в сопровождении Наакалей.

К Че и Рею подошел офицер.

— Великий желает видеть вас.

Они пришли в ту часть храма, где камни были особенно изуродованы мечами и обожжены огнем. Видимо, подумал Рей, здесь находился центральный алтарь. Ре Му и Уча уже ждали их.

Император сначала заговорил с Че.

— Ты просил у нас пост Наивысшей Опасности, Солнце-рожденный. И ты хорошо поработал. Твоими руками было уничтожено порождение зла, вызванное из другого мира. Что ты просишь в качестве награды?

— Ничего. Я выполнял свой долг.

Ре Му улыбнулся.

— “Ничего” — ответ юности и мужества, он лежит в утре жизни. Но этого недостаточно. Пусть у тебя будет этот знак змеи и пусть после тебя он принадлежит твоим сыновьям и сыновьям твоих сыновей. Подойди.

Че встал на колени у ног императора. Ре Му разжал кольцо змеи, украшавшей его шлем, и надел его на шлем Че. При этом окружающие их воины подняли обнаженные мечи.

— Ты, — обратился он к Рею. Ах, да, у тебя тоже есть что просить у нас. Или нет, ты имеешь право требовать, поскольку не добровольно брался за это дело — выбор сделали за тебя.

— Да, — коротко ответил Рей.

— Ты не нашей крови, эта война не твоя. В момент наивысшей опасности мы выковали из тебя оружие и использовали его. Подумав, ты согласишься, что это было правильно. Мы выбрали иноземца, доверившегося нам, и это было недобрым деянием. Но на это у меня есть, единственный ответ: мой выбор лежал между благом одного человека и гибелью всего моего народа.

С этой страной было тяжело сражаться: ее слишком хорошо охраняли преграды, не только видимые для людей, вроде стен и каналов, но также и те, которые воздвигли Мегос и его ученики. Их защита быстро уничтожала любого человека нашей крови, рискнувшего пойти на них. Я думаю, ты попробовал вкус их оружия, когда тебя тоже взяли в плен.

Поскольку ты не из нас, у тебя есть некоторые врожденные предохранительные силы, какие мы никогда не сможем развить у себя. И вот мы вложили в тебя нечто для того, чтобы ты открыл нужные двери. Ты был у нас ключом, причем единственным.

— Даже к Преданному? — спокойно спросил Рей. Он не преклонил колена, как Че, а с чувством достоинства смотрел прямо в глаза человеку, правящему большей частью мира.

— Даже к Преданному, — согласился Ре Му. — Это, если хочешь, только первый разведчик той армии, которую Мегос хотел направить на нас. Он тоже был ключом, потому что каждый раз, когда его вызывали сюда, у него крепили связи с этим миром. Со временем он привел в него весь свой род, а может, и кого похуже, поскольку место, из которого его вызывал Мегос, таило в себе все ужасы бездны. Так что ты был приманкой, чтобы вытащить его, пока еще сохранялся шанс разделаться с ним и закрыть ворота.

И я говорю: за всю нашу историю не было человека, так хорошо послужившего матери-стране, как ты иноземец. Кроме тебя никто, прежде и ныне, не смог бы, встретясь с таким злом,

держат его, беспомощного на расстоянии. Не в моей власти по достоинству вознаградить тебя, потому что говорить о вознаграждении — значит, преуменьшить то, что ты сделал.

Но... проси, чего желаешь.

— Верни меня в мое время и место, — попросил Рей.

Ре Му долго молчал. Затем медленно сказал:

— Все наше знание — твое. Но можно ли это сделать — я не знаю. А что, если нельзя?

— Не знаю. Знаю только... — Рей в свою очередь замялся, затрудняясь выразить словами свои чувства. — Я не из этого времени. Может, я и не смогу вернуться, но попытаться должен.

— Да будет так!

Рей медленно вышел из зала. Его нагнал Че, лицо мурийца было огорченным.

— Ты... Ты ненавидишь нас, брат? Из-за того, что тебя заставили сделать? Я не знаю, что в тебе происходит, но вижу, когда в человеке вызывают злость...

Но Рей снова ничего не ощущал, он чувствовал только опустошенность

— У меня нет ненависти, — сказал он. — Только усталость. Я устал...

— А если ты не сможешь вернуться? — Муриец хотел коснуться руки Рея, но так и не решился этого сделать, словно тоже чувствовал барьер между ними.

— Не знаю...

Они пришли в ту часть храма, где Рея недавно лечил жрец.

Рей вытянулся на своем ложе, а Че лег рядом, на какие-то плащи, и тут же уснул. Но Рею, несмотря на усталость, спать не хотелось. Он закрыл глаза и пытался — да, на этот раз пытался увидеть деревья, тот молчаливый лес.

Если Ре Му предлагает ему все, что он пожелает, то можно попросить корабль. На нем он уйдет на север, а там пересечет равнину и... и в сумрак леса, туда, откуда он вошел в этот мир. А что, если там ничего не произойдет?

Рей услышал шорох и открыл глаза. Уча, выглядевший очень старым в своей белой мантии, стоял и смотрел на него.

— Ты был той волей? — спросил Рей.

— Я был той волей... частично, — признался Наакаль и добавил, — но ее воздействие было меньшим, чем ты думаешь, потому что — ты, может быть, и не поверишь — сила, стоящая за этой волей, была больше чем наполовину твоя.

— Но я не хотел...

— Выполнять наши приказы? Да, это тоже верно. Но подумай, среди нас не найти такого, как ты. Ты — другой, сложный

по нашим меркам, потому что ты жил другой жизнью, о которой мы ничего не знаем. Но сейчас, я полагаю, ты уже не тот, каким был, когда шагнул из своего времени в наше. Кузнец берет металл из огня и бьет по нему: он охлаждает его, снова нагревает и обрабатывает; и в конце концов держит в руках совсем не то, что держал вначале.

Рей сел. Его раны побаливали, но эта боль действовала на него благотворно: она делала его человеком живущим, а не сторонним наблюдателем.

— Ты хочешь сказать, что перемена, случившаяся со мной, может оставить меня здесь?

— Эта мысль, возможно, приходила на ум и тебе, сын мой, потому что я больше чем уверен — теперь ты не тот же самый человек, который пришел к нам. Вероятно, эта перемена началась сразу же, как только ты вышел из своего мира, а такие процессы идут безостановочно. Значит...

— Значит, я должен быть готов к худшему. Очень хорошо, что ты предупредил меня. Но желаешь ли ты помочь мне?

— Да, всем, что мы имеем, что знаем.

— Не здесь, — сказал Рей, — не в Му, а на севере...

Уча удивленно посмотрел на него.

— На севере! В Бесплодных Землях? Но у нас там нет храма, нет места для изучения...

— Я знаю только, что пришел с севера и должен вернуться туда. И сделать это я обязан как можно скорее, или удача отвернется от меня.

Уча наклонил голову.

— Да будет так.

Он поднял руку и начертил в воздухе знак.

— Пусть твой ум отдыхает и твой мозг дает легкость твоему телу, потому что еще не сегодня и не завтра мы сможем помочь тебе на этом пути. А до тех пор будь в мире и покое.

И Рей, улегшись на ложе, смотрел долгожданный сон, сон без сновидений, в который не смели войти ни тени, ни воспоминания.

На заходе солнца он стоял за городом вместе с Че и теми свободными, грубыми мореплавателями, которые провели мурийцев в цитадель. Последние из жителей города под охраной конных воинов тянулись через внутренние ворота — в долгий путь, вперед и вперед. Уже в сумерки город покинули и последние мурийцы. Как только они достигли холмов, небо, будто по команде, исполосовало множество лучей: они направлялись с мурийских кораблей и из военных фортов на берегу. Но вот эти лучи встретились, раздался треск и грохот, подобный раскатам грома, земля задрожала так, что многие из людей не удержа-

лись на ногах. Тучи пыли вихрем взмыли вверх, к темнеющему небу.

— Храм Ваала! — Че схватил Рея за плечо. — Смотри на храм!

Угрюмое красно-черное строение все еще стояло невредимым. Лучи снова сблизились, теперь уже над самым храмом.

Раздался новый удар — но храм опять уцелел. И тогда из глубин неба, будто там разом оказались собраны самые мощные орудия, упал яркий ослепляющий свет. Звук удара при этом был так силен, что надолго оглушил Че и Рея, а когда они пришли в себя, храм уже исчез...

Но в этот момент Рей сделал любопытное наблюдение: ему показалось, что он видел черную фигуру с человеческим телом и бычьей головой, она улетела в ночь, распростершую над ней укрывающий плащ мрака.

Неожиданно из медленно движущейся процессии атлантов вырвался всадник и поскакал к мурийцам. Это был Уранос. Он склонился к Рею.

— Друг, я ничего не забыл. Все, что у меня есть — твое, только попроси. Если понадобится — позови, и я приду хоть на край света. А теперь я должен идти со своим народом.

Рей схватил его руку.

— Между нами нет долга. Иди с миром, свободно...

Пальцы стиснули его кисть, затем разжались, и всадник усакал. Рядом с Реем остался только Че.

— Корабли ждут — и мать-страна тоже.

И они пошли к берегу.

ГЛАВА 18

Тебя здесь посадить? А ты уверен, что это то самое место?

Действительно, с сомнениями капитана Тейта можно было согласиться. Берега здесь были однообразными, без каких-либо отличительных признаков. Однако убежденность в своей правоте Рея не покинула.

— Да, именно здесь, — твердо сказал он. По мере приближения к Бесплодным Землям Рей все яснее ощущал ту нить, которая влекла его в прежний временной мир.

“Мать-страна ждет” — так, кажется, говорил Че пару дней назад. Но Рей знал, что этот призыв не для него. Он верил только в одно — в дорогу на север; и Тейт вовремя подвернулся ему: выискивая ускользнувшие атлантские корабли, он согласился заодно и помочь Рею.

Капитан рейдера плотнее запахнул плащ. Дул холодный ветер, напоминающий о приближении зимы.

— Мы будем крейсировать к востоку. Когда решишь возвратиться, дашь дымовой сигнал.

Рей кивнул. Этого сигнала, подумал он, вероятно, никогда не будет. Надо заставить Тейта понять это.

— Я могу вообще не вернуться, — сказал он. — Я иду искать свой народ.

— Говорят, не задавай вопросов — не услышишь вранья, — ответил Тейт. — Ну, что ж, у каждого свои секреты. Только будь осторожен, воин: колонии здесь нет, а вот всяких бродяг и беглых преступников хоть пруд пруди. Все время держи руку на рукояти меча! А мы будем ждать твоего сигнала.

— Если ты не увидишь его в течение пяти дней, плыви по своим делам и не жди меня больше, — твердо повторил Рей.

— Договорились. Но что я скажу, когда вернусь? Что я высадил тебя на глухом берегу, отпустил без провожатых и бросил одного? Думаю, мне не избежать вызова на мечях и прежде всего от Солнцерженного Че, которого ты надул, сбежав от него на борт моего корабля.

— Скажи ему, пусть поговорит с Наакалем Уча. Тот знает, что я должен был делать.

Рей нетерпеливо переминался, готовый хоть сейчас, не дожидаясь лодки, броситься в воду. Но Тейт прекратил свои расспросы и отдал необходимые распоряжения. Вскоре лодка уже доставила Рея на берег. Он ловко спрыгнул на чистый песок и поймал сумку с провизией, которую бросили ему матросы.

Рей спрятал сумку за неприметный камень. В ней было лишь самое необходимое, но ему, подумал он, и это вряд ли понадобится. Он пошел вглубь берега с такой уверенностью, словно под его ногами была хорошо знакомая, не однажды исхоженная дорога.

Вскоре Рей подошел к тому месту, где лежали добела очищенные кости лося, и отсюда поднялся вверх. Перед ним тянулась темная линия леса. Солнце в этот день не вышло из-за туч, небо было холодное и мрачное, ощущался небольшой мороз.

В лесу было довольно темно, отчасти потому, что не все листья еще облетели с деревьев. Под подошвами сапог Рей ощущал густой мох, его зелень лишь слегка была тронута коричневым окрасом. Рея окружал мрак. Это напоминало ему часто повторяющийся сон о черном лесе, в котором кто-то ходит, чтобы встретить его — и он знал, что это и есть его путь, и свернуть с него уже не мог. Здесь не было воли, повелеваю-

щей его страхами и желаниями, как это было в Атлантиде, теперь он чувствовал захлестнувшую его жажду идти вперед, до того места, где он прошел сквозь время. Когда-то это желание только тревожило дух, но с каждым днем оно становилось сильнее и решительно толкало его в путь — сопротивляться ему Рей не смог бы, даже если бы захотел.

Правда, Рея слегка беспокоило то, что внешне он сильно изменился. Сейчас на нем была мягкая кожаная туника, военная юбка, латы; талию обвивал пояс, меч в ножнах бился о бедро.

Он вскользь подумал, что могут сказать люди его времени, когда такое увидят. А может быть наоборот, эта одежда станет правдивой иллюстрацией к его фантастическому рассказу о путешествии в другое время.

Не обращая внимание на колючки, Рей продрался, наконец, через подлесок на опушку большого леса и побежал между деревьев. Ему было тревожно, найдет ли он ту самую точку пролома времени? Во всяком случае, его по-прежнему влекло вперед, и Рей начал думать, что это действие какого-то аппарата.

Он снова бежал, но на этот раз в лес, а не из него, как тогда. Вперед... вот... сейчас...

* * *

Что-то движется! — Бартон сбросил наушники.

Они видели на экране странные кадры: гигантские деревья, край лесной поляны и непонятную тень. Харгрейв оглянулся на коллеги военных: а верят ли они тому, что видят? И вообще, можно ли в это поверить, пока не увидишь все в натуре?

— Дайте мне показания приборов! — резко сказал Бартон одному из своих ассистентов и, нахмурясь, стал настраивать шкалы прибора.

Ассистент зачитал свои цифры. Бартон быстро записывал, протыкая ручкой бумагу блокнота, морщины на его лбу углубились. Он подвел итог, резким движением перечеркнул что-то и ниже написал новый ряд цифр.

— Что это? — спросил генерал Колфикс...

Бартон нетерпеливо махнул рукой, требуя тишины.

— Кемпбелл, попытайтесь... — Он передал новую серию уравнений другому ассистенту. Тот коснулся кнопок — показания прибора изменились. Бартон сгорбился у маленького видеоэкрана, повторяющему картинку большого.

— Продержится десять минут, — сказал Фордхейм.

Бартон оглянулся.

— Может не хватить. Мы поймали его — или кого-то — лучом. Держите дальше.

— Тогда придется воспользоваться резервом. И мы теряем возможность другой попытки в ближайшее время.

— Но я повторяю, мы поймали его!

— Минуту назад вы говорили не так уверенно: то ли его, то ли не его, — возразил генерал.

— Мы делаем все это на основе предположений, исходя из уравнения, выведенного из неадекватных сведений, — ответил Бартон. — Естественно, мы должны допускать возможность получения совершенно неожиданных результатов. В этой ситуации, например, мы решили воздействовать на мозг — и, реагируя на луч, кто-то появляется. Наш зов основан на информации об этом человеке, и только о нем.

— Но вы все-таки не уверены. — Генерал взял со стола маленький коммутатор и отдал нужные, распоряжения.

— О'Мейл, предупредите своих людей. Хватайте любого, кто будет проходить оттуда сюда. И доставьте его к нам через две минуты после того, как он появится.

Фордхейм посмотрел на циферблаты прибора.

— Даю вам шесть минут. Он близко?

— Меньше мили, — ответил Бартон. — Я же сказал — включайте экстр-время!

Пальцы Фордхейма забарабанили по краю панели. Но он все-таки пододвинул к себе микрофон.

— Пусть идет в экстр-а. Да-да, когда время выйдет, включайте запасную энергию!

Харгрейв подумал, что деревья на экране — просто невинный пейзаж. Он надеялся на сенсацию. Вот теперь вокруг индейского кургана были расставлены люди, готовые броситься на того, кто возвращается в свое время. Это Рей Осборн? Или еще кто-то... с человеческим мозгом, Иначе как бы смог луч Бартона поймать его в ловушку?

* * *

Рей споткнулся о выступавший из земли корень, выбросил вперед руки, чтобы устоять на ногах, и, наткнувшись на ствол дерева, вцепился в кору. Но вдруг дерево... растаяло! Тотчас вокруг него и в небе вихрем закружились какие-то тени, а впереди выросла самая большая тень — куча земли... курган... индейский курган?!

Рей с криком бросился к нему. Но его руки почему-то не коснулись кургана, хотя он отчетливо видел его. Вот же он! Рей ударил кулаком по твердой поверхности, но... какой, собствен-

но, поверхности — рука провалилась сквозь нее, а ведь он точно видел мерзлую землю.

Рей отступил на шаг. Из-за кургана к нему бежали люди. Почему-то они показались Рею еще менее реальными, чем земля, которой он не смог коснуться. Он видел их лица, одежду, но... словно в тумане. Он видел, как они протягивают руки, пытаясь схватить его. Один из них упал, стремясь подкатиться под ноги Рея и цепляясь за то, что казалось ему землей на поверхности кургана.

— Нет! — услышал Рей свой собственный истошный вопль. Кажется, это был конец кошмара. Конец, какого он не видел ни в каких снах. Он снова отступил. Тени людей... одна тень подняла винтовку... выстрелила...

— Нет! — снова закричал Рей. Он решил бежать в лес, в лесу безопасно. Пусть вернется, что было, пусть снова вернуться деревья! Ему не нужны тени людей, не нужен курган, который есть и которого нет!

В нем вспыхнул сильнейший протест. И нить, что тянула его назад, в это безумие, ослабела. Деревья... деревья. Рей закрыл глаза и думал о деревьях. Они возникли в его сознании — высокие, крепкие, снова ожившие. “Пусть так будет! — требовала внутренняя сила Рея. — Вспомни, ты устоял против Преданного и должен устоять теперь, иначе затеряешься в мире теней, где не сможешь существовать. Деревья!”

Его плечо уперлось во что-то твердое. Не смея открыть глаза, Рей провел рукой и нащупал грубую кору. Дерево! Пот катился по его лицу. Да, вокруг него деревья, вокруг него должны быть они, а не мир зыбких теней!

Наконец, Рей решился открыть глаза. Он был окружен высоким лесом. А впереди, как бы через открытую дверь или окно, он увидел курган и рядом с ним людей. Теперь он воспринимал их совершенно отчетливо, но потому только, дошло до Рея, что они снова были в разных измерениях: курган и люди — в своем, он, Рей — в своем. Рей больше не пытался перейти временной барьер: нить, влекущая его вперед, в тот мир, порвалась — и он видел теперь чужих ему людей в чуждом ему мире.

Рей простоял так довольно долго. Затем это окно — во время или в пространство? — исчезло. Он был в лесу один. Глубоко вздохнув, он крепко прижался к дереву.

Что же произошло? Рей, бесспорно, побывал в собственном мире. Курган, одежда на людях были явным тому доказательством.

Но полностью войти в этот мир он не сумел. Он мог видеть, но не мог коснуться. Придется признать, подумал Рей, что

возврата не будет. И почувствовал только огромное облегчение — он убежал из этого полумира.

* * *

— Что случилось? — первым прервал молчание генерал Колфикс.

Бартон все еще вглядывался в экран и не верил своим глазам. Фордхейм ответил:

— В настоящее время мы закончили. Приборы сгорели полностью. — Он постучал по ним пальцем. Стрелки были неподвижны.

— Вы видели его? — Бартон повернул голову к Харгрейву, — видели?

— Тень... Призрак... — Харгрейв подбирал подходящие слова.

— Он был в латах, — добавил генерал, — и с мечом. Это не ваш человек. А если ваш — что он делал там? И почему не прошел насквозь?

— Не смог, — ответил Фордхейм. — Если это был Осборн, и мы привели его обратно, он больше не принадлежит к нашему миру. Когда мы задумали операцию “Поиск во времени”, то изучили тьму теорий. Вы знаете старый парадокс, который всегда приводят, когда речь заходит о путешествии во времени? Человек может вернуться назад и изменить историю собственной семьи, но тогда он рискует вообще не родиться. Правда, в нашу задачу это не входило, однако предположим, Осборн сделал на том временном уровне что-то важное для истории, вмешался в действие, которое корнями потянулось сюда. Ну и вот — он закрепился в том мире.

Генерал поднялся.

— Если вы правы, то такое может случиться с любым, кто попробует войти туда?

Фордхейм утвердительно кивнул. Генерал завертел свой коммутатор.

— Я должен обо всем доложить.

— Надо отложить проект, — убежденно сказал Фордхейм.

— Отложить... Возможно, имеет смысл наблюдать за тем миром, но идти в него я бы не советовал, пока мы не узнаем больше... гораздо больше.

— А как же Осборн? — спросил Бартон.

— Если это был Осборн, он, похоже, нашел свое место. Пока мы не будем знать больше, он останется там, — ответил Фордхейм.

— Я думаю, — сказал Харгрейв, — что ему, наверное, не так и плохо там, если, конечно, мы поймали мысле-лучом

именно Осборна, Он ушел туда несколько недель назад, затерялся в незнакомом мире. А вернулся — или наполовину вернулся — в латах и с оружием. Видимо, он вступил в контакт с обитателями той жизни и не без успеха, раз уж его снабдили одеждой и оружием. И он — если доктор Фордхейм прав — вероятно, выполнил что-то важное.

Хотел бы я знать... — он посмотрел на пустой экран, — хотел бы я знать, что это было.

— Ну, — Бартон медленно встал, — этого мы, наверное, никогда не узнаем. Но Осборн находится там, куда мы не можем добраться, и он в безопасности.

Коммутатор в руке генерала щелкнул. Он приложил его к уху.

— Колфикс слушает, давайте. — Он с минуту слушал, затем повернулся к присутствующим с совершенно ошеломленным видом. — Сообщение из Пентагона... Новые земли — одна в Атлантическом океане, другая — в Тихом. Не поднялись со дна океанов, а просто внезапно оказались здесь, как будто были всегда!

— Атлантида, — прошептал Фордхейм. — Но как?... почему?...

— Требуйте от вашего компьютера новое уравнение. Мы нечаянно послали туда человека — и получили взамен два континента.

Похоже, мы можем заполучить это, так сказать, далекое прошлое прямо сейчас. — Колфикс рассуждал прямолинейно, но увлеченно. — Стоит иметь дело с этими землями, если, конечно, они населены и открыты...

— Для захвата, если не будут возражать их обитатели, — оборвал его Харгрейв. — Наверное, стоит сперва хорошенько все взвесить. А вообще, я начинаю думать, что Осборн выбрал для себя не худший из двух возможных миров!

* * *

Кругом стояли темные, высокие деревья, но ничто не тревожило Рея. Он шел легко и надеялся, что быстро найдет дорогу назад, на взморье, хотя сигнал, который вел его сюда, больше не действовал. Теперь он чувствовал себя абсолютно спокойно, словно бегство из того полуреального мира стало избавлением от опасности, грозившей не только его телу, но и чему-то большему.

Вернуться назад, в прошлое Время — вот что ему нужно! Рей окончательно принял для себя это решение. Видимо, предупреждение Уча было провидческим: действия Рея в новом для него мире воздвигли барьер между ним и тем миром, кото-

рому он раньше принадлежал. Рей понял это и принял, и чувство собственной реальности, утраченное им в Пятистенном Городе, снова вернулось к нему. Теперь он нуждался в том, что происходило здесь, и хотел быть вовлеченным в эти события. В конце концов, что может дать ему его собственное время? Гораздо меньше, без сожаления констатировал Рей, чем он нашел здесь.

Он вышел из леса и прибавил шаг. Долго ли он пробудет на берегу? До вечера еще далеко. Может, рейдер все еще болтается поблизости и сразу увидит его сигнал?

Теперь Рей бежал, как уже бежал однажды из этого же леса. Что там обещал Ре Му?.. “Проси, что хочешь”. Ну вот, теперь Рей знает, чего он хочет — закрепиться на этой земле. Это его собственная страна, единственная связь с прошлым — хотя он будет любить ее не за это. Бесплодные Земли — это неправильно. Они не бесплодны — стоит только посмотреть на этот лес, на эту равнину! Хорошая страна, она ждет людей.

Тучи рассеялись, открыв солнце. Сухая трава на равнине зазолотилась. Бесплодные? Нет! Скоро сюда придут люди, поднимутся города... Здесь будет жизнь!

Наконец, Рей добрался до взморья. Несмотря на усталость, он полез на скалу и стал набирать сушняк. Вскоре образовалась большая куча, достаточная для того, чтобы дать много дыма, когда в нее бросить влажные листья. Дозорный Тейта должен увидеть его сигнал.

Рей присел на корточки, достал из кармана зажигательную палочку и раздул искру в большой огонь.

Бесплодные Земли — реальные земли... Он вспомнил о том окне, в другой мир, и о тенях в нем. Да, это было здесь и сейчас. Но что — ЭТО?... Оно не имело больше смысла для Рея.

Он подбросил в костер побольше валежника и задумчиво посмотрел на темный дым, спиралью поднимающийся к солнцу, теплomu и спокойному.

Вторжение к далеким предкам

Перевод с английского
Владимира Мартова

Редактор
О. Дмитриева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Долгое время отрицавшаяся как наука парапсихология, наконец, преодолев барьеры, воздвигнутые предубеждением, страхом перед неведомым, стала серьезно изучаться во всем мире.

Разнообразные эксперименты, проводимые в этой области науки, доказали ее право на самостоятельное существование. Один из разделов парапсихологии — психометрия включает в себя определение истории предмета человеком, способным “считывать” информацию, которую этот предмет несет в себе.

Из четырех, проведенных мной экспериментов, в трех — достигнут стопроцентный результат, подтвержденный независимой экспертизой. И только в одном случае информация о предмете подвергнутом обследованию была достаточно туманна и запутана, и то, только в силу того, что предмет исследования (часть античной драгоценности) прошел через многие руки.

Таким образом, таланты человека в этой области науки поистине удивительны, а способности конкретных людей еще ждут своего часа и места приложения.

Автор

ГЛАВА I

Стоя перед закрытой дверью, Дзианта слегка поглаживала туго натянутую перчатку. Тонкая материя напоминала о себе слабым покалыванием энергии, так искусно вплетенной в эластичную ткань. Ей не раз приходилось наблюдать, как работают с такими перчатками, но никогда прежде сама она не пыталась использовать энергетический потенциал этой чудесной вещицы.

В очередной раз она мысленно обыскала коридор, как бы пробежав по нему туда и обратно. Все было спокойно, как и обещала Зиния. Не теряя времени, девушка подняла руку и направила ладонь на замок. Яза заплатила баснословные деньги за временное пользование этой перчаткой, и вот теперь, с минуты на минуту, должно было стать ясно, насколько справедлива такая цена.

Кончик языка нервно пробежал по зубам.

Секунды летели за секундами, но ничего так и не произошло. Девушка замерла в растерянности. Решив, что Язу просто надули, она совсем было собралась уйти, как дверь вдруг бесшумно скользнула в стену. Все оказалось так просто, так легко.

И снова мысленный поиск, чтобы окончательно убедиться, что кроме тех, кого она обучена находить и разоружать, иных охранников здесь нет.

“Похоже, Высший Лорд Юкундус не слишком-то современен, если использует в качестве защиты самые обычные средства, — невольно подумала Дзианта. — Для Гильдии Воров все эти запоры не более, чем детские игрушки. А впрочем, не стоит, пожалуй, убирать руку с пояса — кто знает, какие сюрпризы могут поджидать ее за этой дверью.”

Спустив на глаза обруч ночного видения, весьма искусно

имитировавший часть сложного головного убора, девушка шагнула в комнату.

Ее одежда, подобранная очень тщательно, предназначалась как раз для таких операций: плащ с вмонтированной в ворот кнопкой, при нажатии на которую человек тут же исчезал из поля зрения; пояс, отделанный декоративными камнями, представлявшими собой не что иное, как миниатюрные, но весьма эффективные детекторы; обруч видения... Все это стоило немалых денег. За эту цену вполне можно было купить небольшую планету, из тех, что когда-либо поступали в продажу. Астрономическая цифра — математических познаний Дзианты было явно недостаточно, чтобы более точно определить ее.

Она огляделась вокруг. Комната была обставлена с той роскошью, какую мог представить только Корвар — планета удовольствий. Сокровища... Но нет, она здесь вовсе не ради них. Плотнее закутавшись в плащ (так, чтобы он не мог зацепиться за что-нибудь и вызвать тем самым утечку энергии, следы которой могли быть позднее обнаружены), Дзианта осторожно направилась к дальней стене. Что ж, если все пройдет гладко, если она не “наследит”, то Юкундус вряд ли когда-нибудь обнаружит, что в его тайны проникли. Во всяком случае, надо постараться, чтобы он не знал об этом до тех пор, пока они ни будут благополучно проданы.

Комната утопала во мраке, но с прибором ночного видения девушка чувствовала себя так же уверенно, как если бы была в хорошо освещенном помещении. Впрочем, не только этот прибор помогал ей: дважды она останавливалась, получив предупреждение от поясных детекторов. Вынужденная подключить на короткое время управляемые мыслью защитные устройства, Дзианта не стала злоупотреблять этим методом, поскольку каждая такая проверка увеличивала беспокойство и истощала психическую энергию.

Она остановилась у стены, на которой была изображена космическая сцена. Не рискуя оторвать пальцы от детекторов, девушка зубами расстегнула металлическую застежку, ощутив при этом обжигающий разряд, затем, стянув перчатку с руки, сунула ее за пояс.

Порывшись в складках плаща, она извлекла на свет небольшой брелок, поднесла его к одной из звезд, сиявших на экране, и слегка надавила на нее. Беззвучный сигнал болью отозвался в мозгу.

Часть стены отошла в сторону, и прямо перед собой девушка увидела шкаф. Что ж, до сих пор приборы и методы Гильдии

действовали безотказно, но остальная часть миссии зависела только от собственных способностей Дзианты, ее умения.

Шкаф был буквально забит маленькими кубиками, такими крошечными, что можно было уместить на ладони три-четыре штуки одновременно. Из всего этого множества она должна была за короткое время отобрать те несколько, за которыми и пришла сюда, чтобы считать с них нужную информацию.

Дзианта коснулась ладонью первого кубика в верхнем ряду. Дыхание участилось, сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Нет, не то. Узкая ладонь скользнула дальше. Не этот... не этот... Все кубики, несомненно, содержали ценную информацию, но в верхнем ряду не оказалось ни одного из тех, что ей были нужны — с записями Юкундуса. Если верить всем слухам относительно этого человека, то, пожалуй, не имеет принципиального значения тот факт, что ему пришлось бежать, что все его межпланетные владения конфискованы. С этими микрозаписями он вновь сможет добиться еще большего могущества.

Здесь! Со средней полки она достала куб и подняла его над обручем ночного видения так, чтобы он находился против открытого участка лба. Это была самая опасная часть всего мероприятия, поскольку сейчас Дзианте предстояло отрешиться ото всего — забыть о поясных детекторах, о собственной мысленной защите — и сконцентрироваться лишь на тех сведениях, которые содержались в кубе. Сама она, кстати, никогда не смогла бы воспользоваться данной информацией: все эти знаки и символы не выстраивались в какой-либо определенный образ, смысл их был неясен девушке. Она должна была лишь закодировать эту символику.

Вот и все. Облегченно вздохнув, Дзианта поставила куб на место и снова заскользила пальцами по рядам, отыскивая следующий, — Яза уверяла, что их должно быть несколько.

Второй! Сосредоточившись на получаемой информации, она вновь оказалась совершенно беззащитной перед любой опасностью — пока шла передача, она ничего не смогла бы предпринять, чтобы хоть как-то подстраховать себя. Готово! Теперь следовало проверить, нет ли третьего куба. Убедившись, что нет больше ни одного с нужными сведениями, девушка закрыла стену. Чувство радостного удовлетворения наполнило все ее существо. Основная, наиболее трудная часть работы была выполнена, и выполнена весьма неплохо. Теперь оставалось лишь запереть дверь и уйти.

Плотнее запахнувшись в плащ, Дзианта повернулась к двери. Главное — не прикоснуться ни к чему, не оставить ни малейшего следа, который может быть обнаружен.

Она потянулась, чтобы подхватить уголок плаща, который, когда она проходила мимо, едва не коснулся небольшого столика, настоящего произведения искусства. Но что это? Дзианта застыла. Мягкая ткань скользнула между пальцами, а рука продолжала тянуться дальше, вперед. И это происходило отнюдь не по ее воле, а так, словно кисть девушки была чем-то захвачена.

Некоторое время, секунду или две, Дзианта была уверена, что оказалась в плену какого-то нового защитного устройства, которого ее детекторы не смогли обнаружить, но затем поняла, что это было всего лишь психическое воздействие, требование сосредоточить все внимание на каком-то предмете.

Никогда прежде она не испытывала ничего подобного: даже занимаясь психометрией, она не ощущала столь сильного давления на свою волю. То, что она чувствовала сейчас, повергло ее в страх, чуть ли ни в панику.

Но постепенно первые страхи улеглись, и на смену им пришло любопытство. Прекрасно понимая, насколько опасна была для нее любая задержка, Дзианта все же решила узнать, что именно спровоцировало такую волну в ее мозгу.

На столе было разложено шесть предметов: таинственное животное, вырезанное из полудрагоценного камня; пластина розоватого кристалла с застывшим в ней насекомым с Биргаль-3; коробочка из Стирианского каменного дерева, а рядом — головолка с внутренними кольцами, которые делают аборигены Дизандера; корзиночка, усыпанная сапфирами, с лежащими в ней сладостями. И наконец, последнее — небольшой комок засохшей глины, во всяком случае, так это выглядело.

Дзианта наклонилась поближе, стараясь разглядеть загадочные знаки, нанесенные на этот комок. Похоже, именно они и были заряжены энергией, так неотвратимо притягивавшей ее. На мгновение лицо девушки исказилось гримасой боли. Она отдернула руку с той поспешностью, словно ее пальцев коснулись язычки трепещущего пламени. Нет, она не притронулась к этому безобразному с виду предмету, не должна была. Она знала, что если сделает это — погибнет безвозвратно.

Торопливо обмотав руку плащом, девушка отшатнулась от стола, как будто тот был ловушкой, западней. Пожалуй, так оно и было: хитроумная западня, поставленная, возможно, с целью обезвредить либо самого Юкундуса, либо тех, кто обладает такими же способностями, что и она.

Дзианта пересекла комнату с такой скоростью, будто услышала сигнал тревоги, призывающий сюда все городские патрули, и выскочила в коридор. Дверь за ее спиной захлопнулась.

Какое-то время она стояла, тяжело дыша, как человек,

чудом спасшийся от смерти, и борясь с искушением вернуться назад, чтобы взять в руки тот странный предмет. А что, собственно, это было: комок засохшей глины, камень, облепленный землей, а может, нечто совсем иное? А впрочем, не все ли равно... Главное — взять и узнать!

Дрожащими руками Дзианта произвела быстрые изменения в своей одежде. Персмена была разительной: теперь она ничем не отличалась от тех женщин, которые имели полное право прогуливаться здесь.

Но что все-таки с ней происходит?

Казалось бы, она сделала все, что предписывалось инструкцией, добилась полного успеха и может теперь вернуться к Язе с той информацией, за которой ее и посылали. Но нет, она не испытывала радости, напротив, ее грызли сомнения. Девушке казалось, что там, за дверью, она оставила что-то неизмеримо более ценное, потерянное для нее навсегда.

От главного коридора отходило несколько боковых. Ошутив едва уловимое движение в одном из таких отсеков, девушка вздрогнула. Бесшумно, как тень, вперед выступил Рия. Дзианта, отлично знавшая об умении этого человека маскироваться, все же была крайне удивлена — настолько неожиданным было его появление.

На нем был пояс с оружием, носить которое ему не возбранялось, поскольку, являясь членом “группы персональной охраны” (одно из ответвлений Гильдии Воров, имеющее полулегальный статус), он обеспечивал защиту от убийц. А те из элиты галактики, кто превратил Корвар в планету развлечений, имели веские причины бояться внезапной смерти.

Девушка не произнесла ни слова, лишь кивнула в ответ на его взгляд. Стараясь не спешить, они пошли по коридору, причем Рия отставал от нее на шаг, как это было определено их теперешними ролями. Здесь было множество зеркал, и Дзианта с любопытством вглядывалась в свое отражение. Она не переставала удивляться собственным способностям к перевоплощению, вот и сейчас, видя себя в одежде Девы Пхоль, она была просто поражена. Тонкие черты лица (ее собственное лицо скрывалось под гримом), горделивая осанка, плащ цвета золотого апельсина, эффектно гармонирующий с драгоценностями головного убора, роскошное ожерелье... Во всем этом великолепии она имела тот высокомерный вид, который был частью ее теперешней роли, так непохожей на ее обычное состояние.

Они уже были внизу, где толпился народ: — разнообразие одежд, рас, запахов... Корвар был не только планетой увеселений, но и перекрестком данной части галактики, и потому его

транзитное население часто менялось. Здесь ее костюм не привлек бы подозрительных взглядов, напротив, находиться в компании с Девой Пхоль на вечер, на неделю, на месяц было делом престижа для лордов Галактики. К тому же Зиния, одолевшая ей это платье, хорошо ее натренировала. Сама же Зиния была сегодня с Высшим Лордом Юкундусом, занимала его, стараясь держать подальше отсюда.

Они добрались до главного холла, где поток гостей, входивших и выходивших, искавших банкетные залы или игорные комнаты, буквально захлестнул их, растворил в себе. Тем не менее Дзианта не поворачивала головы даже для того, чтобы взглянуть на Рику, а продолжала украдкой всматриваться в лица, зондировать.

Это чувство тревоги, эта нервозность — отчего? Следствие переутомления? Или причина скрыта в том пыльном комочке, который она видела на столе? Пожалуй... Она все еще ощущала его притяжение. Но было и нечто другое — странное впечатление, что за ней наблюдают. Патруль? Дикая мысль! В этой одежде, снабженная защитными устройствами Гильдии, она была надежно застрахована от проникновения в свой мозг. Всем известно, что организация обладает совершенной техникой, и будь она обнаружена, Дзианта первая узнала бы об этом.

И все же она не могла избавиться от ощущения, что находится в атмосфере какой-то слежки, поиска.

Рия пошел вперед, чтобы вызвать частный флиттер (летательный аппарат). Когда он вернулся, девушка облегченно вздохнула, лицо ее прояснилось. Подняв воротник плаща, Дзианта вышла в ночь, уже полностью уверенная в том, что страхи были напрасны — ей можно ничего не бояться, по крайней мере, сейчас.

Тинил был весь в сиянии света, звуках музыки — жизнь в нем кипела. Дзианта шла в сверкании огней, испытывая радостное возбуждение, наслаждаясь мыслью о том, что сегодня вечером она наконец-то сможет внести часть платы за долгие годы обучения и охраны. Хотя Яза и не напоминала ей о невыплаченном долге, она всегда чувствовала на себе его тяжесть.

Дзианта все еще не была свободна. Получит ли она ее когда-нибудь?

И все же она была более счастливой, чем многие другие.

Их флиттер, поднявшись в верхние слои атмосферы, описывал круг над городом и, набрав скорость, помчался дальше. И вот они уже над Дипилом: сияющее сверкание городских огней сменил угрюмый мрак, такой же непроглядный, как и сама жизнь обитателей этих серых трущоб и бараков. Было

мучительно смотреть на тех внизу, кто все еще влачил жалкое существование.

Дзианта вспомнила, что Дипил — постыдная язва на теле Корвара, которую нельзя было ни забыть, ни уничтожить, — существовал всегда. Мимолетного взгляда на эту тусклую серость было достаточно, чтобы понять, насколько теперешнее ее положение отличается от прежнего прозябания. Да, она — одна из счастливых! Как могла она сомневаться в этом?

И все потому, что как-то Яза увидела ее в космопорту, когда она, окруженная толпой любопытных, брала у людей различные предметы с тем, чтобы рассказать их историю. Этому фокусу с угадыванием она научилась самостоятельно и думала, что это всего лишь искусный трюк, освоить который может каждый, стоит только захотеть. Но Яза отлично понимала, что делать это так же хорошо, как Дзианта, может только человек, обладающий особыми способностями. Возможно, потому, что Яза была чужестранка — с Салярика.

Благодаря заинтересованности Язы, она была извлечена из Дипила и доставлена на виллу, которая показалась ей чудом. Здесь ее заставили учиться.

Хотя салярианка требовала от нее полного повиновения и изнурительных часов обучения, это не угнетало Дзианту. Знания она впитывала жадно, как еду и питье — она ведь ничему не училась до этого. Многие месяцы и годы упорных занятий сделали ее, в конце концов, тем, чем она стала теперь — могущественным инструментом Организации, самым ценным достоянием Язы.

Как и все представители ее расы, происшедшие из кошачьих, Яза была необычайно практична, сконцентрирована на себе, но, в то же время, обладала способностью общаться с другими людьми в процессе работы, не теряя при этом своей индивидуальности. Ее интеллигентность была очень высокого порядка, хотя она и рассматривала вещи под несколько иным углом, нежели люди расы Дзианты.

Прирожденный лидер, она была одной из немногих женщин, сумевших достичь высших постов в Гильдии.

Ее прошлое было окутано тайной, даже возраст ее был неизвестен. Но ее влияние распространялось не только на Корвар, а достигало и других миров. Причем количество сторонников Язы, пожалуй, даже превышало число законопослушных граждан любой из планет.

Предки Дзианты были выходцами с Террана. Но с какой планеты сама она пришла в это тусклое существование, когда обитатели десятков миров были занесены сюда, во временный лагерь Дипил, в результате межзвездных войн, — она не знала.

В ее облике не было ничего примечательного, никаких отличительных признаков, по которым можно было бы определить, откуда она. Именно эта особенность и делала ее еще более ценной: если в этом возникала необходимость, она без труда могла принять облик любой из рас, даже одной из двух негуманоидных.

Как и у Язы, возраст ее оставался неразрешимой загадкой, но было очевидно, что раса Дзианты развивалась несколько дольше других рас. В то же время, ее мозг быстро впитывал знания, а психические способности оценивались очень высоко.

Чувство благодарности, а позднее присяга в верности Гильдии накрепко связали ее с Язой.

Она стала как бы частью организации, которая действовала по всей галактике, и нередко использовала самые темные и низкие средства для достижения своих целей.

Правительства появлялись и исчезали, но Гильдия — то могущественная настолько, что могла менять правительство, то загоняемая в подполье — оставалась. Гильдия имела своих послов и собственные законы, преступить которые означало — обречь себя на быструю и неминуемую смерть. Сам закон был частью Организации.

Дипил остался далеко позади, и теперь они пролетали над садами и тщательно оберегаемыми островками зелени, которые отделяли одну виллу от другой.

Дзианта стиснула руки под плащом. Воспоминания о сегодняшнем происшествии — нет, не о самой работе, а о том кусочке глины — с новой силой нахлынули на нее. Жгучей болью пронзило мозг.

Она непременно должна увидеть Огана... сразу же, как только перепишет полученные сведения на ленту. Она должна увидеть Огана и узнать, что же все это означает. Эта навязчивая идея, овладевшая всем ее существом, идея во что бы то ни стало дотронуться до загадочного предмета была, конечно же, неестественной. Она несла в себе зло, поскольку подавляла мысль и могла стать реальной угрозой способностям Дзианты. Оган — парапсихолог, который обучал ее, был единственным, кто мог объяснить причину такой, поистине странной, притягательности.

Флиттер мягко опустился на плоскую крышу, освещенную тусклым светом. Яза, как впрочем и другие члены организации, вела двойную жизнь. На Корваре она была известна как леди Яза, глава торговой фирмы Салярики и, таким образом, занималась легальным и выгодным бизнесом в Тикиле. Она руководила своими предприятиями так же эффективно, как и работала по заданиям организации. Оба рода деятельности

приносили ей немалый доход, а поскольку богатство на Корваре ценилось превыше всего, леди Яза была окружена всеобщим вниманием и почетом.

Дзианта торопливо спустилась вниз. Несмотря на поздний час, здесь, как обычно, не спали — дом был наполнен слабыми, приглушенными звуками. Под этой крышей, где правила Яза, не было места неуверенности и нервозности: благодаря постоянной бдительности, салярианка продолжала удерживать бразды правления в своих руках и, в случае необходимости, в любой момент могла пустить в ход все свое могущество и власть.

Дзианта поцарапала пальцем пластиковую панель, и та бесшумно откатилась назад.

Она оказалась на пороге комнаты Язы, наполненной терпким ароматом. Дзианта задержалась на минуту, ожидая, пока пульверизаторы направят на нее ароматизированную жидкость, имевшую тот запах, который Яза предпочитала в настоящее время всем остальным. Сбросив плащ, девушка медленно поворачивалась, подставляя тело душистым струйкам. Для нее этот запах был, пожалуй, чересчур сильным, но для Язы, уроженки Салярики, это было единственным способом близко общаться с представителями другой расы: как и все люди ее племени, она была чрезвычайно чувствительна к любым чуждым запахам, и подобная предосторожность позволяла ей выносить присутствие других людей.

Приняв ароматный душ, Дзианта сняла головной убор. Голова раскалывалась от боли, но этого следовало ожидать после такой нагрузки, которую испытал ее мозг сегодня вечером. Едва освободив свою память от этой тяжести, она тотчас же попросит Огана, чтобы тот погрузил ее в освежающий сон.

Свет в комнате был слабым, рассеянным.

Яза свернулась клубочком в подушках, что было ее любимой позой. Возле открытого окна, вытянувшись во весь рост, в гамаке лежал Оган. Множество слухов ходило об этом человеке. Говорили, что он — психотехник одной из запрещенных законом групп. Никто, пожалуй, не смог бы с уверенностью утверждать, в каком именно мире он родился. Возраст его не поддавался определению, но поговаривали, что он прошел несколько курсов продления жизни. Маленького роста, хрупкого телосложения, Оган казался усеченной тенью рядом с рослыми салярианцами, прислуживающими на вилле.

Будучи мастером психологии, он был известен еще и тем, что в совершенстве владел многими видами боевых искусств. Собственно, это и сделало его имя легендой.

Теперь он лежал лицом к распахнутому окну, как будто

сильный запах беспокоил его. Казалось, он спит, но едва Дзианта переступила порог комнаты, как он тотчас же обернулся к ней. Бесстрастное лицо, непроницаемый взгляд...

В этот момент девушка вдруг поняла, что не хочет сообщать ему всего происшедшего с ней в этот вечер. Невозможно было предугадать, что предпримет этот человек, узнав, что хоть что-то могло удивить и испугать ее. Пожалуй, он вполне был способен отстранить ее от дел, что, конечно же, было не в интересах Дзианты. Нет, она сохранит свою тайну, по крайней мере, сейчас. И почему, собственно, Оган все время должен быть полным господином?..

— Приветствую, — послышался мурлыкающий голос Язы.

Она была очень стройна, грациозна и, с точки зрения жителей Салярики, необычайно красива. Черные волосы, скорее, пушистый мех, были густы и шелковисты на голове и плечах, а также на верхней части рук. Лицо, не такое широкое и плоское, как у большинства соотечественников Язы, заканчивалось острым подбородком. Но самым удивительным в ее лице были огромные глаза, они завораживали, отвлекая внимание от всего остального. Чуть раскосые, глубокого красно-золотого цвета, с расширяющимися в зависимости от освещения зрачками глаза разительно выделялись на фоне серой кожи. Их можно было бы сравнить с камнем коросом, который так высоко ценился на родине Язы.

Пара таких камней украшала широкий воротник, плотно облегавший шею Язы, но даже они, эти мерцающие в слабоосвещенной комнате кристаллы, проигрывали в сравнении с блеском ее глаз.

Она протянула руку, и пальцами, на которые были сейчас надеты металлические колпачки, поманила Дзианту. Короткое золотистое платье, перехваченное поясом с подвешенными к нему мешочками с ароматическим порошком, мягко зашуршало при этом движении.

Откуда-то из самой глубины горла шел странный рокошущий звук — звук, доставшийся ей от предков. Яза мурлыкала. Яза была довольна.

— Я не спрашиваю, моя милая, все ли прошло хорошо. Это ясно и так, раз ты здесь.

Она обернулась к окну.

— Оган!

Тот, молча, приподнялся в гамаке. Теперь настала его очередь позвать Дзианту.

Девушка села у стола, подняла сверкающий обруч и надела его поверх своих гладко зачесанных волос. Еще несколько минут, и она освободится от той информации, которую принесла

с собой. В строгом соответствии с инструкцией записывающее устройство очистит память Дзианты от всего, что опасно знать.

Подобная процедура была неизбежна для таких, как она, чтобы, попав во вражеские руки, они ничего не смогли бы рассказать о деятельности организации.

Девушка открыла свой мозг, зная, что каждый символ, который она считала с кубов, тут же будет записан. А что, если устройство запишет, а затем и сотрет из ее памяти реакцию на тот загадочный комочек глины? Но если такое случится, эти двое, читающие ее сообщение на видеоэкране прибора, тоже узнают об всем. Нет, она не должна допустить этого!

Руки девушки метнулись к блоку отсечения, палец опустился на ключ, и она ощутила знакомое головокружение и дезориентацию.

Теперь она будет помнить только то, что с ней произошло до и после открытия сейфа Юкундуса. Вся остальная информация будет передана и стерта из ее памяти.

— Блестяще!

Когда Дзианта снова пришла в себя, она заметила, что мурлыканье Язы стало заметно громче.

— Очень удачно, первый класс! Ты, должно быть очень устала, милая. Иди-ка в свое гнездышко.

Да, она устала до боли. Такая нагрузка на мозг очень утомила ее. И хотя она не впервые выполняла задания Гильдии, но все предыдущие операции казались детским развлечением по сравнению с сегодняшним по-настоящему крупным "делом".

Оган подошел к ней с чашкой восстанавливающего напитка молочно-белого цвета. Дзианта жадно выпила его, после чего стала собирать разбросанную по полу одежду.

— Приятных снов тебе. — Губы Язы изогнулись в некоем подобии улыбки. — Пусть тебе приснится то, о чем ты мечтаешь, милая. За это дело я все для тебя выполню.

Дзианта кивнула. Она слишком устала, чтобы говорить. То, чего она больше всего хочет... Нет, это не просто обещание. Яза может все. Гильдия никогда не скупилась для тех, кто удачно справлялся с заданием.

Но сейчас она больше всего хотела спать.

Оказавшись в своей комнате, Дзианта сбросила с себя остатки одежды. Хотя она и испытывала смертельную усталость, но не пожелала лечь в постель с маской грима на лице. Девушка вошла в ванную, установила ручки управления и окунулась в волны освежающего и очищающего пара.

Это позволило ей снова стать собой. Как бы для того, чтобы убедиться в этом, Дзианта взглядела в свое отражение. Дела-

ла она это с явной неохотой, потому что зеркало, которое обычно использовалось для проверки грима, со всей беспощадностью раскрывало все дефекты наружности, вместо того, чтобы сглаживать, затушевывать их. Да, в зеркале, действительно отражалась Дзианта, и это отражение нанесло чувствительный удар по ее тщеславию.

Она была худощава, с бледной кожей. Волосы после теплого влажного потока воздуха вились мелкими кудряшками, серебристым ореолом окружая голову. Рот большой, губы ярко-красные, слегка изогнутые. Что касается остального... Она хмуро оглядела себя в зеркале, набросила на тело ночную рубашку и выскользнула из комнаты.

“Пусть приснится то, о чем ты мечтаешь,” — сказала Яза. А что, если попросить набор косметики для изменения облика, чтобы постоянно быть кем-то другим, а не только во время работы на организацию? Интересно, согласится ли Яза на это? Возможно, и согласится, если хорошенько ее попросить. Впрочем, Дзианта не слишком серьезно относилась к этой затее. То, чего она больше всего хотела, было всего лишь комочком глины. Взять его в руки, узнать его тайну...

Дзианта вздохнула. Чем он воздействовал на ее мозг? И что случилось бы, если бы она взяла его там?

Дрожа, девушка бросилась к постели, нырнула в эту мягкую пропасть и зарылась с головой под одеяло.

ГЛАВА 2

Дзианта проснулась внезапно. Если она и видела сны, то не помнила их. И уже с первой минуты своего пробуждения она четко знала, что ей следует предпринять — так, словно получила распоряжения со стороны.

Страх ознобом сотрясал ее маленькое хрупкое тело, но сильнее страха было пронизывающее, непреодолимое желание. Девушка помнила наставления Огана: “Страх, вера и навязчивая идея — сродни друг другу. Все они приводят к тому, что исчезают блоки памяти, человек перестает владеть собой, полностью теряет себя.” Никогда прежде Дзианта не задумывалась над этими словами, не придавала им особого значения. Но теперь, окончательно уверившись, что навязчивая идея овладела ею... Она судорожно искала решение.

Солнце Корвара уже поднялось над горизонтом.

Ни малейшего шума в доме, но это было лишь внешнее ощущение — стены всех комнат здесь были звуконепроницае-

мы. Дзианта, которой был хорошо известен распорядок дня в доме, прекрасно понимала, что все уже на ногах.

Самый быстрый способ дезориентировать обитателей виллы — это изменить привычный распорядок, точнее, уклониться от него. Дзианта села перед окном, обхватила руками колени и в задумчивости уставилась на сад, окружавший владения Язы.

День обещал быть прекрасным — это как нельзя кстати: психические силы ослабевают при плохой погоде. Кроме того, им могут угрожать и другие факторы: силовые поля машин, солнечное излучение, расположение планет, даже человеческие эмоции. Дзианта думала сейчас о предстоящем ей трудном тесте. Способна ли она сделать все это, даже если выберет правильную позицию в нужный момент и с необходимой поддержкой? Необходимая поддержка...

Психокинетическая энергия...

В лаборатории Огана множество самых разных приборов, но коснуться хоть одного из них, значит — сразу же привлечь все внимание к себе. Нет, это не подойдет. Необходимо найти другой источник.

Дзианта расцепила руки, подняла их, сконцентрировавшись на одном-единственном действии: она пыталась сформировать четкий мысленный образ, чтобы тем самым послать вызов. Теперь все зависело лишь от того, свободен ли в данный момент Харат.

Она послала свой вызов. Ей повезло: Харата не было в лаборатории. Пока все складывалось так, как ей было нужно. Довольная, она побежала в ванную комнату, приняла освежающий душ и опустилась на стул перед безжалостным зеркалом. Дзианта не собиралась заниматься собой, а хотела сделать только то, что позволило бы ей свободно разгуливать по Тикилу — принять образ женщины, которая на вызвала бы желания взглянуть на нее вторично. Главным препятствием на этом пути стал ее рост, который она не смогла бы изменить без дополнительных затрат энергии на формирование визуальных галлюцинаций. Следовало выбирать лишь из тех рас, которые обладали бы тем же ростом, что и она. Продумав несколько вариантов, она, наконец, остановила свой выбор на существе второго класса из Иени.

Девушка работала молниеносно. Копна медно-рыжих волос пышно взбита, кожа подкрашена до соответствующего оттенка, контактные линзы, сделавшие ее глаза темнее, вставлены — и вот она уже готова.

Теперь очередь за одеждой. Наиболее подходящими будут, пожалуй, вот эти обтягивающие брюки из голубой с металли-

ческим оттенком кожи и зеленое платье с боковыми разрезами. Драгоценности... Дзианта задумалась. С сожалением она отказалась от самых изысканных — красивые не значит лучшие. Все эти изящные вещицы имели двойное назначение: они служили не только украшением, но и средством защиты. И некоторые из этих приборов давали побочные эффекты, которые могли быть обнаружены детекторами Патруля.

Булавкой скрепить воротник, кольца, соединенные эластичной золотой цепью, — на пальцы, браслет — на запястье. Все это было подобрано очень тщательно и надёжно скрывало истинный облик Дзианты.

Последняя проверка в зеркале, чтобы лишний раз убедиться, что преобразование закончено. Теперь следовало заказать завтрак — такой, который поддержал бы ее силы, но не действовал возбуждающе. После минутного колебания, она набрала нужный код. Заказ был принят — на выдвижной панели стояла порция легкого завтрака: какое-то овощное блюдо и стакан утреннего сока. Быстро съев все до последнего кусочка, Дзианта вышла в коридор.

Здесь было все также тихо, но девушка отлично знала, насколько обманчиво это впечатление: никто уже не нежился в постели, каждый был занят привычным для него делом.

Теперь — последняя предосторожность: собрав все свое самообладание, Дзианта приблизилась к панели в виде блоков и нажала на кнопку. Итак, она зафиксировала свой теперешний облик и объяснила, зачем выходит из виллы. Это было необходимо, иначе ее отсутствие могло вызвать подозрения. Собственно, она не впервые покидала виллу, изменив облик, что было обычным делом для обитателей дома Язы, но никогда прежде она не следовала так строго заведенным здесь правилам.

— Я иду к ювелиру Каферу, на Руби Лэйн, — сказала она.

Неплохо придумано. Яза конечно же решит, что она пошла выбрать себе какую-нибудь драгоценность в награду за прошлый вечер. А магазин Кафера буквально в двух шагах от того места, куда она, действительно, направляется.

Некоторое время Дзианта напряженно всматривалась в светящееся табло — могло случиться, что Оган запланировал какие-то эксперименты на это утро, требующие ее участия. Но нет, вспыхнул лишь сигнал, зарегистрировавший окончание записи.

Она готова была мчаться изо всех сил, чтобы Яза или Оган не успели перехватить ее по дороге, но все же невероятным усилием воли заставила себя идти медленно, почти прогулочным шагом, делая вид, что просто отправилась в Тикил за

утренними покупками. Она даже не рискнула еще раз вызвать Харата — приборы Огана могли зафиксировать вызов.

Но прежде, чем ее нетерпение достигло критической точки, она уже была на крыше, где поджидал флиттер.

Один из телохранителей Язы обернулся к ней. Это был Снаскер, молчаливый старый вояка. Уши его были испещрены шрамами — следствие частых стычек. Еще один шрам рассекал нижнюю челюсть. Щурясь от яркого солнечного света, бьющего ему прямо в лицо, он окинул Дзианту безразличным взглядом.

— В Тикил? — его голос напоминал низкий рык.

— Да, если это тебя устраивает, Снаскер.

— Устраивает, детка.

Он зевнул.

Шутливо толкнув в бок своего напарника, он прыгнул во флиттер. Дзианта задержалась на мгновение, чтобы подхватить маленькое существо, которое, щебеча приветствия, бросилось к ней. Хотя она и не понимала его щебетания, но, обладая способностью считывать мысли, с легкостью уяснила все то, что было сказано ей.

— Харат здесь. Он полетит с Дзиантой сейчас!

Выразив запоздалое согласие, девушка устроилась позади Снаскера. Харат сидел у нее на коленях. Он тяжело дышал: клювообразный рот был приоткрыт, круглые глаза — широко распахнуты.

Кто же такой был Харат? Какую разновидность он представлял и как его следовало классифицировать: как человекообразное существо или как высокоразвитое, обладающее телепатическими способностями животное? Этого Дзианта не знала. Его маленькое тельце было покрыто пушком, который мог быть и перьями, и легчайшим мехом. Такой же пушок, но более короткий, покрывал ноги с трехпалыми ступнями. Пальцы ног заканчивались острыми коготками, которые удивительным образом гармонировали с большим изогнутым клювом. Круглые светло-голубые глаза этого удивительного существа были окружены черным ободком. Крыльев не было, вместо них — четыре коротких шупальца. Как правило, Харат прятал их в карманах своего одеяния, но, в случае необходимости, пользовался ими как руками, правда, эти “руки” были не слишком-то ловкими.

К Огану он попал, будучи еще в яйце, которое привез один из членов Гильдии. Обладая высочайшими психокинетическими способностями, Харат, однако, пока еще не мог перемещать предметы, возможно, потому, что был слишком молод и недостаточно силен, но зато был способен воздействовать на психи-

ческую энергию других очень мощно. На Корваре, где другие разновидности, населяющие многочисленные миры, были скорее правилом, чем исключением, он ни у кого не возбуждал любопытства.

Он с неохотой надевал ту небольшую сбрую, которую сейчас держала в руках Дзианта, но терпел ее, так как без сбруи его попросту не брали в город. А Харат был ужасно любопытен, и поездки в Тикил были его любимым занятием.

Пожалуй, в том, что Дзианта захватила его с собой, не было ничего необычного — Харат частенько сопровождал кого-нибудь из домашних Язы, поскольку Оган, всячески поощрявший любознательность этого маленького существа, считал, что такие поездки полезны Харату для обучения.

Солнце было очень жарким, и крошечное тельце на коленях Дзианты вибрировало от легкого “клик-клик” — так, щелкая клювом, Харат выражал свое удовольствие.

— Куда? — спросил Снаскер.

— К Каферу.

Они пролетали сейчас над Дипилом, но Дзианта даже не посмотрела вниз, настолько была поглощена тем, что задумала. Испытывая странное возбуждение, она опасалась, как бы это чувство опасности не передалось Харату — это было бы преждевременно.

В эти минуты ей казалось, что она может совершить все, стоит только решиться. Жизненные силы переполняли ее. Но нет, она не должна терять контроль над собой, как не должна и выпускать этот жгучий комок энергии, рождающийся где-то в позвоночнике и медленно восходящий к голове.

Не здесь. Еще не время!

Флиттер опустился на платформу в центре площади, окруженной деревьями. Сквозь деревья она видела вспыхивающие огоньки, обозначающие Руби Лэйн, улицу ювелиров, яркие огни которой были видны даже при солнечном свете.

Теперь, в строгом соответствии с планом, она должна была посетить Кафера.

Это было исключительное удовольствие для тех, кто любит красоту драгоценных камней, великолепно обработанных, и вопреки страстному желанию, которое влекло ее отсюда, Дзианта остановилась, потрясенная, перед диадемой из маленьких трубочек, лежащей в витрине. Каждая трубочка поддерживала цветок, листик или насекомое. Все это было выполнено исключительно из драгоценных камней (в заведении Кафера не было места дешевой мишуре, так как деньги здесь текли широкой полноводной рекой) и должно было переливаться и звенеть при движении. Сразу же за диадемой она увидела город, сделанный

из карена — светящегося сплава с планеты Лидис, секрет которого был давно утерян.

Город был выполнен в мельчайших деталях, даже с людьми, каждый из которых был не больше мизинца Дзианты. Девушка восторгалась мастерством художника, сумевшего не только нарядить этих крошечных человечков в самую разнообразную одежду, но и придать каждому собственное выражение лица.

Она могла бы смотреть до бесконечности на все это великолепие, но вовсе не для того она пришла сюда. Бесшумно затворив за собой дверь, девушка выскользнула на улицу и смешалась с толпой.

Хотя жители Тикила поднимались довольно-таки поздно, и основная волна покупателей еще не нахлынула, здесь было достаточно любопытствующих, которые обходили лавку за лавкой, начиная от магазина Кафера и далее вниз — по всей Руби Лэйн.

Она шла по улице, держа в руках нехитрую упряжь своего маленького помощника, который удобно устроился на ее плече. Любознательность этого странного существа поистине не имела границ: Харат беспрерывно вертел головой во все стороны, стараясь увидеть сразу все. Дзианта не отвлекала его от этого занятия, даже не пыталась общаться с ним при помощи обмена мыслями — на время она словно забыла о нем. Главное сейчас — ничем не обнаружить своего нетерпения. И она принауждала себя не торопиться, останавливаясь то тут, то там.

Но, дойдя до конца улицы, она не могла уже сдержаться и быстро зашагала по аллее роскошного сада, ведущей к дому, где находились апартаменты Юкундуса. Теперь оставалось лишь отыскать укромный уголок, свободный от посетителей. К несчастью, она была не единственной, кто зашел сюда в поисках тени и отдыха — все скамьи были заняты. И чем ближе подходила она к своей цели, тем более многолюдным становился сад. Отчаяние охватило девушку, и ей понадобилось много сил, чтобы восстановить контроль над собой. Нет, она не откажется от своего плана так быстро — где-нибудь да найдется свободное место!

Ее возбуждение передалось Харату: переминаясь с ноги на ногу, он с неудовольствием защебетал что-то. Острые коготки, проникая через одежду, впивались в тело девушки.

Вот и конец аллеи. Дзианта огляделась по сторонам. То, что она увидела, казалось, было послано ей самой судьбой: едва приметная тропинка узкой лентой вилась между двумя рядами пальм. Девушка, не раздумывая, свернула на нее. В глубокой тени, под густым навесом из листьев и веток стояла скамья —

единственная еще незанятая в этом саду. Причина этому была очевидна: солнечные лучи, с трудом пробивавшиеся сквозь густую крону деревьев, так и не смогли высушить деревянную поверхность, и скамья вся была покрыта каплями росы. Это маленькое неудобство не смутило Дзианту, не поколебало ее решимости выполнить свое намерение. Вздохнув, она подняла подол широкой юбки с разрезами и, стиснув зубы, резко опустилась на мокрое сиденье. Холод моментально проник сквозь тонкое белье.

Сжавшись в комок, она мгновение сидела неподвижно, затем сняла Харата с плеча и усадила его на колени, лицом к себе. Их взгляды встретились, и сразу же Дзианта ощутила поток связи. Да, его не нужно уговаривать, он хочет помочь ей.

Наконец-то она могла снять запреты со своей энергии, которую с трудом сдерживала с самого утра. Импульсы внизу спины медленно нарастали, поднимаясь по позвоночнику вверх: к плечам, шее, голове. Частота пульсаций росла, пока не достигла привычного ритма. И, как всегда в таких случаях, когда ей нужно было вызвать дополнительный прилив энергии, она вдруг вся превратилась в одно сплошное внимание. Как это происходило — даже самому Огану было не вполне ясно.

Время пришло, пора было действовать!

Оторвав взгляд от глаз Харата, Дзианта мысленно представила себе обстановку комнаты, в которой побывала прошлой ночью, и тот предмет, что с той поры стал ее наваждением. И вот у нее появилось ощущение, что она уже не живет в своем теле, а парит над столом, и удерживает ее в таком положении лишь страстное желание заполучить лежащий на этом столе невзрачный комок.

Сложенная из мельчайших кусочков памяти мысленная картина усилием воли девушки стала удивительно реальной. Теперь пора! Напрягая все силы и способности, она направила их на удовлетворение навязчивого желания. Внезапно она ощутила новый импульс энергии — это помогал Харат. “Ко мне!” — мысленно приказала она объекту своего вожделения, будто существу, привыкшему повиноваться, и, словно выловленный реальной силой, форму которой приняло ее повеление, желанный предмет оказался у нее в руках.

Напряжение ее энергетического поля достигло предела, она старалась удержать его на этом уровне как можно дольше, но пришло время, когда силы, несмотря на поддержку Харата, стали покидать ее, — и вот по жилам пробежала боль, и, слабая и опустошенная, она снова оказалась в своем теле, на мокрой от росы скамье.

Может, потому, что прежде Дзианте не приходилось испы-

тивать предела своих сил, ее состояние испугало ее: руки от прикосновения к чему-то инородному дрожали, координация движений была полностью нарушена, изо рта по подбородку текли слюни, в глазах все ходило кругами — кусты, деревья...

Харат щебетал и прижимался к ней. Во всем его поведении ощущался страх. Бедняжка! Если все это так подействовало на нее, то что же должен был испытывать он? Впервые за весь день она подумала о чем-то другом, вырвавшись из тисков владевшей ею со вчерашнего вечера навязчивой идеи. Она хотела приласкать его, но руки не слушались.

Но... беспокоило что-то еще. Прижавшись к Дзианте, Харат словно говорил: посмотри на землю. Она кое-как потянулась рукой, чтобы поднять то, на что он указывал, и это оказался... тот самый комок! Итак, ей это удалось! Перемещение состоялось! А ведь ее психокинетические способности не оценивались так уж высоко. И все же с помощью Харата удалось это сделать!

Девушка настолько ослабла, что ей с трудом удавалось связать одну мысль с другой. Ну хорошо: то, что ей было так нужно, лежало теперь у нее на коленях. Но что дальше? Об этом она не думала: как бегуну после изнурительной гонки требуется только одно — глоток воздуха, так и телу ее требовался отдых — и позаботиться об этом сейчас было ее первой обязанностью.

Медленно, очень медленно силы возвращались к ней. В этом укромном уголке, в тени деревьев ей трудно было сказать, сколько прошло времени: может считанные секунды, а может, а может целые часы, — ибо в том состоянии, в каком она только что пребывала, время течет совсем по-другому. Умиrotворенная прохладой скамьи, девушка погрузилась в полудрему. Чтобы выйти на солнце, к теплу, ей еще не хватало сил.

Она очнулась и взглянула на тускло-коричневый комочек у себя на коленях, сначала с безразличием, но по мере того, как она продолжала смотреть, безразличие сменилось странным возбуждением, тем самым, что она уже испытала при первом знакомстве, и оно росло.

Он действует на меня! — снова мелькнула мысль. Стоило потратить столько труда, чтобы заполучить эту... эту... Но что же все-таки это такое?

Теперь, когда необходимая ей как воздух, вещь из апартаментов Юкундуса перекочевала к ней в руки, Дзианта не спешила разгадывать ее тайну: зачем рисковать, она еще слишком слаба, а для этого, возможно, потребуются все ее силы.

Наверное, не следует прикасаться к нему голой рукой, подумала Дзианта и с трудом (руки все еще не слушались) отстегнула пояс, открыла кошелек и, обернув пальцы краем юбки, осторожно опустила туда таинственный предмет. Будет заметно выпирать, но ничего лучшего не придумаешь.

Хотелось есть, пить. Девушка вспомнила, что в одной из аллей она видела небольшую закусную. С Харатом, вцепившимся ей в платье, она с трудом распрямилась и медленно, борясь с головокружением, зашагала прочь. Солнце встретило ее лавиной тепла, изгоняя из тела озноб. Харат снова уселся к ней на плечо. Казалось, тяжелое испытание отразилось на нем гораздо меньше, чем на Дзианте. Какую чудовищную энергию генерирует этот малыш, удивлялась она.

В закусной Дзианта уселась в ближайшее кресло, и сразу же перед ней появилась панель-меню. Нажав соответствующие кнопки, она тут же получила блюда и напитки, нужные ей для восстановления сил. Пережевывая витаминизированный бисквит, девушка не забывала и Харата: макала кусочки в соусе и давала ему. Первый шок прошел, а после теплого, густого, сладкого сока заметно ослабла боль в руках и ногах, исчезли последние остатки озноба.

И вот, избавившись от усталости, она ощутила новый прилив сил. Я сделала это, думала она, раньше и не пыталась, за исключением нескольких лабораторных опытов, а теперь сделала. Да и опыты показывали, что мои способности в телепортации слабы и что не имеет смысла тратить время на интенсивные тренировки. Конечно, в этом не только моя заслуга, но я ведь сама все задумала и спланировала — и вот полный успех! Как хочется расстегнуть кошелек и осмотреть...

Но здравый смысл восторжествовал и не дал ей сделать эту глупость.

У Харата была собственная система защиты. Она не зависела от обычных пяти органов чувств, а определялась каким-то шестым, а то и седьмым (кто его знает?), но реакция на любую опасность у него была изумительной.

Внезапно он замер, и его тревога и нетерпение, не мысленно — физически, передались Дзианте: голова медленно повернулась чуть ли не на 180°, когти напряглись и сквозь одежду вцепились в тело девушки, которая едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Она выпрямилась, держа обеими руками чашку у рта, но не поднося к губам: ей нужно было собрать всю свою энергию и послать ее в мысленный поиск, ведь Харат сообщал ей о какой-то весьма серьезной опасности.

Однако она ничего не смогла обнаружить: было истрачено

чересчур много сил, отчего теперь мысленный поток ее сузился и поиски были напрасны.

Радости Дзианты пришел конец.

Неужели это Оган? — подумала девушка. Вполне вероятно, что он проследил за ней в городе. Может даже, все это его рук дело: заподозрил вчера, что она что-то скрыла и все подстроил так, чтобы выведать ее тайну. Уж больно просто — даже подозрительно — выбрались они с Харатом из виллы.

Она была уверена: стоит ей только повернуть голову, как она тут же увидит Огана. Бежать было бесполезно — он мгновенно остановит ее с помощью одного из своих приборов, которые так хорошо ей знакомы.

Харат зашевелился и стал слезать с ее плеча, цепляясь когтями за платье и балансируя двумя верхними щупальцами. Соскочив на стол и вытянув одно из щупалец, он погрузил его в чашку с соком, затем, поднеся к клюву, стал слизывать сладкие капли. Это была всего лишь игра, наподобие той, в которой она прошлым вечером изображала Деву Пхоль, — и разыгрывал он из себя этакое беззаботное существо, у которого на уме только еда.

Дзианта пыталась понять: о чем же он хочет сказать, явно не желая при этом прибегнуть к простому способу передачи мысли.

Вот он лизнул — проглотил, снова лизнул — проглотил, не поворачивая головы, стал слизывать остатки сока с груди, поводя клювом вверх и вниз — то медленно, то быстро.

Дзианта затаила дыхание: наверняка Харат передает ей кодированную информацию. Она прихлебнула из чашки, постукивая пальцами по ее краю в том же ритме, в каком Харат совершал свои манипуляции.

Она поняла: это предупреждение о том, что где-то рядом присутствует сенситив — человек, восприимчивый к волнам психической энергии. Это не Оган — Харату не было смысла предупреждать о нем, ведь для него Дзианта и Оган — союзники. Это кто-то чужой.

Возможно, этот сенситив всего-навсего делал патрульный обход, оценивая уровень психической энергии, тогда как его товарищи по патрулю осуществляют контроль физическими методами. Они, вероятно, проводят инспекцию района, где может быть сконцентрирована деятельность организации.

Дзианта понимала: какой глупостью с ее стороны было гордиться своим успехом, это может ей дорого обойтись, ведь она излучала энергию, которую мог бы зафиксировать находящийся поблизости сенситив, а это сразу привело бы к рассле-

дованию... Вот почему Харат пользовался кодированным сообщением.

Но теперь, отказавшись от мысли излучения, они будут в безопасности — относительной, конечно: ведь по одному только подозрению патруль не может никого подвергнуть физической проверке.

Пальцы Дзианты потянулись к чашке, Харат почесался в голове — они поняли друг друга.

Теперь девушка думала только о бегстве, она чувствовала себя намного лучше, но беспокоило тело: можно ли ему довериться в таком состоянии? Стоит патрульному сенситиву заметить малейшее пошатывание, и он заподозрит в ней человека, растратившего энергию, задержит для психической обработки, и тогда...

Нет-нет, она не должна позволять себе думать об этом. Нужно собраться с силами и идти к месту посадки флиттера — да так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений.

Пора было уходить из кафе. Это место наверняка под наблюдением. Дзианта достала платежную карточку Язы и опустила ее в щель на панели автомата. Как только она поднялась из-за столика, Харат вскарабкался ей на плечо. Ноги, кажется, держат; можно не бояться, что сделаешь шаг и свалишься. Еда пошла на пользу.

Харат прикрыл глаза. Если бы не когти, впившиеся в плечо девушки, можно было бы подумать, что он спит. Он затворил свой мозг — то же самое сделала и она. Но глаза ей были нужны — чтобы идти.

Внезапно Харат просигналил: "Охотник!" В поле зрения было с десяток людей. Интересно, кто этот преследователь: мужчина или женщина? Было там несколько обычных посетителей — по крайней мере, они никуда на спешили — и трое мужчин в одежде торговцев. Займись она чтением мыслей, враг был бы тут же найден, но это грозило бы разоблачением и ей самой. Лучшее, что оставалось сделать — это запомнить лица посетителей кафе, что бы впоследствии быть твердо уверенной, что никто из них не идет за ней по пятам на виллу.

ГЛАВА 3

Дзианта поднималась в лифте на стоянку флиттеров. Ее так и подмывало оглянуться и посмотреть, не следят ли за ней. Но годы тренировки не прошли даром — и ее поведение говорило о том, что ее ничего не интересует. Но труднее всего потом, в ожидании самоуправяемого флиттера, который она вызвала

нажатием кнопки; в эти последние секунды поневоле охватывал страх: а вдруг сейчас, в последний момент, когда возможность скрыться так близка, ее схватят?

Вот и машина. Открылась дверь кабины, и Дзианта вошла в нее, может, чуть поспешнее, чем этого требовала осторожность. Рука сразу же потянулась к кодовому ключу и задавала пункт назначения. И только теперь она рискнула бросить взгляд на платформу: никаких признаков преследования. Впрочем, это еще ничего не доказывало.

Минутой позже она уже приземлилась на огромном, запруженном народом главном рынке, совсем рядом с космопортом. Здесь купцы торговали товаром, купленным у космополитов, которым законом разрешались небольшие торговые сделки, хотя, случалось, они промышляли и контрабандой.

Здесь, в таком важном месте, у Организации было много контактов в стратегически выгодных точках, и защитные поля надежно охраняли их от любого сенситива. Дзианта наконец-то могла расслабиться и даже развлечься, насколько позволяло содержимое ее кошелька. С контактного пункта Организации она могла заказать транспорт на виллу, чтобы ускользнуть от патруля, если таковой все еще у нее на хвосте. К такому пункту и вело ее сейчас покалывание на запястье левой руки.

Близились сумерки. Защелкал клювом Харат, предупреждая о чем-то. Пушок на его спине стал дыбом. Не нравился ему холод приближающейся ночи.

На одной из лавок светящиеся буквы образовали имя КАНИГ, и Дзианта повернула туда, следуя руководящему покалыванию.

Встретил ее серокожий, как и все сальярианцы, человек, но лишенный кошачьих признаков своей расы. Видно, кровь его предков смешалась с кровью гуманоидов. Подняв руку, словно поправляя булавку в прическе, Дзианта показала ему braslet на запястье руки.

— Девушка! — тонко и пронзительно заговорил он, и казалось, что этот голос выходит не из горла, а неведомо откуда. — Взгляните, здесь ароматы сотен звезд, огненное дыхание Андроса, алмазная пыль Алабана.

— А есть ли у вас Серповидная лилия десятого дня цветения?

На лице его оставалось вежливое выражение торговца, проявляющего интерес к покупателю.

— Эта редчайшая жидкость готова оросить ваши руки, но не здесь, как вы понимаете. Такая нежная вещь портится на открытом воздухе. — Он хлопнул в ладоши, и тут же, словно

из-под земли, появился мальчуган. — Отведи девушку к Ларосу, — Каниг щелкнул пальцами.

Дзианта кивнула в знак благодарности и поспешила за мальчиком, который ловко и проворно повел ее сквозь шумную толпу. Наконец, они пришли к пыльной площадке, на которой парковались флиттеры.

— Четвертый?

Провожатый подтвердил информацию, указав грязным пальцем на флиттер. Затем быстро осмотрелся.

— Пора!

Она пробежала открытое пространство и села в кабину.

За панелью управления сидел салярианец. Он окинул ее пристальным взглядом, чтобы убедиться, что она не шпионка. В кабине стоял тонкий аромат Серповидной лилии — сушеные лепестки десятого дня цветения могли сохранять его годами. Любимый аромат Язы. Он пропитывал все, что имело к ней отношение.

Впервые после того, как Харат предупредил об опасности, девушка рискнула прибегнуть к мыслеобмену для общения со своим мохнатым другом.

— Мы свободны?

— Теперь да.

В этом коротком ответе звучало раздражение. Как ни странно, он больше ничего не добавил, но Дзианта не настаивала. Теперь, когда она была в безопасности, ее стало угнетать какое-то чувство вины — ведь она везла с собой вещь, бросить которую не имела права.

Теперь все зависело от того, думала девушка, что она значит для Юкундуса: если не больше, чем остальные безделушки на том столе, то он, может, и не заметит ее отсутствия. Ведь имей эта штука хоть какую-то ценность, не стояла бы она вот так, на виду, а была бы спрятана в сейфе.

Дзианта все время держала руку на выпуклости кошелька. Ей ужасно хотелось осмотреть этот странный предмет, но было страшно — хотя желание проникнуть в тайну было, пожалуй, сильнее страха. А может, риск — то тут не так уж и велик — не больше, чем при похищении? — думала она.

У нее было твердое намерение хранить все это в тайне. Но Харат — он сообщит Огану, это уж точно. Ведь все его поведение не обусловлено человеческими мотивами, он запрограммирован на работу определенной последовательностью импульсов, что означает...

Харат недовольно щелкал клювом, избегая мысленного общения. После приземления в парке виллы она опустила его на землю, и он исчез из виду с такой быстротой, какую трудно

было в нем заподозрить. “Это предупреждение”, — решила Дзианта и поспешила к себе в комнату. “Только там я смогу что-то сделать со своим приобретением — и при этом не потерять ни минуты”.

И вот на постели, зарывшись в подушки, она, наконец, достала желанный комочек — на этот раз без всяких предосторожностей — зажала в ладонях и поднесла ко лбу, будто боялась, что ворвутся Оган с Язой и отнимут ее сокровище... И вздрогнула, скорчившись от резкой боли. Вот он, ответ на ее любопытство — неожиданный и мощный, как удар в лицо.

Она еще не могла разобраться во всем комплексе ощущений, которые обрушились на нее так внезапно. И самым худшим из них был леденящий душу страх, подобный которому она еще не испытывала. Она даже не знала, вскрикнула ли она при этом, — вполне возможно.

И вот могучая волна, так внезапно накрывшая ее, отхлынула. Ошеломленная, смотрела Дзианта на руки, лежащие на коленях, взгляд ее отсутствовал. Мелькнула мысль: где комочек?

Он лежал между подушек. Девушка отшатнулась от него, словно от врага, готового напасть. Сможет ли она заставить себя снова прикоснуться к нему? Страх уже начал проходить. Может, со временем к ней вернется то чудное волнение, которое толкнуло ее на отчаянный поступок.

Дзианта с трудом поднялась и потащила в душевую, чувствуя настоятельную необходимость в очистительном действии воды, тепле, жизни. Ей нужно было убедиться в том... что она Дзианта, а не...

— Не... кто? — при этом громком восклицании Дзианта схватилась за голову.

Сбросив на ходу одежду, она встала под влажный пар, такой горячий, насколько было терпимо. Тепло ринулось во все поры, постепенно проникая туда, где таились остатки холода. Затем, закутавшись в просторный халат, она неохотно вернулась в комнату.

Как мне поступить с этим предметом, думала она, может, завернуть во что-нибудь и закопать в саду? К нему все еще тянуло, помимо воли, но теперь она была настороже и трогать его опасалась. Встав перед ним на колени, девушка принялась изучать его с особой внимательностью, которой ей не хватало раньше.

Поверхность его ~~очень~~ груба, но сомнений нет — это не просто какой-то необработанный кусок камня или известняка. Скорее, это примитивное изображение какой-то фигуры, настолько грубое, что невозможно сказать, человек это или жи-

вотное. Вот четыре конечности, но головы нет — если у него вообще должна быть голова.

Почему-то она решила, что эта фигура и была задумана такой, какой была сейчас, и так давно, что невозможно даже представить себе ее возраст или эпоху, когда она была сделана. Между Дзиантой и этой вещицей лежала бездна веков.

Это и явилось причиной просто ошеломляющего потока впечатлений, нахлынувшего на девушку во время “считывания” вещицы: дело в том, что чем дольше предмет пребывает в сфере эмоционального воздействия, тем больше впечатлений он может воспринять и сохранить. При “считывании” это выливается в хаотическую смесь изображений, и Дзианта знала, что потребуется много сеансов “считывания”, много скрупулезных исследований, прежде чем удастся распутать хоть малую толику того, что скопилось в этой гротескной фигурке.

Давно уже не секрет, что любой предмет — будь то просто камень или изделие, — который подвергается эмоциональной обработке, способен воспринимать и хранить информацию.

Вначале этим занимались сенситивы, самоучки, обладающие определенными способностями, которые они открыли в себе случайно, но затем постарались развить. Большинству нормальных людей, не обладавших таким даром, их талант казался чем-то непонятным и зловещим, порождением черной магии. Впрочем, и самим носителям его было непонятно, откуда берутся эти силы, как ими управлять и где лучше использовать.

И вот одни эксперименты давали неоспоримые результаты, подтвержденные свидетелями, другие терпели неудачу. Поэтому, частенько те, кто не мог сразу подтвердить свою репутацию “мага”, с отчаяния прибегали к обману и шарлатанству, отчего недоверие к сенситивам росло. Но всегда было определенное число чистых экспериментов, результаты которых не вызывали сомнений.

Дело сдвинулось с мертвой точки только тогда, когда люди перестали иронизировать или побаиваться. Передача мыслей стала таким же обычным делом, как и речь, как и все другие, ранее “необъяснимые” явления, которые многими поколениями отвергались как ненаучные.

И когда народ Дзианты — первая раса, не мутировавшая и не изменявшаяся под влиянием чужих, не сходных с ее миром планет, — вышел в космос, то убедился, что Вселенная населена множеством разумных существ, для которых все эти способности неотделимы от нормального образа жизни: Выверны с Варлока, Тэсса с Ектора... Дзианта знала все эти расы — это входило в ее обучение. Она изучала все вновь открываемые

миры, чтобы почерпнуть что-нибудь новое, расширить свои знания, И все, что не запрещалось, она впитывала под строгим надзором Огана, с тем, чтобы обрести новые силы. Но эта... древняя...

Сколько же ей веков? — Дзианта была настолько поглощена своими мыслями, что сначала даже не сообразила, что вопрос исходит не от нее самой. Она оглянулась.

В дверях стояла Яза. Чудесный запах лилий постепенно наполнял комнату. У ног ее, почесываясь, с возбужденным видом суетился Харат, издавая клювом скрипящие звуки.

— Ну да, я спрашиваю... — голос Язы шипел больше обычного, и Дзианте стало ясно, что та переполнена гневом. — Сколько же ей веков и что это за вещь?

— Эта? — Дзианта указала на фигурку. Солярианка подошла с мягкой грацией хищника и стала рядом со скорчившейся на коленях девушкой.

— Почему ты занимаешься тем, что запрещено? Почему, я тебя спрашиваю? — в глаза Дзианты безжалостно смотрели ее янтарно-красные глаза. Яза была гуманоидом, но Дзианте, в этом долгом немигающем взгляде не удалось разглядеть присущих человеку эмоций.

Девушка облизнула пересохшие губы. Сегодня она уже столько раз подвергалась опасности, что теперь почти онемела. Язу в таком состоянии она очень боялась, и теперь надо было говорить только правду или что-то похожее на нее.

— Я...

— У тебя что — на это был приказ?

— Я... когда я была у Юкундуса, эта вещь как-то странно притягивала меня... это трудно было забыть... Поэтому я решила... ну, приобрести ее...

— Возможно, она права. — Оган появился так же тихо и неожиданно, как и Яза. — Мощный импульс притяжения — такое иногда случается, когда сенситив работает почти на пределе своих возможностей. — Он тоже встал над Дзиантой. — Скажи-ка мне, детка, когда ты впервые почувствовала ее действие — до или после “считывания”?

— Это было после, когда я стала уходить из комнаты. Ощущение было очень сильным — раньше я такого не испытывала... как вызов.

— Да, возможно, — кивнул он. — Ты излучала очень сильные колебания, и они вызвали резонанс у этого предмета, а тот, в свою очередь, тоже послал излучение — оно-то так и действовало на тебя. Где он стоял? В сейфе?

— Нет. На столе, среди безделушек.

Рука Огана легла на голову Дзианты. Ей захотелось сбро-

сить ее, хотя в ее прикосновении не было ничего угрожающего. Но эта легкая десница в любой момент могла превратиться в камень. У Огана были свои методы отсеивания правды от лжи, но сейчас девушка нуждалась в нем как в защите от гнева Язы.

— Значит, это так захватило тебя, что ты решила похитить этот предмет с помощью телекинеза? — голос его был ласково вкрадчив.

— Я не могла приобрести его иначе.

— Из всего этого следует, что ты способна развить в себе силы, которыми мы прежде не пользовались.

— Мне помогал Харат.

Яза, как ее дикие предки, готова была броситься на Дзианту с когтями, но сдерживалась и хлестала девушку словами:

— Она взяла с собой Харата и вместе с ним втянула нас в эту пакость.

Харат свирепо защелкал клювом, как бы соглашаясь с брошенными обвинениями.

— Теперь, небось, во всем Тикиле сенситивы подняты на ноги. Как по-твоему, скоро ли Юкундус хватится этой вещи?

К удивлению Дзианты Оган засмеялся. Под его постоянной невозмутимостью таилось возбуждение — она это чувствовала.

— Ну-ка, подумай сама, Госпожа, сколько комнат в апартаментах, которые Юкундус выбрал для своей резиденции. две, три, а может, и четыре сотни. Если Юкундус так мало ценит эту вещь, что оставляет ее в открытом месте, то вряд ли он скоро обнаружит ее отсутствие. Конечно, патрульные сенситивы могли засечь ее и проследить за ней, но точно узнать что к чему им не по зубам без сканнера под рукой.

Итак, Харат был прав, прекратив мысленную связь с Дзиантой, когда обнаружил шпионов. Теперь сенситивы знают лишь, что в парке кто-то излучал невероятно большое количество энергии, но...

Оган снова взглянул на Дзианту.

— Вы сумели скрыться, но это вовсе не говорит о том, что вы, то есть ты, Дзианта, проявила ум и сообразительность.

Ей ничего не оставалось, как согласиться.

— Да, это заслуга Харата.

— Вот именно, Харата. И сейчас он скажет нам, что это такое.

— Но я.... — Дзианта протестующе подняла руку.

— В этом деле ты нам не подмога — по крайней мере, сейчас. Разве ты не устала?

Он говорил с ней терпеливо, как с ребенком. Таким тоном он улещал ее, когда она была маленькой и непослушной.

— Харат, — ровно и холодно проговорил он.

Дзианте хотелось закрыть фигурку рукавом, спрятать ото всех — так сильно было ее желание обладать ею. Но “прочесть” ее она была не в силах — неудавшийся эксперимент показал это. А ей так хотелось знать, что это за вещь, откуда она здесь взялась и почему имеет на нее такое влияние.

Казалось, Харату польстило то, что ему приказали дотронуться до предмета. И все же он ухватился за юбку Язы, отвернул голову в сторону и стал выбивать клювом какую-то чечетку в знак протеста.

Сложив свои стройные ноги, Яза грациозно опустилась на пол рядом с ним. Она быстро пробежала пальцами по голове маленького союзника, успокаивающе что-то промурлыкала и, не прибегая к мыслеобмену, как-то по-своему установила с ним контакт, лаской и лестью возвращая ему хорошее настроение.

Наконец, он выбил клювом последнюю барабанную дробь, отпустил юбку и зашагал по подушкам с чрезвычайной осторожностью, будто ожидая, что за любым прикосновением, даже мысленным, может последовать взрыв. Шерсть его вздыбилась. Из кармана появилось щупальце и осторожно, самым кончиком, притронулось к предмету.

Дзианта предусмотрительно приоткрыла собственный канал связи, готовясь принимать считываемую информацию.

— Самых ранних не надо, — предупредил Оган. — Дай нам только последние записи.

Дзианта ощутила страдания Харата.

— Все вместе, много... — протестовал Харат.

— Только последние записи, — настаивал Оган.

— Спрятано, глубоко спрятано. Черная смерть.

Короткие и отрывистые мысли Харата были похожи на выкрики. Он отдернул от фигурки щупальце, словно та обожгла его.

— Как это досталось Юкундусу? — спрашивала Яза. — Малыш, храбрый малыш, ты же можешь это увидеть — сделай это ради нас. Ну, что это за штука такая?

— Место, старое место, где лежит смерть. Там, давным-давно холодно, много времени прошло с тех пор, как там были солнце и свет. Смерть и холод. Вокруг много вещей, все сразу. Великий Лорд там. Нет, не вижу, — он снова отдернул щупальце, спрятал его в карман, но не отвернулся. — Это то, что вы называете “предвестниками”. Очень странный. И он один из двух.

Дальше — шипение без слов.

Слегка раздвинув губы, с огоньком алчности в глазах, Яза явно торжествовала.

— Отлично, малыш. — Она протянула руку, чтобы приласкать Харата, но он увернулся и, проковыляв по подушкам, встал рядом с Дзиантой.

Он послал ясный для всех мысленный сигнал:

— Не знаю, каким образом, но Дзианта — часть этого. Только она может найти место, откуда взялась эта вещь, — если это возможно. Мрак, и холод, и смерть. — Харат вперился в девушку немигающими глазами. Дрожь пробрала ее — такая же, как после акта телекинеза. Но она знала: то, что он сказал, — правда. Каким-то непостижимым образом — особенностями ли темперамента, игрой ли случая, — но она оказалась в плену у этой уродливой фигурки без всякой надежды на освобождение.

— Гробница предвестника! — воскликнула Яза, держа один из ароматных мешочков у носа и стараясь освежиться с помощью запаха сушеных лепестков лилии. — Мы должны узнать, Оган, как этот предмет попал к Юкундусу.

— Либо он его купил, Госпожа, либо привез с собой... — ответил Оган, тоже явно возбужденный.

— Ну, так в чем же дело? Разве есть что-то такое, чего мы не можем выяснить? Разве у нас не больше глаз и ушей, чем звезд на небе?

— Если это куплено им, Госпожа, то скорее всего уже украденное из гробницы, — предположила Дзианта.

Яза недоверчиво посмотрела на девушку.

— Ты так думаешь? Неужели эту неизвестную диковинку могут купить в порту, даже не поинтересовавшись ее происхождением? Она совсем не красива, и только возраст и связь с предвестниками придают ей ценность. Юкундус проводит различные исторические исследования — вот и держит эту вещь у себя: ему, видимо, нужно изучить ее прошлое. Спрячем-ка ее в надежном месте, пока...

Яза попыталась было взять вещицу в руки, но пальцы ее беспомощно повисли в воздухе, так и не дотронувшись до нее.

— Почему это, Оган?

Оган быстро обошел гору подушек и принялся внимательно изучать таинственный предмет. После этого он взял Язу за руку.

— Психокинетическая энергия. Чрезвычайно высокий уровень. Никогда раньше такого не видывал. Эта штука, Госпожа, может служить фокусирующим устройством при парапсихологических опытах. В ней скопились все силы, которые воздейст-

вовали на нее во время телекинеза. Если ее разряжать... — к ней опасно прикасаться. Если же... — он повернулся к Дзианте. — Возьми его! Ты слышишь?

Приказ привел ее в движение прежде, чем она сообразила, что делает. Рука без труда коснулась уродливой формы фигурки, ощутила ее тепло. А может, это только мне кажется — подумала она — может, это всего лишь игра воображения? Но было ясно, что для Дзианты не существовало того барьера, который не позволил Язе дотронуться до предмета.

— Психическое сродство, — задумчиво произнес Оган. — Пока он совсем не разрядится — если это возможно, разумеется — только эта девушка может касаться его.

— Но разве ты не можешь его нейтрализовать? Ведь у тебя столько аппаратуры! Иначе грош ей цена.

— Об этом мы можем судить только теоретически, но на сотнях планет столетиями не находили ни одного предмета, которому поклонялась бы чужая раса, и, следовательно, опыта такого изучения нет. Старинный предмет искусства или культа — артефакт — который был предметом поклонения какого-либо народа, во время церемонии буквально наполнялся энергией, заряжался, становился, как говорили древние, богоподобным. В древности были боги, короли, королевы, которых обожали, которым поклонялись их подданные — и при этом вливали в них энергию, столько энергии, что это позволяло им творить чудеса, совершать подвиги, давало им право называться всемогущими.

— И ты считаешь, что это и есть такая богоподобная вещь? — с тенью недоверия спросила сальерианка.

— Нет сомнения. Эта вещь содержит такое количество психической энергии, которое намного превышает обычный уровень. И подвергать ее каким-то исследованиям — большой риск, ибо можно разрушить все, что хранится в ней веками. Мы с тобой получили уникальный шанс, которого могли бы не иметь всю свою жизнь.

Возможно, эта фраза вызвала у Язы удовлетворение.

— И ты думаешь, что можешь воспользоваться им с помощью нашей малышки? — Взгляд ее, брошенный при этом на Дзианту, говорил одновременно о прощении и предостережении.

— Обещать ничего не могу, Госпожа, но с помощью этого ключа старые двери, я думаю, откроются. Для начала узнаем историю того, как этот предмет попал к Юкундусу. В том, что ему известна его ценность, я сомневаюсь. Он не любит сенситивов: обычно люди, имеющие тайны, не любят людей, читающих их мысли. Думаю, пока эта фигурка была у него,

никто из тех, кто мог бы ее оценить, не видел ее. Хотя, возможно, ее способности разбудил телекинез. Только Дзианта могла распознать силу ее притяжения, когда проходила мимо. Просто совпадение счастливых случайностей: во-первых, когда она впервые увидела ее, она была возбуждена, а во-вторых, что-то довело ее до такого состояния, что она решила заполучить ее даже ценой нарушения запрета на телекинез. Два побочных фактора одновременно действовали и на этот предмет, и на Дзианту. И вот он здесь, и мы можем им воспользоваться.

— Ну, а теперь, девушка, — обратилась Яза к Дзианте, — ты попытаешься “прочитать” его.

— Я не могу! — вскрикнула Дзианта. — Я пыталась, но не смогла. Это было ужасно!

Яза засмеялась.

— Это чтобы ты не совалась, милая, куда тебя не просят. Ты будешь делать только то, что скажет Оган, или же закроешь свой мозг на замок.

Яза говорила легко и просто, но при этом Дзианта не сомневалась в ее искренности: то, что она обещает — не пустая угроза. Чудное воздействие на нее артефакта ничуть не уменьшилось, хотя за первую попытку проникнуть в его тайну ей здорово досталось. Больше ей делать этого не хотелось — по крайней мере, сейчас.

— Он будет под твоей охраной, милая, — проговорила Яза, поднимаясь. — Или же под своей собственной, если не изменится его состояние, которое известно Огану. Мы же тем временем попытаемся узнать, откуда он попал к Юкундусу.

ГЛАВА 4

Предупреждать ее было необязательно. Дзианта и так поняла, что обрекла себя на заключение в этом доме и что Яза поставила на ноги огромную армию шпионов. Девушка предполагала, что артефакт и ее внезапно пробудившиеся способности к психикинезу сильно интересуют Огана. Она со страхом ожидала тяжелых испытаний и тестов в лаборатории. И не получив никаких вызовов, она сначала вздохнула с облегчением, а потом почувствовала себя уязвленной. Может, заряженный артефакт не подходит для его исследований. А может, Оган готовит какие-то особо суровые тесты?

Какова бы ни была причина ее полузаточения, но по мере прохождения часов, затем дней ее беспокойство росло. Даже всевозможные развлекательные фильмы, трехмерные передачи из

Тикила, которыми она заполняла время ожидания, больше не способны были удерживать на себе ее внимание.

Еще два дня — и она уже не могла сосредоточиться ни на чем. Утром третьего дня она сидела в круглом кресле у окна и смотрела в сад, похожий на джунгли и тщательно сохраняемый в таком виде в соответствии со вкусом Язы.

Предвестники... Существовало много различных цивилизаций, народов. Даже закатане, эти развившиеся в результате эволюции из рептилий долгожители Вселенной, выбравшие основным занятием жизни историю и археологию, не могли бы перечислить их всех.

Когда народ Дзианты вышел во Вселенную, одни покинули родную планету, скрываясь от войн, другие — в поисках приключений и более обеспеченной жизни. Волны эмиграции и переселения хлынули с планеты, затерявшейся на самом краю Галактики, планеты, которая называлась Земля. Некоторые из переселенцев нашли новые миры, которые воздействовали на вновь прибывших и последующие поколения. Новые светила, новые химические элементы в воздухе, пище, воде — все это содействовало мутации человека.

Были когда-то нормальные земляне, но Дзианте за всю жизнь, пожалуй, и не привелось встретить такого, кого можно было бы назвать землянином. Были среди их потомков и гиганты, и карлики. Цвет кожи, наличие густой шевелюры или полное отсутствие волос, число пальцев, острота зрения, слуха и других органов чувств — все эти характеристики могли варьироваться в широком диапазоне среди многочисленных потомков землян. Чтобы понять это, достаточно было посетить Дипил, где собрались и осели выходцы цивилизаций сотен планет. А можно было просто прогуляться по улицам Тикила, чтобы убедиться в бесконечном разнообразии талантов природы. И если земляне во время вторжения в большой мир изменялись, то те ранние расы и народы, которых онит называли “предшественниками”, в свое время тоже подвергались тем же изменениям. Но после себя на своем пути они оставляли загадочные следы. Когда в результате их прохождения возникали титанические конфликты, после них находили сожженные до тла миры — ужасные памятники необузданной ярости.

Однако были и другие планеты, где посетители к своему удивлению обнаруживали развалины гробниц, какие-то устройства, которые, несмотря на свой почтенный возраст — может, миллионы лет — все еще действовали.

Каждая такая находка вносила новый вклад в копилку еще не разгаданных тайн. Те, кто изучал их, могли даже по небольшим осколкам воссоздать единую картину объекта и

с уверенностью утверждать, что он принадлежит одной цивилизации, одному народу. Легенды, терпеливо собираемые на всех планетах закатанами, хранили наименование — но чего? Расы? Правителя? Тут не было никакой уверенности. Так, украшенный колоннами город на Арчоне-4 и два порта в Мотчкаре и Ботане назывались Зааты и имели одинаковые резные украшения. Еще жила надежда, что отыщется какой-нибудь склад лент с записями, которые прольют свет на эти таинственные совпадения. А два года назад был обнаружен мир — вершина развития одной из цивилизаций — который представлял собой один огромный сплошной город на блуждающей в космосе звезде. Сейчас его изучали.

Дзианта провела рукой по лбу. Она всегда интересовалась предвестниками, но теперь...

Она взглянула на ящичек, лежащий на столике. Когда Яза оставляла артефакт под охраной Дзианты, она вынула его из ящичка, обернула шарфом и снова положила на место, после чего уже ни разу не взглянула на него, как и Дзианта; впрочем, не думать о нем девушка не могла.

Ключом к той планете-городу было кольцо со странно уродливым драгоценным камнем. Сколько раз по стереовизору рассказывали о его исследовании! А ее находка? Не есть ли она еще один ключ к двери тайн? К какой и где?

В Корваре имелась собственная древняя тайна — Руххарв. Это были катакомбы подземных коридоров с множеством замаскированных ловушек. Никто не знал, что за народ выкопал этот подземный город-муравейник, а может, это была крепость, или жилище, или промежуточная станция на пути каких-то неизвестных, чуждых обитателей потустороннего мира.

Дзианта медленно поднялась, двигаясь помимо воли, притягиваемая таинственной силой, исходящей от похищенного ею предмета. Она достала его из ящика и поместила под яркий луч бьющего в окно солнца, как бы ожидая, что естественный свет обезоружит его и тем самым разорвет связывающие их невидимые узы. Дзианта развернула сладки шарфа, скрывавшего предмет, шарф упал на пол, полностью обнажив фигурку.

Она была безобразна — будто ребенок пытался слепить что-то из глины — очень примитивна, никакого намека на сильно развитую, достигшую звезд цивилизацию.

Дзианта осторожно протянула руку, дотронулась. На этот раз она не ощутила ответного импульса. Это доказывало справедливость теории Огана о том, что артефакт был заряжен благодаря телекинезу. Почувствовав себя более уверенной, девушка принялась ощупывать фигурку, особенно верхнюю ее

часть, где надлежало быть голове. Хотя на вид поверхность ее была грубой, шероховатой, однако на ощупь она оказалась гладкой. Только что это за странное покалывание в пальцах?

Вдруг Дзианта, сама не зная, почему, сжала фигурку крепче и правой рукой стала поворачивать верхнюю ее часть. Она просто чувствовала, что должна это сделать. Обманчиво густая оболочка пришла в движение, и верхняя половина сместилась по отношению к нижней, но фигурка не сломалась — она открылась, явив внутреннюю полость наподобие тайника. Тончайшая, сверкающая серебром нить, уложенная в виде гнезда, видимо предназначалась для того, чтобы предохранять содержимое тайника.

Дзианта поставила фигурку на подоконник. Ей хватило благоразумия не касаться нити голыми руками. Взяв со стола длинную ложку, острым концом ее она начала осторожно проделывать в гнездышке отверстие, и когда ей это удалось, лучи солнца проникли в тьму тайника и коснулись того, что лежало внутри. И там зажегся зелено-голубой огонек.

Это был овальный камень непонятного цвета. Размером он был примерно с полногтя, круглый, неграненый. Чувствуя, что входит в транс, Дзианта поспешно отвела взгляд.

Кристалломания являлась одним из древнейших способов пробуждать ясновидение. Когда сенситив фокусировал внимание на шаре из светлого и чистого камня, энергия его высвобождалась.

Так вот что ей попало в руки! Магический кристалл! Им долго пользовались для высвобождения энергии, а такие вещи, как говорил Оган, накапливают в себе психический заряд.

Дзианта постаралась как можно быстрее вернуть фигурке прежнюю форму. Затем она внимательно осмотрела ее поверхность. Не было ни малейшего намека на то, что ее можно открыть. Со вздохом облегчения девушка снова завернула фигурку в шарф и положила в ящик. И только заперев его, она позволила себе расслабиться.

Если Оган использует кристалл по назначению, что откроется ей? Смерть и мрак? Видеть это у нее не было никакого желания, поэтому и сообщать о своем открытии Язе и Огану она не намеревалась: они ведь заставят ее смотреть в камень, заставят — в этом она не сомневалась, а ей не... Она еще успеет заэкранить свой мозг, а если Оган что-нибудь заподозрит, ей удастся сохранить тайну. Во всяком случае, чем дольше будет длиться расследование за стенами виллы, тем лучше для нее.

Но рано утром из комнаты Язы поступил вызов. Дзианта прошла сквозь облако ароматного пара и увидела Язу в обществе мужчины, в котором она узнала одного из координаторов

Организации. Он холодно осмотрел девушку, словно она была чем-то вроде инструмента, орудия, эффективность которого он оценивал взглядом эксперта. Яза не выказывала внешних признаков беспокойства, хотя члены Организации высшего ранга всегда были опасны для тех, кто стремился сравняться с ними в положении. Все продвижения по служебной лестнице осуществлялись с помощью убийств. Любого, кого могли признать ненадежным, или того, кто стоял на пути рвущегося к власти члена Организации, ожидало физическое уничтожение.

Когда проверку проводит координатор, всегда жди каких-нибудь неприятностей. Если Язу и беспокоил этот визит, то внешне на ней это никак не отразилось, и никакой детектор не смог бы прочесть ее мысли, когда она надевала свою кошачью личину. Она смотрела на Дзианту ленивым немигающим взглядом. Харат, смежив глаза, сидел у нее на коленях. Увидев его, девушка мгновенно поняла, что он предупреждает ее. В этом доме она жила достаточно долго, чтобы знать, что любое отклонение от заведенного в нем обычая означает боевой сигнал тревоги, призывающий быть настороже.

Дело в том, что Яза вовсе не была так спокойна, как казалось, да и Харат не был в доме на положении комнатного животного. Он получил приказ улавливать любую утечку мыслей их посетителя. Значит, Яза не хотела давать информацию координатору, и Дзианте следовало следить за собой, чтобы не сказать лишнего. А так как главной их заботой был артефакт, о нем-то и следовало молчать.

За считанные секунды она успела оценить ситуацию и наметить линию поведения. Яза махнула ей рукой.

— Это сенситив Макри. — Затем она обратилась к посетителю: — Ты ведь хотел видеть ее? Вот она.

Это был крупный мужчина, когда-то мускулистый и импозантный, а теперь располневший, даже чересчур. На нем была униформа космopilота с капитанскими нашивками в виде крыльев. Форма была ему явно мала. На подбородке курчавилась небольшая подстриженная борода, остальная часть лица была гладко выбрита, как и голова, на которую была наложена тонкая серебристая сетка с очень мелкими завитками. На темно-красном лице глубоко сидели глаза. Они были жесткие и своим блеском невольно напоминали Дзианте блеск серебряного гнезда, в котором прятался тот таинственный камень. Воспоминания об этом она тут же поспешила зарыть поглубже.

Гость хмыкнул и стал задавать короткие, отрывистые вопросы обо всем, что касалось ее визита в апартаменты Юкундуса. Он, конечно, не поинтересовался содержимым лент, так как Оган уже стер с ее памяти всю информацию, но проследил

шаг за шагом весь полет с той минуты, когда она открыла дверь до возвращения на виллу. Помня молчаливое предупреждение Язы, девушка ни словом не обмолвилась об артефакте и о его похищении посредством телекинеза. Но когда допрос закончился, по лицу Язы невозможно было понять, все ли она отвечала как надо.

Макри снова хмыкнул. Яза, которая сидела как обычно, свернувшись клубочком, изменила положение тела.

— Видишь ли, Оган все тщательно проверил сканнером. Все произошло точно так, как мы тебе докладывали. Ни малейшего намека на то, что похищение обнаружено.

— Похоже, так. Но в городе паника, большая паника! И все это как-то связано с Юкундусом. Хотя вряд ли он знает о том, что считали его микрзаписи — ничто не дает повода предположить это. По городу шныряют сенситивы и что-то вынюхивают. — Он снова посмотрел на Дзианту взглядом оценщика инструмента. — А эту... вы держите под колпаком?

— Можешь проверить, — Яза зевнула с безразличием. — Она все время оставалась здесь. Наши детекторы зондирования мыслей ничего не зарегистрировали. Неужели ты думаешь, что приборы Огана могли что-то упустить?

— Оган! — Он произнес это имя так, будто не видел никакой разницы между парапсихологом и Дзиантой. — Ну и что? Все равно тебе нельзя оставлять ее здесь. По крайней мере, сейчас. Пока с нашими планами в отношении Юкундуса все обстоит благополучно, но если что-то их нарушит... Все-таки вышли ее отсюда.

— Еще не время, — Яза снова зевнула. — У меня есть хороший предлог: нужно посетить торговую точку на Рометке, и она поедет вместе со мной.

— Согласен. Мы предупредим, когда можно будет вернуться. — После этих слов он вышел из комнаты.

Дзианта чувствовала, что грубость Макри была умышленной. И посмотрев на Язу, она увидела, что это именно так. Кошачье лицо солярианки было непроницаемым для глаз человека. Выдавали ее только прижатые к зубам губы: из-под них виднелись острые смертоносные клыки — главное оружие ее предков.

— Макри, — задумчиво произнесла Яза. Голос ее был так же пуст и безразличен, как и лицо. — Он с таким видом исполнял свой долг, будто видел летящие звезды. Но он сослужил нам хорошую службу — дал повод, чтобы покинуть Корвар без лишних вопросов со стороны пославших его боссов. Он даже не подозревает, что фактически был моим слугой в большей мере, чем господином.

— Ты что-нибудь узнала? — спросила Дзианта.

— Конечно, милая, — промурлыкала Яза. — Когда Яза говорит глазам, чтобы они смотрели, ушам — чтобы они слушали, носу — чтобы нюхал, они повинуются. Нам известно основное направление, откуда появилась кукла Юкундуса. А теперь мы отправляемся на поиски тех, кто ее сделал, выясним, что у них за миссия и узнаем то, что неизвестно или давно забыто. Мы отправляемся на Вэйстар.

Вэйстар! Дзианта слышала об этой планете не раз за свою короткую жизнь. Большинство звездных скитальцев считали ее легендой, но она существовала; и Организация знала об этом, хотя мало кто из ее членов представлял себе, где она находится.

Планета была полезной Организации во многих отношениях, хотя была собственностью кого-то из высших ее членов, как и ряд других тайных баз. Еще задолго до того, как земляне проложили свои звездные трассы, Вэйстар существовал как порт преступников, место встречи космических пиратов — тогда еще было пиратство. Теперь же там сходились грабители, которые нападали на заселенные планеты, и люди Организации, которые скупали награбленное после этих нападений, а иногда и сами похищали корабли грабителей для собственных нужд.

Судя по рассказам, планета когда-то была космической станцией. Другие планеты той системы, в которой она вращалась, от старости давно превратилась в пепел. Этот пепел вращался по орбите вокруг почти уже угаснувшего карликового солнца, мерцающего предсмертным красным светом.

Те, кто пользовался Вэйстаром, не могли даже предположительно сказать, каков возраст этой древней старушки. У планеты была такая же темная репутация, как у Рукхарва: отправиться на Вэйстар было сродни спуску в недра Рукхарва — последствия могли быть самыми скверными.

— А этот Макри, если мы отправимся на Вэйстар... — начала Дзианта. Ей было известно, что хотя Организация там не правила, авторитет ее был достаточно высок — настолько, что Язу там могли признать правителем. А когда член высшего ранга теряет власть, то вместе с ним конец и всем его людям, если только им не поможет счастливый случай или если их не связывают тайные узы с теми, кто подготовил это падение.

Яза погладила пушистую голову Харата и издала звук, сходный с теми, что выделял клювом Харат.

— Что Макри? Макри — один из тех, кто бежит с донесениями. Разве не так, малыш?

Ответ Харата не оставлял сомнений:

— Он пытался как-то досадить тебе, но не нашел, чем это сделать. Он уверен, что через его экран проникнуть в его мысли невозможно.

В его ответе было столько презрения, что удивленная Дзианта решилась задать вопрос.

Харат повернул к ней голову под таким углом, что в это трудно было поверить, и смотрел на нее большими немигающими глазами.

Харат может читать мысли?

Он снова презрительно щелкнул клювом.

Дзианта не понимала, каким образом ему удалось проникнуть через охранные барьеры, воздвигнутые средствами Организации. Она была так убеждена в могуществе их приборов! Однако Харат не был “нормальным” в обыденном понимании и, вполне возможно, их экраны не представляли для него особых затруднений. Значит, Харат при Язе был и охраной и “переводчиком”: он сообщал солярианке каждую мысль, которая приходила в голову Макри — и Дзианты тоже.

Камень! Нет, об этом думать нельзя. Но ведь самое опасное, когда из головы нельзя извлечь ничего, что можно было бы прочесть. Это вызывает подозрение. Думать о чем-то нужно. Вэйстар! Надо думать о Вэйстаре.

Яза снова промурлыкала:

— Харатик хорошо все прочел. — Это было теплое, ласковое одобрение без всяких комментариев. — А на Вэйстаре есть такие, перед кем он, при всей своей амбиции, будет униженно пресмыкаться, будто и мужества, и способностей у него меньше, чем у них.

— Что же, стоит тогда отправиться на Вэйстар за такой поддержкой, — выдавила из себя Дзианта.

— Никогда не следует говорить то, что само собою разумеется, милая, — сухо проговорила Яза. — Однако лениться и бездельничать нам не придется. Все уже было спланировано еще до того, как сюда прибыл Макри и обеспечил нам легальный предлог для отлета. Но путешествие будет не из приятных. Поэтому придется лететь в герметической кабине, в состоянии сна.

Дзианте очень хотелось отказаться, но это было исключено. Шансов у нее не было. Придется лететь усыпленной, как летали экипажи первых кораблей — в замороженном сне, не зная, проснутся ли вновь. Наверняка, столь древний и примитивный способ полета выбран в целях сохранения его тайны.

Времени на обдумывание ситуации не оставалось, ибо флиттер Язы уже доставил их в порт, где их провели на борт лайнера, совершающего рейсы во внутреннем мире. Но здесь

они задержались ненадолго. В каюте, якобы предназначенной для них, Яза вынула из своего дорожного баула два плаща с капюшонами. В этих плащах, создающих обманчивое впечатление о тех, кто в них идет, они проделали извилистый путь по пустынным коридорам на нижнюю палубу и под покровом сумерек и маскирующей одежды спустились в грузовом лифте на землю.

Несмотря на плащ, Дзианта, поспешая за Язой вдоль причала, очень боялась, что их заметят. Вскоре они уже были в том конце порта, где приземлялось всего лишь несколько кораблей, зарезервированных Вольными Купцами. Яза без всяких колебаний, как бы твердо зная, что ей надо, схватила Дзианту за руку, принуждая идти быстрее, и потащила к транспортному кораблю, название и эмблема которого были изображены так неясно, что в слабом свете девушка не могла ничего разобрать. Трап был спущен, но никто его не охранял. Так, не встретив ни одного человека, они поднялись на корабль, и Дзианта решила, что команде не было разрешено видеть пассажиров. На палубе третьего уровня их ждала открытая дверь, через которую они вошли в комнату. Яза быстро затворила за ними дверь.

— Милые дамы, приятного путешествия.

Прислонившись к стене, стоял Оган. Он странно выглядел здесь в своей грубой одежде рабочего, охранявшего два длинных узких ящика. Увидев их, Дзианта не смогла сдержать пробежавшей по всему телу дрожи: она хорошо представляла себе, какое тяжелое испытание их ждет. Хоть люди давно научились преодолевать большие космические пространства, от случайностей никто не был гарантирован. Она, как и все обитатели Дипила, попала на Корвар, перелетев со своей объятый пламенем войны планеты, но уже успела забыть, что такое межпланетное путешествие.

— Пока все идет нормально.

Яза сложила их плащи так, что получились подушки, которые она уложила в ящики.

— Дзианта, артефакт положи сюда.

Девушке пришлось передать ей ящичек, который она, крепко прижимая к себе, пронесла через весь порт.

Яза подержала его в руках. Если она и хотела убедиться, что фигурка на месте, то виду не подала. С чрезвычайной осторожностью она положила ящичек возле одной из подушек.

Оган улыбнулся.

— Очень благоразумно, Госпожа. Конечно, если есть какая-то связь между трансом и сном, то, должно быть, это и поможет. Теперь, Дзианта, фигурка с тобой. Если она ответит

на какие-то вопросы, пока ты будешь спать, ты, как проснешься, нам расскажешь.

Дзианта отшатнулась. Спать, когда смерть и мрак совсем рядом, они таятся вокруг этого предмета. Оган не знает, что предлагает ей. Хотя нет, знает, но ему наплевать. Теперь она была убеждена, что они работают не на Организацию: Яза и Оган задумали что-то свое. И в таком случае она им нужна лишь постольку, поскольку в ней есть польза. Она вышла за пределы того круга, где ей гарантировалась безопасность — пусть в определенных пределах, а теперь — ни вернуться назад, ни убежать.

— Ну, смелей! — Оган протянул руку. — Не будь глупышкой. Тебя ведь раньше гипнотизировали — и ничего. Лучше подумай, сколько интересного ты нам потом расскажешь!

В этой тесноте ей было не увернуться. Он схватил ее за руку так сильно, что она даже вскрикнула от боли, и прижал инъектор чуть выше ее локтя. Затем, все еще не ослабляя хватки, опустил ее в ящик. Она безвольно подчинялась — и вот ее голова коснулась свернутой из плаща подушки. Ей было мягко и удобно, но мысль о предстоящих испытаниях мешала ей приятно расслабиться. Рядом, возле головы, лежал ящичек с артефактом, и она не смела взглянуть в ту сторону.

— Ну, теперь ты видишь, как все просто? Не больно и не страшно. Смотри сюда, Дзианта, смотри так же, как ты это делала раньше...

Он все повторял и повторял эти слова монотонным голосом, а она все смотрела, как он вертит между пальцами блестящий шарик, и у нее не было ни сил, ни воли, чтобы сопротивляться. Слова провалились куда-то в пустоту и она уснула.

ГЛАВА 5

Дзианте пришлось целиком сосредоточиться на том, чтобы не растянуться на причале. Над головой (если в космосе слова “над” и “под” вообще имеют какой-то смысл) висело нечто огромное, гнетуще тяжелое.

До этого она очень долго спала, а затем проснулась, чтобы пересесть на другой корабль, который перенес их на наружное кольцо через защитный барьер, окружающий Вэйстар. Этот барьер был первой линией обороны планеты. Он состоял из множества старых обломков — как если бы специально для этой цели разрушили гигантский флот Звездной конфедерации, а обломки свезли сюда, чтобы из них смонтировать над станцией защитную оболочку.

За этой массой искореженного металла лежало свободное пространство, куда можно было попасть по туннелю между обломками. Центром всего была станция — несомненно, творение высокоразвитой цивилизации. По обеим сторонам ее располагались причалы, и поверхность между ними была вся изрыта вмятинами и пестрела многочисленными заплатами. Стоя на причале и глядя, как над головой вращаются огромные куски металла, Дзианта не могла отделаться от гнетущего ощущения, будто она стоит под молотом, который вот-вот расплющит ее в лепешку. Не помогала даже мысль о том, что хрупкая станция находится в таком состоянии давным-давно и у ее обитателей уже сменилось не одно поколение.

Но вот Яза ввела ее внутрь — и она сразу забыла о вращающейся массе металла. К ее удивлению, внутри станции ощущалась небольшая сила тяжести, но за счет чего она создавалась, было неясно.

Центром станции служил огромный зал, окруженный балконами, галереями, коридорами. Населяли станцию не только гуманоиды. Изредка тут и там пробегали маленькие существа самые разнообразные по форме: таких Дзианте не приходилось встречать даже на Корваре, служащем перекрестком многих межзвездных трасс. Сила тяжести была очень мала, поэтому повсюду на стенах торчали поручни, а для подъема и спуска между площадками разных уровней были протянуты изогнутые брусья, также с небольшими поручнями. Очевидно, Яза ориентировалась здесь прекрасно — она уверенно вела Дзианту на одну из верхних площадок.

Повсюду на стенах виднелись остатки росписи, когда-то украшавшей стены. Ее создали те, кто построил станцию задолго до того, как народ Дзианты вышел в космос. Но теперь рисунки были до того стары, что немного можно было еще разобрать: геометрические углы, окружности — вот и все, что осталось от старых мастеров.

Они подошли к двери, охраняемой человеком в костюме космонавта: зачехленный лазер на бедре, рука на рукоятке. Увидев Язу, он отступил и дал им войти.

Вся комната за дверью была завалена вещами и заставлена мебелью. Чтобы в ней освоиться, требовалось как следует присмотреться. Мебель явно подбиралась без всякой мысли о гармонии. Все, что загромождало комнату, наверняка было свезено сюда с полусотни разграбленных кораблей. Были тут вещи для гуманоидов, были и для иных форм жизни. Объединяло всю эту разностильную мебель только одно — роскошь украшений. Впрочем, это уже было где-то в прошлом. Теперь же, если и

было что-то общее между всеми этими предметами, так это только вьевшаяся в них грязь, их поношенный и поломанный вид.

Посреди этого склада краденого, развалившись в кресле, сидел, а скорее лежал человек, с которым Яза решила проконсультроваться относительно артефакта. Завидев их, он щелкнул пальцами зеленокожему виверну, который тут же бросился и приволок им стулья. Сидящий же в кресле не приподнялся, чтобы приветствовать визитеров, он только сделал Язе небрежный приветственный жест рукой.

Саларианка, которая на Корваре пользовалась значительным уважением — и не только благодаря своему полу и высокому положению в Организации, — очевидно, не придавала значения формальностям, а если и была уязвлена таким приветствием, то виду не показала.

Их консультант, как и его комната, представлял собой смесь великолепия и неряшливости. В отличие от многих других существ, повстречавшихся им на станции, он был похож на чистокровного землянина, хоть и в одежде варваров. Как и у главарей наемников далекого прошлого, на голове у него была оставлена только короткая поросль жестких черных волос, схваченных обручем из металла цвета зеленого золота. На лоб с обруча свисал прекрасный камень коро. Кожа у землянина была коричневой, как и у всех, летающих в космосе. Специально прорезанные шрамы, идущие от уголков глаз вокруг рта к подбородку, призваны были придать его лицу ужасающе жестокое выражение. Оно казалось маской, высеченной из живой плоти. На нем были брюки из серебристо-белого меха, сверху — туника Патрульного Адмирала, темно-серебристая, украшенная каменными звездами и позументами, с обрезанными рукавами. На голых руках чуть выше локтей красовались браслеты: один с зелеными рубинами, другой — с зелено-голубыми камнями.

На коленях у него лежал поднос, но вместо блюд на нем помещалось нечто удивительно прекрасное, совершенно не подходящее к этой варварски безвкусной обстановке. Это был миниатюрный сад с деревьями, кустами и озерком, по которому, направляясь к острову, плыла миниатюрная лодочка. Взгляд Дзианты проследовал за этим чудом, пока виверн переносил его на стол.

Человек заговорил на базике — универсальном языке космоса. Речь его была вполне интеллигентна и совсем не соответствовала его пиратскому виду.

— Это мой сад, милые дамы. Самое лучшее, что можно сделать на Вэйстаре, где ничего не растет. Он пахнет деревья-

ми, водой озера, и если держать его с закрытыми глазами, то можно вообразить себе, что находишься в настоящем саду.

Яза поднесла к носу один из своих ароматизированных мешочков с живительным препаратом, она нуждалась в стимуляторе.

Человек улыбнулся, длинные шрамы задвигались, и лицо его стало столь же “привлекательным”, как гримаса ночного демона.

— Ничего не поделаешь, милая леди, на Вэйстаре много ароматов, но нет таких, которым отдаете предпочтение вы. Но давайте ближе к делу, не то, пока мы до него доберемся, у вас кончатся запасы стимулятора. Ведь это сушеные лепестки лилии, не так ли? Так вот, ваше сообщение получено. Возможно, я помогу вам, а возможно, и нет. Тут требуется достичь договоренности, ведь в деле могут встретиться всевозможные трудности. — Он опять улыбнулся, и Яза ответила ему улыбкой, полной безжалостной прямоты.

— По правде говоря, как же может быть иначе? Я готова, Оранг, все обсудить.

В наступившей темноте глаза их встретились. Дзианта знала, что любой сделке предшествует свирепая борьба. Но эти двое нуждались друг в друге и интересы их совпадали. Саларианка ничего не сказала об истинной цели их прибытия на Вэйстар, лишь упомянула о том, что разрешить загадку появления артефакта у Юкундуса сможет только тот, с кем они встретятся здесь.

— Мы на компьютерах рассчитали координаты, которые вы нам дали. — Возможно, ему льстило то, что Яза нуждалась в его содействии. — С помощью сенситива можно определить место на карте. Что будем делать?

— Можно попробовать...

Дзианта стиснула в руках ящичек с артефактом. Она знала, что именно хочет сказать Яза, но не верила в свои силы. Ведь она не обучалась этому искусству. Вдруг у нее ничего не выйдет? А может, у Оранга есть сенситив, которому это дело по плечу? Но тогда содержимое ящичка придется передать ему в руки, а пойти на это Яза могла только в случае крайней необходимости. Техника такого поиска была известна уже много веков и о ней знали все сенситивы. Но не все могли провести поиск успешно. Дзианта знала, что обычно его проводят по картам планет, а возможен ли он по звездным картам? Она надеялась, что Яза не так уж и рассчитывает на этот поиск, и если у нее сорвется, то этот человек не получит особо больших преимуществ.

— Нам нужно немного отдохнуть, — предложила Яза. В

голосе ее звучали нотки самоуверенности, а это доказывало, что и здесь, на Вэйстаре, она чувствует себя высокопоставленной особой, о благополучии и удобствах которой должны заботиться окружающие.

— Желание ваше — это мое желание, — в этом официальном ответе звучала насмешка. — Офани покажет вам вашу комнату. Она, конечно не идет ни в какое сравнение с вашими апартаментами на Корваре, но это лучшее, что у нас есть. Когда будете готовы, начнем работать.

Виверн провел их по коридору в комнату, также обставленную награбленным. Когда он вышел, Яза быстро повернулась к Дзианте.

— Отдохни получше, милая. Теперь все зависит от тебя. — Пока она говорила, ее рука выписывала сложную фигуру у боковой стенки шкафа. Дзианта прочла сигналы: прощупывающие лучи! Понятно, что в таком месте, как это, подозреваются все. Возможно даже, следует опасаться и зондирования мозга. Тут наверняка все начинено детекторами.

— Сделаю, что могу, Госпожа.

К своему удивлению, Дзианта уютно устроилась в гамаке, хотя внешний вид его обещал мало удобства. Яза подошла к автомату для получения еды и, прочтя список блюд, нажала соответствующие кнопки, фыркнув при этом:

— Не густо, и все синтетика. Ну, ладно, для поддержания сил сойдет. Все же немногим лучше, чем К-рацион. — Кажется, она высказывает сомнения специально для тех, кто, возможно, подслушивает.

Дзианта взяла тюбик с концентратом, выбранный Язой. Она знала, что содержимое его очень питательно, только вкус оставлял желать лучшего.

Девушка лежала в гамаке, сосредоточившись на предстоящем испытании, желая, чтобы оно началось поскорее: ей хотелось знать, чем все это кончится. Приказано было отдыхать и нужно было подчиняться. Она закрыла глаза, очищая мозг, концентрируя психическую энергию, как вдруг ощутила странное беспокойство, исходящее откуда-то у нее изнутри. Слегка встревожившись, она сосредоточилась на той области мозга, где ощутила слабое прикосновение. Ощущение возникло и пропадало, как еле заметный толчок. Она была уверена, что родилось это не в глубинах ее сознания. Ее сканировали! Прикосновения были едва заметны. Может, ее исследуют сенсоры Огана? Нет, здесь что-то не так: это не просто попытка прощупать, оценить силы. Это...

В полнейшем смятении она сняла защиту. Что это? Мысленное зондирование? Вряд ли — мощность не та. Скорее всего,

это просто сеть, заброшенная на Вэйстар или какую-то его часть с целью установить, есть ли на станции сенситивы?

Дзианта попыталась рассуждать логично. Оранг наверняка знает, кто она такая и каковы ее возможности. Яза этого не скрывала от него. Значит, это конкурент, желающий что-то выведать, может даже, представитель Организации. Но кто бы он ни был, это, несомненно, враг. Язе говорить не стоит — слишком мало данных. Молчать, пока не будет твердого убеждения, что ее зондируют. И не ослаблять защиту.

Девушка все еще была настороже, когда они вернулись в комнату Оранга. Здесь произошли изменения. Кое-что из мебели исчезло, чтобы освободить место для стола с разложенной на нем звездной картой. Дзианта не была астронавтом и для нее эта карта мало что значила, но это было неважно: ее задача — получить в нужном месте на карте сообщение от артефакта.

Дзианта сосредоточилась на фигурке, которую она достала из ящичка и теперь крепко сжимала в руках над картой, медленно двигаясь с ней от левого края стола к правому. Она прошла уже почти три четверти карты, как вдруг ощутила какую-то перемену: казалось, фигурка внезапно напряглась. И сразу же в голове возникла картина, четкая, ясная и одновременно такая живая и реальная, словно стоило протянуть руку — и коснешься этих камней, этих ветвей, раскачиваемых ветром...

— Камни... — она говорила, не слыша звука собственного голоса, не зная, что говорит вслух, — деревья, дорога. Она ведет в ... Нет!

Должно быть, она попыталась отшвырнуть фигурку, но та будто приросла к ней. Девушка никак не могла освободиться от охватившего ее ужаса, словно вокруг не было ничего, кроме всплывшего в ее сознании мира. Ей показалось, что она закричала о помощи. Но вот, наконец, облако страха рассеялось, оставив ее всхлипывающей, потрясенной до глубины души. Она упала бы на пол, если бы Яза не поддержала ее.

— Смерть во мраке, в гробнице Турана.

Кто такой Туран? Она не могла вспомнить, да этого и не нужно было делать. Оранг склонился над столом, быстро делая пометки на карте. Фигурка уже отпустила ее. Дзианта ее отбросила и та покатилась по карте, но Оранг подхватил вещь, не дав ей упасть на пол.

— Значит, гробница, как ты и предполагала, — обратился он к Язе. — И, вероятно, неразграбленная. Во всяком случае, о ней в наших записях нет ничего. Это хороший признак. Ну-ка, девушка, рассказывай, что там еще. Фигурка была у тебя. Уверен, что ты узнала гораздо больше.

Дзианта еще не пришла в себя и говорить ей было трудно. Она только покачала головой и еле пролепетала:

— Там ждет смерть.

— В гробницах всегда ждет смерть, — попыталась успокоить ее Яза. — Но все, что там было страшного, давно прошло. Это настоящий Предвестник.

— Нельзя утверждать, что время унесло с собой все опасности, — вмешался Оранг. — И хотя сокровища там наверняка неоценимы, опасность тоже велика. Могут быть ловушки. Там можно найти огромное богатство, а можно и погибнуть в хитроумной западне.

— А разве ты не играешь со смертью каждый день? — засмеялась Яза. — Я сюда явилась не для того, чтобы выслушивать предупреждение об опасности, да и ты сидишь здесь не для этого, Оранг, хотя, может быть, время отразилось и на тебе и ты стал осторожным и пугливым. Вспомни о Шлане, императоре, который похоронен со всеми своими огромными богатствами. И это только одна из находок. А Зар, а Кафар, а Сад Арзора, а целая планета Дамбит? Нужно ли мне еще перечислять? Теперь у тебя есть шанс пошарить в том уголке солнечной системы, где еще никто не бывал.

Оранг взглянул на карту.

— Пока не бывал. А может, Юкундус...

— Он там не был, — перебила его Яза. — Мы это знаем. Но это всего лишь вопрос времени. Ему нужно только психометрическое считывание... — она снова засмеялась. — Однако, если он еще этого не сделал, то теперь уже не сможет.

Оранг повернулся к Дзианте.

— Послушай, этот Туран, о котором ты говорила, кто он?

В памяти ее ничего не сохранилось.

— Это имя, больше ничего.

Взгляд его оставался прежним, но она почему-то была уверена, что он ей не поверил. Что теперь будет? Он подвергнет ее проверке сканнером? На нее напал страх. Но Оранг ничего не сказал, только перевел взгляд на фигурку, задумчиво погладил ее пальцами. Дзианта вся напряглась: а вдруг он почувствует щель? Сможет ли он ее открыть? Вместо этого Оранг вернул ей Артефакт, путив его вскользь по столу.

— Держи его у себя. Мне говорили, что мощь таких штук-вин увеличивается, если они находятся в руках сенситива. Нам еще понадобятся твои указания. — Затем он обратился к Язе: — Ну что ж, лучше всего воспользоваться кораблем. Юбан на орбите. Он только что совершил неудачный полет на Фернис и теперь дожидается моих распоряжений. Корабль класса Д. Трудное предстоит путешествие, милые дамы.

— Ничего, глубокий сон облегчит наши муки, — заверил его Яза. — Нам пассажирская кабина ни к чему, у нас с собой спальные с времяпрерывателем.

— Очень предусмотрительно, — в его зловещей улыбке обнажились два клыкообразных зуба, совсем как у Язы. — Глубокий сон и отключить время. Я тоже воспользуюсь этим. Однако Юбан — мой человек.

Последние слова прозвучали предупреждением, которое Яза восприняла как хорошую шутку. Дзианта была уверена, что сальерианка не доверяет Орангу, — просто ей ничего не остается, как принять его предложение.

А где же Оган? С тех пор, как после первого пробуждения они пересели на корабль, доставивший их на Вэйстар, он был как бы отстранен от участия во всем этом предприятии. Но так ли это на самом деле? Дзианте что-то не верилось.

Пребывать на Вэйстаре им оставалось недолго, и все это короткое время женщины провели в комнате. Еще дважды у Дзианты появлялось ощущение, что ее сканируют. Сначала это ее встревожило, но затем пробудило любопытство. Это не чисто механическая проверка, прикосновение к мозгу проводится живым существом. Но кто же он? Оган? Нет, длина волны другая. Кто-то пытается обыскать мой мозг, решила она, в своих собственных целях...

Затем они переправились на корабль Юбана, и Дзианта снова устроилась рядом с артефактом, теперь уже не страшном для нее.

Когда они поднялись после сна, корабль был уже на орбите над планетой. Юбан позвал их в рубку, чтобы показать им на видеозкране поверхность планеты.

— Где будем садиться, леди? — спросил он.

Юбан был молод или старался казаться таким, чтобы не потерять должность командира корабля. На вид он не был неприятен, пока не бросал на вас взгляд, в котором пламенел опасный огонек. Возможно, он был жертвой мутаций или кровосмешения: на руках у него было по шесть пальцев, а вместо ушей — только отверстия. Хотя на нем был плащ, Дзианта заметила и другие дефекты его телосложения. Было ясно, что он крепко держит в руках свою пеструю команду. Было также очевидно, что жестокость и безжалостность грабителя каким-то образом уживаются в нем с интеллигентностью, правда, не той, что у землян, но все-таки довольно развитой.

Яза сжала руку Дзианты и спросила:

— Где? Ты можешь сориентироваться?

Так как Дзианта колебалась, не зная, что сказать, Юбан произнес какое-то неразборчивое ругательство и добавил:

— У нас ни времени, ни топлива, ни людей, чтобы обыскивать всю планету. И потом, искать надо не здесь. — Он что-то подкрутил в аппаратуре и изображение на экране стало резким. — Тут почти все сгорело.

Дзианте приходилось видеть снимки сгоревших планет, сгоревших в результате войн или естественных катастроф. Одни превратились в покрытые пеплом шары, другие еще сохраняли кое-какую растительность и иные формы жизни между вздыбленной землей и застывшей лавой. Теперь на экране она воочию увидела последствия аналогичной катастрофы, постигшей когда-то этот незнакомый мир. Трудно было сказать, была ли она вызвана людьми или грозные силы природы обрушились на планету.

Под ними проплывали остроконечные вершины складок земной коры, и только кое-где виднелись жалкие островки скудной растительности. Появилось море — наверное, до катастрофы оно было вдвое меньше.

И вдруг она увидела город, окруженный плодородными землями. Это был Сингакок. Она даже могла различить башни Бута, длинные улицы.

— Здесь! — прокричала она, но Сингакок сразу же исчез. Снова внизу были одни камни. Дзианте, склонив голову, задумалась. Сингакок, улицы — откуда она все это знает? Словно для нее этот город — знакомая действительность. Просто невероятно!

Юбан больше не обращал на нее внимания. Он обратился к астронавигатору:

— Засек?

— В пределах допустимой ошибки.

Ей нужно рассказать им об этом сверхестественном видении, предупредить, чтобы они здесь не приземлялись... Но тут же в Дзианте заговорило благоразумие. А может, она увидела то, что некогда тут существовало, благодаря артефакту? Остальные же ничего не видели. Значит, это место для начала осмотра ничем не хуже других. И все же она беспокоилась: Юбан быстро среагировал на ее возглас, но что будет, если она ошиблась?

Они стали снижаться. Посадка на такой местности требовала большой осторожности. Они не покидали своих мест, пока аппаратура производила исследование атмосферы и всей окружающей среды. Далее стало ясно, что можно обойтись без шлемов и дыхательных аппаратов, но уже наступил вечер и Яза с Юбаном решили, что с выходом надо повременить до утра. Юбан предоставил свою каюту женщинам, сам же устро-

ился в кабине управления. Оставшись с Язой наедине, Дзианта решила рассказать о своих опасениях.

— Здесь может не оказаться того, что нам нужно, — прошептала она.

— Почему же ты выбрала именно это место?

Дзианта стала рассказывать, как видела на экране изображение Сингакока — города, ныне не существующего.

— Сингакок..., Бут... — повторила Яза. — Слова совсем другого языка. Это не базик. Но вернемся к городу. Постарайся мысленно нарисовать его.

Деталь за деталью Дзианта начала вспоминать видение, мелькнувшее на экране, и чем больше старалась, тем плодотворнее было ее память.

— По-моему, у тебя было настоящее видение. Когда придет Оган, мы — если, конечно, не найдем других следов города — попробуем провести с тобой сеанс ясновидения.

— Когда придет Оган?

— Послушай, милая, неужели ты думаешь, что я могу слепо отказаться от такого союзника? Нам нужны были записи в компьютерах Оранга. Относительно некоторых районов они гораздо полнее, чем у кого-либо другого в Галактике. Ведь они бывали в таких местах, куда не проникал ни один человек. Но только идиот может решиться на союз с Вэйстаром! Оган найдет нас по нашим следам и приведет с собой преданных мне людей. Ты же должна тянуть время. Пусть они повозятся, отыскивая следы города, но не показывай им гробницы Турана — ни в коем случае!

Гробница Турана! Эти слова отозвались в ее мозгу, затронув что-то глубокое, — нет, не память, в памяти этого остаться не могло, а нечто такое, что наводило на нее сильный страх. Она насторожилась, почуяв опасность.

“Дзианта!”

От этого зова она очнулась. Это был не голос, а пробежавшая в мозгу волна, которая и разбудила ее, и теперь она лежала в темноте, молча, с открытыми глазами, и чутко прислушивалась.

“Дзианта!”

Значит ей это не приснилось. Оган? Она тут же приступила к мысленному поиску, не подумав о том, что у Юбана могут быть детекторы, способные зарегистрировать всплеск психической активности.

“Харат?”

Она узнала его при пересечении их психических полей и почувствовала замешательство. Харат должен был оставаться на Корваре, ведь Оган не брал его с собой. И никакие мыслен-

ные сношения между этой неизвестной ему планетой и Корваром невозможны.

“Что?” — У нее была куча вопросов, но все ее мысли заглушались мощной энергией, несущей мысли Харата.

“Думай обо мне! Нам нужно иметь точку опоры.”

Преданные союзники — это о них говорила Яза, что они найдут ее по следам. Дзианта послушно представила себе Харата и удерживала его мысленный образ изо всех сил, отбросив всякое любопытство перед необходимостью делать то, что нужно, для тех, кого ждет Яза. Вдруг совсем неожиданно, как хлопок в ладони, пришло новое сообщение:

“Все! Отлично!”

Их разделил экран Харата. Видимо, получив нужную информацию, Харат прекратил связь, и Дзианта знала, что без его желания возобновить ее невозможно.

В полутьме девушка видела свернувшуюся комочком Язу, слышала ее ровное дыхание. Следует ли ее разбудить и сказать, что Оган уже в пути? Но Харат — как он оказался поблизости? Нет, об этом не думать. Ей следует ждать, пока она не убедится окончательно.

Дважды этой ночью она посылала мысленные призывы, но если Харат и был в пределах досягаемости ее излучения, отвечать он не желал. И она смирилась.

ГЛАВА 6

Дзианта поднялась рано. Опасаясь детекторов, она решила обо всем рассказать Язе, когда они выйдут из корабля. Юбан тоже одевался, видимо, готовясь идти с ними. Девушка понимала, что нужна чрезвычайная осторожность, чтобы не вызвать в нем подозрение.

Капитан следил за ней, когда она прилаживала к поясу мешочек с едой и флягу с питьем. Чувствовалось, что он рад бы одеть на нее упряжь, концы которой были бы у него в руках. Она заметила, что он взял с собой стоннер, хотя ни ей, ни Язе оружие предложено не было.

Они вышли из корабля и остановились, рассматривая дикую, опустошенную местность. Ее прекрасный город! Как могла она вообще увидеть здесь город? Вся земля была испещрена глубокими впадинами. Жизнь на ней исчезла задолго до их прилета. Дзианта невольно потянулась к мешочку на груди, в котором находилась фигурка. Мешочек висел на шнуре у нее на шее. В этой дикой стране только фигурка могла бы вывести ее куда надо. Подошла Яза и тихо сказала:

— Сингакок. Так это и есть твой город?

Причина ее иронии была понятна: во всех этих нагромождениях диких камней ничто не наводило на мысль о разумной деятельности.

— Не знаю. — Дзианта огляделась по сторонам. Где же башня, длинные улицы и все остальное? А может, ее видение было всего лишь галлюцинацией?

— Куда нам идти? — Юбан и еще двое вооруженных людей были готовы отправиться в путь. — Я не вижу никаких признаков города. Вы что, издеваетесь над нами?

Яза повернулась к нему.

— Что ты знаешь, пилот, об искусстве сенситивов? Талант не поддается насилью. Оставь девушку в покое. Она сама знает, что делать. Придет время и она покажет, куда идти.

По его лицу промелькнула тень какого-то чувства, хотя глаза так и остались пустыми. Но Дзианта уловила в них нетерпение и недоверчивость. Они внушали ей страх. Она знала, что он не простит никакой фальши, если заметит ее. Сама она была не настолько умна, чтобы играть сложную роль, предложенную Язой. Конечно, если ей удастся обнаружить след, ведущий к цели, она сообщит об этом, но глаза эти ее пугают. По всей очевидности, в этой экспедиции ей отведена роль проводника. Ну что ж, пути к отступлению нет.

Она медленно спустилась по трапу и встала на камни. Затем порылась в мешочке на груди, развернула завернутую в нем фигурку и стиснула ее в руках, закрыв глаза. Ответ пришел мгновенно, как удар, сила которого едва не сбила ее с ног. Ей казалось, что она стоит на шумной площади в толпе людей, мимо проносятся какие-то странные машины. Вокруг ощущалась жизнь, улавливались чьи-то мысли, не понятные ей... И все это обрушилось с такой силой, что совсем оглушило ее.

— Дзианта!

Кто-то сжимал ей руку. Она открыла глаза. Это была Яза. Она вглядывалась в нее и поддерживала, чтобы не дать упасть.

— Город был именно здесь, — твердо сказала Дзианта.

— Отлично. — К ним подошел Юбан. — Только как мы его обследуем, если, конечно, не повернем время вспять? Ну ладно, ведь что-то от него должно остаться. Ты хоть можешь сказать, куда нам идти? — и в его голосе прозвучал презрительный вызов.

— Я попытаюсь, — тихо ответила она и высвободилась из рук Язы. Она присела на лежавший неподалеку плоский камень, склонилась над фигуркой и, преодолевая внутреннее

сопротивление, заставила себя приложить ее ко лбу. Результат не заставил себя ждать.

Она будто нырнула в поток лиц, голосов. Они кричали, шептали, становились громче, затихали. Там говорили, говорили на языках, которые она никогда не слышала, там смеялись, плакали, стонали. Она пыталась сосредоточиться на том, что ей было нужно.

“Сингакок! Туран!” Второе имя она произнесла так, будто это был якорь, брошенный ею в море окружающих ее лиц, голосов, в шум и гам исчезнувшего города.

— Туран, — произнесла она еще раз, ожидая ответа.

Лица отделились, образовав сначала две нечеткие полосы, которые затем растаяли одна за другой, крики затихли где-то вдали. Она увидела темную процессию. Это был Туран, и место ее было позади него, она должна была следовать за ним, бегство исключалось.

— Что она делает? — едва расслышала она слова, словно донесшиеся издали.

— Тихо! Она ищет, — послышался ответ. Этот разговор не имел отношения к Турану.

Тени становились плотнее, но ложились чуть впереди процессии. По обеим сторонам не было уже никого: остались только Туран и она — вернее, связь с ним.

Все, что она видела, слегка дрожало, меняя очертания, словно было покрыто дрожащей вуалью, колеблемой легким ветерком. А видела она лишь искаженные камни да пустынную землю — и это уже не был Сингакок. Что-то случилось. Ей хотелось остановиться, позвать Турана, восстановить видение. Крайне смутно она слышала пение, мягкое и высокое, словно это были трели птиц, выпущенных на волю из клеток, и барабанную дробь, пробивающуюся откуда-то из-под земли, неохотно впустившей в свое чрево Турана. Тени исчезли, растаяли.

Дзианта стояла с фигуркой в руке перед вздыбленным голым красным камнем — перед стеной утеса — и знала: то, что она ищет, лежит под ним. Наконец-то артефакт привел ее на то место, где он лежал когда-то. Девушка оглянулась через плечо: Яза, Юбан и его люди — все смотрели на нее.

— То, что вы ищете, лежит здесь, — указала она на утес, сама же поспешила опустится на обломок камня, боясь, что ноги не удержат ее.

Яза быстро подошла к ней.

— Ты уверена, милая?

— Да, полностью. — Голос ее стал почти шепотом.

Саларианка достала две капсулы с тоником. Дзианта взяла

их дрожащей рукой и положила под язык. Юбан и его люди принялись внимательно осматривать утес со всех сторон.

— Ничего не вижу... — начал было он, но его окликнули и он поспешил туда, куда его звали. Яза наклонилась к Дзианте.

— Я же говорила тебе: не торопись, не делай никаких открытий, пока Оган...

— Он где-то близко отсюда. — Капсулы подействовали и Дзианта почувствовала прилив новых сил. — Ныче утром я получила сообщение.

— Ах... — послышалось довольное мурлыканье, — прекрасно! А ты не обманываешь Юбана, это действительно здесь?

Дзианта посмотрела на каменную стену утеса, подумала и наконец проговорила:

— Туран лежит здесь.

Но кто же этот Туран? Или что это такое? Почему эта странная фигурка привела ее к нему? Она снова посмотрела на утес и к усталости ее примешался страх. Под ним лежит... Ей захотелось закричать, вскочить и бежать, но от Турана не убежишь — она знала это. Так что же связывает ее с ним, кроме этой невзрачной вещицы, которая так влечет ее к себе, так мучает?

Юбан посоветовался со своими людьми и один из них пошел к кораблю, сам же он подошел к женщинам.

— Мы нашли следы заделанного входа. Проложим путь лазером.

— Но только осторожно, — предупредила Яза. — У вас есть глубинные детекторы?

— Разумеется. Будем работать осторожно, с детекторами. — Он перевел взгляд на Дзианту. — Что еще она может нам сказать? Это гробница?

— Туран лежит здесь, — сказала девушка, помедлив.

— Но кто такой этот Туран? — допытывался Юбан. — Король? Император? Властитель звезд? Предвестник звездной империи? А может, просто какой-то древний властелин этой планеты? Ты это знаешь?

Между ними свирепо вклинилась Яза.

— Хватит вопросов. Она устала. Думаешь, легко быть сенситивом? Вот откроешь это хранилище, найдешь там что-нибудь, тогда она проведет сеанс психометрии и скажет тебе все. Но сейчас она очень ослабла и ей надо отдохнуть.

— Ну, ладно. Она привела нас сюда — и то хорошо.

Он удалился, а Яза села рядом с Дзиантой, обняла ее за плечи и, притянув к себе, спросила:

— Контакт с Оганом у тебя есть? Пора бы ему уже появиться.

Оган? Собравшись с силами, Дзианта сформировала мыс-

ленное изображение парапсихолога и послала ему свое сообщение. Связаться с Харатом она не решилась, так как утром он резко прервал связь и сейчас снова мог заупрямиться. Оган? Отвечает? Слабое прикосновение к мозгу, тут же прекратившееся. И опять. Нет, это был не Харат, его бы она узнала. Это был человек. Значит, Оган. Но почему-то он не желал принять ее сообщение. Она сказала об этом Язе.

— Тогда не старайся, — посоветовала она. — Может, он боится детекторов. Но если он отозвался, значит, знает, где мы и что с нами. Во всем этом деле, моя милая, ты показала себя молодцом. Я у тебя в долгу и не забуду этого.

Появились двое с корабля. Они несли ящик с портативным лазером — такие предназначались для проведения подземных работ на астероидах. Но Юбан сперва пустил в ход детектор. Яза с Дзиантой подошли к нему, когда он изучал изображение на небольшом экране прибора.

— Внутри пустота, — сообщил он. — Возможно, это гробница. С помощью низкочастотного луча мы проделаем отверстие. Никакого побочного излучения не будет.

Он тщательно установил и настроил лазер. Чтобы удостовериться, что глубина его действия будет не больше заданной, проверил это на лежащих поблизости камнях. Затем повел луч по едва заметным следам старого входа, прожигая отверстие как раз впору для проникновения человека. Наконец, сверкающий луч фонаря прорезал мрак древней гробницы.

— Ну, пошли к Турану, — засмеялся Юбан.

Дзианта одной рукой схватила за горло, другой судорожно прижала артефакт к груди. Она была потрясена, не могла дышать, ей казалось, что смерть рядом. Но постепенно это жгучее ощущение прошло, и она уже не сопротивлялась, когда Яза подтолкнула ее к проходу в стене вслед за Юбаном.

В свете лампы капитана они увидели сплошные развалины. Похоже, здесь когда-то действительно была гробница, и очень богатая, но увы — другие грабители их уже опередили. Валявшиеся кругом сундуки потеряли теперь всякую ценность, поломанные, разграбленные.

— Пусто! — Юбан в бешенстве водил фонарем во все стороны. — Будь все проклято! Пусто!

— Осторожнее! — Яза схватила его за руку, когда он хотел идти дальше. — Мы ничего не узнаем, пока внимательно — я повторяю:

в н и м а т е л ь н о — не осмотрим всего, что здесь осталось. Ведь грабители часто не понимают истинной ценности вещей и могли что-то оставить. Так что ничего не трогайте, только расширьте проход, чтобы легче было вести поиски.

— Думаешь, в этом хламе осталось что-нибудь ценное? — с недоверием спросил Юбан, отступив назад. — Ну что ж, валяйте, ищите. Если что-нибудь найдете... Хотя сдается мне, ничего тут нет.

Дзианта прислонилась к стене. Как совладать ей с этим жутким страхом, который накатывал волнами, каждый раз оставляя ее без сил? Неужели остальные не чувствуют этого? Невероятно! Ведь всю эту гробницу пронизывает ужас, а рождает его не груда этих обломков, а что-то другое, что-то за...

Она повернулась и бросилась к дверному пролому, чувствуя, как страх просачивается сквозь черные трещины в стенах и сейчас вцепится ей в спину. Сзади послышался окрик, слова его заглушали удары ее сердца. Затем она оказалась в крепких руках, но все еще отчаянно боролась, пытаясь убежать из этой могилы, где все исходило черный, хватающий за сердце ужас.

— Пыталась сбежать, — послышался голос Юбана у нее над головой.

Яза схватила ее, хотя она уже была в железных тисках капитана.

— В чем дело? — в шипящем голосе сальерианке было что-то такое, что заставило Дзианту подчиниться.

— За той стеной смерть! — дико закричала она. Ей вдруг показалось, что ее держит не капитан, а что-то бесформенное и жуткое. Она кричала, стараясь вырваться.

Истерику ее прекратила крепкая пощечина. Она всхлипнула от боли, от бессилия объяснить им, что они держат ее так близко к... Нужно закрыть свой мозг! Собрав все силы, она отшвырнула фигурку, будто в этом отчаянном жесте было единственное для нее спасение.

— Дзианта! — голос Язы прозвучал требовательно и повелительно.

Девушка всхлипнула. Ей хотелось упасть, зарыться в землю, заползти под камни, спрятаться. От чего — она не знала, чувствовала только, что ужас завладел всем ее существом.

— Дзианта, за какой стеной?

— Нет! — кричала она в лицо Язе. Она не даст им уничтожить себя.

Оценив ее решимость сопротивляться, Яза обратилась к Юбану:

— Оставь ее! Она в шоке. Иначе она лишится своего дара или просто сойдет с ума. Оставь ее.

Что у нее на уме?

— Ничего, капитан. Но здесь что-то есть, и нам лучше быть начеку, если мы хотим идти дальше.

Капитан, взгляни сюда! — Один из его людей встал на колени и поднял черепок, в котором сверкали серебряные нити. Артефакт открылся и фокусирующий свет камень был виден всем. Юбан взял в руки черепок и отделил от него защитное покрытие. Камень засверкал так ярко, будто в нем зажегся огонь. Юбан присвистнул и собрался извлечь камень из черепка, но Яза предупредила:

— Будь с ним поосторожнее. Если это то, что я предполагаю, то многое для нас теперь прояснится.

— Что это может быть? Какая-нибудь императорская игрушка или что?

— Это фокусирующий камень, — ответила она. Дзианта удивилась, как быстро Яза поняла это. — Это такой камень, которым всегда пользовались сенситивы для того, чтобы фокусировать свою энергию. Энергия в них хранится годами. Если так, то с его помощью мы узнаем тайны народа, который им пользовался, и Дзианта поможет нам в этом. Мы отыщем ключи к сокровищам гораздо большим, чем были спрятаны в этой гробнице.

— Такие сказки мы уже слыхали, — пробурчал Юбан. — Нам нужны доказательства.

— И ты получишь их, но не теперь. Ей надо отдохнуть, она потратила слишком много сил. А пока посмотрим, что тут есть. Если ничего не найдем, попробуем в другом месте. Камень поможет.

Яза поможет мне, думала Дзианта, должна помочь! Когда мы останемся наедине, я открою ей, какие ужасные опасности подстерегают нас, если мы свяжемся с Тураном, с этим миром, с этим камнем. Я заставлю ее поверить, понять, что есть двери, которые открывать нельзя, ибо за ними лежит... Нет, я не позволю даже и думать об этом!

Девушка сосредоточилась, желая воздвигнуть в себе мощный барьер, который позволил бы ей целиком отключиться от происходящего.

Она не помнила, как вернулась на корабль и улеглась в постель. Ее бил озноб и Яза старалась ее успокоить.

— Оган, — шептала девушка, — должен знать. Это очень опасно.

— Этому я могу поверить, — кивнула Яза. — Но теперь отдыхай, милая, как следует отдыхай. Я задержу этих бандитов до прихода Огана и мы примемся за дело.

Яза дала ей сильное успокаивающее средство и все внушала ей, что только вместе с Оганом и Харатом они смогут воспользоваться камнем, одна же она делать этого не должна. Девушка

почувствовала, что замерзает, затем провалилась в темноту. Она спала...

— Еще пальнуть, капитан?

— Давай, а то какой от нее прок.

Почувствовав боль и холод, Дзианта открыла глаза. Яркий свет лежал на покрытых пылью обломках, на стене за ними. Ее держали перед дверью, держали крепко и сопротивление было бесполезным.

Подошел Юбан и больно схватил ее за волосы, оцарапав ей голову ногтями. Он повернул ее лицом к себе и встряхнул:

— Проснись, ведьма!

Это должно быть, сон, подумала Дзианта, конечно, сон. Они не имеют права входить в усыпальницу Турана. Придут охранники и тогда с ними случится нечто ужасное. Будут кричать они, умолять о смерти, как о милости, но не дождутся ее. Помешать покою Турана — ведь это означает навлечь на себя страшный гнев и возмездие.

Она проснулась окончательно. Юбан все еще держал ее за волосы и смотрел ей прямо в глаза.

— Ты это сделаешь, — говорил он, медленно растягивая слова, словно боялся, что она его не поймет. Ты возьмешь этот камень, будешь смотреть в него и скажешь, что там за стенкой спрятано. Поняла?

Дзианта не могла найти слов, чтобы ответить ему. Это, должно быть, сон, думала она, всего лишь сон. А если не сон... Нет-нет, здесь этим камнем пользоваться нельзя. Здесь лежит Туран! Здесь врата в... "Оган!" — в ужасе завопил ее мозг. — "Харат!"

Луч ее призыва достиг Харата и с его помощью она нашла еще один разум — нет, не Огана, — который приветствовал ее мощным всплеском своей энергии.

"Держись до нашего прихода", — приказал этот неизвестный.

— Наверно, она должна взять его в руку, — сказал кто-то сзади.

— Тогда давай его сюда. — Юбан еще крепче ухватил ее за волосы. Она сопротивлялась изо всех сил, но сзади ее крепко держали за руки.

"Харат, я не могу, они заставляют меня смотреть в камень!"

Одной рукой Юбан старался разжать ее судорожно сжатые в кулак пальцы, выламывая их и причиняя ей боль, в другой он держал сверкающий огнем камень. Она знала, что в огне этом — зло и старалась не смотреть на него.

"Харат!" — в отчаянии молила она.

“Держись!” — отвечал Харат, а с ним и тот неизвестный. — Мы уже почти...”

Юбану удалось почти втиснуть камень в ее ладонь. Крепко держа девушку за волосы, он пытался заставить ее наклониться.

— А ну, смотри!

От боли она вынуждена была уступить. Камень показался ей горячим. Цвет его изменился — стал гуще. В нем хлопотала жизнь, он притягивал ее и втягивал в... Она вскрикнула. Вдали ей послышался выстрел, но было уже поздно. Она упала лицом вперед в самую сердцевину камня, в это озеро кипящей энергии, готовое поглотить ее, сомкнувшись над головой.

ГЛАВА 7

Горький запах сушеных лилий спирал дыхание. Но не только поэтому было ей так трудно дышать: она замурована вместе с Тураном, Туран уже мертв, а когда кончится воздух, умрет и она — погрузится в свой последний сон. Ей, Винтре, захваченной в плен во время последнего похода Турана, он нанес свой последний в жизни смертельный удар.

Винтра? Кто такая Винтра? И что это за мрачное потаенное место? Дзианта попробовала сделать движение и услышала, как в гнетущем мраке слабо заскрежетал металл. Она была прикована цепью к стене, и любая отчаянная попытка освободиться от оков могла привести лишь к тому, что она изранит себе руки и истратит в бесплодной борьбе остатки драгоценного воздуха.

Винтра? Да нет же, она — Дзианта. Прислонившись к стене, девушка старалась разобраться в вихре спутавшихся мыслей, отделить реальное от галлюцинаций. Должно быть, она в трансе и пребывает в кошмарном сне. Оган предупреждал ее о такой опасности, говорил, что нельзя входить в это состояние, не имея рядом опытного человека: в галлюцинациях есть угроза для жизни спящего. Оган, Харат — кто из них даст ей опору, твердую почву под ногами?

Она вспомнила: в гробнице Турана капитан Юбан заставил ее глядеть в светящийся камень — и вот к чему это привело. Но ведь... это же все реальность! Ну, конечно! Она же чувствует тяжесть цепей, задыхается от недостатка воздуха, она...

Винтра! В одно мгновение она стала другим человеком, словно в голове ее повернулось какое-то крошечное колесо. Винтра обречена на смерть в этой гробнице, она — погребаль-

ная жертва Турану, ибо она — единственная пленница, захваченная им в последнем походе в горы. Она в гневе: ей предстоит умереть здесь без воздуха, задыхаясь, как рыба, выброшенная на сушу! Но она будет отомщена, и эта месть...

Поворот колесика — и мозг наполнился новыми видениями. Кто она? Она — Дзианта! Она должна вернуться назад, выйти из транса. Оган! Харат! В безумном отчаянии девушка посылала мысленные призывы о помощи, умоляя вытащить ее из ямы этого сна, страшнее которого она никогда не видела прежде, когда перемещалась в другие плоскости времени, в другие личности. Раньше она тоже воспринимала ужасы как реальность, но могла управлять ими. Теперь же она воздвигала барьер за барьером, но ничего не помогало. Она была совсем незащищена. Нет, так дальше продолжаться не может: ей необходимо проснуться, зацепиться за свою собственную временную плоскость, а чтобы сделать это, надо собраться с силами. Она создала в мозгу ряд мысленных картин, каждый раз взывая к ним: Харат! Оган!

И вот — слабое прикосновение. Да она ощутила его, несомненно, ощутила! Это был ответ на ее призыв. Она собрала все силы и вложила их в сигнал бедствия:

— Спасите меня, иначе я погибну!

И снова ответ. Но такой странный... Он растекался, как вода, пролагающая себе путь среди камней, уклоняясь то одну сторону, то в другую.

“Харат!” — зывала девушка. — Я здесь. Скорей ко мне! Не оставляй меня в этой темнице, здесь я совсем бессильна. Ко мне!”

Она ощутила чье-то присутствие, но не Харата, не Огана. Может, это из другой плоскости? Она мысленно коснулась... И вдруг почувствовала чей-то ужас, да такой силы, будто тот, другой, получил смертельный удар.

“Помоги мне!” — мысленно кричал этот незнакомец.

Она ничего не понимала: ведь он пришел на ее зов о помощи, тогда почему же он сам...

“Мертва!” — ответ из мрака был полон ужаса.

“Я не мертва”, — запротестовала Дзианта.

Если бы было иначе, ее возврат был бы невозможен. Она бы перевоплотилась в Винтру.

“Мертва”, — повторил он уже слабее. Похоже, он уходил, оставляя ее здесь.

— Нет! — вскрикнула она и, должно быть очень громко. Звук неоднократно отдавался у нее в голове. — Нет!

Вокруг была тишина, в которой слышалось лишь хриплое дыхание ее измученных легких. Затем тот, другой, сказал:

— Где мы?

Это были слова. Слова! Не мысленное послание, а живая человеческая речь!

— В гробнице Турана, — ответила она ту правду, которую знала Винтра.

— И я... Туран... — проскрипел голос. — Но я же не Туран!

Послышалось какое-то движение, затем — мысленный приказ, отрывистый и повелительный:

“Свет!”

Слабое мерцание разорвало окружающий мрак. Как же она сама не подумала об этом раньше? Не теряя времени, девушка послала импульс энергии, помогая незнакомцу сделать свет более ярким, и предупредила:

— Здесь нет воздуха. Мы погибнем.

— Иди в другую плоскость, быстрее!

Его команда вернула ее мозг к защитным построениям, которые ей предстояло создать для них обоих. Несколько движений — и она вышла из своего тела. Как и всегда, она проделала это очень неохотно. И вот, находясь временно в безопасности, она осмотрелась.

Внизу, на полу, закованное в цепи, лежало тело, от которого она только что освободилась. Слева от него, на возвышении, возлежал Туран под наброшенным на его тело командорским плащом, усыпанным пожелтевшими лилиями. Стоило ей увидеть его, как пламя свечей, горевших у его изголовья, взметнулось вверх.

“Вентиляционное отверстие находится здесь”, — прозвучал у нее в голове голос другого человека.

Это было известно Винтре, а не ей. Действительно, она увидела отверстие для воздуха: щель, прорубленную в каменной стене.

“Потяни за этот брус”.

Их единственный шанс: ведь если это слабо подергивающееся тело, только что покинутое ею, умрет без воздуха, то погибнет и она. Она спешила, зная, что жизненные силы ее быстро угасают. Собрав все, что осталось от ее энергии, она дополнила энергию незнакомца, направленную на брус. Они работали с ожесточением, но все усилия были тщетны. Чувство страха с новой силой овладело ею.

Снова стало темнеть — сил на поддержание света уже не оставалось.

— Рука... моя правая рука... — простонал голос.

Она послала ему мощный импульс и погрузилась во мрак, не осознавая, смерть ли это пришла за ней, или что-то другое.

— Винтра...

Теперь она ощущала боль во всем теле.

— Я должна жить! — твердила она себе. Плача от невыносимой боли, она снова и снова стискивала ребра руками, помогая легким дышать.

Затем снова стало светло. Ровным светом горели свечи, и стал виден открытый проход, от которого повеяло холодом и свежестью. Возле нее на коленях стоял Туран.

— Станный обычай, — произнес он, рассматривая звенья цепи, — приносить человеческие жертвы, чтобы воздать почести воину-герою.

— Ты — Туран... — девушка испуганно отшатнулась от него.

Но ведь Туран мертв. Даже сейчас видно, что тело его покрыто ранами настолько серьезными, что все попытки жрецов Бута излечить командора оказались напрасными. Человеку с такими ранениями ничто уже не смогло бы помешать отправиться в Нижний Мир.

— Я не Туран, — покачал головой незнакомец, — хоть время от времени и становлюсь похожим на него, так же, как ты — на Винтру. По всей вероятности, нам придется быть их воплощениями до тех пор, пока мы не отыщем пути назад.

— Это ты был с Харатом? И пришел, когда Юбан заставил меня вглядываться в камень?

— Да, это был я, — признался он, но этим и ограничились его откровения. — Какое ты имеешь отношение к этому камню? Как ты попала сюда? Это, видимо, какое-то новое явление, связанное с психометрией. Расскажи-ка мне обо всем по порядку — чем больше я буду знать, тем лучше.

Это был приказ, и ей оставалось только повиноваться.

Он отыскал наконец секретный замок на цепях, и они тяжело упали. Незнакомец поднял их и забросил в дальний угол. Теперь Дзианта была свободна от оков. Вздохнув, девушка начала свой рассказ о том, как впервые встретила артефакт, как сильно он ее поразил и к чему все это привело.

— Не тот ли это камень, что украшает сейчас твой лоб? — неожиданно прервал ее незнакомец.

Дзианта удивленно взглянула на него, затем подняла руки к голове. Станный головной убор стягивал волосы, гораздо более длинные, чем ее собственные. Пальцы ее коснулись камня, который свешивался с обруча ей на лоб. Резким движением она сдернула обруч с головы. Это был он! Или так похожий на него! Она могла бы узнать это, взяв его в ладони, но риск был слишком велик: кто знает, что может случиться.

— Это он? — требовательно спросил незнакомец.

Дзианта с несчастным видом посмотрела на корону. Она

уже полностью стала собой, распростившись с Винтрой, но когда смотрела на камень, ей казалось, что Винтра снова пробуждается в ней, набирает силы. Было бы заманчиво изучить возможности камня, но в этом случае становится реальной угроза полностью перевоплотиться в ту, которой суждено умереть здесь, в гробнице Турана.

— Винтре видней, — сказала она с явной неохотой, но скрыть правду ей все же не удалось.

— Раз этот камень обладает силой, способной перевоплотить меня в Турана, а тебя в Винтру, то, возможно, он может делать и обратное. Это следует узнать. Ты не одна, моя воля поддержит тебя. Обещаю, что не позволю тебе перевоплотиться в Винтру окончательно.

В ней заговорила Винтра: это Туран, враг, ему нельзя верить. Но другой голос протестовал: нет, он — единственный, кто в силах помочь тебе стать Дзиантой, вернуться в реальность.

— Я попытаюсь, — сказала она просто и содрогнулась при мысли о том, что может увидеть в этом осколке цветного камня. Отделить его от остальных украшений короны было несложно, Дзианта отцепила подвеску, поднесла ее ко лбу и...

Она чувствовала на своих плечах руки Турана. Он звал ее, но то были не слова, а мощные импульсы мысленной энергии.

— Не могу! — в голосе девушки слышалось отчаяние.

И вдруг из уст ее медленно, нараспев полились какие-то странные слова:

— Норнох Нед веянами, Норнох Трех Зеленых Стен, Лурла должны повиноваться. Ты, Эрия Глаз... — Дзианта то ли на что-то отвечала, то ли продолжала чью-то речь. Она прижала руки ко лбу. — Туран, что это может означать? Я не понимаю...

Ее волосы, не поддерживаемые теперь короной, тяжестью давили на плечи, образуя плотную вуаль.

— Ты вернулась в Винтру.

Он все еще поддерживал ее за плечи, и это успокаивало девушку, словно он был якорем, который удерживал ее в этом теле, не давал вырваться из него, оторваться ото всего, что связывало ее с нормальной жизнью.

— Но до Винтры была другая — Эрия, обладающая талантом сенситива и способная его применять. Значит, я опять это “видела” только в трансе?

— Да, все это ты узнала, хотя и не можешь вспомнить. У этого фокусирующего камня есть свой двойник, и его связь с нами очень крепка. Эрия пользовалась им в свое время — и это было очень давно. Один камень все время стремится воссоеди-

нится с другим, и тот, что находится в прошлом, действует на этот как якорь.

— Винтра...

— У Винтры не было этого таланта, — подхватил Туран. — Для нее камень был лишь одной из драгоценностей Турана. Но, мне кажется, он уникален. Хотя он и не способен чувствовать, но действуя как фокусирующее устройство, он стремится воссоединится со своей второй половиной. Если этого не произойдет, нам отсюда не выбраться.

Но если его двойник затерян в глубине веков, предшествующих существованию Винтры, сколько же времени отделяет нас от него? — Ей было боязно услышать ответ.

— Не знаю. Думаю, что очень много.

Дзианта стиснула руки, стараясь унять дрожь. Корона с глухим стуком упала на землю.

— И если мы не отыщем... — закончить вопрос ей не хватило смелости.

“Если и он боится, то ей незачем знать об этом. Но что же теперь делать, — в отчаянии думала она, — если мы не можем вернуться...”

Он поднялся на возвышение и заглянул в темное отверстие. Дзианта облизала пересохшие губы и начала снова:

— Ты — в его теле, но можешь ли ты управлять им?

От Огана она знала, что такое явление совершенно неизвестно. Конечно, галактическому народу давно были известны легенды о некромании — оживлении мертвых для того, чтобы о чем-то их спросить, а то и в целях часто преступных, но такой тип перехода в другое существование был абсолютно новым. Долго ли это продлится? Сможет ли он продолжать управлять этим телом, которое покинула жизнь? Ведь сама она вошла в тело Винтры, когда та была еще жива и вытеснила ее индивидуальность своей, более сильной. Но в случае с Тураном...

Он смотрел на нее, и колеблющееся пламя свечей превращало его лицо в какую-то фантастическую маску.

— Не знаю, но пока мне это удастся. Насколько мне известно, раньше такого не делалось. Но нам необходимо выбраться отсюда.

Сказав это, он присел перед отверстием для прохода духов и прыгнул.

Дзианта с ужасом взидала на это, опасаясь, что его новое тело не подчинится. Однако, ему удалось ухватиться за края рамы отверстия, секунду-две он висел так, затем разжал руки.

— Просто так туда не заберешься, нам нужна лестница или что-нибудь в этом роде.

Он осмотрелся вокруг, но ничего подходящего не обнару-

жил. Тогда он приподнял гроб с одного края и отделил цепь от стенового кольца. Цепь была довольно длинной. Он обратился к Дзианте:

— Ты поддержишь гроб, пока я не выберусь.

Закрепленный край гроба был как раз над отверстием, и он, обмотавшись цепью, полез вверх, а Дзианта, подняв корону (стараясь не задевать камня), подошла и стала поддерживать свободный его край. Вот он уже достиг цели: его голова и плечи скрылись в дыре, затем и весь он вылез наружу. В тусклом свете свечей Дзианта рассмотрела свесившийся из отверстия конец цепи и поняла, что он готов вытащить ее отсюда.

Немного погодя она уже дрожала под дождем и порывами холодного ветра. И тут пригодились остатки памяти Винтры.

— Стража... — она схватила его за руку.

Он обмотал цепь вокруг пояса, будто знал, что она может еще понадобиться.

— В такую ночь вряд ли стоит бояться их, — успокоил он.

Погода была ужасной. Тонкое прозрачное платье — погребальный наряд жертвы — сразу же прилипло к телу Дзианты. Ветер растрепал ее длинные волосы. Фигура спутника смутно маячила в ночном мраке, но рука его, теплая и успокаивающая, обнимала ее за плечи. Сквозь завывания ветра и шум дождя она услышала его голос:

— Нам надо идти в Сингакок. Если Туран вернулся в результате чуда, сотворенного Бутом, мы должны узнать, что ему или его народу известно об игрушке, которая в твоих руках. Храни ее, Дзианта, ибо только она сможет вернуть нас назад — если это вообще возможно.

Дзианту-Винтру разрывали слишком противоречивые эмоции, чтобы она могла уяснить разумность его доводов. Винтра боялась возвращения к месту своего заточения, нового смертного приговора. Но она же не Винтра, и не хочет ею быть! И когда он повел ее за собой, она повиновалась. Они шли под защитой деревьев, которые надежно укрывали их от непогоды.

И вот с холма они увидели огни раскинувшегося перед ними города. Подножие холма огибала дорога, напоминающая тонкий длинный язык, который только и ждал, как бы захватить их и втащить в глотку Сингакока. Девушка взглянула на своего спутника:

— У тебя сохранилась память Турана? Ведь тело Турана мертво — может ли оно что-нибудь помнить?

— Возможно, кое-что. Мне кажется, в какой-то мере я делю с ним свою память. И ты постарайся запомнить все, что знает Винтра.

— Она у меня под контролем, но боюсь, я могу утратить его, если дам ей свободу.

— Этого мы не знаем. Но все же вслепую идти не следует. Постарайся вспомнить, что ты знаешь о городе, его улицах... ну, хоть немного.

Дзианта слегка ослабила контроль над памятью, но ничего полезного там не нашла. Перед ее мысленным взором медленно проплывали воспоминания узницы, которую содержали в строгом заточении до тех пор, пока ни принесли в жертву.

Они спустились на дорогу как раз в тот момент, когда она осветилась светом фар выехавшей из города машины. Прозвучал гортанный окрик-приказ остановиться. В полосу света вступили трое вооруженных мужчин: один — в плаще офицера с лазером в руке, за ним — двое с дезинтеграторами наготове. Они остановились поодаль.

— Кто вы?

Память Винтры подсказала Турану, что нужно ответить:

— Вам видно мое лицо, назовите имя.

— Ты похож, но, может быть, это какой-то фокус.

Офицер стоял твердо, но солдаты попятились назад. Туран поднял руку к горлу и медленно расстегнул край туники. Раны его были ясно различимы.

— Никаких фокусов. Ты видишь это?

— Офицер был потрясен, но не испугался.

— Как же ты вышел оттуда?

— Через дверь, которая предназначалась для духа Бута, — величественно ответил Туран. — Теперь мне нужно в Сингакок. Меня зовут туда дела.

— Ты следуешь в Башню Бута?

— В Дом Турана, — поправил он. — Куда бы я еще мог идти в такой час? Но сперва дай мне свой плащ.

Офицер сбросил накидку и подал ее Турану, стараясь не коснуться его. Туран заботливо укутал плащом плечи Дзианты и шепнул:

— Пока сойдет и это.

— Ты поступаешь неправильно, — мысленно сказала она ему. — В этом мире мы — враги до самой смерти. Они не поймут этого... и не примут."

— До смерти, — тоже мысленно возразил он, — но не после. Все, что было между нами на этом свете, на том свете недействительно. Если спросят, я так и отвечу."

Затем Туран проговорил вслух:

— Мы покинули гробницу, чтобы заслужить милосердие Бога. Как только он рассудит нас, мы вернемся назад. А пока не стоит говорить о случившемся.

Один из солдат сбросил свой плащ.

— Лорд Командор, я был при Опстке, когда мы разгромили повстанцев. Окажи мне честь и позволь услужить тебе. Прими этот плащ.

И он подал свой плащ Турану.

— Той ночью я свершил великое дело, дружище. Сердечно благодарю тебя за доброту. А теперь с вашей помощью я должен вернуться в Дом Турана.

Что он задумал? Этого Дзианта не знала, и могла только следовать за ним, крепко прижимая к себе корону с подвеской. Не идут ли они в болото, где вот-вот окажутся в трясине и безвозвратно погибнут? Отбросив тревожные мысли, она покорно уселась с ним в машину, кутаясь в плащ, чтобы хоть как-то согреться.

Автомобиль повернул назад в Сингакок, где их ждала неизвестность.

ГЛАВА 8

“Эти люди, — уловила Дзианта мысленное послание Турана, — кажется, не имеют никакого понятия о возможности передачи мыслей.”

Видимо, ее спутник уже прозондировал мысли тех троих, и это очень обеспокоило Дзианту. Она считала, что сейчас им лучше всего быть поосторожнее, понапрасну не рисковать. Однако он рискнул и узнал нечто важное: теперь они могут безбоязненно пользоваться бессловесным способом общения.

“А ты можешь читать их мысли?”

“Не совсем, только на уровне эмоций. У них другие частотные параметры. Все они очень взволнованы — впрочем, так и должно быть. Солдаты восприняли наше появление, как чудо возвращения с того света, и находятся в благоговейном страхе и трепете. “А офицер...” — он замолчал.

“Что офицер?”

“Я кого-то вижу, но не очень четко. Это кто-то, кому он должен сообщить о происшедшем и как можно скорее. Какая-то тень.”

Его мысли снова растаяли в мозгу Дзианты. Тогда она попробовала задействовать свой мысленный поиск. Связи со своим спутником она больше не поддерживала, направив силу мысли на зондирование эмоций сопровождающих их патрульных.

Да, теперь она поняла трудности Турана.

Она старалась прочно сфокусироваться на чем-то непре-

рывно колеблющемся, меняющем очертания, не дающем взглянуть в подробности. И все же ей удалось различить, кому вез донесение офицер: это была женщина. В памяти Винтры она пробудила яркое воспоминание: Зуха Туран! Дзианта сообщила об этом Турану и добавила:

“Я думаю, командор, что ты... мы лезем прямо на рожон: тому, чье тело ты сейчас носишь, там, куда мы едем, грозит смертельная опасность. Не знаю, какая именно, но уверена, что она есть.”

“О которой нам уже известно, — спокойно прозвучала его мысль. — Так чего же мне следует остерегаться? Да, не в первый раз интриги губят людей, интриги тех, в чьих верности и преданности они не сомневаются. Теперь вот что: мы должны попытаться воздействовать на разум офицера, подчинить его себе. Нужно задержать его доклад. Ты можешь это сделать? Я чувствую кое-какие из его мыслей, но для такого дела этого не достаточно.”

“Я могу попытаться, хотя это очень сложно. У него хаос и смятение в мыслях.”

Дзианта целиком сосредоточилась на этой проблеме. Теорию она знала хорошо и даже практиковалась под руководством Огана, но то было в лаборатории, где приборы позволяли контролировать и корректировать ее усилия. Использовать же это в Корваре за пределами виллы было невозможно. Ее бы моментально засекли детекторы, а за нарушение запрета приговорили бы к стиранию памяти как нелегально практикующего сенситива.

Из воспоминаний Винтры она осторожно вызвала изображение Зухи Туран и перенесла его к себе в мозг, одновременно почувствовав, что ее спутник воспринял эту картину. Мало-помалу она создавала то впечатление, которое хотела ввести в мозг офицера, а именно: Зуха Туран все знает о том, что случилось ночью, это часть давно задуманного хитроумного плана, офицер проник в этот план случайно, и она в будущем отблагодарит его, если он не сорвет этот план.

“Великолепно! — Восторженная похвала Турана придала Дзианте уверенности. — Отлично задумано! Теперь внедри ему это в сознание, а я тебя поддержу.”

Помня уроки Огана, Дзианта сфокусировала на мозг сидевшего рядом с Тураном человека изображение Зухи и необходимую информацию и приложила все усилия, чтобы преодолеть сопротивляемость его психического барьера, свойственного каждому человеку. Дважды — она могла в этом поклясться — ей удалось войти в прочный контакт с разумом офицера. Но внезапно на нее накатили волны слабости — сказались события

ночи, — унося последние силы, а когда она пришла в себя, полностью опустошенная, то вряд ли могла с уверенностью сказать, добилась ли успеха.

Они уже мчались по улицам Сингапока. В ней неожиданно пробудилась Винтра, а вместе с нею все страхи и ненависть, ставшие частью ее второй натуры. (Боже, как она устала от всего этого: то Винтра, то Дзианта, как трудно стало быть собой.) Машина свернула на спокойную боковую улицу, где разделенные стенами дома далеко отстояли друг от друга. Это была улица Лордов, до дворца Турана оставалось немного. Автомобиль остановился у ворот. Подошли охранники. Когда луч их фонаря осветил кабину, выхватив из темноты лицо Турана, кто-то из них не выдержал — вскрикнул.

— Ну что же вы, принимайте нас, — нетерпеливо проговорил он, словно эта задержка вызвала в нем раздражение.

— Лорд Командор! — Голос человека с фонарем выдавал безграничное удивление, он был потрясен.

— Долго ли я буду ждать у ворот собственного дома? — повелительным тоном осведомился Туран. — Открывайте!

Охранник бросился к воротам и створки медленно пошли в стороны. Машина въехала в темную аллею, так густо заросшую растительностью, что мокрая от дождя листва не позволяла увидеть ничего за ее пределами. Затем автомобиль нырнул в туннель и, выехав из него, остановился перед роскошным дворцом.

Дзианта так устала, что лестница показалась ей неприступной вершиной, на которую ей никогда не подняться. Но Туран взял ее под руку, подвел к двери, которая немедленно открылась. Вспыхнули огни.

— Кто пришел беспокоить Высочайшую Супругу Дома Туранов? Сегодня третий день траура... — человек, произнесший эти негодующие слова, внезапно осекся. С отвалившейся вниз челюстью, он смотрел на Турана.

— Долго ты будешь держать нас под дождем, Дакстер? Ты будешь допрашивать меня у моего собственного порога?

Очевидно, спутник Дзианты решил играть свою роль нагло и самоуверенно. Насколько правильна такая линия поведения, сейчас трудно было судить. Глубоко потрясенный, привратник отшатнулся, лицо покрылось смертельной бледностью. Он вскинул руку, как бы желая отогнать призрачное видение.

— Лорд Командор Туран?!

— Да, Туран, — сказал он и посмотрел в холл. — Третий день траура кончился. Пусть все домашние узнают об этом.

— Лорд Командор, да ведь ты... — Дакстер отступил еще дальше.

— Мертв, ты хочешь сказать? Нет, Дакстер, я не умер. Разве мертвецы ходят, говорят, возвращаются в свои дома, к своим товарищам? А где же Высочайшая Супруга? Пусть она увидит, что в трауре больше нет необходимости.

— Слушаюсь, Лорд Командор.

— И смотри, чтобы в эту ненастную ночь этот офицер и эти солдаты были приняты гостеприимно. — Он сбросил плащ и вернул его солдату. — Боевой товарищ, теперь ты имеешь право быть моим другом, ибо я прошел через нечто большее, чем просто война, — через самую яростную битву, какую ты только можешь себе представить.

Солдат салютовал ему рукой и сказал:

— Лорд Командор, я готов служить тебе. Будь уверен: я приду на твой зов, как только понадобится тебе.

— Теперь я удаляюсь в свои покои. Принеси нам вино и еду, Дакстер, мы очень голодны.

Дзианта вспомнила, что они поднимались вверх по лестницам, вернее, Туран практически тащил ее. Остальное было как в тумане.

Она очнулась в постели, когда Туран поднес к ее губам узкий бокал с горячей ароматной жидкостью, и она глотала и глотала ее в каком-то полубреду. Горячий напиток унял дрожь в ее промерзшем теле, но не смог согнать усталость. Она не могла, не в силах, даже открыть глаза, а все тело ныло от боли и просило покоя. Однако, хоть и не в полной мере, напиток помог и здесь. Совсем согревшись ей удалось приоткрыть глаза. А через какое-то время она могла уже различить окружающее.

Над нею был разноцветный потолок. Она присмотрелась — и цвета сложились в узоры и изображения. Дзианта была уверена, что никогда не видела их раньше: странные животные... а может быть, вовсе и не животные, а растения? Она с усилием повернула голову и посмотрела на широкую постель. По ее краям стояли четыре столба, поддерживающие живые растения, похожие на лозу. Далее виднелась стена, украшенная рисунками и металлическими пластинами.

Дзианта снова повернула голову и попыталась бороться с мыслями. Где она и как сюда попала? Мысли путались. Вдруг словно невидимый барьер рухнул в ее мозгу, в памяти всплыло все: Туран, Винтра, гробница, бегство из нее... Должно быть, это дворец в Сингакоке, куда их доставили на машине. А где же Туран?

Девушка опустила ноги на пол и попыталась встать. Хотя она чувствовала себя уже лучше, все же при этой попытке

комната закружилась у нее перед глазами и ей пришлось ухватиться за один из столбов постели.

Со стены на нее смотрело огромное зеркало и в нем отражалось лицо Винтры. Это ее потрясло: перед ней стояла совсем незнакомая женщина! Она отвела глаза, боясь разглядывать себя в своем новом обличе, но потом взяла себя в руки. Она увидела стройное тело, едва прикрытое прозрачным бледно-розовым платьем, специально подобранным под цвет лепестков.

Нет, ей показалось — оно было не стройное, скорее, изможденное и исхудавшее. Руки и ноги были темно-коричневого цвета, а лицо, шея и все остальное имело желтоватый оттенок. Создавалось впечатление, что она долгое время находилась на солнце с открытыми руками и ногами. Волосы ее свисали до самых плеч и были странного светло-голубого цвета, но натуральные, не крашенные. Брови и ресницы были более темного голубого оттенка. По форме лицо и тело принадлежало гуманоиду, однако на конечностях был замечен голубой пушок, резко контрастирующий с темно-коричневой кожей.

Так вот она какая — Винтра из армии повстанцев. Предводительница Боевых Женщин Карка. (Это всплыло у нее в памяти). Но она не должна давать Винтре слишком много свободы. Она должна оставаться Дзиантой, в противном случае у нее нет будущего.

Неожиданно Дзианта вздрогнула.

Корона, фокусирующий камень! Где они? Она быстро осмотрелась в поисках единственного ключа, который, возможно, позволит возвратиться назад, заходила по комнате. Острое чувство беспокойства придавало ей силы. Вот еще одно зеркало, а на нем баночки, гребень, две коробочки. Она уже стала открывать ближайшую из них, как вдруг какой-то звук отвлек ее внимание. Часть разукрашенной стены опустилась, в образовавшемся проеме стояла женщина. Заработала память Винтры: Зуха Туран.

Зуха держалась со спокойной уверенностью и превосходством человека, который с пеленок привык повелевать и никому не давать отчета. Но теперь на ее лице, скрытом густым слоем грима, застыло выражение напряженного ожидания.

На ней, как и на Дзианте, была прозрачная накидка, казалось сделанная из тумана, и обволакивающая более плотную и короткую тунику. Замысловатая прическа, в которую были убраны синие волосы, поддерживалась шпильками, украшенными изящными фигурками насекомых — при движении они как бы оживали. Талия была затянута широким поясом, а из-под накидки выглядывали серебристые туфельки. Женщи-

на безмолвно переступила порог, дверь закрылась и они остались в комнате с глазу на глаз.

Дзианта встревожилась: и без мысленного поиска ей что-то говорило, что с Высочайшей Супругой в комнату вступила опасность. А Туран — где он? Уж не подвело ли его тело мертвого полководца? Тогда его снова упрячут в гробницу и ее вместе с ним. Но стоп, без паники, ведь я же не Винтра, — опомнилась девушка, — со мной совладать не так-то просто. У меня есть оружие — мой мозг, и я буду защищаться до последнего. Нужно узнать, что же произошло с Тураном.

Осторожно, словно имея дело со взрывчаткой, она попробовала мысленное зондирование. Мысли женщины не поддавались прямой расшифровке, но в них царили эмоции. Одна из них — ненависть к Винтре, в основе которой лежал страх. Туран... Дзианта пыталась внести мысли о нем в мозг Зуки. И вот результат: взрыв безумной ненависти и страха, доходящего до паники. Ненависть к Винтре была ничто по сравнению с этим. Но буря бушевавшая внутри женщины, не отразилась на ее лице.

Дзианта узнала не так уж мало, хотя и не много: Туран жив и эта женщина боится его; она хотела его смерти, верила, что он мертв, а он вдруг оказался жив и будет для нее постоянной угрозой, если она не найдет способа покончить с ним.

— Колдунья! — Зука произнесла эти слова так, словно выстрелила из лазера, желая испепелить Дзианту. — Ты своей черной магией ничего не добьешься! Будь уверена, я позабочусь об этом.

В этот момент все знания Винтры пришли к Дзианте на помощь и она заговорила:

— Колдовство здесь не причем. Это была воля Бута. Если по воле Бута человек пройдет сквозь дверь обратно в жизнь, кто вправе его судить за это? — Эти древние верования уже давно не признавались образованной знатью. Люди из высшего общества только на словах верили во всю эту суеверную чепуху.

Жрецы Бута учили: возможен выход человека из замурованной гробницы через дверь для духов, которую можно открыть только изнутри. На старинных легендах об этих невероятных событиях расцветало могущество Бута. Его жрецы должны признать возвращение Турана — это только укрепит веру в их учение.

— Туран умер. Каким колдовством ты заставила его двигаться и подчиняться себе? Ты мне скажешь, а он... — она замолчала, не давая гневу овладеть собой настолько, чтобы забыть всякую осторожность.

Было ясно, что она не допускает мысли о каком-то чуде. По ее вопросам было видно — она что-то подозревает. Зуха не обладала даром сенситива, ее энергия излучалась совсем в другом диапазоне — это Дзианта поняла сразу же.

— Туран не мертв. Разве ты не видишь его собственными глазами? — Дзианта старалась говорить как можно осторожней, она видела, что Зуха может внезапно напасть на нее, стоит только ее гневу и страху дойти до критической точки.

— Ты говоришь — собственными глазами? Как и эти слюнявые жрецы. Не знаю, подозревают ли они тут колдовство, но возвращение Турана им на руку, поэтому в любом случае они будут держать язык за зубами. Но Туран был мертв, а теперь он жив или это двигается только его тело... — она сделала рукой движение, словно хватаясь за оружие. — Это не Туран! — Она отчеканила последнюю фразу, что, несомненно, означало объявление войны.

— Но если это не Туран, то кто же это?

— А может, не кто, а что? А, колдунья?

Что за силы ты вызвала из Холодных Глубин, чтобы выбраться из гробницы? Будь уверена, мы дознаемся, и тебя ничего хорошего не ждет. Турану и тебе смерть покажется блаженством по сравнению с теми муками, которые положат конец твоей грязной возне с черной магией.

— Ты считаешь, что колдовство, моя милая, привело меня к тебе обратно?

Обе были так поглощены разговором, что не заметили появления в комнате еще одного человека. Это был Туран. Лицо его было обезображено раной, полученной в последнем бою. Кожа грязно-серого цвета при хорошем освещении портила бы его внешность, если бы не излучающие жизнь глаза. Дзианта удивилась тому, что это искалеченное войной тело все еще способно служить своему настоящему хозяину.

— Ты говоришь о колдовстве? — спросил он, но, не получив от Зухи ответа, подошел к ней ближе. — А почему не о бесконечной милости Бута, о том, что твои молитвы о моем выздоровлении достигли его ушей? Я не узнаю тебя, дорогая подруга, тебя — мою Высочайшую Супругу. Не ты ли мне тысячи раз твердила, что моя смерть будет и твоей смертью, что ты возродишь древний обычай нашего народа и с радостью последуешь за мной, если Бут выберет меня первым? Но не ты разделила со мной гробницу, несмотря на все твои клятвы, Ты отправила со мной врага, у кого в душе была не любовь, чтобы облегчить мне путь, а ненависть, чтобы отдать мою душу на растерзание темным и злым духам. В последний час расставания все твои обещания растаяли как дым. Как же понимать тебя, Зуха? Все

твои медоточивые речи — они лживы? — Говоря, он все время надвигался на нее, она — отступала.

Теперь под гримированной маской Зуки проступили эмоции. Бесстрастное выражение исчезло. Губы ее искривились и напряглись — даже часть грима отвалилась от кожи, — словно ей стоило огромных усилий не закричать от страха.

— Нет! Не подходи ко мне, мерзавец, назад! Возвращайся в свои Холодные Глубины, откуда тебя вызвали с помощью черного колдовства!

— В Холодные Глубины? Так вот что ты хочешь от меня, Зука?! А может, именно твоя фальшь и вернула меня назад, а? Может, Бут не поверил твоим словам и дал мне жизнь, чтобы я служил ему?

Она все отступала, пока не уперлась в стену, пошарила рукой, ища потайную дверь, и, открыв ее, почти упала в проем, а затем пустилась бежать. Дверь закрылась, и Дзианта с Тураном остались в комнате одни.

— Сила рождает страх, — сказал он задумчиво, как бы про себя. — Как глубоко внедрилась в нее ненависть! Хотел бы я знать, в чем ее корни.

— Туран, ты что-нибудь разузнал? — обратилась к нему Дзианта.

— Да, когда они оставили меня в покое. Но очень немного. Жрецы хотят заполучить меня для обследования — я ведь чудо, а чудо им на руку. Я отослал их прочь. И еще я узнал, что у Турана есть преданные сторонники. От одного из них мне стало кое-что известно о камне. — И запустив руку под тунику, он достал фокусирующий камень. — А теперь слушай дальше.

Еще до восстания Туран совершил путешествие с рыбаками в Южное море. Вдруг без всяких видимых признаков налетел какой-то необычный шторм. Очевидно, это было подводное извержение вулкана, которое сопровождалось огромными волнами. Когда все кончилось, корабль был на плаву, но с поврежденным двигателем.

Океан был беспокоен, и на поверхности воды плавало много всякой всячины, поднятой извержением со дна. Вскоре они увидели землю — на их картах такой не значилось. Это был каменистый остров, покрытый морской растительностью, что говорило о его недавнем происхождении — подъеме со дна океана. По настоянию Турана капитан отправил туда лодку. Там их ждали две находки: одна — кусок кирпичной стены, который никак нельзя было назвать явлением природы; вторая — ...

Туран приказал продолжать поиски, желая побольше узнать, но тут последовало два новых толчка, потрясших остро-

вок. Он мог снова погрузиться в море, поэтому, боясь за корабль, капитан решил отплыть от него подальше. Высаженные на берег люди уже спешили к лодке, когда вдруг Туран отделился от остальных.

Страшно обеспокоенный капитан, выведенный из терпения, крикнул Турану, чтобы тот немедленно возвращался, иначе он оставит его на берегу. Когда Туран, наконец, вернулся, он ни словом не обмолвился о причине его задержки, но вся его одежда была покрыта морской слизью, будто он ворочал мокрые камни. И только позже, уже на корабле, Туран объяснил, что его задержало: он заметил что-то похожее на высеченную из камня фигурку. Он был очень возбужден и даже пытался уговорить капитана стать на якорь где-нибудь рядом, чтобы утром послать на остров экспедицию.

Однако, по всем признакам, надвигался шторм, и капитан не согласился. Действительно, скоро на них обрушился страшный шторм, полностью выведший из строя до этого только поврежденный двигатель, так, что им пришлось зайти в один из небольших портов. Туран все время старался убедить капитана вернуться на этот остров, но ему это так и не удалось. Вскоре после их возвращения на родину вспыхнуло восстание.

— Так какое же отношение все это имеет к фокусирующему камню? — спросила Дзианта.

— Насколько нам известно, у этого народа нет сенситивов, но в Башне Бута у них содержатся несколько девушек, способных впасть в транс и отвечать на вопросы, которые задают жрецы. Способности их к этому весьма ограничены и теряются после нескольких сеансов. Видимо, эти силы находятся в ведении жрецов и хорошо охраняются. Их используют только тогда, когда стране что-то угрожает.

Однажды Туран постарался заручиться поддержкой жреца Третьего ранга, у которого был доступ к девушкам, и попросил разузнать историю этого камня.

Что рассказал ему жрец, пока неизвестно, но Туран тут же приказал украсить им корону, изготовленную для своей Высочайшей Супруги, которую она должна была надеть для погребения вместе с покойным Тураном. Корона оставалась здесь до той поры, пока Зуха не приказала надеть ее на твою голову, когда решила, что именно ты должна сыграть ту роль, которую она отводила для себя в своих клятвах супругу.

— И все это тебе поведал человек, преданный Турану? А он ничего не заподозрил? Ведь ты спрашивал о том, что и так должен знать.

Губы Турана искривились в подобии улыбки, настолько похожей на улыбку мертвеца, что она поспешно отвела глаза в сторону.

— Он узнал камень и удивился, что он у меня. Остальное я извлек из его памяти так, что он об этом и не догадался. В этом мире у сенситива большие преимущества. Я уверен, что камень был найден на острове, но существует ли еще этот остров — вот в чем вопрос. Если у этого камня есть двойник, то искать его надо именно там.

— Можно попробовать, если достать карты этой планеты. — Она вспомнила, как успешно провела поиск города по звездной карте.

— И найти их надо быстро. Я не могу больше уклоняться от встречи со жрецами в Башне Бута. Даже если их сенситивы и слабы, они могут обнаружить, что вернувшийся Туран не настоящий. Тогда Зука снова поднимет крик о колдовстве и потребует, чтобы нас уничтожили.

Дзианта была уверена, что уже одними своими ранами Туран не мог не вызвать подозрения, и вскоре...

ГЛАВА 9

Они спешили так, будто кто-то заседал на них сзади. Дзианта нашла нижнюю короткую тунику, как у Зуки, и надела сверху длинную полупрозрачную накидку. Подол ее она забрала в обе руки, чтобы длинные полы не мешали ей бежать по коридору, соединявшему женскую половину с покоем Турана.

Если существовали какие-то записи о путешествии Турана, то их следовало искать в его личном архиве. Но искать вслепую значило потерять много драгоценного времени. Им обоим предстояло проявить свои способности: один будет стоять на часах, другой же займется поисками, как это было в аппаратах Юкундуса.

Им было трудно даже представить себе, что они не просто в чужом мире, но и в иное время, а люди этого города не живут даже в легендах. Дзианта этому не удивлялась, ей только очень хотелось вернуться в свое время. Пусть ее там снова подстерегают опасности, но они существуют в реальном времени и поэтому все известны. Да и отсюда они вовсе не казались опасностями, а просто жизнью, какая она есть. Только неизвестность ввергает нас в бездну безотчетного и непреодолимого страха.

— Здесь. — Туран вошел в дверь и махнул ей рукой. Она последовала за ним.

— Записи? — оглядевшись, с удивлением сказала она, увидев вокруг себя что-то знакомое. Древние музейные свитки. Был ли это способ хранения тайны или в этом мире так обычно и хранили информацию?

Он прошел в кабинет и вернулся с пучком коротких веревок, связанных вместе с одного конца и свободных с другого. На них были нанизаны бусинки разного цвета и формы.

— Это — запоминающее устройство. В наше время такие могут встречаться у отсталых племен, не знающих письменности. Здесь имеется персональный шифр, известный только одному человеку. Закодированная здесь информация чрезвычайной важности и секретности. У каждого типа бусинки свой смысл. Но тот, кто знает шифр, может читать эти послания даже в темноте — пальцами, пробегающими по бусинкам.

— Если они принадлежат Турану, тогда ты сможешь...

Но он печально покачал головой:

— Вряд ли я смогу прикоснуться к памяти Турана, я даже своими силами не могу полностью располагать: они нужны мне, чтобы управлять телом Турана.

Дзианта протянула руку и коснулась пучка веревок. Потребуется мощная концентрация энергии, чтобы раскодировать Это. По сравнению с этим считывание с лент в Корваре было детской игрой. Вводилась она таким же человеком, как и она. Здесь же кодировал человек другого мира, другого времени и с совершенно чуждой психологией. Но это их единственный ключ, попытаться использовать его было просто необходимо.

— Ты постоишь на страже?

Он кивнул, и Дзианта стала внимательно рассматривать веревки. Они были шелковые, тонкие, бусинки же на них — белые, голубые и красно-оранжевые. Она пропустила их через пальцы... и ощутила жгучую, смертельную ненависть, словно эти шелковые веревочки предупреждали, что превратятся в опасных змей, если она осмелится прочесть хранимое ими знание. Вскрикнув, она отшвырнула его прочь, этот пучок веревок.

— В чем дело? — спросил Туран.

Она не ответила, только держала руку ладонью вниз над пучком, пытаясь установить источник, откуда исходила та пугавшая ее ненависть.

— Их недавно брали в руки. Брал кто-то такой, у которого столько ненависти и злобы, что теперь эти эмоции экранируют все. Пока я их не разрушу, я ничего не смогу сделать.

Он тяжело опустился на скамью, прислонился спиной к стене и закрыл глаза, при этом с лица его исчезли последние

островки жизни, будто в комнате оказался мертвец. Тяжело ему, посочувствовала Дзианта, поддерживать Турана в псевдоживом состоянии. Надолго ли его так хватит?

Она снова взяла пучок в руки: сильные эмоции затрудняли прием впечатлений. Она старалась подавить все, кроме нужной ей картины, и вот, наконец, уловила. Зуха! Да, ошибки не было, это она, Высочайшая Супруга. Но было тут еще одно прикосновение. Она поискала имя, внешний облик, чтобы Туран по описанию мог узнать того, чье присутствие она ощущала.

— Это Зуха, — сообщила она. — Но есть кто-то еще, кого Зуха приводила, чтобы считать информацию. Дело у них провалилось, и Зуха была очень зла — ей очень хотелось что-то найти. Думаю, часть шнурков от связки она взяла с собой, — те, которые считала наиболее важными.

— Если мы вскоре не найдем карту... — мысль его так и растаяла у нее в мозгу.

Время, они не могли победить время. Если бы у нее было несколько часов, дней, она бы непременно разобралась в этих шнурках с бусинками. Но времени нет, надо найти другой путь. Достаточно было взглянуть на Турана, чтобы это понять.

Итак, есть остров, появившийся из морских глубин, и где-то на нем — двойник этого камня. Они связаны друг с другом, эти камни, а сами они привязаны к своему камню. Эту связь надо разрушить, иначе Туран должен будет умереть снова, умрет и она сама — мучительной смертью от руки Зухи.

Девушка металась взад и вперед по комнате, лихорадочно перебирая все возможности. На скамье в полумертвом состоянии сидел Туран. Есть один путь! Но здесь, когда вот-вот появится враг, его не осуществишь. Так где же?

Дзианта остановилась и осмотрелась, стараясь быть хладнокровной, и... обратилась к памяти Винтры. В этом мире уже существуют летательные аппараты. Близ города есть аэропорт. Если Туран сможет управлять самолетом, если им удастся добраться до аэропорта, если они смогут захватить самолет... Ах, слишком много "если", слишком многое зависит не от них самих и может стать непреодолимой преградой. Но это их единственный шанс.

Она опустила на пол возле Турана и взяла холодные его руки в свои, стараясь согреть их и вдохнуть в него силы. Он открыл глаза и повернулся к ней.

— Я вытерплю. — Он как бы убеждал себя.

— Знаю. Я кое-что придумала, — заторопилась Дзианта. — Может, это невыполнимо, но ничего лучше я предложить не могу.

И она рассказала свой план. Ей хотелось, чтобы он отговаривал ее, предложил что-то еще, сказал бы, что не стоит рисковать, испытывать на себе влияние этого злополучного камня, но он медленно, с усилием проговорил другое:

— Ну что ж, это возможно. Ты права: нам нужно уединенное и безопасное место, где ты могла бы попытаться сделать это. Здесь мы вряд ли найдем такое. Не знаю, какие интриги против меня плетутся, но угроза существует: Туран должен опасаться даже своих домашних. Где же нам его найти, ты подумала?

— На берегу моря. — И она объяснила план захвата самолета, который, уж наверное, не сложнее флиттера.

— Кажется... — начал было он, но Дзианта резко повернулась к одной из стен, в которую была встроена потайная дверь. Шум, слабое царапанье за ней заставили ее потянуться к ближайшему столику, где стояла высокая ваза — первое подвернувшееся под руку оружие. Туран встал и медленно пошел открывать дверь. Стоило ему слегка приоткрыть ее, как в комнату проскользнул человек с повязкой на голове и со следами шрамов на лице.

— Лорд Командор, хвала Буту, ты здесь! — Он перевел взгляд на Дзианту. — И эта тоже с тобой?

— Что-нибудь произошло, Бамах?

— Большие неприятности, Лорд Командор, — кивнул Бамах. — Может даже произойти катастрофа. О, она..., — он произнес это слово с гневом и отвращением, — она послала за жрецами. Они заберут тебя и эту, — он указал пальцем на Дзианту, — в Башню Бута, чтобы объявить о чуде всем. Но они не верят, что вы доберетесь до убежища в целостности и сохранности. За всем этим стоит Пувульт, Лорд Командор. Уже полгода, как ты его изгнал, но ходят слухи, что он вернулся, когда ты воевал с повстанцами на севере. А после твоих похорон он появился открыто — даже в стенах твоего дома.

— Значит, Высочайшая Супруга приветствовала его?

— Лорд Командор, уже давно говорят, что она на стороне молодой, а не старой ветви твоего дома. — Бамах избегал смотреть в глаза Турану, было ясно, что он что-то скрывает,

— И когда я лежал в гробнице, Пувульт взял власть в свои руки?

— Твоя правда, Лорд Командор. Они думали, что ты ушел навсегда, а ты вдруг взял и вернулся...

— С помощью чуда. Оно дало мне могущество, и теперь я могу видеть все их интриги.

— Лорд Командор... — Бамах замаялся, словно набираясь

мужества, чтобы продолжать, облизнул губы и быстро заговорил:

— Они утверждают, что ты все еще в гробнице, а эта ведьма Винтра сотворила подобие человека, хотя каждый, как и я, может прикоснуться к тебе. Но Зуха говорит еще, что если тебя поместить в Башню Бута, все злые силы исчезнут и люди убедятся, что это не настоящее возвращение, а колдовство. Жрецы очень разгневаны. Они говорят, что в прошлом Бут возвращал на землю тех, чье земное предназначение было еще не завершено. Зухе они не верят, но хотят, чтобы весь народ убедился в могуществе Бута. Так, что за тобой должны прийти, но Зуха уверена, что до башни тебе не добраться.

— Значит, — засмеялся Туран, — она сама себе не верит, иначе спокойно бы предоставила Буту возможность решать.

— Мы можем сопровождать тебя в Башню. Жрецы Бута станут стеной на твою защиту.

— Где мои верные солдаты? — Туран покачал головой, какая-то тень пробежала по его лицу. — Мои верные солдаты..., — повторил он с некоторым удивлением, будто не понимал значения этих слов, которые невольно всплыли у него в памяти. Но Бамах был настолько поглощен мрачными мыслями, что не заметил этих колебаний, и Дзианта с облегчением вздохнула.

— Она отправила их на север. Они все твои боевые товарищи, они знали, как ты ненавидишь Пувульта. Под этой крышей ты можешь доверять только мне, Тираху, а из молодых Кор си Питу, Джанти си Ихте. Ты знаешь, у каждого из нас есть свои преданные нам люди, так что нас вполне хватит, чтобы доставить тебя в Башню в целости и сохранности.

Туран нахмурился.

— Есть еще один — не из этого дома. Он вне подозрений и за ним не следят. Это тот, кто одолжил мне свой плащ в ту ночь, когда я вернулся.

— Знаю, я отыскал его. Его отец — жрец Бута, некто Гантель Су Рвельт. Они живут на южном берегу. Юношу взяли в армию год назад.

— На южном берегу? — Туран увидел в этом благоприятный знак. — Сможешь ли ты тайно связаться с ним?

— Смогу. Но ты ведь знаешь, что здесь кругом глаза и уши, от них не спрячешься.

Туран вздохнул. Лицо его совсем стало похожим на обтянутую серой кожей маску мертвеца.

— Бамах..., — Туран снова тяжело опутился на скамью, будто едва держался на ногах. — Я покину дворец вместе с леди Винтрой. Но в Башню Бута я пока идти не хочу. У меня оста-

лось одно дело, о нем я узнал слишком поздно, когда был уже при смерти. Но я должен сделать это теперь, пока тело еще подчиняется мне. Время работает против меня. Мне нужна свобода передвигаться по стране без вопросов и помех. В этом я прошу твоей помощи. Если даже мои боевые товарищи не могут откликнуться на мой зов, то где же справедливость в этом мире?

— Истинная правда, Лорд Командор! В своем деле ты можешь положиться на нас.

Дзианта смотрела на его встревоженное лицо и думала, а можно ли доверять этому человеку?

— Отлично, больше мне никто не нужен. Теперь я скажу тебе, что мне надо. Ты знаешь о моем путешествии на остров, поднявшийся со дна моря. Мы говорили с тобой об этом.

— Да, я помню. Ты тогда хотел взять корабль и отправиться на его поиски, но помешало восстание. Но зачем?

— Я нашел там одну вещь, которая должна обеспечить мою безопасность.

— Лорд Командор, ты, по-моему, болен. А может..., — он повернулся к Дзианте, на лице — сильное недоверие. — А может и правда в том, что говорит Высочайшая Супруга, — что эта распутница околдовала тебя? Ну какая польза тебе сейчас рыскать в морских камнях?

— Это нечто древнее и могущественное. И в этом нет никакого колдовства. О том, что там лежит, я знал задолго до того, как Винтра вошла в мою жизнь.

— Это камень, который ты привез оттуда и приказал потом вделать в погребальную корону, чтобы он никому не достался?

— А каким образом леди Винтра, в короне которой был этот камень, смогла прийти мне на помощь из глубочайшей древности? Разве ты не слышал о людях, обладающих странными способностями и могуществом? А что ты скажешь о старинных преданиях и легендах?

— Но им же верят только дети и простодушные люди! А теперь мы с помощью наших машин творим все эти чудеса, о которых рассказывают легенды

— Возможно. Но на острове есть вещи, обладающие невероятным могуществом. С тем, что я нашел тогда и что надеюсь отыскать, я буду хорошо вооружен и смогу противостоять любому, кто попытается меня уничтожить. Ведь помогло же мне это выйти из гробницы и вернуться в мир живых.

— А как же ты доберешься до острова?

— С твоей помощью и с помощью того молодого солдата. Вы подготовите для меня и этой леди, так как она тоже посвящена в тайну...

Бамах действовал с быстротой, которую Дзианта от него не ожидала. Спасла ее только интуиция. Она плашмя бросилась на пол, иначе небольшой лазер, спрятанный у него в рукаве, прожег бы ее насквозь. Туран вскочил на ноги с криком:

— Бамах, остановись, что ты делаешь?

— Это же Винтра, ведьма. Если ты хоть каплю от нее зависишь, то ей лучше умереть.

— С нею умру и я — вот чего ты добьешься. Я же говорю тебе: это она вернула меня к жизни и без ее помощи мне конец.

— Это все колдовство, Лорд Командор. Доверься жрецам и прими их помощь.

Все еще лежа на полу, Дзианта ошарашила Бамаха сильным импульсом направленной энергии, после чего голос его внезапно изменился и затих, руки безвольно повисли и из разжавшихся пальцев выпал лазер. Она быстро схватила его. Управлять им оказалось просто — целясь и нажимай на кнопку.

“Не следовало говорить ему всего”, — мысленно укорила она Турана.

“Он нам нужен. Без него мы будем делать один промах за другим и в результате ничего не добьемся”, — ответил Туран.

По мнению Дзианты, один промах они уже сделали, но ей ничего не оставалось, как принять план Турана. Она задавалась вопросом, а не отражается ли на его способности трезво мыслить борьба, которую он ведет за удержание жизни в мертвом теле? Не наступит ли время, когда ей придется взять руководство на себя?

Нехотя, она выпустила Бамаха из-под мысленного замка, и тот потряс головой, как бы стараясь отделаться от головокружения. Когда он полностью пришел в себя, она положила лазер на скамью рядом с Тураном.

— Смотри, — говорила она резким грубым голосом Винтры, предводительницы повстанцев, — у меня нет оружия. Твое оружие вон там, на скамье. Теперь подумай: будь я врагом, отдала бы я его добровольно? Да, я ненавижу ваш Сингакок. Но когда мы с Тураном были в гробнице, мне открылось нечто такое, что накрепко связало нас и что стоит выше всякой вражды между нами. Возьми свое оружие и, если ты мне не доверяешь, убей меня.

А что, если он попытается, мелькнула мысль, что если мой риск чересчур велик? Тогда остается надеяться только на Турана. Бамах протянул было руку к оружию, но в последнюю секунду отдернул ее назад.

— Она говорит правду, — сказал Туран. — Ведь у нее нет оружия и она окружена врагами. Она не лжет.

Бамах покачал головой.

— Это одна из их уловок, Лорд Командор. Чем же ещё повстанцы могут удержать вас от похода на них?

— Чепуха! Винтра сейчас не имеет никакого отношения к повстанцам.

— Тебе нужна клятва перед алтарем Бута? — вмешалась Дзианта. — Другие клятвы связали меня за те долгие часы во мраке гробницы, пока не открылась дверь для духа. Неужели ты думаешь, что можно пройти через такое испытание и не измениться? Теперь я связана с Лордом Командором, и это будет до тех пор, пока его миссия не завершится.

— Бамах перевел взгляд с Турана на девушку и обратно.

— Лорд Командор, — примирительно заговорил он, — я был рядом с тобой с той самой битвы при Далруме. Я поклялся служить тебе по собственной воле и сейчас буду делать, что прикажешь.

Не слишком ли быстро он сдался. Дзианта запустила мысленный зонд: мысли были ей непонятны, но отличить врага от друга она могла безошибочно.

— Все, что мне нужно, — это летательный аппарат и штурман — тот молодой солдат. Мне надо спешить, я должен лететь сегодня вечером.

— Это будет сложно.

— Трудности меня не заботят! — отрезал Туран, сверкнув гневным взглядом. — Если мы сейчас же не отправимся в путь, будет слишком поздно.

— Это верно, — согласился Бамах. Он заторопился, достал из ящика плащи с капюшонами, но без знаков отличия. Затем пошел разведать путь через дворец. Пользуясь его временным отсутствием Дзианта обратилась к Турану:

— Ты ему доверяешь? Ведь он может счесть твои приказания неблагоразумными и из самых лучших побуждений выкинуть какой-нибудь дрянной фокус. Винтру он считает самым главным и коварнейшим врагом и вряд ли изменит свое мнение.

— Да, разумеется, полностью положиться на него нельзя. Но как иначе выйти из ловушки? Если он не предаст, мы своего добьемся. Если же он ведет двойную игру, мысленный поиск предупредит нас об опасности. Жаль только, что мы не можем читать их мысли с полной уверенностью, что понимаем их.

Но по всему было видно, что Бамах их не предал. Через боковой выход он вывел их из дворца на улицу, где их уже ждал автомобиль. Он сообщил, что солдат их встретит в аэропорту,

но до этого придется отмахать полгорода, и кто знает, что может случиться на пути.

— Ладно, поехали, — оборвал его Туран, и Бамах сел за руль.

Машина была меньше той, на которой они были дославлены во дворец, и Дзианте пришлось тесно прижаться к Турану. Прямо перед ней сидел Бамах и она была наготове. Она будет действовать при первых же признаках того, что Бамах уклоняется от исполнения приказаний Турана.

ГЛАВА 10

Дзианте представилась возможность увидеть своими глазами незнакомый древний город, незнакомый даже цивилизации Предвестников и закатанам при всей их учености. Но ей было не до этого: бегство отсюда занимало все ее мысли, к тому же надо внимательно присматривать за Бамахом. Пока его поведение заслуживало доверия. Автомобиль без задержек мчался сперва по тихим, потом по шумным улицам, и можно было полагать, что если их побег уже и засекли, то напасть на их след еще не успели.

Бамах свернул с широкой улицы на боковую, потом куда-то еще. Дзианта не могла оценить правильность решения их шофера, поскольку ни она, ни память Винтры не располагали никакими знаниями о направлениях городских улиц. Он сделал еще один поворот, проехав стоянку автомобилей и направил машину к освещенному зданию.

По одну сторону дороги лежало огромное освещенное поле. Дзианта видела, как на яркую полосу вырулил самолет, развернулся и после небольшого разбега взлетел в воздух. Он был вовсе не похож на их флиттеры: эти фиксированные крылья, этот долгий разбег... Их флиттеры поднимались прямо с места.

Память же Винтры содрогнулась при виде самолета. В ней возникли живые картины: с этих самолетов вниз летят какие-то предметы и, падая на землю, взрываются, сея вокруг себя смерть, разрушения, страдания.

Описав круг, Бамах остановился у небольшого самолета. Погасив фары автомобиля, он высунулся из окна и тихо позвал:

— Дорамос Су Гантель.

— К вашим услугам, Лорд Командор, — последовал быстрый ответ.

— Отлично. — Туран заговорил впервые с тех пор, как они оставили дворец. — Благодарю тебя, боевой товарищ.

— Мне все кажется, что я поступил неправильно, — в голосе Бамаха прозвучали тревога и усталость. — Не понимаю,

зачем тебе все это надо. — Он на своем сиденьи повернулся к ним. — Лорд Командор, эта женщина — твой смертельный враг, она поклялась перед господином Бенгаркла, что твоя голова будет посажена повстанцами на кол. И теперь...

— А теперь по воле Бута леди Винтра служит мне так, как никто не может служить. Вспомни, Бамах, откуда я вернулся. Если бы она хотела моей смерти, разве был бы я здесь?

— Но Высочайшая Супруга подозревает колдовство.

— Она преследует свои цели, ты ведь сам знаешь об этом. Разве не ты предупредил меня о ее намерениях покончить со мной? Обещаю тебе: когда я вернусь, все станет ясно и от твоих сомнений и беспокойства не останется и следа. А если останусь сейчас здесь, то скоро снова окажусь в гробнице.

Дзианта услышала, как Бамах тяжело вздохнул.

— Не сомневаюсь в твоих словах, но все же... если бы был третий вариант...

— Третьего тут не дано, Бамах. И мое дело не терпит отлагательства. Чем больше я теряю времени, тем меньше шансов на успех.

Он вышел из машины, Дзианта последовала за ним. Подошел солдат.

— К твоим услугам, Лорд Командор. Приказывай.

— Надо лететь на южный берег и там найти уединенное место, где бы нас никто не увидел. Дело важное и срочное. Ты умеешь водить самолет?

— У отца есть личный самолет, но на таком маленьком я не летал.

— Ничего, быстро освоишься. — Туран повернулся к Бамаху. — За все, что ты сделал для меня сегодня, вечная тебе благодарность. Ты спас мне жизнь или, скорее, продлил ее. Я буду помнить об этом всегда.

— Позволь, я полечу с тобой, — Бамах протянул руку и притронулся к Турану.

— Нет, я оставляю тебя здесь прикрывать меня с тыла. Это трудная задача.

— Будь спокоен за свои тылы, Лорд Командор, но сам берегись. — Взгляд его задержался на Дзианте.

— Будь спокоен и ты, — ответил Туран.

Они взобрались в кабину самолета, солдат включил мотор и он зажил своей беспокойной вибрирующей жизнью. Затем самолет разбежался и взлетел, при этом их тряхнуло, и Дзианта всем телом ощутила непривычную вибрацию. Такого во флиттере не было. Полет в эре Предвестников был куда неприятней, чем в ее время.

— Хорошо, что малогабаритные самолеты могут взлетать

без разрешения, а то пришлось бы сочинять какую-нибудь байку, — сказал Туран. — Ну, а теперь решим, куда лететь. Слушайте меня, от этого зависит многое. Ты, солдат, должен приземлиться где-нибудь поближе к морю, в укромном местечке. Мы ищем источник могущества, который находится на острове. Остров нам укажет... — Туран заколебался и продолжал: — От этого зависит будущее.

Он не сказал, что за будущее, и Дзианта улыбнулась в темноте. Влияние Турана, настоящего Турана, было огромно, раз он заставил этих двоих слепо повиноваться. Правда, у Бамаха все еще остались сомнения. Наверное, в этой цивилизации, где их таланты никем не признаются, сенситивы могут воздействовать на людей, сами того не сознавая. Солдата она тоже сможет взять под контроль.

— Здесь есть плато Ксута. У него плохая репутация, и со времен Командора Рольфи там мало кто бывает, хотя все это лишь болтовня суеверных крестьян.

Болтовня крестьян? Возможно. Но когда он говорил это, в его мозгу Дзианта уловила какие-то легкие тени, будто он и сам верил в то, что на плато есть что-то таинственное, представляющее угрозу для людей. Если Туран и уловил это, то не подал вида, а может, и не обратил внимания, лишь сказал:

— Пусть будет Ксут. Ты можешь доставить нас туда?

— Думаю, могу.

— Отлично! — Туран наклонился вперед, внимательно следя за действиями пилота.

Дзианта настроилась на волну Турана и принялась снабжать его дополнительной энергией. Они молчали. Несколько раз за окном мелькали огни пролетающих самолетов, но их самолет, похоже, никто не преследовал. Все же сомнения не покидали девушку. Она не могла поверить, что Высочайшая Супруга позволила им просто так улететь из Сингапока.

Ночное небо посветлело и наконец они увидели восход солнца. Впервые за время долгих часов полета пилот нарушил молчание:

— Море, Лорд Командор. Теперь поборачиваем на юг, к Ксуту.

Туран молчал. Выглядел он смертельно бледным и больным. Дзианта забеспокоилась: выдержит ли он? Да и надежда на то, что у них что-то получится, казалось такой слабой! Впервые Дзианта ощутила холодное дыхание страха.

— Это Ксут, Лорд Командор. Думаю, что смогу сесть вон там, на той дорожке.

Машина пошла вниз. Это казалось очень опасным по сравнению с посадкой флиттера. Машина коснулась земли, под-

прыгнула, коснулась еще раз. Дзианта услышала, как застонал Туран, лицо его еще больше посерело, рот был открыт, будто ему не хватало воздуха. Наконец, машине остановилась, и пилот облегченно вздохнул.

— Фортуна к нам милостива.

Дзианта осмотрелась: они были у самого края утеса, их обдувал ветерок, сзади слышался шум прибоя. Они приземлились на узкой ровной полоске земли между монолитными стенами скалы. Здесь ничего не росло. Внезапно от резкого толчка в мозг она вскрикнула: ощущение было таким, словно она погрузилась в то время, откуда появились эти камни, торчащие из-под земли. Здесь было что-то злое, то, что она почувствовала тогда в словах пилота. Ей не хотелось прикасаться к этим странным черным камням, “прочитывать” их содержание. Здесь присутствовало чужое враждебное прошлое. Это были развалины давно исчезнувшего города или замка.

Над морем летали птицы с ярко-желтыми крыльями, но сюда они не приближались, меж камней также не было видно никакой жизни, будто все живое избегало этого места.

Дзианта погрузилась в память Винтры и получила тревожный ответ: Ксут известен повстанцам, правда только по рассказам и легендам, как темное место, где в прошлом произошло нечто такое, что изменило весь миропорядок, откуда пошли все болезни и язвы мира, свирепствующие и по сей день, что и послужило причиной восстания.

Она обратилась к своим сверхчувствительным способностям: как сильно на нее повеяло погодой, эмоциями, от самого города и даже от его остатков, окрестностей! Это древнее зло, горький аромат которого щиплет ей ноздри, — не помешает ли оно ей сделать то, для чего она явилась сюда?

Стараясь не касаться черных камней, Дзианта подошла к морю. Она ступила на шельф, казавшийся остатками огромного старого моста над прибоем. Волны бешено бились внизу о его подножие. Никаких признаков песчаного берега видно не было. Но здесь, на этом выступе, мрачное излучение черных камней на нее уже не действовало. Это было единственное поднявшееся высоко над землей место, откуда, обдаваемая мельчайшими брызгами прибоя, она могла вести мысленный поиск, обращенный к морю. Она передала мысленное послание:

“Здесь среди камней ощущается слишком много древнего зла. Их излучение мне мешает”.

Волна мысли принесла ей ответ: “Иду”.

Она повернулась и увидела, что Туран идет медленно, осторожно, будто рассчитывает каждое движение, не полагаясь

на автоматизм инстинктов. Пилоту он жестом приказал остаться у самолета. Когда же он подошел к Дзианте, его было не узнать: голова гордо поднята, взгляд тверд и ясен.

— Ты готова?

— Готова.

Теперь, когда предстояло исполнить свое решение, ей вдруг очень захотелось ускользнуть, ведь разок она уже испытала на себе действие фокусирующего камня — и вот она здесь! А где окажется еще после второго раза? Она взяла камень в руки, но прежде, чем смотреть в него, попросила Турана:

— Держи меня, не дай мне потеряться. Ведь если я...

— Тогда мы оба, — кивнул он. — Сделаю все, что нужно. Не беспокойся об этом.

— Ну, тогда..., — она сжала камень в ладонях и поднесла его ко лбу. И вот...

Шум моря, дикого разгневанного моря. Комната ее в башне вся сотрясается, воздух наполнен грохотом волн. Гнев моря направлен против Норноха. Выстоят ли стены против этого шторма, и если да, то против следующих за ним?

Дзианта? Нет, кто эта Дзианта? Имя в слабом проблеске памяти исчезает, как сон при пробуждении Эрии.

Эрия! В голове у нее звон, где-то невдалеке шумят ветер и море, она старается проснуться, подготовиться к встрече с неизбежным. Она неуверенно подняла руки — у ней должно быть нечто... где же? Надо посмотреть на полу!

Сердце ей сдавил страх что-то потерять. Она бросилась на колени, шарила по толстому ковру руками, и при каждом ее движении полированные раковины, из которых была сделана ее юбка, слегка позванивали. Юбка была надета поверх тончайшей рубашки, едва закрывающей грудь. Кожа — зеленая, нет — бледно-зеленая, а скорее — золотистая, хотя трудно было сказать, какая именно, ведь она была покрыта чешуей и цвета переливались, как драгоценные камни. Она была Эрия Глаз.

Глаза! Вот что это такое. Как только могла ей прийти в голову такая глупая мысль искать их на полу? Где еще им быть, как не там, где они были с тех пор, как на нее пал выбор и она стала тем, кем она есть сейчас? Она подняла руку и прикоснулась к обручу на голове: в обруч были вправлены два камня, видеть которые она не могла, только чувствовала их над каждым виском, где им и следовало быть. Как она могла только подумать, что они потерялись.

Она была Эрия и... она была Дзианта! Прокатившаяся в мозгу волна памяти расчистила путь другим мыслям. Она с удивлением осмотрелась вокруг себя. Опаловые стены комна-

ты переливались многими цветами, они были гладкие, как стенки раковины. Прекрасный ковер на полу мягко пружинил, будто жил своей жизнью. Две длинные и узкие щели — окна. Она подбежала к ближайшему. Она — Дзианта, нет — Эрия!

Глаза — они хотели, чтобы это была Эрия. Руки потянулись к голове, чтобы снять этот обруч с камнями, запутались в жестких, как водоросли, волосах, но снять его так и не смогли.

Дзианта должна остаться Дзиантой и выяснить, где находится Норнох. Прищурившись, она смотрела из окна и соленые брызги попадали ей на лицо. Там были и другие башни Норноха, на одной из которых Эрия охраняла свою страну. Уже много веков к ней подступало море. Ее народ сдерживал натиск, как мог, но когда рухнут Три Стены и море вернется, тогда придется отступить назад, или вниз по лестнице эволюции, чтобы снова стать теми, кто выживет в лишенных разума существах, копошащихся в мертвой тине, — чем они были прежде. Но этого не должно произойти, пока у Глаз есть голос и разум! Шестеро Глаз и те, кто их носит, — по одному на каждую стену.

Она прильнула к стене, стараясь успокоиться, собрать все силы — и те, что достались ей при рождении, и те, что были развиты упорными тренировками. Они были нужны ей, чтобы выполнять свою обязанность — заботиться о прочности стены, быть защитой народа от наступающего моря.

Построили эту и две другие стены существа по имени Лурла, построили из выделений собственного тела. Строительство велось веками, и все это время люди Норноха, стремясь защититься от моря, кормили Лурла и всячески заботились о них.

Заставь Лурла работать! Она была уже и не Эрия, а сила воли, непрерывно подстегивающая Лурла, пока те не заворачивались лениво, делая свое дело. Медленно, ах, как медленно. Но все же большей скорости от них не добиться. Выделение, строительство, укрепление! Двигаться живее, чтобы волны не превратили нас в ничто. Глаза, энергию — на Лурла, чтобы заставить их работать!

Но все медленно, ах, как медленно! Может и прав был Фани: потому это все, что народ отошел от старых обычаев — перестал делать жертвоприношения? Однако нельзя позволять мыслям отклоняться от главной цели, от того, что должны делать Лурла. Она видела их внутренним оком, как их тела слизняков ползают взад и вперед вдоль стены, оставляя за собой пену, которая, застывая в воздухе, укрепляла основание. Старайтесь Лурла, проснитесь и двигайтесь. Трудитесь ради жизни и спасения Норноха. Шторм свиреп, неужели вы не

чувствуете, что башня шатается? Проснитесь, выделяйте, стройте! Это был уже как бы крик во весь голос.

Море еще ревет в ушах, но уже слабее, его ярость убывает. Наверное, Фани ошибся — это вовсе не самый страшный шторм из всех, что были прежде. Ей уже не нужно бояться...

Дзианта!

Не было тех узких окон, она стояла на открытом воздухе. С моря доносились крики птиц. Перед ней, положив ей руки на плечи, стоял Туран. Дзианта высвободилась из его рук, отвернулась от моря и стала разглядывать камни, словно видя еще Норнох, его башни, Три Стены, которым грозит опасность, если Лурла будут спать.

Да нет же, все давно позади. Сколько веков прошло с тех пор, она не знала. Возможно, между Эрией и Винтрой такая же дистанция, как между Винтрой и ею, Дзиантой. Но дать ей численное определение ее мозг был не в силах.

Теперь она знала, где находится, вернее находился Норнох, если от него хоть что-то осталось.

— Он здесь — на суше или под водой, но здесь!

На нее уже навалилась слабость, постоянная спутница ее трансов, и она позволила Турану отнести себя к самолету.

Сразу же, будто их приход был сигналом, из кабины самолета появился солдат. Лицо его было очень встревоженным.

— Лорд Командор, я только что получил радиосообщение. Они пользовались эсходом.

Но ни память Винтры, ни память Турана не могли сообщить им ничего относительно эсхода. Дзианту выручил мысленный зонд. Оказалось, что это “военный код для сообщений высшей степени секретности”.

— Повстанцы... — начал было Туран, но пилот замотал головой.

— Лорд Командор, они охотятся за тобой и получили приказ убить тебя немедленно. — На лице солдата было написано смятение.

— Боевой друг, теперь мы должны расстаться. Ты оказал мне очень важную услугу, но все же дальше ты с нами не полетишь.

— Куда бы вы ни направлялись, я с вами. — Намерение его было твердым.

— Но ведь не в Норнох же! — воскликнула Дзианта, сама не понимая, зачем.

Голова солдата резко дернулась, как от удара.

— Что вы знаете о Норнохе?

— Там находится то, что мы ищем.

— Лорд Командор, не верь ей! Норнох. Да это же все сказки,

которыми моряки пугают своих детей. Нет никакого Норноха, никаких людей-рыб, они только в кошмарных снах!

— Что ж, тогда нам придется искать и в снах.

Пилот встал между ними и кабиной самолета.

— Лорд Командор, эта ведьма и впрямь околдовала тебя. Она доведет тебя до могилы. Не позволяй ей этого.

Хотя Дзианта и валилась с ног от усталости, но сделать это ей пришлось: собрав в пучок побольше энергии, она ошарашила беднягу солдата ударной волной. Тот схватился за голову и повалился на землю.

Нехорошо, конечно, но ничего другого не оставалось, — виновато сказала она.

— Да, знаю. Мы должны улететь, пока он не придет в себя. А куда лететь, ты уверена?

— Абсолютно, — просто ответила Дзианта, когда они с Тураном забрались в кабину самолета.

ГЛАВА 11

Дзианте захотелось закрыть глаза, когда Туран запустил моторы и самолет тронулся в сторону моря. Поднимутся ли они в воздух или рухнут в волны океана? Она знала, что Туран перенял все искусство пилотирования от солдата, но ведь это был его первый полет. Они уже летели низко над самой водой, и у Дзианты замирало сердце: ну вот, сейчас все будет кончено. Но самолет выровнялся и набрал высоту.

На усталом лице Турана было написано странное возбуждение, будто он поднял самолет одним лишь усилием воли. Она держала фокусирующий камень в руках и чувствовала его сильное притяжение.

Но где же лежит второй Глаз? Может, в глубине океана, где его нипочем не достать? Она сконцентрировалась на камне, приняв при этом все меры предосторожности, чтобы не впасть в транс.

Хотелось есть, пить, спать, но она старалась отогнать все эти желания, помня, чему ее учил Оган. А учил он пользоваться телом всего лишь как инструментом, не допуская, чтобы потребности его возобладали над волей и разумом.

Дзианта полностью заблокировала мозг, не отвечая на вопросы Турана, сосредоточив все силы на том, чтобы вести к цели. Время для нее перестало существовать. Она ощущала только тонкие нити, связывающие ее с камнем. Вдруг они напряглись, камень стал теплее, и она взглянула на него: яркость его увеличилась, словно это было устройство для передачи сообщений.

— Камень, — сказала она вслух, чтобы не нарушать концентрацию мысли. — Он проявляет признаки жизни.

— Должно быть где-то рядом. — Голос Турана был тихим, почти шепотом. — Только бы не на дне океана.

Дзианта пододвинулась вплотную к иллюминатору, пытаясь увидеть что-нибудь впереди. Лучи отраженного от воды солнца слепили глаза. И вот что-то темное поднялось из воды.

— Туран, остров!

Самолет сделал круг. Внизу только острые пики скал и никакой растительности. Где же приземлиться? Самолеты этого мира при взлете и посадке требовали больших пространств — не то что их флиттеры, которые довольствовались и небольшой площадкой. Описывая новые круги, Туран рассуждал:

— Этот остров больше, чем я предполагал. То ли рассказы о нем были неверны, то ли с тех пор он еще больше вышел из воды...

— Смотри туда! — закричала Дзианта, указывая на юг.

От утесов, что торчали в центре острова, прямо в бушующие волны тянулась полоса, сложенная из массивных каменных плит. Волны бились о плиты, оставляя на них пену. Похоже, это был огромный пирс.

— Ну как, ты сможешь сесть на нем?

Туран уже пришел в отчаяние и готов был садиться, где угодно, поэтому он мрачно пошутил:

— Чтобы узнать это, есть единственный способ — это попробовать.

Когда самолет покати по этой странной мокрой полосе, Дзианта закрыла глаза, ощущая всем телом толчки и встряхивания. Видно, плиты вовсе не были такими гладкими, как казалось сверху. Наконец, шум мотора прекратился и они стояли, не разбившись об острые скалы и не рухнув в волны. Вода была совсем рядом, но опасность уже миновала.

Туран сидел, безжизненно откинувшись в кресле пилота. Она потрянула его за плечо, окликнула: Туран!

— Я больше не могу пользоваться этим телом, — прошептал он. — Открой свой мозг и слушай мои мысли.

Ее охватил страх. Бросив фокусирующий камень на колени, чтобы он не мешал приему мыслеволн, девушка наклонилась вперед и обхватила его голову руками, словно предмет, который ей необходимо прочесть ради спасения своей жизни. В мозг ее потекла информация: то, что удалось вывести у солдата, как им после окончания экспедиции улететь отсюда, зачем они прилетели сюда, что ей делать потом. Когда прием сведений был закончен, она запротестовала:

— Держись, нельзя раскисать, ты должен держаться! Не то...

— Останусь здесь навсегда? Это хуже, чем смерть!

А может, смерть отпустит его, подумала девушка, когда он вернет ей тело, которое не смог оживить полностью. Этого она не знала, зато твердо знала, что не должна позволить ему умереть здесь, а для этого обязана найти ключ не только к его возвращению, но и оживлению.

Она наклонилась к нему и инстинкт подсказал ей, как лучше попытаться вдохнуть жизнь в это тело — этим способом издавна пользовался ее народ. Губы ее коснулись безжизненных губ Турана и она постаралась передать ему свою энергию.

— Держись!

Времени было мало. Она с трудом открыла дверцу кабины и вышла. Прижимая камень к груди, она пустилась в путь по каменным плитам. Ей предстояло пересечь широкое пространство, прежде чем она доберется до середины острова.

Было ясно, что дорога была делом чьих-то рук, а не слепой природы. Долгое время она находилась под водой: на плитах были раковины и гниющие остатки водорослей. Камни, из которых была сделана дорога, при всех их гигантских размерах так плотно прилегали друг к другу, что отделить их не смогли даже многие века. Фокусирующий камень тянуло сильно, как на веревке, но как найти другой ее конец в этом диком нагромождении камней?

Одежда Дзианты не была приспособлена к такому путешествию, колени ее кровоточили, полопались ногти, она порезала ладони об острые края раковин, но все же упрямо продвигалась вперед. И вот... перед грудой камней ее пути пришел конец. Невидимая веревка еще продолжала тянуть, но пути дальше не было.

Снова перед ней возникло огромное древнее сооружение, правда, на сей раз совершенно целое. Его гладкие стены возвышались над утесом. Ни отверстий, ни трещин — они казались непроницаемыми. Но Дзианта знала, что за ними лежит то, зачем она и пришла.

Как же пробиться сквозь эту стену? Она в отчаянии опустилась на землю у ее подножия. Может, в самолете есть какой-нибудь инструмент? Хотя какой инструмент справится со стеной, кладка которой простояла века под сокрушительными ударами волн? Оставался только один, но опасный путь, особенно для Турана. Но не сделать этого последнего шага значило для них остаться здесь навсегда.

Она поднесла камень ко лбу и снова оказалась в овальной комнате. Она чувствовала тяжесть Глаз, прикрепленных к головному обручу. Вокруг нее сгустился страх, словно с таин-

ственно мерцающих стен спускались мрачные тени и обступали ее.

Шторм... Она выдержала его, правда, ей стоило большого труда заставить Лурла работать и укреплять стены. Они сопротивлялись. Тяжело дыша, она обдумывала, что же это может значить. Уж не ослабевает ли ее могущество, ее способность управлять Глазами? Может настало время, когда...

Нет! Это время еще не пришло! Она не так уж стара и слаба! Просто-напросто шторм был очнь сильным, таким сильным, какого до сих пор еще не бывало. К тому же и Лурла устали. А ее слабость тут ни при чем. Она оглядела свое плотное обтекаемое тело под юбкой из ракушек. Нет, ей еще рано отказываться от Глаз, отречься от них.

Эрия подошла к щели окна. Волны уже значительно спали, но море все еще казалось голодным и злым, а в низко висевших над ним облаках чудилось что-то зловещее. Слабый звук за спиной заставил ее обернуться. В открывшейся в стене двери стояла женщина — тонкая, хрупкая, с грубыми волосами темно-зеленого цвета, цвета юности. Обнаженное тело блестело от недавнего погружения в воду, шейные жабры были все еще слегка приоткрыты.

— Приветствую Глаза, — сказала женщина с легкой усмешкой в голосе. — После шторма нам удалось собрать хороший урожай, много чего полезного выбросило на берег. А Хуна заявила, что у нее не хватает сил управлять Глазами, — говоря все это, она смотрела на Эрию жестким и алчным взглядом.

— Тебе, Атая, с самого начала не нравилось то, что Глаза доверили мне, и вот теперь ты все следишь за мной — ведь они могут достаться твоей сестре.

— Но Хуна ведь на пять лет моложе меня. И нельзя забывать, что в Норнохе меня не очень-то любят. Я всегда одна, не люблю общества — уж так я устроена. Но кто же тогда встанет на мою сторону, если возникнет такой разговор?

— Хуна хорошо служила. — Эрия старалась следить за своим голосом: Атая не должна заподозрить, что Эрию смущали ее новости.

— Она бы могла служить даже еще лучше. — Атая облизнула губы острым язычком, словно почувствовала что-то приятное и хотела продлить удовольствие. — Собирается военный совет.

Эрия замерла, но тут же постаралась расслабиться, надеясь, что Атая не заметила этой перемены. Однако мало что могло укрыться от ее проницательности.

— Но это же против порядка вещей. За Глазами не может быть надзора.

— Фани сослался на Закон о Тройной Опасности. В таких случаях войны не зависят от Глаз. Это тоже в порядке вещей.

Эрия едва удержалась от восклицания. Ведь Фани — фанатик, приверженец старых обычаев, от которых современные люди уже отошли. Что же будет, если у него найдутся сторонники?

— Войны встречаются и сейчас, — продолжала Атая, придвинувшись поближе к Эрии, чтобы лучше видеть следы беспокойства на ее лице. — Фани говорил с ними. И голос Пика...

— Голос Пика, — пербила ее Эрия, — не говорит уже столько лет, сколько ты помнишь себя, Атая. — Их разговор шло Голосе, установленном на высочайшем пике внутри Трех Стен. — Сам Рубия не мог добиться от него ответа, когда работал с ним в прошлом году. У древних были свои тайны, которые мы давно потеряли.

Не так уж много и потеряно. И потеряли, возможно, потому, что ищем пути полегче, от этого и слабеем. Они с братом изучали мудрость древних. Говорят, что наше будущее очень мрачно, если мы не найдем способа умиловить Лурла. Уже троиз из них Хуна не смогла заставить работать во время шторма.

Троих? Она не справилась с троими? А ей, Эрии, не подчинились четверо! И Хуна отказалась от Глаз. Из этого следует, что она тоже должна... Но о чем это говорила Атая? Ей хотелось узнать больше.

— Ты говоришь, что Хуна могла бы служить лучше. — Ей очень не хотелось задавать вопросы Атае, она чувствовала, что та злорадствует. — Что ты имела в виду?

— Если Голос предскажет следующий шторм, то у Фани на совете будет мощная поддержка. Разве Глаза не поклялись всю жизнь служить Норноху? Где же они смогут служить, если власть над Лурла ослабнет? Да только в том, чтобы понуждать Лурла производить больше потомства. Когда-то Кормление Лурла был твердым обычаем. Его устранили только веяния последних лет.

На этот раз Эрия не смогла сдержать отчаянный вздох, тут же заметив огонек торжества в глазах Атаи.

— Кормление было давно, когда люди следовали старым темным обычаям. Ведь есть же указ Гана, что возвращаться к этим варварским обычаям запрещено. Разве мы для этого поднимались из грязной слизи?

— А Фани считает, что речи Гана и ему подобных расслабили нас. Вот ты, Носительница Глаз, что ты думаешь о Лурла?

Разве они все так же сильны, как раньше, все так же подчиняются приказам?

— Спроси-ка об этом у стен Норноха, Атая, — с поддельной улыбкой отвечала Эрия. — Разве они дрожат под ударами шторма, разве башни рушатся?

— Пока нет. Но если Голос скажет, что надвигается второй шторм, третий..., — теперь улыбнулась Атая. — Теперь после заявления Хуны, я думаю, к Фани прислушаются многие. Он сможет даже потребовать единичной власти. Подумай над этим, Эрия.

Кивнув на прощанье, она исчезла. Эрия снова посмотрела на море. Голос! Неужели брат Фани восстановил его? Чуть! Скорее всего, это просто хитрая уловка, чтобы приобрести больший вес. В прежние времена Голос точно предсказывал приход штормов. Но в самом обычае коренилась причина того, что он впоследствии замолчал. По обычаю, Голос обслуживала определенная прослойка народа, которая разбиралась в его сложном механизме, но в Год Кровавого Потока первыми погибли как раз те, кто слышал голос. Еще много лет Голос продолжал функционировать вполне исправно, хотя не было уже тех, кто за ним ухаживал, и поэтому народ уверовал в то, что он вечен.

Потом Голос стал ошибаться — сперва не часто, затем настолько часто, что казалось, будто он ошибается постоянно, и, наконец, заглох навсегда. Еще два поколения над ним работали, старались разобраться, в чем дело, снова запустить, но без всякого успеха. В конце-концов пришли к выводу, что Голос, как и Лурла подчиняется только мысленным приказам, а тех, кто мог бы приказывать, уже нет. Никаких визуальных точек коммуникаций, таких как Глаза, обнаружить не удалось.

Глаза! Хуна отказалась от них! Не смогла совладать с Лурла — и, возможно, в большей степени, нежели предположила Атая. Конечно, Лурла теперь уже не ублажают, как раньше, но их количество точно регулируется и пополняется по мере надобности. Однако, похоже, у них появилась и стала развиваться какая-то путанная ветвь, ее члены подчиняются Глазам не так уж быстро и беспрекословно.

Люди за века эволюции сильно изменились, шаг за шагом выходя из моря, теперь они уже не амфибии, но над ними все время довлеет страх, что море погубит Норнох — их единственный оплот на суше, если они потеряют с таким трудом добытый разум и превратятся опять в морские существа, которые уже не смогут называться людьми.

Правильно ли это — вернуться к кормлению Лурла пищей,

давно запрещенному обычаю? Ган учил, что это дикость и низводит их до уровня клыкастых морских хищников.

Обруч сильно сдавливал лоб, голова ощущала его тяжесть. Она уже не могла носить его с прежней гордостью.

Она вернулась к окну и оперлась на раму. Ветер с моря охлаждал и смачивал покрытую чешуей кожу. Она так устала! Поносил бы их тот, кто никогда не надевал этого обруча, узнал бы, что это такое! Они думают только о власти и ее привилегиях. Но есть еще тяжкая ноша страха и ответственности — никаким уважению и почтительности ее не уравновесить. Почему бы не последовать примеру Хуны? Нет, если она так поступит, то сдаст еще одну стену Фани и его приспешникам.

Единственные претендентки на звание Носительниц Глаз еще слишком молоды, легко поддаются чужому влиянию, а одной из них, Базе, Эрия не доверяет. Нет, пока еще возможно, она останется на этом посту, тем более если они собираются вернуться к Кормлению. Даже мысль об этом была для нее ужасна, не говоря уж о том, что ворота Норноха будут распахнуты для разных подонков. И все же, что если Голос все-таки предскажет следующий шторм и Фани потребует власти до того, как он разразится... Она вся напряглась, словно плыла среди хищников, готовых схватить ее и прикончить, она так устала!

Хуна! Она должна пойти к Хуне, должна все узнать, убедиться, что тут виноваты не Глаза, а мутация самих Лурла. В знании — сила, и чем больше она узнает, тем прочнее построит свою защиту. Пусть даже Хуна отказалась от Глаз, но ведь она еще не покинула башню, еще не явилась новая Носительница и не было церемонии их смены, как диктовал обычай. Так что еще есть время.

Эрия побежала по коридорам, из одной секции в другую. В этих соединительных коридорах между башнями люди бывали крайне редко: покой Носителей Глаз тщательно оберегался. Беспокоили их только тогда, когда требовалось инспектировать Лурла или как-то иначе использовать их талант. Когда же собирался совет, да к тому же появлялась возможность услышать Голос Пика, туда устремлялось внимание всего Норноха. На пути она никого не встретила, башни были пусты. Вот и башня Хуны: перепончатыми пальцами она отстучала свой личный код.

Медленно, как бы неохотно, дверь открылась, и Эрия вступила в комнату, которая была копией ее собственной. Перед ней стояла Хуна, без Глаз она выглядела очень странно. Ведь получили они их в один день и без них она никогда ее не видела.

Хуна смотрела так, будто Эрии и вовсе нет в комнате, и гостью это несколько смутило.

— Сестра, — заговорила Эрия, — мне рассказали такое, чему я не могу поверить. — Она замолчала.

— Чему же ты не веришь? — спросила Хуна с отсутствующим выражением лица, которое в точности соответствовало ее тону. — Что я отказалась от Глаз? Что я больше не наблюдаю, не охраняю? Если ты об этом — то все правда.

— Но почему? Все мы знаем, что Лурла порой бывают упрямы, с ними бывает трудно. В последнее время особенно.

Хуна объяснила, но было ясно, что она постаралась избежать прямого ответа:

Во время шторма я поняла, чем стали Лурла. Трое из них не ответили на призыв Глаз, как я ни старалась. Пусть мое место займет кто-нибудь другой, у кого сил побольше.

— Ты считаешь, что у кого-нибудь получится лучше, чем у тебя?

При этом вопросе жизнь вернулась в лицо Хуны, в больших глазах сверкнул огонек. На Эрию она уже смотрела так, будто все еще носила Глаза, и теперь старалась прочесть мысли подруги.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не чувствуешь, что Лурла изменились? — стала пояснять Эрия. — В последнее время они не такие подвижные. Возможно, в этом виноваты не мы..., наши силы не стали слабее, просто Лурла научились противодействовать нашему влиянию.

— Может, оно и так, но, говорят, Кормление вернет их к повиновению. Без этого они становятся неуправляемыми. Во всяком случае, пусть теперь другие станут на мое место и попробуют — те, кого обучали по-новому, у них, возможно, и силенок побольше.

Кормление! Значит, Хуну почти уже убедили. Но неужели она не понимает, как это опасно, если эта идея проникнет в сознание многих? Не следует ли ей, Эрии, хранить свои наблюдения при себе, чтобы не дать оружия в руки врагам?

И тут выражение лица Хуны изменилось: она отбросила свое безразличие, в ней проснулся живой интерес.

— Значит, ты находишь, что они стали менее подвижными, более инертными? Скажи-ка, а сколько их не подчинилось тебе в этот раз?

— Почему ты так думаешь?

— Почему я так думаю? Потому, что ты боишься, Эрия. Да-да, я чувствую твой страх. Ты пришла узнать, почему я отказалась от Глаз. Значит ты тоже считаешь, что твои силы

слабеют. А здесь нет места тем, кому Глаза не подчиняются. Не лучше ли покорится и отказаться от них добровольно, до того, как народ потребует, чтобы Носительницу подвергли испытанию на пригодность? Ведь после того, как их сорвут с тебя, ты станешь ничтожным существом, достойным только сожаления и не больше.

Эрия хотела отвергнуть обвинение, но не так-то просто солгать тому, кто носит Глаза. Она пыталась защищаться:

— Фани будет говорить на совете. Он настаивает на возвращении к Кормлению. Он обещает, что Голос заговорит...

— Предположим, что это правда и Голос сообщит о следующем шторме, таком же сильном, как этот. Предположим и другое: что Носительница не сможет заставить Лурла выполнять свою задачу, у нее это не получится. Тогда из-за ее упрямства и тщеславия падет Норнох.

— Причем тут тщеславие, страх! — запротестовала Эрия. — Вернувшись к Кормлению, мы тут же вернемся к тому, с чего начали, забудем учение Гана, погрязнем во зле. Ведь Кормление — это зло, я в этом уверена.

— Странно слышать такие слова из уст того, кто поклялся управлять Лурла, не щадя живота своего, — раздался мужской голос. Эрия быстро повернулась, чтобы увидеть говорившего.

— Фани! — прошептала она, но вслух ничего не сказала.

Он стоял в дверях с горделивой осанкой, ростом выше многих мужчин, но при некотором проигрыше в физическом развитии. В глазах его светился живой и острый ум. В этот самый момент Эрия интуитивно поняла, почему он представляет угрозу ей и таким, как она. У Фани была власть — не такая, как у Носительниц, но достаточно сильная. Власти же над Глазами у него не было, и это раздражало его и делало их врагом. Не был Фани и воином, он не владел ни одним оружием. Единственным его оружием был ум и язык. И пользовался он ими чрезвычайно искусно, зачастую одерживая победы и над более сильными противниками. Свое место в этом мире он завоевал в упорной борьбе и теперь желал получить еще большую власть.

ГЛАВА 12

Все это Эрия поняла в тот момент, когда встретились их глаза. Теперь она боялась не только за себя, она боялась за Норнох, за тот образ жизни, который Фани не пощадит, чтобы только добраться до власти.

— Ты поклялась защищать Норнох, — повторил он, не дождавшись ответа. — Разве не так, Носительница Глаз?

В нем чувствовалась та же злоба, что и у Атаи, но только намного больше и сильнее.

— Да, я клялась в этом, — угрюмо отвечала Эрия, — но я также клялась не сходить с пути, указанного Ганом.

Теперь ее будущее под угрозой. Она боялась этой встречи, но неожиданно для себя открыла, что обладает источником какой-то внутренней силы.

— Если Лурла погибнут, то как спасут нас поучения того, кто давно умер? — говорил он с видом человека, которому приходится объяснять очевидное ребенку или тупице. Видимо, Фани считал всех женщин именно такими.

Спорить с ним было бессмысленно, убедить его — невозможно. Он мог настоять на проверке ее способностей. Поддержат ли ее другие Носительницы? Рассчитывать на это, пожалуй, не стоит, особенно после той перемены, которая произошла в Хуне. А не сама ли она, явившись к ней, навлекла на себя неприятности? Но даже если и так, то теперь нельзя терять все силы на борьбу с Фани. Оставшееся время она должна... Время? Мелькнуло что-то смутное, какое-то слабое воспоминание, которого она не могла понять. Время очень важно не только для нее, но и для кого-то еще. Какое-то смятение, странное ощущение, что она совсем другой человек, испугало ее, и она поспешно поднесла руки к Глазам. Странное чувство прошло, осталось лишь какое-то неясное напоминание, что она должна что-то сделать и как можно скорее. Отточенной волей она отогнала и это, стараясь думать только о Фани.

— Не тяготит ли тебя вес этих Глаз, Носительница? — спросил он. — От этого есть хорошее средство: отказаться от них. Или, может, ты хочешь, чтобы у тебя их забрали с позором, когда весь народ убедится, что Лурла тебе не повинуются?

— В этом убедиться невозможно! — Она гордо подняла голову. — Кто ты такой, чтобы судить о пригодности Носительниц?

Она была бесстрашна, она бросила ему вызов, ибо нельзя было терять времени. Ее слова возымели действие — это было заметно по тому, как изменился цвет его чешуи.

— Есто только один способ оценки ваших сил — испытание, и оно будет, так как Хуна отказывается носить Глаза. В нем можешь принять участие и ты.

Если он хотел запугать ее, то его ждало большое разочарование. Интуитивно она чувствовала, что испытание означало бы конец. И все же отвечала она спокойным голосом:

— Отлично, пусть увидят все.

Что бы ни привело его к Хуне, тут он сразу обо всем забыл, и, бросив на Эрию свирепый взгляд, вышел из комнаты. Когда шаги его в коридоре стихли, Эрия повернулась к Хуне.

— Ты открыла ему дверь к власти, отказавшись от Глаз.

— А ты — ты откроешь другую. Я только подчинилась закону и все. Если видишь, что силы убывают, то чем дольше оставляешь у себя Глаза, тем большую совершаешь ошибку.

— А что, если Фани удастся совратить совет и с ним весь народ и вернуть его к дремучим обычаям предков? Неужели ты не помнишь хроники Носителей? Вспомни, кто были те первые, что пошли на Кормление? А может, тебе страшно спрашивать об этом? Есть ли что-нибудь лучше, чем Фани может продемонстрировать свою власть, как не этот спектакль?

— Принимая Глаза, мы клялись, что будем подчиняться закону...

Эрия нетерпеливо махнула рукой.

— Не говори мне о законе, особенно когда речь идет о Кормлении! И о том, что может помочь Фани захватить власть в Норнохе! Но не бойся: если он своего добьется, не ты будешь первой жертвой, а я! — Она отвернулась от Хуны. Любые слова, которые она могла бы сказать ей, будут использованы против нее. Она вовсе не желала обвинять Хуну в том, что та хочет стать добровольной мученицей.

Она пошла в свою башню, пытаясь все обдумать и совладать с теми страхами, которые Фани глубоко заронил в ее душу. Она выглянула из окна — и сразу же, что ее мучило, отошло на второй план: по всем признакам, распознавать которые она научилась уже давно, к Норноху приближался шторм. Так скоро после того? В этом явно было что-то странное и противостественное.

Лурла очень устали, они нуждались в отдыхе и переваривании специально выращенной для них пищи. Кроме того, без их защиты осталась стена Хуны... С помощью Глаз Эрия заглянула в их норы. Они лежали на полу, неподвижные, толстые, бескостные куски мяса, лежали, не шевелясь. Она запустила мысленный зонд: одна, две приподнялись, остальные не шелохнулись, хотя вовсе не выглядели объевшимися.

Впервые Эрия решилась сделать то, чего не допускали обычаи: она заглянула в норы Лурла, опекаемые другими Носительницами Глаз. Во всех она заметила множество ведущих себя необычно существ, которые не переставая двигались и сердито толкались. Фани это было бы на руку.

Многолетний опыт подсказал ей, что шторм наберет силу примерно через день. Времени было достаточно, чтобы Фани нанес удар. Она ничего не могла поделать. А что если... Ведь

Лурла кормили культурой, выращенной по рецепту Гана. Но до этого...

По рассказам она знала о существовании между стенами и островными камнями старых каналов и решила пройти по ним. Оказавшись в море, она облегченно вздохнула и, воодушевленная первым успехом, начала концентрировать силы, создавать мысленные картины и, наконец, нашла то, что искала — открытые ворота в океан. Теперь...

В воде было много живительной силы, хотя Эрия не могла различать отдельные формы — это было соприкосновение с самой жизнью. Она обратилась к своим силам — к обычному способу воздействия на Лурла. Но на этот раз она своей энергией не рассталкивала, а создавала позади себя сеть, какой пользовались рыбаки, и тянула эту сеть за собой. Она трудилась изо всех сил, создавая силовые поля самой причудливой конфигурации.

Наконец, боясь даже поздравить себя с успехом, она потащила свою добычу по давно заброшенным внутренним туннелям в бассейны, где выращивалась культура для кормления Лурла. Она проделал этот путь еще и еще раз и сколько перетащила, сказать не могла, однако, можно было бы зарегистрировать довольно мощную эманацию жизненной силы.

Теперь Эрия занялась одной из Лурла, которая не ела, и стала подталкивать ее к бассейну, благо, что она лежала к нему ближе всех. Лурла двигалась медленно, неохотно, словно эти усилия были связаны с неимоверными трудностями. Но стоило ей приблизиться к краю бассейна, как в ней вдруг проснулся интерес к жизни, Она набросилась на еду и, жадно поглощая живительную силу, всем своим существом излучала удовлетворение, довольство, волны которого достигли и ее собратьев. Они зашевелились и тоже двинулись к бассейну — тяжелые неповоротливые туши, — чтобы присоединиться к пиршеству. Эрия поняла, что первая часть ее эксперимента удалась.

В изнурении, Эрия повалилась на ковер. Нужно было восстановить контроль над собой, а поэтому прервать контакт с Лурла. Если те наедятся и устоят против надвигающегося шторма, тогда Фани не рискнет предложить на совете вернуться к обряду Кормления. Придется только восстановить старые туннели. Конечно, со временем перед ними встанет проблема, с которой столкнулось поколение Гана: невозможность кормить Лурла натуральной пищей в количествах, достаточных для восстановления их сил, особенно после сильных штормов, когда морские обитатели скрываются на глубине. Но как бы то ни было, первый раунд у Фани она выиграла, и теперь он не

сможет незамедлительно осуществить свои планы. А это все, что ей нужно было сейчас. Время...

Снова, как и в прошлый раз, ее встревожили проблески какого-то неясного воспоминания, словно что-то, глубоко похороненное в памяти, снова и снова пыталось пробиться наверх. Эрия села, обхватив колени руками и прижав их к груди. Она как бы приготовилась к схватке с тем, кто непрошенно вторгся в ее память. Время неумолимо уходит, но почему это так беспокоит ее? Страшит ее?

Внезапно раздался звук, пронизавший ее насквозь, эхом отлетевший от стен и заставивший их вибрировать. Голос! Ее поколение никогда его не слышало, но ошибки быть не могло, это был он — спутать его невозможно ни с чем. Да, похвальбы Фани оказались не пустыми словами — Голос говорил, говорил не словами, а пульсирующим ритмом ударов, но эти звуки проникали в каждого.

Эрия вскрикнула — вибрация Голоса сконцентрировалась в Глазах и через них вызвала у нее такую боль, что она покатилась по полу, крича и стараясь сорвать с головы обруч, этот источник диких мучений. И как ни странно, ей это удалось. Она лежала без сил, постанывая от счастья избавления от муки, но биение Голоса сотрясало тело ее и мозг. Постепенно до нее стал доходить смысл. Ее тащило какой-то сетью, как она сама недавно волокла пищу для Лурла, но внутри нее какая-то твердая сердцевина, которая была Эрией, сопротивлялась этой силе, собрав всю ее волю, весь ее интеллект в один кулак.

В рассказах о Голосе никогда не упоминалось о таком его воздействии, в котором присутствовала злая воля. Что-то в этом было не так. Ведь Голос в понимании народа был его защитой, предупреждением о бедах. Он не должен был давить на разум, угнетать его. А тут — все не так: давление, вмешательство в разум людей... Что же это такое с ним сделал Фани? Все отчетливее понимая это, она тем не менее помимо своей воли, на четвереньках, тащилась к дверям, туда, откуда доносился неумолкающий Голос.

Нет, внушала она себе, я не должна слушать этот Голос, ставший теперь оружием Фани. Она боролась с его силой, пока, наконец, не растянулась на полу с обручем на руке, похожим на гигантский браслет. Она посмотрела на Глаза. Они светились зелено-голубым огнем. Такими она их никогда не видела.

А что если с их помощью попытаться избавиться от воздействия Голоса? Только бы выдержать боль. С мужеством, которого она от себя не ожидала, Эрия возложила руки на Глаза. Да, было больно, но не так: как с обручем на голове, можно было терпеть. А теперь — туда, на этот зов, чтобы видеть, что

произойдет. У ней есть оружие, чтобы устоять против Фани и его голоса.

Она вышла из башни и направилась в центр Норноха в окружении людей, которые молчали и тупо смотрели прямо перед собой. Они больше не принадлежали себе — их властно притягивал Голос.

Голос находился на высочайшем пике в убежище, под которым на пологом месте стоял Фани. Прозрачная серебристая раковина огромных размеров покрывала его голову. Рядом стояла Атая и другие, экранированные от воздействия Голоса.

Люди покачивались в такт звукам, обрушивавшимися на них сверху. Лица их были пустыми, лишенными всякого выражения. Они все теснее сбивались в толпу у подножия пика, в бездумную, лишенную разума толпу.

Эрия остановилась поодаль, крепко сжимая Глаза — противодействие властному зову. В толпе она увидела знакомые лица и заметила, что не только Хуна, отказавшаяся от Глаз, но и другие Носительницы сняли свои обручи.

На лице Фани сияло торжество. Он медленно поворачивал голову, рассматривая толпу и наслаждаясь властью над этими безвольными, а точнее насильственно лишенными воли созданиями.

Эрия подалась назад, но было уже поздно: он заметил ее и понял, что зов Голоса на нее не действует, не парализует волю, не затаскивает в его сети. Наклонившись вперед, он тронул за плечо одного из охранников в шлеме и указал на Эрию. Как только охранник поднял свой гарпун, Эрия повернулась и побежала. Но куда ей было бежать? назад в башню? Там ее схватят. Она свернула на одну из боковых лестниц и побежала по ней вверх, зная, что бежит от смерти.

Теперь было очевидно, что голос управляет Норнохом. А то, что она нашла способ кормить Лурла, — теперь это лишилось всякого смысла. Кому она расскажет об этом? Разве что тем, кто будет глух к ее словам?

Задыхаясь, она добралась до вершины стены и побежала вдоль нее. В облаках сверкали молнии, их вспышки освещали город и башни острова. Надвигался шторм, словно Голос своим зовом ускорил его приход.

Лурла... Их нужно поднять, послать на посты. Но если за ней охотятся, а другие Носительницы Глаз сняли свои обручи... Как бы ей хотелось найти место, откуда она могла бы исполнять свой долг!

Перед ней была башня Хуны. Эрия оглянулась и увидела, что сзади показался первый охранник. Путь только один — вокруг башни по самому краю стены. Она старалась не смот-

реть на острые камни внизу. Подняв обруч на плечо, чтобы он не свалился с запястья, она тем самым освободила руку и могла ею держаться. Осторожно ступая шаг за шагом, она заставляла себя не думать о преследователях, сосредоточиться только на своих рискованных действиях.

Наконец, она вышла на широкую, как дорога, поверхность и побежала. Ветер с моря крепчал. Если порывы его усилятся, ей больше не обойти башню по узкому краю: шквалом ее сбросит вниз и разобьет о камни. Цель была уже видна, но хватит ли у нее сил и мужества добраться до нее?

Это был каменный утес, похожий на тот, с которого звучал Голос, но не такой высокий, и располагался он на расстоянии приличного прыжка от стены. Она хорошо знала, что на нем со стороны моря есть расщелина, где можно спрятаться. Она отбежала, прикинула путь разбега. Важно, чтобы получилось с первой попытки, — на вторую она уже не решится. И вот, храбро взлетев над пропастью, она шлепнулась на утес, крепко ударившись. Полежав немного и собравшись с силами, она нашла расщелину и, скорчившись, протиснулась в нее. Снизу поднимался запах моря. Ветры и волны уже приступили к яростному штурму Норноха.

Эрия надела обруч и сосредоточилась на Лурла. Они уже работали — и с такой быстротой, какой прежде от них невозможно было добиться. Должно быть, так подействовал на них Голос. Теперь понятно, почему Фани чувствовал себя в полной безопасности и даже позволил Носителям снять обручи.

Но что это? То, что она, присмотревшись, увидела, поразило ее своей нелепостью. Да, Лурла работали, но работали бесцельно, бессмысленно. Они выбрасывали всю пену как попало и где попало. Двигались они энергично и не останавливались даже когда она пыталась войти с ними в контакт. Бесценный строительный материал без пользы и без разбору оказывался везде, кроме тех мест, которые нуждались в нем больше всего. Эрия поспешно попыталась замедлить их движения, дать им нужное направление, но все было бесполезно: Глаза на них больше не действовали, им мешал Голос. Фани убил Лурла и она ничего не могла поделать.

Эрия пришла в себя, когда в утес рядом с ее головой ударился брошенный со стены гарпун. Охранник целился для следующего метания. Она скорчилась, стараясь стать совсем маленькой. Но прежде, чем последовал бросок, со стены послышался крик и затем по склону ее утеса, подскакивая на камнях, показилось тело охранника. То ли не устоял против порыва ветра, то ли просто оступился.

Чтобы не попасться еще одному преледователю, она выбра-

лась и нашла другую расщелину, но уже меньшую по размеру. Она опустилась в нее и обнаружила то, что искала: отверстие поглубже, куда и забилась, уверенная, что сверху ее не видно. Бежать было некуда — снизу было море, оно манило ее к себе, обдавая солеными брызгами.

Она снова обратила внимание на Лурла. Зрелище было ужасающим. Пена и закрепитель распределялись беспорядочно и теперь уже потоки пены стекали прямо на пол, еще не успев затвердеть на стенах и укрепить их. Знает ли Фани, что происходит? Или, может, он этого и хотел?

Долг повелевал ей вскочить и кричать народу о беде, но люди сейчас были глухи ко всему, кроме Голоса, да и она бы до них не добежала — убили бы по дороге. Эрия сидела, зажав Глаза в руках, и напряженно думала, как поступить.

Раньше она пыталась изучать древние способы коммуникации с помощью моря. Тогда она не думала, что это может когда-нибудь ей пригодиться. Почему бы не попробовать сейчас? Если собрать все силы и приложить...

Она быстро сняла обруч с плеча и он резко ударился о камни. К ее ужасу один Глаз отскочил, покатился и исчез в трещине, прежде, чем она успела поймать его. Остался один левый. Но все равно нужно было попытаться, хотя теперь силы ее уменьшились вдвое.

Эрия закрыла глаза и сосредоточилась как никогда прежде. Она представляла себе лица Носительниц, но держать их в уме больше трех одновременно не могла. Она выкрикивала им предупреждения, не зная, слышат ли они ее. Наконец, уже не осталось сил и она открыла глаза... в темноту, в полный мрак!

Почему-то шум моря, несмотря на шторм, казался лишь слабым шепотом. И эта темнота. Она пошарила вокруг руками и везде натыкалась на что-то влажное и липкое на появившейся откуда-то тверди. Эрия пыталась пробить ее и сначала ей показалось, что она поддается, но это ощущение было обманчивым. И тут она поняла всю правду: она оказалась замурованной в глубокой расщелине. Запах слизи был ей знаком — так пахла пена Лурла. Щель, в которую она забилась, имела выход к норам Лурла, и вот пена, которую сегодня они выделяли в таком изобилии, пробилась наверх и перекрыла отверстие, через которое она вошла сюда. Замурована — и навечно!

От ужаса ей стало плохо. Прижимая обруч к груди, она тыкалась в темноте туда и сюда, крича во все горло. Погребена! Живо! Выхода нет! Это смерть!

“Не смерть” — в ее мозгу снова проснулся и заговорил тот давешний незнакомец. — “Назад. Это не смерть. Выходи. Возвращайся!” — Но об этом думала уже не Эрия. Это была...

Шум моря. Она уже могла дышать. Она вернулась и в ее руках... Дзианта резко вскочила на ноги, глядя на то, что она держала. В одной руке был фокусирующий камень, в другой — кольцо из блестящего металла с двумя гнездами. В одном гнезде был двойник ее камня, другое было пусто. Глаза Эрии!

Но как... Она осмотрела свое тело, почти ожидая увидеть покрытую чешуей кожу, чужие незнакомые формы. Нет, она была в теле Винтры и каким-то образом не только нашла двойник камня, но и принесла его из прошлого. Сколько же времени пробыла она в Норнохе? Туран... Он умер?

Вскочив на ноги, она бросилась к самолету. Солнце уже почти садилось, оставляя на волнах сверкающую полосу. Остров скрывался в зловещем полумраке. Дзианта содрогнулась, припомнив последние минуты, когда она была Эрией. Она больше не хотела подвергаться таким жутким испытаниям. Должно быть, она обрела свободу в тот момент, когда умерла Эрия. Если бы она не...

Девушка открыла дверь кабины и заглянула внутрь. Он сидел, закрыв глаза, и выглядел совсем покойником.

— Туран!

Она схватила его за плечи и напряглась изо всех сил, чтобы приподнять его, заставить открыть глаза и взглянуть на нее. Но сил у нее было недостаточно. Она в отчаянии склонилась над ним. Его настолько овладел страх, что она даже не догадалась прибегнуть к мысленному зондированию. Но тут глаза его медленно открылись, и Дзианта с огромным облегчением увидела, что они сфокусировались на ней, узнали ее.

— Не умерла. — Его безжизненные губы едва шевелились. — Ты вернулась?

— Значит, ты знаешь, что я там умерла? — Она ощутила слабое движение его мысли и все поняла. — Ты мне помог!

Он сказал что-то неразборчивое и голос его затих, глаза снова закрылись, голова свесилась на грудь.

— Нет, Туран, нет! Мы же победили, мы добились своего!

Она вспомнила Эрию и, как это делала она, попыталась надеть обруч на голову, но форма его оказалась неподходящей. Тогда она взяла камни в руки, поднесла их ко лбу и мысленно сосредоточилась на жизни, энергии, животворных силах, стараясь при этом отыскать в Туране остатки жизни, еще не погашенной смертью, и, найдя их, слилась с ними своей верой и надеждой. Видимо, он все-таки ощутил прилив энергии, ибо глаза его открылись и он распрямился в кресле.

— Нет, я ничего, я могу держаться, — голос его окреп. —

Не истощай свои силы, ты и так сделала очень много. А силы нам еще могут пригодиться. Мы должны вернуться назад, в гробницу Турана, и самолет придется пилотировать тебе.

Дзианта не протестовала: соответствующая информация о вождении самолета была уже заложена ей в память. Но куда лететь? Сможет ли она правильно выбрать направление? Видимо, Туран прочел ее сомнения и ответил:

— Я покажу.

Затем он снова отключился, экономя энергию, и Дзианта поняла, что все теперь ложится на ее плечи. Она села в кресло перед пультом управления. Руки ее дрожали. Она запустила мотор и самолет двинулся вперед. После долгой, лихорадочной работы рычагами она с трудом поверила, что они, наконец, взлетели. В предвечерних сумерках самолет обогнул скалу — единственное, что осталось от Норноха. Стрелка немного вибрировала, а затем успокоилась. Если Туран поможет, они долетят до цели, — успокоила она себя.

В полете она обдумывала все, что с ней произошло. Не укладывалось в голове, каким образом у нее остался камень из прошлого. Возникло единственное предположение, что энергия того, первого камня, который был у нее, оказалась решающим фактором, обусловившим этот невероятный переход во времени. Может быть, только тщательное изучение даст возможность понять, что за психические силы запасены в этих камнях и как это происходит.

В те далекие времена камни эти в Норнохе служили нескольким поколениям сенситивов и аккумулировали их энергию. Разбуженные Дзиантой, они стали ее излучать. Но надолго ли ее хватит? Удастся ли с ее помощью вернуться к современникам?

Показался берег и огни на нем. И тут же в небе появились два других самолета. Дзианта не умела маневрировать, и оставалось только надеяться... Самолет летел прямо по курсу, так что ей не приходилось управлять им. Она схватила обруч с камнем, с трудом освободила его из гнезда и крепко сжала оба камня в ладонях. Самолеты уже взяли их в тиски и летели рядом. Дзианта напряглась: станут ли они стрелять по ним? Память Винтры на этот счет молчала. У повстанцев не было самолетов. Может, лучше приземлиться? Внезапно на приборной доске загорелись разноцветные огоньки.

Это был код, но ей он был непонятен, да и как отвечать, она не знала. Они были беспомощны, и так будет до тех пор, пока самолет не достигнет цели, которую указал Туран.

Нападения не последовало и Дзианта облегченно вздохнула. Зуха приказала всем убить их при первой же возможности,

но пока ничего не случилось. Возможно, за это время приказ был отменен — изменилась ситуация. Она понятия не имела, долго ли они были на острове: день, два или много больше.

Приближалось утро. Дзианта так проголодалась, что ее умение управлять своими чувствами уже не помогало. Она нашла небольшой пакет с пищей, приготовленный на случай временной посадки. Содержимое тюбика было малоаппетитным, но она выпила все до конца. А Туран? Она достала второй, приготовилась открыть, но Туран отказался. Он смотрел мимо нее на сопровождавший их самолет.

Она еще не думала, куда спрятать камни. Если их схватят, то уж непременно обыщут, в этом она не сомневалась. Она пробежала рукой по волосам — тут их вряд ли скроешь. Если только во рту... Для пробы она засунула камни за щеки — размером они были с косточки от абрикосов — и решила, что этот вариант надежный. К тому же камни будут с ней в тесном контакте и позволят управлять психической энергией врагов. Она провела по ним языком, приятно ощущая их гладкость.

С приборной доски донесся какой-то слабый звук — это подал сигнал указатель направления. Самолет вдруг клюнул носом и пошел вниз на снижение. Дзианта взялась за рычаги, но все они оказались заблокированными и не поддавались ее усилиям...

— Они нас ведут, — прошептал Туран.

Ведут к земле! Значит, не разобьемся! Она отпустила бесполезные теперь рычаги и запустила мысленный зонд: мысли тех людей были ей непонятны, но ей стало совершенно ясно, что они с Тураном — пленники и снижаются по требованию перехватчиков почти рядом со своей целью — гробницей. Она постаралась схватить и удержать одну из этих мыслей, и, уж верно, не без помощи камней уловила какие-то неясные мысли, несколько слов, произнесенных как бы шепотом. Зуха! Но кое-что ей удалось разобрать. Да, их захватили и хотят посадить на небольшом частном аэродроме недалеко от Сингапока.

— Помогай им, не сопротивляйся, — посоветовал Туран. — Зуха хочет умертвить нас.

Дзианта поняла его. А не попытаться ли сыграть на страхе и ненависти этой женщины, чтобы она уж точно поместила их туда, куда они сами стремились? Усилить желание Зухи?

— Я должен умереть, — сказал Туран, — ты же должна внушить ей, что ты очень боишься этого. Она поймет, чего.

— Погребения с тобой в гробнице. Понимаю.

Но ведь этот страх вовсе не был наигранным, она действительно боялась. К ней снова вернулся тот ужас, который она испытала будучи Эрией, замурованной в расщелине скалы.

Выдержит ли она снова такое испытание? Но если другого пути нет и выход отсюда находится там...

В глубине души она и сама знала об этом, но боялась прямо взглянуть в лицо необходимости, которая диктовала: дойдя до конца пути, снова вернуться в гробницу и попытаться переправиться из нее в свое время. Осознав свою слабость, Дзианта начала борьбу за свой единственный шанс.

Она сконцентрировалась на страхе перед заключением в мрак и смертью, однако старалась, чтобы ею не завладела паника. Она мысленно твердила: "Только не это, только не гробница! Какой ужас умереть замурованной рядом с мертвецом! Нет-нет-нет! Только не это!" Она подкрепила это зрительной картиной в мозгу. Ее саму била дрожь, когда она стискивала руками неподвижные рычаг управления.

В момент приземления самолета Турана бросило на нее и ей показалось, что это уже труп. Может, рискнуть и проверить? Нет, нельзя прерываться, нужно внушать и внушать Зухе мысль о погребении их обоих в гробнице.

Дверь кабины распахнулась. На Дзианту и лежавшего у нее на плече Турана с любопытством смотрел солдат. Подошел офицер и приказал ему посторониться.

— Лорд Командор! — Он попытался отодвинуть Турана от девушки и тот повалился на него всем телом. Вскрикнув от неожиданности, офицер отскочил назад, и Туран ударился головой и плечами о край двери. — Он мертв! Лорд Командор мертв! — закричал офицер.

— Этого и следовало ожидать! — с ноткой торжества воскликнула Высочайшая Супруга. — Он казался живым благодаря колдовству этой ведьмы. Наконец-то он ей не подчиняется! — Она стояла, закутавшись в плащ, защищавший ее от порывов ветра, глядя горящими глазами то на покойника, то на девушку. Наклонившись вперед, словно змея перед броском, она прошипела:

— Счастье для него, что он мертв. Но ты-то, ведьма, еще жива, и теперь ты у меня в руках.

Солдат с офицером вытащили тело Турана из кабины и положили на землю перед самолетом. Дзианта не двигалась, всеми силами стараясь проникнуть в сознание Зухи и внушить ей то, что с ними нужно сделать.

— Ваше Величество, — обратился к ней офицер, стоявший на коленях перед мертвым, — какие будут распоряжения?

— Какие же еще? — отвечала та. — Разве наш господин не должен быть возвращен в гробницу, куда мы его уже положили с почестями и уважением? И сделать это нужно без промедления в присутствии свидетелей, которые опове-

стоят об этом город и положат конец всем этим диким сусверным домыслам о возвращении с того света и прочих чудесах. Пусть также Высший Жрец Бута опечатает дверь для духов собственной печатью Бута. Ее уже не сорвешь колдовством. — Говорила она быстро, словно все спланировала заранее, и желала точно-го и незамедлительного исполнения своих приказов.

— А что делать с ведьмой, Ваше Величество?

— Ах, да, ведьма, Тащи ее сюда!

Офицер грубо схватил Дзианту и вытащил из кабины. Она надеялась, что он не обнаружит камни у нее за щеками. Он заломил ей руки за спину и поставил лицом перед Зухой. Та медленно, с расстановкой заговорила:

— Я должна была бы сжечь тебя на месте, превратить в пепел, но такая смерть слишком легка для такой, как ты. Тебя погребли вместе с Тураном, но ты вернула его к жизни. Отвечай — зачем?

— Спроси у него, — отвечала Дзианта. — Я все делала не по своей воле, а по его желанию.

Голова девушки дернулась от неожиданного и сильного удара, нанесенного с быстротой молнии. Больше всего она боялась, что камни поранят ей рот и обнаружат свое присутствие.

— Впрочем, не имеет значения, по чьей это воле — его или твоей. Все равно вы проиграли. Туран мертв и вернется в гробницу. А что касается тебя...

Дзианта сжалась в комок. Сейчас выяснится, подействовало ли на решение Зухи ее длительное внушение.

— Ты сама сказала, что Туран заставил тебя служить ему. Что ж, вероятно, он будет доволен, если ты снова послужишь ему в гробнице. Ты вернешься туда вместе с ним. Но на этот раз выхода оттуда не будет. Я приму все меры и лично проверю. — Она повернулась к офицеру. — Ты возьмешь тело моего мужа и отвезешь его в гробницу. Я пошлю туда тех, кто подготавливает его к вечному сну. Этот сон не должен быть потревожен ничем. Возьмешь и эту ведьму и до тех пор, пока она не вернется туда, откуда так ловко выскользнула, будешь тщательно стеречь ее, и отвечаешь за нее головой.

— Все будет сделано, Ваше Величество.

Дзианта была так рада, что почти не заметила, как ее грубо схватили, швырнули в один из автомобилей и куда-то повезли. По прибытии на место ее связали и бросили на пол комнаты. Двое солдат не спускали с нее глаз, вероятно, думая, что ведьма в любое мгновение может испариться.

Дзианта, несмотря на все неудобства своего положения, нуждалась в отдыхе. С помощью отработанной техники сенситивов она заставила себя расслабиться, погрузилась в свои

глубины, чтобы почерпнуть оттуда новые запасы энергии. Она углубилась в свою память, чтобы постараться воссоздать все подробности наружного, разграбленного помещения гробницы, откуда началось ее путешествие сюда. Ей нужна была точка, на которой она могла бы сфокусировать свое внимание. Последними ее воспоминаниями были руки капитана, которые силой заставляли ее смотреть в фокусирующий камень. Она оттолкнула его и сконцентрировалась на самой комнате — стенах, проломе, сделанном грабителями много лет тому назад. Понемногу она восстановила полностью ту картину, которую видела, когда впервые вошла сюда. Она очень боялась, что память подведет ее и она не сможет зацепиться в своем времени.

Дзианте страстно хотелось рискнуть и связаться с Тураном, еще верилось, что мысленное прикосновение заставит его шевельнуться, что он еще не совсем умер. Но что-то говорило ей, что опереться она может только на собственные силы. Поэтому она старалась сберечь их, погрузиться в полутранс, прогнать прочь мысли о том, что будет дальше. Она закрыла глаза и по ровному, едва уловимому дыханию могло показаться, что она спит.

На самом же деле Дзианта наслаждалась в мире, созданном ее фантазией. Тело ее свободно плавало в бассейне со спокойной ароматной водой, над нею же был только купол ослепительно голубого неба. Она ощущала себя легкой, как лист дерева на поверхности воды, свободной, как само небо.

Внезапно это чудесное видение рухнуло: раздался резкий голос, чьи-то руки грубо схватили ее и стали поднимать. Открыв глаза, она увидела стоящего в дверях офицера. Значит, уже пора.

Ее бесцеремонно втолкнули в автомобиль и повезли. При каждом толчке ее швыряло из стороны в сторону. Поездка была долгой. Наконец, машина остановилась и ее выволокли на улицу. Место было ей знакомо: они находились у подножия холма, с которого в ночь бегства они с Тураном совершили головокружительный спуск.

На холм к двери духов поднималась процессия. Как подсказала ей память Винтры, во главе шел жрец Бута высшего ранга. Он поднимался в гору и что-то говорил нараспев. С двух сторон его поддерживали два прелата, один из которых нес тяжелый молот, а другой — ящик. Из ящика глава процессии черпал горсти какого-то пепла и разбрасывал по ветру.

За ними два офицера несли катафалк с Тураном, сопровождаемый тремя солдатами. Далее в желтой траурной одежде шла Зуха. Вуаль ее была откинута назад, словно ей хотелось видеть все подробности этой церемонии вторичного погребения Тура-

на, после которой, как она надеялась, он уже не сможет вернуться.

Дзианта дрожала, но это не было вызвано ни порывами ледяного ветра, ни снегом, который кружился в воздухе. Она видела, как верховный жрец склонился над катафалком, бросил туда пригоршню пепла. Они, должно быть, уже стояли перед открытой дверью для духов. Два солдата исчезли в отверстии и показались уже изнутри, готовые принять тело. Катафалк обвязали веревками, подняли в воздух, и он исчез в отверстии гробницы.

Солдаты появились вновь. Зуха сделала повелительный жест охранникам Дзианты и те бесцеремонно вытолкали ее на вершину холма. При этом девушка сопротивлялась, кричала: Зуха не должна была заподозрить, что Дзианта сама желает этого наказания — просто жаждет вновь оказаться в гробнице, где лежит единственный путь спасения и возвращения к своим.

Перед Зухой стоял жрец Бута и недовольно говорил:

— Но мы должны знать, как она это сделала. Если повстанцы обладают такими знаниями...

— То мы давно знали бы об этом. А тот солдат, которого мы нашли в Ксуте, помнишь, что он сказал? Что она управляет Тураном, а его поразила каким-то невидимым ударом, когда он отказался выполнять безумные приказы Командора. Она представляет для всех нас страшную опасность, а ты хочешь забрать ее в Башню Бута и там преспокойно изучать истоки ее колдовства!

Жрец повернулся и взглянул на Дзианту. Станет ли он протестовать дальше? Неужели из-за него все сорвется и все, что она так тщательно готовила, за что так яростно боролась, пойдет насмарку?

— Сейчас она вряд ли может внушать какие-то опасения, — продолжал упрямяться жрец. — Если бы она обладала приписываемыми ей силами, разве позволила бы она схватить себя?

— Теперь ей не подчиняется Лорд Командор. Каким-то образом он помогал ей — не знаю, как, но это правда. Она сама призналась в этом. Уверяю тебя, она очень опасна. Посмотри на нее: она боится только одного — возвращения в гробницу. Заточи ее туда и запечатай печатью Бута — и тогда от нее не будет никакой беды.

Жрец еще колебался. Солдаты и офицеры сомкнули ряды, окружив Зуху, и жрец не решился идти против силы. Зуха поняла, что выиграла, и резко повернулась к Дзианте и ее конвою.

— Разденьте ведьму. Если найдете амулеты, которые слу-

жат ее колдовству, отдайте их жрецам. Пусть на ней ничего не останется, кроме собственной кожи.

Солдаты сорвали с нее одежду и, окоченевшую на ледяном ветру, затолкали в гробницу, которая немного погодя погрузилась изнутри в полную темноту: это была закрыта и опечатана священной печатью дверь для духова.

ГЛАВА 14

Дзианта лежала в сковывающем тело и душу мраке и слышала глухие стуки над головой. Дверь для духов опечатывалась со всей тщательностью. Они не желали, чтобы Туран возвратился еще раз. Туран... Мысленный зонд не дал никакого ответа. Он исчез, растворился — умер? Какая разница? Она осталась одна в этом жутком месте, и если надеяться на спасение, то только собственными силами.

Дзианта извлекла изо рта камни, прижала их ко лбу, как это делала Эрия, чтобы многократно умножить свою мощь. И вот она уже была не Винтра, оставленная умирать в этом крошечном мраке. Она была Дзианта! Она работала с яростным отчаянием, чтобы прочно закрепить в себе это сознание. Она — Дзианта! Исчезло жуткое ощущение покинутости, одиночества, а вместе с ним и страх перед этой пустотой, страх остаться здесь навсегда, здесь, где не было никаких признаков жизни и света. Да, наконец-то она стала Дзиантой!

Дзианта! Она кричала и это имя давало ей опору. Оно служило проводником отсюда, из царства пустоты и смерти, в свою, реальную жизнь, в свой мир, в свое время. Дзианта! Она открыла глаза и от слабости упала бы, если бы Юбан не подержал ее.

— Она вернулась, — сказал он кому-то сзади.

На нее нахлынуло такое чувство облегчения от того, что переход оказался успешным, что от резкого перепада чувств она потеряла сознание.

Шум, возгласы, крик, который резко оборвался... Ее снова возвращали в мир тревог, хотя она этого не желала. Она лежала в пыли. Света не было, за исключением плясавшего у нее над головой луча лазера. Потрясенная, она прижалась к стене, страстно желая слиться с ней воедино, лишь бы не видеть зрелища разыгравшейся перед ней битвы.

“Дзианта!” Это мысленный зов, но чей? Турана? Нет, Туран мертв. Истощенный мозг соображал медленно. Да ведь это же Оган! В подтверждение своей догадки она почувствовала ласковое мысленное прикосновение.

Яркий луч света пробежал по разграбленной гробнице и больно ударил в глаза. Дзианта увидела расprostертое на полу тело и узнала в нем одного из членов экипажа корабля. Кто-то склонился над ней. Она узнала Огана и слабо взмахнула рукой. Он поднял ее и повел из мрака пещеры на открытый воздух, свежесть которого должна была привести ее в себя. Голова ее тяжело свесилась на его плечо, а измученное сознание медленно уступало благодатным объятиям сна.

Она проснулась не на корабле, а на открытом воздухе. Сколько же я проспала, мелькнула первая мысль, ведь тогда была ночь, а теперь уже день? Над головой сияло солнечное небо. И тут же до нее дошло, что она свободна, что она благополучно вернулась в собственное время, а тот, кто был с ней там, не вернулся. Ее охватило горькое ощущение потери друга, да такое сильное, что яркое небо померкло у нее над головой, ее личный успех стал казаться печальным поражением. Она села на своей импровизированной постели, еще чувствуя сильную слабость. Корабля поблизости не было... Тогда где же она и как ей быть?

Их лагерь располагался в небольшой, окруженной утесами долине. Поблизости, скрестив ноги, сидел Оган и задумчиво смотрел на нее. На разостланном перед ним куске ткани лежали... Глаза! Дзианта содрогнулась: меньше всего на свете ей хотелось видеть именно эти камни.

“Но ты должна!” — безмолвно прозвучал мысленный приказ Огана.

— Зачем? — громко спросила она.

— Есть причины. Мы обсудим их потом. — Краем ткани он закрыл камни. — Но сперва... — Он встал и подал ей тубик с Е-рационом.

В лагере были еще двое. Они, как заметила Дзианта, выполняли функции часовых: охраняли долину, просматривая все доступы к ней. Оружие было наготове: Оган, вероятно, ожидал нападения. Но где же Яза? Помнится, салярианка ожидала Огана как подкрепление. Может, она в плену у Юбана?

Дзианта покончила с едой и почувствовала полное обновление сил.

— Где Яза?

Оган снова сел на свое место. Здесь, среди остроконечных скал, он выглядел совсем не на месте — беспомощный, растерянный. Но Дзианта не поддавалась первому впечатлению — это было бы ошибкой. Он не ответил ей, напротив — поднял мысленный экран. Неужели... Яза мертва? В жизни девушки столько уж было невероятных событий, что она могла бы поверить даже и в такое — что эти бандиты расправились с Язой.

Юбан действовал не по ее приказу, она ведь сама хотела возглавить экспедицию... Голос Огана прервал еще неокрепшую цепочку ее мыслей.

— Яза на корабле бандитов. Думаю, они хотят ее использовать как заложника в переговорах с нами. — Он хмыкнул. — Но к несчастью для них, у меня есть все необходимое, и я вовсе не нуждаюсь в Язе. Да я и не хочу сотрудничать с ней.

— Но Яза так ждала, когда ты придешь на помощь.

— О, я шел и, как видишь, пришел, чтобы помочь тебе. У Язы была огромная власть на Корваре, тут же ее авторитет ничего не стоит. И осознание этого явилось для нее хорошей оплеухой.

— Но... — Дзианта была ошеломлена. Оган всегда был приближенным Язы, и девушка верила в его верность и преданность!

— Тебе трудно поверить, что я решился на это дело один? Но ведь оно под силу только мне, человеку моих способностей. Нельзя, чтобы им занимались люди, которые не смогут правильно оценить своей находки, правильно ее использовать. А следовательно, они поиграют с ней, как с игрушкой, и испортят. Я-то знаю, что это за открытие, они же только догадываются.

Да, он знал, и Дзианта понимала это. И теперь он будет выжимать из нее все, что она узнала с помощью этих камней. Он пойдет на все, он сделает ее... Где-то в глубине ее души вспыхнула искра строптивости: нет, так просто стать инструментом в его руках она не собирается! Твердо придя к такому решению, она успокоилась и стала мыслить более четко.

Тот, другой сенситив, который вошел в тело Турана и поделил с ней все опасности пребывания в том времени, не был Оганом. Но он работал с Харатом, а следовательно, не исключено, что его послал Оган. Но если это так, то почему же парапсихолог не упоминает о нем? Дзианта решила, что здесь кроется какая-то тайна и чем скорее и больше она узнает обо всем этом, тем лучше. В этот момент она ощутила мысленный зонд Огана и быстро опустила барьер. Он нахмурился, давление зонда усилилось. Она открыто смотрела ему в глаза, в первый раз со времени их знакомства девушка откровенно сопротивлялась ему.

— Если ты хочешь что-то узнать, то спрашивай вслух.

Зонд исчез.

— Ты глупый ребенок. Думаешь, что если как-то научилась пользоваться этими камушками, то уж и сравнялась со мной? Ошибаешься, детка. Пораскинь мозгами и ты поймешь это сама.

— Я не собираюсь становиться больше, чем я есть на самом деле, — Дзианта произнесла эти, неизвестно откуда пришедшие ей на язык слова и сама удивилась собственной смелости. Похоже, она и впрямь изменилась. Ей ли не знать, что может сделать Оган, чтобы подчинить ее своей воле, — с ее разумом, телом? Но в ней появилось что-то новое, какая-то твердая уверенность в себе, и это мешало его попыткам воздействовать на нее. И все же, шептала ей осторожность, будь настороже, пока полностью не уверишься в своих силах.

— Ну, что ж, отлично. — Он казался удовлетворенным, хотя ее заявление следовало бы считать по меньшей мере двусмысленным. Возможно, он решил-таки принимать ее за прежнюю наивную Дзианту, не считаясь с происшедшими с ней переменами.

— А где Харат? — спросила она. Ей хотелось хоть немного прояснить тайну того, кто был с ней рядом в теле Турана, но прямо она еще спрашивать не решалась.

— Харат? — Оган посмотрел на нее с удивлением.

Она поспешно укрепила свой мозговой барьер и задалась вопросом: а не совершила ли я ошибку, спросив это? Харат где-то здесь, я знаю его прикосновение, это точно. Почему же Оган удивился, когда я спросила его о нем? Ведь Харат — инструмент Огана, и было бы естественно ожидать, что они находятся рядом.

— Харат на Корваре.

Эта ложь удивила Дзианту. Почему это Оган думает, что она поверит ему? Он же знал, что Харат общался с ней, какой смысл скрывать это?

А если он потерял в Харате союзника и скрывает это с помощью лжи, то опять знает, что поверить этой лжи невозможно. Она снова почувствовала себя человеком, лишенным реальной опоры. Оган вел себя очень странно. А может, он проводит како-то заумный тест, недоуменно предположила Дзианта.

— Почему ты решила, что Харат здесь? — в тоне его голоса никак не отразилось то, что провалилась его попытка прочесть ее мысли.

— А почему бы ему и не быть здесь? Ты всегда пользовался им для усиления своей воли. Разве теперь в этом нет необходимости? — Дзианте понравилась собственная логика рассуждений, но примет ли ее Оган? И все же, где Харат и почему его присутствие здесь должно быть тайной?

— Харат слишком уникален, чтобы рисковать им. — Он поднялся, отвернулся от нее и стоял, словно к чему-то прислу-

шиваясь. Затем поспешно пересек долину и присоединился к часовым.

Дзианта смотрела на него. Было ясно, что он ожидает чего-то плохого: может Юбана, а может, от салярианки, которая, узнав о предательстве Огана, вступила в союз с капитаном грабителей? Хоть Яза и хотела отделаться от разбойников, чтобы единолично завладеть тем, что откроет фокусирующий камень, она была не настолько глупа, чтобы отрезать себе путь к отступлению.

Дзианта подумала о камнях, спрятанных под куском ткани. Она надевала их дважды в чужих мирах, как Винтра, которая не догадывалась об их могуществе, и как Эрия, которая очень хорошо знала их силу и умела использовать ее. Дзианта в этом треугольнике не была посторонним наблюдателем, она сама была и Винтрой, и Эрией и, следовательно, камни подчинялись ей. А если так, стоит ли ей теперь вступать в сделку с Оганом?

На ум снова пришел Туран. Тот сенситив, который пожертвовал собой, чтобы вытащить ее обратно из прошлого, — кто он? Подчинился ли он Огану? Если Оган заставлял его плясать под свою дудку, это еще не значит, что он ничего не стоит. В прошлом они с Язой и ее заставляли действовать по своей указке. Так что нет оснований относиться к нему пренебрежительно. Оган использовал его в своих нуждах и он умер. Так же он поступит и с ней, если потребуют обстоятельства, и избавится от нее без долгих раздумий.

Дзианта подняла камни, положила их к себе в карман. Пусть Оган только попробует обойтись с нею так, как с тем сенситивом. Если она сможет воспользоваться знаниями Эрии в обращении с камнями, то она станет гораздо могущественнее, чем предполагает Оган. А то, что ей придется еще обратиться к своему могуществу здесь, на этой планете, Дзианта не сомневалась.

Оставался Харат. Если он еще на планете, она свяжется с ним, Оган научил ее, как это делать. К тому же из всех живых существ, обитавших сейчас на поверхности этой разрушенной планеты, Харат был единственным, кому она могла доверять.

Оган вернулся к ней.

— Нам надо двигаться?

— На твой корабль? — спросила Дзианта, надеясь, что он скажет “нет”. Пребывание на открытом пространстве давало ей иллюзорное чувство свободы.

— Пока нет, — ответил он и наклонился, чтобы собрать вещи.

С тюками и прочей поклажей они пробирались между острыми камнями и, наконец, выбрались на равнину. По ней

протекал ручеек, тут и там виднелись чахлые кустики и клочья жесткой травы — единственные признаки жизни на этой планете. Что же здесь произошло? Отчего Сингакок и вся остальная страна оказались в таком состоянии?

Путь был очень трудным и, несмотря на то, что Оган спешил, идти среди расщелин в скалах и выступающих из земли камней пришлось медленно. Бесконечные подъемы и спуски утомили всех и в первую очередь Огана. Он стал тяжело дышать и время от времени останавливаться для кратковременного отдыха. Долина постепенно расширялась, но растительность была низкой: даже самые высокие кусты едва достигали плеча. Необходимость продираться сквозь ветки и вовсе замедлило их продвижение.

Вдруг один из сопровождающих выругался и выстрелил куда-то в кусты. Дзианта успела заметить, как ему в ногу, вытянутую для шага, впились чьи-то зубы. Нога была вся в желтой пене.

— Это что-то вроде ящерицы. — Мужчина сунул ногу в воду и стал смывать с нее пену. — Насквозь, вроде, не прокусила.

Его товарищ заводил лучом лазера по кустам, срезая их под корень, пока Оган не схватил его за руку.

— Брось, не трать заряды даром.

— А я не хочу сдохнуть от укуса какой-нибудь ядовитой гадины, — крикнул тот, стряхнув его руку, но лазер все-таки выключил.

Им пришлось идти еще медленнее, внимательно осматривая дорогу впереди. У Дзианты болели ноги: каждый шаг был для нее мучением. Она не привыкла к таким путешествиям. Время от времени Оган застывал, внимательно прислушиваясь, и она решила, что он ведет мысленный поиск, проверяя, нет ли за ними преследования. А может, это уловка, чтобы она расслабилась, а потом внезапно проникнуть за ее барьер? Я должна быть все время начеку и не забывать о этом, говорила она себе.

Они подошли к водопаду, вскарабкались на одну из его стен, и оказались на открытом пространстве. Опасаясь внезапного нападения, Оган и его люди пустились бежать, пока не достигли укрытия из камней. Там они немного успокоились, достали еду, перекусили.

— Кого мы боимся — Юбана? — спросила она, скатывая пустой тубик в шар.

Оган только издал короткий смешок. Дзианта поняла, что он отключился и ведет мысленный поиск, однако, в нем не чувствовалось обычной самоуверенности — было видно, что у него ничего не получается.

Дзианта встревожилась. Для мастеров класса Огана такие, как Юбан, были открытой книгой. Так почему же он до сих пор возится с ним? Почему не обращается к ее помощи? Может, боится посвятить ее в тайну того, что ищет сам? Хотя кто знает, может, ей все это только кажется? Она вполне может обойтись и без Огана. Нет, не для того, чтобы выяснить, кто их преследует, а только ради Харата: ведь до сих пор она не знает, где он, и почему Оган скрывает, что он здесь.

Ее мысли вернулись к Турану. Она попыталась вспомнить тех, кто иногда посещал лабораторию Огана. Тот сенситив мог быть одним из них. Правда, Оган старался держать ее подальше от тех, кого использовал в экспериментах. Ее озадачивало одно обстоятельство: как мог подчиняться Огану такой мощный сенситив, как Туран (другого имени для него у нее не было)? Ведь он был не из тех, кого можно использовать как инструмент, он и сам мог вить из других веревки.

Физическая оболочка Турана сбивала ее с толку. Она попыталась воссоздать его личность вне всякой связи с мертвым Лордом Командором. Это было равносильно тому, чтобы сложить из обломков что-то такое, чего прежде она никогда не видела.

Затем она с грустью задумалась о своей судьбе. Сколько она ни жила — сначала в Дипиле, потом у Язы — нигде не была она сама собой. Да, салярианка давала ей кров, уют, образование, но все это она делала не ради нее самой, а ради ее необычных способностей, ради пользы, которую она намеревалась когда-нибудь извлечь из нее.

А Оган? Сперва он был для нее божеством, потом она стала ненавидеть его и бояться. И вот теперь она узнала всю глубину его низменной натуры. Рано или поздно она выступит против него и будет бороться за свою свободу. Когда он обучал ее, разве была она человеком? Нет, она была глиной в его руках. Но теперь она стала сама собой и терять себя больше не желала.

Яза и Оган были главными фигурами в ее жизни. Но теплых чувств она к ним не испытывала. Вот Харат — тот самый близкий ее друг, насколько это слово можно было отнести к такому забавному созданию, как он. Дзианта доверяла ему.

Затем Туран. Между ними были отношения не учителя и ученика, не хозяина и работника, а именно такие, которые можно было бы назвать товариществом — как между двумя равноправными членами экипажа корабля или двумя патрульными, связанными общей целью, угрозой одной опасности, в момент наступления которой только они одни могли прийти друг другу на помощь. Разве не зависел он целиком от нее до самого конца!

Дзианта почувствовала горячую влагу под плотно сжатыми ресницами. Раньше, когда она была еще ребенком, ей приходилось плакать — от холода, голода, боли. Теперь же слезы были вызваны чувством невозвратимой потери, это была глубокая душевная рана, страдания от которой были несоизмеримы с прежними, детскими. И все это дело рук Огана — это он послал к ней того незнакомца и заставил его там умирать, у нее на глазах. Ну что ж, она за все рассчитается с Оганом — и за него и за себя.

Оган тронул ее рукой за плечо, оторвав от горьких размышлений.

— Поднимайся, нам нужно найти другое укрытие. Маут пошел вперед на разведку и, кажется, что-то обнаружил.

Девушка увидела, что один из людей Огана отсутствовал, другой с приемником в руках слушал сообщение. Она со вздохом поднялась на ноги. Не было уверенности, что в таком состоянии она сможет далеко уйти.

— Поторапливайся! — подстегнул ее Оган.

И снова они продирались сквозь кусты, карабкались по камням вверх, спускались вниз. Споткнувшись и упав во второй раз, Дзианта уже не могла подняться без посторонней помощи. Но, цедя сквозь зубы ругательства, Оган тащил и тащил ее дальше, пока они не оказались в пещере. Он толкнул ее в темный угол подальше от входа, где она и упала, скорчившись от боли. Сам же вернулся ко входу, чтобы отдать приказания своим людям. Одно из них он послал куда-то с поручением

ГЛАВА 15

Ночные тени становились все гуще. Солнце, сиявшее так ослепительно-ярко над этой опустошенной страной, уже скрылось за горизонтом и его последние лучи золотили самый краешек неба.

Дзианта лежала в глубине пещеры, чувствуя боль во всем теле, но голова ее была ясна. Посланец Огана еще не вернулся. Дважды приходили от него кодированные сигналы, но Дзианта не смогла их расшифровать, что очень встревожило Огана. Он склонился к ней голова к голове и тихо сказал:

— Здесь ты в безопасности...

— От Юбана? — рискнула она перебить его. — Это его люди преследуют нас?

— Юбан! — пренебрежительно отмахнулся он, словно для него капитан разбойников был не более, чем назойливая муха. — Нет, тут дело посерьезнее. Патрульный корабль...

— Патруль? Но как?... — уж это казалось совсем невероятным.

— Вот именно, как — Оган пожал плечами. — Всегда найдутся уши и языки, чтобы подслушивать и доносить. Яза летала через Вэйстар, а контроль нашей организации на него не распространяется, так что там могут быть шпионы. Конечно, могли выследить и меня, но не в этом сейчас главное. Главное в том, что ты здесь. — Он промолчал, пристально глядя на нее. — А ты знаешь, какое наказание ждет сенситива, работающего на организацию. Не забывай этого, Дзианта.

Во рту у нее сразу пересохло. Как тут забыть? Ей вдалбливали это с первых дней обучения. Если при налете организации ее схватят слуги закона, не смерть будет ее ждать, а нечто похуже — стирание памяти: исчезнет из жизни человек, некогда бывший Дзиантой, и появится некое тупоголовое существо, пригодное лишь для механической работы. Таков будет приговор суда.

Оган заметил ее смятение и какая-то тень удовлетворения скользнула по его лицу.

— Помни, Дзианта. Стирание, — подчеркнул он. — К сожалению, патрульный корабль приземлился в невыгодном для нас месте, и нам придется прятаться, пока они не убедятся, что кроме корабля разбойников здесь ничего больше нет.

— А твой корабль? Они не смогут его обнаружить?

— Это не корабль, Дзианта. — Он покачал головой. — Я приземлился на аппарате “Эль-Би”, а он защищен от детекторов. Мой корабль вернется, но сейчас он не на орбите — там его могут засечь детекторы Патруля.

— Но ведь у них есть личные детекторы, разве нет? Если они их пустят в ход... — она старалась овладеть своими страхами, не дать им перерасти в панику.

— Разумеется. Сейчас они прочесывают ими и грабители от них никуда не денутся. Мы же пока в безопасности.

— А вдруг у них есть сенситив?

— Нет у них сенситива, хотя при выполнении такого задания и должен быть. Но нам повезло. Я прошупал их и сенситивов не обнаружил. Так что, будем осторожны — и нам ничего не грозит. Вот только времени у нас в обрез. Стоянка “Эль-Би” запрограммирована на определенный срок, и если мы к этому времени не появимся, он взлетит без нас.

— Что же ты собираешься делать?

— Я должен попытаться. Поэтому я оставляю тебя здесь с Маутом, а сам пойду. Есть надежда, что патрульные и разбойники будут настолько заняты друг другом, что им будет не до нас. Но если они тебя найдут, то с тобой все кончено: никто и

пальцем не шевельнет, чтобы заступиться за тебя. Камни-то у тебя — Дай-ка их сюда, я сохранию их.

Дзианта поняла, что пора начать свою собственную игру, чтобы оставить камни у себя, но все зависело от того, сможет ли она найти веские причины, чтобы убедить Огана.

— Для тебя они не представляют никакой ценности, Оган. Камни связаны только со мной, они реагируют только на того, кто пробудил в них силу. И я узнала из тайны.

Поверит ли он ей? Проверить ее слова он не мог — все оборудование для этого было в лаборатории, а та была так далеко!

— Ну и что же ты можешь делать с ними? — спросил он с некоторым подозрением.

Дзианта быстро перебрала в уме все, что могли дать ей камни, стараясь найти нечто очень важное, что могло бы убедить Огана оставить их у нее.

— Если у Патруля нет сенситива, то я могу с их помощью запутывать им мысли, туманить рассудок. Кроме того, раньше их использовали для управления, — она воздержалась от упоминания Лурла, — каких-то там животных, и не зная, могут ли они воздействовать на людей, решила на эту тему не говорить.

— О, ты много узнала, детка, и, конечно, расскажешь мне все.

— Все-все! — сказала она таким тоном, будто все еще находилась во власти Огана.

— Что ж, может, тебе и впрямь лучше хранить камни при себе, — согласился Оган к величайшему облегчению Дзианты. — Ладно, останешься с Маутом до моего возвращения.

Дзианта чувствовала, что он уходит с большой неохотой, крайне заинтригованный ее открытиями, и сожалеет, что не может подвергнуть ее слова немедленной проверке. Он всегда был нетерпелив, когда дело касалось его обожаемой парапсихологии.

После его ухода, она достала камни, положила их на ладонь, затем сжала в кулаке. Где она окажется, если посмотрит в них снова: в Сингакоке или в Норнохе? Ни того, ни другого видеть ей не хотелось, как не хотелось с помощью камней служить Огану. Коль возникнет необходимость, она внушит ему, что потеряла их здесь, среди камней — и руки у него будут коротки, чтобы достать их.

Оставался еще Харат. Должно быть, Оган оставил его на “Эль=Би”, хотя все еще было непонятно, почему парапсихолог так упорно отказывается признать, что Харат здесь, на этой планете. Теперь, когда Оган ушел, она могла послать мысленный вызов Харату и от него, несомненно, узнать всю

правду. С камнями в руках, Дзианта осторожно опустила мысленный барьер — впервые с тех пор, как она оказалась у Огана. Создав четкий образ Харата в мысленном воображении, она стала вести поиск, все расширяя его границы, и вдруг...

— Харат!

Его ответное прикосновение было внезапным. Затем, опережая ее вопросы, пришло сообщение: "Предупреждаю. Крайне необходимо. Не пытайся связаться. Оставь только прикосновение как маяк." Значит Харат не на "Эль-Би". Возможно, он покинул аппарат и разыскивает их. А может, он почему-то все-таки сбежал от Огана? Она думала о нем, сохраняя с ним связь в виде слабой путеводной нити. Он идет к ней, это точно. Ей угрожает какая-то опасность.

Звуки принимаемых кодированных сигналов прервали ее размышления. Она подняла голову. В пещере было уже темно. У входа стоял ее страж, казавшийся неясным пятном на фоне темного неба. Вероятно, это работал его приемник.

— Девушка, донесся из темноты его голос, в котором было почтение к противоположному полу, нормальное для обычной житейской обстановки и казавшееся странным здесь. — Сообщение от Огана. Нам пора уходить на восток.

— Он велел оставаться здесь, — отвечала она, а сама думала: я не должна уходить, ведь сюда идет Харат.

— Планы изменились. К нам сюда идут либо грабители, либо Патруль. У них детектор нового типа.

Может, они засекли, как я вызывала Харата, с тревогой подумала Дзианта.

— Идем! — резко сказал Маут, отбросив всякую деликатность. Видимо, у него была инструкция в случае неповиновения применять к ней силу.

Дзианта стремительно соображала: у нее есть эти замечательные камни. Человек этот не сенситив. Значит, у нее есть шанс для бегства.

— Иду, — сказала она, не двинувшись с места. Вместо этого она оборвала связь с Харатом, эту тонкую ниточку, и всю свою энергию сенситива сконцентрировала на Мауте. — Мы идем.

Он повернулся и вышел из пещеры, даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, идет ли она за ним. Значит, он в этом уверен! Вот чудо — у нее получилось! Оган мог проделывать такое и без таланта сенситива, но чтобы она, Дзианта... — это было для нее неожиданностью. Ее доверие к камням возросло. Теперь, пока Маута нет, надо уходить: как только гипноз ослабнет, он тут же вернется за ней.

Поискав, она нашла тубик с едой и небольшой контейнер с водой. Остальное она решила не брать. Но куда идти в такую

темень? Лучшим решением представлялось найти подходящее убежище и дожидаться Харата, а для этого лучше всего было взобраться наверх, откуда можно было бы просматривать окрестности. И вот, тщательно спрятав камни, она пустилась в трудный путь.

Уже достаточно удалившись от пещеры, она вдруг услышала внизу какой-то звук, заставивший ее замереть, распластавшись на скале. Это Маут вернулся! Надо оставаться на месте. Малейший звук — и она пропала. Сквозь ночную тишину она слышала звуки движения, приглушенное ругательство — это он убедился, что пещера пуста, — затем голос радиопердачи. Видимо, он сообщал Огану о случившемся и в ответ получал приказ. Затем двинулся в ее направлении.

Вдруг в ночной темноте вспыхнул яркий луч света, выхвативший Маута из мрака, и раздался приказ:

— Замри на месте!

Маут подчинился. К нему подошли, спрашивая о ней. Неужели Патруль? Дзианта сглотнула застрявший в горле комок. Теперь лишь бы не шелохнуться, любое ее движение будет тут же засечено. В круге света рядом с Маутом появился человек, но не в униформе Патруля, а, скорее, в костюме космолетчика. Люди Юбана! Может, Яза заключила с ними сделку, как и предполагал Оган? Все ж окликнуть их девушка не решалась: кто знает — свободна ли Яза или пленница Юбана. Нет, нужно как можно дольше оставаться на свободе, чтобы найти Харата и узнать от него всю правду.

Дзианте хотелось, чтобы они поскорее ушли, и, наконец, ее желание сбылось: обыскав пещеру, они стали уходить. Терпеливо дождавшись, когда последние звуки их движения растают вдали, она с облегчением вздохнула и немного расслабилась.

Теперь наверх и побыстрее. Девушка начала осторожно взбираться наверх, в темноте стараясь быть особенно внимательной: заранее все ощупывала, не сразу доверяла опоре. Нога дважды срывалась, оставляя ее с дико бьющимся сердцем прислушиваться к стуку катящихся вниз камней. Через какое-то время, показавшееся ей вечностью, она достигла вершины, оказавшейся довольно ровной площадкой, где не за что было спрятаться. Значит — снова вниз, по другому склону горы.

Вдруг она вздрогнула: что-то появилось в воздухе, затем успокоилась — это какая-то птица. Значит, в этом мире существует ночная жизнь. Ленивое хлопанье крыльев придало ей уверенности. Она набралась храбрости и начала спуск.

Этот склон оказался более пологим, что вначале порадовало ее, но, внезапно поскользнувшись и уцепившись за куст с острыми шипами, она страшно испугалась, боясь двинуться

дальше. Весь этот шум можно было услышать на большом расстоянии. Чтобы побороть страх, она обратилась к мысленному зондированию:

“Харат!”

Он был где-то совсем близко. И точно, секундами позже она услышала слабый шум. Что-то двигалось ей навстречу, производя гораздо меньше шума, чем это мог бы делать человек. Ведь Харат видел ночью. Она крепче ухватилась за куст и ждала. Послышались торопливые шаги. Харат! Он бросился к ней с распростертыми щупальцами, излучавшими жажду прикосновения к близкому, дорогому существу. Дзианта привлекла к себе это маленькое пушистое тельце, слегка озадаченная тем, что обычно такой самодовольный, он теперь так остро нуждается в ласке.

“Ты потерялся?”

“Нет. Иди с Харатом! — он был очень возбужден и рвался из рук. — Надо идти. Он умрет!”

“Кто умрет? Оган?”

Может, парапсихолог попал в катастрофу, когда пытался пробраться к аппарату.

“Нет, не он!” — Харат, казалось не понимал, что Дзианта не знает, о ком он говорит, словно это была какая-то важная персона, о которой должны знать все и не задавать вопросов. — “Идем!” — Он уже освободился из ее объятий и побежал.

“Харат!” — мысленно крикнула она ему вдогонку, пытаясь его удержать. — Харат, подожди, я не вижу тебя!”

“Идем!”

Она уловила слабое движение внизу, будто Харат где-то там бегал от нетерпения назад и вперед, борясь с желанием бежать дальше. Дзианта, оставив осторожность, бросилась к нему, и, частично прыгая, частично съезжая, достигла того места, где он ее поджидал. Харат ухватился за ее одежду верхним щупальцем и изо всех сил потащил с собой. Она подчинилась. Теперь ей уже не приходилось думать о каверзах дороги: Харат выбирал путь с наименьшим количеством препятствий.

Появилась луна и стало немного светлее. Все озарилось каким-то бледно-зеленоватым светом. Харат повернул на восток, и местность показалась ей знакомой: пожалуй, корабль грабителей где-то неподалеку. Но на ее вопрос об этом он не ответил, только дернул за одежду, как бы запрещая пользоваться телепатией. Покружив среди камней, они, наконец, пришли туда, где острые камненные пики сомкнулись, образуя стену. Харат отпустил ее и, пользуясь парой ног и четырьмя щупальцами, ловко взобрался на возвышение и исчез в щели между двумя камнями, позвав за собой: “Идем!”

Цель оказалась очень узкой, но ей надо попробовать пролезть в нее, чтобы не потерять Харата. Она вся сжалась и с трудом протиснулась между камнями, едва не оставив на них свою одежду. Дзианта увидела перед собой небольшую впадину наподобие той, где устраивался лагерь Оган. Несмотря на почти полную темноту, она сумела различить фигурку Харата, а рядом с ним лежащего на земле человека. Сердце девушки бешено заколотилось. Опустившись на колени рядом с незнакомцем, она ощупала его руками.

На нем был костюм космолетчика и тяжелые ботинки исследователя планет. Он лежал с непокрытой головой лицом вниз. Поднеся руку к его губам, она ощутила слабое дыхание. Может, он в трансе? Чтобы вывести из этого состояния, знаний ее не хватало, тут помочь мог только Оган.

“Нет! Оган убьет!” — словно ударила ее мысль Харата, даже голова дернулась назад.

Упоминание об Огане так его напугало, что вызвало путаницу в передаче мыслей. Ей было трудно предположить, на чем основан этот страх, но в реальности его она не сомневалась. Если Харат сообщал, что Оган опасен, она должна принять это без доказательств.

“Харат, как нам сделать это?” — как можно спокойнее обратилась она к нему. Кажется, и он овладел своими эмоциями.

“Посылай с Харатом”. — Он имел в виду процесс передачи энергии, обратный тому, которым они с Харатом обычно пользовались: не брать от него, а дать ему свою.

“Я пошлю”, — согласилась она без дальнейших расспросов.

Одной рукой она расстегнула платье и достала фокусирующие камни. Помогут ли они ей в этом, она не знала, но была убеждена, что они позволят ей сконцентрировать все свои силы. Она склонилась над беспомощно распростертым телом и коснулась пальцами холодного лба. Щупальце Харата крепко обвилось вокруг ее запястья. Оставалось наладить между ними психическую связь, что было задачей более сложной. Получится ли?

У нее вдруг возникло странное ощущение, будто она — нет, не она, а ее внутреннее “Я” — стремительно мчится куда-то вдаль, в царство хаоса, где все в беспорядке кружится, мечется, куда-то несется, и нет ничего устойчивого — только ее связь с Харатом. Их уносило все дальше, камни в ладонях нагрелись, непрерывно исходящий из них поток энергии пронизывал ее тело, руки, пальцы, щупальцы Харата, устремляясь к тому месту, где вошли в контакт все три тела. Дзианта уже не могла выдержать этого бешеного полета и кружения, ей хотелось крикнуть: “Хватит!” — не то лопнет, порвется их связь с ре-

альностью и они совсем пропадут вместе с тем, кого они пытались, но не смогли привести в себя.

ГЛАВА 16

Непрерывное мельтешение перед ней не давало Дзианте на чем-нибудь сосредоточиться, чтобы сфокусировать свою энергию. Необходимо было создать мысленное изображение лежащего перед ней человека, но она его никогда не видела и не могла себе представить, так как он лежал в темноте лицом вниз. А без точки для фокусировки делать было нечего. Интересно, каково зрительное восприятие у Харата, намного ли отличается от людского? Ведь он мог создать мысленную картину и передать ее Дзианте. Но она в этом сомневалась. Кружение постепенно затихало.

“Торопись!” — приказал Харат.

“У нас нет изображения, — резко отвечала она, объясняя причину, почему у них ничего не выходит. — Дай его портрет”.

То, что появилось в ее сознании, было так искажено, что она чуть не прервала контакт. Видение, спроецированное на ее мозг Харатом, представляло собой невероятную смесь человека типа Дзианты и какого-то существа, похожего на Харата. Такого явно не существовало на свете.

“Нам нужна истинная картина”.

Они вернулись в исходное состояние, все еще соединенные физически, но психическая связь уже прервалась. Разочарование Харата быстро перешло в ярость, направленную на Дзианту, хотя он понимал, что сам виноват в этом. Дзианта старалась быть терпеливой.

“Это такой же человек, как и я. Но если это тот, кто сопровождал меня в другой эпохе, то я не знаю, как он выглядит на самом деле. Я должна его увидеть, иначе как мне построить нужное нам изображение?”

Разгневанный неудачей Харат, сердясь на Дзианту, уже прервал с нею мысленный контакт, а теперь отдернул от ее руки и щупальце.

Впадину, где они находились, заливал зеленоватый свет луны. Надо перевернуть его лицом вверх — больше ничего не оставалось. Спрятав камни, девушка принялась за дело. Незнакомец был меньше ростом и легче, чем Оган или грабители, но все же ей пришлось потрудиться. Когда, наконец, свет упал ему на лицо, ей показалось, что кожа у него темного цвета, как у космонавтов. О том же говорила и короткая стрижка “под шлем”. Черты лица были правильными и по эстетическим мер-

кам ее народа он мог бы даже считаться красивым. Дзианта внимательно рассмотрела его лицо, фиксируя в памяти мельчайшие подробности. Легкое прикосновение пальцев дало ей более интимное представление об очертаниях его лба, переносицы, пухлых губ, твердого подбородка. Она должна была запомнить все это, словно видела его прежде почти каждый день.

Харат суетливо кружился около них.

“Скорее. Он исчез. Если это будет слишком долго...”

О, ей хорошо был известен этот страх сенситивов, впадающих в транс, их боязнь не найти своего тела, потеряться. Но теперь она знала, кого им следует искать на тех запутанных дорогах, по которым не ходят обычные люди.

“Знаю...” — она снова достала Глаза и, стиснув их пальцами левой руки, пальцы правой положила на лоб незнакомца. И тут же почувствовала, как вокруг ее запястья обвилось щупальце Харата. “Пора!” — теперь уже сигнал давала она, не боясь того бешеного кружения, что сопровождало их “воеж” в той неудачной попытке. Глаза ее плотно сомкнулись. На этот раз они не искали, они звали со всей силой, мобилизованной в ней камнями, звали безмянно, зато имея четкое изображение лица.

“Ты, кто изображен здесь, где бы ты ни был — приди!” — тело ее, мозг — все слилось в одном призывном крике. Она не знала, долго ли выдержит это состояние, но кричала и кричала:

“П р и д и!”

Слабое прикосновение издалека, будто что-то слегка цапнуло. Это, несомненно был ответ — слабый, но адресованный именно ей. Она боялась расслабиться, боялась даже подумать о том, что у нее, наконец-то получилось! Только бы не потерять эту слабую ниточку.

“П р и д и!”

Ужасно медленно. А она все слабеет, несмотря на энергию, что черпает от камней и Харата.

“П р и д и!” — в это усилие она вложила все остатки своих сил и оборвала связь, будучи уже не в состоянии поддерживать контакт.

Она упала лицом вниз, держа руку на теле незнакомца. Хоть силы и покинули ее, но сознание оставалось, и она почувствовала, что он пошевелился, но ни двинуться, ни издать даже звука она не могла — такая ею овладела слабость.

Человек освободился от нее и с трудом сел. Харат суетился рядом, издавая клювом какие-то звуки, выражавшие необычайное возбуждение. Как бы издалека, Дзианта услышала что-то сказанное незнакомцем на непонятном ей языке. В ушах

шумело, хотелось только одного: лежать и не двигаться, как всегда бывало с ней после непосильного труда.

Она думала, что незнакомец удивится, что он не сразу поймет, где он и что с ним случилось. Однако, он довольно быстро все уразумел, наклонился к ней и воскликнул что-то на своем языке. Затем бережно поднял ее и устроил под ней постель, чтобы ей было удобней лежать. Видимо, он хорошо понимал ее состояние, но не пытался наладить мысленную связь, за что она была ему очень благодарна.

Вот он поднялся и Дзианта посмотрела на него. Он был невысок и худ, в зрелом возрасте, хотя лицо казалось молодым. Щелкая клювом, Харат вскарабкался, как по дереву, ему на плечо. Складывалось впечатление, что они друзья и знакомы уже много лет. Харат был довольно тяжел, но эта ноша, видимо, не тяготила незнакомца, судя по тому, как он легко пролез между скрывавших их камней, чтобы оглядеться и прислушаться. Дзианта только лежала и смотрела на него, она заслужила длительный отдых.

Вдруг ее глаза задержались на... Он обернулся и она увидела на нем очки ночного видения, да и одежду его нельзя было спутать ни с чем, даже в этом призрачном освещении. Ошибки быть не могло: это Патруль! Эмблема на груди выдавала его с головой. Эх, Харат, что же ты наделал! Оган — да что Оган! — даже Юбан были меньшими врагами, чем этот. Что ей теперь делать? Этот сенситив-патрульный наверняка уже знает, что она делала на этой планете, так как и сам участвовал в ее приключениях, и ее ждет... Черный ужас, которого она еще никогда не испытывала, охватил ее при мысли о стирании. И это сделал Харат! Надо бежать, она должна бежать во что бы то ни стало!

Она попробовала убедиться, насколько подвластно ей ее измученное тело. Ей удалось сесть, но вряд ли она сможет бежать без чьей-либо помощи. Харата? Нет, ему больше доверять нельзя. Тогда Огана. Как ни боялась, как ни ненавидела она парапсихолога, он все же не угрожал ей такими жуткими наказаниями, как этот незнакомец. Да, но если она попытается войти в контакт с Оганом, то кто-нибудь из них, либо оба сразу засекут ее.

Глядя на незнакомца полными страха глазами, она старалась отдалиться от него насколько было возможно. Добраться бы до края впадины, перевалиться через камни и скрыться. Но это не пройдет: Харату известна волна ее излучения, он легко выследит ее, как охотничья собака выслеживает дичь по запаху. Прада, Харат физически почти беспомощен, и если ей удастся вывести из строя незнакомца, избавиться от Харата не

составит труда. Дюйм за дюймом, как краб по каменистому дну, она ползла, отдаляясь от места, где лежала.

Между тем она внимательно следила за ними и была начеку. Но незнакомец смотрел вдаль, полностью поглощенный этим занятием, и, видимо, не ждал неприятностей от девушки. Харат смотрел туда же: вероятно, он вел мысленный поиск и сообщал сведения напарнику.

Рука Дзианты наткнулась на камень: таким можно уложить человека. Но она боялась промахнуться. Она уже добралась до того места в груде камней, где ей открывался путь к бегству, как вдруг незнакомец сбросил очки и повернулся к ней. Он в удивлении замер, заметив Дзианту совсем в другом месте, прижавшей спиной к стене и с камнем в руке, который она сжимала, как дикарь свое оружие.

— В чем дело? — спросил он на базике.

Она подняла камень, успев заметить, что он невооружен, и подумать, что, наверняка, он еще очень слаб после всего перенесенного.

— Стой! — предупредила она его.

— Но почему?

Хотя тень скрывала его лицо, она различила на нем удивление при виде ее враждебности, и это ей показалось странным.

— Стой! — повторила она.

Но он подошел к ней. О, и зачем только она вытащила его из транса! Как глупо было довериться Харату, ведь он же заодно с Язой, Оганом и всеми другими, кому она нужна лишь как инструмент и которым нет дела до нее как живого человека.

— Я не желаю тебе зла, почему же ты...

— Не желаешь зла? Ну конечно, какое тут зло: всего лишь приятный визит к Координатору — а затем стирание памяти.

— Нет!

Ему не следовало бы так резко отрицать. Неужели он думает, что она такая дура и не знает, что ее ждет после всего, что она сделала /и для него в том числе/? Будто она не помнит, что случилось с теми сенситивами, которые работали на организацию и были схвачены Патрулем?

— Нет, пойми же...

Если он подойдет ближе, она пропала. Оставался единственный шанс. Собравшись с силами, но все-таки слабовато, она запустила в него камнем — и в тот же момент голову ей пронзила жуткая боль, такая всепоглощающая, что даже крик застрял у нее в горле, и она рухнула под тяжестью этой боли.

Бушевал шторм. Должно быть, она стояла на башне. Лурла лежали неподвижно, не повинаясь ее приказам. Они должны повиноваться. Если они не будут работать, ее сбросят со стены

в бушующем море, а Глаза отдадут тому, кто сможет использовать их для спасения Норноха. Но сейчас Глаза были пустыми. Они трещали, раскалывались на куски и рассыпались в пыль, которая просачивалась между пальцами. Она оставалась совершенно безоружной перед яростью моря.

Они были высоко в горах, а внизу собралась вражеская армия. Сзади над ними непрерывно курсировали самолеты, посылавшие вниз смертоносные лучи. Из этой ловушки спасения не было. Как только клещи западни сомкнутся, нужно позаботиться о мгновенной смерти. Попасть в плен к этим изуверам из Сингакока много страшнее, чем погибнуть в сражении. Она — Винтра и рождена не для того, чтобы быть предметом издевательских насмешек на городских улицах. Никогда! Самолеты уже над ними, от их лучей плавятся спрятанные в укрытиях орудия. Это — смерть и Винтра должна приветствовать ее.

Тепло, свет... это жизнь! Она жива! Так значит, они нашли ее? Она все-таки будет пленницей Сингакока? Нет! Она — Винтра и все знают, что она не должна попасть в руки врага живой. Но ведь она не только Винтра, она — кто-то еще. Эрия! И еще Дзианта! С каждым именем появлялся новый мир. Она постаралась разобраться в своих мыслях. Да, она — Дзианта, это и есть правда, если только Глаза не подвели ее еще раз, она — Дзианта, Дзианта... Казалось, память ее была в сплошных прорехах, будто из нее выхватили целые куски.

Над ней склонилось мохнатое существо с круглыми глазами, пристально смотревшими ей в лицо. В памяти Дзианты блеснуло: Харат! Но первое радостное удивление по мере восстановления всей памяти прошло. Харат — ее враг! Она пыталась двинуться, хотя бы шевельнуть рукой — не удалось. Кое-как вывернувшись, она взглянула на себя и увидела, что опутана шнуром. Итак, она стала пленницей, к тому же еще ненависть Винтры к врагам переполняла ей сердце.

То, что Харат изменил им, не удивляло Дзианту. Он ведь не был цивилизованным жителем Галактики, не подлежал стиранию или какому-нибудь иному наказанию, которое должно было обрушиться на нее. Несомненно, он теперь помогал Патрулю, как раньше помогал Огану. Какая она дура, что отозвалась на его призыв о помощи!

Она отвернулась от Харата, не желая на него смотреть. Теперь она видела только освещенные солнцем камни, но это было уже не то место, где ее поразил страшный удар. Оно было более открытым. Поодаль на краю обрыва лежал на животе незнакомец и всматривался во что-то, творящееся внизу. Она слышала звуки выстрелов. Где-то внизу шел бой.

Дзианта слышала шелканье клюва: очевидно, Харат пытался связаться с ней. Она упорно смотрела в сторону, наглухо закрыв мысленный барьер. Она не желала иметь контакт с предателем.

Что-то больно дернуло ее за волосы. Это Харат, чтобы заставить ее повернуться к нему, ухватил ее щупальцами за волосы. Она тут же закрыла глаза, чтобы укрыться от его пристального взгляда, но все время ощущала его настойчивые попытки пробить ее барьеры мысленным зондом. Решив, наконец, не тратить силы на эту борьбу — они ведь могли понадобиться позже — она сняла барьер и приняла вопрос:

“Чего ты боишься?”

Она возмутилась: как будто он не знает, что ее ждет!

“Ты выдал меня Патрулю. Они убьют мой талант. Я стану ничем!”

“Нет. Этот человек просто пытается понять. Без него ты бы уже погибла”.

Она вспомнила бегство из гробницы. Лучше бы она умерла там. То, что останется после стирания, уже не будет Дзиантой!

“Лучше бы я погибла!” — воскликнула она, глядя Харату прямо в глаза.

Внезапно он отпустил ее волосы и прервал контакт. Она видела, как он бежал среди камней, шелкая клювом, словно ее слова заставили его переживать. Подбежав к человеку, все еще наблюдавшему за боем внизу, он вытянул щупальце и обвинил его вокруг руки незнакомца. Затем незнакомец обернулся и посмотрел на нее. Она ответила ему ненавидящим взглядом. Но тут послышался грохот и над утесом взмыл корабль носом вверх. Извергающееся пламя раскалило воздух. Он с удаляющимся шумом исчез в простанстве.

Вряд ли это “Эль-Би” Огана. Его корабль слишком мал, чтобы так эффектно взлететь. Это, должно быть, корабль грабителей. Последняя надежда потеряна, ничто уже не спасет ее из рук Патруля. Ей хотелось кричать от отчаяния, выпрашивать милость, но вместо этого она плотнее сжала губы: гордость не позволяла ей показывать свою слабость.

Незнакомец подошел к ней и стоял так, словно больше не боялся, что их обнаружат. Теперь Дзианта могла разглядеть его как следует. Она знала его как Турана, хотя тело того было лишь оболочкой для кого-то другого. Но теперь эта униформа разделяла их крепче любой стены.

В прошлом на Корваре она вела очень уединенную жизнь. Когда ее посылали в налеты, от нее требовалась полная концентрация, не позволявшая ей отвлекаться ни на что посторон-

нее. Все домашние Язы были в основном женщины, и жизнь Дзианты превратилась в жизнь жрицы при некоем божестве.

Оган никогда не казался ей мужчиной. Это был мастер, постоянно совершенствующий свои таланты, отрешенный, вечно погруженный в себя. Он внушал благоговейный трепет, а иногда и страх. Немногочисленные служители-мужчины были для Дзианты как люди не более привлекательны, чем металлические роботы.

Но этот был мужчиной, обладавший, как и она, талантами сенситива. И она не могла забыть, как они вместе боролись и подвергались опасностям в эпоху Турана. Как жадь, что теперь они враги. Он дал ей возможность почувствовать себя личностью. Раньше такого ощущения она никогда не испытывала.

Он не производил впечатления человека большой физической силы: среднего роста, он казался еще ниже из-за необычайной худобы. Она не ошиблась: цвет его кожи был темно-коричневым и при этом естественным, а не вызванным воздействием космоса. Волосы жесткие, курчавые... Несомненно, он был из породы землян, но не мутантом, как многие, происшедшие из первой волны колонистов.

Он опустился рядом с Дзиантой, задумчиво глядя на нее, как на уравнение, которое нужно решить. Испуганная воцарившимся между ними молчанием, Дзианта решилась задать вопрос:

— Чей это был корабль?

— Грабителей. Перессорились, перебили друг друга, уцелевшие улетели. Ну, кое-кто все же остался — человека дватри. Это те, кто находился за пределами действия пламени двигателей.

— Оган! Он будет искать... — она тут же поняла свой промах и буквально прикусила язык, наказав себя за невольное предательство.

— Искать тебя? О нет, он не сможет выследить нас, даже если очень захочет. У нас есть защитный экран, который ему не по зубам.

— Что же мы будем делать теперь? — Надо брать быка за рога, пока он надумал говорить правду. Патрульных нельзя недооценивать.

— Пока будем ждать. Но за это время ты должна понять, что я вовсе не хочу держать тебя в таком виде. — Она была связана так крепко, что не могла шевельнуться.

— Меня ждет стирание, а ты ждешь от меня обещаний больше не убежать?

— Куда ты хочешь бежать? Ведь этот мир так негостеприимен. — Этот разумный довод вызвал в ней раздражение. —

Здесь самое безопасное место, гораздо безопаснее, чем в Сингапоке. — Впервые он показал, что помнит их совместное приключение в той эпохе. — По крайней мере, Высочайшая Супруга не гонится за нами со своими охранниками.

Достав из кармана пачку курительных палочек, он закурил одну из них и задумчиво вдохнул сладкий аромат. По всему было видно, что он спокоен и доволен, словно находится не среди каменных громад утесов, а где-то во дворце развлечений на Корваре, и это еще больше злило Дзианту. Ей хотелось поскорее узнать правду — пусть самую худшую.

— Чего же мы ждем?

— Возможности вернуться на мой корабль. Я вовсе не собираюсь тащить тебя на руках. По пути неизбежны схватки, так что лучше подождать — и именно здесь. Но если ты согласна вести себя разумно и не делать нсодуманных поступков, то мы сможем пробраться на корабль. А там, заверяю тебя, будет гораздо удобней и приятней.

— Для тебя — возможно, но вовсе не для меня. Я-то знаю, чего мне ждать “приятного”

Он вздохнул.

— Мне бы хотелось, чтобы ты выслушала меня, а не считала себя всезнайкой.

— В беседе с офицером Патруля я могу предсказать все, что касается меня лично.

— А кто сказал, — спокойно отвечал он, — что я имею отношение к Патрулю?

ГЛАВА 17

Сначала Дзианта не поняла того, что он сказал, затем иронически рассмеялась. Неужели он считает ее настолько глупой, что она поверит этому, когда он сам сидит перед нею в униформе Патруля, когда...

— Одежда, — продолжал он, — не обязательно определяет статус человека. Да, я работал в Патруле, но преследуя свои цели. Я работал только в космосе, так что мои цели и их совпадали. Видишь ли, я искал эти Глаза уже много лет, даже не зная, что именно разыскиваю, как это выглядит и для чего предназначено.

Глаза? Где они теперь? У него? Дзианта стала извиваться в бесплодной борьбе с веревками, которые стягивались еще туже. Поняв это, она утихла.

— Они еще у тебя, — успокоил он ее, должно быть, прочтя

ее мысль, хотя она и не ощутила никакого прикосновения к мозгу.

— Если ты не из Патруля, то кто же ты? И почему носишь их униформу?

— Я — сенситив и работаю в Хирст Технир Зорбирах. Я руковожу экспедициями закатан на Икс-1. А чтобы тебе было ясней, Икс-1 — это планета в той системе, где мы сейчас находимся, — он снова вдохнул ароматный дым. Из-за камней появился Харат. Похоже, он был в разведке. Устроившись у ног незнакомца, он передал мысль открытым текстом:

“Оган здесь, другой ранен, остальные мертвы. — Он выпустил щупальца и занялся чисткой тела.

— Год назад, — продолжал незнакомец, — открытия, сделанные на Икс-1, были украдены грабителями. Мне было предложено найти украденное, так как я занимаюсь археологической психометрией. Их следы привели меня на Корвар. Мы обнаружили там семь краденных предметов, и вот тогда я вступил в Патруль. Восьмой же предмет похитила ты из апартаментов Юкундуса. Вот почему Харат заставил меня пойти по твоему следу. — Он протянул руку и погладил Харата по голове, на что тот ответил излучением радости и благодарности.

— И тебя тоже привезли на Вэйстар?

— И меня тоже. Когда произошло похищение, я был уверен, что сделавший это сенситив знает, что похитил, и постарается узнать историю похищенного предмета. У нас на Вэйстаре есть свои люди, они сообщают нам, если появляется что-то необычное. Мы подкупили нескольких капитанов кораблей, предложив им больше, чем они зарабатывают грабежами.

— А как же тебе удалось подкупить Харата?

— Спроси у него? — засмеялся он. — Сам пришел ко мне. Ему не очень нравилось у Огана, а я знал, что, когда понадобится, он сможет связаться с тобой. Правда, не думал не гадал, что это приведет меня к превращению в Турана, — он поморщился, — не хотел бы я все это испытать заново.

— Так ты все время знал о Глазах? — У нее было странное ощущение, что ее одурачили, заставив решать сложнейшую задачу, ответ которой был уже известен.

— Да нет же! Я лишь знал, что купленная Юкундусом уродливая фигурка — вещь намного более ценная, чем кажется. Это каждому было ясно. Но Глаза — нет, я о них не догадывался. Думаю, это самая значительная находка, которую сделали закатане за целые века своей работы.

— Но ты вступил в патрульную службу, чтобы преследовать нас. Ты одел их форму.

— Что ж оставалось делать? — Он вздохнул. — Мне нужны были права. Но я не Патруль.

— Тогда кто же ты?

— Я вижу, — засмеялся он опять, — что мне пора представиться. Меня зовут Рис Ланти. Я Биверн, обученный...

— Тебя обучили лгать! — крикнула она. — Все знают, что Биверны не занимаются парапсихологией!

— Верно, в большинстве случаев не занимаются, — с готовностью согласился он. — Но я — особый случай, я родился с талантом. Это признал Совет и отдал меня в обучение. Может ли один сенситив лгать другому? — И хотя он предложил ей свой мозг для зондирования, она не захотела снять свой собственный барьер — это была ее единственная защита.

Он ждал и, поняв, что она не намерена отзываться на его призыв, слегка нахмурился.

— Из-за твоей подозрительности мы только теряем время. Хотя этого можно было ожидать. Но разве я открыл бы тебе свой мозг, если бы хотел что-то скрыть? Ты же знаешь, что нет.

— Да, и я так всегда считала, но ты ведь сказал, что ты — Биверн, а Биверны — большие мастера галлюцинаций.

— О, ты многое знаешь.

— А как же! Ведь Оган собирал всю возможную информацию о проявлениях психических сил, так что я обо всем получила представление.

— Что ж, я и это предполагал.

Она снова вернулась к беспокоившему ее вопросу.

— Если ты не Патруль, то как же ты со мной поступишь? Придет их корабль — и ты отправишь меня на стирание? Ты же знаешь закон...

— Это все зависит в основном от тебя. Дай мне слово, что не будешь пытаться бежать, и пойдем ко мне на корабль.

Отбросив лишние эмоции, Дзианта попыталась взвесить свои шансы. Оган на свободе, в правдивости Харата сомнений нет. У Огана спрятан защищенный экраном летательный аппарат, взлет которого запрограммирован. Значит, у него есть возможность спастись. Корабль грабителей уже взлетел, так что помощи от Язы ждать нечего.

К тому же Дзианта была уверена, что салярианка порвала с ней, исключила ее из круга своих людей. В таких вещах Яза была тверда. Так что приходилось выбирать между Оганом и Рисом Ланти. Девушка склонялась к последнему, хотя он и был связан с Патрулем. Во всяком случае, это даст ей свободу, а с нею и шанс избежать приговора суда.

— Так ты сказал, что бежать мне куда? Ну что ж, даю слово.

— Отлично. — Он разрезал ножом веревки и они упали на землю, перестав быть путами.

Девушка села и стала разминать кисти рук. Затем Рис помог ей подняться и поддерживал ее, пока она разминала онемевшие ноги. Она спросила:

— А закатане — знают ли они что-нибудь о Сингакоке?

Харат вскарабкался на Ланти и устроился у него на плече, готовый поддержать Дзианту в случае необходимости. Так они начали свой путь по склону горы.

— О Сингакоке — нет. Но на Икс-1 найдены развалины, в хорошем состоянии. Возможно, когда беда обрушилась на Сингакок, жители этого мира переселились туда. Когда я был Тураном, я заметил, что между архитектурой Сингакока и этими строениями есть что-то родственное. А с помощью Глаз мы сможем добыть еще более ценные сведения. Ведь для нас не будет ничего невозможного. — В голосе его звучало возбуждение.

— Неужели тебе снова хочется вернуться в прошлое? После всего того, что мы там пережили?

— На этот раз мы все тщательно подготовим. Рядом будут помощники, для страховки, чтобы облегчить нам выход из транса. А ты не хочешь?

Она боялась и ей трудно было в этом признаться.

— Не знаю.

— Если тебе самой представить право выбора, думаю, ты не откажешься от возможности изучить тот мир получше. — Он хотел продолжать, но его прервал Харат, возбужденно зашелкав клювом. Ланти опустил руку, делая знак, что идти дальше нельзя.

— Оган где-то рядом.

— Ты же говорил, что можешь создать защитное поле.

— Могу — против вторжения в мозг, такое же, каким ты отгораживаешь меня. Но если Оган способен увеличить свой потенциал, то мы втроем должны объединить свои силы. Я не хочу недооценивать этого человека: противник он не из легких. Как ты думаешь, что он может использовать против нас?

— Не знаю, — отвечала она, желая, чтобы он поверил. Ей действительно было неизвестно, что за аппаратура была у него с собой. В организации знали, что он собирает различные устройства, связанные с психической деятельностью. У него могло быть даже что-нибудь эквивалентное Глазам. — Я... — начала было она и осеклась.

Внезапно весь мир перед ней странно исказился. Камни, скудная растительность — все стало вдруг плоским и слегка колыхалось, словно это был ландшафт, изображенный на по-

лотне, мягко обдуваемом ветерком. Перемена была пугающей: это был резкий переход из мира безлюдия и опустошения в мир кипучей человеческой жизни.

Она стояла на улице между домов и перед ней расстилался город. Его башни четко вырисовывались на ярко-голубом небе, пронизанном солнечными лучами. Везде было полно людей: они шли пешком, ехали на машинах. И все же во всем этом было что-то нереальное. Огромный грузовик ехал прямо на нее. Дзианта вскрикнула и попыталась отскочить в сторону, но сделать этого не смогла, она кричала, рвалась, но что-то крепко держало ее на месте. Но грузовик прошел сквозь нее и она не почувствовала ни ожидаемого удара... ничего! Еще один автомобиль проскочил, едва не задев ее. Она закрыла глаза от ужаса и стала отчаянно бороться с той силой, что вернула ее в Сингакок и держала здесь. Ведь это был действительно Сингакок.

Глаза — вот чья это работа, хотя она и не смотрела в них. Если они могут делать такое помимо ее желания... Она расстегнула карман на груди, достала камни оттуда и швырнула их прочь от себя. Но все равно она оставалась в Сингакоке! Словно взаперти. Дзианта вскрикнула и изо всех сил, удвоенных страхом, рванулась, пытаясь освободиться от того, что держало ее, порвать эти узы. А вокруг, сквозь нее продолжали свой путь люди и машины давно погибшего города, не обращая на нее никакого внимания.

— Дзианта!

Она закрыла глаза. Теперь до нее дошло, что, несмотря на всю реальность возникшего перед ней города, в нем не было ни звука. Услышанное ею собственное имя вернуло ее к действительности. Но все же она боялась открыть глаза.

— Дзианта!

Чьи-то руки удерживали ее, несмотря на то, что она яростно сопротивлялась, они были такие же настоящие, как и звавший ее голос.

— Что ты видишь? — отчетливо прозвучал голос, требуя ответа.

— Я в Сингакоке.

Из страха она сняла мысленный барьер и моментально ощутила то самое всепоглощающее чувство товарищества, знакомое ей по опыту общения с Тураном. Она перестала сопротивляться.

И вот она уже стояла, дрожа и чувствуя, как в нее вливается уверенность в собственных силах, как проходит страх, как появляется ощущение устойчивости в этом нереальном мире, и это чувство уверенности излучал он, Ланти. Когда-то они

вместе боролись в Сингакоке, он отдал последние силы, чтобы выволить ее из Норноха. Вот и теперь во-время подставил плечо, чтобы дать ей опору.

Дзианта открыла глаза. Город все еще был перед ней, пугая своими домами, колоннами, машинами, людьми, но она знала, что это всего лишь галлюцинация, — но кем, кем вызванная? Ланти? Нет, он не мог сделать это, одновременно войдя с ней в мысленный контакт. Это было невозможно. Тогда Харатом? Или Глазами?

— Я же выбросила Глаза, а все равно вижу Сингакок.

— Ты видишь только то, что хранилось у тебя в памяти, а теперь кем-то возбуждается. Может, Оганом... — Голос Ланти был совсем близко, она чувствовала его руку, но не видела его, не видела ничего, кроме Сингакока.

— Не смотри, попробуй мысленные ощущения. Чувствуешь чьи-нибудь мысли?

Она попыталась: никаких посторонних мысленных изображений, кроме Ланти и Харата. Сингакок не производил ни звуков, ни мысленных ощущений, он воспринимался только одним органом чувств.

— Это только зрительная картина...

— Отлично, — голос Ланти был спокоен, словно он понимал, что происходит. — Это только зрительная галлюцинация — хитрая уловка, чтобы ты выбросила Глаза.

Чтобы она выбросила Глаза? Тогда это дело сработано успешно.

— Да я же выбросила их!

— Ну, не так уж и далеко. Харат уже нашел и принес их. а теперь слушай: эта галлюцинация предназначалась для каждого из нас, но я Биверн, а Харат — не человек, поэтому она на нас не подействовала. Но если мы задержимся здесь, чтобы освободить тебя от видения, то можем подвергнуться кое-чему похуже. Надо поскорее уходить отсюда. Отрешишься от всего, что видишь, положишься только на мысленное зрение и другие органы чувств и тогда мы сможем пробраться на корабль. Поняла?

— Поняла. — Дзианта крепко зажмурила глаза. Сможет ли она идти вслепую, даже если у нее будет поводыр?

— Сможешь. — Ланти был уверен в себе и в ней. — Пусть глаза будут закрыты, если тебе так легче, и иди за мной. Харата я посажу тебе на плечо — пусть он все время будет с тобой.

Она почувствовала тяжесть мохнатого существа и острые когти, впившиеся ей в плечо.

— Не открывай глаза, Харат хочет кое-что попробовать.

Она ощутила прикосновение щупальцев к голове, затем кончики их дотронулись до ее ресниц. И тут она как бы обрела

какое-то другое зрение: она видела все окружающее так, как если бы зрительная галлюцинация больше не действовала на нее.

И так, держа за руку Ланти и смотря глазами Харата, Дзианта двинулась в путь, чувствуя огромное облегчение от того, что может им доверять, что они ее истинные друзья.

После трудного, полного опасностей пути они, наконец, пришли к стоянке корабля. Он был гораздо меньше корабля грабителей. Дзианте очертания его показались очень странными. Разумеется, она учла разницу в зрительном восприятии ее и Харата и проистекающее отсюда искажение ее видения, но тем не менее решила, что перед ними — корабль Патруля.

— Стой! — Руки Ланти пригвоздили ее к месту.

— Что случилось?

Глазами Харата Дзианта не видела ничего подозрительного.

— Корабль был на замке с секретом, а трап был забран внутрь. А теперь смотрите — трап спущен!

Дзианта присмотрелась и тоже увидела спущенный трап.

— Так мы идем прямо в ловушку! — Дзианта негодовала. — Неужели он думает, что перепугал нас до потери разума? Если так, то ошибается. Но... — Дзианта вдруг напряглась. — Да ведь это вовсе не корабль. Это Оган хочет, чтобы мы так думали.

Харат тоже весь напрягся, острые когти впились ей в кожу. Она даже обрадовалась этому — боль возвращала ее в реальность. Она слышала дыхание Ланти и спросила:

— Ты чувствуешь искажение?

— Конечно. — Он также чувствовал жжение внутри, странную коловорот в желудке, словно тело и разум отделяются друг от друга, и это ощущение усиливалось.

Дзианта чувствовала то же самое и знала, что долго ей этого не выдержать. Щупальцы Харата соскользнули с ее ресниц, с ее головы. Ей больше не служило его зрение, и ощущение дезориентации стало увеличиваться.

Харат испустил истошный, почти человеческий вопль. Очевидно, эта психическая атака действовала на него болезненнее, чем на людей. Он потерял равновесие.

Дзианта подхватила его тельце, прижала к себе, а когда он расслабился, обнаружила, что мысленный контакт с ним исчез.

— Назад! — приказал Ланти и потянул ее за собой, но искажение сознания все росло и преследовало их по пятам. Созданный Ланти барьер уже не держал ударов Огана. Когда он совсем развалится, их рассудок исказится до чудовищных иллюзий, его затмение превратит их в идиотов.

— Я увеличиваю мощностъ барьера, но, боюсь, я не смогу поддерживать его долго, — сказал Ланти.

— И когда он не выдержит, мы можем сойти с ума, — закончила она его мысль.

— У нас есть еще кое-что. — Он протянул руку. — Присядь-ка сюда, за эти камни. — Он мягко принудил ее встать на колени. Исканенность восприятия уменьшилась. — У тебя есть Глаза. Харат принес их мне. Они здесь. — Он разжал пальцы и вложил ей в ладони два кусочка минерала. — Ты уже работала с ними, так что тебе легче настроиться на них. Итак, слушай: Оган поразил тебя зрительной галлюцинацией. Он прячется где-то поблизости. Ему не удалось проникнуть на корабль, но он создал у нас иллюзию, что он там. Наша задача — обратить вспять на него самого создаваемую им же иллюзию.

— А разве можно такое сделать? — Она слышала о мастерах внушения Варлока, об этих Бивернах, умеющих создавать сны и химеры. Они могли любого подчинить своему влиянию и заставить жить в иллюзорном мире, который создали сами в своей голове. Ланти был Биверном, но она еще не слышала, что можно кого-то поразить им же созданной галлюцинацией.

— Нельзя ничего предсказать заранее, но надо попытаться. У тебя иллюзия, что ты в Сингакоке. Если у нас получится — пошлем его туда же!

Дзианта ахнула. Она никогда не слышала о такой возможности, хоть и знала о невероятных вещах, которые могут делать Биверны как иллюзионисты. И вдруг она поняла одну вещь: Ланти зависит от нее, нуждается в ней. Такое ощущение было у нее впервые. Для Язы и Огана она была лишь инструментом, Ланти же приглашал ее к сотрудничеству на равных ради получения обоюдной выгоды.

— Мне такого делать еще не приходилось, — она облизала губы, давая ему понять, чтобы он не переоценивал ее возможности и силы.

— Мне немного приходилось, но этот случай особый. Теперь открой глаза и смотри на Сингакок, если, конечно, мы еще там и не вышли за его пределы, фокусируйся на всем с помощью камней. Старайся представить, что все это настоящая действительность.

Она боялась города, боялась того, что может случиться, когда она заглянет в камни, боялась снова затеряться в прошлом. Но она решительно отбросила страх и храбро посмотрела в лицо опасности. Прижав камни ко лбу, она открыла глаза.

Она была уже не на улице, а в каком-то саду. Перед ней

возвышалось здание, похожее на дворец Лорда Командора, однако она была уверена, что это не дворец правителя. У дверей стояли стражники. Люди входили и выходили. Вероятно, это было место, где вершились важные дела, но узнать его она не могла, так как не была уже Винтрой и не имела ее памяти. Все было настолько реальным, что: если бы не полное отсутствие звуков, она бы решила, что вновь оказалась в прошлом.

— Да в а й!

По этой команде Дзианта из всех сил сконцентрировалась на развернувшейся перед ней картине, стараясь точно и отчетливо запечатлеть ее со всеми подробностями. Действия Ланти были ей неизвестны. Харат безвольным комочком все еще лежал у нее на руках. Крайняя степень сосредоточенности на видении стоила ей большого труда.

Внезапно вся картина перед ней затрепетала, подернулась дымкой, превратившись в тонкое разрисованное полотно, сквозь складки которого виднелся корабль, словно палец, указующий в космос, на свободу.

Затем иллюзия исчезла, а с нею и отвратительное ощущение, вызванное искажением реальности. Она свободна! Дзианта вскочила на ноги, на плече зашевелился Харат. Ланти все еще оставался на коленях, уткнувшись лицом в ладони. Она подошла к нему и положила руку, державшую камни, ему на плечо. От прикосновения он задрожал и поднял голову. Глаза его были закрыты, на лице выступил пот.

— Р и с!

Он открыл глаза. Сперва она решила, что и он оказался жертвой той же самой иллюзии, которая так долго терзала ее. Но прежде, чем она заговорила, сзади раздался отчаянный вопль. Они оглянулись.

По камням бежал Оган. Руки его были прижаты к голове. Он кричал что-то бессмысленное и дергался, как бы увертываясь от чего-то, чего они не видели.

— Пойдем.

— Он же увидит нас.

— Он видит Сингакок. Правда, долго ли это протянется, я не знаю. Нужно поскорее уходить, пока эта иллюзия не кончилась.

Оган с безумным криком носился среди камней, пока они проходили мимо, направляясь к кораблю, но он не обращал на них никакого внимания.

Ланти приложил к губам передатчик и назвал кодированный сигнал. Дверь корабля раскрылась и выполз настоящий трап. Напуганная Дзианта бросилась вверх по ступеням со

всей быстротой, на которую была способна. Она боялась, что в любой момент ее снова поразит уже знакомая ей волна безумия, но, к счастью, без всяких происшествий она оказалась внутри корабля, а с нею и Ланти, страховавший ее с тыла.

Внутри было совсем мало места. Дзианта сначала забились в угол, затем, когда дверь закрылась, они все перебрались в рубку управления и Ланти усадил ее в кресло. Ему надобило их усыпить перед дальним полетом, поэтому он нажал соответствующую кнопку, а сам уселся в кресло пилота и занялся своими многочисленными приборами. При взлете она на како-то мгновение ощутила перегрузку и тут же все погрузилось во мрак.

Она почувствовала, как по подбородку скатываются капли жидкости, увидела склонившегося над ней Ланти — он выжимал содержимое тюбика ей в рот. А потом к ней вернулась энергия и она выпрямилась в кресле.

— Куда...

— Куда мы прибываем? На Икс-1.

— А Оган?

— Он остался ждать, когда за ним прилетит Патруль.

— Он все расскажет, — сказала она убежденно и подумала, что и Ланти, хоть сам он и не выдаст, не сможет уберечь ее от Патруля. Рано или поздно ее возьмут. Она предавалась своим печальным размышлениям, забыв, что сняла барьер, и увидела, как он отрицательно покачал головой.

— Если они и придут за тобой, то ничего не добьются. Закатане редко вмешиваются в дела людей, но уж если все-таки вмешиваются, то, значит, имеют на это веские причины.

— А зачем им брать меня под свою защиту?

— Да затем, Дзианта-Винтра-Эрия, что ты для них самая ценная находка за целое столетие. Ты открыла новую, совершенно удивительную дверь в прошлое и они приложат все усилия к тому, чтобы оставить ее открытой. Неужели ты думаешь, что они позволят стереть такую ценность? — по его убежденному тону было видно, что он твердо верит в то, что говорит.

Ей тоже очень хотелось в это верить, но... Он опять прочел ее мысли.

— А ты попытайся поверить в невероятное и увидишь, что это реальность. Вспомни, что мы там делали, — Ланти показал на экран, на котором виднелся быстро уменьшающийся Сингакок. — То, что с нами произошло там — это невероятно. Ты умирала дважды. Я умер один раз. Но ты же не будешь отрицать, что мы с тобой живы? И при всем этом ты почему-то не хочешь верить, что будущего бояться не следует.

— Да, ты, наверное, прав, — согласилась Дзианта. Конечно он был прав. Говорят, смерть — это конец всему, но ведь она

дважды прошла через смерть. А может, все это было иллюзией, наподобие той, в которой они оставили беднягу Огана? Ну что ж, иллюзия — так иллюзия, пусть так оно и будет.

Ланти улыбнулся, а Харат восторженно в ее руках и нежно защелкал клювом.

— Вот увидишь, все будет хорошо!

Их мысли встретились: в его — горячая уверенность, обещающая отогреть ее сознание. В ладонях Дзианты, греясь, ждали чего-то камни-Глаза. Но чего? Следующей иллюзии? Наверное, следующего приключения.

Луна трех колес

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крип Ворланд, Вольный Купец, попал на планету Ектор во время Луны Трех Колец. Там, на этой планете, Три кольца означают могущество и власть. Власть над человеческой жизнью.

Ворланду не повезло. Столкнувшись с одной из тех, кто обладал этой властью, он, вернее его сознание, оказалось перенесенным в тело одного из животных обитающих на этой планете.

Вернуться в свое тело, сохранить свое “я”, находясь в облики животного — возможно ли это?

КРИП ВОРЛАНД

Глава I

Вы представляете себе, что такое космос? Бесконечное множество миров, познать которые человеку, даже если бы он имел сотни и тысячи жизней, невозможно, сколько бы он ни преодолевал путей от планеты к планете, от одной галактики к другой, сколько бы ни мучался, пытаясь разгадать, что же там еще за следующим солнцем, за следующей звездной системой.

Для таких искателей вера в чудесное беспредельна в отличие от тех, кто предпочитает исхоженные тропы, не принимает ничего на веру, отказывает в доверии даже собственным чувствам.

Те, кто осмеливаются вторгаться в неизвестное — первые разведчики космоса, исследователи, от которых не отстают и Вольные Купцы, врываясь за пределы Галактики, знают: легенды и фантазии на одной планете могут оказаться счастливой и мрачной действительностью на другой. Каждое приземление на неизвестной планете — это новые тайны и открытия.

Быть может, мое вступление грешит псевдофилософскими рассуждениями, но, право, не знаю, как иначе взяться за это дело. Видите ли, если раньше я и рассказывал обо всем этом, то лишь в той степени, в какой это требовалось для отчета в Лигу Вольных Купцов. Когда же берешься описывать что-то невероятное, то здесь труднее всего — начало.

Перворазведчики во время своих нескончаемых скитаний по чужим мирам и галактикам сообщают в Управление много странного и необычного. Впрочем и планеты, ставшие благодаря им доступными для человека, могут еще хранить свои тайны даже после того, как уже признаны удобными стоянками для кораблей или даже пригодными для новых поселений.

Вольные Купцы, всецело зависящие от внешней торговли и не надеющиеся на поддержку со стороны Объединений планет системы, которые не скупятся отваливать жирные куски своим

монополиям, то и дело сталкиваются с явлениями, неизвестными даже в Управлении. Так и случилось на Екторе во времена Луны Трех Колес. И кому же еще рассказывать об этом, как ни мне, ведь все это произошло как раз со мной, хотя я и числился всего лишь помощником суперкарга — заведующего приемом и выдачей грузов на “Лидисе”, к тому же последним в списке экипажа этого корабля.

Благодаря кочующему образу жизни, за годы своего существования Вольные Купцы стали чуть ли не самостоятельным племенем Галактики: у самих ни кола ни двора, корабли без постоянного порта приписки, жизнь в вечных скитаниях. Поэтому корабль для нас — единственная наша планета, а без него мы все как иностранцы. Впрочем, это не значит, что мы неприязненно относимся ко всему чужому: тяга к исследованию и пониманию окружающего нас космического пространства уже вошла в нашу плоть и кровь.

Купцами мы рождаемся, потому что семьи наши живут на больших кораблях. Так повелось уже давно, и для нас это было много лучше тех коротких непрочных связей в портах, из-за которых можно остаться без корабля. Крупные космические станции являются в то же время городами, торговыми центрами для каждого сектора, где совершаются крупные сделки и где семьи могут насладиться чем-то вроде домашнего уюта в промежутках между вояжами.

Но “Лидис” был кораблем класса А для холостяков, так как предназначался для торговли на опасных окраинах, а на это могли решиться только одинокие мужчины. Я, Крип Ворланд, был очень доволен, что взялся за такое дело. Мой отец не вернулся из последней экспедиции уже много лет назад, мать, по обычаю Купцов, через два года снова вышла замуж и уехала куда-то со своим супругом. Так что отговаривать меня, когда я вербовался в команду, было некому.

Наш капитан Урбан Фосс считался хорошим командиром, хотя был молод и любил риск; но именно последнее обстоятельство и устраивало членов его экипажа: им хотелось иметь вожаком человека, который, рискнув на каком-нибудь деле, даст им возможность выдвинуться в разряд тех, кто пользуется солидным авторитетом в торговых центрах. Джел Лидж заведовал торговым отделением. Он не любил давать легких заданий, но все же один раз мне пришлось с ним повздорить из-за того, что он ревниво охранял торговые секреты, заставляя меня доискиваться до всего самому. Но, может, и нет лучшей науки, как держать в постоянном напряжении во время вахты и давать возможность поразмышлять в свободное от работы время.

До того, как приземлиться на Екторе, мы совершили уже

две удачные экспедиции, и, понятно, возомнили о себе бог знает что. Но, как бы то ни было, Вольные Купцы никогда не забывают об осторожности. После посадки, прежде, чем открыть люки, Фосс включил для прослушивания магнитофонную запись, содержащую все необходимые в этом мире предупреждения.

Так как это была действительно окраинная планета, ее единственный порт находился вблизи Ирджара, главного города, если можно вообще говорить о существовании городов на Екторе, расположенного в центральной части обширного северного материка.

Мы приурачили наше прибытие к большой торговой ярмарке — сборищу купцов и простого люда со всей планеты, что бывало раз в два планетных года в конце уборочного сезона.

Как и во многих других мирах, эти сборища имели когда-то, впрочем и до сих пор не утратившее до конца, религиозное значение. Считалось, что это была дата битвы древнего народного героя с неким демоническим врагом, в которую он вступил ради своего народа и одержал победу, но погиб и был похоронен с необычайными почестями. До сих пор разыгрывалось подобие той битвы, после чего следовали соревнования, в которых феодалы соперничали друг с другом, ставя на своих бойцов. Победившие в каждом соревновании получали богатые призы, а главное — престиж не только для себя, но и для своего хозяина вплоть до следующей ярмарки.

Глава 2

Общество на Екторе находилось в феодальной стадии развития. Несколько раз за всю историю его существования короли и завоеватели пытались объединить под своей властью — хотя бы на время своего правления — целые континенты. Эти объединения порой доживали и до последующих династий, но, как правило, вскоре распадались в результате междоусобиц. Общество не развивалось. Правда, священники хранили кое-какие легенды о ранней цивилизации, достигшей большей стабильности и более высоких технических знаний.

Никто не знал, почему они застряли на этой стадии развития, а что касается существования иного образа жизни, то никто из туземцев этим не интересовался или в возможность этого не верил. Мы прибыли в то время, когда на планете царили полная разруха и беспорядок, когда шестеро феодалов сцепились друг с другом, но ни у кого из них не было ни

ловкости, ни ума, ни удачи, чтобы взять верх. И так установилось своего рода равновесие власти.

Для нас, Купцов, это влекло за собой определенные трудности и неудобства, ограничивало нашу деятельность, что вызывало в нас крайнее недовольство. Фактически это означало запрет на утечку мозгов и запрет на оружие.

Когда-то еще в самом начале свободной торговли для защиты от власти Патруля и, кажется, для того, что не раздражать Контроль, Купцы осознали необходимость соблюдения этих двух правил предосторожности на примитивных планетах. Определенная техническая информация ни в коем случае не должна была продаваться, независимо от предлагаемой цены. Оружие внешнего мира, а также секреты его изготовления, находились под запретом. Когда мы прибывали на такую планету, все оружие, кроме небольших дубинок, запиралось в сейф и доставали его только после нашего отлета. Кроме того, нас подвергали профилактической обработке, чтобы нельзя было вытянуть из нас никакой запретной информации.

Может показаться, что в результате всего этого мы были абсолютно беззащитными перед грубой силой какого-нибудь феодала, желавшего выведать у нас как можно больше. Но закон ярмарки надежно охранял нас от опасности, по крайней мере до тех пор, пока мы придерживались правил, первоначально установленных жрецами.

По закону, общему для всех миров Галактики и кажущемуся везде естественным и справедливым, территория ярмарки являлась нейтральной зоной и была священной. Тут могли встретиться смертельные враги, но ни один из них не посмел бы взяться за оружие. Если преступник успевал укрыться на ярмарке и не нарушал ее законов, он полностью освобождался от преследования и наказания до ее окончания. У ярмарки были свои законы и полиция и любое совершенное на ней преступление жестоко кралось. Поэтому ярмарка служила также местом переговоров между феодалами, где они разбирались в своих междоусобицах, а возможно, и заключали новые союзы. Нарушивший закон ярмарки объявлялся вне закона, что было почти равносильно приговору к смертной казни, только более продолжительной и мучительной.

Все это мы хорошо знали, однако терпеливо выслушали запись: на торговом корабле такие предупреждения никто никогда не считал пустой тратой времени. Затем Фосс снова обратился к распределению обязанностей во время пребывания на планете. Обычно в таких экспедициях мы выполняли их по очереди. Вахту на корабле несли постоянно, остальные пользовались относительной свободой и могли работать попарно. С

утреннего гонга и до сумерек мы должны были налаживать контакты с местными купцами. Фосс побывал уже однажды на Екторе в качестве помощника капитана на “Коул Сэк” и теперь, достав свой дневник, освежал в памяти детали образа жизни планеты.

На всех кораблях Вольного Купечества суперкарго руководит распределением товара и основными сделками, но каждый член команды волен работать самостоятельно, глядя в оба и проявляя личную инициативу. Вот так, разбившись на пары, мы исследовали рынки, выясняя нужды местных жителей, чтобы удовлетворить их в следующий раз, а также подыскивая возможные предметы экспорта.

В Ирджаре мы в основном загружались спродом — густым соком, выжатым из листьев местного растения и спрессованным в блоки. Их мы легко укладывали в нижнее отделение корабля после выгрузки оттуда тюков с мурано — блестящим плотным шелком, который был нарасхват у ткачей Ектора. Они терпеливо распускали его на отдельные нити и смешивали с лучшей пряжей местного производства, отчего работа занимала вдвое больше времени. Иногда за платье, сшитое целиком из нашего шелка, какой-нибудь феодал платил всю свою сезонную выручку. На обратном пути мы сгружали спрод у закатонов, которые перерабатывали его в вино. По их представлениям, это вино способствует умственному развитию и лечит некоторые болезни их змеиноного народа. Правда, я не понимаю, зачем закатонам столько ума, ведь в этом отношении они и так далеко оставили нас позади. Но спрода было недостаточно, чтобы заполнить трюмы, и нам пришлось искать новые товары. Покупка наугад не всегда оправдывала ожидания. Случалось, что берешь на первый взгляд сокровище, а на поверку — хлам и выкидываешь. Но в предыдущих рейсах мы рисковали не зря и были уверены, что удача не изменит нам и на этот раз.

Везучий Купец может довольно скоро заключить контракт с хозяином и получать большую долю прибыли. Поэтому каждый из нас был предельно внимателен, хранил в памяти результаты предыдущих экспедиций и старался чутьем определить то, что невозможно было понять даже в результате упорной подготовки и обучения.

Конечно, интересный товар — какая-нибудь новинка, драгоценные камни — всегда бросается в глаза. Опытный Купец замечает его сразу, и во время больших ярмарок в этом и заключается главный соблазн для инопланетных торговцев. Однако существуют товары-загадки, которые выискиваешь с расчетом на спекуляцию. Чаще всего это какой-нибудь еще неизвестный товар, который местные купцы привозят на яр-

марку, надеясь продать с выгодой, — какая-нибудь мелочь, легкая и удобная для перевозки, — а перепродать его можно в тысячу раз дороже, в этой толпе всегда найдется инопланетянин, который ищет что-то такое, чтобы поразить соседей.

Ходят легенды о том, как Фоссу однажды повезло с Испанскими коврами — шедеврами ткачества, поражающими дивными сочетаниями цветов. Они свертывались в рулон не длиннее руки от запястья до локтя, в развернутом же виде это были огромные сверкающие полотна, способные покрыть весь пол в большой комнате, прочные, радующие глаз переливами красок. Мой непосредственный начальник Лидж был причастен к открытию дальше на Крантаксе. Этот незаметный сморщенный плод оказался нужным промышленности, и в результате Лига получила порядочное количество кредитов, Лидж — повышение в должности, и вся планета оказалась в выгоде. Конечно, в самом начале службы на такие удачи надежды мало, но, думаю, весь младший экипаж нашего корабля мечтал о чем-нибудь подобном. Впрочем выслужиться и повысить свою репутацию можно было, делая находки и поскромнее.

Итак, в первый же день пребывания на планете я вместе с Лиджем и капитаном отправился на встречу с местными торговцами. Встреча происходила в Большом Шатре. Это было здание среднего размера, стоящее в поле за стенами Ирджара — в самом центре ярмарки. Вся архитектура на Екторе была мрачной и тяжелой — здания строились так, что в любой момент могли стать крепостью, Шатру же не грозили нападения и он выглядел чуть повеселее. Лишь частично стены строились из камня. Внутри было просторно, только по краям стояли колонны, поддерживая остроконечную крышу, края которой далеко выступали за стены и представляли собой прекрасное укрытие от ненастья. Освещение в Шатре было несравненно лучше, чем в других домах Ектора.

В порту мы были единственными представителями Вольных Купцов, хотя стоял тут еще лицензионный корабль Синдиката. Но он перевозил только спецгрузы по контракту и нам не мешал. Это был редкий случай перемирия между инопланетянами, так что изворотливость была ни к чему.

Наш капитан и суперкаго Лидж по-дружески уселись вместе со старшими купцами, мы же устроились с меньшими удобствами. Здесь нас приравнивали к торговцам второй гильдии и по правилам мы должны были помещаться в других отделениях; кроме того, помимо демонстрации товара мы должны были вести счет. Эта двойная работа разлучала нас с нашими офицерами и внушала местному населению мысль, что “чужезвездцы” глупы, коль нуждаются в таких помощниках, ведь, что

ни говори, расчет — это движущее начало разумной торговли. И вот мы уселись на высокой платформе, для вида записывали экспонаты и расхваливали предлагаемый товар.

Здесь продавали северные меха густо-красного цвета, они отливали золотом, когда торговцы, показывая, вертели их в руках, Ткани стояли в рулонах на подставках, принесенных помощником. Много было металлических изделий, главным образом оружия. Мечи и копья, видимо, универсальное примитивное оружие в Галактике, были изготовлены мастером, явно знающим свое ремесло. Были здесь и кольчуги, и шлемы, увенчанные гребнями в виде миниатюрных фигурок животных или птиц, и щиты. Торговец, прибывший последним, с важным видом показывал военное снаряжение, двое его гильдсменов демонстрировали стрельбу по мишени из самострела нового типа, и вызванное этим оживление доказывало его превосходство.

Выставка оружия, которого было немало и на местном рынке, порядком надоела, и все же время от времени кто-нибудь из нас покупал меч или кинжал, чтобы впоследствии продать какому-нибудь коллекционеру. Небольшая спекуляция с минимальным риском.

На торгах атмосфера была иной. Местные купцы делали перерыв, чтобы освежиться, подходили к бочкам лучшего у них, но для нас неприемлемого пива и к “плотной еде”, состоящей из оладий с фруктово-мясной пастой, нас же отпускали почти на закате солнца. Как обычно, капитан Фосс и Лидж шли на специальный банкет, который давала администрация ярмарки, а мы, второй сорт, возвращались на корабль.

Младший представитель Синдиката, деливший со мной неудобство сидения на платформе, засунул ради осторожности свои записи под ремень и с усмешкой потянулся.

— Вот и все. — подытожил он. — Ты как — свободен? Пошли в порт?

Как правило, Вольные Купцы и люди Синдиката между собой не общались. В прошлом у нас с ними было много стычек. Купец с единственным кораблем не мог и мечтать о превосходстве. Однако в наши дни у Лиги сильная рука, и заправила из Синдиката дважды подумают, прежде чем задирать Купца, имеющего такую защиту. Но память о тех временах держит нас на расстоянии, поэтому я ответил не очень-то сердечно:

— Не сейчас, после рапорта.

— Не важно, — если он и понял смысл моей холодности, то ничем этого не выдал. Наоборот, уселся ждать, а я медлил, надеясь, что он уйдет. Но он не ушел.

— Меня зовут Гек Слэфид.

— Крип Ворланд, — я неохотно пошел за ним.

Выход был забит торговцами, и мы, как полагается иноземцам, прошли; стараясь не толкаться. Он бросил взгляд на мой значок, я сделал то же самое. Он служил на грузовом судне, но на его диске было две полосы, у меня же только одна, хотя продвижение по службе в Синдикате шло в те времена медленней.

Никогда нельзя судить о планетном возрасте тех, кто большую часть жизни проводит в космосе. Некоторые даже и сами не знают, сколько им лет. Однако я прикинул, что этот Гек Слэфид немного старше меня.

— Еще не подкалымил? — спросил он.

Это был слишком наглый вопрос даже для людей Синдиката. Я подумал было, что он просто не соображает, что подобных вопросов не задают никому, разве что родственникам или близким друзьями. Возможно, он слышал об обычаях Вольных Купцов и воспользовался этим неудачным способом завязать разговор.

— Мы еще не прошли проверки, — я не стал показывать, что оскорблен: может, спросил он вполне безобидно, хоть и в скверной форме. Когда имеешь дело с чужаком, надо уметь пропустить оскорбление мимо ушей, а Синдикат для нас был более чужим, чем иные негуманоиды.

Видимо, он уловил мое настроение и не стал развивать эту тему дальше. Пока мы шли по многолюдным улицам, он указывал на безвкусные флажки и лоскуты ткани, на которых местными загогулинами были написаны объявления о всевозможных развлечениях — от совершенно невинных до граничащих с пороком. На ярмарке собирались продавцы и покупатели, жрецы и уважаемые люди, поэтому сюда стекались все, кто добывал себе средства к жизни развлечением публики.

— Здесь есть, на что посмотреть — или ты дежуришь вечером? — Был ли его тон слегка покровительственным или мне показалось? Я решил не ломать голову. Торговлей мы не были связаны, а осторожности мне хватало.

— Да, мне говорили, что тут есть кое-что интересное. Но я еще не отстоял вахту.

Он ухмыльнулся и поднес руку ко лбу, как бы салютуя.

— Тогда у тебя еще все впереди, Ворланд. Мы уже свое отстояли, и ночь у меня свободна. Как освободишься, посмотри вот это, — и он поднял руку, указывая на лоскут в конце рекламного ряда.

Он не блесст красками, как другие, а был странного серого оттенка с розовыми прожилками, однако от него нельзя было оторваться.

— Это нечто особенное, — продолжал Слэфид. — Если, конечно, тебе нравятся шоу с животными.

Шоу с животными? Я снова смутился: я полагал, что у людей Синдиката совершенно иные понятия о развлечениях — им подавай что-нибудь злостное, близкое к извращениям, соответствующее низменным нравам населения внутренних планет. Затем у меня возникло подозрение — не эспер ли этот Гек Слэфид? Ведь он безошибочно выбрал такое развлечение, которое в первую очередь заинтригует меня, если я о нем узнаю. Я развернул один из усиков моего мыслеискателя — не с целью вторгнуться в мозг, этого я ни в коем случае не должен был делать, а только осторожно прощупать ауру эспера. Ее не оказалось, и я даже слегка подсадовал на себя за свою излишнюю подозрительность. Я ответил:

— Если повезет, я обязательно последую твоему совету.

Его окликнул человек со значком того же корабля, и он, кивнув мне на прощанье, ушел со своим сослуживцем. Я же постоял еще перед этой почти бесцветной рекламой, пытаюсь понять, чем она так привлекательна. Такие вещи для Купца существенны. Действует ли она так только на меня или на других тоже? Почему-то мне было очень важно получить ответ на этот вопрос, и я решил проверить действие рекламы на самом спокойном из нашей команды.

Мне повезло — в эту ночь я был свободен. Команда “Лидиса” была столь мала, что только четверо могли получить освобождение, и трудно было заставить их ходить вместе, если у них разные представления о том, как развлечься. Я вышел вместе с Грисом Шервином, вторым механиком. Прескрасно: мне нужен был деловой человек для проверки рекламы, и Грис подходил как нельзя лучше. Он был, как и все мы, потомственным Купцом, но основной его любовью был корабль, а торговля для него, по-моему, была делом вторым — нужно так нужно. Я вспомнил, что неподалеку от интересующего меня предмета есть темно-малиновая реклама выставки мечей, и воспользовался этим как приманкой. Грис был игроком, но такая деятельность не рекомендуется на чужих планетах. Игра, наркотики, пьянство и чересчур пристальное внимание к дочерям чужеземцев могли привести к неприятным последствиям вплоть до угрозы кораблю, так что подобные желания временно блокировались и мы в конце-концов соглашались, что это разумно.

Улица, где находилось шоу, теперь ярко освещалась фонарями, висевшими каждый над своей рекламой и окрашенными в ее цвет. Светящиеся изображения на них извещали о том, что происходит за ними внутри. Серый с розовым лоскут был еще здесь, над ним висел фонарь в виде серебряного шара и его перламутровый свет не дробили никакие изображения.

— Что это? — подойдя, спросил Грис.

— Говорят, шоу с животными, — отвстил я.

Вольные Купцы большую часть жизни проводят в космосе, поэтому у них мало контактов с животными. Много лет на кораблях жили кошки — для защиты грузов от паразитов, прячущихся в трюмах. Веками они считались членами команды, но число их все уменьшалось, потомство тоже. Мы уже забыли, откуда родом эти животные, и не могли обеспечить им притока свежей крови, чтобы восстановить их размножение. Были еще кошки на базах, их высоко ценили, охраняли и заботились о них в надежде, что размножение восстановится. Были и попытки заменить их животными из других миров, и один-два вида обещали дать потомство, но большинство не могло приспособиться к корабельной жизни.

Вероятно, желание иметь в своей компании животных и привлекло нас так сильно к инопланетным зверям. Не знаю, как Грис, но я считал, что просто обязан посетить палатку под лунообразным шаром. Уговаривать Грису не пришлось: он охотно пошел за мной.

Откуда-то доносился глухой тяжелый звук гонга. Постепенно стихали смех, разговоры, песни на улицах: люди откликнулись на зов храма. Но тишина длилась недолго: хотя ярмарка и имела свои религиозные традиции, с годами они потускнели.

Мы прошли под тенью серой, освещенной лунным фонарем рекламы. Я рассчитывал увидеть изображения животных, служащих приманкой для публики, но там оказался только щит с подписью на туземном языке, а над дверью качалась странная эмблема-маска не животного, не птицы — в ней угадывалось и то, и другое. Увидев ее, Грис издал негромкое восклицание.

— Что это?!

Его тон меня не удивил. Я слышал его и раньше, когда Грису приходилось сталкиваться с новой и непонятной машиной.

— Это же настоящая находка!

— Находка? — переспросил я, решив, что речь идет о какой-то удачной покупке.

— Настоящее зрелище, — поправился он, как бы прочтя мои мысли. — Это шоу Тэсса.

Грис, как и капитан Фосс, бывал на Екторе и раньше.

Мне же осталось только повторить:

— Тэсса?

Мне казалось, что я изучил ленты Ектора достаточно внимательно, но смысл этого слова ускользнул от меня.

— Пошли! — Грис подтолкнул меня к стройному туземцу в серебряной тунике и высоких красных сапожках, взимающему плату за вход. Туземец взглянул на нас — и я поразился.

Вокруг была толпа екториан, они лишь немногим отличались от людей нашей породы. Но этот юноша в светлой одежде казался более чужим этому миру, чем мы.

Он был так хрупок, что казалось, ветер, треплющий рекламу над ним, может закружить его и унести. У него была очень гладкая кожа лица без всяких признаков бороды, очень белая, почти бесцветная. Черты лица человеческие, за исключением огромных глаз, таких темных, что нельзя было определить их цвет. Брови разбегались к вискам так далеко, что сливались с серебристо-белыми волосами.

Я старался не глазеть на него. Грис заплатил, и туземец поднял полотнище палатки, чтобы впустить нас.

Глава 3

Кресел там не было, только ряды ступеней с одной стороны палатки, которые легко убирались после представления. Перед ними возвышалась эстрада, пока еще пустая, за ней был занавес того же серо-розового цвета, что и вывеска. Наверху висели фонари серебристо-лунного цвета. Все это выглядело просто и элегантно и никак не вязалось с показом дрессированных животных. Мы, видимо, пришли вовремя: складки занавеса раздвинулись и перед зрителями появился хозяин-дрессировщик. Несмотря на ранний час, здесь было много народу, в основном дети.

Хозяин ли? Нет. Несмотря на тунику, брюки и высокие сапоги, такие же, как у привратника, это явно была женщина. Ее туника не облегла шею, а поднималась сзади стоячим воротником-веером, отделанным по краям маленькими рубиновыми искорками, того же цвета, что сапожки и широкий пояс. На ней был еще короткий облегающий жилет из золотисто-красного меха, какой я видел сегодня утром в Большом Шатре. В руках она держала бич, которым большинство дрессировщиков подкрепляет свои программы, и тоненький серебряный жезл, который не мог служить ни для наказания, ни для защиты. По цвету он подходил к ее высокой прическе, заколотой шпильками с рубином. Посредине лба, неизвестно как, держался серебряный арабеск с рубином — он не шевелился при движении головы. В ней чувствовалась уверенность, как у всех мастеров, умеющих владеть собой и своим искусством.

— Лунная певица! — выдохнул Грис с некоторым оттенком страха — редкой эмоцией у Вольных Купцов. Я хотел было попросить у него объяснений, но в это время она взмахнула палочкой и все разговоры смолкли. Публика относилась к ней явно с большим почтением, чем толпа на улице к храмовому гонгу.

— Дамы и господа! — голос был низкий, псвучий, вызывающий желание слушать. — Уделите внимание нашему маленькому народу, который рад повеселить вас. — Она отошла и снова взмахнула жезлом.

Драпировки раздвинулись, чтобы пропустить шестеро маленьких мохнатых созданий.

Они шли на задних лапках, прижимая к круглым животам рубиново-красные барабанчики. Их передние лапки очень походили на руки, с той лишь разницей, что пальцы животных были длиннее и тоньше. У них были круглые головы с высоко торчащими бесшерстными блестящими и острыми ушами. Как и у хозяйки, глаза у зверьков были непомерно велики по сравнению с круглой широконосой мордочкой. Позади крючком загибался пышный шелковистых хвост. Они гуськом прошли в противоположный конец сцены и уселись, поставив перед собой барабаны и положив на них передние лапы. Видимо, она подала какой-то сигнал, который я прозевал: они забили в барабаны, но не как попало, а в определенном ритме.

Снова раздвинулся занавес и появились новые артисты. Эти были крупнее барабанщиков и, видимо, нескладнее в движениях. Непомерная массивность, грубая шерсть, длинные уши и непомерно вытянутое тело придавали им вид гротескный и поистине чужеродный. Они шли в такт барабанам, ритмично покачивая головами и шевеля носами, однако служили всего лишь верховыми животными для еще одной группы. У всадников были маленькие кремовые головки с большими, более темными кругами у глаз, что придавало их мордочкам удивленное выражение. Похоже, они, как и барабанщики, пользовались своими передними лапками не хуже, чем мы руками.

Тапироподобные лошади и их всадники церемониальным маршем проследовали по авансцене. Вот тут-то я и стал свидетелем явного чуда. Я повидал немало шоу с животными в разных мирах, но ничего подобного не встречал. Не было ни щелканья бича, ни словесных приказов. Животные показывали не дрессировку, а скорее что-то свое, неожиданное для существ иной породы. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь ритмами отбиваемыми мохматыми музыкантами, и сложными звуками, которые время от времени издавали артисты. За аттракционом с верховой ездой мы видели по крайней мере еще десять разных пород животных.

Хозяйка еще раз вышла на сцену и отсалютовала жезлом.

— Мой народец устал. Если он понравился вам, дамы и господа, это ему награда. Завтра они выступят снова.

— Я никогда не... — я взглянул на Грису, но тут кто-то

дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидел юношу-привратника.

— Благородные Гомос, — сказал он на базике, а не на ирд-жарском наречии, — не пожелаете ли взглянуть на маленьких артистов поближе?

Я не мог понять, с какой стати нам было сделано такое предложение, но жаждал его принять. Однако проснулась укоренившаяся в нас осторожность и я заколебался, поглядывая на Грису. Он, видимо, что-то знал об этих Тэсса, так что я предоставил право решать ему. Но у него, похоже, сомнений не было. Мы встали и последовали за нашим гидом через сцену за занавес. Там странно пахло животными — очень чистыми и ухоженными, травяными подстилками и чуждой для нашего носа пищей. Пространство перед нами было раза в три больше остального театра. Его разгораживал широкий деревянный щит. Рядом с ним стояли фургоны вроде тех, в которых перевозят продукты, в них запрягают крупных ездовых животных — казов. Большая часть их теперь спокойно лежала, пережевывая жвачку. Рядами, напоминающими город с узкими улицами, тянулись клетки. В конце ближайшей “улицы” стояла женщина. Я не мог определить ее возраст, но издали она казалась девочкой. При ближайшем рассмотрении хитроумная прическа, украшение на лбу и самоуверенность отступали перед патиной лет. Она все еще вертела в руках серебряную палочку: как якорь спасения — почему-то пришла мне в голову мысль, хотя в ее манерах и выражении лица ничего не свидетельствовало о бедствии.

— Добро пожаловать, Благородные Гомос! Меня зовут Майлин, — сказала она на базике.

— Крип Ворланд.

— Грис Шервин.

— Вы с “Лидиса”, — это был не вопрос, а утверждение. Мы кивнули. — Малик, — обратилась она к юноше, — может быть, Благородные Гомос выпьют с нами?

Он не ответил, но быстро зашагал по улице из клеток с решетчатой стеной справа для охраны животных. Кончив изучать нас, Майлин указала жезлом на Грису.

— Вы что-то слышали о нас. — Она повернула жезл ко мне. — А вы нет. Грис Шервин, что вы о нас слышали? Только ни о чем не умалчивайте, ни о плохом, ни о хорошем — если было хорошее.

Грис был загорслым, как все мы, живущие в космосе. Рядом с этими людьми он казался почти черным. Но даже сквозь эту черноту было видно, как он вспыхнул, и я понял его самочувствие.

— Тэсса — Лунные Певцы, — сказал он.

— Неточно, — она улыбнулась. — Только некоторые из нас воспевают власть Луны для пользования ею.

— Но вы как раз из них.

— Это правда, — отвечала она без улыбки, — раз уж вы. Купцы, знаете об этом.

— Все Тэсса — другого происхождения. Никто на Екторе, кроме, может быть, их самих, не знает, откуда они родом. Они древнее, чем старые записи, хранящиеся у лордов или в храмах.

— Это правда, — кивнула Майлин. — Что еще?

— Остальное — слухи. О власти над добром и злом, которой нет у человеческого рода. Вы можете наслать беду на человека и весь его клан. — Он засмеялся.

— Суверие? — спросила она. — Однако есть много способов омрачить человеческую жизнь, Благородный Гомо. Слух всегда имеет две стороны — правдивую и ложную. Но мне кажется, нас нельзя обвинить в том, что мы желаем зла кому-нибудь в этом мире. Мы и в самом деле древний народ и хотим жить по своим обычаям, не мешая никому. А что вы думаете о наших маленьких артистах? — она резко повернулась ко мне.

— Я не встречал им равных.

— Как вы думаете, их хорошо встретят в других мирах?

— Вы имеете в виду шоу в космосе? Это рискованно. Перевозка животных требует особых забот — о пище, например. Некоторые животные вообще не могут переносить полет. Можно построить и экипировать такой корабль, Благородная Дама, но это будет...

— Стоить целое состояние, — закончила она. — Да, об эту скалу разбилось немало мечтаний, не так ли? Но если показывать не все представление? Может, кое-кто из моей труппы сможет путешествовать. Пойдемте посмотрим на мой народец — вам будет что вспомнить потом.

И она не ошиблась. Клетки были для животных не местом заключения, а только защитой от вреда, который могло бы причинить им человеческое любопытство. Животные ждали у передней решетки своих жилищ, когда она подходила к каждому из них и официально знакомила нас. И в нас крепло ощущение, что это действительно народ с мыслями и чувствами, странный, но внутренне мне близкий. Мне очень захотелось иметь такого товарища на корабле, хотя, возможно, это и было безрассудством.

Мы подходили к концу последней “улицы”, когда прибежал один из мальчишек с ярмарки, которые бегали по поручениям, а возможно, зарабатывали и менее легальным способом.

Он переминался с ноги на ногу, словно у него было важное что-то, но он боялся потревожить Тэсса. Она круто оборвала свою речь и повернулась к нему.

— Госпожа, продавец животных... Ты велела мне узнать — у него есть один мохнатый ... в тяжелом состоянии, — он замолчал.

Ее лицо как бы сузилось, губы сжались. Сейчас она выглядела еще более чужой, и мне показалось, что она вот-вот зашипит, как разъяренная кошка. Затем она вновь надела маску спокойствия.

— Похоже, что это существо нуждается во мне, Благородный Гомо. Малик останется с вами, а я скоро вернусь.

— Не могу ли я пойти с вами?

— Как желаете.

Грис поочередно оглядел нас, но не предложил себя в сопровождающие, а пошел с Маликом в жилые помещения. Мы последовали за посланцем. В этот поздний час на улице было полно народу, хотя существовало правило, по которому торговцы и покупатели могли действовать только при свете дня, когда ясно видны недостатки товара. Ночью мужчины и женщины искали развлечений, и мы как раз шли по этому уголку ярмарки. Я заметил, что местные жители, узнав мою спутницу, уступали ей дорогу и глядели ей вслед как-то настороженно, даже со страхом, как если бы она была жрицей. Она же ни на кого не обращала внимания.

Шли мы молча. Согласившись взять меня с собой, она, похоже, забыла обо мне и сосредоточилась на чем-то более важном.

Мы дошли до конца этого беспорядочного нагромождения увеселительных заведений и увидели претенциозную палатку, кроваво-красную с ядовито-зелеными пятнами, откуда доносились крики игроков. Там стоял такой шум, словно выигрыш зависел не от умения игрока, а от мощи его глотки. Через открытую дверь я мельком увидел стол, где играли в распространенную в Галактике игру "Звезды и кометы". И сидел за этим столом мой сегодняшний знакомый Гек Слэфид. Видимо, на его корабле не было той дисциплины, что у Вольных Купцов, и потому перед ним торчал столбик фишек, более высокий, чем у соседей, которые, судя по одежде, были из местной знати, но слишком молоды для правителей.

Когда мы проходили мимо, Гек поднял голову и пристально посмотрел на меня, а затем приподнял руку — то ли хотел помахать мне, то ли позвать, — не спуская глаз со стола. Один из потомков лордов тоже уставился на меня с таким изумлением, что я отстал на шаг от Майлин и тоже внимательно посмот-

рел на него. Он глядел не то с вызовом, не то с любопытством — трудно было понять, а мысли его я читать не осмеливался.

За игровой палаткой стояли маленькие хижинки, по моим предположениям — жилые дома для прислуги. Оттуда несло странной кухней, тошнотворными духами. Мы снова свернули, держась на почтительном расстоянии от хижин.

Затем мы подошли к палатке, где пахло совсем уж гадко. Я думал, что услышу яростное шипение Майлин, когда она раздвинула полог у входа своим серебряным жезлом, как бы не желая касаться его пальцами. Внутри один отвратительный запах перебивался другим, поднимающимся душным облаком, и стоял невообразимый шум от лая, ворчания, рычания и шипения. Мы оказались в тесном пространстве между клетками. Они отнюдь не были заботливо обустроенными жилищами, скорее тюрьмой для их несчастных обитателей.

Торговец животными, который ни о чем не заботился, кроме скорой наживы, вышел из темного угла. Его губы растянулись в улыбку, но глаза не выражали приветливости. Когда же он узнал Майлин, его улыбка исчезла, в холодных глазах сверкнула ненависть вперемешку со страхом.

— Где барск? — спросила Майлин тоном оскорбительного приказа, даже не поздоровавшись.

— Барск? Какой дурак захочет иметь дело с барском, господа? Барск — зло, демон безлунной ночи, это всем известно.

Она оглянулась и прислушалась и, словно в шуме, производимом несчастными зверями, уловив какую-то ноту, пошла на этот звук, не обращая больше внимания на хозяина. Я увидел, что его ненависть поборола страх и что он собирается остановить Майлин. Он уже сунул руку за пояс, но я, следуя направлению своей мысли, как в луче света, увидел его оружие — любопытную штуковину, тайное и очень опасное оружие, не похожее на честную сталь. Это был небольшой, прячущийся в ладони крючковатый коготь, смазанный чем-то зеленым, так что, видимо, всякая царапина, сделанная им, была бы смертельной. Хотя его снедала злоба и ненависть, я не был уверен, что он пустит оружие в ход. Но шансов у него все равно не было: из моего стоннера выбился слабый луч, и пальцы его, державшие оружие, онемели. Он пошатнулся, ударился об одну из своих вонючих клеток и отчаянно заорал, когда увидел, что сидящее там животное пытается дотянуться до него. Майлин оглянулась и вытянула руку с жезлом.

— Идиот, круглый идиот! Не хочешь ли ты, чтобы я обвинила тебя в нарушении мира?

Можно было подумать, что она плеснула ему в лицо ледяной водой: так быстро исчезло с него пламя ярости. Ненависть

в глазах сменилась страхом. То, чем она грозила ему, могло поставить его вне закона.

Он пополз на четвереньках назад в темноту. Однако я счел все же нужным держаться настороже и сказал об этом Майлин. Она покачала головой.

— Нечего его бояться. Если хотите знать, низшие не могут обмануть Тэсса!

Назвав его "низшим", она не то чтобы хотела выразить свое презрение — скорее, она просто констатировала факт.

Пройдя за занавеску, где клеток, а, следовательно, и зловония было еще больше, она бросилась к той, что стояла поодаль от других. Обитатель ее лежал без движения. Я подумал, что он умирает, когда увидел, как выпирают кости под шкурой, услышал слабое редкое дыхание.

— Вот тележка... — она встала на колени перед клеткой и внимательно вгляделась в животное, указывая жезлом на доску, укрепленную на колесах.

Я подкатил тележку, мы вдвоем поставили на нее клетку и повезли к выходу. Майлин остановилась, достала из кошелька два денежных знака и бросила их на одну из клеток.

— Пять весовых единиц за барска и две за колеса, — сказала она торговцу, все еще корчившемуся в тени. — Хватит?

Мыслеуловитель сказал мне, что торговец только и мечтает о том, чтобы мы ушли, но за его страхом пробуждалась жадность. Он заскулил:

— Барск — редкий зверь...

— Этот при последнем издыхании, и даже его шкура ничего не стоит — ты же заморил его голодом. Не согласен — подавай в суд. — Я заметил, что этот разговор ее забавляет.

Назад мы шли другой дорогой.

Когда клетка приблизилась к ломовым казам, те принялись, зафыркали, некоторые встали на дыбы, вскинув головы и раздувая ноздри.

Майлин остановилась перед ними, поводила жезлом и тихо запела. Это успокоило животных. Мальчики отвезли клетку подальше и остановились. Навстречу вышли Малик и Грис. Юноша Тэсса взглянул в клетку и, покачав головой, расплатился с ребятами.

— Он безнадежен, — сказал он Майлин, когда она отошла от успокоившихся казов. — Даже ты, Певица, не сможешь повлиять на него.

Она задумчиво посмотрела на клетку. В одной руке она все еще сжимала жезл, а другой гладила мех своего короткого жилета, словно это был ее баловень и он жил и дышал.

— Возможно, ты и прав, — согласилась она, — а может,

его смерть еще не занесена во Вторую Книгу Моластера. Если ему придется пойти по Белой Дороге, то пусть начнет это путешествие спокойно и безбоязненно. Он слишком истощен, чтобы бороться с нами. Открой клетку, его тошнит.

Они открыли клетку и перенесли животное в одну из своих, побольше и попросторнее, на мягкую подстилку. Этот зверь был крупнее тех, что выступали в тот вечер на сцене, если бы он мог встать, он был бы мне по пояс. Его шерсть запылилась, свалаясь и потускнела, но была того же красного цвета, что и жилет у Майлин.

У животного были странные пропорции: маленькое тело и ноги такие длинные и тонкие, будто достались ему по ошибке от кого-то другого. Хвост заканчивался веерообразным пучком, между острых ушей, на шее и плечах лежала грива более светлого оттенка. Нос был острый и длинный, за черными губами виднелись крепкие зубы. Не будь он таким изможденным, я бы сказал, что это опасный зверь.

Он слабо огрызнулся, когда его укладывали на подстилку в новую клетку. Майлин слегка коснулась его жезлом, ласково проведя им по носу животного, и его голова перестала дергаться.

Малик принес чашку с какой-то жидкостью, окунул в нее пальцы и влил немного в запекшийся рот, из которого высывался почерневший язык.

Майлин стояла рядом.

— Пока больше мы ничего не может сделать. Остальное... — ее жезл нарисовал в воздухе символ. Затем она повернулась к нам. — Благородные Гомос, час уже поздний, а этот бедняга будет нуждаться во мне.

— Благодарим за вашу любезность, Благородная Дама. — Мне показалось, что она хочет отделаться от нас. Похоже, у нее были какие-то основания пригласить нас сюда, но теперь мы стали лишними. Собственно, эта мысль не подтверждалась никакими фактами, но была мне почему-то неприятна.

— И вам спасибо за помощь, Благородный Гомо. Вы придете еще раз.

Это был не вопрос и, тем более, не приказ, а просто утверждение, с которым мы оба были согласны.

На обратном пути к "Лидису" мы с Грисом мало разговаривали, я только рассказал ему, что произошло в палатке торговца животными, а он посоветовал мне сообщить об этом в рапорте — на случай каких-либо осложнений.

— Что за зверь такой — барск? — спросил я.

— Ты же видел. Его мех был на выставке сегодня утром, из него шит жилет у Майлин. Они считаются умными, хитрыми

и опасными животными. Время от времени их убивают, но вряд ли часто захватывают живыми. Может, только таких, как этот...

Мы уже миновали охрану порта, когда я неожиданно почув-
ял не одну только ненависть торговца животными, но что-то
такое, что имело резкий направленный умысел. Этот сплав
эмоций вонзался в мозг, как копье в тело. Я остановился и
обернулся, чтобы встретить этот мозговой удар, но в темноте
ничего не увидел. Грис сжал в руке стоннер, и я понял, что и он
уловил это.

— Что такое?

— Торговец животными и кто-то еще...

Я часто мечтал о полной внутренней власти эспера — с ее
помощью можно иногда разить без оружия. Грис предложил
сообщить об этом капитану.

Конечно, он был прав, но мне было крайне неприятно согла-
ситься с этим. Капитан Фосс может запереть меня на “Лидисе” до
самого отлета. Осторожность — щит купца в чужих мирах. Но
если человек только и делает, что хватается за щит, он может
прозевать удар меча, который навсегда освободит его от каких бы
то ни было опасностей. А я был достаточно молод, чтобы вести
свой собственный бой, а не сидеть в укрытии, пока меня не
унесет штормом. Итак, угроза исходит от двоих, а не от одного.
Я мог понять враждебность торговца, но кто же там еще с ним?
Какого еще врага я приобрел на Екторе и каким образом?

МАЙЛИН

Глава 4

Талла, Талла, волей и сердцем Моластера и властью Третьего
Кольца должна ли я начать эту часть рассказа так, как начал
бы любой певец лорда?

Я — Майлин из Контра, Лунная Певица, руководитель ма-
лых существ. В прошлом я была заключена в телах многих
других существ и теперь также нахожусь временно в неволе.

Чего мне было остерегаться Лорда или Купца на этом ярма-
рочном базаре в Ирджаре? Для нас они не более, чем пыль
городов, что душит нас, с их грязью, жадностью, шумом и
проституционными мыслями тех, кто живет добровольно в по-
добных тюрьмах. Но нет необходимости говорить о Тэсса, об их
верованиях и обычаях, надо сказать лишь о том, как моя жизнь
была вытолкнута из одного будущего в другое потому, что я не
остерегалась действий людей и не замечала их, чего никогда не
допускала с малыми существами, которых уважала.

Озокан пришел ко мне в полдень, сначала прислав своего

друженосца. Я думала, что он держался так больше из страха, чтобы я не подумала, что он обращается со мной, как с низшей, — местные жители считают Тэсса бродягами, не говоря, однако, этого нам в глаза. Он просил разрешения поговорить со мной, так сказал этот молодой щенок из крепости. Мне это показалось интересным, потому что я знала репутацию Озокана — довольно темная репутация. У Лордов власть переменчива. Тот, кто сумел подмять под себя соперников или избавиться от них, становится королем. Так нередко бывало в прошлом. Под властью одного человека устанавливался непрочный мир, который немедленно нарушался снова, и на протяжении многих десятилетий здесь был не один, верховный, лорд, а множество мелких, ссорящихся между собой.

Озокан, сын Осколда, горел желанием совершить великие дела, жаждал власти. Такие желания в сочетании с ловкостью и удачей могли привести человека на трон, но в противном случае он весьма тяжело переживал это.

Наверное, со стороны Тэсса было не вполне разумно относиться безразлично к ссорам других — это усыпляло мудрость и ослабляло дар предвидения.

Я не отказалась принять Озокана, хотя Малик считал это неразумным. Признаться, мне хотелось знать, зачем Озокану понадобился контакт с Тэсса, раз он считает нас ниже себя.

Хоть он и прислал своего меченосца договориться о встрече, сам же пришел без эскорта, только с чужезвездцем, молодым человеком с приятной улыбкой и любезными словами, за испытующим взглядом которого таилось что-то темное. Озокан назвал его имя — Гек Слэфид.

Они церемонно поздоровались, и мы пригласили их к столу. Нетерпение, из-за которого Озокану и всем его планам грозил крах, заставило его влезть в дело, по-настоящему опасное — в основном для него, а не для меня, поскольку связывающие его законы не являются Уставными Словами для моего народа.

Все стало более или менее ясно: Озокану нужны были сведения об оружии других планет. Вооружив преданных ему людей, он мог тут же стать военным лордом всей страны и столь могучим королем, каких доселе не видывали.

Мы с Маликом улыбнулись про себя. Внутренне смеясь, я отвечала детски наивным голосом и вполне вежливо.

— Господин Озокан, известно, что все чужезвездцы умеют прятать то, что они знают, прежде чем ступить на землю Ектора. А на их кораблях принимают такие строгие меры безопасности, что преодолеть их невозможно.

Озокан нахмурился, но лицо его быстро разгладилось.

— Оба этих препятствия можно взять одним прыжком. С вашей помощью...

— Наша помощь? О, мы располагаем древними знаниями, господин Озокан, но они ничуть не помогут вам в данном случае. К тому же мы заботимся о своей репутации среди местных жителей. Возможно, сила Тэсса и могла бы сломать барьер чужезвездца, но мы никогда не пойдем на это.

— Нам нужно захватить Вольного Купца. Этот господин, — он указал на своего спутника, — снабдил нас информацией. — Озокан достал из поясного кармана исписанный пергамент, прочел и разъяснил его содержание. Чужезвездец улыбался, кивал и старался обшарить наш мозг, чтобы узнать наши мысли. Но я держала их на втором уровне, так что он решительно ничего не добился.

План Озокана был достаточно прост, но бывают такие моменты, когда простота опирается на дерзость исполнения, и это был как раз такой случай. Вольные Купцы поощряли своих людей разыскивать новые товары. Таким образом, требовалось только выманить кого-нибудь из членов команды Купцов за пределы Ярмарки с ее законами и захватить его. Если Озокану не удастся выжать из пленника нужную информацию, он возьмет ее с капитана корабля как выкуп.

Слэфид согласился с этим.

— Вольные Купцы гордятся своей заботой о команде. Если одного из них захватить, они охотно заплатят за его освобождение.

— А какое отношение к вашему плану будем иметь мы? — спросил Малик.

— Вы будете приманкой. Шоу с животными заинтересует некоторых из них, поскольку им запрещено пить, играть или искать женщин на чужих планетах, и мы не можем соблазнить их обычными средствами. Пусть они придут на одно из ваших представлений — пригласите их смотреть, как вы живете, постарайтесь их заинтересовать, а затем придумайте предлог, чтобы они вышли за пределы ярмарки. Пригласите одного из них посетить вас еще раз — и ваше участие в этом деле закончится.

— А зачем нам это? — спросил Малик с некоторой враждебностью.

Озокан скользнул взглядом по нашим лицам.

— Я ведь могу и пригрозить...

— Грозить Тэсса? — я засмеялась. — О, господин, вы смелый человек! У меня нет причин играть в вашу игру. Поищите другую приманку, и пусть вам сопутствует счастье, то, которо-

го вы заслуживаете, — я протянула руку и опрокинула гостевой бокал, стоящий между нами.

Озокан покраснел и схватился за рукоять меча, но чужезвездец тронул его за локоть. Озокан злобно взглянул на него, встал и, не простившись, вышел. Слэфид опять улыбнулся, делая вид, что ничуть не обескуражен, — просто вынужден искать другие пути к цели. После их ухода Малик расхохотался.

— Они что, считают нас дураками?

— Я катала гостевой бокал по гладкому зеленому краю стола. Потом тихо спросила:

— С чего они взяли, что мы будем их орудием?

— Да, — Малик медленно кивнул. — С чего бы это? Может, они думают, что выгода или угроза так же сильны, как наш связующий жезл?

— Видимо, я поступила неразумно, отпустив их слишком быстро. — Меня раздражало, что я сделала это недостаточно тонко. — И вот еще что: почему один чужезвездец готов похитить другого? Озокан нахватает неприятностей с любым пленником, которого он захватит.

— Понятия не имею, — ответил Малик. — Существовала старая вражда — сейчас уже забытая — между людьми, проверяющими грузовые корабли, и Вольными Купцами. Может, по каким-то причинам эта вражда снова ожила? Но это их дело. Тем не менее, — он встал и положил руки на пояс, — мы поставим Древних в известность.

Я не высказала ни согласия, ни возражения. В те дни я испытывала неприятные чувства по отношению к некоторым нашим Верховным, но это было моим личным делом и не касалось никого, кроме моего клана.

Наш маленький народ показал днем свои чудеса и доставил зрителям громадное удовольствие. Моя гордость расцвела, как цветок лалланда под луной. Как и в прежние годы, я договорилась с мальчишками на ярмарке, чтобы они выискивали для меня животных. Это было мое личное служение Моластеру: по мере моих возможностей я выводила из рабства мохнатые существа, которые страдали от дурного обращения со стороны тех, кто смел считать себя человеком.

В тот вечер, когда зажглись лунные шары и мы приготовились к вечернему представлению, я сказала Малику:

— Пожалуй, есть способ узнать об этом побольше. Кто-нибудь из Купцов придет посмотреть шоу. Если они покажутся тебе безвредными, пригласи их сюда — после спектакля я поговорю с ними. Все, что мы сможем узнать, будет Древним пищей для размышления.

— Лучше бы не вмешиваться... — начал было он и замаялся.

— Дальше этого дело не пойдет, — пообещала я, еще не зная, сколь быстро это обещание рассеется, как утренний туман в лучах солнца.

Слэфид оказался более, чем прав: на представление пришло два Купца. Я не умею определять возраст чужезвездцев, но была уверена, что они молоды, тем более, что на туниках они не носили никаких нашивок. Кожа их была смуглой, как у всех космонавтов, волосы темные и коротко подстриженные специально для шлема. Они не улыбались все время, как Слэфид, и мало разговаривали друг с другом. Но когда мой маленький народ показал свои таланты, они восхищались, словно дети, и я подумала, что мы могли бы стать друзьями, живи они на Екторе.

Как я и просила, Малик после шоу пригласил их к нам. И когда я взглянула на них поближе, то поняла, что между ними и Геком Слэфидом мало общего. Наверное, они были простыми людьми, какими мы, Тэсса считаем большинство рас, но это была хорошая простота, а не невежество, легко поддающееся на хитрость и честолюбие. Я заговорила с одним из них, назвавшимся Крипом Ворландом, о моей давней мечте показать мой маленький народ на других планетах.

Я встретила в нем родственный интерес, хотя он сразу указал мне на множество опасных препятствий, и на то, что выполнение этого желания потребует много денег. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что я, возможно, тоже имею цену, но эта мысль быстро угасла.

Этот чужезвездец был по своему красив: не так высок, как Озокан, но гораздо стройнее и мускулистее. И я подумала, что если бы он сражался с сыном Осколда, даже голыми руками, то последнему несдобровать. Мой маленький народ очаровал его, и это расположило меня к нему, потому что животные, такие как наши, умеют читать в душах. Фэтэн, очень застенчивый с чужими, при первом знакомстве подал ему лапку и кричал вслед, когда он отошел, и он вернулся и ласково поговорил с ним, будто успокаивал ребенка.

Мне хотелось и дальше изучать этого человека и его товарища, но прибежал Уджан, мальчишка с ярмарки, рассказал о барске, томящемся в жестоком плену, и я бросилась туда. Этот Ворланд спросил, не может ли он пойти со мной, и я согласилась, сама не зная, почему — разве что мне хотелось побольше узнать о нем.

И, наконец, быстрота его реакции спасла меня от беды, когда этот мучитель мохнатого народа, Отхельм из Илта, хотел пустить в ход нож с насечкой в виде когтя. Ворланд воспользовался своим инопланетным оружием, которое не могло убить,

но причиняло сильную боль, и предотвратил возможное нападение, дав мне время, чтобы нейтрализовать желания этого низшего.

С помощью чужезвездца я отняла у торговца барска и привезла его домой. Но тут я поняла, что не могу заниматься чем-то еще, пока ухаживаю за этим безнадежным существом, и отпустила Купцов.

Проводив их, я сделала для барска все, что могла, применив все искусство, на которое способна служанка Моластера. Я видела, что тело его можно вылечить, но с его мозгом, угнетенным болью и ужасом, не удастся установить контакт. И все же я не могла найти в себе мужества пустить его по Белой Дороге. Я погрузила его в сон без сновидений, чтобы лечить тело и избавить от тяжелых мыслей.

— Бесполезно, — сказал мне Малик перед рассветом. — Тебе придется держать его спящим или даровать ему вечный сон.

— Возможно, но пока подождем. Тут есть кое-что... — Я сидела за столом, ослабев от напряжения, тело словно налилось свинцом, и напряженно думала. — Есть кое-что... — но груз усталости не дал мне продолжить. Я с трудом встала, рухнула на кровать и крепко уснула.

Тэсса могут спать по-настоящему, но только при условии контроля. То, что мне рисовалось в глубинах сна, было изгибом памяти, где смешивалось гротескное с реальным и рождалось возможное будущее. Во-первых, я держала кого-то в объятиях, и он отчаянно кричал — ему тут было плохо, а я смотрела на другого, с безупречным юношеским телом, но без малейшего признака разума, который нельзя вернуть. Затем я шла с молодым Купцом, но не по ярмарке, как этой ночью, а где-то в холмах, и знала, что это место печальное и страшное. Но человек превратился в животное, и вот уже рядом со мной шагал барск, который вертелся туда и сюда и смотрел на меня глазами, полными угрозы. Сначала он умолял, потом ненавидел. Но я шла без страха, но причина не в жезле — у меня его больше не было, — а в том, что животное не могло сломать оковы, связующие его со мной. И в этом сне все было ясно и значительно, но когда я проснулась с тупой болью в глазах и усталостью в теле, эта значительность испарилась, остались только обрывки призрачных воспоминаний.

Я знала, что этот сон останется в глубинах мозга и будет вырывать, пока не проявится ясной мыслью, и я не отступлю, когда придет время привести ее в действие, ибо она заполнит все мое существо.

Барск был все еще жив, и внутренним зрением я увидела, что тело его поправляется. Мы оставили его в глубоком сне —

лучшего для него быть не могло. Когда я опустила занавески вокруг его клетки, я услышала металлический звон сапог и радостно обернулась, думая, что пришли Купцы. Однако это оказался Слэфид, на этот раз один.

— С добрым утром, Госпожа, — приветствовал он меня на городской манер как человек, полностью уверенный в том, что он здесь желанный гость.

Желая знать причину его появления, я ответила на приветствие.

— Я вижу, — он огляделся вокруг, — что все в порядке.

— А почему бы и нет? — спросил Малик, выходя из загона для казнов.

— Здесь ничего не потревожено, но зато в другом месте... прошлой ночью... — Слэфид поочередно оглядел нас и, поскольку наши лица ничего не выражали, продолжал: — Некий Отхельм из Илта подал на вас жалобу, Госпожа, и упомянул в ней чужезвездца.

— Вот как?

— Применение инопланетного оружия, кража ценной собственности. По законам ярмарки, и то, и другое — тяжкие преступления. В лучшем случае вас ждет судебное разбирательство, а в худшем — штраф и изгнание.

— Правильно, — согласилась я. Самой мне жалобы Отхельма были не страшны, но случай с Купцом — дело другое. Был ли это тот случай, когда Озокан мог повернуть в свою пользу? Торговый закон разрешал Купцу носить личное оружие, так как оно было относительно безвредным. В сущности, оно было куда менее опасным, чем мечи и кинжалы, без которых лорды и их оруженосцы и шагу не могли ступить. А Ворланд, защищая меня, применил свое оружие против запрещенного ножа, за ношение которого Отхельм может быть наказан строже, чем он думает. Но дело в том, что любое столкновение с законами ярмарки восстановит начальство Купцов против Ворланда. Мы хорошо знали о строгости их правил поведения на чужих планетах.

— Сегодня начальником городской стражи Окор, родственник Озокана.

— Что вы хотите этим сказать? — нетерпеливо спросил Малик, в упор глядя на Слэфида.

— Это значит, что вы все же выполнили желание Озокана, Господин, — улыбнулся Слэфид. — Я думаю, вы можете требовать благодарность за это, даже если он не намерен воспользоваться результатом.

— Я пока не улавливаю сути. В чем дело?

Он все еще улыбался.

— Тэсса считают себя выше местных законов. А если здесь

будут новые законы, Госпожа? И что если легенда о Тэсса окажется в основном только легендой и все это легко можно будет изменить? Разве вы теперь Великий народ? Говорят, что нет, даже если когда-то вы и были великими. Вы настолько чужды местным жителям, что они и за людей вас не считают. Под Тремя Кольцами как вы бегаєте, Госпожа: на двух ногах, на четырех, или парите на крыльях?

Я почувствовала себя как воин, получивший удар меча в жизненно важный орган: такие слова и то, что за ними крылось, было оружием, которым при умелом использовании можно было вырезать весь мой род. Вот, значит, чем угрожал Озокан, как он хотел прижать нас! Но я гордилась тем, что ни я, ни Малик не показали вида, что удар достиг цели.

— Вы говорите загадками, Благородный Гомо, — отвечала я на языке чужезвездцев.

— Загадки и отгадки — дело других, — ответил он. — Если у вас есть безопасное место, Госпожа, вам в будущем лучше собираться там, иначе вы можете исчезнуть в войне как меньший вид. Вас будут искать, пока не найдут.

— Никто не может говорить за всех, пока его не послали выступать под щит объявлений, — заметил Малик. — Вы говорите от имени Озокана, Благородный Гомо? Если нет, то от чьего? Что чужезвездец собирается делать на Екторе? Почему угрожает войной?

— Что такое Ектор? — засмеялся Слэфид. — Маленькая планетка с отсталым народом, который не может добиться ни богатства, ни славы, ни оружейной мощи других народов. Его можно разжевать и проглотить, как ягоду тэка, мимоходом.

— Значит, мы все равно, что ягоды тэка? — теперь уж засмеялась я. — Ах, Благородный Гомо, может, вы и правы. Но если съесть ягоду до того, как она созреет, или лишь часом позже ее созревания, желудку будет очень скверно. Да, конечно, мы — малый отсталый мир, и остается только удивляться, ради каких сокровищ великие и далекие миры так заботятся о нас.

Я не надеялась, что легко поймаю его в свою ловушку, и этого не произошло. Но зато и он, думаю, не узнал о нас ничего существенного, по крайней мере, ничего такого, в чем раскрылся сам, когда наносил удар, вынуждая нас отвечать на свои вопросы.

— Благодарим вас за предупреждение, — мысли Малика были аналогичны моим. — Нам есть что ответить суду. А теперь...

— А теперь у вас есть дела, которыми лучше заниматься без меня, — весело согласился чужезвездец. — Я ухожу, на этот раз вам не придется опрокидывать кубок, Благородная Дама.

После его ухода я посмотрела на Малика.

— Тебе не кажется, родич, что он был доволен собой?

— Да. Он говорил о... — Даже дома, где его мог подслушать только наш маленький народ, неспособный проболтаться или предать нас, он не хотел выражать свою мысль словами.

— Древние...

— Да, — кивнул он. — Сегодня полнолуние.

Жезл заскользил в моих пальцах, не холодный на ощупь, не горячий — это лишь зависело от того, чем живут мои мысли.

Итак, в самом центре этой могущественной, но теперь враждебной территории подстерегала опасность. Однако Малик был прав: необходимость сильнее риска. Он прочитал в моих мыслях согласие, и мы занялись рутинной работой по подготовке шоу.

В течение дня я дважды подходила к барску, каждый раз с мысленным зондом. Его тело поправилось, но еще не настолько, чтобы его можно было вывести из состояния сна и прикоснуться к мозгу. Теперь, когда нас заботило другое, подобные эксперименты были нехстати.

У нас, как всегда, было много зрителей, и наш народец был счастлив и доволен своей работой, а мы с Маликом постарались закрыть свой мозг, чтобы наша озабоченность не встревожила животных. Я поискала глазами Купцов — если не тех двоих, то каких-нибудь еще. Но никого не было.

В полдень Малик послал Уджана посмотреть, кто занимается покупателями в палатке "Лидиса". Мальчик доложил, что ни Ворланда, ни Шервина там не видел. Может быть, они еще раньше закончили работу и ушли.

— Разумно с их стороны, — заметил Малик. — Чем меньше мы будем их видеть, тем лучше. Почему эти чужезвездцы ссорятся между собой и почему это на руку Озокану, нас не касается. Возможно, на днях нам тоже придется укладываться и уходить.

Но этого мы не могли сделать. В воздухе пахло слезкой. К вечеру беспокойство коснулось и моего маленького народа несмотря на все мои усилия уберечь их от тревоги с помощью мозгового заслона. Жезлом я дважды изгоняла страх из их мозга. Я выключила мощные лампы, чтобы в палатке воцарился ночной покой. Пока все было тихо. Страж ярмарки не призвал меня к ответу по жалобе Отхельма, и я уж подумала, не разумней ли первой подать на него жалобу.

Мы разместили маленький народ по клеткам, и я зажгла по всем четырем углам дома лунные лампы средней мощности. Затем мы с Маликом осмотрели барска и пошли запускать нашего посланца.

Длиннокрылый осторожно завожился, когда Малик поставил его на стол в нашей комнате, слегка развернул сильные крылья и заморгал, будто только что проснулся.

Я зажгла порошок, чтобы крылатый попил дыма. Он полураскрыл клюв и тонкий язычок задвигался с невероятной быстротой. Малик взял в ладонь голову птицы, чтобы мне легче было фиксировать ее красные глаза. Я запела, но не громко, как обычно, а полупшепотом, чтобы не услышал никто посторонний.

Много я потратила сил, пока жезл, зажатый в ладонях, не загорелся жарким огнем, и держала его ровно, чтобы энергия его перелилась через меня в посланца. Когда я кончила петь, голова моя откинулась назад, и у меня едва хватило сил сесть на стул, чтобы не упасть. Теперь Малик смотрел в глаза посланца и говорил быстрым резким шепотом, вкладывая в мозг ему слова, которые тот должен был передать там, куда он полетит, — далеко-далеко.

Закончив, Малик надел плащ, прикрыв им птицу, которая прижалась к его груди, и вышел в темноту. Он пошел на луг, где паслись наши животные в стороне от палаток и ларьков.

У меня не было сил, чтобы встать, и я продолжала сидеть, чувствуя тяжесть во всем теле. Собственно, я даже не сидела, а лежала на столе, обхватив его руками, близкая к обмороку. Я не спала. Мысли бесконтрольно метались, а память пробивалась сквозь это кружение, требуя осторожного и здравого размышления.

Я еще раз увидела медленно формирующуюся картину: лицо Купца в темноте над тем лицом, которое я знала гораздо лучше. И оба стерлись, превратились в рычащую маску проснувшегося животного. Мне показалось, что это очень важно, но я не могла понять, почему именно.

Затем у меня возникло желание послать читающую мысль, хотя я знала, что нужная для этого концентрация превышает пределы моих возможностей. Но я твердо решила, что сделаю это. Узнаем ли мы по этому лучу будущее или только одну из его вероятных линий? Имея читающий луч, не повернем ли мы бессознательно на тот путь, который нам откроется? Я много раз слышала споры ученых по этому поводу и почти поверила, что это окажет влияние на выбор личного будущего, к чему многие относились с отвращением. За пользование этим лучом Древние могут призвать нас к ответу, но я должна это сделать, когда сила вернется ко мне. Приняв это решение, я уснула. Тело мое скорчилось и напряглось, зато мысли улетучились и оставили меня в покое.

Закон причины и следствия не из тех, который наша или любая другая порода может отменить. Можно надеяться на лучшее, но нужно быть готовым и к худшему. Мне пришлось безвылазно сидеть в корабле, и я, по здравому рассуждению, не мог спорить с этим. По-моему, мне еще повезло, что капитан Фосс не добавил к этому минимальному наказанию черную отметку в моих документах. Другие бы командиры так и сделали. У меня была личная пленка — мы все носим такие в поясе, и запись ее давала точный отчет о скандале в палатке торговца животными, подтверждая, что мои действия были продиктованы необходимостью защиты уроженки Ектора, а не просто собственной шкуры. К тому же Фосс знал о Тэсса и их положении больше, чем я. Он бы с удовольствием посадил под замок не только меня, но и всю команду. Я оставался в нашем ларьке, но мне ясно дали понять, что дальнейшее нарушение приказа чревато серьезнейшими неприятностями. Капитан сказал, что ожидает жалобу со стороны властей ярмарки, но будет защищать меня в любом суде, и лучшим аргументом для защиты послужит пленка.

Большая часть утра прошла, как обычно, в ларьке. У меня не было даже возможности поискать что-нибудь для себя, меня лишили этой привилегии. В свободные минуты я вспоминал о мечте Майлин выйти в космос с ее шоу. Я вспомнил о барске, спасенном Майлин с такой упрямой решительностью. Почему она выбрала именно его? Там ведь были и другие, явно подвергающиеся дурному обращению животные. Да, барск — вид, его не увидишь в неволе, но почему?..

— Господин!

Кто-то тронул меня за рукав. Я стоял в дверях спиной к улице. Обернувшись, я увидел оборванного босого мальчишку, переминающегося на грязных ногах. Прижав к животу руки, он часто-часто кивал головой, что называлось у них “большим поклоном”. Это был тот самый парень, что вел нас ночью.

— Что тебе?

— Господин, Госпожа просит тебя прийти к ней. Так она сказала.

Больше для порядка я на секунду задержался с ответом.

— Передай Госпоже, — начал я свою речь в стиле екторианской вежливости, — что я связан словом, данным Лорду моей Лиги, и потому не могу поступить так, как она желает. Мне очень прискорбно, что я должен сказать это, клянусь Кольцами Истинной Луны и Цветением Хресс.

Он не уходил. Я достал монетку и протянул ему.

— Выпей сладкой воды за меня, посланец.

Он взял монетку, но не ушел.

— Господин, Госпожа очень этого желает.

— Разве может поклявшийся на мече следовать своим желаниям, если он связан приказом Лорда? — возразил я. — Передай Госпоже то, что я тебе ответил, у меня нет выбора.

Он ушел, но так неохотно, что я удивился. Мое извинение звучало вполне убедительно для любого человека на Екторе. Вассал был связан со своим Лордом, и приказ Лорда был выше, много выше любых личных желаний, даже жизни. Зачем Майлин послала за мной, чужезвездцем, почти ей незнакомым, если не считать совместного участия в маленьком приключении с барском и его хозяином? Осторожность говорила, что лучше держаться подальше от палатки Тэсса, от маленького народа, от всего, что с ним связано.

Однако я помнил ее серебристо-рубиновый наряд, как она стояла в стороне от животных, будто тоже смотрела на них, помнил, как она заботилась о барске, ее высокомерное презрение к продавцу животных, скованному ее жезлом. Люди приписывали Тэсса чудодейственную силу, и, похоже, в этих слухах была доля истины.

Мне пришлось долго размышлять: в ларек влетели два богатых северных купца. Сами они не торговали, но предлагали в обмен на наш легковесный товар различные изделия: мелкие предметы роскоши, которые легко помещались в корабельном хранилище и давали хороший доход при малом грузообъеме. Капитан Фосс приветствовал их как своих постоянных клиентов, которых привлекал не наш обычный груз, а легкие изделия. Это были подлинные аристократы купечества: они сколотили себе твердый капитал и теперь спекулировали дорогими вещами, опустошая кошельки дворян.

Я подал гостевые кубки — пласта-кристалл с Фарна, — отражающие свет бриллиантовым блеском. Они так сверкали в руке, будто сделаны были из капель воды. На круглые чаши и тонкие ножки можно было наступить магнитной подошвой космического ботинка — они не разбивались.

Фосс налил в них вино с Арктура, и темно-розовая жидкость засияла в них, как рубины на воротнике Майлин. Майлин ... Я сурово изгнал ее из своих мыслей и почтительно стоял, ожидая, когда Фосс и Лидж подадут мне знак показать что-нибудь.

С купцами вошли четверо носильщиков — все старые слуги, стали возле своих хозяев и поставили перед ними маленькие ящички. Несмотря на ярмарочный запрет на насилие, они

демонстрировали ценность своего товара тем, что для его защиты были вооружены не кинжалами, как обычно, а мечами.

Однако я никогда не видел, чтобы они держались так настороженно. Из-за двери раздался пронзительный свист, и вся волна шума, к которому мы уже привыкли, разом улеглась настолько, что можно было услышать слабый звон оружия: он извещал о прибытии отряда судейских чиновников ярмарки. Их было четверо, и они были так вооружены, словно шли на осаду крепости. Вел их человек в длинной мантии, одна половина которой была белая, хотя и сильно запыленная, а другая — черная, что символизировало две стороны правосудия. Он был без шлема, на голове болтался увядший венок из цветов хресса. Мы поняли, что это жрец, чья временная обязанность состояла в том, чтобы, пусть слегка, но напомнить о священном значении предстоящего дела.

— Слушайте внимательно! — провозгласил он высоким голосом, специально поставленным для жреческого стиля поучения. — Это правосудие Луны Колец, милостью Доматопера, по воле которого мы ходим и бегаем, живем и дышим, думаем и действуем! Пусть выйдет тот, кого призывает Доматопер, — тот чужеземец, что поднял оружие в границах Ярмарки Луны Колец!

Капитан Фосс мгновенно предстал перед жрецом.

— По чьей жалобе присягнувшие Доматоперу вызывают моего вассала? — так полагалось отвечать на вызов.

— По жалобе Отхельма, клявшегося у алтаря и перед мудрейшими. Должен быть дан ответ.

— И он будет дан, — согласился Фосс и чуть заметно кивнул мне, чтобы я подошел. Моя личная пленка была в кармане его туники. С нею я вполне мог оправдаться в применении стоннера. Но поскольку мы должны были передать ее смешанному суду жрецов и торговцев, то это меняло дело, и я понял, что встреча между капитаном и северными купцами имела важное значение.

— Отпустите меня с ними, — сказал я на базике. — Если они предполагают сразу же устроить надо мной суд, я пришлю записку...

Вместо ответа Фосс обернулся и крикнул в глубину ларька:

— Лалферн!

Эльфрик Лалферн, высокий худой парень, не имел регулярных обязанностей в ларьке, кроме помощи в распаковке и упаковке товара.

— Этот человек, — сказал Фосс жрецу, — мои глаза и уши, и он пойдет с вами. Если мой присягнувший на мече попадет под суд, этот человек известит меня. Это дозволено?

Жрец посмотрел на Лалферна и через секунду кивнул.

— Дозволено. Пусть идет. — Он повернулся ко мне. — Сдайте оружие.

Он протянул руку к кобуре, но пальцы Фосса уже легли на приклад, и капитан вытащил мой стоннер.

— Он уже больше не хозяин своего оружия, оно остается здесь. Так положено.

Я думал, что жрец запротестует, но капитан был прав, поскольку на Екторе считалось, что оружие подчиненного является законной собственностью Лорда и может быть востребовано в любое время, особенно если Лорд считает, что его пригнувший на мече нарушил какое-то правило.

Итак, без всяких средств защиты я шагнул вперед и занял место между двумя стражниками. Лалферн пошел сзади, в нескольких шагах от нас. Хотя стоннер — не бластер, я носил его чуть ли не всю жизнь и твердо знал, что он висит у меня на поясе, а теперь чувствовал себя каким-то голым среди необычайной настороженности, царившей вокруг. Сначала я пытался уверить себя, что это просто реакция на то, что я, безоружный, нахожусь в зависимости от чужого закона чужой планеты. Но мое беспокойство возросло, когда я понял, что это одно из предупреждений на уровне самого слабого дара экспера, который был у большинства из нас, прирожденных космонавтов. Я оглянулся на Лалферна как раз вовремя, чтобы увидеть, что он тоже оглянулся через плечо и взялся было за рукоятку стоннера, но снова опустил руку, сообразив, что этот жест может быть неправильно истолкован.

Только тогда я обратил внимание на путь, которым меня вели. Мы должны были идти к Большому Шатру, где во время ярмарки помещался суд. Я увидел широкий карниз крыши над палатками и ларьками впереди, но значительно левее. Мы шли к границе ярмарки по территории, где стояли палатки дворян, не живших в Ирджаре.

— Последователь Света! — громко обратился я к жрецу в черно-белом одеянии, который шагал так быстро, что нам пришлось поспешить, чтобы не отстать от него. — Куда мы идем? Суд находится...

Он не повернул головы и не подал вида, что слышит меня. У последнего ряда ларьков мы свернули к палаткам Лордов. Здесь никого не было, кроме двух-трех слуг.

— Хэлли, Хэлли, Хэлл!

Он налетел из укрытия, этот людской вихрь, врезался в наш маленький отряд: верховые животные, встав на дыбы, били пеших тяжелыми копытами. Я услышал яростный крик Лалферна, затем стражник справа от меня дал мне такого толчка,

что я, пытаюсь удержаться на ногах, влетел в промежуток между двумя палатками.

Острая боль в голове — и на время для меня все было кончено.

Боль погрузила меня во тьму, она же и вывела из нее, сопровождая мое неохотное возвращение в сознание. Сначала я не мог понять, что терзает мое тело, но, наконец, осознал, что лежу, привязанный, ничком на спине грузового каза и меня больно подбрасывает при каждом его шаге. Я слышал шум, человеческие голоса, и было ясно, что меня сопровождают несколько всадников. Говорили они не по-ирджарски, и я ничего не понимал, кроме отдельных слов.

Не знаю, долго ли длился этот кошмар, так как я несколько раз впадал в беспамятство. Я помолился о том, чтобы мне не выходить из благодатного мрака, и он тут же поглотил меня снова.

Жизнь в космосе закаляет тело, оно привыкает к стрессам, напряжению и опасностям и нелегко сдается при дурном обращении, в чем я с болью убедился в последующие дни. Меня сняли с каза самым простым способом: перерезали путы и скинули на жесткую мостовую.

Передо мной мерцали факелы и фонари, но в глазах у меня так все расплывалось, что я лишь смутно различал вокруг себя фигуры похитителей. Затем меня ухватили за плечи и потащили, после чего от толчка я покатился по крутому склону и рухнул в слабо освещенном месте.

Сказанного мне я не понял, и за мной тяжело опустилась чья-то фигура. В лицо мне плескали жидкость, и я тяжело дышал. Вода освежила пересохшие губы, и я облизывал их горячим языком. Меня грубо схватили за волосы, подняли голову, и в рот полилась вода, от чего я чуть не задохнулся. Но мне удалось сделать несколько глотков.

Этого было мало, но все же мне стало легче. Меня оттащили за волосы, я ударился головой об пол и снова впал в беспамятство.

Когда я пришел в себя, кругом была пугающая тьма. Я все моргал, пытаюсь прояснить зрение, пока не сообразил, что виноваты не глаза, а место, где я нахожусь. С большим трудом я приподнялся на локте, чтобы лучше разглядеть свою темницу.

Тут не было ничего, кроме грубо сколоченной скамьи. Пол покрывала вонючая солома. Воняло здесь повсюду и тем сильнее, чем больше я принюхивался. В одной стене, на высоте моего роста было прорезано узкое окно не шире двух пядей, сквозь него просачивался сероватый свет, не достигавший тем-

ных углов. На скамье я увидел кувшин, и он сразу стал для меня объектом самого пристального внимания.

Я не мог встать на ноги. Даже попытка сесть вызвала такое головокружение, что я закрыл глаза и унесся куда-то в пространство. Наконец, я все-таки добрался до сосуда, обещавшего воду, дополз на животе, извиваясь, как червяк.

В кувшине действительно оказалась вода — и не просто вода, а с чем-то смешанная: от кислого привкуса сводило рот, но я пил, ведь бывало питье и похуже, и представлял себе, что это вино. Я старался благоразумно ограничить себя, но как только вода попала на язык, освежая мучительно пересохшее горло, мои намерения отставить кувшин, пока в нем еще плещется жидкость улетучились. В голове прояснилось, и вскоре я мог уже двигаться без приступов головокружения. Возможно, странный привкус воде придал какой-то наркотик или стимулятор. Наконец, я добрался до оконной щели, чтобы посмотреть, что там снаружи.

Солнце еще светило, но его лучи доходили до меня только отраженным светом. Поле зрения было крайне узким. Неподалеку возвышалась крепкая серая стена, похожая на крепости Ектора. Больше ничего не было видно, кроме мостовой, которая, видимо, начиналась у основания здания, в котором был я, и оканчивалась той стеной.

Мимо окна прошел человек. Он не задержался, но я сразу понял, что это вассал какого-то лорда, — он был в кольчуге и шлеме, на плаще желтая нашивка с черным гербом. Герб я не успел рассмотреть, да и не смог бы узнать его, поскольку геральдика на Екторе не касалась Купцов.

Желтое с черным — а ведь я видел это сочетание! Но когда и где? Я прислонился к стене и старался вспомнить. Цвет... Последнее время я часто думал о цвете, о серебряном и рубиновом костюме Майлин, гвоздично-розовом и сером на ее вывеске, действующей странным образом, на вывесках других мест развлечений... о тускло-красном с зеленым на вывеске игорного дома, которая не просто зазывала — кричала!

Игровая палатка! Обрывки памяти сложились в мысленную картину... Гек Слэфид за столом, столбики фишек — ему везло — и слева от него — молодой дворянин, который так пристально вглядывался в меня, когда мы с Майлин проходили мимо. На нем тоже был плащ, блестящий, полупелковый, ярко-желтый с вышитым на груди черным знаком орла. Но из этих обрывков пока не складывалось ясной картины.

У меня была ссора с одним екторианцем, с Отхельмом, но ведь не с молодым же человеком в желтом и черном. Я не мог найти логической связи между двумя так далеко отстоящими

друг от друга людьми. Продавец животных никак не мог быть под протекцией Лордов. Мое знание Екторианских обычаев было полным лишь настолько, насколько о них рассказывалось на пленках Купцов, но для того, чтобы изучить все нюансы социальной жизни и обычаев, потребовались бы многие годы. И вполне могло быть так, что из-за ссоры с Отхельмом я оказался в теперешнем скверном положении.

Где бы я сейчас ни был, но только не в районе ярмарки. Но это казалось более, чем странным. Я мог вспомнить только часть своего пути на спине каза, меня схватили в Ирджаре, и я был насильно выведен из-под юрисдикции суда ярмарки, и это настолько противоречило всему, что мы знали об обычаях планеты, что трудно было поверить в случившееся. Те, кто захватил меня, а также тот, кто отдал такой приказ, и тот, кто договаривался об этом деле, могут быть поставлены вне закона, как только станет известно о моем исчезновении.

Какую же ценность я представлял, если эти люди пошли на такое похищение? Только время и мои похитители могут ответить на этот вопрос. Но время шло, а никто не приходил. Я проголодался и опять почувствовал жажду.

С окончанием дня тусклый свет растаял и накатила ночь. Я сидел, прислонившись к стене напротив двери, и прислушивался, чтобы собрать хоть какую-нибудь информацию. Время от времени до меня доходили искаженные и приглушенные звуки. Прозвучал горн, видимо, возвещавший о чьем-то прибытии. Я снова встал и поплелся к окну. На серой стене плясал луч фонаря, я слышал голоса. Потом промелькнули человеческие фигуры, одна в дворянском плаще, шага на два впереди трех других. Вскоре я слышал звяканье металла на лестнице. Что-то заставило меня вернуться на старое место — к стене против двери.

Из-за ослепившего меня света я не мог видеть стоящих в дверях. Только когда они вошли в камеру, я немного разглядел их.

Это были те, что прошли мимо окна. Теперь я узнал в дворянине юношу из игровой палатки.

Есть один трюк, старый, как мир: молчи, чтобы твой противник заговорил первым. Я не стал обращаться с просьбой о разъяснении, а просто спокойно изучал их.

Двое поспешно отодвинули скамью от стены, и Лорд сел с видом человека, которому обязаны предоставлять удобства. Третий сопровождающий повесил фонарь на крючок в стене, так что вся камера была освещена.

— Эй, ты! — не знаю, удивило Лорда мое молчание или нет, но в голосе его звучало раздражение. — Ты знаешь, кто я?

Это было классическое начало разговора между соперника-

ми-екторианцами — хвастать именем и титулами, дабы придавить возможного врага тяжестью репутации.

Я не ответил. Он нахмурился и наклонился вперед, положив руки на колени и расставив локти.

— Это Лорд Озокан, старший сын Лорда Осколда, Щит Енлсда и Юксесома, — пропел стоящий возле фонаря человек голосом профессионального герольда.

Имена сына и отца мне ничего не говорили, и земли, которые они представляли, были мне незнакомы. Я продолжал молчать. Я не видел, чтобы Озокан сделал какой-нибудь жест, отдавая приказ, но один из его головорезов шагнул ко мне и так хлестнул по лицу ладонью, что я стукнулся головой о стену и от боли чуть не потерял сознание. Усилием воли я поднялся на ноги, стараясь, насколько возможно, сохранить ясность ума. Они собирались силой отнять у меня что-то нужное им. И Озокан грубо объяснил, чего они желают.

— У тебя, чужезвездный бездельник, есть оружие и знания, и я так или иначе получу их.

Тут я в первый раз ответил, с трудом шевеля распухшими от удара губами:

— А ты нашел на мне оружие? — я не стал титуловать его.

— Нет, — он ощерился. — Ваш капитан весьма умен. Но ЗНАНИЯ при тебе. А если твой капитан хочет увидеть тебя снова, то у нас будет и оружие, и очень скоро.

— Если тебе хоть что-нибудь известно о Купцах, ты должен знать, что у нас поставлены мозговые ограничители против подобного разглашения на чужих планетах.

— Да, я слышал, — он осклабился еще больше. — Но у каждого мира свои секреты, ты это тоже знаешь. У нас есть несколько ключей к таким мозговым щеколдам. Если они не сработают — жаль: твоему капитану придется соображать — и очень быстро. А что касается знаний — а ну, выкладывай! — его приказ щелкнул, как кнут.

Я не хочу вспоминать о том, что было после в комнате с каменными стенами. Те, кто принимал участие в допросе, были настоящими мастерами своего дела. Не знаю, то ли Озокан был действительно уверен в том, что я смогу, если захочу, выдать ему знания, то ли он занимался этой игрой для собственного удовольствия. Большая часть всего происшедшего совершенно стерлась из моей памяти. Всякий эспер, даже самый слабый, может частично закрыть сознание, чтобы сохранить равновесие мозга.

Они не смогли узнать ничего стоящего и были достаточно опытны в своем грязном ремесле, чтобы не терзать меня беспрерывно. Но я довольно долго не знал об их уходе и вообще о

чем бы то ни было. И когда от боли я вновь пришел в себя, за окном был бледный день.

Скамья стояла у стены, и на ней снова был кувшин, а еще блюдо с чем-то вроде замороженного сала.

Я подполз к скамье, выпил горькой воды, и мне стало чуть получше, но прошло много времени, прежде чем я решился попробовать пищу. Только сознание необходимости иметь силы заставило меня двигаться и давиться этой тошнотворной пищей.

Теперь я знал: Озокан похитил меня в надежде обменять на оружие и информацию — без сомнения, для того, чтобы с их помощью захватить королевский трон. Дерзость этого акта означала, что он либо имел сильную поддержку и мог противостоять законам ярмарки, либо надеялся столь быстро захватить трон, что власти не успеют выступить против него. Безрассудство его поступка граничило с крайней глупостью, и я не мог поверить, что его надежды сбудутся. Только позже я сообразил: он зашел слишком далеко, и ему ничего больше не оставалось, как держаться этого опасного пути до конца.

Нечего было и думать, что капитан Фосс заплатит за меня требуемый выкуп. Хотя Купцы были тесно связаны между собой и начальство поступало порядочно со всеми, ни команда “Лидиса”, ни вся добрая слава Вольных Купцов не могут и не будут рисковать ради жизни одного человека. Единственно, что Эл Фосс может сделать, — это пустить в ход машину екторианского правосудия.

Знает ли он, где я? Что случилось с Лалферном? Если ему удалось удрать, то Фосс уже знает, что я похищен, и может принять контрмеры.

Но сейчас я должен рассчитывать не на пустые надежды, а на собственные силы. Я думал и думал, не переставая.

Глава 6

Несмотря на крайнюю измученность, я пустил в ход мыслеуловитель. В такой ситуации могли помочь только отчаянные меры. Поскольку мыслеискатель по-разному действует у разных рас и народов, я не надеялся поймать какое-либо открытое сообщение или вообще что-нибудь. Получалось, будто я пытаюсь вести перехват радиопередачи в таком широком диапазоне, что мой приемник улавливает лишь неясный шум. Не слова, не отчетливые мысли, а только ощущение страха удавалось мне поймать. И эта эмоция временами была такой острой, что было ясно: тот, кто излучал ее, был в опасности.

Укол здесь, укол там — возможно, каждый из них сигнализировал об эмоциях разных людей, защитников крепости. Я поднял голову к бледному окошку и прислушался. Оттуда не доносилось звуков. Я кое-как встал. Да, был уже день — узкая полоска солнечного света на той стороне. Там царило полное спокойствие.

Я снова закрыл глаза, чтобы не мешал свет, и послал улавливающую мысль к одному из уколов страха, желая установить источник эмоции. Одно такое ощущение я поймал недалеко от двери моей тюрьмы — по крайней мере, мне так показалось. Я стал зондировать этот мозг со всем усердием, на какое был способен. Это было равносильно чтению пленки, которая была не только перепроявлена, но и изображала чужие символы. Эмоции ощущались потому, что у них общая для всех основа. Все живые существа знают страх, ненависть, радость, хотя источники и корни этих чувств могут быть самыми разными. Как правило, страх и ненависть — самые сильные эмоции и их легче всего уловить.

В этом мозгу ощущался растущий страх, смешанный с гневом, но гнев был вялым, он скорее был порожден страхом. К кому? К чему?

Я закусил губу и собрал весь остаток сил, чтобы узнать это. Страх... боязнь? Нужно... нужно избавиться... от МЕНЯ!

И я понял, как будто мне сказали это вслух, что причиной страха было мое присутствие здесь. Озокан? Нет, не думаю, чтобы Лорд, который силой пытался выудить у меня сведения, вдруг сменил позицию.

Укол... укол. Я готовил свой мозг, подавляя изумление, возвращаясь к терпеливой разработке этих путанных мыслей. Пленник — опасность — не я лично был опасен, но мое пребывание здесь в качестве пленника могло быть опасным для думающего. Может быть, Озокан настолько преступил законы Ектора, что те, кто помогал ему или повиновался его приказам, имели основания бояться последствий?

Могу ли я рискнуть пойти на контрвыступление? Страх очень многих толкает к насилию. Если я увеличу перехваченный мною страх и сконцентрирую его, меня тут же прикончат. Я взвесил все за и против, пока устанавливал контакт между нами.

В том, на что я решился, было так мало надежды на удачу, что все уже казалось заранее обреченным на провал. Я собирался послать в этот колеблющийся мозг мысль, что с исчезновением узника уйдет и страх, но узник должен обязательно уйти живым. В самом простом сигнале, какой только я мог выдумать, и с максимальным усилием я послал эту мысль — луч по линии связи.

Одновременно я медленно продвигался вдоль стены к скату, который вел в камеру. По пути я взял кувшин, выпил остатки воды и крепко зажал его в руке. Я старался вспомнить, куда открывается дверь, ведь когда вошел Озокан, меня ослепил свет. Наружу? Да, конечно, наружу!

Я поднялся до половины ската и ждал...

Освободить пленника... не будет страха... Освободить пленника...

Сильнее — он идет ко мне! Остальное будет зависеть только от удачи. Страшно, когда человек кладет свою жизнь на такие веса. Я услышал звон металла. Дверь открылась. — Ну!

Дверь качнулась назад, и я швырнул не только кувшин, но и заряд страха. Кувшин ударился в голову стражника, тот вскрикнул и отлетел назад. Собрав последние силы, я поднялся наверх и вышел в дверь.

Первой мыслью было обыскать стражника и взять его меч. Даже с незнакомым оружием я чувствую себя увереннее. Стражник не сопротивлялся. После я подумал, что заряд страха, ударивший его по мозгам, был сильнее и неожиданнее, чем удар кувшина по голове. Я ухватил его за плечо и толкнул вниз, в тот погреб, откуда вылез сам. К счастью, он оставил закрывающий прут в двери, так что я быстро снял его и вышел.

Оказавшись за дверью, я для начала осмотрелся. Свет резал привыкшие к темноте глаза, но я решил, что сейчас поздний вечер. Я не знал, сколько дней я провел в камере: мне не удалось проследить, как они сменялись ночами.

Во всяком случае, сейчас в этом коридоре никого не было, а мои планы не шли дальше данного момента. Мне надо было добраться до выхода, и я не был уверен, что не встречу кого-нибудь из гарнизона. Мыслеуловитель был слишком слаб для разведки: я полностью израсходовал талант эспера, когда заставлял стражника открыть камеру. Поэтому приходилось рассчитывать только на физические средства и на оружие, которым я не умел пользоваться.

Коридор свернул влево. В него выходили двери, и далеко впереди я услышал голоса. Но другого пути не было, и я пошел вдоль стены, сжимая меч.

Первые две врезанные в стену двери, были закрыты, за что я вознес бы благодарственную молитву, будь у меня возможность ослабить внимание. Я знал, что мои способности эспера упали очень низко, но все-таки старался использовать их остаток, чтобы установить поблизости присутствие какой-либо жизни.

Я пошел дальше. Голоса стали громче. Я уже различал слова на незнакомом языке. Похоже было на ссору. Из полуот-

крытой двери лился яркий свет. Я остановился и осмотрел дверь. Она тоже открывалась наружу, и щеколда запиралась, как обычно в тюрьме, — прут вставлялся в отверстие и поворачивался. Я держал свой прут в левой руке, но подойдет ли он к этой двери? Смогу ли я прикрыть ее так, чтобы люди внутри не заметили? Я не рискнул заглянуть в комнату, но голоса там поднялись до крика, и я надеялся, что в своей ссоре они не обратят внимание на дверь.

Я сунул меч за пояс, взял прут в правую руку, а ладонью левой руки осторожно нажал на дверь. Она отказалась поддаваться. Я толкнул сильнее и замер: любой предательский скрип, какой-нибудь перерыв в разговоре могли заставить меня пожалеть о сделанной ошибке. Но дверь все-таки пошла, дюйм за дюймом, и, наконец, плотно вошла в свою фрамугу. Скандал в комнате продолжался. Скользкими от пота пальцами я вложил прут в отверстие. Он слегка упирался, и я готов был бросить это дело, но вдруг он с легким щелчком встал на место, и я повернул его.

Порядок — замок закрылся.

Там, внутри, так шумели, что никто даже не заметил, что их заперли. Мне уже дважды везло и я подумал, что всякому везению бывает конец.

Еще один поворот коридора — и я опять смог заглянуть в окно. Я угадал — был вечер, отблески заходящего солнца лежали на мостовой и на стене. Ночь, как известно, друг беглеца, но я даже не пытался думать о том, что буду делать в незнакомой местности, если выйду из крепости Озокана. Два шага за один раз не делаются — я думал только о том, что буду делать в данную минуту.

Передо мной была широко открытая дверь во двор. Я все еще слышал позади голоса ссорящихся, но теперь пытался уловить что-нибудь снаружи. Оттуда донесся резкий высокий звук, но это кричал каз. Я встал за дверью и выглянул, держа меч в руке. Налево навес, где были казы, их треугольные пасти с жесткой шерстью раскачивались из стороны в сторону. С губ свисали изжеванные листья — значит, им только что дали корм.

На миг я задумался, не взять ли одного из животных, но с сожалением отказался от этой затеи. Мыслеуловитель работает с животными даже чужой породы лучше, чем с гуманоидами, это верно, но концентрация сил, требуемая для контроля над животным, сейчас мне была не по силам. Я должен был рассчитывать только на себя, на свои физические возможности.

Здание, из которого я вышел, отбрасывало длинную тень.

Я не мог видеть ворот, но попытался добраться до самого темного места между двумя тюками корма, и это мне удалось.

Отсюда я видел много лучше. Направо широкие ворота были крепко заперты, на них стояло что-то вроде клетки. Я уловил в ней дыхание и тут присел за тюк. Часовой! Я ждал оклика, стрелы из лука — знака того, что меня заметили. Но вот миновало несколько секунд и ничего не произошло. Да ведь часовой обязан смотреть по ту сторону стены, а не во двор. Я прикинул, как мне лучше идти: сначала под прикрытием тюков, затем позади навесов — и пошел медленно, хотя всем нутром хотелось припустить со всех ног. Но бег мог привлечь внимание, а передвигаясь ползком, я сливался с тенью. Проходя мимо загона, я сосчитал животных, надеясь получить некоторое представление о численности гарнизона. Тут было семеро верховых животных, четверо вьючных, но это еще ни о чем не говорило — в гарнизоне могли быть и пехотинцы. Однако малое число верховых животных в загоне, явно построенном для гораздо большего количества, указывало на то, что в резиденции оставался лишь костяк гарнизона. Это означало также, что Озокан и его приближенные уехали.

Тут было несколько вышек для часовых, но, хотя я внимательно разглядывал их, я не заметил там никого. Едва я нырнул за выступ стены, как послышались тяжелые шаги: мимо прошел мужчина. На нем была кольчуга пешего бойца, голова без шлема, на плечах коромысла с ведрами воды, которые он опорожнил в каменный желоб. Вода стекала по нему в стойла.

С пустыми ведрами он пошел обратно. В своем укрытии я почувствовал внезапный подъем духа: видимо, как раз в этот момент того человека охватило столь сильное желание, что оно дошло до меня совершенно отчетливо. Страх в нем уступил место решимости такой силы, что я смог уловить эту перемену. Возможно, он отличался от своих товарищей какой-то мозговой извилиной, которая делала его более открытым для моего дара эспера. Такие вариации, как известно, существуют. Это был третий подарок судьбы за сегодняшний день.

Я был уверен, что человек будет действовать, отложив свои обязанности, но пользуясь ими как прикрытием для своих целей. И наступил момент, когда потребовалось немедленное действие, иначе он мог бы не успеть. С коромыслом и пустыми ведрами он открыто зашагал вдоль стены, а я скользнул за ним, потому что он шел как раз туда, куда хотелось и мне. В другом конце двора был колодец, а из центра здания тянулось крыло, которое острым углом огибало его, будто каменный блок протягивал руку, чтобы укрыть источник драгоценной влаги. В крыле было много щелевидных окон и дверь. Человек, за кото-

рым я шел, не остановился у колодца, а быстро огляделся и прислушался. Видимо, успокоенный, он вошел в эту дверь. Я же подождал немного и последовал за ним.

Тут было нечто среднее между арсеналом и складом. На стенах висело оружие, разные приспособления лежали аккуратными кучками. Отчетливо пахло зерном и другой пищей для людей и животных. Позади одного тюка с провизией валялись ведра и коромысла. Смесь страха и желания моего гида точно вела меня по следу. Я прошел в другую дверь, полускрытую мешками с зерном, и вышел на узкую лестницу, достаточно крутую, чтобы у человека, посмотревшего вниз, закружилась голова. Здесь я остановился: впереди зазвучали его шаги, значит, и он мог меня услышать.

Сгорая от нетерпения, я ждал. Когда все затихло, я медленно двинулся вниз, с усилием ставя ноги и боясь, как бы мое измученное тело не подвело меня. К счастью, спуск был коротким. Внизу оказался проход, ведущий в одном направлении. Здесь было темно, я не видел ни искорки света, которая бы указывала на то, что мой гид пользуется фонарем или факелом. Видимо, он хорошо знал дорогу.

Я ничего не видел и не слышал. Затем линия мысленной связи принесла взрыв облегчения, который вспыхнул в моем мозгу, как фонарь перед глазами. Значит, он достиг своей цели, он вышел из форта, чтобы найти безопасное место. И я не думал, что он задержится у входа. Я пустился почти бегом на поиски этого выхода. В темноте больно ударился об острый выступ, но не упал, и тогда вытянул руки, чтобы помочь глазам. Передо мной оказался пролет другой лестницы, и я пополз вверх по ней на четвереньках, не будучи уверен, что осилю ее другим способом. Время от времени я останавливался, чтобы проверить, нет ли каких-нибудь признаков выхода. Наконец, я нашел люк и толчком открыл его. Там тоже не было света, словно я попал в погреб или в отвал в скалах, вряд ли естественный, скорее замаскированный под таковой, чтобы скрыть люк. В стране, где по всякому пустяку затевались войны, такая нора была необходима в любой крепости... Нет сейчас человека, которому она была бы нужнее, чем мне, мелькнула мысль.

Того дезертира, что прошел через эту дыру, не было и в помине, но я все-таки двигался с осторожностью и, наконец, вышел из-под укрытия. Наверное, развалины тут кончались, так как было много осыпавшейся земли. Теперь можно было оглядеться.

Небо пылало тем жутким цветом, которым окрашивался закат солнца на этой планете. Форт казался темным пятном, уже скрытым теньями, которые придавали ему еще более мрач-

ный вид. Он состоял из одного внутреннего здания и внешней стены, оказавшись меньше, чем я думал. Пожалуй, это было не укрепление, а, скорее, пограничный пост, охраняющий и защищающий зону, поскольку вокруг не было ни жителей, ни возделанных полей. Это был солдатский лагерь, а не убежище для фермеров, каким мог быть любой замок.

Между двумя рядами холмов проходила дорога, ведущая в неведомую равнинную местность. По-видимому, она связывала центр этой области с центром внешнего мира — возможно, даже с Ирджаром. Этим и следовало руководствоваться.

Сюда я попал, можно сказать, в слепую и не имел представления, где находится порт: на севере или на юге отсюда. Впервые я подумал, что моему удивительному везению пришел конец: у меня был меч, но не было ни пищи, ни воды, ни защиты от непогоды. И порожденная моей волей энергия, так долго поддерживавшая истерзанное тело, иссякла. Что меня ждет впереди? Я боялся задать себе этот вопрос.

Форт и развалины, из которых я вынырнул, находились на склоне холма. Сначала я заставлял себя идти, потом полз, извивался, перекатывался — одним словом, выкручивался, как мог, лишь бы двигаться.

Мне еще повезло, что помощники Озокана на допросах не калечили — тело было еще кое-на-что способно. Однако я впал в какое-то оцепенение и управлялся только подсознанием. Дважды я замечал, что бреду по более ровной дороге и что какой-то тайный сигнал предупреждает меня о скрытой опасности. Оба раза мне удавалось сойти с дороги, чтобы двигаться под защитой кустов и скал. Раз мне показалось, что меня выслеживает какой-то ночной хищник, но, видимо, эта тварь не сочла меня подходящей добычей и отстала.

Луна сияла так ярко, что ее кольца горели огнем. У этой луны всегда было два кольца, но через определенный срок появлялось третье, что служило великим предзнаменованием для жителей планеты. Я смотрел на них без удивления, только с благодарностью — они освещали мне путь.

Уже светало, когда я прошел ущелье между холмами. Во рту пересохло, словно язык и щеки изнутри присыпало горячим пеплом. Только тренированная воля заставляла меня двигаться, отдыхать я боялся: после отдыха не сможешь не только идти, но и ползти. А мне нужно было миновать то место, где дорога шла только в одном направлении — на запад. Потом — обещал я телу — потом я отдохну в первой попавшейся норе.

Наконец, холмы остались позади. Я свернул с открытого пространства в кусты и продирался в них до тех пор, пока не почувствовал, что дальше ползти некуда. Последний рывок

вынес мое избитое и исцарапанное тело в просвет между двумя пышными кустами, и я растянулся на земле, отключившись на какое-то время.

Река, драгоценная река омывала меня, давая новую жизнь иссохшему телу, гремела вода, ударяясь о речные пороги. Я не решался пуститься вплавь по бурному течению — могло разбить о скалы. Вода... Грохот...

Не было никакого потока. Я по-прежнему лежал на твердой земле, но уже промокший, и всюду лилась влага, образуя сплошную завесу дождя, и грохот был, но только в небе. Я приподнялся и стал слизывать воду, льющуюся по лицу. Над холмами носились стрелы молний. Наверное, был еще день, но такой темный, что трудно было что-нибудь разглядеть. Я поднял голову и открыл рот, жажда напоиться дождевой водой.

Громовые раскаты неслись отовсюду с затянутого тучами неба, разрываемого жуткими вспышками молний, и при свете их сквозь щель в кустах я увидел отряд всадников, державших путь на восток, подгоняемых дождем. На них были плащи с капюшонами. Отряд растянулся длинной вереницей, усталые животные отставали, роняя пену с губ. Весь вид этой компании говорил о том, что их гонит какая-то срочная нужда. Когда они проезжали мимо, я почувствовал их эмоции — страх, злобу, отчаяние, — которые были так сильны, что меня будто ударило. Под плащами не были видны цвета, не мог я различить и геральдических знаков, говорящих, чье походное знамя полощется над их головами, но был уверен — это люди Озокана. И. И, значит, они охотятся за мной.

Боль в теле была так сильна, что я едва поднялся на ноги. Первые неуверенные шаги были для меня пыткой. Верно, меня избаловала и изнежила жизнь Вольного Купца, вот и трудно стало работать в условиях дискомфорта. Но все-таки я снова шел, хотя туман вокруг был такой, что казалось, будто я попал в охотничью паутину краба-паука с Тайдити.

Вода уже пресытила землю и свободно бежала ручьями по ее поверхности. Время от времени я наклонялся и пил, не думая о том, что в ней могут быть какие-нибудь вредные для меня элементы. Зато еды не было никакой, и воспоминания о жирной пище, которую я так неохотно ел (Когда это было? Простой ночью? Две ночи назад?), преследовали меня, разрастаясь в воображении до авакианского банкета с его двадцатью пятью церемониальными блюдами. Немного погодя, я нарвал листьев с кустарника и стал жевать их, выплевывая мякоть.

Время теперь не имело значения. Сколько дней осталось позади, я не знал и знать не хотел.

Ярость дождя утихала. В небе что-то слабо засветилось, но это не было еще светом.

Свет? Внезапно я понял, что упрямо иду к свету. Не к желтым фонарям крепости или Ирджара...

Лунообразный шар... серебристый, зовущий... Только там был такой фонарь... рампа... Последний предупреждающий шепот в глубине сознания быстро растаял... лунный шар...

МАЙЛИН

Глава 7

По воле Моластера у меня есть власть Певиды и все, что с нею связано: дальновидность, всестороннее зрение, растягивание колец. Иногда это отягчает жизнь, когда внутреннее желание входит во внутреннее противоречие со всем этим. Если так случается, желание Майлин идет насмарку. Я желала только одного: оставаться на ярмарке со своим маленьким народом, а проснулась от первого ночного сна, поняв, что пришел властный зов, хотя не знала, откуда и от кого. Я услышала, как скулил и хныкал мой народец — сильное принуждение задевает его, рождая недовольство и страх.

Моя первая мысль была о моих подопечных. Я накинула плащ и пошла, водя жезлом вверх и вниз, чтобы привлечь их внимание и прогнать страх. Когда я приблизилась к тому месту, где мы положили барска, я увидела животное, стоящее на ногах. Оно, чуть опустило голову, как бы готовясь к прыжку, глаза горели желтым огнем, в них вселилось безумие.

— Послание, — Малик подошел ко мне.

— Да, — согласилась я, — но не от Древних. Если они не посылали запрос власти, то этот ответ не им, а мне!

Он серьезно посмотрел на меня и сделал жест, частично отрицающий мои слова. Мы были кровными родственниками, хотя и не близкими, и Малик не всегда был одного мнения со мной. Он часто предостерегал меня от того, что считал безрассудством. Однако он не мог не верить Певиде, которая говорит, что получила сообщение, и теперь ждал. Я же взяла жезл в ладони и стала медленно поворачивать: теперь мой маленький народ успокоился, так как страху был поставлен заслон. Я направляла жезл на север, юг, запад — он не двигался в слабом захвате моей руки. Но когда я повернула его на восток, он сам по себе выпрямился, указывая точное направление, и стал горячим, требовательным, и я сказала Малику:

— С меня требуется долг, расплата.

При требовании долга нельзя колебаться: то, что дается и

берется, должно быть уравновешено на весах Моластера. Для Певицы это еще более справедливо, потому что только так власть питает и хранит вспыхнувший свет.

— А как насчет чужезвездца и Озокана, которые составляли темные планы? — спросила я.

— Озокан может заявить о кровном родстве с Ослафом, который... — Малик слегка замялся.

— Который был избран по храмовому жребию представлять Лордов в трибунале ярмарки в этом году. И не говорил ли также чужезвездец Слэфид о другом родственнике Озокане, об Окоре, капитане стражи? Но все-таки никому не позволено ломать все законы и обычаи.

Моя уверенность угасла, потому что Малик слишком быстро согласился со мной. Я видела, что он смущен, хотя и не опустил глаз. Он ведь был Тэсса, и между нами всегда были правда и откровенность. И я сказала:

— Есть что-то, чего я не знаю?

— Есть. Вскоре после полуденного гонга стражники забрали чужезвездца Крипа Ворланда по жалобе Отхельма, продавца животных. На отряд напали всадники из-за границ ярмарки. Произошла схватка, и чужезвездец исчез. Думают, что он вернулся к своим, поэтому глава жрецов приказал закрыть ларек Купцов и их самих удалить с ярмарки.

— И ты мне этого не сказал?!

Я не сердилась, разве что на себя: я не думала, что Озокан решится действовать. Мне нужно было бы лучше разобраться в нем и понять, что он из тех, кто готов на все и не думает о последствиях своих взбалмошных действий.

— Наиболее разумно предположить, что он вернулся к себе на корабль, — продолжал Малик. — Все знают, что Вольные Купцы держатся друг за друга и вряд ли верят в справедливость суда.

— Тогда это нас не касается, — чуть раздраженно сказала я. — Вернее, не касается Тэсса. Мы связаны клятвой не вмешиваться в дела равнинных жителей. Но это мой личный долг. И я прошу тебя по праву кровного родства найти капитана "Лидиса". Если Крипа Ворланда нет среди экипажа, расскажи ему обо всем, что произошло.

— Мы не получили ответа от Древних, — возразил он.

— Я беру это на себя и отвечу за это перед весами Моластера, — я докнула на жезл, и он засиял серебряным светом.

— Что ты хочешь делать? — спросил Малик, но я знала, что он уже угадал ответ.

— Я пойду искать то, что должна найти. Но для моего ухода должна быть уважительная причина: я не сомневаюсь, что

теперь за мной будут следить глаза и уши и каждый мой приход и уход будут отмечаться. Итак, — я медленно повернулась и посмотрела на клетки, — мы ставим их в фургон, я беру Борбу, Ворса, Тантаку, Симлу и ... — я показала на клетку барска, — этого. Мы скажем, что они больны и могут заразить остальных животных, поэтому я увожу их на некоторое время подальше.

— А этого зачем? — он указал на барска.

— Для него этот предлог самый подходящий. Может быть, на открытой местности его мозг вылечится и будет способным реагировать на прикосновения. А здесь все ему напоминает о прошлых мучениях.

Тень улыбки скользнула по губам Малика.

— Майлин, Майлин, ты все еще не отказалась от своей мечты? Все хочешь стать первой, единственной, кто принял барска в свою компанию?

— Я терпелива, и у меня сильная воля, — я тоже улыбнулась. — И я знаю, что БУДУ командовать барском. Не этим, так другим, не сегодня, так завтра!

Я знала, что он считает это безрассудством, но с теми, к кому приходит сообщение, никто не спорит, если это сообщение касается уплаты долга. Так что Малик впряг казов в ярмо фургона и помог мне разместить там тех, кого я выбрала, а клетку барска поставили отдельно и прикрыли экраном. Как ни истощено было это создание, оно следило за нами и рычало, когда мы приближались, мои же мысли были не в состоянии проникнуть в его сознание и подавить безумие.

Мы поели и послали Уджана за жрецом, который мог бы присмотреть за нашей палаткой, пока Малик пойдет по моему поручению на “Лидис”, а я отправлюсь на восток. Малик требовал, чтобы я подождала его возвращения, но во мне росло ощущение срочности дела, и я поняла, что ждать нельзя, нужно ехать. Я уже была уверена, что чужезвездца нет среди своих, что он где-то в другом месте и находится в страшной опасности, иначе бы послание о долге не свалилось на меня так неожиданно и без предупреждения.

Фургон шел не очень быстро, и мне приходилось сдерживать казов, пока мы были на виду у всех — нельзя было трясти моих “больных” животных, иначе у любого наблюдателя возникнуть подозрения. Всем моим существом мне хотелось двигаться быстрее, лететь, мчаться. Проехав последний ряд палаток, я пустила казов рысью. Меня могли спросить, куда я еду, хотя, очень осторожно, я и объяснила причину своей поездки жрецу и Уджану.

Те, кого я выбрала сопровождать меня, обладали более острым умом и большей агрессивностью, чем остальные. Борба

и Ворс — глассии из горных лесов: четырех пядей длиной, тонкие хвосты той же длины, что и тело, мех черный, как грозовая беззвездная ночь. У них длинные лапы с очень острыми когтями, которые они обычно прячут, но при случае выставляют, как лезвия мечей. Головы их увенчаны пучком серо-белых жестких волос, плотно прижатых к черепу, когда они готовятся к бою. По природе они любопытны и бесстрашны и открыто идут на врага куда крупнее их и часто оказываются победителями. Их редко видят в низинах, и поэтому сейчас они вполне могли сойти за редких и ценных животных, которых мы боимся потерять.

Тантака выглядела пострашней, чем была в действительности, хотя однажды она так разъярилась, что долго не могла успокоиться, и в драке показала такое проворство, которое трудно было в ней предположить. У нее было жирное тело с тупоносой мордой, маленькими закругленными ушами, и обрубок хвоста обычно прижимался к бедру. Она была вдвое шире глассии, с мощными лапами, так как ее любимая на воле пища пряталась под большими камнями, которые ей приходилось сталкивать, прежде чем пообедать. Ее желтоватый мех был так груб, что больше походил на перья, чем на волос. Она была некрасива, неуклюжа, гротескна и, когда участвовала в шоу, зрители диву давались, как такое, казалось бы нескладное животное, может откалывать трюки.

Симла была сродни барску, но ее шерсть была очень короткой и плотно прилегала к коже. Издали казалось, что у нее вообще нет шерсти, только голая расцвеченная кожа — по кремовому заду и бедрам расходились темно-коричневые полосы. Хвост был круглый и очень тонкий, как кнут. На ногах, казалось, совсем не было мышц, только шкура и кости, такой же выглядела и голова, так что были видны черепные швы. Симла была некрасива, как и Тантака, но в противоположность неуклюжей на вид Тантаке она производила впечатление быстрой и выносливой. Так оно и было, поэтому венессы издавна использовались для состязаний в беге.

Я почувствовала легкое недовольство своего мохнатого народа: они не понимали смысла этой поездки. Я передала и ощущение опасности, и они отозвались, каждый по своему. Как только мы потеряли ярмарку из виду, я повернула клетки таким образом, чтобы их обитатели могли видеть местность и руководствоваться своими чувствами. Ведь глаза их видели больше, чем наши, носы извлекали из ветра сведения, которые мы и не заметили бы, уши слышали то, что обычно мы не слышим, — и все эти достоинства были к моим услугам.

Симла была не в духе — не потому, что сидела со мной

рядом в лучах утреннего солнца, а из-за барска. Остальные не состояли с ним в близком родстве и не обращали на него внимания, как только поняли, что он не может им повредить. Но клану Симлы он был достаточно близок, она ощущала его присутствие, и я успокаивала ее, понимая, что безумие может вызвать панику.

На Екторе есть сумасшествие, при котором мозг либо спит, либо живет в хаосе. Про таких больных говорят, что их коснулась рука Умфры, первобытной власти. Такому больному никто не причинит зла. Их отдают под присмотр жрецов и отправляют далеко в горы, в нескую Долину. И воспоминания об этой Долине привело меня в содроганис. Нанести вред такому сумасшедшему или убить его значило принять в собственное тело болезнь, наподобие падучей. Так считают жители равнин.

Но если животные доходят до безумия, их убивают, и я думаю, так лучше, потому что на Белой Дороге нет ни страдания, ни печали. Они поднимаются к великой системе Моластера и остаются там под присмотром и уходом. Я боялась, что с барском мне придется поступить таким же образом, но, насколько могла, оттягивала этот последний шаг. Как сказал Малик, моим давним заветным желанием было присоединить редкого независимого скитальца к нашей группе. Возможно, я гордилась собственным могуществом и хотела приумножить ту небольшую славу, которой уже пользовалась как дрессировщица, хорошо умеющая работать с маленьким народом.

Мы переправились через реку вброд и не встретили на том берегу никого, кроме нескольких запоздалых ярмарочных фигляров. Им я из осторожности сказала, что только болезнь моих животных заставила меня покинуть дом. Но после полудня я свернула с дороги на тропу, также ведущую на восток, — во избежание ненужных встреч и вопросов.

Перед заходом солнца мы остановились на лужайке у ручья и разбили лагерь. Я распрягла казов, чтобы дать им попасть, а остальным разрешила побегать на воле. Они с удовольствием все обнюхали, полакали из ручья, но далеко не отходили. Барск остался в фургоне один.

Потом мои спутники наелись и легли спать. Все шло хорошо, и я смотрела, как встает луна. Третье кольцо проступало уже заметнее. Еще одна или две ночи — и оно засияет и пребудет в таком состоянии некоторое время. Жезл в моих руках вбирал ее свет и доводил его до ослепительного блеска. Мне страшно хотелось направить читающий луч, но я была одна, а такой читающий луч, образно выражаясь, должен выйти из тела, лучевая же связь так увлекает, что одному нелегко прийти в себя, и я побоялась. Но это желание снедало меня, и я

вынуждена была встать и походить взад и вперед, чтобы успокоить нервы. Потом я снова взяла жезл: он твердо показывал на восток.

Наконец, я решила воспользоваться К-Лак-Песней и призвать сон, ибо тело может взять верх над мозгом только в случае крайней необходимости. Певица рано познает искушение забыть, что тело обладает силой и может противиться. Итак, я спела четыре слова на пять тонов и открыла свой мозг для отдыха.

Я слышала чириканье и писк в траве и видела утренний туман. Я еще раз выпустила маленький народ, пока готовила еду и запрягала казов. Я накормила барска, и он спокойно лежал на своей подстилке. Прикосновение к мозгу показало, что он слабеет, возрастает летаргия, возможно, снедавшая его вчера ярость повредила ему. Но, размышляя я, так ли плоха эта слабость, если она дает мне возможность успокоить его и, если повезет, довести эти импульсы до нормального состояния. Но проба показала, что время для этого еще не настало и неизвестно, настанет ли вообще.

Мы снова двинулись в путь. Тропа, по которой мы ехали, становилась все трудней, и я опасалась, что вот-вот попадетсЯ такой участок, где фургон не проедет, и даже хотела вернуться поискать другую дорогу.

В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, и мы все это заметили. Это не было предупреждением о чем-то дурном, скорее предзнаменованием того, что могут дать Три Кольца человеку, открывшему свой ум их могуществу. В это время проявления смелости ограничиваются, впрочем смелости всегда не хватает, когда имеешь дело с властью.

Мы ехали среди холмов. Хотя местность была мне незнакома. Я знала, что в этом направлении лежали владения Осколда. Неужели у Озокана хватило бы ума привезти сюда пленника? Хотя слишком большая дерзость такого поступка, пожалуй, может сбить с толку: никто ведь не поверит, что он тайно привез пленника в центр отцовских владений. А если Оскольд и сам участвовал в этом? Тогда все принимает другую окраску: Осколд — человек умный и хитрый, и если он готов так грубо пренебречь законами и обычаями, значит, у него в резерве мощное оружие, способное смутить врага. Я вспомнила скрытую угрозу в словах чужезвездца Слэфиды, что о Тэсса известно больше, чем нужно для нашей безопасности. Я надеялась, что наше сообщение расшевелит Древних, заставит их принять контрмеры. Среди равнинных жителей всегда ходило о нас много слухов. Правда, мы жили здесь раньше их и когда-то были великим народом — как они понимают величие, —

прежде чем научились по-другому измерять могущество и величие. Мы тоже строили города, от которых теперь остались только разбросанные камни, наша история знала взлеты и падения. Либо люди прогрессируют, либо разрушают сами себя и погружаются в туманное начало. Волею Моластера мы прогрессируем по ту сторону материального, и для нас теперь эти ссоры и схватки новоприбывших то же самое, что суeta нашего маленького народа, да и надо сказать, маленький народ движим простыми нуждами и идет своим путем честно и открыто.

Весь день постоянного влияния Трех Колец мы ощущали на себе странное действие. Мой маленький народ выражал свое возбуждение криком, лаем или другими звуками, заменявшими ему речь. Один раз и барск подал голос, но это был печальный вой, полный душевной боли. Я послала мысленное желание спать — чтобы успокоить его. Симла предупредила меня, что к вечеру что-то случится. Я остановила фургон, вылезла и пошла пешком за ней по еще не побитой морозом траве и через кустарник на вершину холма, откуда была видна восточная дорога. По ней ехал отряд всадников под началом Озокана. Он ехал без обычной пышности, просто возглавлял небольшой отряд, не было ни знамен, ни горна, будто он хотел проехать по этим диким местам как можно незаметнее. Я проводила их взглядом и вернулась к фургону. Мои казы не горели желанием надрываться и шли ровным, неизменным шагом. В больших переходах они легко могли обогнать быстрых верховых животных, какие были у людей Озокана, но на рывок они были неспособны, и мне приходилось мириться с этим.

Ночью мы подъехали к холмам. Я спрятала фургон и пошла вперед, чтобы разведать дорогу. Я нашла только одну тропу, где мог пройти фургон, и она вела к тракту. Мне очень не хотелось снова ехать по нему: слишком уж открытое место, к тому же какому-нибудь Лорду может прийти в голову дурацкая мысль выставить пост. Я пустила Симлу, и она быстро нашла два поста с часовыми, выбранными за остроту зрения. Здесь могли не поверить моим причинам для столь далекого пути. Опасно это или нет, но я должна была этой ночью призвать власть, так как ехать наугад было явной глупостью.

Я послала Борбу и Ворса искать то, что нам нужно, — опасное и уединенное место не очень далеко от дороги. Они сначала побежали вдвоем, потом разделились. Борба нашла то, что требовалось. Фургон мог бы остановиться на некотором расстоянии от этого места, спрятанный кустарником и закиданный сверху травой. Казов я пустила пастись на лугу. Борба уселась на одного из них — не потому, что они могли бы заблудиться, а потому, что здесь было полно воды в озерке и росли

сочные плакены высотой по колено. Барска я погрузила в глубокий сон, а остальных взяла с собой. Мы поели из взятых мною запасов — телесная сила должна быть опорой силе мысли, которая мне понадобится, когда взойдет луна. Затем я выбрала стражей из своих спутников, и они послушно растаяли в темноте. Я, как могла, успокоила свои мысли, хотя Кольца противодействовали этому.

Я начертила жезлом защиту и повторила рисунок на ровном песке за озерком, отметив белыми камнями вершины деревьев. Лунный шар-лампу я поставила на камень, чтобы ее лучи освещали этот участок. Затем я запела песню защиты, глядя, как из моих камней поднимается по спирали видимая энергия. Потом я запела мольбу и закрыла глаза от внешнего мира, чтобы лучше видеть внутренний. Когда вызывают власть с таким слабым ощущением проводника, какое было сейчас у меня, то принимают все, что видят, не удерживая и не отбирая, а только запоминая кусочки и обрывки того, что позже можно собрать воедино. Так было и со мной: я как бы висела в воздухе над маленькой крепостью и смотрела мысленно внутрь.

Я увидела там Озокана, чужезвездца Крипа Ворланда и видела, что делали с чужезвездцем по приказу Озокана. На заре приехал вестник, Озокан и его люди оседлали животных и уехали.

Я не могла добраться мыслью до чужезвездца: между нами стоял барьер, который вообще-то я могла бы разрушить, но сейчас у меня не было времени, и, кроме того, я не решалась тратить силу — это могло мне дорого стоить. Я видела, что дух его силен и что победить его нелегко. Единственное, что я могла для него сделать, — оказать некоторое влияние на его путь, чтобы судьба помогала ему, а не мешала, хотя главные усилия должен был сделать он сам. Затем я вернулась.

Рассвело, и моя лунная лампа бледнела и гасла. Но теперь я получила ответ: никуда не двигаться, ждать здесь. Иной раз ждать бывает намного труднее. Прошел долгий день. Мы спали по очереди — мой народец и я. Мне страшно хотелось узнать, достаточно ли я помогла тому, кто находился в далекой крепости, но я хоть и Певица, да не из Древних, которые могут видеть и послать приказ на расстояние в полмира. Я заходила в фургон позаботиться о барске. Он проснулся, поел и попил, но только потому, что я заставила его. Мозг бедняги стал апатичным и не мог бы позаботиться о нуждах собственного тела, если бы я не поощряла его. Малик был прав, печально думала я, ничего не остается, как отпустить его на Белую Дорогу. Но я не могла пойти на это, словно надо мной висел какой-то приказ, которого я не понимала.

Пришла ночь, но луну закрывали тучи, сплетавшиеся в широкие сети, душившие звезды, — те солнца, что светят над неведомыми нам мирами. И я снова подумала о возможности побывать в чужих мирах, больше узнать обо всех чудесах драгоценных грез Моластера. И я тихонько пела, но не ВЕЛИКИЕ ПЕСНИ ВЛАСТИ, а те, что наполняют сердце, усиливают волю, питают дух. Звери мои собрались вокруг меня в темноте, и я успокаивала их сердца и отгоняла тяжелые мысли.

Перед рассветом разразилась гроза, так что заря не рассеяла гнетущий мрак, висевший над холмами. Мы нашли место под нависшей скалой и укрывались там, пока гром прокатывался по вершинам холмов. Я видела такие грозы в наших высоких землях, где жили Тэсса, но не так близко к равнинам. Мне было тепло от прижавшихся ко мне мохнатых тел, я тихонько напевала, чтобы им было спокойно, и радовалась, что это занятие действует и на меня успокоительно.

Наконец, гроза утихла. Ко мне пришло сообщение — неотчетливое послание, скорее, намек. Я пошла вместе с моим народцем к озерку, сняла с камня лунную лампу, которую уже захлестывала подымавшаяся вода, и спустилась в долину, где трава была не такой густой и обнажились камни. Я поставила на один из них лунную лампу и снова зажгла ее — для кого-то она будет как маяк. Я не знала еще для кого именно, но во мне росла уверенность, что тот, кого я хотела спасти, находится в достаточно трудном положении, несмотря на удачу, которую я для него плела.

Симла зарычала и вскочила, оскалив зубы. Борба и Ворс подняли головы, готовясь к бою, а Тантака раскачивалась, припав на передние лапы.

По склону карабкался человек. Я схватила его за плечо, напрягая силы, чтобы повернуть массивное тело. Лицо было в грязи, но я узнала того, кого и надеялась увидеть.

Чужезвездец вырвался от Озокана. Теперь я была готова заплатить свой долг — но как? Похоже, что он попал из огня в полымя. Мы находились на границе владений Осколда, где подчиняются его приказам. Крип Ворланд был в глубоком обмороке, что, возможно, было для него сейчас самое лучшее.

КРИП ВОРЛАНД

Глава 8

В ушах у меня звучала песня, низкая, монотонная, как ветер, который так редко ощущает на себе рожденный в космосе. Крип Ворланд умер в каком-то тайном месте, но теперь его

снова возвратили к жизни, соединив тело и дух воедино. Открыв глаза и оглядевшись, я увидел себя в странном обществе. Однако странность его не удивила меня, словно я и надеялся увидеть их всех — лицо девушки с серебряными волосами, выбивающимися из-под капюшона, мохнатые морды с блестящими глазами, внимательно поглядывающими вокруг.

— Вы — Майлин? — Голос мой удивил меня: это было хриплое карканье.

Она рассеянно кивнула и повернула голову, вглядываясь в даль, будто чего-то боялась. Все другие головы тоже повернулись и зарычали с низким рокотом, каждая на свой лад. Мое сонное довольство исчезло, проснулись опасения.

Она подняла руку, и жезл в ее пальцах засветился. Она осторожно прижала его к ладони другой руки. Без всякой помощи с ее стороны жезл повернулся и показал направление, в котором она смотрела.

Как бы по сигналу, мохнатые создания исчезли во мраке за пределами того освещенного места, где лежал я. Майлин снова подняла жезл и указала им на лампу, которая тут же погасла. Затем подошла ко мне. Ее плащ взметнулся, как крылья, и накрыл нас обоих.

— Тихо! — выдохнула она почти беззвучно. Я стал напряженно вслушиваться. Свист ветра, журчание воды где-то неподалеку, еще что-то похожее и больше ни звука — не считая биения моего сердца.

Мы ждали — не знаю, сколько времени, но, кажется, очень долго. Затем она сказала — может, мне, а, может, просто подумала вслух:

— Да. Они охотятся.

— За мной, — прошептал я, хотя, в сущности, в подтверждении не нуждался.

— Да. Слушай, — быстро продолжила она, — более, чем вероятно, что подчиненные Озокана ищут и идут с двух сторон. И, — она засмеялась, — я не знаю, как нам пробиться сквозь сеть, которую они для нас раскинули...

— Это же не твоя забота...

Кончики ее пальцев прижались к моим губам, крепко и спокойно.

— Это мой долг, человек со звездных путей, — и моя расплата, так говорят весы Моластера... весы Моластера, — повторила она и, помолчав, зашептала снова: — А если я дам тебе другую кожу, Крип Ворланд, чтобы обмануть врагов?

— Что ты имеешь в виду?

Хотя нас накрывал плащ, и под ним было темно, мне пока-

залось, что ее глаза искрятся морозным светом, подобно глазам зверя, отражающим свет факелов в ночи.

— Мой мозг принял ответ Моластера, — она выглядела смущенной своей откровенностью, и я видел, как она вздрогнула. — Но ведь ты не Тэсса... не Тэсса... — тихо протянула она и замолчала, но затем заговорила с прежней уверенностью: — будет так, как ты захочешь! Что решишь, то и будет! Так слушай, чужезвонец: я не думаю, что у нас есть хоть один шанс избежать тех, кто рыщет по этим холмам. Я читаю в их мыслях, что они хотят твоей смерти и убьют тебя сразу же, как только найдут.

— Не сомневаюсь, — сухо ответил я. — Хватит ли у тебя времени уйти отсюда? Хотя меня и не учили сражаться мечом, но...

Видимо, ей это показалось забавным — у нее вырвалось что-то вроде смешка.

— Храбрый, ох и храбрый звездный скиталец! Но мы еще не дошли до такой крайности. Есть другой путь, очень необычный, и ты, может быть, предпочтешь пасть от мечей Озокана, чем идти по нему.

Возможно, мне почудился вызов в том, что было всего лишь предупреждением, и я отвечал на ее слова:

— Покажи мне этот путь, если считаешь, что он спасет меня.

— Он состоит в том, что ты можешь обменяться телами...

— Что?! — Я хотел вскочить, но толкнул ее, и мы оба покатались по земле.

— Я не враг тебе, — ее руки уперлись мне в грудь, задев мои синяки и заставили меня поморщиться от боли. — Я сказала — другое тело, и именно это я имела в виду, Крип Ворланд!

— А как же мое собственное? — Я не мог поверить, что она гозорит серьезно.

— Люди Озокана возьмут его и станут о нем заботиться.

— Спасибо! — сказал я. — Значит, либо я потеряю жизнь в своем теле, либо они убьют мое тело и оставят мой дух в другом месте!

Полнейшая глупость того, что я сказал, заставила меня как-то истерично рассмеяться.

— Нет! — возразила Майлин и откинула плащ. Мы сидели друг против друга, и я видел ее лицо, но не мог понять его выражения, хотя поверил, что она говорила вполне серьезно и именно то, что думала. — Они не повредят твоему телу, если ты уйдешь из него. Они будут считать, что ты под плащом Умфры.

— Значит, они отпустят мое тело? — пошутил я. Мысли

мои были в беспорядке, поскольку в этой аванюре не было ничего реального по моим меркам. Я решил, что это один из тех ярких снов, которые иной раз посещают спящего и погружают его во внутреннее пробуждение, так что ему кажется, что он не спит, когда берет на себя невозможные подвиги. В таком реальном сне все кажется возможным.

— Твое тело не может остаться незанятым, потому что два духа меняются телами. Так и должно быть, чтобы потом снова мы могли взять твоё тело и произвести обратный обмен.

— Так они оставят его здесь? — продолжал я следовать этой фантастической линии.

— Нет, они отнесут его в храм Умфры. Мы пойдем следом за ними в Долину Забвения. Она отвернулась, и я почувствовал, что эти слова имеют для нас какое-то значение. Для меня же они не значили ничего.

— А где буду находиться я, когда мы пойдем за моим телом?

— В другом теле, возможно, даже более пригодном для того, что может произойти.

Конечно, это был сон. Я больше не спрашивал, не поинтересовался, что еще может случиться. Правда, я все это видел не во сне — и свой побег из крепости, который сложился так удивительно удачно, кошмарное путешествие по холмам и появление здесь. Может, и предшествующее тоже было сном — никто не похищал меня с ярмарки, я сплю себе спокойно на моей корабельной койке и все это вижу во сне. Во мне проснулось страстное любопытство: хотелось знать, как далеко заведет меня этот сон, какие новые удивительные события произойдут со мной.

— Пусть будет так, как ты хочешь, — сказал я и засмеялся, зная, что ничего не будет, когда я проснусь.

Она снова посмотрела на меня, и я опять увидел в ее глазах те же искры.

— Ты и в самом деле из сильной расы, звездный скиталец. А может, ты видел в космосе так много забытых дорог, что потерял способность удивляться тому, что может или должно случиться. Но тут дело не в том, чего желаю Я — это должно быть ТВОИМ ЖЕЛАНИЕМ.

— Пусть будет так, — во сне мне хотелось сделать ей приятное.

— Оставайся здесь и жди.

Она взяла меня за плечи и потянула назад, чтобы я лежал, как тогда, когда только что оказался в этой части сна. Я лежал и гадал, что будет. Может, я проснусь на “Лидисе”, на своей койке? Не все сны интересны слушателям, но этот сон так необычен, что, если я его вспомню, когда проснусь, я обяза-

тельно его расскажу. А пока я лежал на траве и смотрел в небо, вдыхая запахи лесной местности, слыша ветер и журчание воды.

Я закрыл глаза и захотел проснуться, но не мог: сон продолжался, такой же яркий и живой. Что-то зашевелилось рядом, я повернул голову и открыл глаза. Мохнатая голова пристально смотрела на меня. мех был черный, а торчащий вверх гребень — серый. Казалось, животное носит шлем из черного металла с серым пером, вроде тех, что носят морские бродяги на Ранкини.

Морские бродяги на Ранкини... мысли мои путались, плыли... но они явно не были частью сна — того или какого-нибудь другого. Я действительно БЫЛ на одном из плавучих торговых плотов и менял стальные наконечники гарпунов на жемчужины Аадаа. Ранкини, Тир, Горф — я знал эти миры. Я перебирал их в памяти, как бусины на нитке. Теперь они кружились... кружились... нет, это я кружился.

Память исчезла. И, наконец, закрыла все сознание.

*“Айе, айе беги на четырех ногах
Глубже вдыхай сорбжение ветра,
Будь мудрым и быстрым,
Сильным и справедливым.
Подними голову и приветствуй луну.
Волею Моластера и закона К' вита
Силы твои удвоятся.
Поднимайся выше в горы, бегун!
Приветствуй солнце после ночи,
Потому что это — заря твоего рождения!”*

Я открыл глаза и вскрикнул: мир исказился. Появились странные цвета, все предметы так изменились, что меня охватил ужас. И я услышал не свой крик, а какой-то испуганный вой.

— Не бойся, обмен прошел хорошо! Я могла только надеяться, но все прошло хорошо! Ты прошел через все и пришел к цели!

Не понятно, услышал ли я эти слова, или они сформировались в моем мозгу.

— Нет, нет! — я попытался издать тот вопль, который тщетно выбивали из меня люди Озокана, но у меня снова вырвалось что-то вроде лая.

— Чего ты боишься? — голос звучал удивленно, даже раздраженно. — Я же тебе сказала и опять повторяю, что обмен прошел прекрасно. И как раз вовремя: Симла говорит, что они идут. Лежи пока.

Лежать пока? Обмен? Я хотел поднести руку к все еще

кружащейся голове, но она не поднялась, хотя мышцы повиновались сигналам мозга. Я взглянул на нее — это была лапа, покрытая красным мехом, длинная и тонкая, прикрепленная к телу... Я был в этом теле? Нет, этого не может быть! Это неправда! Я дико боролся с кошмаром. Проснуться! Я должен проснуться! От такого сна человек может сойти с ума! Проснуться!

— Выпусти меня, — кричал я, как ребенок, запертый в темном, страшном чулане, но изо рта выходили не слова, а жалобный визг. Я смутно сознавал, что эта паника ведет меня в темноту, из которой я могу не вернуться совсем. И я боролся, как никогда раньше — не с внешним врагом, а с тем ужасом, который был пленен вместе со мной в этом чужом теле...

Я почувствовал мимолетное прикосновение к голове и увидел глаза, смотревшие на меня с кремовой остроконечной мордочки. Высунулся язык и лизнул меня.

Это прикосновение успокоило мои взволнованные чувства и каким-то образом отвело меня от бездны безумия. Я замигал, стараясь лучше разглядеть своего сотоварища, и нашел, что небольшая сосредоточенность меняет дело: искажение исчезло, исправилось. С каждой секундой я видел все яснее и яснее. Меня облизывали, и это принесло мне чувство комфорта.

Я решил встать. Меня качало из стороны в сторону: стоять на четырех ногах не то же самое, что на двух. Я поднял голову. Мой нос погрузился в запахи. Они так плотно набились в ноздри, что я не мог дышать. Однако я все-таки вздохнул воздух, и запахи начали приносить сообщения, которые я понимал только частично. Я старался передвигаться, как человек на четвереньках, и зашатался. Животное, которое лизало мне голову, прижалось ко мне плечом и поддерживало меня до тех пор, пока я не смог стоять, не качаясь. Мне еще надо было учиться видеть под новым углом зрения, но я никак не мог этого сделать, потому что позади началось волнение.

Животное у моего плеча зарычало, и я услышал ответное громохание из кустов чуть поодаль. В этом рычании так ясно слышалась угроза и опасность, что я поднял голову как можно выше, чтобы увидеть, кто там идет. Искажение оставалось, меня сбивало с толку искажение объема, и запахи брали верх над всем. Однако я сумел разглядеть Майлин, стоящую спиной к нам, длинные складки ее плаща тянулись по земле. Напротив нее стояла группа людей. Двое были верхом и держали на поводу казов, а трое — пешие, с блестящими мечами в руках. Я почувствовал, как мои губы оттянулись, обнажив зубы — бессознательная реакция на запах людей. Я теперь открыл, что у эмоций свой запах, и здесь чувствовалась ярость, жестокий

триумф и опасность. Рычание животного рядом со мной стало громче.

— Веди к нему! — сказал один из людей.

Бессмысленные, казались бы, звуки облекались в слова. Может, я читал их через мозг Майлин, которая не выражала ни удивления, ни страха.

— То, что вы оставили от него, лежит там, — она повернула голову, указывая глазами на то, что они искали. Кто-то сидел, вернее, полулежал на земле. С отвисшей губы стекала слюна. Я моргнул и плотно зажмурился, но когда снова открыл глаза, увидел то же самое. Кто из людей видел себя, не как в зеркале, а так, будто их тело живет отдельно от разума, от их сущности? Я счел бы такое немыслимым. И вот теперь стоял я на четырех лапах и смотрел чужими глазами на СЕБЯ!

Майлин подошла к этому полувалающемуся телу, взяла его за плечи и подняла. Но, похоже, моя оболочка была только оболочкой, которую ничто не воодушевляло. Она жила, эта шелуха, так как я видел поднимающуюся и опускающуюся грудь под рваной туникой. Когда Майлин поднимала его, он стонал. Я зарычал: один из меченосцев остановился и уставился на меня.

— Спокойно, Джорт, — раздалось в моем мозгу слова Майлин, и я угадал, что она сказала это мне, а не тому волочащемуся существу, которое она, наконец, поставила на ноги и поддерживала, потому что оно явно собиралось упасть. Люди смотрели на странное, бессмысленное, неохотнодвигающееся создание.

— Ваша работа, оруженосцы? — спросила их Майлин. — Таким оно пришло ко мне. А вы знаете, кто я.

По-видимому, они знали и глядели на нее с опаской и даже со страхом. Я увидел, что двое сделали жест, как бы отгоняя дурную судьбу.

— Итак, я возлагаю ваш долг на вас, — она внимательно смотрела на них, — люди Осколда. Это существо под плащом Умфры, вы не отрицаете этого?

Один за другим они неохотно кивнули. Меченосцы вложили мечи в ножны.

— Тогда делайте с ним то, что полагается.

Они переглянулись, и я подумал, что они станут возражать.

Но даже если бы они и были склонны к этому, манеры Майлин подавили протесты. Один из них подвел каза и привязал к его спине существо, которое больше не было человеком. Затем они повернули на юг.

— Что это? Почему так? — из моего рта вырвалось только твяканье, но Майлин, видимо, читала мои мысли. Как только

воины уехали, она быстро подошла, встала передо мной на колени, взяла в руки мою голову и сказала, глядя мне в глаза:

— Наш план сработал, Крип Ворланд. Теперь дадим им немного отъехать и поедem следом.

— Что это? — я старался думать, а не издавать звериные звуки. — Что со мной сделали и зачем?

Она снова поглядела мне в глаза, и ее поза выражала недоумение.

— Я сделала то, что ты пожелал, звездный скиталец, я дала тебе новое тело и постаралась спасти старое, чтобы ты не истек кровью под ударами их мечей. Итак, — она медленно покачала головой, — ты не верил, что это можно сделать, хотя и дал свое согласие, однако дело сделано и теперь лежит на весах Моластера.

— А мое... то тело — я получу его обратно? И кто я теперь?

Она ответила сначала на второй вопрос. Тут была лужица, в темноте напоминающая блюдце с водой. Майлин взяла меня за загривок, подвела к луже и провела над ней жезлом. Вода успокоилась, и я посмотрел в нее, как в зеркало. Я увидел голову животного с густой гривой между ушами, сбегающие вниз плечи, красный с золотым отливом мех.

— Барск!

— Да, барск, — сказала она. — А твое тело — они обязаны взять его и поместить в убежище, иначе рано или поздно встретятся с темными силами. Мы пойдем за ними, и, оказавшись в Долине Забвенья, будем спасены от Осколда. Это ведь люди Осколда, которые в этой местности были бы смертельно опасны для тебя, будь ты еще в своей прежней коже. Спасшись от Осколда, ты снова можешь стать самим собой и пойти, куда захочешь.

Она говорила правду. Она знала. Я уцепился за последнюю ниточку надежды.

— Это сон, — сказал я себе, а не ей.

Ее глаза снова встретились с моими, и в них было то, что оборвало эту нить.

— Не сон, звездный странник, не сон, — она встала. — А теперь поедem, но не слишком быстро, чтобы никто ничего не заподозрил. Осколд не дурак, и я думаю, это Озокан своим безрассудством толкнул отца на такую глупость. Я спасла тебя единственным способом, который я знаю, Крип Ворланд, хотя по твоему это плохо.

Я пошел за нею из ложбины, как преданное животное, потому что обнаружил, что, хотя в теле барска живет человеческая сущность, я теперь настроился на новый лад в соответствии с формой, которую носил, и смотрел на мир уже более

правильно. Те четверо, что шли со мной, были не слугами, идущими за хозяйкой, а чем-то большим — спутниками разных пород, пребывающими в союзе с той, которая понимала их, и они полностью ей доверяли.

Мы подошли к одному из фургонов, которые я видел тогда, в палатке с клетками. Мои спутники доверчиво подошли, прыгнули в фургон, открыли лапами неплотно прикрытые дверцы клеток и улеглись там. Я остался на земле и зарычал. Клетка... Я был в этот момент больше человеком, чем животным, с меня достаточно было клетки в башне Озокана.

— Ладно, Джорт, — Майлин мягко улыбнулась, — так я тебя назвала, потому что на древнем языке это означает: “Тот, кто является большим, чем кажется”, и было прославлено как боевое имя Мембера Итхэмена, когда он выступил против Ночных Волков. Я тебе расскажу об этом нашем герое.

Меньше всего на свете мне хотелось слушать фольклор Ектора теперь, когда я слепо ехал в будущее, казавшееся таким далеким, что только с усилием воли мог думать о нем. Однако я сел рядом с Майлин и изучал мир новыми глазами, которые все еще приносили мне странные сведения.

Потом я начал понимать, что в желании Майлин рассказать было не только намерение отвлечь мои мысли от бедственного положения, она мысленно говорила, и способность моего мозга воспринимать становилась полнее и крепче. Возможно, те тепепатические возможности, которыми я пользовался в человеческом теле, все еще работали. Надо сказать, что я оценил ее рассказ. Речь шла о Екторе, но не о сегодняшнем, а о древнем, о куда более сложной цивилизации, некогда укоренившейся здесь. Тэсса были ее последними представителями. Многое из того, что она говорила, лежало за пределами моего понимания; упоминания о незнакомых событиях и людях вызывали во мне желание пройти в воображаемые двери и увидеть то, что лежало за ними.

Фургон шел не по тропе, а более открытым путем через дикую местность. Мы были у восточных склонов ряда холмов, которые составляли барьер между владениями Осколда и равнинами Ирджара. Но возвращаться в порт в моем теперешнем обличье я совершенно не желал. Майлин продолжала уверять меня, что наша окончательная цель — таинственное убежище среди высоких холмов, куда отнесут мое тело. Она объяснила мне, что по местным верованиям умственные расстройства вызываются некими силами, такие люди становятся священными, и их надо помещать как можно скорее под опеку жрецов, умеющих о них заботиться. Но мы не могли подойти слишком близко к этому месту, чтобы люди Осколда не заподозрили

какой-то хитрости — она говорила мне об этом и раньше. Наконец, я спросил:

— А каким образом ты сделала меня барском?

Она помолчала, а когда заговорила снова, ее мысли были настороженными и отчужденными.

— Я сделала это, хотя давно дала клятву этого не делать. За это я отвечу в другое время, в другом месте, перед теми, кто имеет право требовать ответа.

— Зачем же ты сделала это?

— На мне лежал долг, — ответила она еще более отчужденно. — Моя вина, что ты попал в такое положение, и я должна была уравновесить чаши весов.

— Но при чем тут ты? Это дело рук продавца животных... Я тоже виновата. Я знала, что у тебя есть враг, а может, и не один, и не предупредила тебя. Я считала, что дела других не касаются Тэсса. Я за это должна отвечать.

— Враг?

— Да.

И она рассказала, как Озокан приходил к ней с человеком с корабля Синдиката, Геком Слэфидом, и уговаривал ее завлечь Вольного Купца в раскинутые ими сети. Хотя она открыто не поступила по их желанию, но ее любопытство послужило их целям. С этого началась цепь событий, приведших к моему похищению.

— Это неправда. Это была случайность, пока...

— Пока я не соткала для тебя лунную паутину? — перебила она. — Ах, теперь тебе это кажется величайшим вмешательством. Но, возможно, когда будущее откроется перед нами, а потом станет прошлым, ты найдешь, что я сделала для тебя то, что принадлежит только Тэсса.

Она замолчала, и я почувствовал, что ее мысли ушли за барьер, через который я не мог пройти. Телом она сидела здесь, но глаза смотрели внутрь, она исчезла, и я не мог последовать за ней.

Казы беззаботно шли вперед, словно в их мозг были вложены директивы, которым они следовали, как навигатор по карте, с постоянной скоростью. Над нами сияло жаркое солнце. Я стал изучать свое новое тело, к которому пока не вполне привык — наверное, потому, что все еще не мог внутренне поверить в случившееся.

Глава 9

Мы ехали так два дня, останавливаясь на ночлег в укромных уголках. Я начал привыкать к своему телу и нашел, что у него

есть некоторые преимущества. Тот, кто путешествует на четырех лапах и смотрит на мир глазами животного, быстро усваивает уроки. Майлин время от времени впадала в состояние обструкции, но в промежутках много рассказывала — то легенды, то о своей скитальческой жизни. Я обратил внимание, что она редко упоминала о своем народе в настоящем времени, а больше говорила о прошлом. Я задавал ей вопросы, но она легко и ловко избегала ответа. Я пытался поставить ей ловушку, но, думаю, она знала о моих намерениях и ускользала. На третье утро, когда мы залезли в фургон, она слегка нахмурилась.

— Теперь мы входим в страну деревень и людей. Возможно, нам придется обратиться к мастерству маленького народа.

— Ты имеешь в виду — давать представления?

— Да. Дорога в Долину одна, здесь нет обходных путей. И мы сможем узнать кое-что о тех, кто проходил тут перед нами.

Мысль, что мое тело ехало впереди, приводила меня почти в шоковое состояние. Это ощущение трудно выразить словами. Майлин все время успокаивала меня, утверждая, что те, кто везет это безмозглое существо, будут бережно хранить в нем искру жизни, потому что в их суеверном представлении всякая небрежность будет иметь роковые последствия для них.

— Я тоже буду участвовать в вашем спектакле?

— Если захочешь, — она ласково улыбнулась. — Если ты согласен, то на твою долю придется очень большая часть, потому что, насколько мне известно, — а мне известно немало — никто еще не показывал барска.

— Но ты мечтала показать.

— Да, я мечтала.

— А что случилось с разумом...

— Того, чье тело ты сейчас носишь? Он поврежден. Еще день-два, и я должна была бы из сострадания послать его по Белой Дороге.

— Значит, ты делала такие обмены и раньше? — прямо подошел я к тому, что давно пытался узнать.

— У каждого свои секреты, Крип Ворланд, — она посмотрела на меня. — Я же сказала тебе: это мое бремя, и не тебе, а мне придется отвечать за то, что случилось.

— И ты будешь отвечать?

— Буду. Теперь давай посмотрим на то, что перед нами. По этой дороге мы в середине дня приедем в Им-Син.

Мы были ниже уровня дорожной насыпи, и казы повернули вверх. Майлин продолжала:

— В Им-Сине есть храм Умфры. Мы там остановимся и, если удастся, узнаем о людях Осколда, хотя они могли про-

ехать и другой дорогой, с западной стороны гор. В эту ночь мы дадим представление, так что подумаем, чем барск может ошеломить мир.

Я охотно согласился с ее планами, так как целиком зависел от нее. Управляет кораблем тот, кто знает это дело. И мы принялись работать над представлением, чтобы я выглядел как хорошо дрессированный зверь. Когда мы подъехали к полям, уже убранным, и спустились с холмов, Майлин остановилась. Я сошел со своего места рядом с ней и пошел в клетку, такую же, как и у остальной компании.

Животные дремали, двое по природе были ночными, а Тан-така была ленива, когда была сыта. Я увидел, что мое новое тело имело свои привычки, которые тут же проявились: я свернулся, уткнул нос в хвост и уснул, а фургон покатился дальше.

Запахи изменились, стали острыми, бьющими в нос. Я услышал речь, будто вокруг фургона собралась толпа.

Слышались пронзительные голоса детей. Видимо, мы в Им-Сине.

Это была деревня фермеров, с двумя гостиницами и храмом-приютом для тех, кого отправляли в Долину. Часто те, кто имел там родственников, приезжали посмотреть на них. Все знали, что иногда жрецы Умфры делали чудеса — не все, попавшие сюда, были безнадежно больными.

Поля были малы и небогаты, но зато выращивался крупный виноград. Лендлордов здесь в окрестностях не было, были только судебные приставы и надсмотрщики в двух башнях у дороги, по которой мы ехали.

Я пытался понять, что кричат люди, но они говорили на местном диалекте, а не на языке ирджарских купцов. Вспомнив об Ирджаре, я задумался. Хотел бы я знать, что случилось там после моего похищения. Обратился ли капитан Фосс к начальству ярмарки? Надо полагать, кто-то из авторитетов ярмарки или их подчиненных участвовал в моем исчезновении, иначе оно вряд ли произошло бы. И что они сделали с Лалферном? Тоже захватили или убили? Почему я был настолько важен, что они пошли на такой риск? Ведь Озокан должен был знать, что я просто не могу выдать ему то, что он хочет. И Фосс тоже не может выкупить меня за требуемую цену. Майлин потянула за одну ниточку, которая могла бы привести к клубку, — участие в игре Гека Слэфиды. Но война не на жизнь, а на смерть между Вольными Купцами и Синдикатом ушла в прошлое. Почему она ожила снова? Я читал все записи прошлых лет, когда борьба была жестокой и переносилась с планеты на планету. Теперь же Синдикат имел дело, в основном, с внутренними планетами и иной раз впутывался в

их политику — когда с пользой для себя, а когда и с убытком. Но что могло их интересовать на Екторе?

Фургон поехал к стоянке. Запах, вернее сказать, вонь для носа барска стала гуще. Я выглянул из-за занавески на окружающее. Но теперь я носил шкуру того, о смертельной опасности кого ходили легенды. Борба и Ворс тоже выглянули из клеток. Симла проскулила приветствие, на которое мои голосовые связки ответили октавой ниже. Их мысли отрывочно доходили до меня.

— Марш-марш...

— Стук-стук... — Это Тантака.

— Вверх-вниз...

Они предвкушали свое участие в представлении. Видимо, они рассматривали свою работу на сцене как развлечение и радовались.

— Много запахов, — постарался я ответить.

— Марш-марш, — хором сказали глассии. — Хорошо!

Их легкие вскрикивания слились в один пронзительный писк.

— Пища, — ворчала Тантака, — под камнями пища, — она фыркнула и снова задремала.

— Бегать, — задумчиво размышляла Симла. — Бегать по полям хорошо. Охотиться — хорошо! Мы вместе охотимся...

Инстинкт моего тела ответил ей:

— Охотиться — хорошо! — и я был с этим согласен.

Майлин открыла заднее полотнище фургона и влезла внутрь. Мужчина из жителей равнин, одетый в черную мантию с перекрещивающимися белыми с желтыми штрихами на спине и груди, подошел к ней, улыбнулся и зашебетал что-то на деревенском диалекте, но через мозг Майлин смысл его слов доходил и до меня.

— Нам очень повезло, Госпожа, что ты выбрала для посещения именно этот сезон. Хороший был урожай, и люди хотят устроить праздник благодарения. Старший Брат скажет, когда для этого будет подходящее время. Он откроет для тебя Западный Двор и оплатит все издержки, так что твой маленький народ сможет порадовать нас всех своей ловкостью.

— Старший Брат и впрямь принес счастье и могущество этой благословенной деревне, — отвечала Майлин с легкой грустью. — Но позволит ли он выпустить маленьких артистов — им нужно побегать и размять лапы?

— Конечно, Госпожа, в чем бы ты ни нуждалась, позови кого-нибудь из Братьев третьего ранга и они будут служить тебе, — он поднял руку.

В пальцах его были зажаты две дощечки из дерева, и когда он глухо щелкнул ими, у задней стороны фургона показались

две головы. Коротко остриженные волосы и выжженное на лбу изображение руки Умфры говорили о том, что это жрецы, хотя еще и мальчишки. Они широко улыбались и, по-видимому, были очень рады служить Майлин. Она открыла клетку Симлы. Кремовая венесса выскочила наружу и, пока Майлин надевала на нее красивый ошейник, радостно помахивала хвостом. Остальных тоже нарядили и выпустили из клеток.

Похоже, животные были давними друзьями молодых жрецов: жрецы здоровались с ними, называя каждого по имени, да так серьезно, что становилось ясно, что маленький народ — нечто большее, чем просто животные. Затем Майлин протянула руку к щеколде моей клетки. Старший жрец шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть меня.

— У тебя, Госпожа, новый мохнатый друг?

— Да. Иди сюда, Джорт.

Когда я прошел через открытую дверь, жрец вытаращил глаза и прошептал:

— Барск!

Майлин одевала на меня ошейник, сшитый ею на последнем привале, — черная полоса с рассыпанными по ней сверкающими звездами.

— Барск, — ответила она.

— Но ведь... — жрец был ошеломлен.

Майлин выпрямилась, все еще касаясь моей головы.

— Старший Брат, ты знаешь меня и моих маленьких созданий. Это действительно барск, но он более не пожиратель плоти и не охотник, а наш товарищ, как и все, путешествующие со мной.

Он смотрел то на нее, то на меня.

— Ты вправду из тех, кто делает необычные вещи, Госпожа, но это удивительнее всего — чтобы барск пошел по твоему зову, позволил тебе положить руку ему на голову и ты дала ему имя и приняла в свою компанию. Но раз ты говоришь, что он больше не встанет на путь зла, каким идет его род, люди поверят тебе, потому что таланты Тэсса, как законы Умфры, постоянны и неизменны.

Он посторонился, чтобы мы с Майлин вышли из фургона. Молодые жрецы держались в стороне, их изумление выражалось еще более открыто, чем у их начальника. Они пригласили нас пройти вперед.

Другие животные подбежали к нам. Симла дружески лизнула меня в шею и пошла рядом со мной. Мы вышли со двора, где стоял фургон, через двухстворчатые ворота в другое отгороженное место. Там была мостовая из черного с желтыми прожилками камня. Двор был пуст, только вдоль стен, куда не

доходила мостовая, тянулись виноградные лозы и деревья, слева бил фонтан, вода которого лилась в каменный бассейн.

Одно из животных бросилось к бассейну и стало лакать воду. Я последовал его примеру. Вода была холодная и очень вкусная. Тантака сунула в бассейн не только свою тупую морду, но и передние лапы и зашлепала ими, разбрызгивая воду во все стороны.

Я сел и огляделся вокруг. В другом конце двора были три широкие ступени, которые вели к портику с колоннами. Дверь была покрыта искусной резьбой с вытянутым рисунком, которого я не разобрал. Это был вход в здание, вероятно, в центральную часть храма. Во всей стене не было ни одного окна, только резные панели из чередующегося белого и желтого камня оживляли черноту стен.

Майлин командовала мальчиками-жрецами, которые принесли из фургонов несколько ящиков и поставили у ступеней. Я заметил, что жрецы продолжали поглядывать на меня с некоторым страхом. Когда они закончили, Майлин со словами благодарности отпустила их и села на нижнюю ступеньку. Я немедленно подбежал к ней.

— Ну?

У меня была только одна мысль: узнала ли она что-нибудь о людях Осколда и о том, что они везли с собой.

Майлин взяла в руки мою голову и повернула, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Согласись, звездный странник, что я хорошо знаю пути народа Ектора. У них есть правила, которые они не нарушают, даже когда им нечего опасаться. Можно надеяться, что Осколд и его люди ЭТОМУ правилу не изменят и тем или иным путем принесут в Долину то, что принадлежит тебе.

— Ах, Госпожа, значит, это правда? — раздался голос позади, и я вздрогнул, потому что впервые “услышал” слова, которые до сего принимал лишь через посредство Майлин. Я вскочил и невольно зарычал, посмотрев наверх, на ступени.

Там стоял мужчина в мантии жреца. Он был стар, чуть согбен и опирался на посох, который был скорее официальным жезлом, потому что почти доходил до его лысого черепа. В его улыбке были мягкость и сострадание.

— Ты действительно сотворила чудо, — он спустился на одну ступеньку и взял Майлин под руку, приглашая подняться. Отчуждение, которое всегда было между Майлин и равнинными жителями, исчезло, в ее тоне звучала почтительность, когда она ответила:

— Да, Старейший Брат, я привезла барска. Джорт, покажи свои манеры.

Это был первый из трюков, которые мы отработали, и он

был показан стражу храма: я трижды поклонился и твякнул низким голосом. По-прежнему улыбаясь, жрец вежливо поклонился мне.

— Да будут с тобой любовь и забота Умфры, Брат с Верхних Дорог, — сказал он.

У Вольных Купцов мало верований, и мы редко выражаем их, даже в своем кругу. Для присяги кораблю, при выборе постоянного спутника жизни, при усыновлении ребенка у нас были клятвы и были силы, к мудрости которых мы зывали. Я думаю, каждый разумный человек признает, что есть что-то, ЧТО ЛЕЖИТ ВЫШЕ. Иначе он рано или поздно погибнет от своих внутренних страхов и сомнений, превысивших выносливость его духа. Мы уважаем чужих богов, потому что они — искаженные человеком образы того, кто стоит за непрозрачным окном в неизвестное. И теперь в этом человеке, посвятившем свою жизнь служению такому богу, я увидел того, кто близко подошел к Великой Истине, как он ее понимал. Вероятно, это и была истина, хотя и не та, в которую верил мой народ. Я забыл, что на мне шкура зверя, и склонил голову, как сделал бы это перед тем, кого глубоко уважал.

Когда я поднял голову и взглянул на его лицо еще раз, я увидел, что улыбка исчезла, он внимательно смотрел на меня как на что-то новое, захватывающее. Как бы про себя он сказал:

— Что мы знаем о барске? Очень мало и, в основном, плохое, потому что смотрим на него сквозь экран страха. Возможно, здесь мы узнаем больше.

— Мой маленький народ совсем не похож на своих диких собратьев, — быстро ответила Майлин, и я понял ее недовольство и предупреждение.

Я залаял, поймал насекомое, жужжащее над моей головой, по бежал к другим животным, к бассейну, надеясь этим исправить свою ошибку.

Майлин осталась с жрецом. Их тихий разговор не доходил до моих ушей, потому что она оборвала мысленный контакт со мной, и это мне не нравилось, но я не осмеливался подслушивать каким-нибудь иным способом.

Ранним вечером мы дали представление для всех жителей деревни, которые могли поместиться во дворе, а затем повторили еще раз, для остальных. Порттик храма служил нам эстрадой, мальчики-жрецы помогали Майлин сделать нужную бутафорию. Они делали это с таким умением, что я догадался — им это не впервые. Но я не знал, зачем Майлин приезжала сюда раньше.

Действия спектакля были менее отработаны, чем те, которые вся труппа показывала на ярмарке. Теперь в барабан била

одна Тантака, а Борба и Ворс маршировали и танцевали. Сим-ла прыгала на задних лапах по серии наклонных брусьев, лаем отвечала на вопросы публики и играла на маленьком музыкальном инструменте, нажимая передними лапками на широкие клавиши. Я вставал на задние лапы, кланялся и делал другие маленькие трюки, которые мы запланировали. Я думаю, одного моего появления было бы достаточно, потому что крестьяне были поражены и испуганы. Я все больше и больше удивлялся страшной репутации хозяина моего тела.

Когда представление было закончено, мы вернулись в свои клетки, и на этот раз я не протестовал против такого дома. Я совсем вымотался, словно весь день работал, как человек.

Я узнал, что сон барска не похож на человеческий. Барск спит не всю ночь подряд, а сериями коротких дрем, в промежутках я лежал, бодрствующий и бдительный, энергично узнавая носом и ушами обо всем, что происходит за занавеской фургона. Во время одного такого пробуждения я услышал движение в передней части фургона, где спала Майлин в плохую погоду или когда по каким-нибудь причинам нельзя было спать на воле. Щеколда моей клетки не была закрыта. Я открыл дверцу и вышел, хотя знал, что в деревне это делать опасно. Я обнюхал дверь и заглянул в щель.

Майлин сидела на кровати, скрестив ноги и закрыв глаза. Похоже, она спала, но тело ее качалось взад и вперед, как бы в такт музыке, которую я не слышал. Читать в ее мыслях я не мог, так как натолкнулся на плотный барьер, как человек с разбега налетает на стену. Ее губы были полураскрыты, из них выходил слабый шипящий звук. Поет? Я, правда, не был уверен, песня ли это или какое-то заклинание, а то и жалоба. Ее руки лежали на коленях, серебряная палочка образовала мост между ее указательными пальцами, из него выходили слабые лучи света.

Воздух вокруг меня был как бы наэлектризован. Моя грива стала жесткой и поднялась дыбом, шкура вздрогнула и закололо в носу. У нас, корабельных людей, был свой род энергии, но мы никогда не отрицали, что в других мирах есть такие виды энергии, которые мы не понимаем и не можем контролировать, поскольку искусство такого рода было прирожденным, а не выученным.

Это была как раз такая энергия, но я не знал, призывает ли Майлин ее к себе или посылает куда-то. В эту минуту я отчетливо понял, насколько Майлин чужая, гораздо более чужая, чем я думал.

Она замолчала, электризация воздуха начала убывать. Наконец, Майлин со вздохом опустила голову, встрепелась, как

бы просыпаясь, легла и положила потускневшую теперь палочку под голову. Свет исчез. Я был уверен, что Майлин спит.

Утром мы выехали из Им-Сина, провожаемые добрыми пожеланиями жителей и просьбами приезжать еще. Мы поехали по дороге, все время поднимающейся вверх. Это были уже не холмы, а горы. Воздух был холодный, и Майлин надела плащ. Когда я сел на свое место рядом с ней, я заметил, что моя толстая шкура не нуждается в дополнительной одежде. Запахи возбуждали, и я почувствовал сильное желание соскочить со своего места и бежать поросшими лесом склонами в поисках чего-то.

— Мы въезжаем в страну барсков, — с улыбкой сказала Майлин, — но я не советовала бы тебе, Джорт, знакомиться с ними, потому что, хотя здесь родина некоторой части тебя, ты быстро окажешься в невыгодном положении.

— Почему все так удивлены, что в твоей группе находится барск? — спросил я.

— Потому что барска знают только с одной стороны. Это звучит загадочно, но, видимо, так и есть. Немногочисленные жители высоких склонов — кроме Тэсса — убивают барска, который, в свою очередь, терпеливо и ловко преследует их. О барске есть множество легенд, его наделяют такой же силой, какую приписывают Тэсса. Многие люди жаждут иметь барска в клетке только для того, чтобы узнать, действительно ли он либо вырывается на свободу и потом мстит людям и скоту, либо умирает по своей воле. Дело в том, что барск не терпит никакого ограничения своей свободы. Дух, который жил в твоём теле, как раз и желал умереть, когда произошел обмен.

— А если это ему удастся? — я вздрогнул.

— Нет, — твердо сказала Майлин, — он не может. При обмене ему поставлены ограничения. Твое тело не умрет, Крип Ворланд, оно не будет пустой оболочкой, когда мы его найдем. А теперь, — перешла она к другой теме, — тут есть сторожевой пост Юлтревена. Но большая часть людей собирает урожай на склонах гор. Нас не задержат, но лучше, если часовой увидит тебя в клетке.

Я неохотно отправился в клетку. Майлин обменивалась приветствиями с двумя вооруженными людьми, вышедшими из небольшого домика у дороги. Один из них приподнял заднее полотнище фургона и заглянул внутрь. Я забился в глубину клетки, чтобы он меня не заметил, и снова подумал, что они знают Майлин, что она бывала здесь.

Мы еще раз остановились на ночлег на открытом месте, Майлин сварила котелок какого-то супа, от которого шел такой соблазнительный запах, что мы все собрались у костра и жадно

принюхивались. Должен признаться, что я лакал свою порцию далеко не с лучшими манерами, как это делал бы настоящий барск.

Во время дневного путешествия меня томило ожидание, так как мы были уже близки к цели. Но когда я устроился на ночь в своей клетке — Майлин по каким-то причинам считала, что так безопасней, чем вне фургона, — я немедленно уснул и на этот раз спал, не просыпаясь.

С первыми лучами солнца мы встали, утолили голод чем-то вроде хрустящего печенья с кусочками сушеного мяса, и фургон тронулся. Дорога стала еще круче, так что казы с видимым усилием налегали на упряжь. Мы остановились и дали им отдохнуть, а Майлин положила под колеса небольшие грузы, чтобы фургон не скатился назад. Мы не остановились для настоящего полдника, а снова перекусили печеньем с водой. Ближе к вечеру мы достигли вершины горы. Теперь дорога пошла вниз между двумя холмами. То, что лежало внизу, скрывалось в тумане. Время от времени туман расходился и создавалось неопределенное впечатление бездны.

— Долина, — сказала Майлин сухим, лишенным эмоций голосом. — Оставайтесь в фургоне, нам надо точно придерживаться дороги. Тут есть барьеры и охрана, которую не так просто увидеть. — Она подала команду казам, и фургон полз вниз, в таинственный туман.

МАЙЛИН

Глава 10

“Смотри незамутненными глазами на свои желания”, — говорили Древние в кругу Тэсса. Можно не сомневаться, что все их мысли светлы, мотивы открыты, и они движимы каким-то скрытым побуждением, как мой маленький народ повинуется моему жезлу, когда мне нужно поднять их энергию. Не проснулось ли мое скрытое желание, когда я оставила Ирджар, честно говоря себе и Малику, что я только повинуюсь закону Весов? Если так, то оно действительно было глубоко скрыто. Может быть, это вспышка жизни, после того, как я нарушила клятву и пересадила чужезвездца из его тела в тело барска, и это действие посеяло семена?

Может, кто-то из нас считает некоторые указания Моластера слишком далекими от нашего понимания? Для Древних такой аргумент — святотатство, они считают, что каждый ответствен за свои действия, хотя иногда они и принимают во

внимание мотивы наших действий, если эти мотивы достаточно сильны.

Но мысль уже была близка к осуществлению в Им-Сине, я это знала, однако отказалась от нее. Когда жрец Окин разговаривал со мной наедине, он сообщил мне плохие известия и оставил меня обдумывать это в отчаянии и бессильной ярости. И когда мы поехали к Долине, где было похоронено столько надежд, я все время боролась с искушением, хотя и не могла поверить, что ничего не может быть хуже.

В то время мне очень тяжело было думать о положении Крипа Ворланда, и я решила, что, как только мы найдем то, что он ищет, я быстро произведу обмен, чтобы обмануть этот соблазн. Но я сама не могла думать о том, кто находится здесь, и чьи дни явно сочтены.

Мы спустились в Долину сквозь холодный туман, в ту ее часть, где принимали прибывших. Я отвечала на вопросы чужезвездца так кратко, как только могла, потому что все время боролась с собой. Перед восходом солнца мы въехали во внешний двор главного храма, предназначенный для посетителей. Стражник-жрец подошел и поздоровался с нами. Я знала его в лицо, но не помнила имени, — иногда бывает нечто вроде милосердного забвения — этот человек приветствовал меня здесь в разных обстоятельствах, о которых я старалась не вспоминать. Я попросила разрешения поговорить с Оркамуром, но мне сказали, что он занят и не может принять меня. Мы поставили фургон во второй двор, я распрягла казов и накормила свой маленький народ. Крип Ворланд мысленно задавал мне вопросы, на некоторые я не могла ответить. Мы зажигали в фургоне лунные лампы, когда пришел жрец третьего ранга и сказал, что Оркамур хочет меня видеть. Крип Ворланд выразил желание пойти со мной. Он думал только о том, чтобы найти свое тело и воссоединиться с ним. Но я сказала, что должна подготовить Оркамура к тому, что случилось, и осторожно объяснить все, чтобы наша история не показалась ему диким бредом. Чужезвездец согласился.

Не окрепла ли во мне вера, что я нуждаюсь только в одном действии, и тогда большая часть груза, который я так давно несу, отпадет? Если это так, то я еще имела мужество сопротивляться. Оркамур не молод, ноша его тяжела и с годами не уменьшается. Он не похож на Тэсса с их стройными долговечными телами. Каждый раз, когда я вижу его, он кажется еще более сморщенным, призрачным. Однако в нем горит такое сильное пламя воли и жажды откликаться на нужду, что дух его возрос, в то время как плотская оболочка ссохлась. С первой

же минуты видишь только дух, а не одевавшую его человеческую форму.

— Добро пожаловать, сестра! — его голос сегодня был усталым и тонким, как флейта.

Я наклонила голову над своим жезлом. Мало кому Тэсса выражает такое же полное почтение, как своим Древним. Но Оркамур заслужил признательность всего Ектора. Я сделала три знака жезлом.

— Старый Брат, мир и благо тебе!

— Мир и благо тебе, — на этот раз его голос прозвучал глубже, сильнее, он как бы победил усталость воли. — Однако между нами не нужны успокаивающие слова, сестра. Я не могу сказать тебе, что все идет хорошо.

— Я знаю. Я проезжала через Им-Син.

— Надо ли было проезжать, сестра? Ты ничего не сможешь сделать, а иной раз, когда смотришь на обломки крушения, все прошлые печали охватывают сердце. Лучше вспоминать живого в расцвете сил, чем без расцвета и без зрелости.

Мои руки сжались на жезле, и я знала, что Оркамур видит это, но с ним я не стала остерегаться, в свое время он видывал и худшую потерю самообладания.

— Я пришла по другому делу, — решительно перевела я разговор. — Это ...

Я быстро рассказала Оркамур о чужезвездце. Это можно было сделать, потому что Оркамур был тем, кем был, и он не нашел бы в моих действиях ничего такого, что уронило бы меня в его глазах. Жрецы Умфры и Тэсса ближе друг к другу, чем мы и жители равнин.

Когда я замолчала, он посмотрел на меня без большого удивления и сказал:

— Путь Тэсса — не путь человеческого рода.

— Я и сама знаю! — вырвалось у меня. Все, что я вытерпела, пока ехала от Им-Сина, сказалось в этом резком ответе. Я тут же начала просить прощения, но он отмахнулся.

— Ты должна была подумать о цене, прежде чем это сделать, сестра. Ваши не легко смотрят на такое. Разве цена чужезвездца выше твоей?

— Это был долг.

— За который он не должен был бы требовать с тебя оплаты, знай он все последствия. А теперь я должен сказать: люди Осколда ничего не приносили.

— Может быть, — я не очень огорчилась, — они сначала вернулись к Осколду за решением? Хотя фургон идет медленно, мы ехали коротким путем.

— А что, если его не принесут, сестра?

Я взглянула на жезл, который вертела в руке.

— Они же не могут.

— Ты надеешься, что они не могут, — поправил он меня. — Из всего, что ты рассказала, ясно, что Озокан поправил Закон ярмарки, захватив человека. Он впутал и своего отца, когда запер пленника в пограничный форт. За пленником охотились люди, носящие цвета Осколда, чтобы убить его в твоём лагере. Возможно, они собирались спрятать тело, и пусть потом враги доказывают преступление. Ты не подумала бы об этом на месте Озокана?

— Если бы я была с мозгом жителя равнин — подумала бы. Но тот, кто был...

— Кто был под плащом Умфра? — Оркамуру не надо было читать в моем мозгу, чтобы продолжить мою мысль. — Если человек нарушил один закон, ему легче нарушить и другой.

— На ярмарке они нарушают человеческие законы. Но осмелятся ли они нарушить законы Умфры?

— Ты рассуждаешь, как Тэсса, — сказал он уже более мягко, как говорят с чужими. — У вас немного Уставных слов, и ваши смертные правила так надежны, что редко оказываются под угрозой. Только, сестра, как насчет своих собственных действий под Луной Трех Колец?

— Да, я нарушила закон, я за это отвечу. Возможно, основания для действия перевесят само действие. Ты знаешь суд моего народа.

— Однако ты нарушила Закон с открытыми глазами и не из страха за себя. Страх — великий бич, которым силы мрака мучают людей. Если страх очень велик, ему не могут противостоять ни человеческие, ни божеские законы. Я кое-что слышал об Осколде. Он сильный, но грубый человек. У него один наследник — Озокан, и это погибель для юноши, потому что отец слишком его балует. Как ты думаешь, Осколд спокойно примет объявление его сына вне закона?

— Но как он надеется скрыть...

— Люди могут сказать о том, что они знают, но ведь нужно еще доказать сказанное. Полным доказательством злого дела Озокана является тело чужезвездца.

— Нет!

Конечно, я должна была бы об этом подумать, какая я была слепая!

— Сестра, чего ты хочешь на самом деле? — он снова коснулся моего мозга и увидел то, что я не желала ясно видеть сама.

— Я клянусь... дыханием Моластера клянусь, я не... — я оборвала бормотание и снова овладела собой.

Оркамур спокойно смотрел на меня, и правда, или то, что теперь было правдой, стало ясной для нас обоих.

— И ты думала, сестра, что такое может быть? Говорю тебе, не тело делает человека, а то, что живет в нем. Нельзя заполнить пустой каркас и ожидать, что в нем оживет прошлое и все будет, как раньше. Многие могут сделать Тэсса, но вернуть жизнь умершему не могут и они.

— Я не думала об этом, — я отрицала мысль, ранее скрытую, а теперь ясно видимую в моем мозгу. — Я спасла жизнь чужезвездцу — они безжалостно убили бы его.

— И что он выбрал, когда ему разъяснили?

— Жизнь. В Последнем Вопросе в большей части цепляются за жизнь.

— И ты теперь хочешь предложить ему новую жизнь в новых условиях?

— Я могла бы, это нетрудно. Крип Ворланд был просто убит, когда осознал себя Джортом. Будет ли он колебаться снова обрести человеческое, если будет доказано, что его собственное тело нельзя вернуть? Нельзя вернуть... — я сжалась против искушения. — Я не сделаю такого предложения, пока не буду уверена, что все пропало.

— Но ты скажешь ему об этом сейчас?

— Скажу только, что его тело еще не прибыло в Долину. Это ведь правда?

— Мы всегда должны полагаться на милосердие Умфры. Я отправлю посланца на западную дорогу. Если они в пути, мы будем готовы. Если нет — могут быть какие-то известия.

— Спасибо, Старейший Брат. Можно мне...

— Хочешь ли ты этого на самом деле, сестра? — доброта и великое сострадание снова согрели его голос.

Какое-то время я не могла решиться. Возможно, Оркамур был прав — мне не следует смотреть на того, один вид которого терзает мое сердце. Я откажусь пройти эти несколько шагов до внутренней комнаты, до нее далеко, как до звезд, которые знал Крип Ворланд. Крип Ворланд, если бы я знала, смогу ли я выдержать свое решение, отогнать желания?

— Сейчас не могу сказать, — прошептала я.

Оркамур поднял руку для благословения.

— Ты права, сестра. Может быть, Умфа вооружит тебя своей силой. Я пошлю гонца, спи спокойно.

Спи спокойно! Хорошее пожелание, но не для меня, подумала я, возвращаясь к фургону. Чужезвездец ждет известий. Часть правды — это все, что я могу ему предложить. Возможно, остальное было неправдой, а только предположением, может, посланец Оркамура встретит отряд, который мы искали,

и все будет правильно — по крайней мере, для Крипа Ворланда. В этом мире многое правильно для одних и неправильно для других. Я должна отогнать такие мысли.

Я была права насчет чужезвездца и его вопросов. Он был вне себя от горя, от того что отряд Осколда еще не прибыл, и лишь чуть успокоился, узнав о посланце. Я побоялась слишком долго мысленно разговаривать, чтобы каким-нибудь образом не выдать то, что я узнала о самой себе. Так что я сослалась на усталость, пошла к своей постели и долго лежала, слушала, как он сопит и вертится в своей клетке.

Жрец на вершине храмовой башни возвестил приход зари. Я слушала пение, которое, как власть Тэсса, таило в себе власть их рода. В этом месте, где печаль и отчаяние лежали на всем, как черное покрывало, слуга Умфры пел о надежде, о мире и сострадании. И этим пением осветился и мой собственный день.

Я выпустила маленький народ во двор, и два жреца третьего ранга с улыбками принесли нам пищи и воды. Крип Ворланд сидел рядом со мной и каждый раз, когда мой взгляд обращался к нему, я видела, что его глаза следят за каждым моим движением, как будто таким пристальным наблюдением он пытался поймать меня в ловушку. Почему я так подумала? Такие мысли из неоткуда несут зародыши истины.

— Крип Ворланд, — имя “Джорт” могло, как мне казалось, усилить его подозрительность. Он должен думать о себе как о человеке, лишь временно живущем в теле барска. — Сегодня, возможно...

— Сегодня! — жадно подхватил он. — Майлин, ты бывала здесь раньше?

— Два раза. — Что развязало мне язык и заставило сказать правду? — Здесь живет тот, кто считается моим родственником.

— Тэсса? — он, казалось, удивился, и я поняла, что он смотрит на мою расу с тем же страхом, какой питали к Тэсса жители равнин.

— Тэсса, — сказала я горько, — такие же люди, как и все. Мы истекаем кровью, когда кто-нибудь поднимет против нас нож или меч, мы страдаем многими болезнями, мы умираем. Не думаешь ли ты, что мы недосыгаемы для того, что мучит других людей?

— Возможно, по дороге я так и думал, — согласился он, — хотя должен был бы знать, что это не так. Но то, что я видел у Тэсса, позволяло мне думать, что они не похожи на остальных на Екторе.

— Есть опасности, грозящие только нам одним. Наверное,

и у тебя есть такие же, специально для твоего народа. Чужезвездцы встречаются с опасностями?

— Их больше, чем я могу рассказать. Но твой родственник — тот, который получил убежище здесь, — зачем ему это? Ведь он может...

— Нет, — прервала я. Объяснить, почему он под покровом Умфры, я не могла. Это слишком близко касалось плачевного состояния самого Крипа Ворланда.

Те из нас, кто становился Певцом, должны были подвергаться определенным испытаниям, которые показывали, есть у нас такой талант или нет. Маквэд пострадал как раз в то время, но не по своей воле, а от несчастного случая, которыми наугад стреляет судьба. Мы передали то, что еще оставалось живым, в руки Умфры — не потому, что боялись, как большинство равнинных жителей, помешанных, а потому что знали: здесь будут бережно обращаться с жизнью, которая осталась в его оболочке. Ведь у Тэсса теперь не было своего дома.

Когда-то мы имели свои дома и города. Затем выбрали другую дорогу, и отпала необходимость требовать определенного места для жизни клана. Древние оставались в тайных местах, где мы собирались на Совет или Дни Помилования. Мы скитались по своей воле и жили в наших фургонах. И заботиться о таких, как Маквэд, нам было нелегко. Он был не первым, кого мы доверили Умфре. К счастью, таких было немного.

— Когда мы узнаем насчет...

Я очнулась от своих мыслей.

— Как только вернется посланный. Пойдем, я должна представить тебя Оркамуру.

— Он знает?

— Я сказала ему, так как это было необходимо.

Человек в теле барска встал не сразу. Я с удивлением прочитала его эмоции, которые не поняла: стыд. Это было так чуждо любому Тэсса, что мое удивление росло.

— Почему у тебя такое ощущение?

— Я человек, а не барск. Ты видишь во мне человека, а этот жрец — нет.

Я все еще не могла понять. Была та минута, когда двоим кажется, что они отбросили особенности своего происхождения, но их тянет в разные стороны их прошлое.

— Для некоторых на Екторе это может иметь значение, но не для Оркамура.

— Почему?

— Ты думаешь, что один в этом мире носишь шкуру, бегаешь и изучаешь воздух длинным носом?

— Ты... ты делала это?

— И я, и другие. Слушай, Крип Ворланд, до того, как я стала Певницей, способной дружить с маленьким народом, я тоже бегала по холмам в различных телах. Это входит в наше обучение. Оркамур знает об этом, как и те, кого мы посетили недавно. Мы иной раз обмениваемся знаниями. Видишь, я сказала тебе то, что ты можешь повернуть против Тэсса, подбросив это как головню в собранный урожай.

— И ты — ТЫ была животным?

Это было первым шоком в его мыслях, но затем, поскольку он был умным человеком и с более открытым мозгом, чем у привязанных к планете, он добавил:

— Но это действительно путь к обучению!

Я почувствовала, что часть его недовольства исчезла, и подумала, что мне надо было сказать ему об этом раньше. Теперь же я сказала потому, что это могло понадобиться: вполне может случиться, что опасения Оркамур сбудутся. Но Крип Ворланд не должен знать сейчас, что случилось с Маквэдом, не должен видеть его.

Через внутренний зал храма мы вышли в садик, где Оркамур давал отдых своему хилому телу. Он сидел здесь в кресле из дерева храта, глубоко врытом в землю, чтобы дерево снова ожило и пустило ветви, защищающие сидевшего от ветра. Этот садик был местом глубокого мира и покоя, в чем нуждался тот, кто его создал. Оркамур приходил сюда не только для обновления духа, но и для приема тех, для кого свет померк с тех пор, как любимые ими попали под покров Умфры. Здесь присутствовала сила, которую мы все называем по-разному и которая на расстоянии внушает страх, даже ужас, так как очень редко она поднимается утешающей рукой над страдающими. А тут было именно так, и всем, кто входил сюда, становилось легче.

Оркамур повернул голову и посмотрел на нас. Его улыбка больше, чем слова, сказала, что он рад нам. Мы подошли и остановились рядом с ним.

— Настал новый день, чтобы мы записали на него желаемое, — повторил он сентенцию из вероучения Умфры. — Справедливая запись извлечет из наслучшее, — он повернулся к Крипу Ворланду: — Брат, Ектор дает тебе большее, чем записано на эти дни.

— Да, мысленно ответил чужеземец.

Оркамур знал внутренний язык. Без этого он не мог бы быть тем, кем был.

Всякому человеку дано учиться всю жизнь, и учению этому нет границ. Но он может отказаться от знания и тем отрезать себя от многого. Я никогда не разговаривал с чужезземцем.

— Мы — как все другие люди. Мы мудры и глупы, добры и злы, живем по закону или нарушаем его. Мы истекаем кровью от ран, смеемся шуткам, кричим от боли — не так ли ведут себя люди во всех мирах?

— Справедливо. И, может быть, еще более справедливо для того, кто, как ты, повидал много миров и имеет возможность сравнивать. Не согласишься ли ты поговорить с привязанным к планете стариком и рассказать ему что-нибудь о том, что лежит над нашим небом и граничит со звездами?

Оркамур не смотрел на меня, но я поняла, что он хочет меня отпустить. Почему он хотел остаться наедине с чужезвездцем, я не знала, и это меня смущало. Но я вышла, так как не думала, что в Оркамуре есть хоть что-то вредное. Вполне возможно, что им действительно руководило только любопытство. Он был далек от мира в своем призвании и временами забывал, что он тоже человек, с человеческими интересами.

Я собралась, наконец, с духом и сделала то, на что не решилась прошлой ночью: повидала Маквэда. Говорить об этом мне не хочется. Возобновлять в памяти печали прошлого и переживать их снова — тяжелое бесполезное дело. И я снова удивлялась, сколько делается здесь для безнадежных.

В полдень я снова пришла во двор, где оставила фургон. Маленький народ дремал в тени, но тут же вскочил и подбежал ко мне. Крипа Ворланда с ними не было. Я удивилась: неужели Оркамур разговаривал с ним все утро? Ведь у него были срочные нелегкие обязанности. Я подозвала одного из жрецов, которые приносили нам пищу, но он не видел барска и сказал, что Оркамур в комнате для медитаций, где его нельзя беспокоить. Я встревожилась. Хотя жрецы Умфры не поднимают руку ни на одно живое существо, но здесь были и другие люди, которые могли бездумно, отреагировать на неожиданное появление животного. Я вернулась в фургон, когда подошел второй жрец и хмуρο сказал:

— Госпожа, пришло послание с западной дороги, посланное с птицей. Те, кого ты ищешь не проходили городские ворота.

Я машинально поблагодарила, но лишь малая часть моего мозга отозвалась на его слова. Все мои мысли были заняты исчезновением барска.

— Барск, — начала я, хотя почему, собственно, жрец, не занимающийся материальными делами храма, должен знать о моих животных?

— Он был здесь. Я недавно его видел. Он шел с Братом Офхедом, и я обратил на это внимание, потому что никогда не думал, что барск может идти с человеком.

— Когда это было, Брат?

— Удара за два до полудня. Гонг прозвучал, когда я уже пошел искать тебя.

Как давно! Я мысленно поговорила с Симлой. С некоторым возбуждением она коротко твякнула и бросилась к воротам.

— Похоже на то, Брат, что мой барск удрал куда-то. Я должна его найти.

Я предупреждала Крипа Ворланда еще до того, как мы вошли в Долину, о ловушках, в которые может попасть тот, кто не знает местности или останавливается на открытых местах. Я никак не могла догадаться, почему он ушел из храма. Сомнительно, чтобы он решился на такую глупость в результате разговора с Оркаурумом. Симла легко могла бы найти его по следу, но барск мог уйти за это время далеко — конечно, если по пути он не попадет ни в какую западню.

Мы с Симлой дошли до внешних ворот. Меня окликнули, я нетерпеливо повернулась и увидела молодого жреца с гостевого двора.

— Госпожа, говорят, ты ищешь барска?

— Да.

— Он не мог далеко уйти, он пил из бассейна, когда пришло послание. Странное дело... — он замаялся. — Можно подумать, что барск слушал наш разговор. Когда я это заметил, он залаял, а когда я снова обернулся, его уже не было.

Мог ли чужеземец понять их? Жрецы говорят между собой на высоком языке, в основном, ментообменном. В их разговоре иногда бывают два-три слова, а все остальное мысленно.

— О чем вы говорили, когда он подслушал?

— Старший Брат спросил, где ты, — жрец отвел глаза. — Мы... мы немного поговорили о нашем пациенте. Затем Старший Брат сказал, что ты ждешь тех, кто должен принести пораженного ударом, но они так и не появились.

Неужели он бросился искать свое тело? Но почему он не пришел ко мне?

КРИП ВОРЛАНД

Глава 11

Я лежал на земле, и вокруг пахло землей, растениями, корнями, жизнью. Запах был густой, навязчивый. Не знаю, далеко ли я отошел от Долины. Я лежал и лизал израненные лапы. Сейчас я был больше Джортом, чем Крипом Ворландом.

Человек? Был ли вообще человек, звавшийся некогда Крипом Ворландом? Жрецы Умфры сказали, что с территории

Осколда не выходил отряд с пустой скорлупой от человека. Зачем же тогда меня привезли в Долину? Какой цели должен был я служить, каким желаниям — Майлин или моим? Когда я услышал, о чем говорили между собой жрецы, во мне вспыхнуло подозрение, и я по-новому взглянул на беседу с Оркамуром в саду. Мы говорили о внешних мирах, но, в основном, он хотел знать о людях, вышедших из этих миров, о том, что они делали до того, как стали звездными скитальцами. Мне казалось, что он пытается понять, как я рискнул превратиться в барска ради спасения своей жизни, — вроде, я сделал шагтуда, откуда мог не вернуться, вроде бы, я принял такую судьбу на веки вечные.

Когда Майлин заговорила об обмене, в ее словах была логика. Она знала опасность, о! она прекрасно знала ее, ведь жрецы, которых я подслушал, говорили не только о моем без вести пропавшем теле, но также рассуждали о Майлин и о том, что неоднократно приводило ее в Долину. Был другой, который бегал в зверином теле — возможно, по ее приказу. И обратного обмена сделано не было. И человеческая оболочка жила теперь в Долине, а о теле животного жрецы не упоминали. Может, этот несчастный сидит теперь в клетке среди ее маленького народа? Это удивительно дрессированная труппа — может, все они или большинство из них были мужчинами и женщинами, а не животными? Не таким ли способом Тэсса набирали животных? Возможно, и то название, которое они давали своим превращенным — маленкий народ, — полностью соответствовало истине? Ей давно хотелось присоединить барска к труппе, она сама признавалась. И я попался в ее ловушку с наивной доверчивостью ребенка. Может, она подсыпала на меня какой-то силой, когда мой мозг был смущен и растерян? Но сейчас важно не то, что случилось и чего нельзя изменить, а то, что еще можно сделать. Где мое тело, мое человеческое тело? Живо ли оно вообще? Я должен найти его, обыскав земли Осколда. Правда, я не имел никакого представления о том, что я буду с ним делать, если найду, но горячее желание найти его захватило меня вопреки разуму и логике. Возможно, я был уже не в своем уме.

Теперь меня донимали голод и жажда. Я учуял запахи фермы, человека. Я встал, вздрогнул от боли в лапах и стал пробираться между кустами. Наверное, теперь во мне было больше от животного: человеческое знание было бы помехой в моем охотничьем мастерстве. В тусклом двойном свете я скользил от тени к тени вдоль стены из небрежно сложенных камней, мои ноздри улавливали и классифицировали сведения.

Мясо... С языка закапала слюна, в брюхе заурчала пустота. Запах мяса.

Я скорчился в кустах, заглядывая в открытый двор фермы. Там стоял каз, переступая тяжелыми ногами, были также четыре форса — домашние животные, длинная шерсть которых шла на изготовление зимней одежды, прочной и очень теплой. Они недовольно поворачивали длинные шеи, изгибали головы под странным углом и поглядывали на стену. Один из форсов глупо и тревожно закричал: если я унюхал его, то и он, по всей вероятности, узнал о моем присутствии. Но ни одного из них я не мог утащить, они были в полтора раза больше меня. Довольно близко от моего укрытия бродила птица с длинными ногами и острым клювом, который все время что-то склевывал с земли. Птица приближалась ко мне и, видимо, не чувствовала опасности. Я выскочил из-за куста и схватил ее. Птица завертелась с такой скоростью, какой я от нее не ожидал, и больно клюнула меня, едва ли не лишив глаза. Только быстрое отступление спасло меня от новой атаки, и я отскочил, понимая, что легко мог лишиться зрения. По всей вероятности, барски были достаточно хитрыми охотниками, но я-то не был барском. Животные подняли шум, и я поспешно убежал довольно далеко, прежде чем болевшие лапы и утомленные легкие заставили меня остановиться.

В моем новом теле ночь не ослепила меня. Я видел в темноте, как днем: вероятно, ночь и была днем для барска. Перед рассветом я жадно съел, конечно, не как лакомство, какое-то змееподобное существо, которое извлек из щели между корнями в русле ручья. Затем я отыскал дупло в поваленном дереве, забрался в него и уснул, просыпаясь время от времени, чтобы лизать лапы в надежде, что они смогут нести меня дальше. Я решил, что лучше перенести путешествие с дневного времени, когда меня могут увидеть, на ночь, что было более естественно для барска. Я дремал в дневные часы и ковылял дальше, когда всходила луна.

Три кольца вокруг лунного диска ярко сияли в эту ночь. Я поднял голову и, не успев сдержать порыв, завыл низким воем, который был как бы эхом звучавшего во мне крика. Этот крик был не просто приветствием, обращенным к небесному страннику. Было что-то в этом удивительном зрелище, привлекающем и удерживающем взгляд, и я понимал, почему жители Ектора приписывают этому феномену психическую силу.

Луна Трех Колец означала могущество, власть, но я жаждал только одной власти — той, что вернет мне мое тело. Я вернулся к ручью и снова принялся за охоту — несколько более успешно, потому что на этот раз напал на теплокровное

животное, пришедшее на водопой. Я пировал как Джорт, отгнав на время еды человеческую память. Затем я вдоволь напился и принялся осматриваться, ища дорогу, вдоль которой следовало идти.

Я пошел по тропе, ведущей с востока на запад через лес, потому что кустарник вдоль главной дороги кончился и осталось открытое пространство. Земля Осколда не была густо заселена, по крайней мере, в этой части. До наступления зари я прошел мимо второй крепости, такой же, как и та, где я сидел, только при этой был поселок. Это был лагерь с бараками для тех, кого не могли вместить стены. С восточной стороны расхаживали часовые, и было привязано несколько рядов верховых казов. Мне показалось, что силы Осколда были в полной боевой готовности, как бы ожидая вторжения врага. Я прошел довольно близко от одного каза. Он принялся и заорал, его собратья подхватили вопль. Люди закричали и осветили фонарями хижины. Я поспешно юркнул назад.

Если внешние границы области были пустырем, нетронутым плугом, то в той местности, куда вела меня дорога, было небезлюдно, и разумно было идти ночью, а не днем. Миновав лагерь, я дошел до деревни и прошмыгнул через поля. Урожай почти по всей стране был убран. Когда я крался мимо фермы, меня испугало тявканье охотничьей собаки, в котором прозвучало предупреждение. Другие животные подняли тревогу и всполошили всю деревню, и я опять увидел свет фонарей, услышал крики людей и дикий лай собак.

Реакция населения Им-Сина и слова Майлин уверили меня, что барск — редкое и опасное животное. Допустим, меня увидят или какой-нибудь фермер спустит собак на странного нарушителя границ. Что тогда? Идти в густо населенную местность равносильно самоубийству. Я ходил в чаще и выбирал место для дневного сна, слыша скулеж в собственных мыслях. Но ведь где-то в землях Осколда был ответ на вопрос о судьбе моего тела, и я ДОЛЖЕН знать его!

Наученный горьким опытом, я не рискнул охотиться в фермерских дворах. Но дикой жизни было мало, она была пуглива, и поиски пищи привели меня, наконец, к огороженному полю. В эту ночь на небе не сверкали Кольца, все было затянуто тучами. Это придавало мне храбрости еще раз попытаться завладеть домашней скотиной.

На поле были фоду. Я уже знал, что Майлин везла с собой их сушеное мясо, они были достаточно малы. Вероятно, у них и тантаки были когда-то общие предки, но одомашнивание и направленное размножение сделали их толще, более коротконогими и явно более глупыми. Для меня было только одно

затруднение: они спали, сбившись в кучу, и все стадо вместе могло испортить мне охоту.

Я крался вдоль стены, осторожно пригнувшись, не пахнет ли собака, но пролетевший ветерок донес до меня только запах спящих фоду. Если бы у меня был напарник, все было бы очень просто: один пошел бы по ветру и спугнул животных в ожидающие зубы партнера. В конце-концов я решил, что мое лучшее оружие — быстрота, и побежал по ветру. Долго ждать не пришлось: куча спящих зафыркала, распалась, заворчала. Я кинулся на визжащее животное, схватил его и поднял, несмотря на сопротивление. Перебраться через стену с таким грузом было нелегко, но голод — лучший помощник, и я утащил добычу в кучу камней на берегу, которая могла служить мне крепостью, хотя и я не думал, что меня станут осаждать.

Я утолил голод, а затем из осторожности прошел вниз по ручью, чтобы запутать следы, по которым ограбленный фермер может спустить собак. Через ручеек был перекинут мостик, и под его аркой я вышел на берег и вылизал воду из шерсти.

Занимаясь этим, я услышал глухой стук копыт. Я неподвижно скорчился в темноте. Стук копыт слышался с двух сторон, и скорость, с которой всадники ехали навстречу друг другу, говорила о том, что они спешат. Я подумал, что они проедут близко от меня, и прислушался: слова, которыми они перекричатся, смогут объяснить их спешку.

Топот замедлился, видимо, оба всадника придержали своих казов. Я приподнял голову, прячась у края моста, надеясь услышать что-нибудь важное. Я не знал никаких диалектов, кроме ирджарского, но мысли жрецов Умфры для меня были так же ясны, как слова на базике. Однако теперь трудно было рассчитывать на такую удачу.

Всадники остановились. Я услышал тяжелое дыхание казов и звуки человеческих голосов. Но слова были лишь бессмысленной серией звуков, как любая человеческая речь показалась бы настоящему барску. Я сильно напряг способности эспера, чтобы подслушать мысли.

“... посылает на помощь...”

Удивление, некоторая горечь.

“... осмелится, после этого... осмелится!”

Отчаяние, интенсивное, как мозговой удар.

“Напрасно, наш лорд вернул человека... предложил выкуп. Больше он ничего не может сделать”.

Эмоции двоих на мосту были так сильны, что их отрывочные мысли становились все яснее для меня.

“...бежать... надо бежать...”

“Сумасшествие! Нашему лорду уже противоречат в Совете

и из Ямака, и из Имока те, кто всегда зависел от него. Нас поддержит вся граница. Кто его станет защищать, если его объявят вне закона?”

“Пусть сам решает...”

“Он решит! Те же слова и услышишь. Если чужезвездцы имеют власть Ю, то объявление вне закона может состояться. Они имеют право отказаться от платы. Ведь они получили назад не человека, хоть ты его так назвал. Ты же видел его.”

Словесного ответа не последовало, только эмоции — гнев, страх. Затем крик человека, подгоняющего животное. И как, что шел с запада, понесся галопом. Другой, не спеша, направился к границе.

Я опустил голову на лапы, слыша только журчание воды. Человек может лгать языком, но его мысли говорят правду. Теперь я узнал, причем чисто случайно, что мое тело не находится больше во владениях Осколда, а вернулось к моим товарищам на корабль. У меня не было никаких сомнений, что всадники говорили именно обо мне.

Теперь моей целью был Ирджар, порт. Мое тело на “Лидисе”, там наш врач сделает все, что можно, для этой безжизненной скорлупы. Допустим, я каким-то чудом доберусь до корабля, даже до своего тела — что я смогу сделать? Но у Вольных Купцов открытый мозг. Майлин не единственная Тэсса на ярмарке — там был Малик. Смогу ли я добраться до него, воспользоваться им для объяснения? Возможно, он тоже может произвести обмен. Так много сомнений и страхов стоит между мной и успехом! Однако я цеплялся за всякую надежду, чтобы человек не был навсегда поглощен животным.

Назад, на восток, через холмы вниз к равнинам Ирджара! Там красный мех барска будет очень заметен, но что делать — выбора у меня нет.

В глотке у меня пересохло, как будто я и не пил, ноги подкашивались, по шкуре пробежала дрожь. Но убежища здесь не было, и я вошел в воду и поплыл по течению к югу, а потом выбрался на отмель.

Теперь не было надобности идти вдоль дороги и рисковать встречей с кем-нибудь. Темные холмы были неплохим ориентиром. Далеко за ними лежали равнины, где расположены Ирджар и порт. Я быстро проносился по открытым полям или бежал рысцей по заросшим лесом местам. Я обнаружил, что хоть барсков и считают горными животными, их удивительно малые тела при почти гротескно длинных ногах были идеально приспособлены для быстрого бега по ровной местности.

На заре я миновал ту самую крепость, где начались мои несчастья. Там же, по-видимому, стоял гарнизон, люди разби-

ли лагерь под стенами. Я сделал большой крюк, чтобы обойти линию казов.

На берегу я размышлял о том, что узнал от тех всадников. Тот, кто ехал на запад, был, бесспорно, из свиты Осколда. Не был ли он послан, чтобы собрать помощь для Озокана и его людей? Известно, что Осколд дорожил своим наследником, но, судя по реакции второго посланца, этому отношению пришел конец. Осколд предложил плату за мою гибель — иными словами, он пытался единственным на Екторе законным путем разрешить спор между своим сыном и Вольными Купцами, предложив капитану Фоссу плату за члена экипажа. Такая плата предлагалась за непреднамеренное убийство в мирное время, но почти никогда не принималась, если жертва имела близкого родственника, способного носить оружие, потому что кровная месть рассматривалась, как более благородное решение. Но если у жертвы в клане оставались только женщины и дети, слишком юные для битвы, тогда плату принимали, и сделка записывалась в храме Ирджара.

Возможно, поскольку экипаж “Лидиса” рассматривался как мой клан, предложение было сделано в надежде, что его примут. Я только удивлялся тому, что Осколд вернул мое тело. С его стороны логичнее было убрать как можно скорее это позорное свидетельство против его сына. Может, их пугал гнев Умфры?

Во всяком случае, было ясно, что капитан Фосс требовал полного наказания — чтобы Озокана объявили вне закона. Немилость распространялась вширь, так что старые враги Осколда получили удобный случай скинуть как сына, так и отца. И земли Осколда были близки к состоянию осады. Хотел бы я знать, не пошел ли Осколд против всех законов и обычаев, посылая помощь сыну. Если так, то станут ли люди Осколда поддерживать его? Лояльность между лордом и его людьми была крепка, противостояла смерти и пыткам, как говорилось в балладах. Но это было обоюдно: лорд был так же честен по отношению к тем, кто присягал ему в верности. Такое укрывание сына могло, я думаю, расцениваться как открытое нарушение клятвы, подвергавшее его людей слишком большой опасности.

Я мысленно представил себе город Ирджар. Мне трудно было сосчитать, сколько дней прошло со времени моего похищения, так что даже не был уверен, работает ли еще ярмарка. Что, если — я прибавил скорости — что, если “Лидис” уже ушел? Эта мысль была так ужасна, что я постарался отогнать ее.

Если “Лидис” все еще стоял в порту, может, и Малик тоже на ярмарке? А если нет? Я облизал все еще болсвшие лапы и

тихонько заворчал. А может ли барск снова стать человеком? Что, в сущности, случилось с тем, кого по просьбе Майлин приютили жрецы Умфры? Может, он так долго был в теле зверя, что животное взяло верх и бегаёт теперь по холмам, не имея никаких связей с человеком? Мне хотелось опустить голову и завывать, как я выл на луну по нечеловеческим причинам. Однако я подавил этот вой в горле.

Грис Шервин был со мной на шоу, он видел, как мы привезли барска, он слышал мой рассказ о том, что произошло в палатке продавца животных, он может открыть свой мозг, если барск придет к нему теперь, он будет способен к контакту. Мы все имели способности эспера: одни больше, другие меньше. Лучшим эспером на борту "Лидиса" был Лидж, только бы мне суметь подойти к нему достаточно близко. Нет, Крип Ворланд еще не был побежден. По этим холмам я мог идти как днем, так и ночью.

Я выкопал из мягкой земли нескольких мелких животных и съел, но их едва хватило, чтобы чуть-чуть притупить чувство голода. Я поднимался все выше и выше. Захватывало дух от морозного воздуха, застывшая почва терзала натруженные лапы. Я лизал снег, чтобы утолить жажду, и с тоской вспоминал реку, где мог напиться всласть.

Около полуночи я прошел через перевал и мог бы спускаться в долину, но так устал, что вынужден был поспать в укромном месте.

Когда я проснулся, солнце пригревало мою покрытую густой гривой спину. Прищурившись от яркого света, я огляделся и потянул носом. Сильно пахло человеком. Слабое шарканье по твердой поверхности — такое могли произвести только сапоги. Кто-то шел справа от меня, стараясь производить как можно меньше шума.

Я нагнулся, коснулся мордой передних лап и посмотрел вниз. Человек — нет, люди, потому что я увидел второго, ползущего в гору почти рядом со мной. Поверх кольчужной рубашки на них были грязные плащи со странными цветными пятнами. Я подумал, что только острый взгляд животного может разглядеть их на расстоянии, если они не будут двигаться. Не удирают ли это враги Осколда? Неважно, кто они, лишь бы не нашли меня. Я начал медленно отползать в кустарник. Куда они направлялись, я не мог угадать, потому что поблизости не было ни крепости, ни поста. Но решимость их была очевидна.

Мне придется снова повернуть на юг, так как ползущие по холму были частью отряда, находившегося внизу. А я знал только то, что Ирджар был где-то на западе.

Я лег и стал ждать ночи. Под Тремя Кольцами Луны я

пустился во весь опор. Так всю ночь попеременно я то бежал, то шел, пока не был вынужден остановиться, потому что лапы нестерпимо болели. Я остановился возле озера, где мне удалось также закусить, — какая-то птица, обманутая моей неподвижностью, приблизилась ко мне. Это была отличная еда, лучшая, которую я ел после мяса фоду. Затем я зарылся в кустарник, но долго спать мне не пришлось.

На этот раз я уловил сначала звук, а не запах: это были собаки с фермы, и они охотились за кем-то, кто бежал в моем направлении.

Когда я был человеком, на этих холмах за мной охотились люди Озокана, теперь я зверь и снова вижу охоту. Лай собак, наверное, должен наводить ужас на того, за кем они гонятся. Я спокойно прислушивался, полагая, что их дичь — не я.

Из кустов выскочило длинноногое животное и помчалось крупными прыжками. Я узнал его — дикое жвачное с равнины.

Его мясо сушат на зиму, и оно считается обычной добавкой к меню. Охота, видимо, началась недавно, ибо животное бежало легко. Но свора была нетерпелива и молча бежала по горячему следу, лишь изредка полаявая.

Я опять бежал к югу, далеко обходя тропинки, по которым пробежало преследуемое животное. Хорошо, если собаки будут поглощены первоначальной целью и не обратят внимания на мой след. А, может, они тоже боятся барска?

Меня тревожило, что я приближаюсь к открытой местности. Там не было ни скал, ни кустарника, ни деревьев, нигде было укрыться от глаз охотников, кругом голые поля, где на фоне серо-желтого жнивья мой красный мех будет отчетливо различим.

Я почувствовал запах воды и вспомнил о ручье, бежавшем из этого озера, где я пил и омывал лапы. Не пойти ли мне по ручью, чтобы сбить след? Я знал об этом по тем пленкам, которые, бывало, рассматривал для собственного удовольствия. Но такие охотничьи воспоминания, накопленные с точки зрения человека, вряд ли могли быть полезными в моем теперешнем положении.

Однако лучшего решения я не видел, поэтому вошел в воду и побрел по течению. Я не успел далеко уйти, как услышал глухой шум в том месте, где раньше лежал. Этот шум звучал реальной угрозой. Случилось самое худшее: собаки взяли мой след и, к моему несчастью, решили, что я лучшая добыча.

Меня охватила паника, которая вела к гибели. Я перестал соображать и бросился бежать. Но мои силы были подорваны, и я знал, что далеко не убегу. Я перескочил через ограду, помчался по полю и...

Под лапами уже не было почвы. Я падал...

Вокруг меня взметнулся песок, тело ударилось о землю с такой силой, что прервалось дыхание, и я какое-то время ничего не чувствовал. Я попытался встать. Все поплыло перед глазами; но постепенно зрение прояснилось настолько, что я смог увидеть, куда я упал, — это был каменный колодец. Человек мог бы выбраться из него, цепляясь за неровности стены, но четыре лапы с прямыми когтями были тут бесполезны. Я задрал голову и зарычал. Этот рык, усиленный земляной воронкой, заставил свору на некоторое время замолчать. Как бы ни были возбуждены преследованием собаки, ни одна из них не осмелилась прыгнуть вниз ко мне, и они изливали злобу только в лае.

Затем каких-то из них отшвырнули в сторону, и я увидел глядящих на меня людей. Один в изумлении отшатнулся, другие уставились на меня, вытаращив глаза. Один поднял лук, и я подумал, что мне, загнанному таким образом, не удастся увернуться от стрелы. Но человек, стоявший рядом с лучником, с гневным криком ударил по луку.

Некоторое время я лежал, задыхаясь, а собаки и один человек следили за мной. Остальные люди исчезли. Затем раздался глухой стук, и на меня упала масса веревок. Я вскочил. Именно этого они и ждали. Сеть была мгновенно затянута, и я, беспомощный, был вытащен из колодца.

Собаки бросились на меня, но были отогнаны хозяевами, а меня бросили на телегу, привезли на ферму и заперли, связанного, в темном сарае.

Там пахло животными и человеком. Я тяжело дышал, во рту пересохло. Хотя бы несколько капель воды... Но часы шли, а к сараю никто не приходил.

От падения в колодец болело все тело, но главным была потребность в воде. Я сделал слабую попытку послать мысль, хотя и опасаясь, как бы суеверные местные жители тут же не убили меня.

Мозги вокруг меня были. Но как я ни старался изо всех своих слабых сил вложить в один из них мысль о своей жажде, никого нельзя было удержать на связи достаточно долго, чтобы довести до него мое желание.

Я впал в апатию, неспособный далее к борьбе. Возможно, они даже сочли меня мертвым, когда, наконец, вошли в сарай. Сколько времени прошло, я не знал, но на улице уже стемнело. Меня снова швырнули на телегу. Мы ехали через мостик. Услышав запах воды, я поднял голову и заскулил, но тут же получил жестокий удар и потерял сознание.

Дневной свет бил мне в глаза, а уши глохли от криков,

которые я не понимал. Телега остановилась. Двое мужчин стояли возле нее и осматривали меня.

— Воды... — пытался я выговорить, но из широко разинутой пасти вырывался только отчаянно хриплый визг. Один из мужчин подошел ближе и сказал на ирджарском наречии, на котором я тоже когда-то говорил:

— Барск... Десять всовых знаков.

— Десять? — взорвался другой. — Ты когда-нибудь видел здесь барска? Да еще живого?

— Пока живой, — согласился первый. — Посмотрим, доживет ли до вечера. А шкура, — можно, конечно, выделать, но мех ничего не стоит.

— Двадцать.

— Десять.

Их голоса монотонно звучали, колыхались туманным занавесом, упавшим мне на глаза. Мне хотелось уплыть в темноту, которая обещала покой без страданий.

Но меня снова вернули к жизни, когда стащили с телеги и отнесли в более темное место, где спирало дыхание от зловония плохо содержащихся животных. В моей памяти, как искра, мелькнуло забытое. Я когда-то слышал подобный вой. Где?

Железные тиски вокруг горла, жестокие, душащие... Я слабо пытался скинуть их, разгрызть, но меня втокнули в маленькое темное помещение. Я оказался в тесной тюрьме, крышка которой захлопнулась. Два отверстия в стене давали немного света и очень мало воздуха. На полу было немного вонючей соломы — видимо, не я один был пленником. И пахло здесь не только другими телами, но и мыслями, наполненными страхами, ненавистью, отчаянием.

Я кое-как свернулся, положил голову на лапы, ища какое-то облегчение в отказе от памяти, мыслей, в забвении всего окружающего. Я тянул существование, но уже не жил.

Воды здесь не было. Я думал или смутно грезил о воде, о том, как я шел по ручью, и вода бурлила вокруг ног, приглаживая мех, и мне казалось, что все это было сном, что никакого мира не существует вне этого тесного ящика. Время исчезло, остались только вечные муки.

Над головой раздался щелчок. Верх ящика поднялся, впуская свет и воздух. Я хотел поднять голову, но что-то тяжелое ударило меня по шее, пригвоздив к вонючему полу. Я не видел, кто стоял надо мной.

— Скоро сдохнет. И ЭТО вы предлагаете моему лорду?

— Это же барск. Ты когда-нибудь видел вблизи живого барска, Господин?

— Живой? Вот-вот сдохнет, я же сказал. Его шкура ничего

не стоит. Ты просишь пятьдесят весовых знаков? Созрел для Долины, если запрашиваешь такую цену.

Давление на мою шею исчезло, и крышка тут же захлопнулась.

“Скоро подохнет — скоро подохнет — скоро...” — жужжало у меня в ушах. — “Барск... скоро подохнет...”

Барск животное. Но я не животное, я человек! Они должны знать, должны выпустить меня, я человек, а не животное! Искра жизни, которая еще тлела, готовая угаснуть минутой раньше, теперь вспыхнула снова. Я хотел прислониться к стене ящика, чтобы сражаться за свою свободу, но ничего не вышло. Мускулы сводило судорогой, силы покинули меня.

— Человек! Человек! — я не мог произнести ни звука, кроме тихого визга. Но мысли устремились в мир по ту сторону клетки.

— Здесь умирает человек? Не животное, человек!

И мысль, отчетливая и сильная, сплелась с моей. Я вцепился в нее, как вышедший из корабля в космос цепляется за свой спасательный трос.

— Помогите умирающему человеку...

— Где? — прибыл вопрос, такой ясный, что сила его подняла энергию моего мозга.

— В клетке — в теле барска — человек, не животное... — я пытался удержать этот мысленный трос, который, казалось, выскальзывал из моего захвата, как корабельный трос из промасленных перчаток. — Человек — животное!

— Думай, держи мысль! — донесся приказ. — Меня надо вести, так что думай!

— Человек — не животное... — я не мог удерживать линию связи, она ускользала. Я снова попытался из последних сил: — человек, не барск — в клетке — не знаю, где, но в городе...

— Ирджар?! В Ирджаре?

— В клетке... как барск... барск... не барск — человек!

Мне не хватало дыхания, тьма накрывала так плотно, что раздавливала меня.

— Человек... я человек, — цеплялся я за эту мысль, но тьма наваливалась еще плотнее, и я отбивался от небытия.

— Здесь!

Сквозь тьму снова пришел этот ответный мозговой удар, быстро и остро зашевелился во мне, но я уже не мог слышать, здесь была только тьма и конец всякой борьбе.

Далекий свет и ничего не означающие голоса. Затем две руки приподняли мне голову. Я смутно увидел лицо.

— Слушай, — зазвучал в мозгу приказ, — ты должен по-

мочь мне. Я сказал, что ты из моего маленького народа, что ты дрессированный. Ты можешь подтвердить это?

Подтвердить? Ничего я не могу подтвердить, даже то, что я человек, а не зверь, бегающий на четырех ногах и загрызающий по ночам добычу.

Вода полилась на распухший язык, в пасть, но я не смог проглотить ее. Затем снова руки приподняли мне голову, глаза встретились с моими.

— Джорт! Выполняй приказ!

Когда-то это что-то означало, что я никак не мог вспомнить. Кто-то дал мне это имя и...

Я кивнул головой и попытался поднять передние лапы. Там были ступеньки, и на них человек в черно-желтой мантии, он смотрел на меня. Значит, я должен поклониться и делать все то, что мы вместе планировали. Мы? Кто это — мы?

— Это мое животное!

— Это не доказано, Господин.

— Я отдам тебе то, что ты заплатил за него, или мне позвать уличного стражника?

Руки все еще держали мою голову. В рот снова полилась вода, и я мог глотать. С водой понемногу возвращалась жизнь. Но руки не выпускали меня.

— Соберись с силами. Мы скоро уйдем.

Голоса над головой стерлись. Затем руки подняли меня и понесли. Я взвизгнул и зажмурился от яркого света. Несущий опустил меня на мягкий мат, и я растянулся, не в силах пошевелиться. Поверхность подо мной качнулась, двинулась, я услышал стук колес по булыжной мостовой.

Мы ехали в фургоне, и запах города душил меня. Я не пытался смотреть по сторонам — не было сил. Грохот, скрежет, опять грохот... Фургон остановился.

— Дрессированное животное...

Полотнище в задней части фургона отдернулось и снова закрылось. Фургон двинулся. Воздух посвежел. Опять остановка. Кто-то сошел с переднего сиденья, подошел ко мне и опустился на колени. Голову мне снова подняли и влили в рот жидкость — на этот раз не просто воду, а с какой-то кислой и острой добавкой. Я открыл глаза.

— Майлин, — мысленно сказал я, но это была не женщина Тэсса, толкнувшая меня на это безнадежное приключение, это был мужчина, бывший с ней на ярмарке. Память слабо пробивалась сквозь толщу навалившихся на нас бедствий.

— Я Малик, — пришел ответ. — Теперь отдыхай, спи и ничего не бойся. Мы вовремя вырвались.

Смысл его слов не совсем дошел до меня, потому что я

послушался его приказа и заснул, и это не было оцепенением приближающейся смерти.

Когда я проснулся, то увидел недалеко костер. В языках его пламени было что-то успокаивающее. Человек и огонь, его древние защита и оружие, он с давних пор связывался в нашем представлении с безопасностью, он поднимает наш дух, когда мы смотрим на него.

Позади костра был другой свет, и я, увидев его, зарычал — и тут же умолк: когда я проснулся, в первый момент был Крипом Ворландом, и как тяжело было снова оказаться Джортом.

На мое рычание пришел ответ из тени, до которой не доходили ни свет костра, ни лучи лунной лампы. Нос сказал мне, что здесь много живых существ.

Человек вошел в свет костра с котелком в одной руке и ковшиком в другой. Он шел вдоль ряда чашек, стоящих на земле, и наливал в каждую из котелка. Он подошел ко мне.

— Малик из рода Тэсса, — мысленно сказал я.

— Крип Ворланд из рода чужезвездцев.

— Ты знаешь меня?

Он улыбнулся.

— Здесь только один человек в теле барска.

— Но...

— Но меня не было, когда ты надел меховую шкуру, хочешь ты сказать? Ты воспользовался властью Тэсса, мой друг. Неужели ты думаешь, что это пройдет незамеченным?

— Я ею не воспользовался, — возразил я.

— Ты думал об этом пути, — с готовностью согласился он. — Однако это пошло тебе на пользу.

— Вот как? — отозвался я.

— А разве нет? Не думаешь ли ты, что остался бы жив после встречи с подчиненными Осколда, если бы Майлин не сделала для тебя все, что смогла, и притом очень своевременно?

— Но дальше...

Он присел на корточки, так что я, сидя, был чуть выше его.

— Ты думаешь, что она воспользовалась тобой для своих целей?

— Да, — правдиво ответил я.

— У всех рас есть свои нерушимые клятвы. Так вот, я клянусь тебе: то, что она сделала в ту ночь, она сделала исключительно ради тебя, спасая жизнь.

— В ту ночь, возможно, но затем? Мы пришли в Долину, моего тела там не было, но было другое...

Он, казалось, не удивился, да я и не думал, что Тэсса проявит свои эмоции, как это делают другие расы. Он некоторое время молчал, потом спросил:

— Почему ты так решил?

— Она говорила мне о каких-то опасностях, но у нее были свои причины привести меня в Долину. Не для моего — для ее блага.

Он медленно покачал головой.

— Послушай, чужезвонец, она не послала бы тебя ни на одно опасное дело, которого не испробовала сама. И если бы ты не убежал, то не оказался бы в той беде, в какой я тебя нашел. Ни один Певец из Тэсса не получает возможности призывать власть, пока не побывает в меховой шкуре или оперенье. Майлин прошла этот путь еще до того, как твой звездный корабль приземлился в порту Ирджара.

— А тот, что в Долине?

— Разве я говорил, что на пути не бывает опасностей? Мы не убиваем живых существ в нашей зоне, но это не значит, что смерть обходит ее стороной. Маквэд был в теле животного, а лорд пришел охотиться без нашего разрешения и послал роковую стрелу. Чистая случайность: никто не ходил по нашей святой земле, и мы не остерегались. А что касается тебя, то подумал ли ты, что Майлин придется расплатиться за использование нашей власти для помощи постороннему? Она искренне верила, что люди Осколда принесут твоё тело в храм и все будет хорошо. Помни это...

— Но мое тело в Ирджаре.

— Да. И теперь нам нужен новый план, и я не отрицаю, что нужно торопиться. Твои друзья не поймут и в своем неведении будут лечить твоё тело и тем убьют его.

У меня мороз пробежал по коже.

— Нам надо идти в Ирджар...

— Не сразу. Сейчас мы выехали из Ирджара. Мне удалось вывести тебя из города только потому, что я обещал уехать с тобой подальше от населенных мест. Майлин знает или скоро узнает, где мы. Она придет сюда, потом зайдет к твоему капитану, расскажет ему все, если он из тех, кто может поверить необычному рассказу. Затем мы контрабандным образом доставим тебя в порт, и Майлин исправит то, что было сделано. Но не знаю, — он нахмурился, — что обо всем этом подумают Древние, ведь это нарушение Уставных Слов и даст в руки тех, кто не из рода Тэсса, тайное оружие, о котором мечтают наши враги.

— Разве равнинные жители не знают, что вы можете меняться телами?

— Нет. Подумай — эти люди не имеют понятия о духе, они знают лишь тело и мозг. Расскажи невеждам, что в этом мире

живут такие, кто может превратить человека в животное, а животное в человека, и представь себе, что случится.

— Страх побуждает людей к убийству.

— Именно так. Начнется такая охота, что ТИХИЕ места утонут в крови. Мы уже знаем, что говорят о нас, от того чужезвездца, Гека Слэфиды, который собирался использовать это знание как рычаг для торга. То ли он выудил эту информацию у Озокана, то ли еще у кого, мы не знаем. Думаю все-таки, что не от Озокана, иначе песня Майлин не спасла бы тебя от гибели, его слуги убили бы тебя в любом облике — барска или человека. Никаких намеков от местных жителей пока не доходило. Теперь наши Древние ищут мыслью. Мы идем по узкому осыпающемуся краю земли над бездной.

— Здесь идут сражения, соседи Осколда пошли против него. Если один лорд ссорится с другим, не выигрываете ли вы время? — спросил я и рассказал о посланцах, которых я видел на холмах.

— Да, его соседи видят шанс скинуть Осколда, но как ты думаешь, не ухватится ли он за возможность оторвать их от своей глотки и кинуть на Тэсса? Поэтому Гек Слэфид и молчит.

— Если вы обменяете меня обратно, я уеду с этой планеты и клянусь — никто здесь не услышит об этом от меня.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Древние позаботятся о том, чтобы языки зря не болтали. Конечно, чем скорее мы произведем обмен и отправим тебя с Ектора, тем лучше. Сейчас Озокан и его приспешники объявлены вне закона. Они не могут жить только набегами, и ни одна рука не поднимется помочь им. Рано или поздно люди объединятся, выследят его и прикончат. Не знаю, какие оправдания получил Осколд от своего сына и поддерживает ли его хотя бы тайно. Если он предполагает это сделать, он должен действовать очень скрытно, иначе его собственные люди скажут ему, что он нарушил клятву и оставят его. Объявление вне закона — не пустяк, и те, кто помогает такому отверженному, сразу же сами становятся проклятыми. Достаточно клятвы трех свободных арендаторов, чтобы осудить человека. Осколду хватает забот и с теми, кто вторгается в его земли.

Теперь, значит, мы будем ждать Майлин, — вернулся я к своим делам. Ссоры феодальных лордов не касались моего будущего, по крайней мере, я так считал.

— Будем ждать Майлин. Затем она поедет в Ирджар, к твоему капитану. Как я уже говорил, многое зависит от того, насколько открыт его мозг. Возможно, ты передашь с ней что-нибудь в подтверждение ее слов — скажем, вспомнишь инцидент, который известен только вашим, а на Екторе о нем никто

знать не может. Если он примет ее рассказ, мы договоримся о дальнейшем.

У Вольных Купцов открытый мозг. Они повидали так много в самых разных мирах, что не могут сказать: “такого не бывает!” Но это дело настолько из ряда вон выходящее — может ли вера простираться так далеко? Намек Малика был неплох: я подумал над тем, что могло бы подтвердить рассказ Майлин и послужить мне на пользу.

Когда время становится главным фактором жизни, оно может быть таким же тяжелым бичом, каким подгоняют рабוגребцов на Корфу. Малик занимался животными, а у меня были только мысли, острые, как шипы. Они гоняли меня с места на место мимо костра.

Пища и питье, что давал мне Малик, видимо, содержали не только питательные вещества, но и стимуляторы, потому что я чувствовал удивительную бодрость, впервые с тех пор, как оставил Долину для напрасных поисков.

Малик покончил со своими обязанностями и сел перед огнем, повернув вниз лунную лампу. Я сел рядом с ним, желая уйти от всего, что давило на меня. Я неожиданно спросил:

— Почему Тэсса выбрали бродячую жизнь?

Он посмотрел на меня, и его большие глаза, казалось, стали еще больше. Он ответил вопросом:

— А почему вы носитесь от одного мира к другому, не имея своего дома?

— Потому что я рожден и воспитан для такой жизни. Другого я не знаю.

— Теперь знаешь. Мы, Тэсса, тоже рождены и воспитаны для такой жизни. Когда-то мы были разными народами, родственными тем, кто теперь живет на равнинах. Затем наступил момент выбора. Нам был показан другой путь исследования. Но все в мире что-то стоит, и за этот новый путь пришлось платить. Это означает, что надо было вырвать собственные корни и отвернуться от всего, что казалось надежным и нерушимым. Нас более не окружают стены, мы тесно сплотились одним кланом. Мы держимся в стороне от жизни других людей. И теперь равнинные жители смотрят на нас как на бродяг, не имеющих крова. Они не понимают, почему мы не нуждаемся в том, что им кажется ценным, и сейчас, и для будущего. Они сторонятся нас. Время от времени они смотрят на то малое, что дал нам наш выбор, и держат нас в страхе, хотя и сами боятся нас. Мы участвуем во всей жизни, а они нет. Ну, не совсем во всей, кое в чем мы не принимаем участия: в росте дерева, в появлении листьев, в созревании плодов. Но мы можем взять птичьи крылья и исследовать небо по примеру крылатых созда-

ний, можем надеть меховую шкуру и побегать на четырех лапах. Ты знаешь многие миры, звездный странник, но никто из вас не знает жизнь Ектора, как знают ее Тэсса.

Малик умолк и уставился в огонь, подкармливая его время от времени хворостом из кучи. Между нашими мыслями возник барьер. Хотя у Малика не было того отрешенного взгляда, какой я видел у Майлин однажды ночью, я подумал, что и он близок к такому же состоянию.

Ночной воздух доносил до носа массу сведений. Спустя некоторое время я прошелся в темноте вокруг лагеря. Маленький народ спал в своих клетках за исключением часовых, и вряд ли кто-нибудь мог незамеченным пробраться в лагерь.

Майлин приехала перед восходом солнца. Я почувствовал запах раньше, чем до моих ушей донесся скрип колес фургона. Позади меня раздались одновременно сигналы и приветствия. Малик очнулся от забытья у почти погасшего костра, и я подошел к нему. Мы стояли рядом, пока Майлин ехала по полутемному лагерю.

Она смотрела на меня. Не знаю, чего я ожидал. Может выговора за мое глупое исчезновение из долины, хотя я не считал, что оно было глупым, если принять во внимание то, что я знал или подозревал в то время. В конце-концов, как могут Тэсса понять, что означает их обычаи для другого человека?

На ее лице была только тень усталости, как у человека, долгое время простоявшего на часах без смены. Малик протянул ей руку, чтобы помочь сойти, и она со вздохом приняла помощь. Я видел ее сильной, но теперь она изменилась, и я не понял, в чем именно.

— На холмах всадники, — сказала она.

— Осаждают Осколда. — Малик пригласил ее к костру, снова раздув умиравшее пламя. Затем он вложил ей в руку рог, в который налил что-то из фляжки. Она медленно пила, останавливаясь после каждого глотка. Затем, прижав рог к груди, она сказала мне:

— Время не терпит, Крип Ворланд. На рассвете я выеду в Ирджар.

Я думал, что Малик запротестует, но она даже не взглянула на него, лишь уставилась в огонь и потихоньку отпивала из рога.

Глава 13

Было яркое утро. Крепкий, как вино, ветер освежал нос и глотку, солнечные лучи ослепляли, человек и животное чувствовали, что жизнь хороша. Еще до того, как солнце осветило

наш лагерь, Майлин села на верхового каза, которого Малик оседлал для нее, и поскакала на запад. Мне очень хотелось бежать рядом с ней. Но сдерживающий меня здравый смысл был крепче любых брусев клетки.

Когда Майлин скрылась из виду, Малик прошел вдоль клеток, открывая дверцы, чтобы их обитатели могли входить и выходить по желанию. Некоторые еще спали, свернувшись меховыми клубками, другие моргали, просыпаясь. Вышли немногие. Симла толкнула дверцу плечом и бросилась ко мне, пронзительно визжа в знак приветствия, и ее шершавый язык уже готовился ласково облизать меня, но Малик опустил руку ей на голову. Она посмотрела на него, припала к земле, взглянула направо и налево и исчезла в кустах.

— Что это? — спросил я Тэсса.

— Майлин говорила, что на холмах люди. Может, они и не собираются нападать на Осколда. Ведь где-то бродят объявленные вне закона.

— Думаешь, не нападут?

— Чтобы выжить, нужна еда, а достать ее они могут только силой. У нас очень мало запасов, но отчаявшийся будет драться за каждую крошку.

— Животные...

— Некоторые из них вполне могут служить мясом для такого отряда. Других просто убьют — ведь люди, лишённые надежды, убивают ради убийства. В случае беды маленький народ сможет спастись бегством.

— А ты?

Он приготовился, словно ожидая немедленного нападения. У него на поясе висел длинный нож, считавшийся у жителей Ектора обычной принадлежностью костюма. Меча не было, но в лагере я видел боевой лук. Теперь он улыбался.

— Я хорошо знаю местность, лучше тех, кто может на нас напасть. Как только наши часовые поднимут тревогу, лагерь опустеет.

Я догадался, что Симла была на страже.

— А ты, если хочешь... — продолжал Малик.

Почему бы и нет? Я по примеру Симлы бросился в кусты и пустил в ход нос, глаза и уши. Немного погодя я оглянулся на фургоны. Их было четыре: на одном, поменьше и полегче остальных, приехала Майлин; три других Малик, видимо, привел из Ирджара. Но кто же правил ими? Ведь Малик был один, если не считать животных. Я задумался. Возможно, казы просто шли следом за тем фургоном, которым правил он.

Хотя клетки были вытащены из фургонов и расставлены вокруг костра, который все еще дымился, остальное имущество

не было распаковано. Я смотрел, как Малик шел от фургона к фургону и делал что-то внутри каждого. Возможно, он снова увязывал то, что можно было взять с собой. Я не мог понять, зачем Малик привез нас на эту опасную территорию. Я взбирался на холм, пока не нашел хорошо скрывающий меня кустарник. Хотя листья уже облетели, частая поросль, по-моему, хорошо маскировала меня. Отсюда я прекрасно видел лагерь и местность вокруг него. Дороги к лагерю тут не было, только следы колес фургонов были все еще видны на увядшей траве и на земле, и вряд ли сейчас можно было скрыть их.

Малик скрылся в одном из фургонов, не было видно и животных, вышедших из своих клеток. Сцена выглядела спокойной, сонной, убаюканной ожиданием. Стихающий ветерок донес до меня легкий запах. Я принюхался. Симла, видимо, скрывалась с южной стороны. На западе, надо думать, тоже были стражи.

Солнце плыло по безоблачному небу, играло совсем по летнему, хотя стояла уже осень.

Из фургона вышел Малик с коромыслом на плече, на крюках покачивались ведра. Он спустился к ручью. Мне отсюда не было видно ручья, я видел только вспыхивающие тут и там на воде солнечные блики. Затем громко залаяла Симла. Один раз.

Я выскочил из укрытия. Порыв ветра донес до меня предупреждение. Я прыгнул вниз, в густой кустарник, и пополз, хотя он жестоко кололся. Единственный военный клич Симлы — и больше ничего... ничего, только запахи и звуки, которые человеческое ухо не могло бы слышать, но барск слышал их, как фанфары. Я выскользнул из кустов, пробрался ползком в лагерь и подлез под ближайший фургон.

Малик, шатаясь, поднимался по склону от ручья. Коромысло и ведра исчезли. Он спотыкался и скользил, одна рука прижата к груди, другую он откинул, как бы пытаясь ухватиться за что-то, но опоры не было.

Он упал на колени, пополз до клеток и стал медленно клониться вперед. Между лопаток дрожала от тяжелого дыхания стрела. Он попытался оттолкнуться от земли, но тщетно. Вскоре он затих.

Оставшиеся до сих пор в клетках животные, как по сигналу, выскочили и молча разбежались. Возможно, они и скрылись от человеческих глаз, но не от моих ушей и носа.

Я полз, хотя такой способ передвижения был трудноват для барска. Кто-то поднимался с берега, пытаясь двигаться бесшумно, в чем, с моей точки зрения, мало преуспел.

Держась в тени фургона, я подбирался к костру. Малик не шевелился, но напавший на него был очень осторожен. Воз-

можно, он не знал, что Тэсса был в лагере один, не считая животных. Я мысленно коснулся мозга Малика. Он был еще жив, но уже не осознавал послания.

Я добрался до конца фургона. Здесь стояли клетки, но я не был уверен, что они достаточно высоки, чтобы укрыть меня. Может, мне лучше бежать открыто, изображая испуганное животное? Пока я раздумывал, слева от меня мелькнула рыжая полоса. Симла? Что она тут делает?

Она не остановилась возле Малика, а свернула к тому, кто был в разведке перед лагерем. Я вскочил и помчался за ней. Я еще не видел ее добычи, но услышал человеческий вопль и в следующий момент увидел яростную битву человека и всенессы. Человек больше не кричал, а старался оттолкнуть ее зубастую пасть от горла.

Я прыгнул и рванул его, а Симла вцепилась ему в горло. В эти секунды я был больше барском, чем человеком, во мне кипела дикая ярость, которую, кажется, нельзя было потушить.

Раздался крик, что-то просвистело так близко от плеча, что меня словно обожгло. Симла все еще терзала свою добычу. Я прыгнул еще раз и опрокинул ее на землю тяжестью тела.

— Оставь! — послал я мысленный приказ. — Оставь! Беги!

Снова пролетела стрела. Запах крови распалял во мне звериную ярость, но я сопротивлялся этим порывам.

— Оставь! Беги!

— Я разинул пасть, чтобы схватить Симлу, и тогда она выпустила свою жертву, посмотрела на меня сверкающими красным блеском глазами и зарычала, как бы отгоняя меня от законной добычи.

— Беги! — Я снова бросился на нее, и на этот раз она откатилась от мертвого тела. Опять зарычала, но едва вскочила на ноги, как стрела вонзилась в землю в том месте, где она только что лежала. Симла злобно щелкнула зубами над дрожащей в земле стрелой и бросилась со мной вверх по холму.

Они продолжали стрелять, и я бежал зигзагами, надеясь, что Симла последует моему примеру. Мы прибежали в лагерь и оказались всего в нескольких футах от Малика, который лежал там же, где упал. Симла обнюхала ему голову и жалобно завывала.

— Вперед! — настаивал я. Она обернулась, оскалив зубы, как бы намереваясь броситься на меня. Затем красный свет в глазах погас, и она побежала со мной бок о бок между фургонами за пределы лагеря.

Я не имел представления, куда скрылись остальные животные, но улавливал их смешанный запах и подумал, что они

пошли той же дорогой. Я даже не был уверен, сколько их и каких они пород.

— Наверх! — приказал я Симле. Она остановилась и оглянулась на лагерь. Мех, обычно такой мягкий, жестко топорщился на спине, голова опустилась между сгорбившимися плечами, когда она, рыча, морщила нос, виднелись окровавленные клыки. Она сделала было шаг или два в обратном направлении, но затем снова повернула и на дикой скорости повела меня в заросли.

Мы проделали немалый путь к вершине холма, пока, наконец, не остановились, измученные. Там мы легли и стали следить за лагерем. В нем были люди. Они пинали клетки, дверцы которых были открыты, протыкали мечами фургоны, как бы выгоняя тех, кто там мог прятаться. Из фургона Майлин выкинули ящики и, разломав их, доставали запас печенья и сушеного мяса. По нетерпению и жадности, с какими они пожирали эти запасы, было видно, что эти люди давно уже не видели пищи. Они оттащили тело Малика в сторону и затолкнули под фургон. Двое прошли вдоль линии казов: те фыркали, рвались с привязи и лягали всех, кто приближался к ним.

Пустые клетки не давали им покоя: они толкали их, переворачивали, трясли, будто не верили, что они пусты, и старались что-то вытрясти.

В разгромленный лагерь приехали еще трое. Один поддерживал другого в седле, а третий ехал сзади, прикрывая тыл. Теперь настала моя очередь зарычать: с тем, за кем так ухаживали, я встречался в пограничном форту. Вот оно что! На наш лагерь напал отверженный отряд Озокана, и их вождь, видимо, недавно был крепко потрепан: правая рука привязана к груди, лицо бледное и исхудалое. Это был жалкий призрак того самоуверенного князька, который пытался диктовать свои условия Вольным Купцам.

Разграбление фургонов продолжалось. Люди вытаскивали содержимое ящиков и корзин. Пища, видимо, была их первой заботой, и они жадно ели, а остатки складывали в седельные сумки. Затем некоторые пошли в юго-западном направлении и вернулись с верховыми казами. Некоторые казы хромали, и на всех лежал отпечаток тяжелого и долгого перехода.

Однако люди не спешили покидать лагерь. Они сняли Озокана с седла и положили на диван, вытасченный из фургона Майлин. Тот, кто поддерживал Озокана в пути, согрел воду на костре и взял на себя заботу о ране вождя. Похоже, Озокан больше не командовал: по приказу того, другого, грабители принялись наводить порядок в том разгроме, который они учинили. Он встал на колено у фургона, под которым лежало тело

Малика, и внимательно осмотрел жертву. Затем по его приказу тело Тэсса вытащили и унесли в кусты.

Я почувствовал, как рядом со мной напряглись мышцы Симлы, услышал ее почти беззвучное рычание и послал ей мысль:

— Потом. Потом, подожди.

Я не знал, смогу ли удержать ее, но старался оценить наше печальное положение, Майлин уехала в Ирджар и скоро должна вернуться, а судя по всему, отщепенцы не собирались скоро покидать лагерь. Наоборот, они сложили все, что вытащили, назад в фургоны, убрали с глаз разграбленные ящики. Один прошел вдоль пустых клеток и не только расставил их в прежнем порядке, но даже закрыл дверцы на щеколды. Когда все было сделано, главный огляделся вокруг и кивнул. Насколько я понимал, они старались, чтобы лагерь выглядел нетронутым. Это могло означать только одно: они считали, что Малик — это еще не все Тэсса, и устроили западню. Знают ли они о Майлин? Может, они выследили ее накануне и теперь ждали, чтобы захватить?

Я понюхал воздух. Многие запахи были знакомы. Маленький народ хотя и разбежался, но недалеко. Мой нос обнаружил десять или двенадцать животных неподалеку от того места, где прятались мы с Симлой. Я попытался открыть им свой мозг и испытал слабый толчок. Они не только собрались все вместе, но и объединились с одной целью, чего я никак не предполагал у обычных животных, да еще разных пород. У них и мысли не было о побеге, они думали только о сражении.

— Нет! — я старался передать им свою мысль мозг в мозг, но они противились мне. Я ведь не Малик, не Майлин и не другой какой-нибудь вожак, которого они признавали.

— Потом! — твердил я и приходил в отчаяние, что не могу повлиять на них, При дневном свете, против сильных вооруженных людей мохнатая армия почти не имела шансов на успех.

— Майлин? — я мысленно нарисовал образ Майлин, какой я ее видел, облеченной властью, в рубинах и серебре, дирижирующей своим маленьким народом на сцене. — Майлин! — посылал я мысль.

— Вспомните Майлин!

Симла заскулила очень мягко — она вспомнила. А как другие? Доберусь ли я до них? Я почти закрылся от мира света, звука, запаха, держал только мир мыслей, рисовал Майлин, стараясь заставить их ответить на этот рисунок.

— Майлин!

И они ответили. Я уловил облегчение и возбуждение в этом ответе и сосредоточился на том, что собирался выдать им сейчас.

— Майлин идет.

Рост возбуждения.

— Нет еще, — поторопился я исправить то, что могло вызвать роковое движение. — Но скоро... скоро...

Нечто вопросительное.

— Скоро. Те люди внизу — они ждут Майлин... — я шел ощупью, пытаюсь быть твердым, сознавая, что, ошибаясь, могу послать их туда, куда идти им нельзя.

Гнев, всплеск ненависти.

— Мы должны найти Майлин, пока она не пришла сюда, — я, насколько мог, нарисовал мысленное изображение Майлин, на этот раз едущей к лагерю. — Найти Майлин до того, как она придет!

Эта мысль покатилась, как морская волна, от одного маленького мозга к другому. Теперь я знал, что они пойдут — не к лагерю и врагам внизу, а далеко обойдут опасное место и направятся в западные равнины.

Я лежал на прежнем месте, продолжая наблюдать за лагерьем. Хотя у меня не было военного опыта, я считал, что правильно интерпретировал действия врага. Озокана поместили в фургон Майлин, его опекун и охранник спрятался там же. Остальные притаились в других фургонах или под ними. Один из них поил и кормил казов. Еще один, посоветовавшись с главварем, исчез в западном направлении — разведчик, подумал я и сказал Симле:

— Оставайся здесь, следи... Губы вздернулись над клыками:

— Останься... следи.

Первое возражение погасло, она заворчала.

— Не сражаться, следить... Майлин идет.

Согласие ее было смазанным, нечетким, не таким, какое я мог бы получить от Майлин, Малика или другого человека. Мне оставалось только надеяться, что она останется в том же настроении, когда я уйду.

Моей первой целью был разведчик. Я выполз из укрытия, мне надо было далеко обогнуть лагерь. Те, кто спрятался там, наверняка недоумевали, что случилось со сбежавшими животными, и, надо думать, наблюдали как за двуногими, так и за четвероногими путешественниками.

Я не видел у отверженной банды никаких собак и считал, что никому из нас ничего не грозит, если только мы сами по глупости не обнаружим себя. Так что когда между мной и лагерьем лег порядочный кусок лесной местности, я понесся так, как было естественно для моего длинного тела, взяв курс

на запад. Я рассчитывал пробежать по холмам, опередить того разведчика, напасть неожиданно и довольно далеко от лагеря, чтобы это было скрыто от остальных бандитов.

Дважды я встретился с членами группы Майлин и спрашивал их о разведчике. И оба раза получал отрицательный ответ. Но задерживался достаточно долго, чтобы внушить им необходимость скрываться. До появления хозяйки.

Малика убили около полудня. Майлин должна была вернуться в лучшем случае через два дня. И я надеялся, что тем, кто устроил засаду, надоест торчать в лагере. Стратегия, с помощью которой я обезопасил животных, могла сработать, лишь бы только они не потеряли терпения и не вернулись в лагерь. Захват разведчика может иметь двойную выгоду, размышлял я, продолжая свой поиск. Если человек не вернется, они могут послать другого — еще одна добыча — или подумают, что им тут грозит опасность, и уйдут.

Я спустился к реке и увидел там следы, оставленные бандой, когда она ехала к нам. Я вволю напился, перевернул носом один из камней, достал тамошнего жителя из его норки и закусил. На большую охоту не было времени, а тело требовало пищи.

Начало смеркаться, а я все еще бегал туда и сюда, подгоняемый запахом, глазами и ушами. Путь вражеского отряда легко прослеживался, хотя с тех пор прошло много часов. Но я до сих пор не нашел следов разведчика. Затем вспомнил, что среди всех запахов один возникал снова и снова. Запах каза. Я ошибочно принял его за старый след, а ведь по силе он был, как свежий. Я решил исследовать его поближе. Пятно на влажной почве объяснило мне все. Оно сильно пахло казом, но отпечаток не был сделан копытом каза и вообще не походил на след животного. Я в отчаянии сунул в него нос и глубоко втянул запах. Он был так силен, что почти забивал все остальные — а там были еще два запаха. Я снова принюхался. Сквозь сильный до зловония запах каза пробивался запах какой-то травы и человека. Как если бы человек натерся травой, чтобы отбить собственный запах, а затем надел сверху что-то, пахнущее казом. В этом могла быть разгадка. Значит, следовать за этим “казом”...

Я побежал по следу, идущему от этого неясного отпечатка. Запах был мучительно сильным, но я время от времени различал в нем другие запахи и не рисковал бежать за “казом” по прямой, потому что он то и дело пересекал ранние следы настоящих казов, очевидно, тех, на которых ехали отверженные.

Сумерки сгущались. След каза по-прежнему вел на запад, теперь уже по более открытой местности, где было очень мало

укрытий и преследователя легко увидеть. Я сел и послал мысленный зов.

Первым ответ пришел с севера — либо Борба, либо Ворс. Я попытался спросить:

— Оно пахнет казом, но не каз. Где?

— Не каз? — ответили вопросом.

— Пахнет казом, но не каз, — повторил я.

— Нет, — был выразительный ответ.

Я снова послал зов и получил слабый ответ:

— Каз, но не каз?

— Каз ... да...

Я повернул на юг. Может, это был фальшивый след, но я должен был проверить. И тут я открыл, что тот, за кем я охотился, был мастером в этой игре, потому что я снова дошел до свежей резкой вони каза. Я так обрадовался, что нашел искомое, что подбежал и глубоко втянул в себя запах, прежде чем понял опасность.

Резкая боль заполнила нос, я подскочил вверх, затем сунул нос в землю, тер его лапами. Глаза наполнились слезами.

Я катался по земле, зарывал в нее нос, скреб его, пока тупыми когтями не порвал кожу. Я не чувствовал более никакого запаха, кроме этой вони, которая, казалось, стала частью моей плоти. И меня так тошнило, что я крутился и терся мордой о землю, пока, наконец, не заставил себя вспомнить, встал, и меня сразу вырвало.

Мой ум заработал не сразу. То ли тот, кого я выслеживал, подозревал, что за ним идут, то ли принял меры предосторожности на всякий случай, но он залил свой путь какой-то тошнотворной жидкостью, которая убила важное для меня чувство — обоняние. Глаза еще слезились, но видели, в носу болезненно пульсировало. У меня оставались еще и уши и, возможно, помощь со стороны других животных.

Я снова послал зов. Откликнулись трое — с близкого расстояния. Я сообщил:

— Каз — не каз — человек, злой запах...

Быстрое согласие всех троих: видимо, запах дошел и до них. Издалека ответила Борба.

— Человек идет...

Я еще раз обтер голову о землю. Глаза слезились, но видели. Ночь создана для активности барска, для меня тени не были густыми, как для человека. Я остановился за скалой, прислушался и ждал, забыв о злосчастном носе. Конечно, настоящий барск или другое животное удрали бы от такого оружия. Несчастье разведчика заключалось в том, что ему встретился не НАСТОЯЩИЙ барск. Он шел медленно. По виду походил на

какой-то бесформенный тюк, скрывающая его шкура каза свободно болталась. Я приготовился...

Время от времени он останавливался, вероятно, пытаясь разглядеть в темноте какие-то ориентиры.

Может быть, барск нападает с рыком, я же молча метнулся вперед, нацелившись на ту часть приближающейся округлой фигуры, которую я считал своей лучшей мишенью. И каким бы ловким он ни был, я победил его неожиданностью.

Глава 14

Я совершил убийство по образцу, показанному мне Симлой, и, задыхаясь, лег рядом с тем, кто еще недавно ходил, дышал и был человеком. Я смутно удивлялся, что не чувствую тяжести содеянного мной, словно я был куда больше барск, чем человек. Я убил — но это ничуть не задевало меня. Мы, Вольные Купцы, пользовались оружием для защиты, но никогда не несли с собой войны, предпочитая при затруднительных обстоятельствах обходные пути. Я видел мертвых и до того, как попал на Ектор, но они, в основном, умерли своей смертью или от несчастного случая. Если же это было убийство, оно случалось только в результате ссоры между чужаками и отнюдь не касалось Купцов, и я не имел к нему никакого отношения.

Но в это убийство я был втянут: такого, наверное, мои предки не знали за целые века. Однако меня это не тревожило, я даже был доволен — хорошо сделал свое дело. Правда, во мне шевельнулось опасение, что, чем больше я останусь в этом теле, тем сильнее овладеет мною звериное начало, пока, наконец, не останется только четвероногий Джорт, а двуногий Крип исчезнет.

Но сейчас было не время поддаваться страхам, и я поспешил отогнать тревожные мысли. Я предпочел обдумать то, что ждало меня. Если я оставляю этого разведчика здесь, его может найти тот, кого пошлют за ним. Может, ему вовсе исчезнуть?

— Мертвый — мертвый! — из кустов вышел один из длинноносых большеухих зверей, которых я видел бьющими в барабаны на эстраде Майлин на ярмарке. На его спине сидел всадник — хвост колечком. Оба они уставились на разведчика, и от них исходила волна удовлетворения.

— Мертвый, — согласился я, облизал лапы и потер ими все еще болевший нос.

Большеухий зверь понюхал тело, выразил отвращение и отступил. Я посмотрел на останки и решил оставить все, как

есть. На мягкой земле остались отчетливые следы. Оба существа посмотрели на меня с удивлением. Их вопрос ясно читался.

— Оставить знаки — все против людей, — объяснил я, хотя вовсе не был уверен, что они поймут. Возможно, они повиновались лишь тогда, когда мое внушение совпадало с их собственными желаниями. Но насчет идей я сильно сомневался.

Они пристально посмотрели на землю, где я оставил свой автограф — отпечатки. Затем маленький спрыгнул со спины своего товарища и поставил обе передние лапки с сильно расставленными пальцами рядом с моими отпечатками. Встав на задние лапы и склонив голову на бок, он осмотрел результат. Его отпечатки походили на следы маленьких человеческих рук.

Большеухий неуклюже прошелся взад и вперед, оставляя путанные следы ног с длинными пальцами. Затем маленький вновь оседлал его. Я осмотрел почву. Пусть теперь найдут разведчика. Запись вокруг него заставит их призадуматься: трое совершенно разных животных, похоже, сообща разделили человека. Если враги поверят, что все животные лагеря выступают против них, им придется дважды оглядываться на каждый куст, каждое дерево, они будут ждать нападения даже из-под листвы. Трудно представить себе, что такая разношерстная компания животных могла объединиться против общего врага, это не в их натуре. Однако Тэсса имеют власть, которая уже и так держала равнинных жителей в страхе. Поставленные вне закона были людьми достаточно отчаявшимися, чтобы убить Малика. Возможно, теперь они решат, что против них действуют не только природные, но и сверхъестественные силы. А для людей, и так уже скрывающихся, такое соображение может оказаться губительным. И сломить их вконец.

Первое время мы шли, не только не прячась, а, наоборот, оставляя полные следы троих, путешествующих вместе. Потом мы стали скрывать следы: пусть следопыты решат, что мы растаяли в воздухе.

Заря застала нас в ложбине, где журчал ручей. Там были скалы, в которых мы и укрылись. Товарищи мои задремали, как и я, но были готовы в любой момент проснуться. Мы находились к востоку от лагеря и довольно близко к тому пути, которым должна была вернуться Майлин. Но скоро ли мы сможем ее увидеть? Нос все еще был забит той вонью, и я ничего не мог уловить.

Это был необычный день: солнце скрывалось в облаках, но не было и намека на дождь, только туман закрывал горизонт. Создавалось впечатление, что за пределами видимости было значительное и, возможно, неблагоприятное изменение, независимо от того, что сообщали нам глаза. Мне очень хотелось,

чтобы у кого-нибудь из нас были крылья и можно было бы полнее и лучше осмотреть местность.

Но если среди маленького народа и были птицы или какие-то летающие создания, я их не видел. Так что наш обзор был ограничен. Особенно удивил в этот день просто невероятный контакт с остальными разбежавшимися животными. Фрагментарные сообщения быстро шли по достаточно широкой линии связи, и я надеялся, что эта линия перекроет весь путь, по которому может вернуться Майлин.

Там были парные комбинации вроде той пары, что была со мной в ложбине, — большеухие животные и их наездники. По-видимому, такое партнерство существовало не только на сцене, но и в природе. Отвечали все: Борба, Ворс, Тантака, те, кто барабанил на сцене, и те, кого я не мог опознать. Симла, видимо, оставалась возле лагеря, как я и просил, поскольку ответа от нее не было.

В этот день я обнаружил, удерживая и читая мысли маленького народа, что он не равняет Тэсса с равнинными жителями, а видит в последних естественных врагов, избегает их и относится к ним враждебно и презрительно. Тэсса же принимались маленьким народом сердечно, как родственники и надежные товарищи. Я вспомнил слова Майлин и Малика о том, что Тэсса, готовые стать Певцами, поселяются на время в тела животных. В чьем теле жила Майлин, когда бегала по камням? Была ли она Ворсом, Симлой или кем-нибудь из тех, кто сейчас сопровождает меня? Имело животное выбор или назначалось? Или это происходило случайно, как со мной, когда больной барск оказался под рукой?

В течение дня я дважды выходил на открытое место, скрываясь, как мог, и смотрел, нет ли каких-нибудь путешественников. Во второй раз я заметил отряд, едущий к холмам. Всадники под знаменем какого-то лорда были вооружены, возможно, только что завербованы, и ехали гораздо южнее. Я знал, что нас они не смогут увидеть.

К ночи наше нетерпение возросло. Мы держались на ногах, ходили по пути, который сами наметили. Мне пришлось оставаться с пустым брюхом: нюх мой не различал дичь. Зато воды было вдоволь, и я решил, что с голову не умру.

К ночи пришло сообщение:

— Идет!

Я подумал, что тому причиной могла быть только одна особа. Я послал в ночь настоятельный зов:

— Майлин!

— Иду! — пришел ответ — тихий шепот, если можно так сказать о мыслях.

— Майлин, — мысленно прокричал я, — беда... Берегись! Жди... Дай нам знать, где ты.

— Здесь, — мысль прозвучала громче, и это было сигналом для нас выскочить из кустов и травы.

Она появилась в лунном свете на своем верховом казе. После сумрачного дня ночь была ясной. Три Кольца горели во всем своем великолепии. На Майлин был плащ, голова скрывалась под капюшоном, так что видели мы не женщину, а всего лишь темную фигуру на казе. Я прыжками бросился к ней.

— Майлин, беда!

— Что?! — ее мысленный вопрос снова опустился до шепота, будто вся сила ушла из нее, и она держалась только усилием воли. Меня щипнул страх.

— Майлин, что случилось? Ты не ранена?

— Нет. Что произошло? — ее вопрос прозвучал громче, тело выпрямилось.

— Люди Озокана напали на лагерь.

— А Малик? А маленький народ?

— Малик... — я заколебался, не зная, как сказать об этом. — Малик умер. Остальные здесь, со мной. Мы ждали тебя. В лагере засада.

— Так! — прозвучало, как удар хлыста. Ее усталости как не бывало. — Сколько их там?

— Человек двенадцать. Озокан ранен, командование принял другой.

В моей злобе были ненависть и что-то обжигающее, а в той волне эмоций, которая исходила от Майлин и теперь коснулась меня, был только холод, холод и смерть, и я невольно подался назад, будто увертывался от удара.

Лунный свет заискрился серебром на ее жезле, и из него тоже полился свет, когда она подняла его перед моими глазами. У меня закружилась голова. А Майлин запела. Сначала это было низкое бормотание, которое входило в душу, пульсировало в венах, нервах, мускулах. Пение становилось все громче, изгоняло из головы все, кроме мысли о цели, к которой она призывала нас, и превращало нас в единое оружие, державшееся в ее руке крепче, чем меч в руках жителей равнин.

Я увидел, как серебряный жезл двинулся, и послушно пошел за ним, как и вся остальная мохнатая группа. Майлин и ее присягнувшие на мече выступили в поход.

Я ничего не помню из этого путешествия с холмов: как и те, что шли со мной, я был полон только одним стремлением утолить жажду, вызванную во мне песней Майлин, — жажду крови.

И вот мы тайно подползли к лагерю. Он выглядел пустынным.

ным, только копыта били копытами и кричали в своих загонах. Но мы чуяли, что те, на кого мы охотимся, еще здесь.

Майлин снова запела — пошла вниз по склону, покачивая жезлом. Ночью жезл горел в лунном свете, и теперь, когда уже светало, он все еще сверкал, и из верхушки его капал огонь.

Я услышал в лагере крик, и мы кинулись туда.

Эти люди обычно имели дело с животными, которых считали низшими существами: охотились на них, убивали, приручали. Но животные, которые не боялись человека, которые объединились, чтобы убивать людей, — такого просто не могло быть, это противоречило природе, люди это знали, и необычность нашего нападения с самого начала выбила их из колеи. Майлин продолжала петь. Для нас ее песня была призывом, поощрением, а чем она казалась изгоем — не знаю, но помню, как двое в конце концов бросили оружие и катались по земле, зажимая руками уши и издавая бессмысленные вопли. Так что расправиться с ними было нетрудно. Конечно, не всем нам повезло, но мы узнали об этом только после того, как песня кончилась. Мы остались в лагере и подсчитали потери.

Я как бы проснулся после страшного сна. Увидел мертвецов, и часть моего существа знала, что мы сделали, другая же старалась отогнать все воспоминания.

Майлин не глядела на тела, а уставилась куда-то вдаль, будто боялась смотреть на хаос, возникший вокруг нее. Руки безвольно повисли, в одной из них был жезл, но он уже не мерцал живым светом, был тусклым и мертвым. С пепельно-серым лицом она смотрела в себя. Я услышал жалобный вопль.

К Майлин ползла Симла, на ее заднюю часть зияла большая кровоточащая рана. Затем послышались вопли и визг других раненых животных, пытающихся добраться до своей хозяйки. Но она не видела их, глядя куда-то в пространство.

— Майлин!

Мне стало страшно. Не было ли существо, стоявшее здесь, лишь пустой оболочкой женщины Тэсса?

— Майлин! — снова мысленно закричал я, собрав все силы. Симла застонала, подползла к ногам Майлин и положила голову на пыльную обувь.

— Майлин!

Она шевельнулась, почти неохотно, словно не хотела возвращаться из державшего ее небытия. Пальцы разжались, и жезл покатился в кровавую грязь, к мертвецам. Затем ее глаза ожили и обратились к Симле. С отчаянным криком Майлин опустилась на колени и положила руку на голову венессе. Я понял, что она снова вернулась к нам. Теперь надо было перевязать раненых, посмотреть, что можно сделать для оставших-

ся в живых. Из людей не выжил никто. Я нашел ведро и принес воды, потом еще и еще: Майлин варила питье для раненых. Когда я ходил за водой в третий раз, мой нос, освободившийся, наконец, от терзающего его зловония, предупредил меня об опасности. Человеческий запах, сильный, свежий, уходил в кусты. Я бросил ведро и обнюхал след, но дальше не пошел, потому что мысленный оклик приглашал меня вернуться.

По-моему, лучше всего было бы как можно скорее идти по этому следу, но я все-таки вернулся. Видимо, кто-то спрятался от битвы в фургонах, а даже один человек может залечь над склоном и перестрелять нас из боевого лука. Полный этих мыслей, я прибежал в лагерь. Прежде чем я успел сказать о своем открытии, Майлин обратилась ко мне:

— Я должна сказать тебе...

— Майлин, там... — хотел я прервать ее.

Немного высокомерно она отказалась слушать меня и продолжала:

— Крип Ворланд, я привезла из Ирджара плохие новости.

В первый раз за эти часы я вспомнил о Крипе Ворланде и его бедах, и испугался — больно было возвращаться от Джорта к Крипу.

— Капитан "Лидиса" обратился к Закону Ярмарки, когда тебя увезли люди Озокана, а твоего товарища ударили и бросили, считая мертвым. Его нашли, и он рассказал о том, что произошло, опознал клан похитителей. Дело дошло до Верховного Правосудия, и был предъявлен иск Осколду, на земле которого нашли твое тело. Тело привезти в Ирджар и решили, что мозг разрушен пытками, применяемыми Осколдом. Врач "Лидиса" сказал, что оказать тебе помощь можно только дома. И вот... — Майлин сделала паузу, и ее глаза встретились с моими, но ничего не выражали — она смотрела мимо меня, на что-то большее, чем Крип Ворланд или Джорт. — И вот, — начала она снова, — "Лидис" ушел с Ектора с твоим телом на борту. Вот и все, что я смогла узнать, потому что в городе творится что-то страшное и непонятное.

Что-то подсказывало мне, что она говорит правду. Она говорила что-то еще, но все это уже не имело значения, и до меня не доходило, будто она говорила на другом языке.

Нет тела! Эта мысль билась в голове, звучала все громче, пока я не завизжал в том же ритме. Это были только удары, и я ничего не понимал. Теперь Майлин смотрела не в пространство, а на меня и, кажется, пыталась добраться сквозь этот грохот до моего сознания. Но ничто не действовало. Я не Крип Ворланд и никогда не буду им снова, я Джорт!

Я слышал звуки, видел Майлин сквозь красный туман, сс

большие глаза, шевелящиеся губы. Ее команды доносились как бы издалека, заглушаемые грохотом. Я был Джортом, смертью, охотником...

Затем я шел по следу, взятому в кустах у реки. Свежий сильный запах наполнил ноздри. Убить... Только ради убийства стоит еще немного пожить. Нельзя быть беспечным, барс коварен... барск...

Зверь с вековой хитростью овладел мною. Пусть Джорт будет только Джортом. Я отогнал, спрятал, как ненужные остатки, то, что когда-то было человеком, и следил за выходом зверя на его извечное дело — охоту. Я различал смесь трех разных запахов. Не казы — эти люди шли пешком. И один источал тошнотворную вонь, говорящую о повреждении тела. Трое направлялись к холмам. Их можно выследить, но для этого потребуется хитрость. Туда носом, сюда, следить издали за всем, что может оказаться засадой. Возможно, человеческая хитрость все еще сочеталась во мне со звериной.

Похоже, они не могли подняться по более крутым склонам. Вероятно, раненому трудно было идти: перед его следами шли более легкие.

Я нашел место их остановки. Там виднелись окровавленные тряпки, которые я пренебрежительно обнюхал. Однако люди упорно шли вперед, к границам земель Осколда. Я шел по следу захватчиков, не допуская и мысли, что у меня отнимут добычу.

Мозг постоянно что-то дергало издалека, хотя я поставил барьер против этого и отказался открываться зову. Я был Джортом, а Джорт охотился, и это было единственной реальностью.

Выше и выше... Я дошел до места, где были срублены два молодых деревца, а затем пошел по следу только двоих людей. Двое несли третьего, их шаг замедлился.

Я бросился вслед, вошел в овраг между крутыми склонами и подумал, что моя дичь может остаться внизу, но не понесся наугад, а пополз от одного укрытия к другому. Я не тыкался носом ни во что пахнущее, помня, на какую хитрость поймали меня разведчики.

Настала ночь, а я все еще не видел их. Я даже удивился: как далеко они ушли с грузом — разве что оставили лагерь еще до нашей атаки? Луна помогла мне, где отчетливо выделяя пейзаж, а где пряча его в тени, что скрывало мое продвижение.

Наконец, я увидел их. Двое стояли, прислонившись к скале. Затем один соскользнул на землю и сел, опустив голову на грудь и безвольно уронив руки меж вытянутых ног. Другой

тяжело дышал, но оставался на ногах. Третий вытянулся на носилках, издавая слабые стоны.

Двое обессилены, решил я, но за третьим, стоящим, следовало внимательно следить. Наконец, он пошевелился, встал на колени и поднес фляжку к губам лежащего на носилках, но тот махнул рукой и с резким раздраженным криком оттолкнул фляжку. Она ударилась о камень и разбилась. На камне остались темные брызги. Тот, кто держал ее, хрипло заворчал, стал собирать осколки, затем поднял голову и дико огляделся, как бы ища в окружающей их дикой местности что-то такое, что могло бы избавить его от несчастья.

Все это время сидящий не шевелился. Он медленно покачивал головой из стороны в сторону, как бы вглядываясь в темноту. Затем встал, опираясь о скалу. Теперь луна освещала его лицо, и я узнал в нем того, кто охранял Озокана с тыла, когда они вели раненого лорда в лагерь Тэсса. Я узнал и другого: он выполнял волю своего лорда в тесной камере пограничного форта.

Крип Ворланд... Кто такой Крип Ворланд, что призывает Джорта-барска к мести? Не важно... Главное — убить...

Считая их своей добычей, я выскочил на открытое место, издав боевой клич своей породы — глубокий грудной вой. Тот, кто лежал на носилках, скорее всего был беспомощным, а двое других — им и драться не на жизнь, а на смерть. Лучшего решения не было.

Я прыгнул на стоящего. Видимо, его отупевший мозг и уши не известили его о моем присутствии прежде, чем я всей своей массой не ударил его в грудь и не сбил с ног. Клыки нацелились куда надо. Легкая добыча!

Я грыз его и рвал, затем вскочил и встретил второго. Он ждал, полусогнувшись, между мною и носилками, в руке меч, сверкающий в лунном свете. Человек закричал. Был ли то военный клич или призыв на помощь — какое мне было дело? Это меня не касалось.

Меч ожил и мы заканчивались друг перед другом в сложном рисунке какого-то ритуального танца. Я все время заставлял его вертеться и раскачиваться, и это помогло мне, потому что смертельная усталость сковывала его члены. Наконец, мои челюсти сомкнулись вокруг его запястья, и меч выпал. За этим последовал быстрый конец.

Задохнувшись от этого танца смерти, я повернулся к носилкам. Тот, кого несли на них, теперь сидел. Может быть, страх поднял его ослабевшее тело и вернул ему энергию. Я увидел, как дернулась его рука, вспышка света мелькнула в воздухе и ударила меня между шеей и плечом, уколола сильно и глубоко,

как нож. Но поскольку человек не убил меня сразу, себя он не спас.

И вот я лежал среди этих тел и думал, что скоро здесь умрет и Джорт, барск, отчасти бывший человеком. Хороший конец для того, кто потерял надежду вернуться назад по таинственной тропе, приведшей его в это время и место.

МАЙЛИН

Глава 15

Весы Моластера. Давно — ночи и луны назад — я ступила на этот странный путь в согласии с весами Моластера. Но теперь они вышли из равновесия, как всегда бывает, и вместо добра мои усилия приносят зло. Удивительно, как много зла таится в надежде на добро. Я думаю, что Моластер оставил меня, и я брошена в прилив и не могу выплыть. Видимо, я чересчур верила в себя и в свои силы, и теперь за это наказана.

Я стояла в лагере среди мертвых — и врагов, и моих маленьких существ, и смотрела вокруг, зная, что все это началось частично из-за меня, из-за моих действий, за которые должна была бы отвечать только я. Некоторые думают, может быть, и правильно, что мы всего лишь игрушки в руках великих сил и движемся туда-сюда не по собственному желанию. Но если такая вера успокаивает чье-то сердце и отгоняет чувство вины, она не поддержит того, кто знает дисциплину Певца. Я, например, отказываюсь в это верить.

Мой дух оплакивал маленький народ и Малика, хотя я и знала, что Белая Дорога не тяжела для тех, кто в близком содружестве с нами. Иногда гораздо тяжелее возвращаться к этой жизни, чем пройти через ворота на дорогу, которая ведет куда-то в другое место. Мы не должны позволять себе горевать о тех, кто ушел: ведь они только снимают старые одежды и надевают новые. Это относится и к моему маленькому народу. Но те, кто еще страдает... ах, я также чувствую их боль, их лихорадку, их несчастье. Я должна также нести груз жизни и для другого — того, кто убежал из лагеря с такой грозой в душе, какая бывает у человека, идущего на смерть. Я должна найти его, если смогу, потому что я в глубоком долгу перед ним.

Я подозреваю худшее — что в глубине души я желала именно такого конца. И если такие сильные желания взвешиваются на весах, они влияют на происходящее. Хотя я не воплощала эти желания в жизнь пением, могу ли я быть уверенной, что бессознательно я не влияла на будущее?

Я знаю, что я могу предложить один выход человеку, кото-

рый был Крипом Ворландом из другого мира, и если он его примет, то...

Я говорила моему маленькому народу успокаивающие слова, говорила им то, что должна была сказать, и пела над жезлом, хотя был еще день, а не ночь, поскольку не могла ждать темноты. Затем я напоила и накормила тех, кто так долго был моими товарищами. После этого я села с Симлой и сказала ей, куда я должна уйти и почему. Солнце заходило, когда я вышла из лагеря.

Без силы моего жезла я бы не нашла след. Но когда Крип Ворланд входил в тело Джорта, жезл помогал этому и мог теперь найти его, куда бы он ни ушел по земле Ектора. Я взяла с собой рюкзак с продуктами, поскольку не знала, далеко ли придется идти, хотя и чувствовала, что Джорт близко.

Поразмыслив, я отказалась от того, чтобы искать его мыслю: может быть, он теперь закрыл свой мозг для меня, а может мой зов отвлечет его как раз тогда, когда ему понадобятся вся его ловкость и хитрость для спасения собственной жизни. Я была бы более чем уверена — не просто бежал, куда глаза глядят, когда узнал правду, он, скорее всего, ушел искать битвы и, вполне возможно, смерти.

Когда мы принимали форму маленького народа, мы всегда знали, что одновременно принимаем и свойственные ему мерки. А когда человек находится в таком состоянии, в каком был Крип Ворланд, он реагирует в своей новой форме самым диким образом. Из всех животных барск — самый хитрый, умный и свирепый, и эти три качества резко отличают эту породу от всей другой жизни на Екторе. Только потому, что барск был болен от дурного обращения, я и могла работать с ним, пока в мой лагерь не пришел Крип Ворланд.

Вот почему я была уверена, что создание, которое я ищу, стало на время диким охотником. Он наверняка преследует какого-нибудь беглеца из банды Озокана. Среди убитых не было тела Озокана, возможно, теперь он и служит приманкой. А сколько людей с ним? Все, кого мы застали в лагере, теперь покойники, но ведь захватчиков могло быть и больше.

Дорога вела к границе владений Осколда. Настала ночь, и с ней пришла луна, всегда помогавшая Тэсса. Я запела — не словами, выводящими мою власть наружу, а внутренне, спрашивая, почему жезл не указывает направления. И я не устала, потому что жезл цвел и тем питал мой дух.

Когда поёшь, не думаешь ни о чем, кроме цели, образующей ноты. Я шла с единственным желанием — найти потерявшегося. Если Моластер поможет мне хоть самую малость, все еще может кончиться хорошо.

Дорога вела меня вверх, но все вокруг было в темноте. Я не была более в устойчивом мире, луна воевала с тьмой: то та, то другая захватывали полосу земли. Я шла быстро, потому что тот, кого ведет песня и жезл, не может тащиться нога за ногу.

В предрассветных сумерках я вошла в долину, где господствовал запах смерти, устрашающей дух. Я увидела тела трех людей. Двоих я не разглядывала, потому что не знала их, третьим же был Озокан. Когда я подошла к тому месту, где он лежал на грубых носилках, как будто ему так и полагалось по рождению, я увидела того, за кем пришла.

Я поискала мысль, боясь найти молчание мертвого тела. Но нет! Дух слабо мерцал, но все еще держался! Я успела как раз вовремя.

Воткнув жезл в грязную землю, я послала пламенную благодарность Моластеру, а затем осмотрела раны в красном меху, таком близком по цвету к крови, что страшно было смотреть.

Серьезная рана была только одна, причиненная глубоко вонзившимся поясным ножом. Он так и торчал в ней. Я стала работать, как никогда еще не работала. По отношению к моим маленьким существам я действовала из любви и жалости, а здесь я должна была спасти разум, чтобы последний шанс для каждого из нас не был потерян. Я победила смерть своими руками, своим знанием и властью песни.

Обычно мы боремся со смертью, не переходя последней баррикады. Среди Тэсса не встретишь таких, кто посягнул бы на свободу другого и отрицал бы его право на Белую Дорогу, если тот уже сделал по ней первые шаги.

Вытаскивать его обратно с дальнего пути — это значит повредить его будущему. Но в данном случае речь шла не о Тэссе. Я встречала расы, разделявшие наш взгляд на Великий Закон. Для некоторых же народов, я знаю, смерть считается полным уничтожением, и они относятся к ней с ужасом, омрачающим им жизнь. Я не знала, как Крип Ворланд смотрит на смерть, но была убеждена, что он имеет право сделать свой выбор — видеть ли в смерти врага или Брата. Поэтому я старалась для него, как ни для кого из своих. Дух еще жил в нем, но останется ли он, смогу ли я его удержать, об этом я боялась думать. Ранним утром я снова запела, на этот раз громко, призывая всю власть, которую могла собрать. И под моим жезлом слабое биение сердца усилилось, и я поверила, что нить стала крепче. Наконец, я подняла безвольное тело. Оно оказалось крепче, чем я думала. Я почувствовала кости под шкурой, как будто Джорт долго голодал.

Мы возвращались через холмы, и я все пела и пела, борясь за жизнь существа, которое удержала на земных путях.

Когда мы пришли в лагерь, маленький народ так обрадовался, что нарушил мою сосредоточенность своими криками и мыслями. Я опустила Джорта рядом с Симлой. Она все еще была жива, на что я не надеялась. Я снова перевязала ее рану, но видела, что Симле жить осталось недолго. Я взяла ее обеими руками за голову, как часто делала, и задала Вопрос. Она долго сидела так, а потом дала Ответ. Остальные сидели вокруг и тихонько повизгивали. Ведь маленький народ — не Тэсса, им нужно много мужества, чтобы дать такой Ответ, они не верят, как мы. Я вызвала у Симлы самые лучшие воспоминания и пустила ее блуждать по ним, в то время, как вся боль ушла из ее тела. Симла была довольна и счастлива. И в наивысший момент ее счастья я дала освобождение согласно Ответу. Но в меня будто вонзился меч, ведь память и горька, и сладка, и это прибавило мне тяжести.

Я завернула Симлу — ту ее часть, которая больше не имела отношения ни к нам, ни к той части, что освободилась, и положила среди скал. Джорт крепко спал. Если возможно выздоровление, то оно начинается...

Затем я осмотрела лагерь, зная, что должна уйти и найти помощь, если смогу, и сделать это быстро. Потому что, если пришел Озокан, могут прийти и другие. Поев сама и накормив маленький народ, я занялась приготовлениями к отъезду.

Один из фургонов пришлось оставить, и я взяла из него все, что могло нам понадобиться. Грабители многое уничтожили, но все, что осталось из пищи и лекарств, я погрузила. Клетки я поставила в два фургона и удобно устроила их обитателей. Джорта я положила на мягкий мат за своим сидением в передней части фургона и приказала казам отправляться. Фургоны следовали один за другим, так что управлять задним не было нужды.

Солнце светило неярко, потому что уже приближалась зима. Каждый сезон имеет свое очарование. Некоторые считают осень печальным явлением, потому что многое, жившее при жаркой погоде, как бы умирает и исчезает с земли, и приход зимы страшит их. Но ведь у каждого времени года своя жизнь и энергия, и каждый сезон имеет свои преимущества перед остальными.

Для Тэсса зима — время отдыха, встреч членов клана и духовного общения, время суда и обучения. И в этом году я, Майлин, предстану перед судом моего народа. Но пока еще осень не ушла из страны. И хотя искра жизни в Джорте чуть тлела, она ведь еще не погасла.

Дважды издали я видела отряды всадников, но даже если они и видели мой маленький поезд, они не обратили на нас

внимания, так как искали не меня. Может быть, было и к лучшему, что мы ехали открыто, средь бела дня, — ведь Тэсса всегда были чужаками для равнинных жителей и известными бродягами, а ночное путешествие могло пробудить подозрения.

Казы, хорошо отдохнувшие в лагере и вдоволь накормленные и напоенные, уже много часов шли небыстрым, но ровным ходом, и я намеревалась проехать больше того, что обычно мы проходили за день. Я спешила: время было мне не другом, а лютым врагом. Иногда я останавливалась и смотрела на свой народ. Больше всего мне не хватало Симлы.

Она значила для меня больше, чем другие, потому что нас связывал давний обмен. Эту связь нельзя объяснить словами. Никто другой не смог бы мне заменить Симлу. Если бы я ушла из жизни раньше ее, она чувствовала бы такую же пустоту.

Интересно знать, если Крип Ворланд снова получит свое тело, а дух барска вернется в свою законную оболочку, будет ли этот чужеземец считать себя объединенным с другой формой жизни? Никто из его рода не испытал такого обмена.

Мы опять ехали в Долину, теперь я думал о Древних. Что случилось с нашим посланием из Ирджара? Малик говорил мне, что ответа не было. Придет время, которого я не могу и не хочу избежать, когда я должна буду предстать перед собранием, рассказать обо всем, что сделала, и обосновать сделанное. Однако я не верю, что мои причины будут достаточно сильны, чтобы противостоять тяжести гнева Древних.

Я прогнала эти темные мысли, потому что они навлекают несчастья. Вместо этого я собрала все, что могла, для блага, и выбрала растущую песню, ибо рост — близкий родственник выздоровления и, может быть, одно составляет часть другого. Казы по-прежнему шли к Им-Сину, и я пела для Джорта и для маленького народа. В такой песне вся энергия связана в единую волю-желание, но может и распасться, если понадобится.

Наступила ночь, и я увидела в темноте отблеск огня, говорящий о каком-то насилии. За холмами лежала страна Осколда, мы ехали по равнине. Может быть, Осколд объявил войну захватчикам, а может, распространилась какая-то давняя ссора. Я вспомнила разговоры, слышанные в Ирджаре, о том, что "Лидис" ушел с планеты, чтобы избежать какой-то опасности.

Во время войн равнинных жителей Тэсса, следуя древнему правилу, поднимались в горы, в безопасные места. Так что, думала я, возможно, и другие фургоны движутся в эту ночь, но не рискнула послать мысль. Я пела, и в песне было больше могущества, чем обычно, так как мы ехали под Луной Трех Колец.

Я поняла это, когда повернулась на сиденьи и подняла свою

палочку над исхудалым телом барска. И почувствовала, как она колеблется вверх и вниз, не касаясь ни кожи, ни меха, и изменяет всю энергию за одно движение. Моя рука устала, во рту пересохло, горло саднило. Я отодвинула жезл в сторону и наклонилась. То, что было чуть мерцающей искрой, теперь горело ровным пламенем. Я слишком устала, чтобы псылать мысль, но теперь знала, что это едва не погибшее создание будет жить. И с возвращением жизни наверняка будет принято и то, что я могла ему предложить.

Мы остановились у поворота на главную дорогу в Им-Син. Я выпустила тех животных, которые хотели побегать, и занялась оставшимися. Борба прибежала с сообщением, которое немедленно выгнало меня из фургона на дорогу.

Мой нос не мог ощущать того, что остро чуял мой маленький народ, но глаза видели, что по этой дороге проехали большие отряды всадников. Я не слышала запахов, как животные, но зато улавливала в воздухе нечто другое. Здесь проехали опасность и злоба, причем проехали недавно. Следовать за ними могло быть опасным.

Однако выбора у меня не было. Что выслеживали эти люди? Всем было известно, что эта дорога ведет только в Долину, а этого места остерегались, туда ехали только те, кого посылал рок. Я не могла поверить, что какой-то всадник поедет туда добровольно. Была только одна причина, которая могла объяснить такое безрассудство и пренебрежение обычаями: Долина имела два выхода: с запада, с той дороги, где мы сейчас находились, и с востока, где путь пролегал через земли Осколда. Неужели кто-то из его врагов, движимый безумной ненавистью, решил ввести своих людей в Долину, чтобы выйти затем в центр владений Осколда? Для вождя такое оскорбление обычаев было почти невероятным, однако во время диких войн творилось и худшее, это потом удивляло людей, оглядывающихся назад и неспособных поверить, что такое было. Людей вело безудержное желание победы над врагами, и они сметали все, что случайно попадалось на пути.

Я думала о тишине и покое Умфры и о тех, кто хранил этой покой несчетные годы и теперь не мог поверить, что кто-то может смутить его. Они могли оказаться в роли насекомых под чьими-то неосторожными шагами. Конечно, всего этого могло бы и не быть. Да у меня и не было другого пути, так что я собрала свою компанию, накормила и напоила ее, и мы стали ждать луны. В эту ночь мне нужна была луна, она поднимала и укрепляла мой дух, давала силу.

Луна взошла, ее не закрывали облака, но свет ее тускнел от огней внизу. Я увидела это и закусил губу: огонь поднимался

от Им-Сина, и такие красные цветы выращивала только война. То, чего я боялась, действительно было!

Я снова запрягла казов и выехала на дорогу. По ее гладкой поверхности мы ехали быстрее. А, собственно, зачем торопиться? Приехать в горящие развалины разграбленного Им-Сина? У меня был свой род оружия, но оно не для таких баталий.

Можно было свернуть с дороги. Впереди был некий пункт, от которого я могла добраться до безопасной высокогорной области. Если весь Ектор сошел с ума, здоровым лучше собраться вместе и отсидеться — пусть остальные уничтожают друг друга.

Позади послышалось слабое движение мата. Я оглянулась. Глаза барска были открыты, но никаких признаков разума. Меня кольнул страх — неужели Джорт действительно взял верх, а человек ушел в небытие? Иногда случалось, хоть и редко, что человек не мог пересилить звериную природу.

— Крип Ворланд! — мысленно окликнула я его, резко, как призыв к оружию, со всем своим мастерством.

Глаза были пустыми, в них не было жизни. Будто я снова смотрела на барска, которого я отобрала у Отхельма, на животное, глубоко пораженное бедствиями и уже готовое расстаться с жизнью.

— Крип Ворланд! — еще раз воззвала я к его мозгу.

Голова шевельнулась, будто ему хотелось избежать удара. Он и в самом деле сдал, сознание его было так же далеко от моего, как далека была его жизненная сила от прежней.

— Крип Ворланд! — я подняла жезл, подставила под лунный свет и опустила на голову барска.

Крик боли и ужаса вырвался у него, ни от одного животного я не слышала такого плача, и мой маленький народ ответил ему, каждый на свой лад. Барск пытался встать, но я положила ему на плечо руку, стараясь не касаться раны, и он снова улегся.

— Ты — Крип Ворланд! — я выпустила каждое слово, как стрелу из лука. — Ты — человек! ЧЕЛОВЕК!!!

Он снова взглянул на меня глазами животного, но в них уже было что-то иное. Отвечать он не пытался. Если оставить его в покое, он снова уйдет. Я не могла этого допустить, ибо не могла вернуть его к жизни вторично.

— Человек, — повторила я. — И пока человек жив, живо и его будущее. Клянусь тебе... — я поставила пылающий жезл между нами и увидела, как его взгляд переходит с жезла на меня и обратно. — Клянусь тебе властью этого жезла, а меня такая клятва связывает больше, чем жизнь или смерть, что еще не все потеряно!

Достаточно ли он готов принять эти слова, понять их, а поняв, поверить?

В это время и в этом месте я ничего больше не могла сделать, остальное зависело только от него самого. А что я знала о движущих силах чужезвездцев и могла ли указать ему ту или иную дорогу?

Я боялась, что он поймет, но не поверит.

— Что осталось?

Его мысль-речь была очень слабой, я с трудом понимала ее.

— Все! — я торопилась поддержать и укрепить контакт.

— А что все?

— Временно — новое тело, человеческое тело. В нем ты сможешь беспрепятственно отправиться в Ирджар. Там ты либо последуешь в космос за своим кораблем, либо найдешь способ вызвать его за собой на Ектор.

Примет ли он это?

— Какое тело?

Меня подбодрило то, что мысль его окрепла. Он больше не отказывался от контакта со мной, как вначале.

— Оно ждет нас.

— Где?

— На холмах.

Я надеялась, что говорю правду. Я должна верить, что это правда, или все пропадет. Он посмотрел мне в глаза.

— Ты, видимо, имеешь в виду то...

Контакт снова ослаб, но на этот раз не по его воле, видимо, ослабло тело.

— Да. Но ты серьезно ранен, тебе надо спать.

Я была больше, чем уверена, что, пока он так слаб, надо отложить решение или немедленные действия. Он снова положил голову на мат, закрыл глаза и уснул. Фургон ехал дальше. Мне было не до сна. Я не могла подвергать опасности маленькие жизни, тесно связанные со мной. Один раз я воспользовалась ими, приняла их помощь. Теперь же надо было отправить их в безопасное место. Как только мы доедем до поворота в наше высокогорье, мы разделимся. Я вложу в мозг казов программу их движения на день-два. Затем, конечно, если Тэсса не уловят сигнал бедствия, который я тоже пошлю, животные могут уйти в безопасные места. Это было лучшее из того, что я могла сделать для них.

Все шло так, как я планировала. Я оставила один фургон, а два отправила, вложив приказ в мозг казов. Через несколько часов он мог ослабеть, но я дополнительно включила маленький механизм, который заставит их держать направление к возвышенности и известит Тэсса, что животным нужна по-

мощь. Они были в незакрытых клетках, я оставила им пищу и воду.

Я долго смотрела вслед фургону. Когда они скрылись из виду, я вернулась в свой. Джорт все еще спал. Нас везли два самых лучших каза, приспособленных к тяжелой работе. Я посмотрела на далекий огонь. Он несколько потускнел. На заре следующего дня нас ждет опасность, но в чем она заключается, я не пыталась угадать.

Глава 16

Как всем Тэсса, возвышенные места нравились мне больше, чем равнинные, где иногда трудно дышать, где столько пыли от земли и от людей с их тупостью и тяжеловесными мыслями. Я не знала, откуда пришла наша раса, наша история так длинна, что ее начало затянато туманом. Некоторые читают, что мы, возможно, и не с Ектора, а приходим из другого мира, на этой планете мы чужаки, как тот чужезвонец, что едет со мной. Но если это и так, мы здесь уже так давно, что даже легенд о нашем прибытии сюда не осталось.

Когда мы еще жили под крышами, наши города располагались в горах, поэтому мы без затруднений остались наверху, когда другая раса явилась из-за моря и поселилась здесь, в равнинах. Для них были низины, для нас — высокие места.

Теперь, когда фургон поднимался к Им-Сину, сердцу стало чуть легче, как бывает с каждым странником, когда он входит в страну, где его рады видеть. Но попутно возрос и страх. Будь здесь Симла, она могла бы разведать все, была бы моими глазами и ушами. Но никто не мог заменить мне ее.

Солнце вставало, но было скрыто вершинами холмов, так что для нас не было ни полного света, ни тепла. Я поела, не останавливая фургона, но больше не пела, потому что моя сила упала после всех призывов, которые я сделала за последние несколько часов, а то, что осталось, могло понадобиться в качестве оружия. Мы все еще видели следы отряда, прошедшего перед нами.

На склонах холмов были виноградники. Их листья увяли и покраснели. Но не было ласкового ветерка, шевелящего листья, только запах гари. Я уже угадывала, что найду в Им-Сине.

Дым все еще тянулся из куч золы. Из зернохранилища валили маслянистые клубы. Я намочила шарф и завязала нос и рот. Глаза разъедало. Огонь пощадил только храм Умфры, но большие ворота косо сидели на петлях, и было видно, что их протаранили. Им-Син был захвачен внезапно, горстка его оби-

тателей ухитрилась добраться сюда в надежде, что святыни не тронут.

Эти убийства и разрушения были столь бессмысленны, как будто сотворившие это были бездушными оболочками людей. Каким же может быть человек, когда он сбрасывает всякий контроль над зернами жестокости и зла, живущими в нем! Я Певица и для получения своей силы прошла через множество проверок и испытаний. Я из рода Тэсса, народа, давшего обет мира. То, что я увидела в Им-Сине, превосходило всякое понимание. Меня трясло и тошнило, я не могла поверить, что это сделали называющие себя людьми.

Если такое случилось с Им-Сином, что же с Долиной? Правда, в Долине была стража, готовая грудью защитить тех, кто жил там. Может быть, стражники унесли их, чтобы спасти от смерти?

Я вернулась к фургону и отдала приказ казам. Джорт поднял голову и взглянул на меня.

— Что случилось?

Я откровенно рассказала ему о том, что нашла здесь, и добавила, что смерть идет перед нами.

— Кто? Почему?

— Ничего не могу сказать. Предполагаю только, что враги Осколда идут на него через Долину.

— Я думал, что Долина и ее дороги священны, неприкосновенны...

— Во время войны богов оскорбляют или забывают. Так бывает часто.

— Но как могли равнинные жители сделать такую вещь только ради того, чтобы потихоньку напасть на лорда, — настаивал он.

— Я думала об этом, но не нашла ответа. Прошлой ночью на равнине пылали пожары. Я предполагаю, что это не просто вторжение в земли Осколда, конфликт распространился гораздо шире, и, может быть, уже вся страна в огне и крови. То, что я видела здесь, восстает против здравого смысла. Объявленные вне закона могут совершать такие акты, но их банды не столь велики, чтобы напасть на городок, да и кто эти отщепенцы? Ведь Озокан и его люди умерли.

— Но мы пойдем туда, в Долину?

— Я поклялась тебе, — устало ответила я. — Я сделаю все, что могу, чтобы хоть как-то исправить сделанное. Смогу ли — ответ на это в Долине.

— Ты хочешь предложить мне тело Маквэда?

Меня не удивили его слова. Он не глуп, а сложить два и два не там уж трудно.

— Да, тело Маквэда, если ты согласен. Затем ты можешь пойти в Ирджар, и я пойду с тобой. Мы все расскажем, на твой корабль сообщат, и он, конечно, вернется.

— Очень уж много “если”. Скажи, Майлин, почему ты отдаешь мне его тело?

— Потому что оно — единственное возможное, — медленно сказала я.

— У тебя нет других причин? Например, желания, чтобы Маквэд снова жил?

— Маквэд умер. Осталось только то, что пока поддерживает жизнь — тусклый образ.

— Значит, вы, Тэсса, отделяете человека от тела?

Я не совсем поняла, что он хотел сказать.

— Ты — Крип Ворланд. Разве ты чувствуешь себя менее Крипом Ворландом, раз находишься в другой оболочке?

Он молчал, обдумывая. Я надеялась, что правильно ответила на его мысль. Если он согласится, что главное — не тело, а то, что в нем живет, тогда обмен не будет для него таким тяжелым.

— Значит, вашему народу все равно, какое тело вы носите?

— Конечно, нет! Я была бы безумной, если бы утверждала подобное. Но мы верим, что внутренняя часть неизмеримо выше внешней, она и составляет нашу истинную сущность, а внешняя часть — только одежда для глаз и чувств. Внешняя оболочка Маквэда все еще жива, но то, что было Маквэдом, ушло из оболочки и от нас. Я предлагаю тебе его бывшее тело, чтобы ты опять стал человеком.

— Тэсса, — поправил он меня.

— А разве это не одно и то же?

— Нет! — резко возразил он. — Мы очень разные. Как Джорт, я узнал, что остаток законного обитателя все еще живет в этом теле и может влиять на меня. Не получится ли там же, если я испробую другое перемещение? Не стану ли я Крипом-Маквэдом вместо Крипа Ворланда?

— Кто руководит Джортом — человек или барск?

— Человек, я надеюсь... теперь... — нерешительно ответил он.

— Разве Крип Ворланд не останется Крипом Ворландом независимо от тела, в котором он живет?

— А ты уверена?

— Есть что-нибудь в этом мире, под любым солнцем, в чем можно быть уверенным?

— Только в смерти.

— А вы, чужезвездцы, уверены в смерти? Вы верите, что она конец, а не начало?

— Кто знает? Вряд ли мы можем получить правильный ответ на вопрос, какой хотели бы задать. Итак, ты предлагаешь мне тело, близкое к моему, пропавшему. Ты сказала, что потом мы поедем в Ирджар. Но, похоже, нам придется иметь дело не только со своими заботами, но и с войной, лежащей между нами и Ирджаром.

— Крип Ворланд, разве я обещала тебе, что все будет легко и просто?

— Нет, — согласился он. — Но как ты вообще можешь обещать мне тело, если те, кто идет перед нами, расправятся с Долиной, как с Им-Сином?

— В Долине есть стражи, а здесь их не было. Они могут защитить тех, кто там живет. Я предложила тебе лучшее из того, что могу, Крип Ворланд. Большого не может сделать никто — ни человек, ни Тэсса.

— Согласен.

Он, видимо, только сейчас заметил отсутствие остальных членов нашей компании, потому что спросил:

— А где животные?

— Я отослала их туда, где, я надеюсь, мой народ встретит их. Если же этого не случится, они будут бродить по своей воле.

После паузы он сказал:

— У всех нас изменилась жизнь после той прогулки на ярмарке в Ирджаре. Я никогда не поверил бы этой истории, если бы не пережил ее сам.

— Материал для легенды, — согласилась я. — Говорят, что если глубже покопаться в любом древнем сказании, то в нем обязательно найдешь зернышко истины.

— Майлин, кем был для тебя Маквэд?

Я была застигнута врасплох, и он, видимо, почувствовал это. Неожданность вырвала у меня правду.

— Он был спутником жизни моей родной сестры Мерли. Когда... когда он ушел от нас, я боялась, что она последует за ним. Она до сих пор отворачивает лицо от полноты жизни.

— Скажи, вернется ли эта связь с возвращением Маквэда? — Второй его вопрос звучал так же остро.

— Нет. Ты будешь носить тело Маквэда, но ты не Маквэд. Однако, увидев тебя, она, может быть, примирится с правдой и снова выйдет из тьмы к свету.

Наконец, мое несчастное, раздражающее желание было высказано словами.

— Но твой народ узнает, что я не тот, кем кажусь?

Он, видимо, не слышал моих последних слов. Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

— Не думаешь же ты, что скроешь от Тэсса свою истинную

сущность, Крип Ворланд? Всякий узнает тебя с первого взгляда. И я должна сказать тебе, что они этого не одобряют. Я нарушаю все наши Уставные Законы, отдавая тебе жилище Маквэда даже на время. Они нее могут предотвратить это действие, но я за него отвечу.

— Тогда зачем...

— Зачем я это делаю? Надо ли спрашивать, чужеземец? Я поклялась самой сильной клятвой своего народа, что сделаю для тебя все, что могу. Не скажу, почему все это свалилось на меня, но тот, кто несет груз, ниспосланный Моластером, не должен жаловаться.

Больше он ни о чем не спрашивал, и я была рада, что он погрузился в свои мысли, потому что я занялась своими. Я сказала ему чистую правду. Он будет в теле Маквэда, но Маквэдом не станет. Однако, как зверь влияет на вселившегося в его тело человека, так и Маквэд в какой-то степени повлияет на него. Тем более, что этот чужеземец восприимчив к власти эспера.

Маквэд был Певцом второй степени. Он должен был по своим знаниям подняться выше, когда его убили в теле животного. Это было молодое животное, еще ни разу не использованное для обмена, и после тяжелого ранения оно впало в каталепсию, так что мысленные приказы не достигали мозга. Но животная часть не могла целиком владеть всем человеческим мозгом, как и человек не может полностью владеть животным. Значит, остальное осталось в Маквэде, возможно, даже большая его часть? Даже Древние не знают, насколько полным бывает обмен. Во всей нашей истории не было случая, чтобы человек вернулся в человеческое тело, но не в свое. Допустим, что этот остаток в теле Маквэда оживет и повлияет... Не уверена, но надеюсь, что даже частица Маквэда сможет временно скрасить дни Мерли и заставит ее вернуться к нам.

Я смотрела на спины казов и на дорогу, но думала только об обмене, который может привести к тому, что Маквэд — хоть частично — какое-то время будет рядом с ней. Даже если того, о чем я мечтала, не произойдет, я все равно сдержу клятву — мы поедем в Ирджар и постараемся сделать обмен. Я думала о Долине и о том, что могло там случиться за эти дни. По всем признакам, те, кто покончил с Им-Сином, должны были уже достичь Долины, а мы двигались медленно. Проехали участки, где когда-то стояли часовые и спрашивали путешественников о цели их поездки. Теперь часовых там не было. Я не торопилась спускаться, чтобы не приехать как раз во время сражения. Стража Долины может не разобраться, кто друг, а кто враг. И кто знает, возможно, какая-то доля здравого смысла заставит

всадников вернуться наверх. Мы остановились в пустынном месте. В горном потоке бурлила вода. Я распрягла казов, чтобы они попаслись.

— Никаких других следов? — спросил чужеземец, когда я принесла ему воды.

— Кроме них, никто не ехал этим путем. Но кто они и зачем здесь... — покачала я головой.

— Ты могла бы своей властью ограничить их?

— Ты можешь посылать мысль. А владеешь ли ты телепортацией или чем-нибудь подобным?

— Я — нет. Но есть такие, кто владеет; правда, я еще не встречал ни одного. Но я думал, что Тэсса...

— Могут удивить чем-нибудь похлеще? Бывает, но для этого нужно подходящее место и время. Тогда я могу послать читающий луч и частично увидеть будущее, вернее, усредненное будущее.

— Усредненное? Разве оно разное?

Да, потому что оно зависит от действий. Разве человек всегда думает одинаково — сейчас и через час, сегодня и завтра? То, что кажется правильным и разумным сейчас, позже выглядит иначе. Следовательно, можно прочесть будущее только в широком смысле. Но наше положение в нем меняется из-за необходимости встречаться с тем или иным кризисом. Я могу рассказать тебе о судьбе нации, но не о судьбе отдельного ее члена.

— Но ты могла бы рассказать о будущем Долины?

— Возможно, будь у меня время, но у меня его нет. Долина слишком далека.

— Ну, скоро мы узнаем это на себе. Когда я встретил тебя в той ложбине? Давно это было? С тех пор я потерял счет дням.

— Дни, носящие числа, — я покачала головой, — не касаются Тэсса. Мы давно перестали иметь дело со счетом дней. Мы помним, что произошло, но в какой именно день, не знаем.

Будь Ворланд сейчас человеком, он бы рассмеялся.

— Вы совершенно правы, Госпожа! Того, что случилось со мной на Екторе, вполне достаточно, чтобы забыть счет дням. Но когда я пришел из крепости Озокана в ваш лагерь, я думал, что вижу какой-то яркий и очень неприятный сон, и был склонен время от времени снова так думать: этим можно было объяснить случившееся. Все легче, чем думать, что я наяву жил и живу... здесь.

— Я слышала, что в иных мирах есть способы вызвать такие сны. Возможно, ты испытал их и поэтому готов был поверить в такое и здесь. Но если ты спишь, Крип Ворланд, то я-то не сплю! Если только я не часть твоего сна...

— Майлин, ты замужем?

Я вспомнила, что за все время этого странного приключения, в котором мы участвовали, мы ни разу не задавали таких вопросов и не интересовались прошлым друг друга.

— Нет. Я Певица. Пока я пою, у меня нет спутника жизни. А у тебя? Я слышала, что Купцы имеют семьи. Может, у вас, как у Певцов: либо — либо?

— В этом роде.

И он рассказал мне о жизни своего народа, повенчанного со многими звездами, а не с одной. Купцы женятся, но только тогда, когда достигают определенного ранга в своих кампаниях. Иногда женщины с планеты принимают ради мужа жизнь Купца. Но чтобы Купец покинул свой корабль ради женщины — это немыслимо.

— Ты похож на Тэсса, — сказала я. — Укорениться в одном месте — для нас смерть. Мы летаем по всему Ектору, суше и морям, по своей воле. У нас есть определенные места, где мы собираемся, когда нужно. Но в остальное время...

— Цыгане.

— Что? — переспросила я.

— Древнее слово. Обозначает народ, который всегда странствует. Видимо, когда-то была такая нация, давным-давно в каком-то далеком мире.

— Вот и у Тэсса пристрастие к свободному пространству. Я говорила тебе однажды о корабле, о маленьком народе и о посещении других миров.

— Такое в принципе возможно, но будет стоить больше весовых знаков, чем их имеется в сокровищнице храма Ирджара. Такой корабль надо строить в другом мире после долгого изучения и экспериментов. Это только мечта, Майлин, потому что ни у кого нет и не может быть такого богатства, чтобы воплотить эту мечту в жизнь.

— Что такое сокровище, Крип Ворланд? Что такое богатство? В разных мирах оно принимает разные формы?

— Сокровище — это редкая и ценная вещь на каждой отдельной планете. В некоторых случаях редкость — самая прекрасная и ценная, в других же — самая бесполезная. На Законе сокровище это Знание, законцы считают его своим богатством. Привези им неизвестный предмет искусства, легенду, намек на что-то новое в Галактической истории — и ты дашь им сокровище. На Сарголе — это мелкая травка, когда-то бывшая самой обычной на забытой земле, она неотразима для сарголийцев, которые охотно дают в обмен на нее драгоценные камни. А на другой планете в обмен на такой камешек величиной с ноготь твоего мизинца человек может жить, как лорд на

Екторе, лет пять, а то и больше. Я могу насчитать тебе целую кучу сокровищ для четверти Галактики, так как они проходят через наши склады. Так вот, у каждого мира есть свое сокровище. То, что кажется целым состоянием на одной планете, на другой может оказаться либо ничем, либо даже еще большим.

Он мысленно засмеялся, даже пасть у барска раздвинулась в слабом подобии улыбки.

— Но обычно меньшим, чем большим. Лучше всего камни: камни и произведения искусства у многих рас и народов считаются ценностями и оберегаются.

— А какого рода сокровища понадобятся в тех местах, где могут построить такой корабль для моего маленького народа?

— Все, что высоко ценится. Люди на внутренних планетах пресыщены самым лучшим из сотен миров. У них есть торговля, есть корабли, привозящие все сокровища, какие только можно достать. Нужно что-то очень редкое, невиданное доселе, или такая сумма торговых кредитов, на которую можно купить половину наших складов.

Я запрягла казов, и мы снова двинулись в путь. По дороге я думала о природе сокровищ и о том, как по разному они ценятся в разных мирах. Я знала, что берут чужезвездцы на Екторе, и представляла себе, какой груз считается обычным. У нас есть камни, но не такие редкие, чтобы инопланетные торговцы стремились их покупать. И я решила, что в глазах таких экспортов Ектор — бедная планета.

Тэсса не собирали материальных богатств, как равнинные жители. Если у нас оказывалось больше вещей, чем было необходимо, мы оставляли лишнее в местах наших сборов — пусть берут те, кому надо. Наши шоу с животными приносили много денег, но мы не копили их. Для нас шоу было тренингом и для животных, и для Певцов, а кроме того, хорошим предлогом для скитальческой жизни.

Лежать на сокровище и беречь его — это не для нас. Если мы и поступали так в прошлом, когда жили в городах, то теперь уж забыли об этом.

Пока мы медленно ехали по дороге, я спросила:

— А что у вас считается самым драгоценным? Камни? Какие-то редкие вещи?

— Ты имеешь в виду меня или мой народ?

— И то, и другое.

— Я отвечу одним словом — корабль!

— И вы ничего не собираете?

— Собираем, сколько можем, те сокровища, которые нужны другим, и все это, за исключением, конечно, того, что мы тратим, складываем в корабль на свой счет.

— И много ли ты когда-нибудь накопишь?

— Может, столько же, сколько у лордов на Екторе. Им тоже нелегко даются их богатства, хотя способы приобретения у нас разные.

— А ты уверен, что у тебя когда-нибудь будет это богатство?

— Никто добровольно не расстанется с мечтой, даже когда возможность ее реализовать ушла в прошлое. Я думаю, человек всегда надеется на счастье, пока жив.

Мы сделали привал, но не на всю ночь, а лишь на несколько часов. Я смотрела, как восходит луна, но не призывала ее власть — сейчас было не время: я не поднимала жезл и не пела. Мысленной силой я только, когда могла, помогала казам.

Луна висела низко, когда мы подъехали к спуску в Долину. Барск завозился и пытался встать. Я остановила его.

— Мы над Долиной. Лежи, отдыхай, пока можно.

— Ты спускаешься?

— Я приму все меры предосторожности. — Я выставила жезл, запела про себя песню и стала спускаться.

КРИП ВОРЛАНД

Глава 17

Когда я проснулся со знанием, что все еще жив, перевязан Майлин и нахожусь опять в фургон Тэсса, мне показалось, что сон, завладевший мной, сделал полный круг.

Когда мы спускались в окутанную туманом Долину, Майлин вела фургон точно по середине дороги. Я читал в ее мозгу, что те меры предосторожности или защиты, о которых она говорила, вполне могут стать нашей гибелью, несмотря на то, что мы шли с миром. Могло случиться, что мы разделим участь тех, за кем следуем.

Еще одна печать изводила меня. Хотя мозг и был настроен, тело было еще слабым и не повиновалось мне. Если на нас нападут, я ничего не смогу сделать, даже защитить себя. Я мог только поднять голову и вытянуть лапы, лежа на подстилке. Если я делал глубокий вдох, возникала боль, накатывала слабость. Излечивать было во власти Майлин, это я знал, но может ли она сделать что-нибудь с такой раной? Были все основания полагать, что лезвие Озокана вошло глубоко и что возвращение к жизни моего нынешнего тела не означает выздоровления.

Когда я выслеживал Озокана и его приспешников, я искал смерти. Пораженный известиями, привезенными Майлин из Ирджара, я временно впал в безумие. Но в каждом человеке, по крайней мере, моей породы живет упорное сопротивление

концу существования. И теперь крохотный клочок надежды послужил оплотом моему духу. Альтернатива, внушенная мне Майлин, обнадеживала. Обрядившись в тело Тэсса, я действительно мог вернуться в Ирджар. У Купцов на планете есть консул. Я видел его, когда "Лидис" приземлился здесь. Я мог пойти к Прайдо Алсею, рассказать ему все и просить его известить капитана Фосса. Проще простого составить такое сообщение, какое мог послать только Крип Ворланд, и тем самым удостоверить свою личность. Затем, когда вернется мое собственное тело, последует новое переключение, и я по-настоящему стану сами собой.

Конечно, множество препятствий и ловушек было между нынешними трудными временами и тем, столь желанным, и многие из них, возможно, лежали прямо перед нами. Я старался двигаться, поднять отяжелевшую голову, чтобы взглянуть на переднее сиденье, но ничего не вышло, и я лежал, страдающий, слабый, встревоженный своим состоянием.

Теперь я начал осознавать, что Майлин не просто направляет казов по дороге: ее окружала аура, исходящая из мозга, — энергетическое поле. Я лежал так, что мне был виден ее профиль, суровый и неподвижный. Волосы не были уложены затейливыми локонами, как при нашей первой встрече, а подняты вверх и нетуго перевязаны, как серебряный шлем. Ни арабеска из серебра, ни рубина на лбу. Глаза ее были полузакрыты, веки опущены, словно она смотрела вглубь себя. Но лицо ее озарялось таким светом, что я даже опешил. То ли свет луны падал на ее прекрасную кожу, то ли это был внутренний свет, отражение таившейся в ней силы. Сначала я видел в Тэсса человека, теперь она казалась мне более чужой, чем животные, с которыми делил я жизнь и вместе сражался в эти последние дни.

"Принять меры предосторожности", так она это назвала. Я бы сказал: "Вооружиться". Я опустил тяжелую голову и больше не видел Майлин, но сознание того, как она сидит, что делает, оставалось во мне, как будто я по-прежнему наблюдал за ней.

Пока фургон громыхал, нас настигло новое ощущение — нечто вроде предупреждения, как если бы некий разведчик с отдаленного холма отгонял нас. Мы не послушались этого предупреждения, и беспокойство возрастало, в мозгу появилась тень предчувствия, становившаяся все чернее. Может, это был кто-то из защитников Долины, я не знал. Но по-видимому, на Майлин это не подействовало и не заставило отклониться с пути.

Моя усталость все увеличивалась. Временами я сознавал, где я и что со мной, а потом продолжал кружить в пустоте

небытия, результатом чего было страшное головокружение, и я не мог сказать, был ли реальным туман, заволакивающий мне глаза, когда я пытался рассмотреть какую-то часть фургона, или это было порождением моей невероятной слабости.

Путь казался бесконечным. Время исчезло, вернее, его нельзя было измерить. Я был потерян, словно лежал на челноке, снуящем туда и сюда и ткавшем будущее, которое ускользало от меня. Воздух дрожал и бился вокруг — может, от качания несшего меня челнока? Затем я услышал звук, — наверное, песню. Звук исходил не от Майлин, а поднимался из Долины, становился громче с каждым шагом казов.

Это странное биение звука делало меня сильнее, будто в мое вялое тело вливалась жизненная сила, оставившая меня с тех пор, как нож Озокана пытался отнять у меня жизнь. Я лежал и чувствовал, как она возвращается ко мне. Правда, что-то снова отходило, откатывалось, но то, что оставалось, бодрило меня. Теперь я уже не просто угрюмо цеплялся за жизнь, а был способен думать о чем-то помимо собственного тела.

Я еще раз приподнялся и взглянул на Майлин. Она откинула голову и протянула руки перед собой, держа жезл в ладонях. Он крутился, разбрасывая серебряные искры: они падали ей на голову и грудь, и гасли. И она пела песню — не ту, что все еще витала в воздухе, но высокую и нежную, ее звуки притягивали меня.

Я уперся передними лапами в пол, и мне удалось встать. Теперь мои глаза были на уровне сиденья Майлин. Я бросил взгляд наружу: была еще ночь или очень раннее утро. Луна уже не сияла. Впереди внизу виднелся другой свет, но не оранжевый свет пожаров, а голубой — от лунных шаров, какие были у Майлин, раскачивавшихся, как мощные фонари. Как раз из этого освещенного места поднималось пение, становилось все сильнее и глубже. Я потащился дальше, пока не вытянул, несмотря на боль, одну переднюю лапу на сиденье, положив на нее голову. Майлин не обратила на меня внимания, она была поглощена пением.

Двое мужчин с лунными шарами пришли встретить нас. Я увидел черные с белым и желтым узором мантии жрецов. Однако они не приветствовали Майлин и не остановили нас, а лишь стояли: один справа, другой слева. Лица их оставались бесстрастными, и она продолжала свою песню, слов которой я не понимал.

Мы проехали мимо многих жрецов Умфры, занятых работой на дороге. Я чувствовал вонь горелого, и нос барска улавливал в ней запах крови. Нет, Долина не избежала участи Им-Сина.

Однако я считал, что здесь нет такой полной разрухи, как в городке.

Казы повернули без всякого видимого знака со стороны Майлин, и мы проехали через ворота. Портал был весь в трещинах и зарубках и оцетинился стрелами из боевых луков. Дым разрушений стоял, как туман. Мы въехали в первый двор храма. Только тут Майлин двинулась, подняла свой все еще сверкающий жезл и приложила его ко лбу. Исходивший из него свет погас, и когда она снова опустила руки, в них была всего лишь палочка. Майлин открыла глаза. К нам подошел жрец. Голова была забинтована, правая рука на перевязи.

— Где Оркамур? — спросила Майлин.

— Он выясняет, в каком состоянии его народ, Госпожа.

— Зло крепко поработало здесь, — она серьезно кивнула. — Как велико это зло, Брат?

— Большая часть стен разрушена, — мрачно сказал он. Поднятое к нам лицо с глубоко сидящими глазами было лицом человека, вынужденного быть свидетелем разрушения того, что составляло большую часть его самого. — Но фундамент уцелел.

— С Им-Сином поступили хуже. А кто эти люди?

— Насчет Им-Сина мы знаем. Кто они? Люди, впавшие во тьму невежества, выросшего из откуда-то принесенных семян. Однако они не преуспели в своем зле.

— Они убиты?

— Они сами себя убили тем, что не считались со стражей, но после себя оставили руины.

— А те... те, кто находился под покровом Умфры... — начала она почти робко. — Что с ними, Брат?

— Тот, кого ты держишь в сердце, жив. Некоторые другие отпущены Умфрой по Белой Дороге.

Она вздохнула и, положив жезл на колени, потерла лоб.

Итак, Маквэд был жив. Я ухватился за эту мысль.

Приступ боли в груди заставил меня отползти назад и свалиться на подстилку — последние силы были на исходе.

Яркий свет ударил мне в морду, проник в несплотно зажмуренные глаза. Я попытался отвернуться, но меня удержали. Я вздохнул резко ароматизированный пар, и в голове прояснилось. Я открыл глаза и увидел, что лежу в комнате, а Майлин наклонилась надо мной с чашей золотистой жидкости, от которой исходил пар, приведший меня в чувство.

Здесь был человек, чье старое доброе лицо было мне знакомо: когда-то очень давно мы с ним сидели в тихом саду и разговаривали о жизни за той звездой, что служит Ектору

солнцем, о людях, выполняющих свое назначение во многих чужих краях. Это был Оркамур, слуга Умфры.

— Младший Брат, — его слова сформировались у мозга, — ты желаешь, в самом деле желаешь оставить свое теперешнее тело и получить другое?

Слова, слова... Ну, да, конечно, я этого желаю! Я был человеком — человеком! Я требую человеческое тело. И это поднялось во мне не как простое желание, а как просьба, сконцентрированная со всей силой, на какую я был способен.

— Будь по вашему желанию, сестра и брат!

Оркамур пропал из моего поля зрения, как бы отплыл назад. Майлин снова наклонилась надо мной с чашей, чтобы оживляющие пары очистили мне мозг.

— Повтори, Крип Ворланд, слово в слово: я желаю всей душой избавиться от меха и клыков и снова стоять и ходить, как человек!

Мысленно, я медленно, торжественно проговорил эту просьбу. Мне хотелось бы произнести ее вслух, громко, с вершины какой-нибудь горы, чтобы меня слышал весь мир.

— Пей! — она ближе поднесла чашу с ароматной жидкостью. Я стал жадно лакать, мне показалось, что это холодная вода из горного источника. Я не знал, как хочу пить, пока не сделал первый глоток. Это было очень вкусно, и я пил, пока чаша не опустела, пока язык не слизнул последнюю каплю.

— Теперь... — Майлин убрала чашу и выдвинула вперед одну из лунных ламп. В комнате и так было светло, теперь же стало еще светлее. — Посмотри на нее! Отпускай, смотри и отпускай!

Отпускать? Что отпускать? Я уставился на лампу. Это был серебряный мир, какой можно было увидеть на видеоэкране "Лидиса", когда корабль снижается над планетой в новой системе, серебряный шар вытягивался, притягивая к себе...

Кто бродит на серебряных шарах, и что они там видят? Эта мысль явилась из каких-то глубин. Это был не сон, однако мне не хотелось открывать глаза и посмотреть: тут было что-то иное, что-то мне подсказывало, что нужно изучить это иное, не торопясь.

Я глубоко вдохнул, ожидая, что нос барска расскажет мне обо всем. Но обоняние как будто притупилось. Конечно, запахи тут были — аромат какого-то растения, другие запахи, но все они были очень слабыми. Я не решался двигаться, но когда еще раз глубоко вдохнул, то оказалось, что боль, которая не покидала меня и стала почти нераздельной со мной, исчезла! Я открыл глаза. Искажение! Цвета стали, с одной стороны, менее отчетливыми, а с другой — пронзительно ярким. Я щурился и

мигал, чтобы снова видеть нормально, но напрасно. Потребовалось много усилий, чтобы глаза, наконец, были мне послушны. А ведь это уже было — мелькнуло в памяти.

Я уставился вдаль. Широкое пространство, стена, в ней окно. За окном колышутся на ветру ветки. Мозг легко давал названия всему, узнавая то, о чем сообщали глаза, хотя видели они совсем по-другому. Я открыл рот и хотел облизать свои острые клыки, но язык стал короче и касался зубов, а не клыков барска.

А лапы? Я приказал передней лапе вытянуться в пределах видимости, так как не решался еще поднять голову, и увидел... руку, кисть, пальцы, сгибающиеся по моему приказу.

Рука? Значит, я не барск, а человек!

Я резко сел, и комната, все еще искаженная, стремительно завертелась. Я был один. Я поднял человеческие руки, осмотрел их, потом взглянул на человеческое тело. Оно было бледным, настолько, что почти неприятно было смотреть. Это ошибка — я должен быть смуглым. Я сел на край постели и внимательно оглядел все свое новое тело, заметив его бледность, худобу, близкую к истощению. Затем ощупал лицо. Оно было явно человеческим, хотя я не мог определить на ощупь, похоже ли оно на лицо похищенного на ярмарке в Ирджаре Крипа Ворланда. Нужно зеркало. Я должен УВИДЕТЬ!

Слегка покачиваясь от усилий держаться прямо, как человек после того, как долго бегал на четырех лапах, я встал и неуверенно сделал шаг вперед. Руки мои балансировали, пока я переваливался с ноги на ногу. Но когда повернулся, чтобы подойти к окну, доверие к такому способу передвижения снова вернулось ко мне, будто прежнее умение, забытое на время, снова ожило. Я огляделся, ища мохнатое тело, звавшееся Джортом, но его не было. Больше его я там и не увидел.

Комната была маленькая, большую часть ее занимала кровать. В противоположной стене была дверь, в углу сундук, служивший также столом, судя по тому, что на нем стояли на подносе чашка и графин. Из окна несло холодом, я вернулся к кровати, снял с нее одеяло и завернулся в него. Мне страшно хотелось увидеть свое лицо. Судя по телу, я был Тэсса-Маквэд...

К моему удивлению, я обнаружил в себе некоторое сожаление о чувствах, которыми так хорошо пользовался Джорт. Похоже, у Тэсса те же ограничения, что были у меня — бывшего человека моей планеты.

Я подошел к сундуку и посмотрел на чашку. Она была пуста, но графин полон. Я осторожно налил в чашку золотистую жидкость. Холодная, она прекрасно утоляла жажду, и по

телу распространилось ощущение радости бытия, единства с новым телом. Я услышал покашливание и увидел жреца с забинтованной головой. Он поклонился и, подойдя к кровати, положил на нее одежду с красными крапинками, какую носят Тэсса.

— Старейший Брат хочет поговорить с тобой, Брат, когда ты будешь готов, — сказал он.

Я поблагодарил и начал одеваться, еще не вполне уверенный в своих движениях. Одевшись, я подумал, что я, наверное, похож на Малика.

“Малик”! — болезненно кольнуло в памяти. Малик вывел меня из ада, уготованного барску в Ирджаре, и каков был его конец! Я так мало его знал и стольким был ему обязан!

На поясе у меня висел длинный нож, но меча не было и, конечно, не было жезла, какой носила Майлин. А мне хотелось схватиться за оружие при мысли об убийцах Малика. Без зеркала я не мог видеть своего нового облика во всей полноте. Выйдя из комнаты, я увидел ожидающего меня мальчика-жреца. Он хромал, и на лице его был тот же отпечаток потрясения и усталости, что и у старших жрецов. Здесь все еще пахло горелым, хотя и не там сильно, как это ощущал Джорт.

Мы пришли в тот же садик, где Оркамур однажды уже принимал меня. Он сидел в том же кресле из дерева с побегами, только листья на них увяли и засохли. Там была еще скамейка, и на ней, опустив плечи, сидела Майлин. Глаза ее были пусты, как у человека, отдавшего много сил к собственной невыгоде. Во мне вспыхнуло желание подойти к ней, стряхнуть с нее равнодушие, взять за вялые руки, поднять. Когда я тайно подглядывал за ней в Ирджаре, она казалась мне чужой, и такой оставалась все время, пока мы ехали, но теперь это прошло, теперь только казалось, что она имеет права на меня, что она устала и измучена. Но она не взглянула, не поздоровалась со мной. Глаза Оркамура встретились с моими, такие пытливые, будто стремились поймать каждую мысль, как бы глубоко она не пряталась. Затем он улыбнулся и поднял руку, и я увидел на ней большой ужасный кровоподтек, а один из пальцев был расщеплен и туго перевязан. Жест его был изумленно-радостным.

— Сделано — и хорошо! — и он не сказал этого вслух.

Его мысль вошла, видимо, и в мозг Майлин, потому что она встрепенулась, и глаза ее, наконец, остановились на мне. Я увидел в них изумление и, в свою очередь, удивился: ведь она сама проделала этот обмен, почему же удивляется результату?

Она сказала:

— Хорошая работа, Старейший Брат.

— Если ты имеешь в виду, сестра, что выполнила то, что желала, то да, хорошая; если ты думаешь о том, что это приведет к еще большим осложнениям, — тогда я не могу ответить ни да, ни нет.

— Таков и мой ответ, — прошептала она, если можно мысленно шептать. — Ладно, что сделано, то сделано, а это НАДО было сделать. С твоего разрешения, Старейший Брат, мы поедем и увидим конец всего этого.

Она все еще не говорила со мной и не хотела смотреть на меня — после первого взгляда вновь отвернулась. Я похолодел, как если бы протянул в приветствии руку, а ее не только не взяли, но и самого меня не заметили. Теперь я не стал бы двигаться, чтобы снова привлечь ее внимание.

Мы вышли поискать еду. Майлин ела явно только по необходимости, как заправляют машину перед поездкой. Я тоже поел и обнаружил, что тело с удовольствием принимает все, что ему дают. Майлин была как за стеной, и я не мог ни пробить эту стену, ни перелезть через нее.

Мы вышли во двор храма. Там не было и признака фургона, но нас ожидали два оседланных каза, через седла были перекинуты дорожные плащи и седельные сумки, полные провизии. Я хотел помочь Майлин сесть в седло, но она оказалась проворнее меня, и я пошел к своему казу. Неужели она относится с отвращением к любому контакту со мной?

Мы ехали по опустошенной Долине. Там были почерневшие от огня руины и другие знаки пронесшейся ярости, разрушавшей, но не до основания. Майлин поехала по дороге в Им-Син. Видно было, что она отчаянно пытается осуществить свой план — вернуться со мной в Ирджар и рассечь, насколько возможно, опутавшие нас роковые узы.

Она по-прежнему не смотрела на меня, даже не обмисливалась мыслями. Неужели ей так претило, что я нахожусь в теле ее близкого родственника, который теперь кажется ей умершим дважды? Меня это стало раздражать. Я не был виноват в том, что со мной случилось, и я ни о чем не просил. Ан нет — ответила мне память — дважды в какой-то степени я просил, чтобы Тэсса совершили ритуалы для этих обменов. И они дважды спасали меня от смерти.

Поскольку же двигались быстрее, чем в фургоне, мы выехали из Долины еще до заката. На рассвете мы могли бы увидеть руины Им-Сина, но мы поехали через равнины к Ирджару. И все-таки, что тут произошло? Мне нужно было хоть краешком глаза заглянуть в будущее, поэтому я заставил себя обратиться к спутнице:

— Говорили ли слуги Умфры, что тут случилось?

— Те, кто пришел с запада, — ответила она, — были иноземцами. Похоже, что Ектору угрожает новый враг, гораздо более безжалостный, чем любой равнинный народ, и эта сила идет от чужезвездцев.

— Но ведь Купцы... — Я был так поражен, что у меня перехватило дыхание.

— Не все Купцы такие, как на “Лидисе”. Эти пришельцы режут друг друга, чтобы укрепиться на нашей земле, завоевать власть и основать свое королевство. Часть лордов уже разбита, потому что среди их людей тайно велась подрывная работа, других привлекли обещанием большого богатства, натравливают одних на других и помешивают в котле войны такой ложкой, которая заставляет его яростно кипеть. Не знаю, что мы найдем в Ирджаре, не уверена даже, что мы попадем в город. Но попытаемся.

Все это было не слишком понятным и не слишком обещающим. Похоже, случилось большее, чем мы подозревали. Страшно было углубляться в страну, где сосед поднимал руку на соседа, но порт находился на границе Ирджара, и там была моя единственная надежда на возвращение на “Лидис”.

До Ирджара было еще далеко. Обдумывая сказанное Майлин, я представил себе, каким долгим покажется нам это путешествие. Да и разумно ли ехать вообще?

Я обдумывал эту мысль, когда пришел зов, резкий и сильный, как сигнал горна, но услышал я не ушами.

Минута тишины — и снова трезвон, приказ, которому нельзя не повиноваться. Легкий протестующий крик Майлин...

Помимо своей воли мы повернули казов направо, к диким горам, на зов, которому должны подчиниться и мозг, и тело. Это был внутренний горн Тэсса, он звучал только в исключительных случаях.

Глава 18

Ектор, который я знал, был похож на все планеты этого типа: равнины, перемежающиеся холмами, одного рода растительность. Ирджар, форт Озокана, Им-Сина, храм Умфры имели свои аналоги на многих планетах, но там, где мы сейчас ехали, все было по-другому.

Призыв накладывал на нас такие обязательства, что нам и в голову не приходило ослушаться. И мы углублялись все дальше на север и поднимались все выше и выше. Здесь не было ни деревьев, ни кустарников, только небольшие участки, покры-

тые травой, уже побитой первым дыханием зимы, нарушали общее уныние камней.

Поистине печальная местность. Я бывал на планетах, сожженных атомной войной в незапамятные времена, задолго до того, как мой народ вышел в космос. У каждого, кто видел те руины, сжималось сердце. Здесь же все выглядело еще более чуждым: бесконечное, безбрежное одиночество, отвергающее ту жизнь, которую мы знаем, обглоданные кости самого Ектора.

Тем не менее жизнь здесь была. Все дальше углубляясь в дикую страну голого камня и песка, мы видели следы тех, кто прошел тут до нас, — следы фургонов и верховых казов.

Мы были как зачарованные. Мы не разговаривали друг с другом, и у меня не было желания оглянуться на равнину, на то, что раньше казалось мне таким важным. Наступала ночь, время от времени мы спешили, давали отдых казам и сами ели из запасов, хранившихся в седельных сумках, ходили, разминая ноги, затем снова пускались в путь.

На рассвете мы проехали между двумя высокими утесами. Я подумал, что когда-то, на заре екторианской истории, здесь пролегало русло великой реки. Остались песок, гравий и валуны, но не было ничего живого, даже обычного кустика высохшей травы. Это речное русло вывело нас в громадную круглую чашу. Видимо, когда-то здесь было озеро. Виднелся целый ряд широких отверстий, обрамленных резьбой, теперь уже почти незаметной. Сейчас в этом каменном жилище обитали люди, поскольку перед ним стояли фургоны и поднимался дым от костров. Но людей не было видно.

Майлин подъехала к частоколу, сошла с каза и тут же расседлала его. Каз потряс головой, лег и с фырканьем стал кататься по песку; и мой каз, когда я расседлал его, сделал то же самое.

— Пойдем, — обратилась ко мне Майлин впервые за эти часы. Я положил седло и пошел через долину к южной точке стены. Там был вход раза в два больше остальных. Я подивился затейливой резьбе, но не мог понять, что было изображено, настолько она стерлась от времени.

Где же Тэсса? Повсюду я видел только фургоны и казов и получил ответ на свой вопрос, лишь когда подошел к двери: оттуда доносился звук, который был чем-то большим, чем просто песня. Он каким-то образом смешивался с движением воздуха — в нашем словаре нет слов, чтобы описать это. Я бессознательно уловил ритм и тогда понял, как мне хорошо. Рядом со мной запела Майлин.

Миновав тяжелый портал, мы вошли в зал. Там было светло

от лунных ламп, висевших высоко над головой, и мы шли в лунном свете, хотя в нескольких шагах за дверью светило солнце. И Тэсса здесь было так много, что и не сосчитать. Перед нами в самом центре зала находилось возвышение, и Майлин подошла к нему. Я неуверенно шел шага на два позади. Песня звучала в ушах, билась в крови, стала как бы частью нас.

Мы подошли к овальной платформе, на которую вело несколько ступеней. На ней стояли четверо: двое мужчин и две женщины. Они были крепки телом, с живыми блестящими глазами, но их окружала аура возраста, авторитета и мудрости, поднимающая их над другими, подобно тому, как, находясь на платформе, они возвышались физически.

Каждый из них держал жезл, но не такую относительно короткую палочку, как у Майлин, — верхушка их жезла доходила до головы, а конец упирался в пол, и свет, сиявший на древках, соперничал со светом ламп, заставляя его бледнеть.

Майлин остановилась у ступенек. Когда я нерешительно подошел и стал рядом, я увидел ее замкнутое холодное лицо.

Они все пели, и мне стало мерещиться, что мы не на твердом полу, а плывем в волнах звуков. Мне казалось, что я вижу не Тэсса, а каких-то духов — призраков того, чем они могли бы быть на самом деле.

Долго ли мы так стояли? Я по сей день не знаю и могу только догадываться о смысле происходившего. Думаю, что своей объединенной волей они составляли большую силу, из которой черпали, сколько требовалось, ради своих целей. Это очень неумелое объяснение того, что я увидел в этом день.

Песня умирала, слабея в серии рыдающих нот. Теперь она несла с собой тяжкий груз печали, как будто вся личная скорбь старого-престарого народа просочилась сквозь века и каждая мельчайшая капля отчаяния хранилась для будущей пробы.

Эта последняя песня Тэсса была не для посторонних ушей. Я мог носить тело Маквэда и каким-то образом соответствовать путям Тэсса, но все-таки я не был Маквэдом и потому зажал уши — я не мог больше выносить эту песню: слезы текли по щекам, из груди вырывались рыдания, хотя вокруг меня люди не выражали внешних признаков нестерпимого горя, которое они разделяли.

Один из четверых на возвышении качнул жезл и указал им на меня — и я больше ничего не слышал! Я был освобожден от облака, которое не мог вынести. И так продолжалось, пока не кончились песни.

Затем пошевелился второй по старшинству в этом собрании и указал жезлом на Майлин. Ее собственный символ власти сам собой вырвался из ее пальцев и полетел к большому жезлу, как

железо к магниту. Майлин вздрогнула и протянула руку, как бы желая удержать его, но тут же опустила ее и застыла.

— Что ты скажешь в этом месте и времени, Певица?

Вопрос, прозвучавший и в моей голове, не был высказан вслух, но был от этого не менее понятным.

— Дело было так... — начала Майлин и рассказала все просто и ясно. Никто не перебивал ее, не комментировал наши невероятные испытания. Когда она кончила, женщина на помосте сказала:

— И еще что-то было в твоём уме, Певица: в твоём клане есть одна, испытывавшая сердечный голод, и если подобие того, о ком страдает ее сердце, вернется, возможно, это принесет ей облегчение.

— Это правильно? — спросил мужчина, стоявший справа от говорившей.

— Сначала я не думала об этом. Позже... — рука Майлин поднялась и упала в слабом жесте покорности.

— Пусть та, кого это касается, выйдет вперед! — приказала женщина.

Движение в толпе — и вышла девушка. Хотя я и не силен в определении возраста Тэсса, я сказал бы, что она была еще моложе Майлин. Она протянула Майлин руку, их пальцы сцепились в знак взаимного приветствия и глубокой привязанности.

— Мерли, посмотри на этого мужчину. Тот ли это, кого ты оплакивала?

Она быстро повернулась и взглянула на меня. На секунду на лице ее появилось что-то вроде пробуждения, глаза вспыхнули, как у человека, увидевшего чудо; затем глаза погасли, лицо затуманилось.

— Это не он, — прошептала она.

— И не может быть им! — резко сказала другая женщина на помосте. — Ты и сама это знаешь. Певица! — ее резкость возросла, когда она обратилась к Майлин. — Уставные Слова не могут измениться, Певица, ради личных причин, каковы бы они ни были. Та давала клятву, и сама ее нарушила.

Мужчина на возвышении поднял жезл и провел его светящейся верхушкой по воздуху между Майлин и остальными тремя главными.

— Уставные Слова, — повторил он. — Да, мы полагаемся на Уставные Слова, как на якорь и опору. А теперь мне кажется, что эта печальная спираль началась как раз из-за Уставных Слов. Майлин, — он один назвал ее по имени, и в голосе слышалось страдание. — Первый раз она спасла этого человека, уплачивая долг. За большую часть того, что случилось с тех

пор, она также не ответственна. Поэтому мы обязаны сделать то, что она предполагала, — вернуться с ним в Ирджар и исправить сделанное ее властью.

— Ей этого нельзя, — сказала женщина с резким голосом, и я услышал в ее тоне удовлетворение. — Разве вы не слышали, что случится с Майлин-Певницей, если ее там увидят?

Майлин подняла голову и с удивлением посмотрела на нее:

— Что ты имеешь в виду, Древня? Какая опасность грозит мне в Ирджаре?

— Чужезвездцы, которые зажгли пожары, убивали людей и выпустили барсков войны, уверяли, что Майлин околдовала Озокана, свела его с ума, и ее нужно убить. Многие этому верят.

— Чужезвездцы? Какие? И зачем? — я вмешивался вроде бы не в свое дело, оно касалось только Майлин и правительства ее народа. Но чужезвездцы? Причем тут они?

— Не твоего племени, сын мой, — сказал один из мужчин. — Это тот, кто приходил к Майлин до всей этой истории и хотел сделать ее своим орудием, а также те, на кого он работал. Похоже, что у тебя и твоего народа тот же сильный враг, что принес войну на Ектор.

— Но... если ты имеешь в виду людей Синдиката, — я ничего не понимал. — У меня нет личных врагов среди них. В древние времена наши кланы враждовали, это правда. Но в последнее время разногласия были улажены. Это какое-то безумие!

Одна из женщин на платформе печально улыбнулась.

— Всякое убийство и война — безумие, будь то между человеком и человеком или между человеком и животными. Однако по каким-то причинам те люди сражаются на равнинах и назначили цену за Майлин. Возможно, они боятся, что она слишком много о них знает. И ехать в Ирджар...

— Майлин, — сказала девушка, стоящая рука об руку с моей спутницей, — наверное, нельзя. А как Мерли?

Старейший задумался, затем кивнул почти с сожалением.

— Сейчас самое время. Третье кольцо уже начинает бледнеть, а только под ним можно по-настоящему обменяться Тэсса с Тэсса. У вас это сохранится не более четырех дней.

— Наверное, надо, — сказала Мерли, — произвести обмен не здесь, а на холмах, на границе с равнинами. Тогда четырех дней будет достаточно, чтобы съездить в Ирджар.

Майлин покачала головой.

— Лучше уж я поеду в своем теле, чем рискну твоим, сестра. Я сама плачу свои долги.

— Кто говорит, что ты не платишь, — возразила Мерли. —

Я прошу только, чтобы ты следовала мудрости, а не глупости. Ты говорил, — Мерли обратилась к вождю, — что Майлин имеет право довести эту авантюру до конца. В Ирджаре многие знали, что Маквэд и я были спутниками жизни. Если мы пойдем вместе, кто нас в чем-нибудь заподозрит? Это самый лучший способ.

Наконец, было решено, что ее план хорош. Меня не спрашивали. По правде сказать, я был занят мыслями о чужезвездце. По словам Майлин, Слэфид с самого начала был замешан в интригах Озокана и угрожал Майлин и Малику. Но ведь я знал, что он всего-навсего младший офицер на корабле Синидката. Зачем Синдикату война на Екторе? В прошлом они устраивали такое на примитивных планетах — мы знаем об этих кровавых историях — и ловили рыбку в мутной воде, когда у обеих воюющих сторон истощались силы. Но на Екторе, насколько я знаю, нет таких богатств, чтобы стоило рисковать привлечь внимание Патруля.

Я ломал себе голову над этим, пока мы возвращались по своему следу. Ехали мы верхом — я, Майлин, Мерли и двое мужчин Тэсса, ехали, выжимая из казов все возможное. Через три дня скачки мы добрались до укромного уголка у спуска на равнины и разбили там лагерь.

В эту ночь мы спали и на следующий день оставались там же, так как для обмена между Майлин и Мерли требовались ненапряженные, отдохнувшие тела. Тем временем я пытался узнать, что мог, относительно чужезвездцев. Понимая мою заинтересованность, все обсуждали со мной этот вопрос, но никто не мог представить себе, по каким причинам Ектор оказался мишенью для подобного вмешательства.

— Ты говорил о сокровищах, об их многочисленности и разнообразии, — сказала Майлин. — Ты говорил, что вещь, стоящая в одном мире дороже человеческой жизни и свободы, в другом — ничто, детская игрушка. Что же у нас такого ценного, что принесло нам бедствия со звезд?

— Я тоже не знаю, — сказал я. — Ничего нового и потрясающего на ярмарке не появилось. Все товары, что были там, уже известны Вольным Купцам. Мы, наверное, взяли на Екторе выгодный груз — иначе “Лидис” не ушел бы, — но груз недорогой, не тот, из-за которого Синдикат мог бы пуститься в набег.

— Матэн, — сказал один из Тэсса своему товарищу, — когда мы снова поедem, нам, пожалуй, не придется говорить “это не наше дело, пусть равнинные жители сами разбираются”, ибо весь наш мир может оказаться впутанным в это дело, и тогда это коснется и нас.

— В Ирджаре есть консул — чужеземец, — я ухватился за последнюю надежду узнать, как и почему все это случилось. — Он должен знать, хотя бы частично!

На вторую ночь заработала магия Тэсса. На этот раз я в ней не участвовал, и меня послали ждать ту, что выйдет из маленькой палатки, которую они поставили для своих действий. И когда она вышла, одетая в плащ и готовая ехать, мы с ней отправились к равнинам. Все прочие остались.

Признаки войны были заметны и здесь, и мы старались как можно меньше быть на виду. Я уже начал сомневаться, попадем ли мы вообще в Ирджар. Вполне возможно, что город в осаде. Майлин, бывшая в теле Мерли, не разделяла моего пессимизма. Ирджар всегда был нейтральным городом, местом для встреч, даже когда ярмарка не работала. И если восстание действительно спровоцировано чужеземцами, они первым делом постараются сохранить свободный доступ к космопорту. Войны на Екторе, в основном, проходили в набегах, быстрых атаках, а не в осадах хорошо укрепленных фортов. От такой осады мало пользы, и добровольно сложившиеся бойцовые объединения быстро теряют терпение.

К счастью, нам не надо было ехать в окруженную стеной часть города, так как дом консула стоял на краю площади порта. Так что мы свернули на юг, оставив дорогу в Ирджар в стороне, и въехали в порт. Там был всего один корабль — официальный курьер, и я заметил, что он стоит необычно близко к дому консула. В основном порт был абсолютно пуст. Мы ехали медленно, измученные двухдневной скачкой. Наши каззы чуть не падали от усталости, и мы нуждались в свежих, если нам, вернее, Майлин придется ехать снова. Если все пойдет хорошо, меня выставят из Ирджара только на корабле.

Мы доехали до края поля, и нас никто не окликнул, но мне не нравилась тишина — ощущение, что жизнь существует только по ту сторону, в остальном мире. Мы осторожно подъехали к воротам консульства и там были остановлены, но не стражниками, а силовым полем. Видимо, оно окружало все здание.

Я приложил ладонь к переговорному устройству внешнего поста, хотя ладонь Тэсса ничего не значила для замка, и сказал в микрофон, что у меня важное дело к Прайдо Алсею. Я задумался, что меня ждет: либо войду в пустой офис, либо покажусь столь подозрительной фигурой, что скорчусь от удара луча.

Но затем экран осветился, я увидел лицо консула, зная, что и он меня видит.

Я говорил на языке Купцов, и теперь консул смотрел на

меня с удивлением. Он повернул голову и что-то сказал через плечо, потом снова взглянул на меня.

— Что у вас за дело? — спросил он по-ирджарски.

— Важное, и именно к вам, Благородный Гомо, — ответил я на базике.

Видимо, он не поверил мне, потому что не ответил. Но через несколько секунд отворилась дверь во внутренний двор, и консул появился с двумя охранниками. Да и силовой щит был достаточно надежной защитой против любого оружия, известного на Екторе.

— Кто вы?

Я решил сказать правду в надежде, что невероятность ее разбудит его любопытство, и он позволит мне рассказать все.

— Крип Ворланд, помощник суперкарга, Вольный Купец с “Лидиса”!

Он уставился на меня и сделал какой-то жест. Один из стражников подошел к стене, и на мгновение свет силового поля исчез. Оба охранника направили на нас излучатели, как бы захватывая нас лучом. Мы въехали на шатающихся казах во двор, и я услышал свист, будто за нами задвинулся экран.

— А теперь, — торопливо сказал Алсей, — для разнообразия начните с правды.

Все, кто ходит звездными путями, должны терпимо относиться к самым невероятным вещам, переходящим всякие границы достоверного. Однако, я думаю, консул в Ирджаре нашел мой рассказ наиболее странным из всего, что когда-либо слышал. Но хотя я и выглядел Тэсса, я выложил столько инопланетных деталей, что консул согласился, что такое мог знать только тот, кто служил на корабле Купцов. Когда я закончил, он долго смотрел то на меня, то на Майлин.

— Я видел Крипа Ворланда, вернее, то, что от него осталось, когда его принесли. А теперь появляетесь вы и рассказываете мне обо всем этом. Что вы хотите?

— Сообщить на “Лидис”. Позвольте мне самому составить сообщение. Я могу указать детали, которые докажут, что я говорю правду.

— Я дам вам разрешение, Ворланд, — он сухо улыбнулся, — передать все, что вы захотите — если сможете.

— Как это — если смогут?

— Я, как вы могли угадать по моему приему, больше не являюсь свободным агентом на Екторе. Тут работает спутник-перехватчик на орбите.

— Спутник-перехватчик! Но...

— Вот вам и “но”. Сто лет назад это было бы обычной, вполне приемлемой ситуацией, но в наше время это просто

ошеломляет, правда? Кобург, глава Синдиката, или какие-то агенты, представители этого Синдиката, высадились здесь и уверены, что все в их руках. Я видел доказательства их безжалостных действий.

— Но чего они добиваются? — спросил я. Как он справедливо заметил, сто лет назад такое пиратство никого не удивляло, но сейчас! Патруль давно уже умерил аппетиты крупных компаний и синдикатов. И за подобные действия строго взыскивалось.

— Что-то есть, — ответил Алсей, — но что именно, не вполне ясно. Итак, ваша проблема становится относительно малой — разумеется, не для вас. Дело в том... — он замаялся. — Наверное, я не должен был бы рассказывать вам об этом, но вы должны быть готовы. Я видел ваше тело, когда оно вернулось сюда. Ваш врач не был уверен, что вы сможете лететь, и протестовал. “Лидис” получил частичное предупреждение от местных купцов и согласился отвезти мое письмо на ближайший пост Патруля. Потом из разных намеков и слухов я понял, что “Лидис” стартовал как раз вовремя. Но вы — или ваше тело — возможно, не пережили взлета.

Я взглянул на свои руки, лежащие на столе. Длинные тонкие пальцы, кожа цвета слоновой кости — чужие руки, но они служат мне хорошо и слушаются моих команд. А что, если консул прав, если Крип Ворланд, взятый обратно на “Лидис”, теперь мертв, положен в гроб по обычаям моего народа и будет вечно кружиться среди звезд?

Рядом зашевелилась Майлин.

— Я должна ехать, — голос ее был слабым и очень усталым. Я вспомнил: обмен между Майлин и ее сестрой не может длиться долго. С каждой минутой опасность для них росла.

— Вы так и не узнали, чего хочет здесь Кобург?

— Тут многое. Недавние перемены в Совете, особенно потому, что они касались правительств некоторых внутренних планет. Этот мир может служить убежищем или базой, временно, конечно, но, возможно, необходимой для какого-нибудь экс-президента, которому не повезло в его родном мире. Здесь он может обучить армию, а потом вернуться с нею.

Это звучало неправдоподобно, но консул был лучше меня подготовлен к угадыванию правды. Ясно, что сейчас нечего и думать о том, чтобы добраться до “Лидиса”. Если капитан Фосс сумел попасть на пост Патруля, то пройдет некоторое время, прежде чем они появятся на Екторе.

С другой стороны, у Майлин останется очень мало времени. Нам лучше вернуться к ее народу и переждать войну. Я попросил аппарат для звукозаписи и продиктовал письмо, по кото-

рому, как я надеялся, меня узнают на "Лидисе". Затем я сообщил Алсею, что собираюсь делать, и он одобрил мой план.

Он дал мне новых казов, правда, не таких выносливых и привычных к горам, так те, что везли нас в Ирджар. В сумерках мы выехали из порта. На этот раз нам не удалось остаться незамеченными: нас выследили, и только благодаря влиянию Майлин на казов мы ушли от преследования. Пение еще больше истощило Майлин, и она потребовала увеличить скорость, так как боялась свалиться раньше, чем мы достигнем лагеря. Под конец этой кошмарной скачки я пересадил Майлин на своего каза, потому что она больше не могла сидеть одна. Выбываясь из сил, мы въехали в овраг между двумя холмами, где остальные должны были ждать нас. На земле валялась скомканная, разодранная палатка. Запутавшись в ее складках, лежал один из Тэсса.

— Мунстенс! — Майлин вырвалась из моих рук и бросилась к нему. Она взяла его за голову обеими руками, вглядываясь в неподвижное лицо и прислушиваясь к его дыханию. Весь перед его туники был в алых пятнах, однако ему удалось сохранить последние капли жизненных сил до нашего приезда.

— Мерли, — раздался его мысленный шепот, хотя ни одного слова не сорвалось с помертвевших губ, — ее увезли, думали, что это ты...

— Куда? — в один голос спросили мы.

— На восток...

Он многое сделал для нас, но это был конец. Легкий вздох — и жизнь покинула его.

Майлин взглянула на меня.

— Они искали меня. Хотят моей смерти. Если они поверили, что теперь я в их руках...

— Мы поедem следом! — я был полон решимости: я сдержу свое слово.

Глава 19

Я убедился, что человек сильной воли может выйти за пределы физических возможностей: Майлин, которую я вез почти на руках, проявила такую волю, выехав из разоренного лагеря.

Я закатал тело Тэсса в лоскут палатки и огляделся в поисках следов другого нашего спутника.

— А где Матэн?

Майлин уже сидела в седле, закрыв лицо руками.

— Он ушел вперед, — ответила она.

— Тоже пленником?

— Моя сила так быстро уходит. Я не могу сказать, — она

уронила руки и взглянула на меня такими пустыми глазами, будто жизнь вытекла из них.

— Привяжи меня. Не знаю, смогу ли я ехать.

Я сделал то, что она меня просила, и мы выехали из оврага по следу налетчиков, которые не трудились скрывать его. Там было много следов казов — по моим подсчетам, не менее десятка всадников.

Мы ехали не по дороге, как раньше, а через холмы. Майлин не правила своим казом, тот сам вплотную следовал за моим. Она опять закрыла лицо руками, и я подумал, что теперь она отделилась от всего, чтобы поддерживать связь, ведущую к цели.

Ночь сменилась днем, и мы обнаружили место привала, где зола была еще горячей. Голова Майлин опустилась, руки бесильно повисли, она тяжело дышала и поднялась только по моему настоянию. Я влил ей в рот воды и увидел, как ей больно глотать. Она выпила совсем немного.

Странно было видеть ее такой покорной, ее, одаренную сверхчеловеческой властью. Полузакрытые глаза остановились на мне, когда я напоил ее, и в них было знание.

— Мерли еще жива. Они везут ее к какому-то верховному лорду, — еле слышно прошептала она.

— А Матэн?

Я надеялся, что другому Тэсса удалось избежать смерти или плена и что он сможет присоединиться к нам, когда мы попытаемся отбить тело Мерли у захватчиков.

— Он... ушел.

— Умер?!

— Нет. Он ушел звать...

Ее голова снова упала на грудь, стройное тело качалось на ремнях, которые держали ее в седле. Я не стал ее поднимать. Я стоял в пустом лагере врага и думал, что теперь делать. Майлин явно не может продолжать путь, а ехать одному глупо. Но бросить след я тоже не мог.

— Ах — х-х... — не то вздох, не то тихое пение послышалось со стороны Майлин. Я подскочил к ней. Этот звук исходил с ее губ, но она еще не вышла из оцепенения.

В кустах зашуршало. Я быстро обернулся, неуклюже выхватив нож Тэсса, — я не привык к этому оружию. Из кустарника, еще сохранившего листья, появилось животное — нет, животные, и не родственные. Первый зверь, высунувший клыкастую морду из кустов, вовсе не был того же образца, что и другие. Тут были Борба и Ворс, похожая на них Тантака, были и похожи на Симлу — в общем великое множество!

Животное, которое вело это молчаливое, целеустремлен-

ное передвижение, было для меня новым: длинное гибкое тело, грациозные кошачьи движения, остроухая голова и... глаза, светящиеся человеческим разумом!

— Что это? Кто это? — встретил я лидера вопросом.

— Матэн!

А другие? Тоже Тэсса? Или кто-то из тех, кого отпустила Майлин? Может быть, компаньоны других хозяев и хозяек?

— И те, и другие, — ответил Матэн, мягко прыгнул к казу Майлин, встал на задние лапы и посмотрел на нее.

— Ах-х-х... — снова протянула она, не открывая глаз и не глядя на Матэна и его роту. Это была именно рота, а не полк.

Снова шелест веток, новые головы. На меня смотрели сууженные глаза животных.

— Она не может ехать дальше, — сказал я Матэну. Мохнатая голова повернулась, круглые глаза встретились с моими.

— Она должна? — Он схватил зубами один из ремней, которыми она была привязана, и резко дернул. — Это удержит. Она ОБЯЗАНА ехать!

Если он и дал своей армии какую-то команду, я ее не слышал, но они хлынули потоком мимо Майлин к западу и исчезли. Не знаю, сколько их было, но, во всяком случае, много больше, чем я когда-нибудь видел. Кошка-Матэн пошел перед нами, и мы тронулись за ним. Я старался держаться рядом с Майлин, чтобы поддержать ее, если понадобится. Она наклонилась вперед и почти легла на шею каза, совсем забыв о нас и о дороге.

Животные появлялись и исчезали, временами они подбегали и смотрели на Матэна. Я был уверен, что они приносили сообщения, но никакой информации уловить не мог. Мы быстро ехали по холмам, и дорога привела нас не к ущелью, а к крутому подъему. Я спешился и пошел рядом с Майлин. Здесь не было ни признака тропы, и мы некоторое время потихоньку двигались по острому гребню. Я не поднимал глаз от своих ног, чтобы не закружилась голова.

Наконец, мы вышли на ровное пространство. Здесь шел снег, тонкие хлопья жалили мне ноздри, яркими точками сверкали в воздухе. На равнинах еще стояла осень, а здесь зима уже пригладила землю. Я плотнее запахнул плащ на Майлин, она зашевелилась под моей рукой. Я чувствовал, как пробегает дрожь по ее тонкому телу, слышал ее тяжелое дыхание, затем крик. Она оттолкнула мою руку, села, как не сидела уже несколько часов, посмотрела на меня, на скалы, на снег сначала диким невидящим взором, а потом узнавая все.

— Майлин! — пронзительно крикнула она. Ей ответили

это и низкий рык животного с глазами Матэна. Она сразу же прижала руки к губам, как бы желая подавить свой крик.

Только что усталая и беспомощная, она теперь сидела прямо, будто в нее вливались новые силы. На щеках даже появился нежный румянец — более яркий, чем я когда-либо видел у Майлин.

Майлин? Теперь уже было ясно, что это была не Майлин. Мерли вернулась в свое тело. Прежде, чем я успел высказать это или спросить, она кивнула.

— Мерли.

Это я и сам угадал. Время Майлин кончилось, обмен совершился без всякой церемонии.

— А Майлин? — спросили мы с Матэном — я вслух, а он мысленно.

— С ними, — она вздрогнула, и я знал, что не от холода, хотя дух холодный ветер.

Она обвела глазами пики, как будто искала ориентиры, а затем показала на один из пиков справа.

— Их лагерь там, на дальнем склоне.

— Надолго? — спросил Матэн.

— Не знаю, они ждут кого-то или какое-то распоряжение. Они держал Майлин по приказу начальника. Я не знаю, кто он. Не думаю, что у нас много времени в запасе.

Матэн снова зарычал и исчез, блеснув красновато-серым мехом, и я знал, что не все те, кого он призвал в свой необычный отряд, помчались за ним. Мерли взглянула на меня.

— Я не Певица. У меня нет власти, которая могла бы нам помочь сейчас. Я могу быть только проводником.

Она погнала казов вслед за Матэном, и я поехал за ней. В эти минуты я хотел бы снова оказаться в теле барска и бежать за воином Тэсса. Бег уверенно ступающего животного в этом лабиринте скал и обрывов был бы куда быстрее, чем наши осторожные шаги. Меня подгоняло нетерпение, я еле сдерживался, чтобы не обогнать Мерли.

Она несколько раз бросала на меня быстрый взгляд и тут же отводила, будто искала что-то и не находила. Я знал, что именно привлекало, а затем отталкивало ее.

— Я не Маквэд.

— Да, не он. Глаза могут обмануть — это врата иллюзии. Ты не Маквэд. Однако сейчас я рада: ты носишь то, что принадлежало ему. Майлин попала в спираль, не соответствующую ее вращению. Сердце не раз предавало мозг.

Я не понял ее слов, да это и не было для меня важно — я знал только одно: пусть я Тэсса только внешне, я никуда не сверну с лежащей перед нами дороги. Был ли я все еще Крипом

Ворландом, спрашивал я себя, не скрывая сомнений. Когда я жил в теле барска, случалось, что человек во мне терялся перед животным. Теперь я тоже мог соединиться с тем, что оставалось от Маквэда в его оболочке. А если я снова вернусь в тело Крипа Ворланда — на что теперь уж мало надежды — стану ли я только Крипом Ворландом?

— Зачем им нужна Майлин? И как они нашли вас?

— Не случайно — выследили, но как именно, не знаю. Зачем им Майлин, тоже трудно сказать. Я слышала, что они хотят возложить на нее вину за то, что с ними случилось. Думаю, что они собираются как-то воспользоваться ею, чтобы склонить Осколда на свою сторону и открыть какую-то дверь на западные земли, где он может стать верховным лордом. Тем, кто ее держит, дан приказ — только держать и больше ничего. Решать будет тот, кого ждут.

Мы поднимались, спускались и опять поднимались по бездорожью, но где казы все-таки могли поставить ногу. Мы были под тенью пика, на который указывала Мерли. Вокруг было тихо, не было ни одного животного из той армии, что маршировала с нами, если не считать четких отпечатков лап то там, то тут.

— Казы дальше не пойдут, — Мерли спрыгнула с седла. — Отсюда мы пойдем без них.

Путь был крутым и опасным. Временами мы почти висели, удерживаясь кончиками пальцев, но все-таки дюйм за дюймом продвигались вперед. Мы обогнули скалу и вышли на другую сторону.

Снег перестал, но сменился морозом, щипавшим легкие при каждом вдохе. Мы вошли в нишу и заглянули вниз, в красноватую бездну у подножия восточных холмов страны Осколда.

Наступила ночь. Я жалел, что у меня нет глаз Джорта, чтобы видеть в темноте. Земля была такой же жесткой и шероховатой, как и укрывшая нас пещера. Спускаться в темноте было рискованно, но медлить было нельзя. Мерли показала:

— Там!

Ни палаток, ни фургонов, только костер. Видимо, там не боялись привлечь внимание. Я пытался определить место на склоне, где мог находиться их пикет разведчиков. Мелькнула тень. Прикосновение к мозгу — это прибежала Борба.

— Иди... — она качнула головой, показывая тропу, и мы побрели за нею следом, стараясь как можно меньше шуметь. Спускаясь, мы заметили черную кучу. Из нее торчала рука ладонью вверх с неподвижными пальцами. Борба оскалила зубы, зарычала и прошла мимо руки и того, что лежало на ней.

Наконец мы спустились со скалы на землю. Отсюда нам не был виден маяк лагерного костра, пришлось положиться на мохнатого проводника. У меня уже не было обоняния Джорта, но, возможно, нос Тэсса устроен лучше, чем у моей породы: я улавливал запах животных и мог сказать, что армия Матэна залегла здесь в ожидании. Затем, как из-под земли, выросло животное покрупнее, и я уловил мысль Тэсса:

— В лагерь идет отряд. Торопись!

Мы пошли, защищенные тенью скалы. Огонь костра поднялся выше, дал больше света: двое мужчин энергично подбрасывали в костер топливо. Я насчитал восемь человек. Все они, по-моему, были копией любого присягнувшего на мече, которых я видел в Ирджаре. Разглядеть эмблемы на их плащах я не мог.

— Чьи? — послал я мысль Матэну.

— Люди Осколда — тот, тот и тот, — указал он на троих. — Остальные ... никогда не видел этой эмблемы.

Резкий отчетливый звук горна оборвал разговор в лагере. Секунда молчания — затем приветственные крики.

— Где Майлин?

— Там, ответила Мерли. В свете костра неподвижно лежало то, что я принял за сверток одеял. — Они боятся ее, боятся взглянуть ей в глаза. Они укутали ее плащами, чтобы она не обратила их в животных. Они говорят, что не только она, но и все мы можем это сделать.

Я не слышал рычания Матэна, но чувствовал вибрацию прижавшегося ко мне мохнатого плеча.

— Нельзя ли нам подобраться к ней... — начал я, но тут на свет костра вышел второй отряд. На плащах и шлемах сверкали и искрился орнамент.

Предводитель был заметно выше остальных.

— Осколд, — опознал его Матэн.

До нас донеслись голоса, но слова чужого, неизвестного языка я не понимал и попытался выяснить эмоции. Торжество, удовлетворение, злоба. Да, эмоции легче понять, чем слова.

Один из тех, кто занимался костром, схватил узел с Майлин и потянул вправо. Другой выступил вперед, взялся за ту часть плаща, которая покрывала ее голову и плечи, и сдернул. Ее серебристые волосы оказались на свободе. Гордо подняв голову, она стояла перед Осколдом.

— Берегись, лорд, она превратит тебя в зверя! — крикнул один из спутников Осколда, оттаскивая его назад. Мысль была так интенсивна, что я мог прочесть ее.

Осколд засмеялся. Рука в перчатке, усиленная кастетом с металлическими шипами, размахнулась и ударила Майлин в

лицо. Она упала. Так Осколд дал нам сигнал. Как только Майлин упала, из темноты выпрыгнули тени — они рычали и визжали, выли и рвали, рвали, рвали. Я услышал крики людей, вопли животных и бросился к Майлин.

Я не мастер меча, и мой нож был для меня неважным оружием, но я снова почувствовал в себе ярость Джорта, в мозгу вспыхнул красный занавес, задержавший мысли и оставивший мне только одну цель. Так было, когда я гнался за Озоканом и его людьми...

Она не шевельнулась под моей рукой, в ней не было жизни, лицо было обращено к небу — кровавое месиво из костей и мяса. Я наклонился над ней и зарычал, как те мохнатые существа, которые сражались рядом.

Как было с отщепенцами, убившими Малика, так было теперь и с этими. Их охватил дикий ужас от такого способа ведения войны, человеческий ум не мог постичь его. Волны животных обрушились на них. Некоторые от страха лишились присутствия духа, хотя были воинами, другие сопротивлялись, убивали, третьи отступали, но животные преследовали их, сбивали с ног и убивали.

В этой вражеской группе для меня существовал только один, и я пошел на него, сжимая в руке нож. Несмотря на внезапность нашего нападения, один из охранников Осколда держался рядом с ним, ограждая его своим щитом от напора двух венесс, которые прыгали и снова отскакивали, ожидая удобного момента. Споткнувшись о чье-то тело, я упал вперед, едва не угодив в костер. Руки мои оказались на лучемете — вещи, которую я никак не предполагал найти здесь, но которая улеглась в моей ладони так же привычно, как рука в разношенной перчатке. Я даже не стал вставать, а лежа нажал кнопку на оружии, которое не имело права быть здесь.

Его луч пронесся опаляющим глаза огнем. Никакой щит не мог устоять против него, не только человек. Я хотел, чтобы Осколд почувствовал на себе мои руки, но я держал то, что послала мне судьба, и воспользовался инопланетным оружием. Раз...два! Осколд, наверное, уже упал, но там были и другие. Шипение — и луч умер, кончился заряд. Я швырнул лучемет в костер и бросился к Майлин.

Под ужасной раной ее глаза были теперь открыты. Она увидела меня и узнала — в этом я был уверен. Я поднял ее и отнес к скале, где была Мерли. Я слегка пошатывался и вынужден был прислониться к холодному камню. Мерли была все еще там, она не дотронулась до того бедного свертка, который я держал, а лишь положила руку мне на плечо. Поток силы хлынул из нее в меня.

Это была битва, здесь сражались и умирали люди и животные. Для меня она была таким кошмаром, что я даже не помню деталей. Наконец, все успокоилось, и мы снова сошлись у костра. Все выглядело нашей победой, но вполне могло оказаться, что это и поражение.

Я положил Майлин на платя Мерли, которые она расстелила. Майлин все еще смотрела на меня, на Мерли, на животных, на оставшегося пока кошкой Матэна, у которого была рана в боку. Но мысли Майлин не доходили до меня. Только глаза ее говорили мне, что она жива. Внезапно я почувствовал, что не могу ни на кого смотреть, встал и пошел куда глаза глядят, спотыкаясь о мертвецов. Кто-то пошел за мной и, подпрыгнув, схватил зубами мою болтающуюся руку. Я взглянул — это была Борба. Из разорванного уха капала кровь, но неустрашимые глаза пристально смотрели на меня.

— Иди...

Ничто теперь уже не имело значения, и я пошел за нею. Мы пробрались через кусты и подошли к линии казов. Кто-то двигался впереди. Борба зашипела и потянула меня за руку, поуждая идти туда. Фигура, нащупывала поводья, повернулась ко мне. В темноте я не мог разглядеть лицо, но понял, что это беглец из лагеря. Я бросился на него. Он упал под моим весом, но попытался сопротивляться. Я нанес ему такой удар, что моя тонкая рука Тэсса онемела. Но и тот подо мной больше не шевелился. Я схватил его за ворот и потащил к свету.

— Крип Ворланд! — донесся до меня призыв. Я бросил бесчувственного пленника и побежал к тем троиц, что ждали меня. Матэн лежал, положив голову на колени Мерли, а Майлин... Я не мог собраться с духом и взглянуть на нее. Но ведь она призвала меня! Я опустил на колени и взял ее руки в свои. Они не ответили мне пожатием, жили только глаза. Рядом с ней кто-то шевелился и скулил — Ворс или кто-то из той же породы.

Мерли пошевелилась, Матэн поднял голову. Было светло от костра, но над нами висела луна. Ее три кольца, бывшие такими яркими и отчетливыми в начале нашего безумного приключения, теперь затуманились. Видимо, они скоро исчезнут.

— Луна! — чуть шептала мысль. — Матэн, луна!

Ее руки были совсем холодными, и не было ничего, что могло бы согреть их. Глассия вдруг пронзительно вскрикнула. Голова Матэна поднялась выше. Из горла вырвался громкий звук, но не звериный рев, это было пение, которое входило мне в голову, в кровь, пронизывало насквозь. Мерли подхватила песню, она не могла быть запевалой, но вторить могла. А глаза Майлин были прикованы к моим, старались найти что-то, при-

коснуться к той части моего теперешнего мозга, о которой Крип Ворланд ничего не знал. И я, кажется, тоже запел, хотя не особенно в этом уверен. Мы сидели в легком тумане угасающих лунных колец и песней помогали Майлин выйти из смерти в новую жизнь.

Когда я снова обрел полное сознание окружающего, в руках у меня были руки той оболочки, покинутой духом. А на сгибе моего локтя лежала теплая, маленькая мохнатая головка...

Я выпустил руки смерти, чтобы прижать к себе тепло и жизнь.

Пленник, захваченный мной у линии казов, смотрел на меня, когда мы привели его в чувство, но, конечно, не узнал. Зато я узнал его: он мало изменился с того дня, когда внушил мне мысль встретиться с Майлин. Гек Слэфид! Он пытался торговаться с нами — это с Тэсса-то! Такой глупости я от него не ожидал — разве что мой способ пленения временно лишил его разума. Затем он стал угрожать, говоря, что случится со всеми Тэсса, если его немедленно не отпустят, намекал на тех, кто стоит за ним. Тут, видимо, им тоже правил страх. Но мы слышали достаточно для того, чтобы я смог угадать остальное.

Алсей попал в точку, когда предположил, как все это началось. К Ектору уже не первый год приглядывались те, кто нуждался в примитивной планете как базе и складе боеприпасов. Кобург так глубоко погряз в политической игре, что мог утонуть, если эти исследователи не помогут ему. Они считали, что Тэсса представляют угрозу, и планировали организовать против них великий крестовый поход. Предполагалось объединить лордов в армию под началом одного вождя, чтобы можно было отправить ее, куда потребуется. Однако старинная вражда и соперничество между лордами затрудняли работу, и было решено воспользоваться столкновением Майлин с Озоканом, чтобы подхлестнуть этот крестовый поход.

Кто знает, к чему это могло привести? Сейчас Слэфид выпал из игры, и я уверен, что это терзало его, и он все что-то бормотал, отказываясь признать крушение своих честолюбивых планов.

Мы взяли его с собой в ту странную долину на дне бывшего озера. И там мы все стояли перед Древними. На Слэфиды они почти не потратили времени, а отдали его мне, чтобы я отвез его в порт и поставил перед судом его собственного народа. Они знали, что мы — одной крови, и поэтому он должен находиться под моей ответственностью.

Затем они судили Майлин по своим законам. Говорить мне не позволили, дав понять, что только из любезности разрешают присутствовать на суде.

Когда я уезжал оттуда, со мной поехал один из стражей Тэсса. Я вез с собой мохнатое существо, но не Ворса, а другое.

Приговор их был таков: она останется в теле, добровольно отданном ей той, которая любила ее, и будет жить в нем до тех пор, пока луна и звезды не станут в благоприятное для нее положение, согласно каким-то неясным подсчетам Древних. И все это время она должна быть со мной, поскольку, как они сказали, я был ее жертвой — с чем я не был согласен.

Мы привезли Слэфида, все время теперь мрачно молчавшего, в Ирджар. Здесь ему пришлось заговорить — с офицерами Патруля, которые прилетели по письму, доставленному “Лидисом”. Так окончилась эта инопланетная авантюра, по крайней мере, в том, что касалось Ектора. Планета осталась заливать раны и наводить порядок в постигшем ее хаосе.

И вот я сидел с капитаном Фоссом и остальными членами экипажа с “Лидиса” и поглядывал в зеркало, висевшее на стене жилой комнаты консула. Там я видел Тэсса. Но в теле Тэсса был, может, изменившийся, но все-таки Крип Ворланд. Пути Тэсса — не мои пути, я не был настоящим Тэсса и не мог жить их жизнью. Они открыли бы для меня свои фургоны и палатки — Матэн, снова приняв человеческий облик, приглашал меня в свой клан, но среди них я был бы чем-то вроде однорукого, хромого и одноглазого калеки.

Все это я рассказал Фоссу, но, по нашему обычаю, решение принадлежало не только ему одному, а всей команде. Ведь пустая скорлупа от Крипа Ворланда, увезенная с Ектора, умерла и была выброшена в космос. И теперь я ждал, сочтут ли Крипа Ворланда действительно умершим или позволят ему вернуться к жизни.

— Вольный Купец, — задумчиво сказал Фосс, — я видел за свою жизнь много вещей и много обменов в разных мирах, но впервые вижу обмен телами. Ты сказал, что эти самые Тэсса смотрят на свою внешность, на мясо и кости, как мы на одежду, и могут сменить ее в случае необходимости. Это остается в силе и для тебя?

Я покачал головой.

— С моим собственным телом — да, но не с другим. Я Тэсса только по виду, но не по власти. Я останусь таким, каким вы меня видите.

— Вот и хорошо! — Лидж ударил ладонью по столу. — Раньше ты знал свое дело, делай его и в другом теле. Как, ребята, вы согласны?

Он взглянул на Фосса и на остальных. И я почти прочел их вердикт еще до того, как услышал его. По правде сказать, я внутренне сомневался, имею ли я право просить о возвращении

на “Лидис”: ведь во мне была какая-то часть Джорта и Маквэда. Возможно, я получил не только тело. Но если они меня считают Крипом Ворландом, я постараюсь стать им полностью. Я должен отбросить всякие сомнения. Джорт и Маквэд ничто по сравнению с тем, чего ждали от меня. Я Крип Ворланд, Торговец, вот и все. Так и должно быть!

Но я увез с Ектора не только другое тело. Мою кабину и мои мысли делит маленькая мохнатая особа. Я часто вижу ее не такой, какая она сейчас, а какой она была. Она пришла по своей воле и по воле Тэсса.

Время между звездами растягивается, и судьба поворачивается то хорошей, то дурной стороной. Есть сокровища и сокровища. Может, одно из них попадет в наши руки и лапки. И у нас будет свой корабль, и мы с компанией маленького народа пойдем по звездным трассам. Как знать?

Я — Крип Ворланд с “Лидиса”, и все уже забыли, что я раньше выглядел по-другому. Но я не забыл, кто живет в шкурке глассии и в один прекрасный день снова пойдет на двух ногах. Мы снова увидим Ектор, и если он будет тогда под Луной Трех Колец — кто знает, что может случиться?

СОДЕРЖАНИЕ

Операция “Поиск во времени”	5
Вторжение к далеким предкам	157
Луна Трех Колец	305

Эндрю Нортон
Операция “Поиск во времени”
Вторжение к далеким предкам
Луна Трех Колец

Художественный редактор *Визгин В.О.*
Технический редактор *Курочкина М.Н.*
Корректор *Дудин С.М.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.10.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Тираж 100 000 экз. Заказ № 8753. С04.

Издательство «Ретекс LTD».
117331, Москва, ул. М. Ульяновой, 16, стр. 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати России.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

8

ЭНДРЮ НОРТОН